ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Т Р У Д Ы

IV (XX)
В С Е Р О С С И Й С К О Г О
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К О Г О
С Ъ Е З Д А

в К а з а н и

Том II

Ответственные редакторы:
А.Г. Ситдиков, директор ИА АН РТ, зав. кафедрой археологии и этнологии К(П)ФУ, д.и.н.;
Н.А. Макаров, директор Института археологии РАН, академик РАН;
А.П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии СО РАН, академик РАН.

Казань, 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
Т78

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Академии наук Республики Татарстан

Проведение IV (XX) Всероссийского съезда в Казани и подготовка к печати материалов съезда осуществлены при финансовой поддержке Кабинета Министров Республики Татарстан и проекта РГНФ №14-11-16502 г(р) /2014

Редакционная коллегия

Х.М.Абдуллин (редактор-составитель), С.И.Валиулина, П.Г.Гайдуков, А.Н.Гей, А.П.Деревянко (ответственный редактор), Е.Г.Дэвлет, А.Р.Канторович, И.Р.Каримов, Д.С.Коробов, Г.Г.Король, Н.Н.Крадин, Е.В.Кузьминых, Н.А.Макаров (ответственный редактор), А.В.Мастыкова, М.Б.Медникова, А.А.Сайфуллин, А.Г.Ситдиков (ответственный редактор), Н.М.Чаиркина, М.В.Шуньков, А.В. Энговатова

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани.
Том I Казань: ……., 2014. 462 с.: илл., вклейка.
ISBN ……

В II том собрания трудов IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, который проходил в октябре 2014 г., включены доклады, прозвучавшие на заседаниях секций 5-8, отражающих историю территории России от периода античности на южных рубежах до раннего железного века в Азиатской части России

Для археологов, историков, специалистов по смежным дисциплинам.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN ……..

© Обособленное структурное подразделение ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» Институт археологии АН РТ, 2014
©Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2014
© Авторы докладов, 2014

Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда
(Казань, 20-25 октября 2014 г.)

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АН РТ
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета -
академик А.П. Деревянко, академик РАН Н.А. Макаров, д.и.н. А.Г. Ситдиков.

Секретариат Оргкомитета - к.и.н. Х.М. Абдуллин, В.А. Харитонович

Члены Оргкомитета - академик В.И.Молодин, чл.-корр. РАН Х.А.Амирханов, чл.-корр. РАН П.Г.Гайдуков, чл.-корр. РАН Г.А.Кошеленко, чл.-корр. РАН Н.Н.Крадин, чл.-корр. РАН Р.М.Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н.Носов, чл.-корр. РАН М.Б.Пиотровский, чл.-корр. РАН В.В.Седов, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш.Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. М.С.Гаджиев, д.и.н. Н.И.Дроздов, д.и.н. Е.Г.Дэвлет, д.и.н. М.А.Дэвлет, д.и.н. Ю.Ф.Кирюшин, д.и.н. С.И.Кочкуркина, д.и.н. Д.Г.Савинов, д.и.н. А.А.Тишкин, д.и.н. М.В.Шуньков, к.и.н. О.И.Богуславский, к.и.н. С.И.Валиулина, к.и.н. А.Р.Канторович, к.и.н. Н.В.Лопатин, к.и.н. И.К.Решетова, к.и.н. Н.М.Чаиркина, к.и.н. А.В.Энговатова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДОВ IV(XX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии
2. Культурные процессы в раннем голоцене - мезолит, неолит, энеолит
3. Энеолит – эпоха средней бронзы
4. Финал эпохи средней бронзы, поздний бронзовый век и переход к раннему железному веку

Том II

Секционные доклады

5. Археология античного мира
6. Культурные общности скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях
8. Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке
7. Этнокультурные процессы в Евразии в I тыс. н.э.

Том III

Секционные доклады

10. Средневековая археология Восточной Европы
11. Археологическое изучение средневекового города
12. Археологическое изучение Золотой Орды
21. Особенности урбанизационных процессов в степных империях Евразии
9. Средневековая археология Сибири и Дальнего Востока
18. Археология Северо-Восточной Евразии в исторический период XVI-XVIII вв.

Том IV

Секционные доклады

13. Первобытное искусство: проблемы и перспективы исследований
14. Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств
20. Антропологические данные как исторический источник по реконструкции жизнедеятельности
17. Компьютерные технологии и современные методы полевых исследований в археологии
19. Естественнонаучные исследования и палеогеографические реконструкции в археологии
16. История археологических исследований: люди, памятники, идеи
15. Археологическое наследие: сохранение, менеджмент, музеефикация, реставрация и проблемы общественного признания

СЕКЦИЯ 5

АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО МИРА

ИЕРАРХИЯ АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В VI – НАЧАЛЕ V В. ДО Н.Э.

© 2014 г. А.В. Батасова

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург
(batasova.angela@gmail.com)

Ключевые слова: античность, Северное Причерноморье, Таманский п-ов, сельские поселения, классификация поселений, археологическая разведка, анализ подъемного материала.

Резюме. В работе предложена классификация античных сельских поселений Таманского п-ова VI – начала V в. до н.э. Классификация основана на материалах разведок, проведенных Я.М. Паромовым в 1980-х гг. Автором проанализированы сочетания характеристик памятников: площади поселений и общего количества подъемного материала, а также абсолютного и относительного количества подъемного материала архаического времени. Результаты сопоставления памятников по различным параметрам позволили сделать вывод о неоднородности выборки, разной динамике жизни на памятниках и их месте в системе расселения в архаический период.

При рассмотрении любой системы расселения необходим анализ ее элементов и связей между ними. Поселения являются одним из главных элементов обозначенной системы. В процессе взаимодействия поселений между собой складывается структура расселения, как правило, характеризуемая наличием различных уровней иерархии или специализации отдельных пунктов. В некоторых случаях специфика археологического материала такова, что выделение иерархических уровней в совокупности памятников не является сложной задачей. В качестве примеров подобных исследований можно привести анализ Г. Джонсоном системы расселения на равнине Диялы (Ирак) раннединастического I периода (Johnson, 1972), работу Я. Ходдера по анализу локализации римских поселений на территории Британии (Hodder, 1972).

В тех же случаях, когда дифференциация совокупности археологических памятников затруднена (вследствие невозможности определения статуса (уровня) памятника по внешним признакам или малой изученности региона в ходе археологических раскопок), решению этого вопроса может способствовать анализ материалов, полученных в ходе археологических разведок. Раскроем этот тезис на примере античных поселений Таманского п-ова, выявив иерархию поселений, сложившуюся в VI – начале V в. до н.э. в ходе греческой колонизации региона.

Среди поселений Таманского п-ова выделяется четыре памятника, уверенно соотносимые с известными из письменной традиции античными городами: два городища по обе стороны нынешнего пос. Сенной (Фанагория, Кепы), городище на месте современной

Корреляция групп поселений с архаическим подъемным материалом, выделенных по сочетаниям признаков

Группы	1а	**1б**	2а	**2б**	**3**	**4**
A	2, 6, 10, 12, 14, 16, 22, 23, 36, 40, 44, 49, 54, 57, 58, 61, 63, 64, 79, 80, 95, 99, 114, 118, 123, 129, 131, 133, 136, 138, 140, 147, 154, 157, 163, 174, 178, 185, 186, 189, 190, 195, 203, 205, 207, 215, 221, 223, 229	38, 160, 210	46, 128, 135, 153, 167, 202, 206	47, 93, 168	–	–
B	33, 52, 143, 166, 182, 209	173	–	56, 193	–	–
C	7, 20, 117, 146, 151	9, 86, 204	–	–	**34, 53, 126**	–
D	18, 60, 145	**31, 51, 92, 124, 127**	–	–	**90, 137**	**144, 161**
?	50, 183	–	–	–	–	–

Примечание: жирным шрифтом выделены приоритетные группы признаков и значимые группировки поселений.

Тамани (Гермонасса) и городище возле пос. Гаркуша (Патрей). Более 200 поселений, выявленных в ходе археологических разведок 1980-х гг. Я.М. Паромова, определяются как сельские поселения, существовавшие в различные периоды (от VI в. до н.э. до средневековья).

Из списка поселений, отраженных в работе Я.М. Паромова (1992), были отобраны те поселения, на которых в подъемном материале зафиксирован хотя бы один керамический фрагмент архаического времени[1]. Этот подъемный материал был разделен на группы:

1) фрагменты, датируемые VI в. до н. э.;

2) фрагменты, датируемые VI–V вв. до н.э.;

3) фрагменты с широкой датировкой (VI–IV вв. до н.э.).

Таким образом, полный перечень поселений, основание которых возможно относится к архаическому периоду, составляет 103 памятника. Из них в выборку для анализа было включено 96 (за исключением городов и нескольких поселений, анализ которых невозможен на данном этапе работы).

Для каждого поселения выборки имеются данные о площади памятника и о составе его подъемного материала (Паромов, 1992). Площадь распространения материала – основной внешний признак, который в ряде исследований (Renfrew, 1972; Wagstaff, 1975; Афанасьев, 1989) связывается напрямую со статусом памятника. Однако, поскольку площадь многослойного поселения является палимпсестом (суммой площадей памятника во все периоды его существования), атрибутировать поселение по одному этому признаку методически неверно. Хронологические параметры может предоставить подъемный материал, внутри которого выделено три составляющих признака для каждого поселения: общее количество подъемного (амфорного) материала античного времени; абсолютное количество архаических фрагментов; процентное содержание архаических фрагментов в собранном материале.

В идеальной модели, где рост многослойного поселения и накопление материала происходили равномерно и постепенно, должны наблюдаться следующие зависимости этих характеристик: 1) площадь поселения прямо пропорциональна общему количеству подъемного материала; 2) абсолютное количество

1 Список датирующих фрагментов представлен в указанной работе Я.М Паромова и в статье (Абрамов, Паромов, 1993).

архаических фрагментов прямо пропорционально их процентному содержанию.

Исходя из предложенной модели, было проанализировано сочетание этих пар признаков на конкретных поселениях. В ячейки *таблицы* вписаны номера поселений, соответствующие сочетанию групп, выделенных предварительно на основании анализа сочетаемости пар признаков. Нумерация поселений в таблице соответствует нумерации Я.М. Паромова (1992). В итоге были получены три группы памятников.

Итоговая группа 1 (в ячейках 3/C, 3/D, 4/D) – семь поселений, ярко выделяющихся на фоне остальной выборки. Вероятно они занимали центральное место в системе расселения в архаическое время. Их можно считать центрами сельскохозяйственной округи.

Итоговая группа 2 (в ячейке 1б/D) – пять поселений, среди которых при дальнейшем анализе также могут быть выделены центральные пункты.

Итоговая группа 3 (в ячейках 1а/A, 1а/B, 1а/C, 1а/D, 1б/A, 1б/B, 1б/C, 2а/A, 2б/A, 2б/B) – остальные 84 поселения, которые, видимо, были рядовыми сельскими поселениями. Среди них могут находиться центры на уровне отдельных зон освоения, но эта дифференциация может быть проведена лишь при последующем анализе.

Таким образом, в ходе проведенного анализа данных разведок было выявлено, что совокупность сельских поселений Таманского п-ова, существование которых можно отнести к VI – началу V в. до н.э., не однородна. По всей видимости, она была иерархически упорядочена. Предложенная классификация – один из начальных этапов анализа системы расселения в целом и требует верификации данных результатами раскопок, анализом контекста поселений и связей внутри системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 2. М.: Научно-исследовательский археологический центр «Архэ», 1993. С. 25–98.

Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 3–12.

Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М.: ИА РАН // ИНИОН РАН. 1992. Депон. № 47103 от 01.10.1992.

Hodder I.R. Locational models and the study of Romano-British settlement // Models in archaeology. L.: Methuen and CO LTD, 1972. P. 887–909.

Johnson G.A. A test of the utility of Central Place Theory in archaeology // Man, settlement and urbanism / Eds P. Ucko, R. Tringham, G. Dimbleby. L.: Duckworth, 1972. P. 769–785.

Renfrew C. The emergence of civilization. L.: Methuen, 1972. 634 p.

Wagstaff J.M. A note on settlement numbers in Ancient Greece // J. of Hellenic Studies. 1975. V. 95. P. 163–168.

НОВЫЙ РИТУАЛЬНО-ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС АРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

© 2014 г. Д.В. Бондаренко[1], А.И. Смирнов[2]

[1] Научно-исследовательский центр «Лукоморье» Института археологии НАН Украины, Николаев, Украина (chernuhakatja@mail.ru)
[2] Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского, Украина (smyrnovl@rambler.ru)

Ключевые слова: Нижнее Побужье, Викторовка I, поселение, архаическое время, ритуально-погребальный комплекс, котлован, трупоположение.

Резюме. В публикации рассматриваются предварительные итоги исследований нового ритуально-погребально комплекса неизвестного ранее типа из раскопок поселения архаического времени Викторовка I в 2013 г. (Украина, Николаевская обл.).

Традиционно начало греческой колонизации Северного Причерноморья относится ко второй половине VII в. до н.э. и связывается с основанием поселения на о. Березань. В скором времени начинается освоение близлежащих территорий – побережья Черного моря, устьев Березанского и Днепро-Бугского лиманов. На самом раннем этапе эллинского освоения обозначенного региона возникает и поселение Викторовка I.

Поселение было основано в первой половине VI в. до н.э. (Буйских С.Б., Буйских А.В., 2010. С. 29) на правом высоком обрывистом коренном берегу Березанского лимана в 1,5 км к северу от его устья и в 300 м к югу от современного с. Викторовка Лиманского сельсовета Березанского р-на Николаевской обл. На сегодняшний день памятник почти полностью разрушен обвалами и оползнями лёсса. Сохранившаяся западная часть поселения имеет протяженность вдоль береговой линии по оси С–Ю до 400 м и заглублена на запад от берега на 10–20 м (Крыжицкий, 1990. С. 12–13).

Первые археологические раскопки Викторовки I были проведены в 1949 г. сотрудником Одесского государственного Археологического музея М.Ф. Болтенко совместно с сотрудником Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР С.И. Капошиной. Тогда в ходе работ были раскрыты ряд полуземлянок и хозяйственные ямы архаического времени. К более позднему времени относились остатки наземного каменно-сырцового дома, датированного исследователями концом IV – началом III в. до н.э. (Славін, 1955; Капошина, 1956. С. 240–244; Рудык, 1957).

После длительного перерыва роботы на поселении были возобновлены Викторовским отрядом Николаевской археологической экспедиции в 2012 г. В ходе исследований раскрыта полуземлянка конца VI – первой четверти V в. до н.э. (Бондаренко, Смирнов, 2012).

В 2013 г. на северной окраине поселения у берегового обрыва был заложен раскоп Г площадью 50 м^2. В ходе работ вскрыта южная часть неизвестного ранее типа погребально-ритуального сооружения (рис. 1).

Сооружение представляет собой заглубленный в материк котлован с примыкающими к нему одним большим и рядом меньших приступков. Раскрытая часть комплекса (около половины) имеет размеры 4,4 (С–Ю) х 10 (З–В) м и глубину 2,42 м.

Большой приступок примыкает к западной части котлована. Ширина приступка (по линии З–В) – до 3,71 м, глубина от уровня материка – 0,87 м. В юго-восточной части от уровня материка к приступку ведут три ступеньки. В южной части приступка у впуска в основ-

ной котлован зафиксирована округлая в плане ямка диаметром 0,23 м и глубиной 0,07 м.

Основной котлован, вероятно, имел округлую в плане форму и ровные стенки, сужавшиеся ко дну. Зафиксированы западная и южная границы котлована. Восточная граница уничтожена береговой абразией, северная – скрыта бортом раскопа. Раскрытая часть котлована имеет размеры 4,34 (С–Ю) х 8,17 (З–В) м и глубину – до 2,42 м.

С западного и южного бортов в основной котлован ведут по три ступеньки. По южному борту котлована зафиксированы приступки аморфной в плане формы.

На площади раскрытой части котлована зафиксированы пять погребений, два из которых парные.

Погребение 1 выявлено у западного борта котлована на нижней ступеньке западного спуска на глубине 1,67 м от уровня впуска в котлован. Скелет расположен в вытянутом на спине положении головой на северо-запад. Левая нога, обе ступни, левая рука ниже локтя и правая рука отсутствуют. Череп смещен от скелета в северо-западном направлении. Лицевая часть черепа и нижняя челюсть разбиты и хаотично разбросаны.

Погребение 2 (парное) располагалось в юго-восточной части котлована на приступке у южного борта на глубине 0,8 м от впуска в котлован. Покойные уложены головами на запад, лицами повернуты друг к другу. Северный скелет расположен в скорченном на правом боку положении, ноги подогнуты, руки вытянуты вдоль живота, правая рука прямая, левая – согнута в локте. Южный скелет расположен на спине, ноги согнуты в коленях и завалены в северном направлении. Кости рук отсутствуют.

Погребение 3 расположено в юго-восточной части котлована на приступке восточнее погребения 2. Представляет собой неглубокую подовальную в плане яму, частично заглубленную в южный борт котлована. Размеры ямы – 1,16 (С–Ю) х 1,07 (З–В) м, глубина – 0,15 м. Подбой заглублен в борт котлована в юго-восточном направлении на 0,24 м. В северо-западной части углубления зафиксирована округлая в плане ямка диаметром 0,15 м и глубиной 0,05 м. В заполнении углубления и подбоя зафиксированы отдельные человеческие кости в неанатомическом порядке.

Погребение 4 выявлено в юго-восточной части котлована на приступке восточнее погребения 3 на глубине 1,07 м от уровня впуска в котлован. Погребенный расположен в вытянутом на спине полулежащем положении головой на юг с небольшим отклонением к юго-востоку. Верхняя часть скелета приподнята и оперта о борт котлована, слегка развернута на правый бок. Ноги подогнуты коленями на восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Кости ног ниже колен и левая рука ниже локтя отсутствуют.

Погребение 5 (парное) расчищено на приступке в восточной части основного котлована на глубине 0,67 м от уровня впуска в котлован. Представляет собой осторожно уложенные две кучи костей двух погребенных. Длинными гранями кости, как правило, уложены по оси восток-запад. Черепа расположены с восточной стороны от остальных костей. Череп южного скелета уложен на основание лицом на восток, череп северного скелета – на правый бок лицом на восток.

Все погребения безынвентарные. На костях всех погребенных прослеживаются явные признаки насильственной смерти – переломы, рубленые раны, отверстия от трехгранных наконечников стрел, следы от сильных ударов тупыми предметами. Два скелета были подвержены полному расчленению, еще у трех частично отсутствуют конечности.

Нижняя часть основного котлована залита почти стерильной материковой глиной мощностью до 0,42 м. В этой заливке встречается большое количество хаотически разбросанных отдельных костей человеческих скелетов. Выше котлован заполнен плотным слоем золы с примесью раковин моллюсков мощностью до 1,28 м (рис. 2).

По довольно многочисленному сопутствующему материалу из засыпки котлована сооружение датируется концом VI – первой четвертью V в. до н.э.

Аналогий раскрытому комплексу среди материалов синхронных по времени памятников региона найти не удалось.

Изученное сооружение представляет собой погребальный комплекс с коллективным захоронением людей разного возраста со сле-

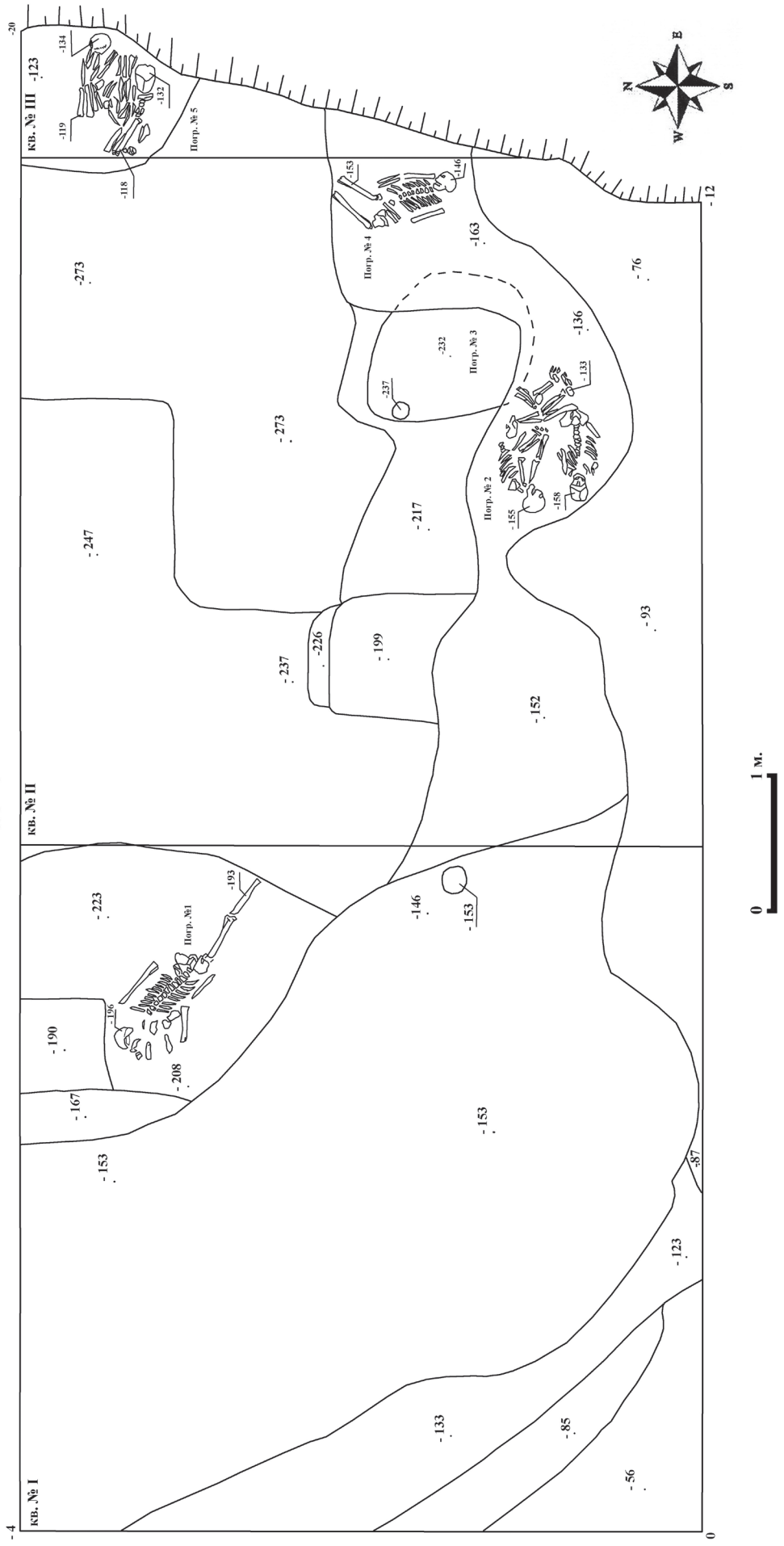

Рис. 1. Викторовка I. План исследованного участка ритуально-погребального комплекса.

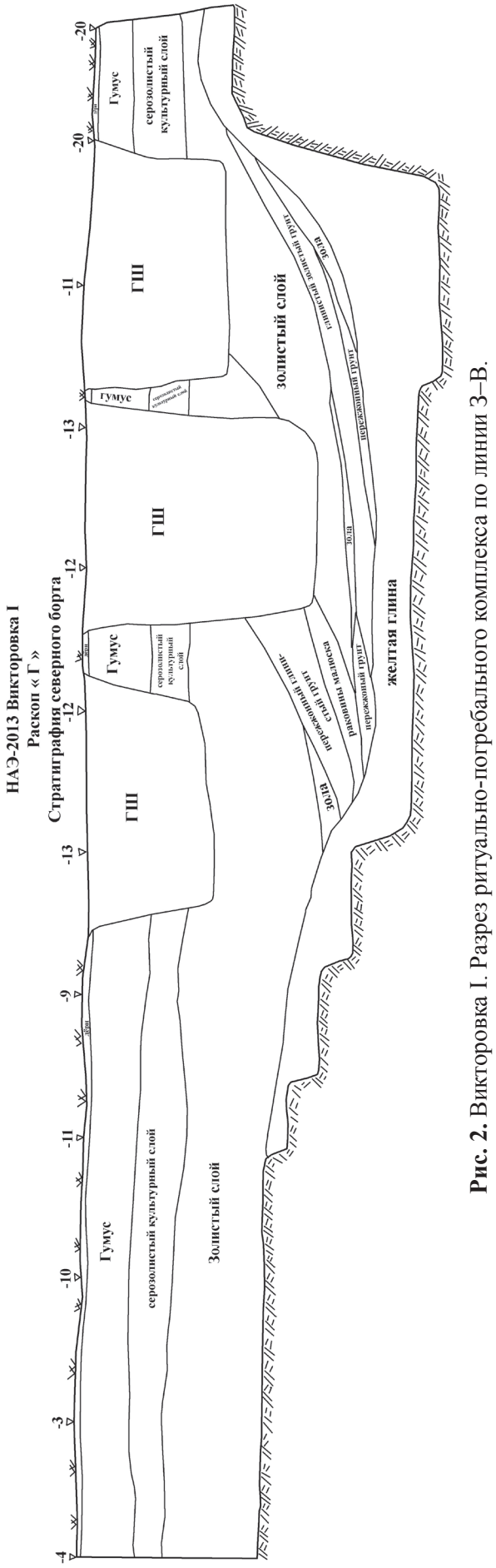

Рис. 2. Викторовка I. Разрез ритуально-погребального комплекса по линии З–В.

дами насильственной смерти умерших, вероятно, на протяжении короткого промежутка времени. Стратиграфия указывает на единовременный акт захоронения всех покойников. Масштабность сооружения, факт его расположения в пределах или в непосредственной близости от границ поселения, а также специфика самих погребений позволяют выдвинуть предположение о ритуальном назначении комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко Д.В., Смирнов А.И. Новая полуземлянка архаического времени на поселении Викторовка I // Греческая архаика Северного Причерноморья. К 50-летию исследований на о. Березань экспедицией Государственного Эрмитажа. СПб., 2012. С. 12–14.

Буйских С.Б., Буйских А.В. К хронологии архаических поселений хоры Ольвии Понтийской // Боспорские исследования. Вып. 24. Симферополь; Керчь, 2010. С. 3–64.

Капошина С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 211–254. (МИА; № 50).

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1990. С. 12–13.

Рудык Ф. Древнее поселение Викторовка I (VI–III вв. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 1. Одесса, 1957. С. 63–66.

Славін Л.М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників Ольвійського оточення у 1949–1950 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 5. Київ: Видавництво АН Української РСР, 1955. С. 127–148.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КВАРТАЛ ГОРОДИЩА МИРМЕКИЙ В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЕ – КЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

© 2014 г. А.М. Бутягин

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(butyagin@yandex.ru)

Ключевые слова: античная археология, Боспор, Мирмекий, «святилище Деметры».

Резюме. В ходе новых исследований удалось установить дополнительные детали развития центрального квартала городища Мирмекий в позднеархаическое – классическое время. Выяснено, что дом первой половины V в. до н.э. был частью регулярной городской застройки, кварталом, размеры которого составили около 36 х 20 м. С запада его ограничивала частично замощенная улица шириной 2 м. Также выяснено, что построенное на этом месте в первой половине IV в. до н.э. «святилище Деметры» было намного больше, чем предполагалось раньше. Новые детали будут выяснены при раскопках сезона 2014 г.

В 2008–2011 гг. Мирмекийская экспедиция Государственного Эрмитажа занималась изучением остатков Зольника II, расположенного в центральной части античного городища Мирмекий (г. Керчь). Одной из причин, из-за которой началось исследование этого объекта, была настоятельная необходимость завершить раскопки построек позднеархаического и классического времени, расположенных в этом районе. Их исследованиями Мирмекийская экспедиция занималась в 2001–2007 гг. До этого в 1930–1960-х гг. на участке проводились раскопки Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции В.Ф. Гайдукевича.

В настоящее время открыты верхние части кладок построек позднеархаического периода, что позволяет уверенно восстановить планы построек, а также сделать определенные выводы об этапах развития этой зоны, чрезвычайно важной для такого небольшого поселения. Можно надеяться, что в сезоне 2014 г. будет возможно закончить раскопки позднеархаических построек, что добавит ряд деталей к рассматриваемой картине, но уже имеющийся материал заставляет немного по-новому взглянуть на результаты предыдущих исследований.

Напомню, что в результате работ В.Ф. Гайдукевича на интересующей нас площади (согласно принятой номенклатуре, это северная часть участка «И») были выделены следующие строительные горизонты:

1. Позднеархаический горизонт. В начале V в. до н.э. здесь возникла большая постройка, впоследствии погибшая в пожаре. Отмечены следы перестроек в некоторых помещениях. В одном из помещений найдено каменное корыто, заполненное глиной, которое осторожно интерпретировалось как алтарь.

2. Раннеклассический горизонт. После разрушения позднеархаической постройки на части ее площади во второй половине V в. до н.э. сооружено несколько помещений – часть постройки, вид которой не совсем ясен.

3. Позднеклассический горизонт. В начале IV в. до н.э. почти на всей площади открытой постройки было возведено большое строение, которому дано условное название «святилище Деметры». В одном из его помещений сохранился алтарь с профилированным краем. Многие стены постройки были выбраны, но их трассы легко определялись по пустому пространству между известковых полов.

В результате работ Мирмекийской экспедиции Эрмитажа эти данные удалось существенно уточнить. Результаты работ были обобщены в целом ряде статей и докладов, а также в диссертации Д.Е. Чистова (2009).

Выяснилось, что возведению наземных домов предшествовало строительство землянок,

одна из которых была обнаружена прямо под вымостками двора позднеархаического дома. Таким образом, было установлено наличие архаического горизонта, относящегося ко второй половине VI в. до н.э. В ходе раскопок удалось соединить разрозненные участки, на которых зафиксированы стены позднеархаических построек, и выяснить, что общая площадь строения составляла не менее 600 м^2. Предположительно оно представляет собой квартал из нескольких домов. Перестройки в позднеархаическом горизонте оказались весьма значительными. Несмотря на то что общие очертания постройки остались в целом неизменными, в ее центральной части были сделаны значительные подсыпки грунта, местами более чем на 1 м. Новых следов раннеклассического горизонта обнаружить не удалось, за исключением нескольких небольших ям.

Интерес представляют новые исследования в «святилище Деметры». Удалось существенно уточнить хронологию комплекса. Выяснилось, что он был разрушен не позднее середины IV в. до н.э. в пожаре. Находка скелета погибшего молодого мужчины в одной из ям во дворе постройки служит свидетельством того, что разрушение не могло быть связано с бытовым пожаром. Об этом говорит и обнаружение клада из 99 электровых монет Кизика в бронзовом кувшинчике. «Святилище» также имело два строительных периода, причем клад был заложен еще во время первого и после перестройки яму, в которую он был закопан, дополнительно перекрыл блок, возможно, служивший основанием лестницы. Д.Е. Чистов подверг сомнению интерпретацию «алтаря» и предположил, что, как и в случае с каменной плитой из позднеархаического горизонта, мы имеем дело с центральным очагом дома – «ойкосом» (Чистов, 2009).

В настоящее время к этой картине можно добавить несколько существенных деталей. К позднеклассическому горизонту относится небольшое помещение площадью около 4 м^2, вероятно, бывшее частью какой-то более обширной постройки. Сохранились остатки цоколей каменных стен с восточной, северной и западной сторон, а с востока за стеной – фрагмент небольшой каменной вымостки. Любопытно, что помещение было перекрыто полом из известкового раствора. Под полом в границах помещения обнаружен слой разрушения со следами горения и разбитой черепицей, лежавшей на каменной вымостке. Кроме того, здесь найдены фрагменты камки, по всей видимости, также рухнувшей с кровли. Вероятно, здесь зафиксированы те же два строительных периода, которые были выделены западнее при изучении основной части «святилища Деметры». Теперь ясно, что перестройка здания была связана с катастрофическим разрушением, после которого некоторые помещения даже не были очищены от мусора, а просто перекрыты полом толщиной до 10 см. Кроме того, можно уверенно говорить, что «святилище» было намного крупней, чем предполагалось, продолжаясь в западном направлении.

Как и при более ранних исследованиях, наименьшую информацию удалось получить о раннеклассическом горизонте, который до сих пор остается, пожалуй, самым загадочным периодом истории памятника. Тем не менее была обнаружена кладка, продолжающая в западном направлении помещение, обнаруженное при раскопках В.Ф. Гайдукевича. Судя по всему, длина этих помещений соответствовала длине дома позднеархаического горизонта, которую теперь можно определить весьма уверенно.

В северной части раскопа открыто помещение (11 м^2) в северо-западном углу большого позднеархаического дома, о котором говорилось выше. Помещение окружено кладками толщиной 0,4–0,6 м, зафиксированы следы как минимум одной перестройки. В верхних слоях заполнения помещения обнаружены такие же известковые полы, как и в «святилище Деметры». Судя по всему, помещение, погибшее в пожаре во второй четверти V в. до н.э., было впоследствии расчищено и использовано во время строительства «святилища Деметры», при этом на основе предыдущих каменных цоколей были сложены новые. В нижележащих слоях у восточной стены обнаружен глинобитный очаг. Не исключено, что еще ниже могут быть более ранние строительные периоды помещения, так как верхние части его кладок, в целом, лежат на более высоком уровне, чем кладки других помещений. Судя по всему, к югу от помещения располагался двор, частично покрытый каменной вы-

мосткой, а далее еще одно помещение, кладки которого стыкуются с открытыми в предыдущие годы. Размеры этого помещения составили примерно 6,6 х 3,3 м. Кладки помещений следуют в направлении В–З. Замыкающая западная кладка отсутствует, скорее всего, она была выбрана, так как местами зафиксированы остатки траншеи выборки. К югу от этого помещения располагался двор, вымощенный мелким камнем.

Таким образом, открыта вся западная часть исследуемого позднеархаического дома, а под кладками эллинистического города остался только его юго-восточный угол. Теперь совершенно ясно, что мы имеем дело с городским кварталом прямоугольной формы, вытянутым в широтном направлении, размерами примерно 36 х 20 м. Удалось выяснить, что квартал состоял из трех домохозяйств, одно из которых занимало всю восточную часть квартала, а два других – западную. Часть кладок была выбрана, но их направление читается очень хорошо.

К западу от этой постройки были расчищены остатки вымостки из плоских камней среднего размера от улицы, идущей в направлении С–Ю, часть которой была открыта в прошлом сезоне. Ширина улицы составляла около 2 м, а сохранившаяся длина вымостки – 12. Далее к северу улица продолжалась без мощения. Следы этой улицы читаются и на участке, раскопанном В.Ф. Гайдукевичем.

С западной стороны улица ограничена кладками стен от домов, основная площадь которых располагалась вне исследованного участка. Наиболее интересна орфостатная кладка длиной около 2 м из небольших плит в северной части раскопа, за которой к западу располагалась небольшая вымостка. Видимо здесь располагался еще один квартал, о форме которого пока невозможно судить.

На данный момент, можно уверенно говорить, что мы имеем дело с регулярной застройкой центральной части позднеархаического Мирмекия. Теперь ясны размеры квартала и поперечной улицы, которые можно использовать для изучения тех участков архаического города, на которых застройка этого времени сохранилась частично. В IV в. до н.э. кварталы города приняли другие очертания, улицы также изменили свое местонахождение, но при этом общее направление кладок стен и улиц сохранилось неизменным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Чистов Д.Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени: середина V в. до н.э. – начало III в. до н.э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 26 с.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОРФМИЙСКОМ НЕКРОПОЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2004–2012 ГОДОВ)

© 2014 г. М.Ю. Вахтина[1], П.Г.Столяренко[2]

[1] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (vakhtina@rambler.ru),
[2] Керченский историко-культурный заповедник, Керчь (paul10079@gmail.com)

Ключевые слова: Боспор, некрополь Порфмия, погребение, грунтовая могила, склеп, погребальный инвентарь.

Резюме. Раскопки Порфмийского некрополя, начавшиеся в 2004 г., показали, что в эллинистическую эпоху здесь сосуществовали три типа погребальных сооружений. По-видимому, самым ранними были погребения в простых грунтовых ямах. Другой тип – склепы, самые ранние из которых относятся к IV в. до н.э. Склепы сосуществовали с могилами в простых грунтовых ямах на протяжении III – первой половины I в. до н.э. Погребальный обряд древних порфмийцев можно охарактеризовать как греческий. Сопутствующий инвентарь разнообразен, часты находки бронзовых боспорских монет, вероятно, использовавшихся как «обол Харона».

Некрополь античного города Порфмия, одного из так называемых малых городов Европейского Боспора, долгое время считался неизвестным (Шургая, 1984. С. 70). Однако первые захоронения к западу от городища, нарушенные в ходе строительных работ, были зафиксированы В.В. Веселовым в 1952 г. К сожалению, эта информация, долгое время остававшаяся неизвестной исследователям, была введена в научный оборот сравнительно недавно, когда была издана часть рукописного наследия В.В. Веселова (2005. С. 14). В 2003 г. остатки древних погребений были обнаружены Порфмийским отрядом Боспорской археологической экспедицией ИИМК РАН, а с 2004 г. начались систематические раскопки некрополя (Вахтина, Стоянов, 2006; Вахтина, Столяренко, 2010, 2013).

Исследуемый участок некрополя расположен примерно в 300 м к западу от скального плато, на котором был основан древний город. Некрополь Порфмия отделяет от поселения небольшая балка, идущая в направлении С–Ю и в сезон дождей заполняющаяся водой. Возможно в древности она служила руслом небольшой реки; к северу от нее фиксируются следы природных родников. Некрополь занимал территорию по обе стороны от современной сельской дороги между поселками Жуковка и Опасное. В процессе раскопок здесь были выявлены погребения нескольких типов, основная масса которых принадлежала эллинистическому времени.

Погребения в простых грунтовых ямах. Захоронения этого типа были широко распространены в греческих центрах Северного Причерноморья. К этому типу принадлежало большинство открытых здесь погребений (Арсеньева, 1984. С. 222). Порфмийские грунтовые могилы содержали одиночные захоронения. В нескольких случаях (погребения 1 и 5) удалось зафиксировать следы перекрытия ям каменными плитами. Для большинства погребений характерно вытянутое положение на спине и восточная ориентировка. Отклонения были выявлены в двух случаях: для погребения 2, захоронения женщины в возрасте около 30 лет, лежавшей головой на запад-северо-запад, и для погребения (№ 6) женщины 35–40 лет в «скорченной» позе, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Для грунтовых могил характерен относительно «скромный» набор погребального инвентаря. Правда, об этом судить достаточно сложно,

так как часть захоронений была ограблена. В грабительском «выбросе» из грунтовой могилы 2 найдена фрагментированная чаша с рельефным орнаментом. На ней изображены Эроты, мчащиеся на колесницах (рис. 1). Ближайшую аналогию этой композиции можно видеть на чаше из Пантикапея (Гжегжулка, 2010. С. 55–56. Кат. 26). Подобные сюжеты с «идиллическими» сценами характерны для декора «мегарских» чаш 220–150 гг. до н.э. (Rotroff, 1982. P. 19. Pl. 16–57).

Захоронения в плитовых могилах. Этот более сложный тип представлен пока лишь одним погребением. Плитовая могила 1 имела прямоугольную в плане форму, ее внешние размеры – 2,06 х 0,88 м, внутренние – 1,81 х 0,4–0,68. Стены были выложены известняковыми плитами, пол оставлен земляным. Размеры плит различались, самая крупная (в конструкции северной стены) имела размеры 1.27 х 0.25 х 0.41 м. Создается впечатление, что камни для могилы не изготавливались и не подбирались специально, а использован тот материал, который был доступен в момент подготовки могилы. Сверху могила перекрыта плитой мягкого известняка. Плитовая могила 1 была ограблена; удалось зафиксировать костные остатки, принадлежавшие женщине и двум детям.

Захоронения в плитовых склепах. Остатки склепов принадлежат к наиболее сложным и интересным сооружениям, открытым на Порфмийском некрополе. Все обнаруженные склепы ограблены; некоторые дважды – в древности и в наши дни. Склепы были ориентированы по оси В–З. Они состояли из дромоса, который вел в камеру с запада. Полы дромосов были земляными, стены у входа в камеру обычно были фланкированы каменными плитами. В двух случаях (склепы 1 и 7) вход из дромоса в камеру оформлен в виде ступеньки. Стены погребальных камер сло-

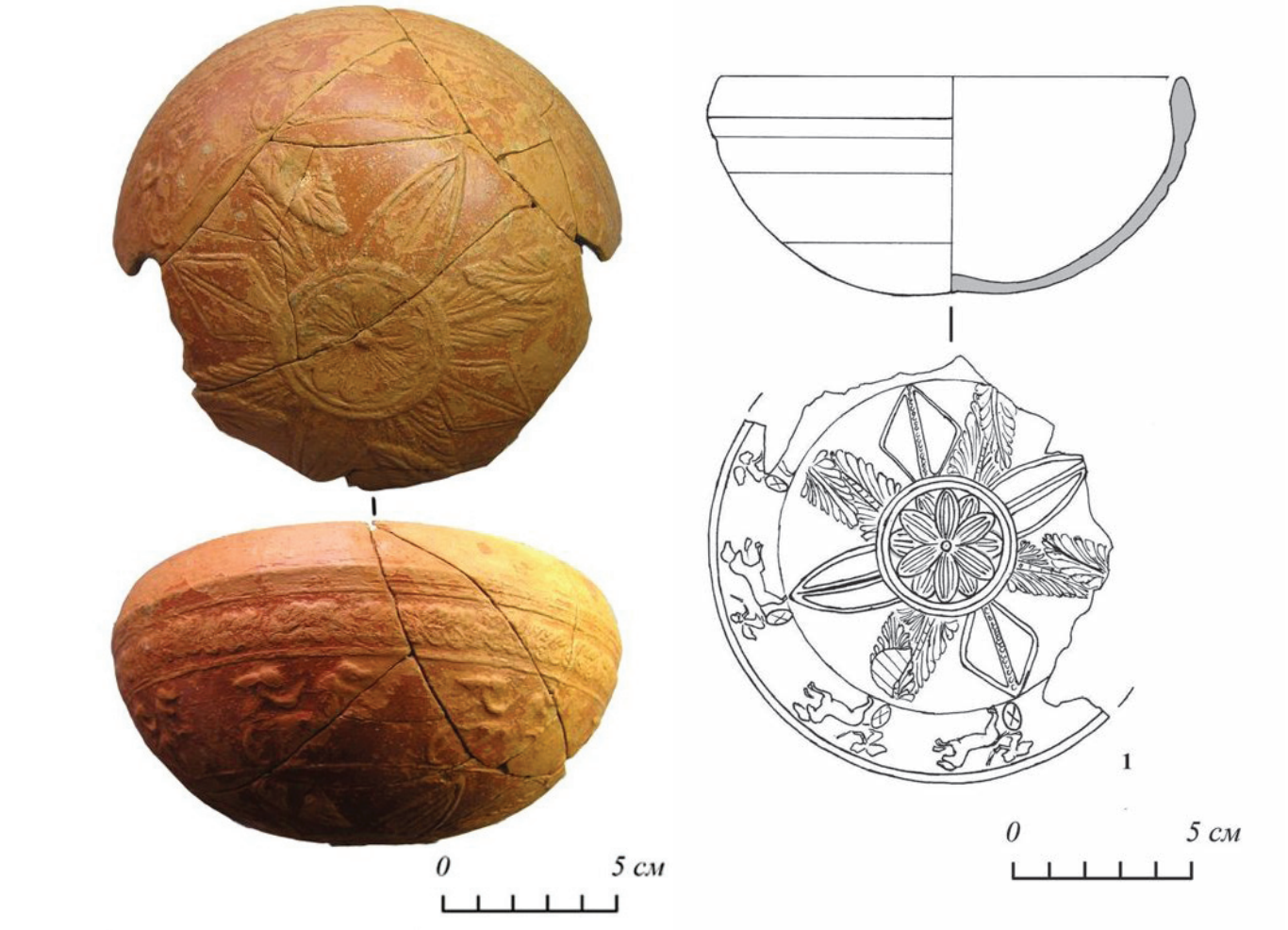

Рис. 1. Некрополь Порфмия. Фрагментированная «мегарская» чаша из грунтового погр. 2 (?). Фото и прорисовка.

жены из плит местного известняка, полы камер также покрыты каменными плитами. При возведении склепа сначала, по-видимому, сооружалась площадка для пола камеры, на нее клались плиты, затем по периметру площадки устанавливались вертикальные стены. Об этой строительной практике наиболее отчетливо свидетельствуют результаты исследований склепа 7. Северная стена склепа была полностью уничтожена траншеей военного времени, и на вымощенном плитами полу камеры были отчетливо видны процарапанные линии – разметки, предназначенные для установки нижнего ряда вертикальных плит по периметру площадки.

Сохранность склепов различная. У всех отсутствуют перекрытия и верхние ряды кладок, пострадавшие вследствие распашки в новейшее время. Предположительно, камеры имели перекрытия из известняковых плит. К наиболее хорошо сохранившимся принадлежали конструкции склепов 1, 2, 4– 6; склеп 9 был уничтожен почти полностью. Все открытые склепы имели общие конструктивные черты, схожую в плане форму, ориентировку, что позволяет говорить о существовании «порфмийской» традиции их возведения. В то же время каждый из них уникален: при наличии общих модулей и технических приемов порфмийские склепы демонстрируют широкий «разброс» признаков, отличаясь размерами, индивидуальными конструктивными особенностями, количеством захороненных и пр. Наиболее интересны конструкции склепов 1, 4, 6 и 7. Склеп 4 (рис. 2) имел относительно небольшие размеры: длина его камеры – 1,85 м, ширина ее достигала 0,75 м в восточной и 0,58 м в западной части. В восточной части камеры кладка сохранилась на три ряда в высоту. Дромос примыкал к камере с запада, его пол был земляным и располагался на 0,2 м выше пола камеры. В восточной части дромоса его стены были обложены камнями; вход в камеру был заложен двумя небольшими плоскими плитами, которые с внешней стороны подпирал большой камень. На полу камеры расчищены костные остатки, принадлежавшие двум взрослым и одному ребенку 7–8 лет. Кроме того, во время разборки заполнения камеры найдены беспорядочно лежавшие кости по крайней мере шестерых взрослых и двух детей (приблизительно 7–8 и 10 лет). Здесь также были найдены фрагменты «мегарских» чаш, многочисленные фрагменты красноглиняных и сероглиняных столовых сосудов, несколько пастовых бусин. Судя по керамическим находкам, последнее погребение в склепе 4 совершено во II в. до н.э., однако сам склеп мог быть сооружен значительно раньше.

Несмотря на то обстоятельство, что склепы подверглись ограблению, обнаруженный при их раскопках погребальный инвентарь дает возможность судить о «богатстве» и разнообразии вещей, сопровождавших умерших. Эти вещи представлены разнообразными столовыми и туалетными сосудами, терракотовыми статуэтками, бусами, бронзовыми изделиями. Достаточно распространены находки бронзовых боспорских монет, вероятно, игравших роль «обола Харона». Находки фрагментов лепной посуды чрезвычайно редки. Повсеместно фиксировались остатки тризн; по-видимому, этот обряд был характерен как для греков, так и для туземного населения региона (Кастанаян, 1959. С. 263).

Строительство склепов было достаточно трудоемким и требовало определенных затрат. По-видимому, они служили семейными усыпальницами наиболее зажиточных и уважаемых граждан общины. Этим, вероятно, объясняется относительное «богатство» и многочисленность погребального инвентаря. Склепы могли использоваться на протяжении достаточно долгого времени; заполнявшееся пространство погребальной камеры периодически освобождалось от останков предшествующих погребенных. Это обстоятельство может затруднять датировку плитовых склепов Порфмийского некрополя, при раскопках которых исследователям удается наиболее отчетливо фиксировать лишь позднейший «пласт» захоронений. К наиболее ранним склепам, по-видимому, принадлежал склеп 5, сооруженный, вероятно, в IV в. до н.э.; при его расчистке обнаружены фрагменты керамики этого времени и бронзовая боспорская монета 330–315 гг. до н.э. (Вахтина, 2013. С. 77).

Погребения в простых грунтовых ямах, вероятно, были характерны для раннего периода существования некрополя, позже они

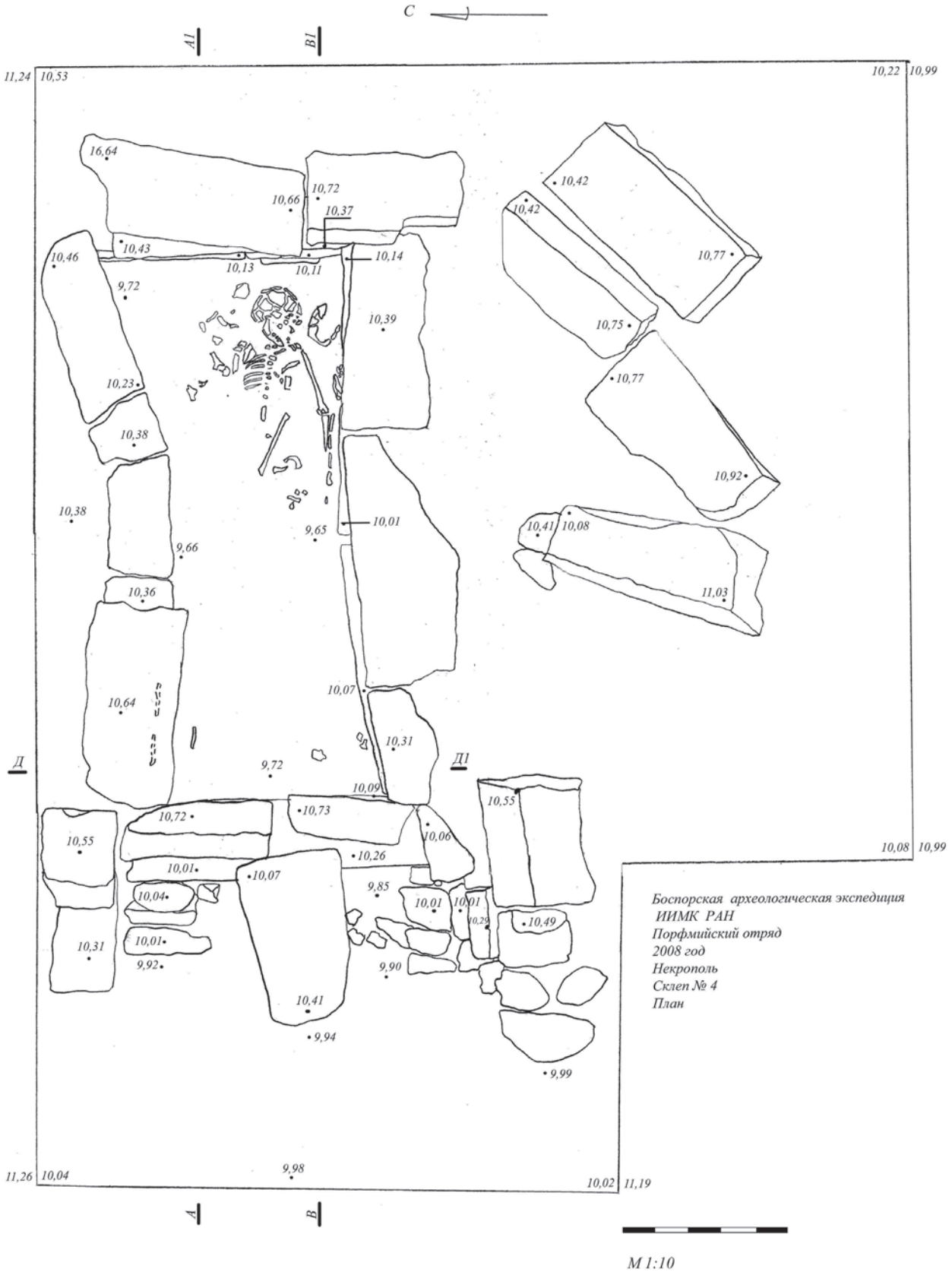

Рис. 2. Склеп 4 некорополя Порфмия. План.

продолжали существовать одновременно с захоронениями в склепах.

Склепы и грунтовые могилы Порфмийского некрополя можно сравнить с погребальными комплексами, известными на других боспорских памятниках. Вместе с тем представляется очевидным, что некрополь каждого боспорского города отличен от некрополя соседнего города и, развиваясь в русле античной традиции, обладает специфическими локальными чертами. Исследования некрополя Порфмия не только расширяют наши знания о греческом погребальном обряде и его трансформации в одном из периферийных регионов античного мира, но и позволяют приблизиться к пониманию своеобразия погребальной практики жителей этого небольшого укрепленного поселения у переправы через Киммерийский Боспор. Очень важно, чтобы эти исследования продолжались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньева Т.М. Погребальный обряд // Античные города Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 222–224. (Археология СССР).

Вахтина М.Ю. Порфмий в IV в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Мат-лы XIV Боспорских чтений. Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины, 2013. С. 73–80.

Вахтина М.Ю., Столяренко Г.П. О раскопках греческого городища Порфмий и его некрополя в 2007–2008 гг. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев: ИА РАН, ИА НАНУ, 2010. С. 26–29.

Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г. Некрополь Порфмия // Культурный слой. Вып. 2. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 114–145.

Вахтина М.Ю., Стоянов Р.В. Новые данные о некрополе Порфмия // Археологические вести. Вып. 13. СПб., 2006. С. 182–194.

Веселов В.В. Сводная ведомость. Результаты археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–64 гг. // Древности Боспора. Suppl. II. М.: ИА РАН, 2005. 264 с.

Гжежулка С. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Ч. I. Варшава: Нац. музей Варшавы, 2010. 344 с.

Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов V–IV вв. до н.э. и их местные особенности // МИА. № 69. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 257–295.

Шургая И.Г. Порфмий // Античные города Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 69–71. (Археология СССР).

Rotroff. S.I. Hellenistic pottery. Athenian and imported moldmade bowles // Athenian Agora. V. 22. Princeton; New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1982. 251 p.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ОГРАБЛЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА[1]

© 2014 г. Е.В. Вдовченков, С.М. Ильяшенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
(vdovchenkov@yandex.ru, silyas@list.ru)

Ключевые слова: Танаис, некрополь, погребальный обряд, ограбления, нарушенные погребения, хронология ограблений.

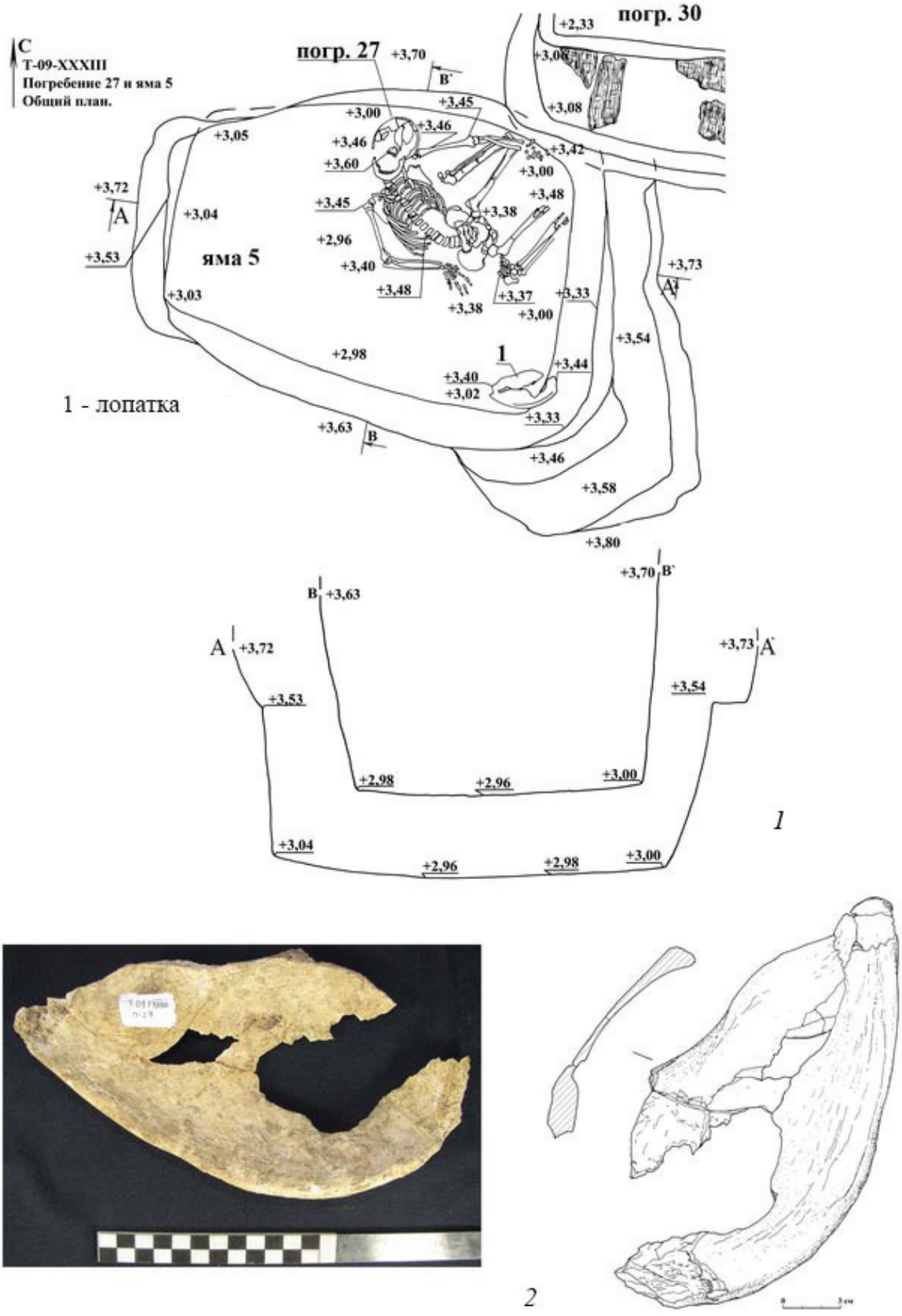
Резюме. В статье анализируется обстоятельства и время ограблений погребений в Танаисе. На территории некрополя имеется достаточно свидетельств о разрушениях погребений, связанных как с ограблениями, так и подзахоронениями и постпогребальными обрядами. При этом имеются определенные трудности с датировкой времени разрушения могил. Комплекс, получивший название «погребение 27», который был исследован при раскопках некрополя Танаиса в 2009 г., – пример неудачного ограбления. В грабительском лазе обнаружен заваленный землей ребенок 10–12 лет.

Исследования на территории городища и некрополя древнего Танаиса ведутся уже более 150 лет. С 1955 г. археологически раскопки исследования проходят ежегодно. Особое место в них занимает изучение курганного и грунтового могильника, окружавшего город с трех сторон. К настоящему времени здесь выявлено более 2 тыс. погребальных комплексов. Работы позволили сделать достаточно значимую реконструкцию многих сторон этнополитической и экономической жизни этого удаленного от центров цивилизации поселения. Результатом стали несколько сотен статей и серия монографий.

При изучении некрополя ученым приходится сталкиваться с определенными трудностями. Более трети погребений и курганов многослойного могильника были разрушены в древности. На этот факт обратил внимание еще во второй половине XIX в. один из первых исследователей Танаиса П.М. Леонтьев. В публикации, посвященной своим изысканиям на Нижнем Дону, он писал о том, что «у всех почти курганов были впадины на вершине» (Леонтьев, 1854. С. 409). По сведениям, полученным автором первого отчета тогда же, один курган «был раскопан по распоряжению начальства в 1824-м году; многие из других были раскапываемы крестьянами г. Мартынова и донскими казаками, но о предметах, которые в них были найдены, никто не сообщил ничего» (Леонтьев, 1854. С. 409). Кроме того, часть погребений уничтожалась местными жителями в ходе добычи камня (Толочко, 2012. С. 102–105).

Однако, как показывают археологические работы последних десятилетий, значительная часть погребений была разрушена еще во время существования города эллинистического и римского периодов. В отчетах эти комплексы часто обозначены, как «ограбленные в древности». Однако проблема ограблений погребений в Танаисе еще не была предметом отдельного исследования. Трудности изучения этой темы состоят прежде всего в определении времени подобных грабежей, в связи с частым отсутствием сопутствующего инвентаря. Кроме того, следует учитывать неоднозначность самого понятия «ограбление», на что обращалось внимание в современных публикациях (Кузьмин, 1991. С. 146). Это особенно актуально для изучения танаисского могильника, когда разновременные погребения «наслаивались» друг на друга. При этом часть погребений, скорее всего, разрушалось в ходе проведения постпогребальных

1 Исследования проведены в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» по государственному контракту от 11.09.2009 г. № 3526-01-41/10-АЕ.

Танаис-2009. Раскоп XXXIII. План погр. 27 (*1*) и орудие – костяная лопатка с заостренными краями (*2*).

ритуалов или при совершении подзахоронений. Следовательно, уничтожение более ранних комплексов могло происходить даже без грабительских намерений. Так, например, в погребениях II–I вв. до н.э. среди камней заклада подбоя иногда фиксируются антропоморфные надгробия, которые могли быть изъяты из ранних комплексов. С чем это связано, сложно дать однозначный ответ. Существует предположение об апотропеической функции обломков эсхар и столиков в погребениях из Кеп (Сорокина, Усачева, 1997. С. 57). В некрополе Танаиса известны также комплексы первых веков н.э., в которых совершены подзахоронения поверх прежде существовавших. При этом кости скелета и инвентарь нижних захоронений перемещены, но видимого изъятия предметов не прослеживалось. В подобных случаях, вероятно, корректнее использовать термин «нарушенные» погребения (Кузьмин, 1991. С. 146).

Есть и целенаправленные ограбления. Однако, как известно, и здесь могут существовать разные объяснения: от банальной наживы до ритуальных акций (Кузьмин, 1991. С. 146–147). Как правило, исследователи сталкиваются с грабительскими лазами в погребальные комплексы, на основании которых можно констатировать лишь сам факт грабежа. В редких случаях, также известных в Танаисе, находятся и сами «неудачливые» грабители. Примером может служить комплекс, получивший название «погребение 27», который обнаружен при раскопках северо-западного участка некрополя Танаиса в 2009 г. Здесь, в заполнении ограбленного погребения II–I вв. во н.э., в предположительном грабительском лазе, ведущем в большую могильную яму с заплечиками (погребение 30) II в. н.э., также со следами свершившегося ограбления, найден костяк ребенка 10–12 лет (см. *рисунок*, *1*). Это погребение выходит за рамки традиционных танаисских захоронений, так как его невозможно сопоставить с уже известными здесь обрядами. Судя по остаткам скелета, сидевший на корточках в грабительском лазе ребенок был сдавлен просевшим сверху в процессе прокопки тоннеля грунтом. Обрушившийся слой откинул его на спину и придавил. Примечательно то, что рядом со скелетом находилось и орудие для копания – лопатка, изготовленная из челюсти крупного копытного животного (см. *рисунок*, *2*). Края инструменты заточены. Данный комплекс предоставляет дополнительную информацию о специфике некоторых ограблений, а также о круге лиц, вовлеченных в этот процесс. Здесь, скорее всего, ограбление происходило тайно.

Однако на территории некрополя также достаточно свидетельств об открытых и массовых разрушениях погребений. При этом имеются определенные трудности с датировкой этих событий. Чаще всего хронология определима только в рамках бытования развитого города, с первой четверти II в. до н.э. по IV в. н.э. Не исключено, что наиболее значительные грабежи и разрушения могут совпадать с периодами нарушения стабильного существования поселения: в начале I в. н.э., в середине II и III в., а также в конце IV – V в. н.э. Примечательно то, что погребения, датируемые первой половиной V в. н.э. и более поздние, в большей своей части ограблениям не подвергались.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кузьмин Н.Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель / Отв. ред. В.А. Хршановский СПб.: ГМИР, 1991. С. 146–155.

Леонтьев П.М. Разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сб. статей по классической древности. Кн. IV. М., 1854. С. 397–524.

Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сб. Погребальный обряд. М.: ГИМ, 1997. (Тр. ГИМ; Вып. 93). С. 47–61.

Толочко И.В. Об одной находке 1908 г. из Танаиса // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 102–107.

КУЛЬ-ОБА

© 2014 г. Е.В. Власова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(el_vlasova2003@mail.ru)

***Ключевые слова*:** Куль-Оба, погребальный комплекс, этнокультурный симбиоз.

Резюме. Курган Куль-Оба – фамильная усыпальница, где захоронения совершались несколько раз. Три могилы были в погребальной камере, одна – под каменными плитами пола. Погребальный инвентарь свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных и этнокультурном симбиозе. Вероятно, они были представителями высшей скифской или местной знати или боспорской правящей династии.

В 1830 г. в окрестностях Керчи на холме, названном местным населением «Куль-Оба», что означает «холм пепла» (Vlasova, 2007. P. 238. Fig. 12), Полем Дюбрюксом был открыт курган с богатыми захоронениями (Ашик, 1848. Ч. 1. С. 29–33; Гайдукевич, 1949. С. 267–277; Артамонов, 1966. С. 62–66; Artamonow, 1970. S. 69–74; Gajdukevič, 1971. S. 283–289; Williams, Ogden, 1994. P. 136–151; Уильямс, Огден, 1995. С. 136–151; Gavignet, Ramos, Schiltz, 2000. P. 323–374; Власова, 2005. С. 61–65; Тункина, 2002. С. 161–173; Древности…, 2007. Т. I. С. 6–16, IX–LI; Vlasova, 2007). Плотность и теснота находок в склепе и то, что вход в погребальную камеру был заложен камнями, не скрепленными раствором, свидетельствует о том, что погребения были совершенны не одновременно (Grač, 1997).

В каменном склепе кургана Куль-Оба, состоящем из короткого дромоса и четырехугольной камеры с уступчатым пирамидальным сводом, было четыре погребения: три – в погребальной камере, одно – под плитами пола. В погребальном инвентаре – золотые украшения, разнообразные золотые и серебряные сосуды, предметы вооружения, что указывает на высокий социальный статус погребенных. Деревянный саркофаг был отделан слоновой костью.

Погребение под полом было вскрыто грабителями, у одного из которых были выкуплены доставшиеся ему золотые вещи: часть гривны с львиной головкой на конце и бляха в виде оленя. Некоторые из похищенных вещей были вывезены за пределы России. Например, золотые бляшки из Куль-Обы имеются в Британском музее, в музеях Германии и США, в Лувре.

Основываясь на погребальном инвентаре, разные исследователи датировали курган поразному: от V до II в. до н.э. Большинство относили курган к различным периодам IV в. до н.э. или к рубежу IV–III вв. до н.э. А.Ю. Алексеев датирует грунтовую могилу концом V – первой половиной IV в. до н.э., погребения в склепе – серединой–второй половиной IV в. до н.э., точнее – 340–315 гг. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 229, 262, 276–277). Ю.А. Виноградов (2010б. С. 423) относит погребение под плитами к концу V в. до н.э., а сооружение склепа – ко времени правления Перисада I (349/8 – 311/10 гг. до н.э.). По мнению Н.Л. Грач (Grač, 1997. S. 157), дата последнего захоронения в кургане определяется по найденной там фасосской амфоре с клеймом, относящимся к 345–335 гг. до н.э. (Debidour, 1986. P. 330). По-видимому, курган Куль-Оба следует рассматривать как фамильную усыпальницу, где несколько раз совершались захоронения, одним из которых было грунтовое погребение под плитами пола склепа, наиболее раннее по времени.

С открытием этого погребального комплекса встал вопрос о том, кто погребен в кургане Куль-Оба. Поль Дюбрюкс увидел в нем кол-

лективное скифское царское захоронение – иллюстрацию к рассказу Геродота (АГЭ. Оп. 1. 1831 г. Д. 19. Л. 85, 89 сл.; Gavignet, Ramos, Schiltz, 2000. P. 362; Древности…, 2007. Т. I. С. XXII–XXIII, XXXIV–XXXV; Дюбрюкс. 2010. С. 173, 185). Принадлежность погребального комплекса к скифской правящей элите была поддержана многими исследователями (Ашик, 1848. Ч. 2. С. 32–33; Ростовцев, 1925. С. 382; Мозолевський, 1979. С. 152, 156–157; Алексеев, 2003. С. 230; Виноградов, 2010б. С. 425). В.Ф. Гайдукевич отметил, что «в Куль-Обе скифский погребальный ритуал носит явные следы греческого культурного влияния». По его мнению, главный погребенный – один из «скифских номархов, поддерживавших дружественные взаимоотношения с Боспором». Он также отметил, что подобное погребение было открыто на рубеже 1820–1821 гг. в кургане Патиниоти, расположенном близ Куль-Обы (Гайдукевич, 1949. С. 274–277; Gajdukevič, 1971. S. 286–289). Дата погребения в кургане Патиниоти, по мнению И.В. Тункиной (2002. С. 549) – не ранее середины IV в. до н.э., а найденная там гераклейская амфора с клеймом может датироваться, по С.Ю. Монахову (1999. С. 631), серединой 370-х гг. до н.э.

Скифы в титулатуре боспорских правителей не упоминаются, но упоминаются синды, тореты, дандарии, псессы, над которыми они царствуют, а в надписи, найденной в 2000 г. в Нимфее, боспорский правитель Левкон I, назван «архонтом Боспора и Феодосии и всей Синдики и торетов и дандариев и псессов» (см. об этом: Власова, 2002). И при установлении главенства над местным населением боспорские правители действовали разными способами.

Появилась также версия, что главный погребенный в кургане Куль-Оба – боспорский царь (Dubois de Montpereux, 1843. P. 219–222), и она нашла приверженцев (Ашик, 1848. Ч. 2. С. 38–39; Neumann, 1855). Ф.А. Жиль (Древности…, 2007. Т. I. С. XLVI) полагал, что Куль-Оба – усыпальница Левкона I (389/8 – 349/8 гг. до н.э.) или его отца Сатира I (433/2 – 389/8 гг. до н.э.). Помимо Куль-Обы другие курганы также рассматриваются как усыпальницы боспорских правителей. Полагают, что в Баксинском кургане был погребен Сатир I (Виноградов, 2011. С. 191), в Царском кургане – Перисад I (Gajdukevič, 1971. S. 272), а в Золотом кургане (Алтын-Оба) находились усыпальницы враждовавших братьев (Виноградов, 2010а. С. 476; Виноградов, 2011. С. 190): Сатира II (311/10–310/9 гг. до н.э.), Притана (310/9 г. до н.э.) и Евмела (310/9–304/3 гг. до н.э.). Если же считать, что кульобский склеп возведен при Перисаде I (Виноградов, 2010б. С. 423), а дата погребения в кургане Патиниоти – «не ранее середины IV в. до н.э.» (Тункина, 2002. С. 549), то не связать ли захоронения в этих курганах с Перисадом I, с его отцом Левконом I и с его старшим сыном Спартоком II (349/8–344/3)?

Относительно происхождения боспорской правящей династии есть различные мнения. Полиэтнический состав боспорского населения, негреческие имена боспорских правителей и боспорской знати соединяются с институтами античной цивилизации; симбиоз двух этнокультурных компонентов отражается и в погребальных памятниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Сов. художник, 1966. 120 с.

Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Тип. Т. Неймана и К, 1848. Ч. 1. 119 с.

Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Тип. Т. Неймана и К, 1848. Ч. 2. 89 с.

Виноградов Ю.А. Золотой курган (Алтын-Оба) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. В 2 тт. Т. 1: Тексты / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010а. С. 471–476.

Виноградов Ю.А. Курган Куль-Оба // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010б. С. 420–425.

Виноградов Ю.А. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Мат-лы конф. СПб., 2011. С. 185–191.

Власова Е.В. Надпись из Нимфея // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб., посвящ. 70-летию со дня рождения Я.А. Шера. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 168–171.

Власова Е.В. Куль-Оба. О характере погребения // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь: Деметра, 2005. С. 61–65. (Боспорские Чтения; Вып. VI).

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 622 с.

Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа: в 3 т. / Сост. Ф.А. Жиль. Факсимильное издание 1854 г. Т. I. СПб.: Альфарет, 2007. 458 с.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений. В 2 тт. / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. Т. 1: Тексты. 726 с.; Т. 2: Иллюстрации. 310 с.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 251 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 678 с.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературы и археологии. Л., 1925. 622 с.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н.э. Каталог выставки. СПб.: Славия, 1995. 272 с.

Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen in der Eremitage. Prag: Artia, 1970. 120 S.

Debidour M. En classant les timbres Thasiens // Bulletin de Correspondence Hellénique. Suppl. XIII: Recherches sur lesamphores grecques. Paris: École française d'Athènes, 1986. P. 311–334.

Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Vol. V. Paris, 1843. 464 p.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag; Amsterdam: Hakkert, 1971. 674 S.

Gavignet J.-P., Ramos E., Schiltz V. Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // J. des Savants. 2000. Juillet-décembre. P. 323–374.

Grač N. Der Kurgan Kul'-Oba // Zwei Gesichter der Eremitage. Bd. I: Die Skythen und ihr Gold. Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, 1997. S. 155–157.

Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1855. 578 S.

Vlasova E. Kul Oba Kurgan // Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage / Ed. A. Trofimova. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2007. P. 237–249.

Williams D., Ogden J. Greek Gold. Jewelry of the Classical World. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1994. 272 p.

ПРЕДНАМЕРЕННО ПОВРЕЖДЕННЫЕ ЗЕРКАЛА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

© 2014 г. О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва
(helga-mir@yandex.ru)

Ключевые слова: некрополь Фанагории, погребальный обряд, бронзовые зеркала, поврежденные зеркала, греки, сарматы, варварские черты.

Резюме. Статья посвящена анализу преднамеренно поврежденных бронзовых зеркал из погребений первых веков нашей эры некрополя Фанагории. В работе рассматривается положение этих предметов в могиле, их датировка, типологические особенности, характер повреждений на поверхности. В результате анализа зеркал, общей характеристике инвентаря и погребальных сооружений рассматриваемых захоронений делается вывод, что находки поврежденных бронзовых зеркал в некрополе Фанагории указывают на тесные контакты города с варварским окружением. Но, несмотря на это, такие предметы находят преимущественно в погребениях с преобладанием греческих погребальных традиций.

Зеркала со следами умышленного повреждения не раз привлекали внимание исследователей (Хазанов, 1964. С. 89; Скрипкин, 1990. С. 90; Коробкова, 2003). Большинством ученых признается религиозно-магическое значение этих предметов. Такие находки иногда связываются с обрядом обезвреживания погребенного (Хазанов, 1964. С. 94).

Находки зеркал известны и в погребениях фанагорийского, эллинского в своей основе, некрополя. Встречаются они нечасто. Из более 600 погребальных комплексов I в. до н.э. – V в. н.э. зеркала найдены только в 34. Из них лишь 11 зеркал, обнаруженных в 11 захоронениях (2001/2; 2003/6; 2004/32; 2007/100/1, 101; 2010/145/2; 2011/158, 162, 168/1, 172/6; 175)[1], достоверно имели на внешней стороне повреждения, нанесенные, вероятно, с помощью рубящего орудия (Шавырина, 2001; Кузнецов, 2003, 2004, 2007, 2010, 2011).

Большинство погребений с поврежденными зеркалами относятся ко второй половине I – середине II в. н.э. (2004/32, 2007/101, 2010/145/2, 2011/158, 162, 168/1, 172, 175) и только два датируются II – серединой III в. н.э. (2001/2, 2007/100). Восемь зеркал были обнаружены в склепах (2004/32, 2007/100, 101, 2010/145/2, 2011/162, 168/1, 172, 175), одно – в могильной яме с уступами-заплечиками (2001/2), одно – в могильной яме с подбоем (2011/158) и еще одно – в простой прямоугольной в плане могиле (2003/6). Так как основная масса захоронений была ограблена в древности (особенно склепы), не во всех случаях удалось установить первоначальное положение зеркал. *In situ* найдены только несколько экземпляров, среди них два находились между бедренными костями (2003/6, 2004/32/4), по одному в области шейных позвонков (2001/2), у правой голени (2010/145/2), у стоп (2011/158).

Рассматриваемые зеркала происходят из погребений взрослых людей, исключение составляют находки из четырех ограбленных в древности склепов (2007/100, 101; 2011/162, 175), где среди костных останков взрослых индивидов обнаружены и детские кости, что не позволяет достоверно определить, какому именно погребенному принадлежало зеркало.

Примечательно, что 10 из 11 зеркал относятся к IX типу по классификации А.М. Хазанова (1963). Ареал подобных зеркал довольно обширен (Абрамова, 1971. С. 131; Глухов, 2003. Рис. 4, *3–12*; Пуздровский, 2007. С. 152–153; Косяненко, 2008. С. 122;). Ино-

1 Здесь и далее использована следующая схема обозначения погребальных комплексов: год раскопок/номер погребения/номер гроба (если гробов несколько).

гда их называют зеркала-подвески, но как справедливо заметил А.М. Хазанов (1963. С. 65), этот термин не точен, он характеризует не форму зеркал, а лишь способ их ношения. У девяти зеркал этого типа надрублена, полностью отрублена или вовсе отсутствует боковая петля. Подобный сюжет был отмечен А.А. Труфановым в работе, посвященной анализу зеркал-подвесок из погребений Крымской Скифии (Труфанов, 2007). Помещение в могилу намеренно испорченных зеркал исследователь считает особенностью погребального обряда населения этого региона. Он обращает внимание на находки в некоторых погребениях только ручек-подвесок, обнаруженных вместе с амулетами и пронизями, или только отдельных фрагментов зеркал (Труфанов, 2007. С. 179–180). В фанагорийском некрополе ручки-петли отдельно от зеркал пока не найдены, хотя зеркало без отрубленной петли известно. В одном из погребений Фанагории найден и отрубленный фрагмент зеркала IX типа (2011/162).

Только одно зеркало из погребения 2011/158 принадлежит к экземплярам с плоским диском и относится к 1 отделу по классификации А.С. Скрипкина (1990. С. 93–94). От ручки сохранилось лишь плоское основание, которое не позволяет определить ее форму, а, следовательно, и тип зеркала. Сам диск зеркала был разрублен на две части. По погребальному инвентарю весь комплекс датируется концом I – II в. н.э.

Традиционно считается, что зеркала, особенно так называемого сарматского типа, со следами преднамеренной порчи относятся к варварским (чаще всего сарматским) чертам погребального обряда (Скрипкин, 1990. С. 88–97; Глухов, 2003. С. 93–94; Марченко, 1996. С. 14–28). Находки таких предметов в захоронениях населения столицы Азиатского Боспора, несомненно, указывают на достаточно плотную связь городских жителей с окружающим миром кочевников, прежде всего сарматов. Анализ погребальных комплексов с умышленно поврежденными зеркалами позволил установить, что в погребениях оставившего их населения преобладают греческие культурные традиции. К ним можно отнести саркофаги и гробы с гипсовыми рельефными украшениями, а также наличие в захоронениях следующих категорий погребального инвентаря: терракотовые статуэтки, светильники, золотые погребальные венки, монеты в качестве обола Харона, игральные кости, стеклянные бальзамарии и др. Примечательно, что большинство поврежденных зеркал происходит из эллинских типов погребальных сооружений – грунтовых (семь случаев) и каменных (один случай) семейных усыпальниц – склепов.

К немногочисленным традиционно варварским признакам рассматриваемой группы погребений можно отнести: могильную яму с подбоем (один случай), перекрещенные ноги погребенного (один спорный случай). Сразу необходимо отметить, что на сегодняшний день принадлежность некоторых черт погребального обряда к «варварским» существенно пересмотрена (Сударев, 2004. С. 339). Такой обрядовый признак, как перекрещенные ноги сейчас считается присущим для многих древних народов (греков, сарматов, меотов), и не является этнодифференцирующим (Масленников, 1990 С. 54; Косяненко, 2008. С. 239; Каменецкий, 2011. С. 241–242).

Наряду с греческими и варварскими чертами погребального обряда существуют признаки, присущие в равной степени обеим культурным традициям. К ним прежде всего относятся украшения, косметика, элементы одежды, предметы труда, оружие, глиняная и стеклянная посуда «античных» типов; вытянутое положение покойного, парные захоронения детей и взрослых; простые грунтовые могилы и др. (Даньшин, 1992. С. 8–9). Присутствие в погребальном инвентаре зеркал можно отнести именно к общим погребальным традициям, свойственным как грекам, так и варварам. На наш взгляд, находка в погребении поврежденного зеркала не может быть признаком того, что это варварское захоронение. Подобные традиции могли быть привнесены в городскую культуру Фанагории ассимилировавшимися выходцами из варварской среды.

Таким образом, находки преднамеренно испорченных зеркал в погребениях некрополя Фанагории указывают на достаточно тесные контакты города с варварским окружением. Не вызывает сомнения, что такое взаимодействие было сложным явлением. Оно ока-

зывало влияние на разные стороны жизни горожан, в том числе и на погребальные традиции, в которых появляются привнесенные варварские черты. Несмотря на это, практически во всех захоронениях с преднамеренно поврежденными зеркалами преобладающими остаются эллинские традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: ГИМ, 1971. С. 121–132.

Глухов А.А. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2003. С. 89–102.

Даньшин Д.И. Население Фанагории в I в. до н.э. – IV в. н.э. (этнический состав и этнокультурные традиции): Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 1992. 20 с.

Каменецкий И.С. История изучения меотов. М.: ТАУС, 2011. 384 с.

Коробкова Е.А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2003. С. 103–107.

Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 544 с. (Донские древности; Вып. 9).

Кузнецов В.Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции ИА РАН в 2003 г. // Архив ИА РАН. 2003. Р-1. № 28416.

Кузнецов В.Д. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2004 г. // Архив ИА РАН. 2004. Р-1. № 26303.

Кузнецов В.Д. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2007 г. // Архив ИА РАН. 2007. Р-1. № 27197.

Кузнецов В.Д. Отчет Фанагорийской экспедиции ИА РАН за 2010 г. // Архив ИА РАН. 2010. Р-1.

Кузнецов В.Д. Отчет Фанагорийской экспедиции ИА РАН за 2011 г. // Архив ИА РАН. 2011. Р-1.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.: Наука, 1990. 232 с.

Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. 220 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 273 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 298 с.

Сударев Н.И. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н.э. // Древности Боспора. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2004. С. 332–343.

Труфанов А.А. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Посвящ. 80-летию Т.Н. Высоцкой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.

Хазанов. А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. 1964. № 3. С. 89–96.

Шавырина Т.Г. Раскопки северо-восточного некрополя Фанагории в 2001 году // Архив ИА РАН. 2001. Р-1. № 22477.

РОЛЬ ДИКИХ И ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В ЖИЗНИ АНТИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

© 2014 г. Е.В. Добровольская

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва (evdobrovolskaya@mail.ru)

Ключевые слова: античность, костные фрагменты, крупный и мелкий рогатый скот, охота, скотоводство, Фанагория, Мысхако, остеологические находки.

Резюме. В античное время на двух достаточно удаленных друг от друга памятниках уклад сельского хозяйства строится по «греческому» типу – развитое земледелие и скотоводство, охота не была жизненно важным занятием. При изучении остеологических материалов из археологических раскопок Мысхако и Фанагории прослежены исторические изменения в соотношениях между дикими и домашними животными, а также между отдельными видами домашних животных. Эти изменения определяются двумя причинами: эволюцией сельского хозяйства в направлении увеличения роли зерновых культур; изменением этнического состава населения греческих городов и поселений Северного Причерноморья.

Нами были проанализированы остеологические находки, обнаруженные при раскопках античных памятников Северного Причерноморья Мысхако I и Фанагория. Поселение Мысхако I находится на берегу Черного моря в пос. Мысхако, входящем в административные границы г. Новороссийск. Поселение занимает обширный пологий холм, ограниченный с запада широкой ложбиной с руслом ливневого водотока, с востока небольшой бухточкой, а с юга обращенным к морю скальным обрывом высотой до 9–12 м над уровнем моря. Греческое поселение здесь возникло в VI–V вв. до н.э. на месте синдского. Крупный греческий город Фанагория возник в VI в. до н.э. на южном побережье Таманского залива и просуществовал до X в. н.э. В отличие от Мысхако, возникшего на месте бывшего аборигенного поселения, Фанагория была основана на свободном месте.

Остеологическая коллекция Мысхако составляет более 1500 костей. Для античного времени был составлен ряд, в котором представлены охотничьи виды животных по убыванию количества находок: дельфин – лисица – волк – (дикая кошка) – заяц – благородный олень – кабан – косуля –леопард – зубр.

Отметим принципиальное изменение в объектах охоты в разные хронологические периоды. Если в энеолите первые три места уверенно держали животные, дающее мясо (олень, кабан и косуля), то в античное время первые места занимают дельфин и пушные звери. Этот факт говорит о смене приоритетов в охоте: в энеолите добывалось мясо для еды, а в античное время охота носила либо развлекательный характер, либо на пушнину был постоянный спрос у населения.

Для представления о скотоводческой деятельности населения обоих периодов была проведена реконструкцию стада. В энеолите по численности на первом месте оказалась свинья, затем мелкий рогатый скот, лошадь и на последнем месте крупный рогатый скот. В античное время наблюдается принципиально другая картина – на первом месте крупный рогатый скот, на втором по-прежнему мелкий рогатый скот, затем свинья, на последнем месте лошадь. Для наглядности картины изменений были определены соотношения между дельфинами и домашними животными (см. *таблицу*).

Соотношения долей тех или иных животных заметно меняются во времени. Если в энеолите соотношение крупного рогатого скота и дельфина одинаково, то в античное время оно серьезно меняется – костей дельфина встречается в 5 раз меньше, а по сравне-

Соотношения встречаемости костных фрагментов домашних животных и дельфинов на памятнике Мысхако I

Время	Крупный рогатый скот / дельфин	Мелкий рогатый скот / дельфин	Лошадь/ дельфин	Собака/ дельфин
Энеолит	1:1	1,4:1	1:5	1:1,4
Античность	5:1	11:1	1:1	2:1

нию с костями мелкого рогатого скота – уже на порядок меньше. И такая закономерность прослеживается по всем основным группам домашних животных. Это свидетельствует о том, что в энеолите роль охоты была несравненно выше, чем в античное время. Косвенно данное заключение подтверждает и достаточно высокая доля костей собаки в раннюю эпоху. Следует отметить также снижение находок раковин моллюсков в слое античного времени.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что в энеолите, конечно же, существовало местное скотоводство, но охота и собирательство играли еще достаточно важную роль в жизни населения Мысхако. В античное время (с приходом нового населения) не только изменилась система ведения сельского хозяйства, но и поменялся видовой спектр охотничьих видов.

Остеологическая коллекция Фанагории, полученная в результате раскопок, – крупнейшая и наиболее полная для античных памятников России и составляет более 100 тыс. костей. На долю домашних млекопитающих приходится подавляющее число (91,4%) от общего количества определимых фрагментов. Основной массив костей представлен по-прежнему 5-6 видами: крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь и собака. Были найдены крайне немногочисленные костные фрагменты осла и кошки.

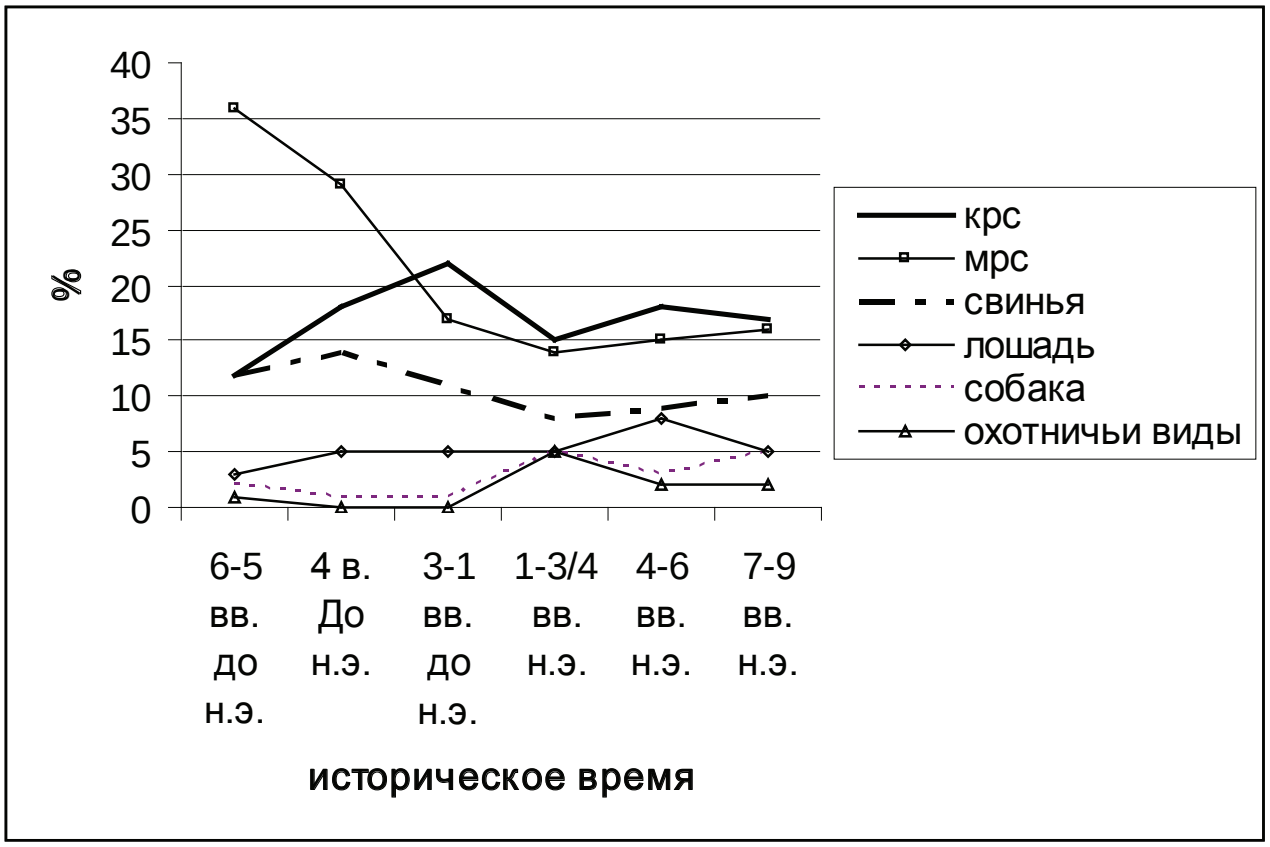
По результатам реконструкции можно говорить о стаде с абсолютным доминированием крупного рогатого скота и минимальным поголовьем свиней. Поголовье крупного рогатого скота было достаточно большим, чтобы обеспечивать население города мясом и молоком, тягловой силой и навозом, естественным удобрением того времени. На втором месте находился мелкий рогатый скот, дававший поставлял мясо, молоко, шерсть. Также постоянным было поголовье свиней, которого вполне хватало на обеспечение жителей мясом. А вот постоянное поголовье лошадей было не очень велико и не могло отвечать всем запросам населения того времени. Следовательно, жители Фанагории должны были закупать или выменивать лошадей для собственных нужд.

Количество находок костей большинства видов диких животных крайне незначительно для статистической обработки, но на их основании можно построить ряд, в котором представлены виды по убыванию числа находок: заяц – лисица – волк – олень – косуля – кабан – лось – леопард.

Первые места занимают пушные звери, и лишь потом следуют те виды, мясо которых употреблялось в пищу. Исключение – заяц, правда, это одновременно и пушное, и мясное животное. Из этого можно сделать вывод, что охота не играла большой роли в жизни фанагорийцев. Птицы представлены большим количеством видов, чем звери. В Фанагории среди костей птиц лидируют куриные, затем следуют различные виды уток.

Представленный график (см. *рисунок*) демонстрирует изменения доли разного вида животных (в категорию «охотничьи виды» отнесены как звери, так и птицы) в культурном слое Фанагории на протяжении второй половины VI в. до н.э. – IX в. н.э. Данная картина довольно точно отражает структуру и динамику потребления мясной пищи и другого использования животных на протяжении полутора тысяч лет.

Обращает на себя внимание существенное преобладание процентной доли мелкого рогатого скота на протяжении двух ранних периодов. Как видно, в первое время после переселения и становления хозяйства на новой территории Таманского п-ова сложно было

Культурный слой Фанагории. Хронология изменения численности обнаруженных костных остатков разных животных.

содержать большое стадо крупного рогатого скота. На новой территории и в новых климатических условиях гораздо выгоднее держать неприхотливое стадо, состоящее в основном из мелкого рогатого скота. Только к эпохе эллинизма этот показатель, постепенно снижаясь, выравнивается (на уровне 20%) с показателем крупного рогатого скота, численность которого, напротив, в этом интервале возрастает. Свинья для этого времени занимает третье место по численности находок костных остатков. С VI по IV в. до н.э. этот показатель тоже растет (хотя и не так интенсивно, как доля крупного рогатого скота), как и процентная доля лошади (четвертая позиция). Подчеркнем, что речь идет не о росте поголовья, а об изменении структуры стада: рост доли крупного рогатого скота, свиньи и лошади сопряжен со снижением доли мелкого рогатого скота. Объяснений этому факту может быть несколько.

С VI по I в. до н.э. изменилась картина мясного потребления в связи со становлением сельского хозяйства и изменением структуры общества. Первое время в стаде мало крупного и много мелкого рогатого скота. Постепенно доля крупного рогатого скота возрастает, а доля мелкого падает, что говорит о благоприятном периоде для жителей Фанагории (говядина – мясо самых богатых, а свинина – самых бедных жителей). При возрастании доли костей крупного рогатого скота доля костей свиньи уменьшается, что может свидетельствовать о том, что обеспеченных жителей становится все больше. Этот процесс длится до I в. до н.э.

Кроме возрастания числа обеспеченного населения в городе увеличение доли костей крупного рогатого скота может также говорить и о постепенной сельскохозяйственной специализации Фанагории. Известно, что Фанагория экспортировала зерно в большом количестве, а вспашка земли проводилась с помощью тягловой силы быков. Развитие сельского хозяйства вело к увеличению поголовья крупного рогатого скота, постепенно ставшего важнейшим объектом скотоводства. Высокий процент (38%) скотины зрелого и

старого возраста – показатель того, что скот использовался и как тягловый, и как производитель навоза, основного удобрения (как уже упоминалось) при производстве зерновых культур. С большой осторожностью можно предположить, что процесс зерновой специализации мог достичь своего расцвета к рубежу эпох.

Обращает на себя внимание постепенное увеличение доли лошади в реконструируемом стаде Фанагории. Это может быть связано не только со становлением жизни большого и богатого города, но и с увеличением в нем числа жителей – выходцев из местных, не греческих племен, которые питались кониной. Через определенное время увеличение доли лошади в костных остатках прекращается. Видимо, местное население под влиянием греческого утрачивало привычку потребления конкретной мясной пищи.

На рубеже эр происходят какие-то события, которые приводят к спаду скотоводства всех основных мясных групп животных. Доля же костей собаки и диких животных (как зверей, так и птиц) возрастает. Из этого можно сделать вывод, что недостаток мяса восполняется при помощи охоты. Затем начинается постепенное возрастание доли всех мясных групп скота и уменьшение практически до изначального уровня доли костей собаки и охотничьих видов. При этом доля лошади после первоначального роста остается примерно на одном уровне.

В античное время на двух достаточно удаленных друг от друга памятниках наблюдается одинаковая тенденция в скотоводстве и охоте. В этот исторический отрезок времени уклад сельского хозяйства строится по «греческому» типу – развитое земледелие и скотоводство. Первое место по значимости в скотоводстве, безусловно, принадлежит крупному рогатому скоту. Это главная рабочая сила того времени, поставщик мяса и молока и производитель единственного на тот момент органического удобрения – навоза. Мелкий рогатый скот занимает второе место. Экономически содержание мелкого рогатого скота значительно выгоднее, но продукция, получаемая от этих животных, не покрывает всех необходимых человеку запросов. Две другие группы скота – свиньи и лошади – видимо, целиком зависели от ландшафтных и экономических возможностей рассматриваемых античных поселений.

Фанагория как крупный город, определенное время даже столица Азиатского Боспора, могла содержать небольшое, но постоянно пополняемое лошадиное поголовье в силу своего экономического и географического положения в отличие от небольшого предгорного поселения Мысхако. На ранних этапах освоения греками Черноморского побережья основу стада составлял мелкий рогатый скот, позже, по мере развития сельского хозяйства, на первые позиции выходит крупный рогатый скот. Охота была необходима, видимо, только на первых этапах расселения греческого населения, позже она носила развлекательный характер.

Таким образом, при изучении остеологических материалов из археологических раскопок Мысхако и Фанагории прослежены исторические изменения в соотношениях между дикими и домашними животными, а также между отдельными видами домашних животных. Эти изменения определяются двумя причинами: эволюцией сельского хозяйства в направлении увеличения роли зерновых культур; изменением этнического состава населения греческих городов и поселений Северного Причерноморья.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА «ЧАЙКА» И НЕКРОПОЛЯ У ПОС. ЗАОЗЕРНОЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В 2008–2013 ГОДАХ

© 2014 г. Т.В. Егорова, Е.А. Попова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (tvegorova@yandex.ru; popova318@mail.ru)

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, городище «Чайка», некрополь, курганы.

Резюме. В работе на основе материалов раскопок последних лет дается характеристика исследованным участкам городища «Чайка» и некрополя, относящегося к данному памятнику. Выделены периоды существования греческого поселения: первый связан со строительством крепости властями Херсонеса (60-е гг. – конец IV в. до н.э.); второй отмечен возведением на рубеже IV–III вв. до н.э. частных усадеб, погибших в конце первой трети III в. до н.э., наравне с большинством греческих поселений в Северо-Западном Крыму; третий – время упадка городища, ознаменованное значительным сокращением его площади и строительством небольших домов (около середины III – середина II в. до н.э.). Исследование некрополя позволило сделать предположение о существовании двух миграционных волн населения с Боспора, поскольку обряд захоронений аналогичен обряду, традиционному для боспорских некрополей этого времени.

Городище «Чайка» и некрополь, относящийся к этому городищу, расположены в 8 км от г. Евпатория в Северо-Западном Крыму. Это многослойный памятник, насчитывающий три основных этапа своего существования: греческий, позднескифский и средневековый.

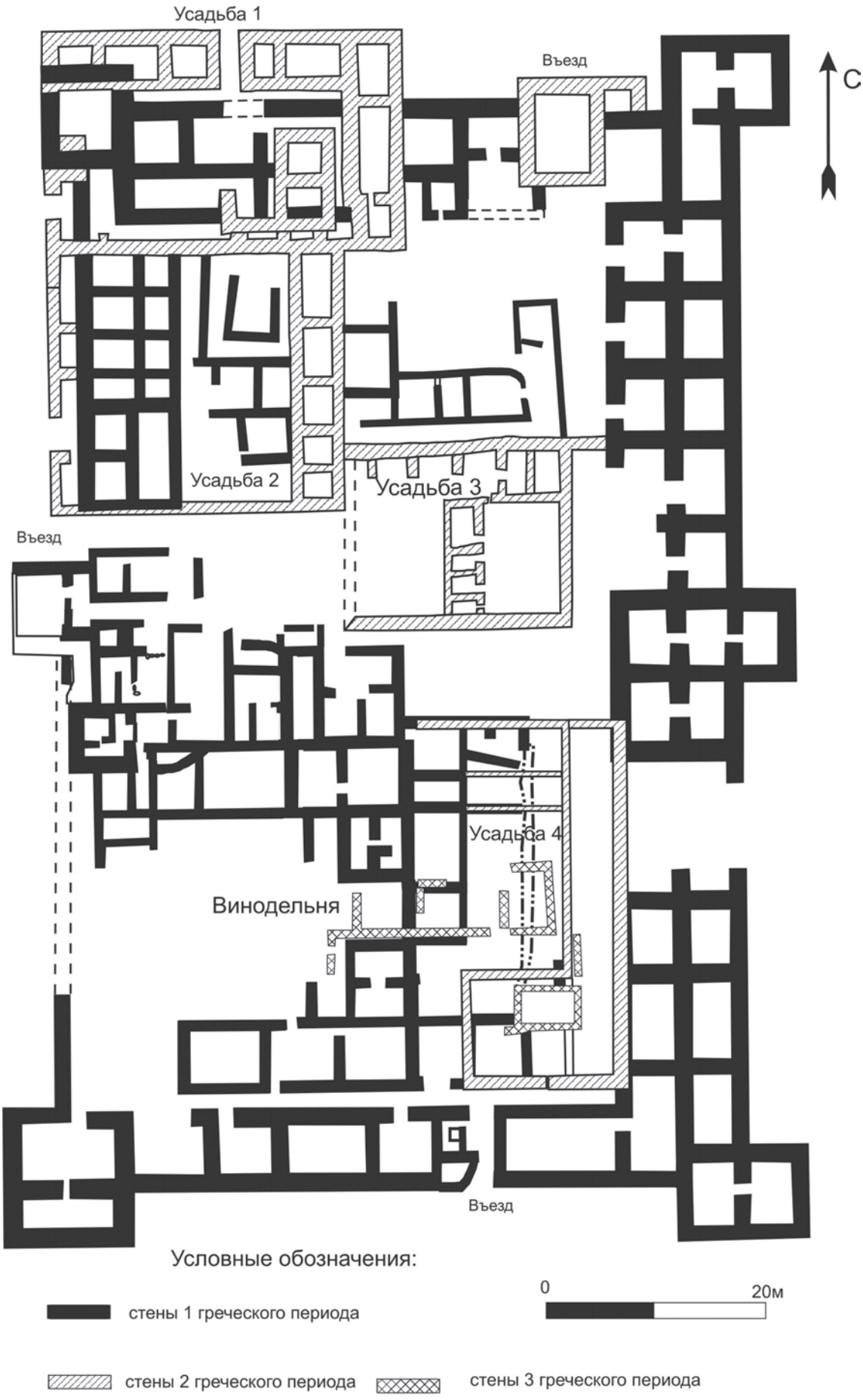
С 2008 г. Крымской археологической экспедицией МГУ проводились исследования греческих слоев в центральной и юго-восточной частях поселения и двух объектов на его некрополе (см. *рисунок*).

Выделяются три периода в существовании греческого поселения (Попова, Коваленко, 2005. С. 98). Первый связан со строительством крепости властями Херсонеса (60-е гг. – конец IV в. до н.э.). Второй отмечен возведением на рубеже IV–III вв. до н.э. частных усадеб, погибших в конце первой трети III в. до н.э., наравне с большинством греческих поселений в Северо-Западном Крыму. Третий – время упадка городища, ознаменованное значительным сокращением его площади и строительством небольших домов (около середины III – середина II в. до н.э.).

На центральном раскопе выявлена планировка северо-западной части херсонесской крепости первого греческого периода. В этот архитектурный комплекс входят два ряда помещений вдоль западной оборонительной линии и дома внутренней застройки крепости (см. *рисунок*).

Обнаруженные здания подвергались перепланировке не менее трех раз за время своего существования. Первоначально перед западной линией помещений располагалась большая площадь, вымощенная каменной крошкой и окруженная со всех сторон жилыми домами. В одном из таких домов, замыкавших площадь с юга, после первой реконструкции устраивается банный комплекс из трех смежных комнат. Результатом следующей перестройки было возведение в центре площади небольшого общественного здания, что привело к преобразованию оставшейся свободной части площади в улицы, шириной 1,2 м.

Археологические материалы свидетельствуют, что все перестройки укладываются в промежуток от середины IV до рубежа IV–III в. до н.э. Хронологическая интерпретация внутри периодов затруднительна, поскольку

Общий план греческого поселения на городище «Чайка».

в более позднее время здесь велось активное строительство и хозяйственная деятельность, способствовавшая повреждению ранних культурных слоев.

Таким образом, можно говорить о плотной жилой застройке, которая сильно отличалась по характеру от построек в южной и восточной частях крепости, где располагались склады и казармы (Попова, Коваленко, 2005. С. 17–18).

Здесь же были впервые зафиксированы слои, предшествовавшие возведению крепости. В частности, открыта значительная часть полуземлянки первых поселенцев, вероятно, ее строителей.

В юго-восточной части городища выявлены строительные остатки всех трех периодов греческого поселения (см. *рисунок*). На этом участке открыты южная оборонительная стена и помещения южной оборонительной линии крепости. Здесь располагался один из трех въездов на городище. Въезд представлял собой небольшой протирон – углубление наружной стены. Позже он был частично заложен, а полностью перестал функционировать одновременно с разрушением крепости. К западу от въезда обнаружены два небольших помещения. В одном из них возле восточной стены стоял каменный алтарь классической формы на ступенчатом основании.

Внутри крепостных стен самыми ранними были жилищно-хозяйственный комплекс из трех помещений, расположенный в один ряд параллельно помещениям южной оборонительной линии, и площадь, вымощенная каменной крошкой к северу от него. Через всю площадь по линии С–Ю проходила большая сточная канава, перекрытая плоскими камнями, включенными в вымостку. Канава, открытая более чем на 15 м в длину, была частью единой гидротехнической системы, в которую входили еще два водостока (большой и малый) к югу и западу от нее. Большой водосток, продолжение которого зафиксировано под вымосткой южного въезда, после разрушения крепости был отремонтирован и использовался в усадебное время (первая треть III в. до н.э.). При помощи этой системы лишняя влага с территории винодельческого комплекса и восточной части городища отводилась за его пределы.

После разрушения крепости на этой площади возводится частновладельческая усадьба. Она была встроена в уже существовавший, но частично разрушенный архитектурный ансамбль. Усадьба имела прямоугольную в плане форму, была ориентирована по сторонам света, как и все прочие строительные объекты городища. Реконструируемая площадь ее составляла около 470 м². Абсолютно аналогичные размеры (27,6 х 17 м) имела усадьба 1 на севере городища. В отличие от других усадеб пока сложно определенно говорить о ремесленной специализации ее хозяев. Учитывая ее расположение в непосредственной близости от продолжавшей функционировать Винодельни, а также то, что основной выход из нее вел на вымощенную площадь перед винодельческим комплексом, жилая часть которого к тому времени уже была разобрана, можно предположить, что они занимались виноделием.

В верхних горизонтах удалось зафиксировать строительные остатки второй половины III – первой половины II в. до н.э. – самого сложного для реконструкции планировки памятника временного отрезка.

Исследованный комплекс – один из немногих настолько полно сохранившихся объектов позднего греческого периода, связанного с упадком жизни в регионе (Егорова, 2012). Выявленные строения, по-видимому, представляли собой традиционную греческую усадьбу малой площади (около 250 м²). Планировка отвечала всем принципам греческого домостроительства: просторный двор окружен жилыми и хозяйственными постройками. В отличие от поздних строительных остатков на севере городища, большинство из которых представляли собой перестроенные помещения более ранних периодов (Попова, 2007. С. 28), дом в его юго-восточной части был сооружен заново на развалинах постройки предшествующей эпохи.

Выявленный комплекс позволяет сделать вывод, что площадь позднего греческого поселения была существенно больше, чем предполагалось ранее. Вероятно в той или иной степени было застроено более 50% первоначальной территории памятника.

Итогом раскопок курганного некрополя у пос. Заозерное стало исследование двух объ-

ектов, называвшихся «курганом 36» и «курганом 43», в действительности оказавшихся пятью отдельными слившимися насыпями.

Курган 36а (диаметром около 10 м, высотой около 0,8). Основным сооружением в этом кургане был каменный склеп, частично вырубленный в скале. Стенки его надстроены небольшими кладками из необработанных камней.

С западной стороны к склепу примыкал дромос в виде дорожки, ограниченной невысокими бортиками из необработанных камней. Дно дромоса выложено широкими плоскими камнями. В склепе были остатки «коллективного» захоронения. Все кости погребения смещены. Остались пять черепов и несколько других костей. Всего в погребении найдены кости шести человек (два ребенка и четверо взрослых).

Склеп был ограблен, из инвентаря осталась лишь маленькая бронзовая серьга в виде кольца. Дата определяется фрагментом венчика чернолаковой миски, относящейся к III в. до н.э.

Курган 36б (диаметром около 8 м). Основным сооружением в этом кургане был каменный кромлех (диаметром 5 м) из необработанных камней. Внутри, в выдолбленной в скале неглубокой яме, подтесанной по дну, лежали остатки скелетов на разных уровнях. В верхнем уровне – мелкие кости. Во втором уровне зачистки открыто захоронение, вытянутое на спине, головой на северо-восток. Кости смещены. Находок нет. В третьем уровне зачистки – остатки еще одного костяка, вытянутого на спине, головой на северо-восток. Кости также смещены. Инвентарь – только бронзовая сережка в виде маленького кольца.

В поле кургана открыто два погребения младенцев в херсонесских амфорах конца IV – III в. до н.э.

Курган 36в (диаметром около 10 м, высотой около 0,7). Центральное погребение – в яме, выдолбленной в скале со стенками, обложенными камнями. Внутри могилы было три скелета, расположенных ярусами. Все три принадлежали мужчинам разных возрастов, лежавших вытянуто на спине, головой на северо-восток. По фрагментам керамики от тризны дата кургана – III в. до н.э.

Курган 43а (диаметром 10 м, высотой около 0,9). Погребальное сооружение – типа каменного ящика. Стенки почти не сохранились. На подтесанной скальной площадке находилось скопление костей скелетов не менее чем 12 человек – взрослых и детей. Вперемешку с человеческими найдены обожженные кости животных. Среди костей – бусы, характерные для рубежа эр.

Курган 43б (диаметром около 8 м, высотой около 0, 9). Погребение было совершено в яме, выдолбленной в скале и обложенной камнями. Сверху зафиксированы остатки каменного заклада. В яме находились останки двух индивидов. Основной костяк лежал вытянуто на правом боку, головой на запад. К западу от могилы выявлено большое скопление керамики III в. до н.э.

Все погребения в курганах были ограблены. Человеческие кости встречались в насыпях и около погребальных сооружений. Лучше сохранились следы тризн захоронений раннего периода. Поздние погребения отмечены присутствием бус, характерных для позднескифских некрополей.

Все исследованные курганы содержали погребения, совершенные по одному погребальному обряду. Судя по остаткам инвентарей, в сооружения III в. до н.э. производились захоронения в I в. до н.э. – I в. н.э. Поскольку зафиксированный обряд аналогичен обряду, традиционному для боспорских некрополей этого времени, можно предположить наличие двух миграционных волн населения с Боспора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Егорова Т.В. Комплекс помещений позднего греческого периода (второй половины III – начала II в. до н.э.) в юго-восточной части городища «Чайка» // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н.э. Мат-лы конф. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 46–54.

Попова Е.А., Коваленко С.А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму: (по материалам Чайкинского городища). М.: Изд-во МГУ, 2005. 134 с.

Попова Е.А. Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III – II в. до н.э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму / Отв. ред. В.Л. Янин, Ю.Л. Щапова. М.: МГУ, 2007. С. 4–130.

ГРАФФИТИ ИЗ РАСКОПОК «ВЕРХНЕГО ГОРОДА» ФАНАГОРИИ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)1

© 2014 г. Н.В. Завойкина

Институт археологии РАН, Москва
(zavoykina@mail.ru)

Ключевые слова: античная цивилизация на юге России, Боспорское царство, Фанагория, керамика, эпиграфика, граффити.

Резюме. В ходе археологических исследований в Фанагории (раскоп «Верхний город»), было найдено более 160 граффити, вырезанных на внешней стороне поддонов столовой керамики и горлах, тулове амфор. Основное число находок относится к последней трети VI – IV в. до н.э. Выделяется пять групп граффити: многострочные надписи различного содержания; сакрально-магические граффити; цифровые надписи; 2-3-буквенные и однобуквенные граффити. Среди граффити преобладают торговые метки количества и качества товаров, их цены, долговые расписки, владельческие подписи, сакрально-магические надписи и рисунки. Краткий обзор показал основные группы граффито, но он, безусловно, не исчерпывает всего разнообразия надписей на керамике, найденных в Фанагории.

Археологические исследования в Фанагории сосредоточены в центре верхнего плато городища – раскоп «Верхний город». Исследования здесь были начаты в 1974 г. и продолжаются (с перерывом) до настоящего времени. Этот участок памятника, расположенный в его центре, имеет особое значение, поскольку именно здесь, в историческом ядре города, широкой площадью были исследованы слои второй половины VI – IV в. до н.э., связанные с ранней историей Фанагории. В ходе археологических работ была собрана представительная коллекция античных граффити, представленная более чем 160 разнообразными граффити. Граффити из раскопа «Верхний город» ранее почти не публиковались, исключение представляет граффито Симон, опубликованное Ю.Г. Виноградовым (2001).

Они предлагаются вниманию научной общественности впервые, поэтому основное внимание будет сосредоточено на характеристике близких по хронологии и содержанию граффити. Характер надписей различен. Наибольшее число (около 100 экз.) представлено 1–3-буквенными аббревиациями. Наименьшее число граффити представлено надписями (11 экз.), которые проливают свет на разные сферы жизни города. Предлагаемая классификации граффити по группам построена с учетом нескольких критериев: 1) вид керамики (столовая посуда: простая, чернолаковая и краснолаковая посуда; керамическая тара: амфоры, пифосы); 2) тип надписи (многострочные тексты; краткие выражения; 2-3- или 3-4-буквенные аббревиации; одиночные буквы); 3) рисуночные граффити.

Первая группа. Граффити, содержащие различные надписи, насчитывающие от нескольких строк до 2-3 слов. Они датируются преимущественно в пределах второй половиной VI – IV в. до н.э. Граффити вырезаны, как правило, на внешней стороне донъев столовой посуды, среди которых преобладают чернолаковые килики или скифосы, а также на стенках амфор. Заслуживают внимания два долговых письма на стенках керамических сосудов. Первое представляет собой одну из самых ранних надписей на Боспоре, датируется не позднее последней трети VI в. до н.э. Это запись о долгах двух фанагорийцев. Второе письмо, найденное в яме римского времени, было составлено не позднее первой полови-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-0016а.

не IV в. до н.э. Оно интересно упоминанием троих фанагорийцев и суммы их долгов, выраженной в драхмах и оболах. Из граффити на донъях аттических чернолаковых сосудов упомянем многострочную надпись, в которой упоминается имя фанагорийца и сумма его пожертвований в городской храм. Другое граффито, вырезанное на тулове аттической чернолаковой чаши, содержит личное имя, которое следует понимать как часть владельческой надписи: «(я (т.е. килик. – *Н.З.*) принадлежу) Питиму». Среди владельческих надписей следует назвать граффито «Никия», вырезанное на венчики пифоса и указывающее, что пифос принадлежал никоему Никию (V–IV вв. до н.э.). Еще одно граффито, состоящее из личного имени Павсаний, вырезанное на стенке амфоры, интерпретируется как «(принадлежит) Павсанию». Маркировка личным именем в данном случае указывает на принадлежность амфоры или партии амфор некоему Павсанию, жившему в Фанагории не позднее первой половины V в. до н.э.

Вторая группа представлена граффити, которые относятся с сакрально-магической сфере жизни. Находки происходят преимущественно из слоя классического времени. В эту группу входят аббревиации или слова, вырезанные на внешней стороне донъев чернолаковых сосудов разных типов или стенках амфор. В эту группу входят аббревиации или слова, вырезанные на внешней стороне донъев чернолаковых сосудов разных типов или стенках амфор. Она включает храмовые маркировки (прослеживаются по слову «священный», вырезанному на донъях сосудов), аббревиациями из 2-3 букв (например, AIE, AI, AIA), по всей видимости, сокращениями имен греческих божеств, в частности, Аполлона Иатроса, Афродиты. К этой группе можно отнести семь рисуночных граффити, видимо, сакрально-магического характера. Особый интерес представляют рисунки на ножке килика – процарапаны в центре ножки, по внешним сторонам изображены две головы барана и три кадуцея, символы Аполлона и Гермеса. Это граффито, вероятно, связано с мантикой, искусством прорицания, гадания. В числе надписей на стенках амфор упомянем два граффити, изображающих человеческий глаз: в первом случае он показан открытым, во втором – закрытым. Подобные рисунки могут быть связаны с культом Асклепия, но, возможно, носят и магический характер.

Третья группа. Цифровые и счетные граффити, вырезавшиеся на амфорах и столовой керамике; содержат обычно 2–5 (иногда и больше) букв в строке. Насчитывается 22 экз. Из Фанагории происходят три ручки эолийских амфор конца VI – первой половины V в. до н.э. с граффити в виде параллельных линий. Подобные метки известны повсеместно, например в Афинах. Они интерпретируются как мерные единицы объема амфор в хоях или котилах. Цифра, эквивалентная 6002, вырезана в аттической счетной системе на фрагменте горла амфоры V в. до н.э. Вероятно, это торговая маркировка, возможно, указывающая объем партии амфор или цену этой партии. Коммерческая запись, состоящая из 8 *дельт*, вырезанных в два столбца, представлена на стенке амфоры IV в. до н.э. Это граффито может пониматься как запись трапезита в 8 драхм или же как цифра 80, указывающая на фиксацию поэтапного поступления какого-то товара по 10 единиц. Серия цифровых граффито сохранилась на поддонах чернолаковых киликов и скифосов, которые информируют нас о ценах в Фанагории на эту экспортируемую из Аттики категорию посуды.

Четвертая группа, пока самая многочисленная, включает граффити из 2-3 букв, которые датируются V в. до н.э. – III в. н.э., различного содержания. Аббревиации из 2-3 букв, будучи одним из самых распространенных типов граффити, в то же время и наименее информативны, поскольку каждая аббревиация допускает несколько вариантов чтения. По мнению большинства исследователей, такие сокращения на поддонах столовых сосудов могут относиться к нескольким типам надписей: владельческие надписи, маркировки купцов и торговцев (например, имя местного контрагента и количество поставляемых сосудов). Фанагорийские граффити на донъях чернолаковых сосудов (около 42 экз.) можно разделить на основании первой буквы сокращений на несколько подгрупп: а) это сокращения, начинающиеся на *альфу*; б) – на *эту*; в) – на *каппу*; г) – на *мю*; д) – на *лямбду*; е) – на *пи*. К 4-й группе относятся и два владельческих граффити на поддонах черно-

лаковых сосудов, намеренно поврежденные или переправленные их новыми владельцами. Еще два граффити, начинающиеся на слоги ΒΙΡ- и ΑΒ-, вырезаны на дне простых мисок, могут быть начальными буквами личных имен владельцев этих сосудов или хранящихся в них продуктов. Интересный пример владельческого граффито, скорее всего общественного характера, представляет надпись ΔΕ, вырезанная на тулове килика, который был связан с большим общественным зданием. Предположительно данное граффито расшифровывается на основании аналогий с афинской агоры, как «общественный» (Завойкин, Кузнецов, 2011). Аббревиации из 2-3 букв часто фиксируются на горле или тулове амфор. В данном случае они уже относятся к торговым меткам, представляющим сокращения названий продуктов, хранившихся в сосудах, или их объема, размера партии товара. Например, граффито ΧΙ на горле амфоры IV в. до н.э., экспортируемой с о. Хиос, позволяет думать с учетом его местоположения и центра производства, что граффито подразумевает содержавшееся в амфоре хи(осское) вино. Граффито ΜΥΡ было вырезано до обжига по сырой глине на нижней части тулова миниатюрного кувшинчика эллинистического времени. Надписи на сырой глине обычно рассматриваются как метки гончаров или имя заказчика. В нашем случае такое понимание сталкивается с двумя трудностями: месторасположение граффито внизу тулова кувшинчика и характер расположения букв «вверх ногами». Отмеченные особенности позволяют предполагать, что рассматриваемый сосуд должен был храниться и/или продаваться плотно закупоренным и, видимо, лежащим на боку. Исходя из сказанного, можно думать, что в сосуде хранилась мазь или ароматическое масло. Поэтому сокращение ΜΥΡ – это маркировка косметической продукции, хранившейся в сосуде. Скорее всего, это была мирросодержащая мазь или мирровое масло.

Пятая группа. Однобуквенные граффити, вырезанные на внешней стороне доньев чернолаковых сосудов (26 экз.), а также на стенках амфор и доньях простой столовой посуды (20 экз.). Обычно представлены почти все буквы древнегреческого алфавита, за исключением редко используемых *пси, кси*. Трактуются однобуквенные надписи по-разному. Так, одиночные буквы на доньях чернолаковых сосудов понимают, как правило, в качестве начальной буквы имени владельца сосуда, но не исключается и указание его стоимости. Одиночные буквы на горле или тулове амфор, по мнению исследователей, могут обозначать какую-либо маркировку навклера или торговца – цифру, представляющую номер партии товара, первую букву названия содержимого сосуда. Например, граффити в виде *ипсилон*, вырезанные на трех ручках эолийских красноглиняных амфор последней четверти VI – первой четверти V в. до н.э., возможно, указывают на содержание в них определенного сорта вина или служат маркером для передачи этих трех амфор конкретному лицу в Фанагории.

Краткий обзор показал основные группы граффити, но он, безусловно, не исчерпывает всего разнообразия надписей на керамике, найденных в Фанагории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Ю.Г. Визит эвбейца в Фанагорию // ВДИ. 2001. № 1. С. 103–104.

Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. Древнейшее общественное здание в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 4. С. 188–198.

СЕЛЬСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В III–II ВВ. ДО Н.Э.[1]

© 2014 г. А.А. Завойкин[1], Г.П. Гарбузов[2]

[1] Институт археологии РАН, Москва
(bospor@inbox.ru)
[2] Южный научный центр, Ростов-на-Дону
(g_garbuz@mail.ru)

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Спартокиды, сельская территория, разведки.

Резюме. В работе на основе материалов разведок оцениваются изменения на сельской территории Таманского п-ова, произошедшие в III–II вв. до н.э. по сравнению с предшествующим периодом. Делается вывод о том, что в рассматриваемое время поселенческая система на Таманском п-ове сохраняет свой уровень развития, но при этом наблюдается резкое уменьшение амфорного импорта, поступавшего на сельскую территорию, а внутри системы поселений происходят заметные изменения иерархических отношений.

Ранее авторы предприняли попытку изучения динамики развития сельской территории Таманского п-ова со второй половины VI в. до н.э. до конца IV – первой трети III в. до н.э. включительно (см. Гарбузов, Завойкин, 2012). При этом оценивались изменения сельской территории, произошедшие в период владычества боспорских тиранов (Спартокидов) по сравнению со временем существования автономных греческих полисов. Нам представляется, что логично будет включить в такое исследование и период поздних Спартокидов.

Сведения письменных источников, литературных и эпиграфических памятников о Боспоре для III–II вв. до н.э. слишком скудны. Но само отсутствие для этого периода свидетельств масштабной торговли хлебом с центрами Эгеиды, столь примечательных для предыдущего столетия, может расцениваться как отражение кардинальных изменений в экономике Боспора. Нумизматические источники определенно говорят о том, что на Боспоре первые две трети III в. до н.э. были временем глубокого денежного и финансового кризиса. Естественно предполагать, что подобный ход событий каким-то образом отразился на состоянии сельской территории Таманского п-ова, тем более что такого рода «перестройка» давно уже археологически зафиксирована на европейской стороне Боспора в Восточном Крыму (Кругликова, 1975. С. 99, 203; Гайдукевич, 1981. С. 56; Масленников, 1998. С. 89–100).

Но на Таманском п-ове говорить об изменениях на сельской территории в это время сложно, поскольку изученность раскопками поселений эллинистического периода здесь невелика и не позволяет судить ни о планировке, характере застройки, бытовой культуре населения и т.п., ни о каких-либо новациях по отношению к столь же слабо изученному предшествовавшему периоду. Единственное обобщающее заключение о состоянии сельской территории Таманского п-ова в эллинистическое время предложено Я.М. Паромовым на основе анализа материалов разведок. Исследователь пришел к выводу, что именно в III–II вв. до н.э. на этой территории наблюдается максимум числа сельских поселений (Паромов, 1994. С. 10–11). Такое утверждение ко многому обязывает, поэтому мы попробовали оценить его обоснованность, опираясь на приведенные в работе Я.М. Паромова (1992) описания находок.

Уточнение с современных позиций системы атрибуции амфорного материала, на которую опирался Я.М. Паромов, и критический пересмотр приведенных им хронологических дефиниций говорят о том, что на самом деле из всего множества учтенных исследователем типов керамики можно выделить лишь немногочисленные группы материалов, служащие надежными «хроноинди-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-06-00081а.

каторами» перехода между IV – первой четвертью (третью) III в. до н.э. и более поздним периодом. Наш обзор массового материала из указанной работы (Паромов, 1992) позволяет считать, что сложившаяся в IV в. до н.э. структура территориального распределения поселений вероятнее всего сохраняется до конца эпохи Спартокидов. Сказанное относится и к особенностям размещения поселений, и в целом к их количеству. При этом нет оснований предполагать для III–II вв. до н.э. какое-то «дальнейшее развитие» поселенческой системы.

Понятно, что одно только соотношение численности поселений в IV и III–II вв. до н.э. не может с необходимой достоверностью характеризовать изменения в развитии сельской территории региона. Дополнительные доводы следует искать в статистических оценках найденных при раскопках или разведках материалов. Среди таких оценок отметим, например, выявленный для III в. до н.э. резкий спад по сравнению с предшествующим периодом объемов поступления с Боспора в Прикубанье товаров, перевозимых в амфорах (Улитин, 2006). Другой важный пример дают расчеты объемов амфорного импорта на некоторых из сельских поселений Азиатского Боспора, приведенные в диссертации Е.В. Кузнецовой. Из ее расчетов следует, что с середины IV в. до н.э. на сельских памятниках начинается снижение объемов импорта, которое продолжается в течение всего III в. до н.э. (Кузнецова, 2013). Для количественных оценок уместно также использовать материалы, полученные в ходе разведок Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН. По ним на рис. 1 построены хронологические распределения датированной керамики (в виде процентного распределения нагрузок; нагрузка означает факт отнесения фрагмента керамики к заданному интервалу хронологической шкалы, при этом один широко датируемый фрагмент нагружает сразу несколько узких интервалов) для ряда изученных разведками поселений в сравнении с распределениями, рассчитанными по описаниям Я.М. Паромова (1992)[1].

Как видно из рисунка, на всех крупных сельских поселениях (Соленый-3, Кучугуры-5+7, Сенной-2, Виноградный-4, Виноградный-2) (рис. 1, *а–д*) по нашим данным прослеживается резкое падение числа находок импортных амфор при переходе от IV к III–II вв. до н.э. Этот эффект не отмечается лишь на небольших памятниках (усадьбах) на хоре Фанагории (Приморский-12, 15, 19, 20) (рис. 1, *и–м*). Приведенные результаты подтверждают, что при поздних Спартокидах «уровень потребления» на сельской территории, условно оцениваемый по амфорному импорту, в целом существенно падает.

Снижение объемов импорта в III–II вв. до н.э., по-разному проявляющееся на памятниках разного ранга, наглядно обнаруживается при анализе результатов наших разведок на хоре Фанагории: на площади 9 км^2 выявлено не менее 54 областей высокой концентрации керамики, предположительно связанных с сельскими поселениями. Мы рассчитали число датированной керамики на единицу площади (плотность распределения керамики) в обследованной части хоры Фанагории для ряда хронологических периодов и по единому пороговому значению этой плотности построили условные оценки площадей выявленных разведками поселений в соответствующее время (рис. 2)[2]. Такое представление данных показывает, что суммарная активно обжитая площадь поселений сильно уменьшается от IV к III–II вв. до н.э. (от 62 га до 22,3 га при переходе от IV к III в.), причем в основном за счет сокращения площади крупных памятников. С точки зрения числа и расположения поселений сложившаяся в IV в. до н.э. общая структура поселенческой системы в последующие два столетия меняется не слишком сильно (количество вероятных поселений в IV в. до н.э. составляет 52, в III в. – 48, во II в. – 47).

На нынешней стадии исследования осталось подытожить полученные наблюдения и сделать некоторые предварительные выводы.

1. Хронологический анализ материалов разведок не дает основания говорить о том, что поселенческая система на Таманском п-ове в III–II вв.

1 Объемы выборок датированной керамики по памятникам (наши разведки / описания Я.М. Паромова): Соленый-3 (621/77), Кучугуры-5+7 (870/64), Сенной-2 (734/11), Виноградный-4 (2189/26), Виноградный-2 (595/133), Приморский-12 (18/29), Приморский-13 (60/49), Приморский-15 (20/31), Приморский-16 (54/34), Приморский-17 (89/54), Приморский-19 (12/3), Приморский-20 (60/20).

2 Всего в сборах датировано более чем 3500 фрагментов керамики (97% амфорных). Пороговым значением при выделении областей высокой плотности датированной керамики служила величина, равная 4 фрагментам с необходимой датой на 1 га. В границах крупных памятников, определенных с учетом всей, датированной и недатированной, керамики, нередко выделялось по несколько «пятен» повышенной концентрации датированной керамики.

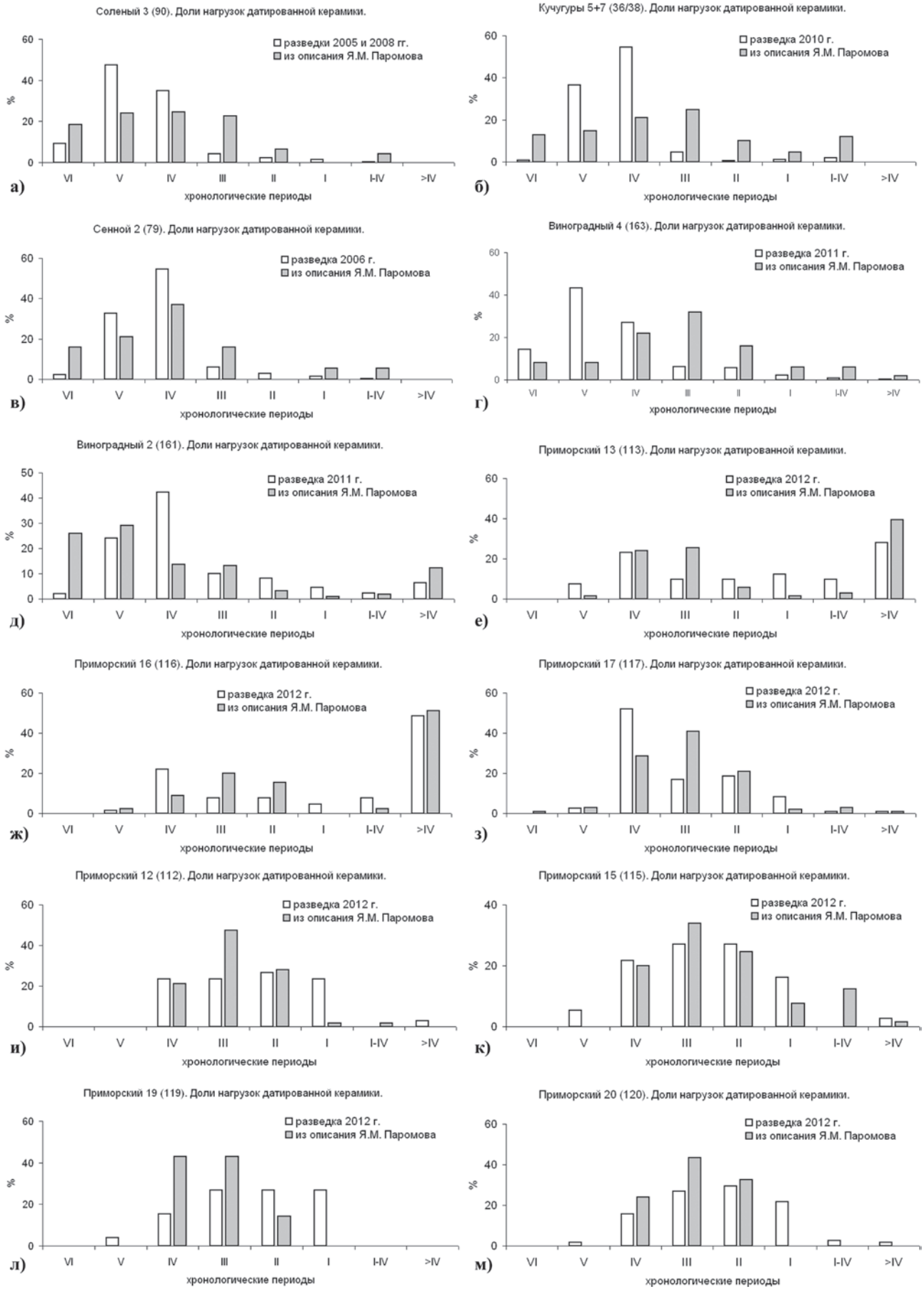

Рис. 1. Распределения датированной керамики по хронологическим периодам (VI в. до н.э. – позже IV в. н.э.) для сельских поселений Таманского п-ова, построенные по данным разведок Фанагорийской экспедиции ИА РАН 2005–2012 гг. и по описаниям (Паромов, 1992).

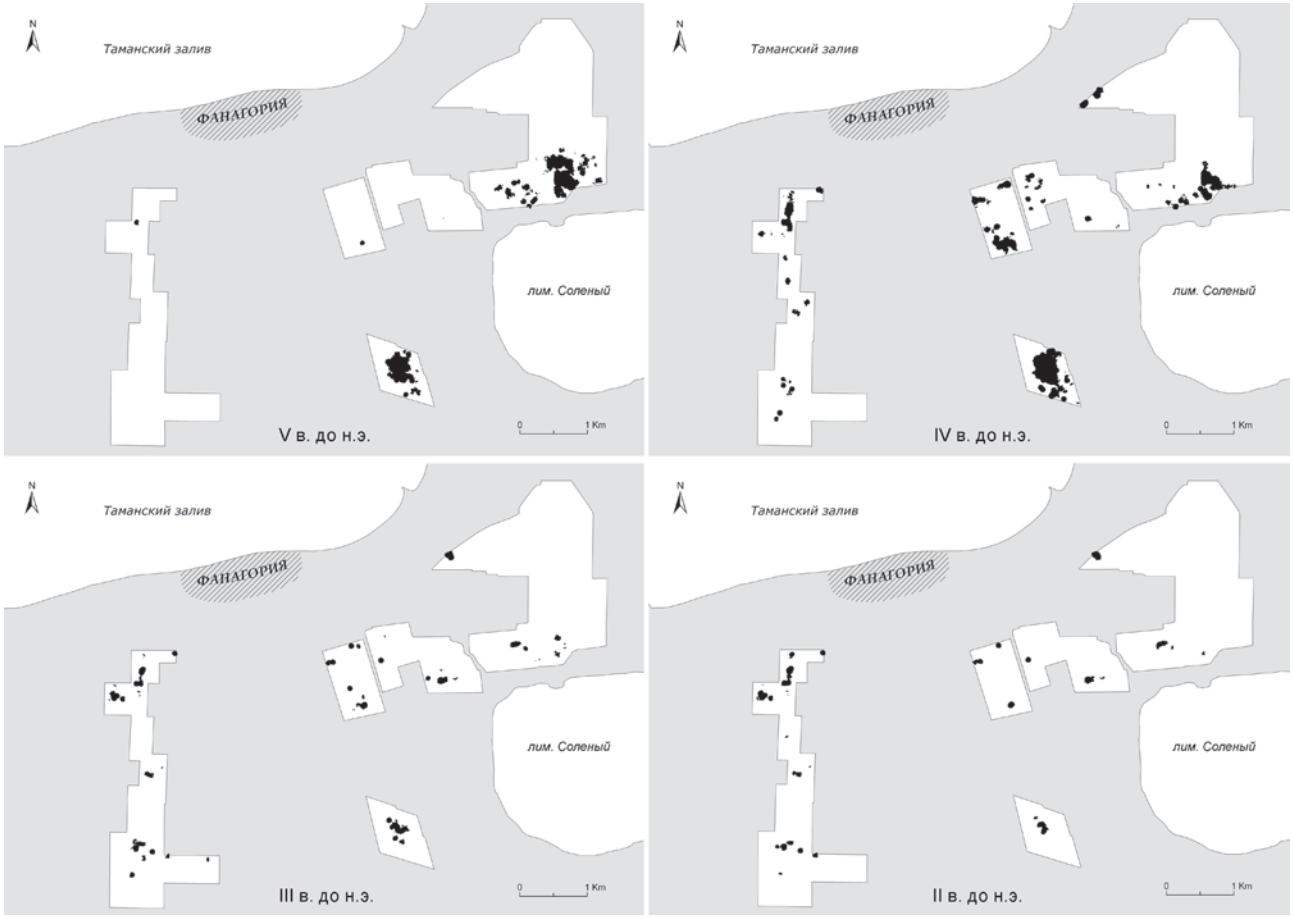

Рис. 2. Изменения размеров областей с высокой плотностью датированной керамики в течение V–II вв. до н.э.

до н.э. достигает пика в своем развитии по численности поселений, превосходя показатели предыдущего столетия. Скорее следует предполагать небольшое сокращение численности поселений.

2. Структурный облик сельской территории, сложившийся еще в V в. до н.э. и окончательно оформившийся в IV в. до н.э., в период поздних Спартокидов в целом сохраняется. На хоре Фанагории единственные структурные изменения, которые хорошо заметны в это время – смена иерархических отношений внутри системы поселений.

3. С полной определенностью можно говорить о том, что объем амфорного импорта, поступавшего на сельскую территорию, в III–II вв. до н.э. резко уменьшается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдукевич В.Ф. Загородная усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города (Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат). Л.: Наука, 1981. С. 55–75.

Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI – V вв. до н.э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н.э.) // Древности Боспора. Т. 16. М.: ИА РАН, 2012. С. 114–149.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.

Кузнецова Е.В. Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI–III вв. до н.э. (по данным керамической тары): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2013. 23 с.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 304 с.

Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М.: ИА РАН // ИНИОН РАН. 1992. Депон. № 47103 от 01.10.1992.

Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1994. 25 с.

Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.

О РАЗРУШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ И НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2

© 2014 г. С.В. Кашаев

Институт истории материальной культуры РАН, Санк-Петербург
(kashaevs@ mail.ru)

Ключевые слова: Таманский полуостров, Артющенко-2, поселение, некрополь, разрушение, охрана памятников.

Резюме. Проблема сохранения археологических памятников, являющихся частью культурного наследия народов России - одна из насущных тем современной археологии. В статье рассмотрена проблема разрушения памятника археологии «поселение и некрополь Артющенко-2».

Памятник Артющенко-2 расположен в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Поселение открыто в 1997г., с 1998г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводит раскопки поселения, а с 2003 г. приступил к раскопкам некрополя.

В ходе проведенных на поселении в 1998-2013 гг. раскопок была обнаружена серия хозяйственных ям с различным материалом начала V – III в. до н.э. Всего было исследовано 44 хозяйственных ямы и ряд других объектов; признаков построек на поселении обнаружено не было. Общая вскрытая площадь на поселении составила около 1055 кв. м. Самые ранние находки могут быть отнесены к концу VI или рубежу VI–V вв. до н.э.

На некрополе Артющенко-2 в 2003-2013 гг. были проведены исследования на площади примерно 3850 кв. м., обнаружено 142 погребения, из них 12 погребений доследовано за грабителями, такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

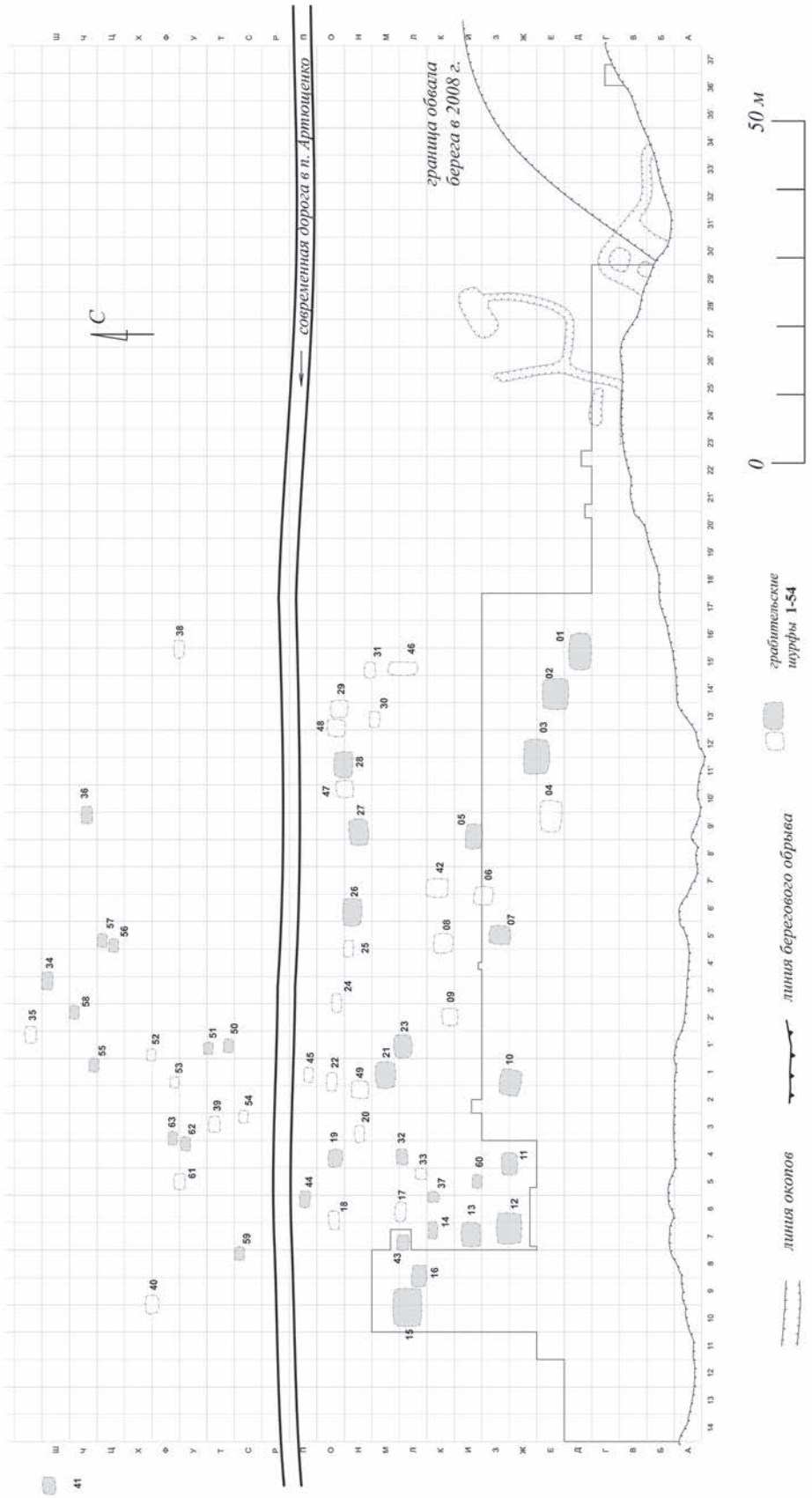
Наиболее ранние захоронения, датируются концом VI или рубежом VI–V вв. до н.э., а самые поздние II в. до н.э., но большинство (около 70-75 %) открытых погребений укладывается в промежуток около ста лет, между началом V – началом IV в. до н.э.

В настоящее время весь памятник интенсивно разрушается и гибнет, а его раскопки носят спасательный характер. Причин разрушения две, естественная (природная) и антропогенная, рассмотрим их подробнее.

Поселение и некрополь Артющенко-2 расположены на крутом, обрывистом берегу Черного моря. Практически ежегодно на разных участках берега происходят обвалы и оползни, причиной которых является мощная абразия.

Наблюдение за состоянием берегового обрыва мы проводим ежегодно, начиная с 1997 г., отслеживаем динамику и характер разрушений. Можно отметить, что в 1990-х годах на обрывах в районе памятника еще сохранялись специальные репера, установленные еще в советское время и предназначенные для отслеживания динамики разрушения берега. Впоследствии они все исчезли, видимо, сданы были в металлолом.

По нашим наблюдениям можно сказать, что в силу геологических особенностей данного участка Таманского побережья из-за абразии происходит постоянное, интенсивное разрушение памятника. Каждый год вдоль берегового обрыва на разных участках образуются глубокие трещины, через некоторое время, под действием грунтовых вод, трещины расходятся, участки берега откалываются, сползают по наклонно залегающим слоям глины и размываются морем. Разрушение происходит ежегодно, но на разных участках берега. В первую очередь разрушается тот береговой мыс, который наиболее выступает в море.

Некрополь Артющенко-2. План расположения раскопа и грабительских шурфов 2003-2013 гг.

За время нашей работы на памятнике оползнем разрушены значительные участки берега. В 1997-2002 разрушения происходили в основном в западной части памятника, в районе поселения. Обвалы в районе некрополя весной 2002-2003 гг. полностью разрушили несколько погребений некрополя.

Летом 2006 г. к востоку от некрополя обрушилась часть берега размером примерно 60х80 м. Летом 2008 г. участок некрополя размером примерно около 30х90 м, примыкающий к месту нашего раскопа. Обвалилось одно из исследованных ранее погребений, а так же площадь, намеченная для проведения раскопок. В 2007-2011 гг. возобновились интенсивные разрушения в западной части памятника, в районе поселения. Значительные осыпи произошли в апреле 2010 г. От коренного берега откололся и съехал в сторону моря участок размером примерно 130х170 м. При этом, оползнем разрушен участок грунтовой дороги, проходившей вдоль обрыва.

О степени абразии за более длительное время мы можем судить на основании аэрофотоснимков местности 1958 г. и современных космических снимков этих же участков сделанных в 2006 и 2011 гг. Анализ и сравнение этих снимков позволяет отследить динамику разрушения брега за прошедшее время. Хорошим репером в этом случае являются окопы и блиндажи времен Великой Отечественной войны, они хорошо заметны и на тех и на других фотографиях. За 50 лет на разных участках берега динамика разрушения была различной. В некоторых местах, выступающих в сторону моря, мысовые участки разрушились на 50-60 м. На относительно прямых и крепких участках берега разрушения были не столь масштабными: обвалилось около 10-20 м.

Помимо мощной абразии вторым фактором, угрожающим сохранности памятника, стали грабители. Следы мелкого грабежа фиксировались на поселении и некрополе постоянно, в основном это сводилось к поиску монет на поверхности или небольшим выборкам в береговом обрыве. Все эти разрушения не носили столь катастрофического ущерба, как то, что произошло в последние годы.

Весной 2009 г. на некрополе Артющенко-2 впервые были зафиксированы следы крупномасштабных грабительских работ. Грабители орудовали в зимне-весенний период. К лету 2013 г. в общей сложности на площади некрополя было обнаружено 63 грабительских шурфа (рис.1). На поверхности многих из них находились фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и другие находки из разоренных древних захоронений. В таких случаях можно говорить, что грабительские шурфы точно попали на погребения.

С помощью своих методик грабители определяли места погребений, находящихся на глубине 1,5-1,6 м от поверхности, с большой точностью. Активно для этого использовались длинные, более 2,0 м, металлические щупы ромбического сечения. Их следы в виде ромбов размером 1,5х2,5 постоянно фиксируются на зачищенной поверхности раскопа.

После определения места расположения могилы грабители закладывали один или два шурфа, в пределах могильной ямы, прокапывали их на глубину 1,5-2,0 м, делали подбои во все стороны и выбирали археологический материал. Почти все шурфы были засыпаны самими грабителями и иногда замаскированы травой и дерном. Некоторые шурфы были засыпаны грабителями примерно на две трети и хорошо были заметны на поверхности.

Все грабительские шурфы были нами зафиксированы, для каждого были взяты отметки координат JPS, проведена фотофиксация их общего вида и находок с поверхности. По прошествии времени очень затруднительным является определить точные размеры шурфов без раскопок, поэтому фиксировались примерные размеры заметные на поверхности.

По результатам фиксации все обнаруженные шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы нанесенного ущерба.

О незаконном повреждении памятника своевременно были информированы Управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (г. Краснодар) и органы милиции.

Практически сразу после первых грабительских работ в июне 2009 г. милиция задержала местного жителя и изъяла находив-

шиеся у него артефакты, которые он пытался вывезти через Порт-Кавказ. К их атрибуции и описанию были привлечены и сотрудники Таманского отряда, находки были сфотографированы и зарисованы. Проведенная милицией почвоведческая экспертиза подтвердила, что все они происходят с разграбленного некрополя Артющенко-2. Следствие по делу ничем не закончилось.

В процессе наших работ в площадь раскопа попали и разоренные грабителями могилы, особо можно отметить несколько. Огромный сырцовый склеп (*Погребение Г3),* в котором было устроено два грабительских прокопа – в ногах и в голове. Нам удалось зафиксировать конструкцию склепа. На дне склепа в полиэтиленовом пакетике грабители оставили некоторые находки - железный меч, наконечники стрел железные и бронзовые, свинцовые пряслица и фрагменты керамики V в. до н.э.

Уникальная для некрополя конструкция могильного сооружения зафиксирована в *Погребении Г8*, которое предположительно может относиться ко второй четверти V в. до н.э. Это большая могильная яма размером 2,2х3,2 м, в центре которой находилось четыре углубления, предположительно предназначенные для установки в них ножек саркофага. Почти вся центральная часть могилы перекопана грабителями, в углу сохранилась не обнаруженная ими амфора. В грабительском перекопе были найдены несколько артефактов оставленных грабителями: два железных копья и втоки к ним, бронзовая ворварка, массивный серебряный перстень и фрагменты бронзового ситечка.

Судя по очень необычной конструкции могилы и обнаруженному инвентарю – серебряному мужскому перстню, оружию, бронзовому ситечку и целой амфоре, данное погребение изначально содержало большое количество инвентаря. Это было если не самое богатое, то одно из самых богатых и значительных погребений некрополя.

В *Погребении Г10* грабители практически по центру сели на сырцовый склеп и подбоем выбрали все содержимое. Нам удалось найти красноглиняную ойнохою, небольшую мисочку с ручкой, 3 бронз перстня. Эти находки относятся к концу VI в. до н.э.

Очень интересным примером является парное *Погребение 83*. После расчистки могилы стало видно, что вся она пробита грабительскими щупами. Особенно пострадал женский череп. Можно сказать, что грабители нашли эту могилу, но по какой-то причине не вскрыли. Возможно, потому что инвентарь в ней был положен очень компактно в углу могилы, и они не попали на него щупом. Среди инвентаря этого погребения находился разнообразный набор керамики третьей четверти V в. до н.э., включая чернолаковые и расписные сосуды, несколько мелких предметов и в том числе золотая бусина.

Выше перечисленный комплекс проблем (абразия берега и деятельность грабителей) обозначил круг незамедлительных мероприятий по изучению памятника: требуется проведение безотлагательных планомерных спасательных работ на некрополе Артющенко-2; предотвращение дальнейшего разграбления некрополя, организация его охраны. Только в таком случае возможно постоянное изучение и пополнение информации о его структуре, площади, хронологии, культурно-этнографической атрибуции, экономических и политических связях.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗОЛЬНИКА II АНТИЧНОГО МИРМЕКИЯ

© 2014 г. В.П. Колосов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.
(tepavi@yandex.ru)

***Ключевые слова*:** зольник, массовый материал, статистический анализ, амфорные клейма.

Резюме. Работа посвящена изучению археологического комплекса зольник II античного городища Мирмекий. Слои зольной насыпи состоят из напластований серо-коричневого суглинка и прослоек золы и раковин мидий, насыщены большим количеством археологического материала (в основном фрагментов керамики). Судя по датировке обнаруженных в зольнике амфорных клейм, период его формирования ограничивается концом IV – началом II в. до н.э. Тем не менее до настоящего времени не было четкого представления ни о структуре, ни о хронологических этапах бытования этого комплекса. В работе представлены данные о категориях находок полученных в ходе археологического исследования комплекса, а также информация о взаимовстречаемости массового и датирующего материала, полученная на основе статистических методов.

В течение длительной истории исследования городища Мирмекий было получено огромное количество информации о жизни древнего города. Среди различных археологических объектов, открытых на его территории, особое внимание исследователей привлекают так называемые зольники – мощные зольные насыпи, насыщенные разнообразным материалом, в основной массе – керамикой. Всего к настоящему времени в Мирмекии обнаружено четыре подобных объекта, два из них – к западу и востоку от скалы Карантинного мыса, а также два – на участке «И», за которыми закрепились названия «зольник I» и «зольник II».

Основная часть зольника II, была раскопана В.Ф. Гайдукевичем в 60-е гг. (1966. С. 28–30). Юго-западный участок, остававшийся не раскопанным, доследовался в течение полевых сезонов 2008–2011 гг. Мирмекийской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.М. Бутягина. Неизученная часть зольника в 2008 г. представляла собой холм высотой порядка 3,5 м, вытянутый по линии В–З на 35–40 м и по линии С–Ю на 10–15 м. Площадь раскопа в 2008 г. была разбита на 6 квадратов: А–Е, а с 2009 г. к ним в восточной части добавились квадраты Ж и З (рис. 1, *1*).

Поверхность зольника была нарушена многочисленными грабительскими ямами и разными перекопами. Вдоль северо-западной границы раскопа на всю глубину вскрытой насыпи зольника прослежены слои светло-серого суглинка, отвалы раскопок 60–80-х гг.

В центральной и северо-восточной частях участка слои зольника прорезаны перекопом времен Великой Отечественной войны, представлявшим собой рыхлый коричневый суглинок, в котором кроме античного материала присутствуют предметы военного времени (кв. А и З).

Непотревоженные слои зольника представляют собой сочетания коричневого суглинка с прослойками серой супеси, темно-коричневого суглинка, прослоек пепла и раковин мидий. Слои насыщены большим количеством вещевого и керамического материала. Наибольшую мощность слой зольника имеет в юго-западной части раскопа – порядка 2 м (рис. 1, *2*).

В целом археологический объект «зольник II» не является однородной структурой, а представляет собой совокупность культурных напластований разного происхождения: отвал, образованный в ходе раскопок второй половины XX в., перекоп времен Великой Отечественной войны и непосредственно насыпь самого зольника, сохранившаяся непо-

вредженной. В свою очередь зольник, формировавшийся на протяжении долгого периода времени, имеет сложную стратифицированную структуру. Слои его состоят из напластований многочисленных линз небольшого диаметра и мощности, разборка которых по отдельности в реальных условиях практически невозможна. К сожалению, такие геоморфологические особенности слоя не позволили в ходе полевых исследований выделить отдельные хронологические горизонты, оставив возможность изучать напластования зольника только как единый комплекс.

Цель настоящей работы – получение данных о времени бытования зольника II и этапах его формирования. Требуется установить, имеется ли в слоях устойчивая закономерность изменения датирующего и массового материала. Основные задачи исследования следующие: во-первых, систематизация и анализ полученного в ходе раскопок датирующего материала (амфорных клейм); во-вторых, анализ структуры (стратиграфической и планиграфической ситуации) археологического комплекса; в-третьих, проследить изменение процентного соотношения массового материала в слоях зольника; в-четвертых, определить, имеются ли корреляции между изменением процентного соотношения основных групп массового и датирующего материала.

Информация о периоде бытования зольника и этапах его формирования была получена на основе анализа распределения в слоях амфорных клейм. Всего в слоях зольника было обнаружено более 500 клейм по большей части таких центров, как Синопа и Гераклея Понтийская, реже встречаются клейма Родоса, Фасоса и Книда. Основная часть клейм, поддающихся датировке, относится к IV–II вв. до н.э., небольшое количество – к концу V или I в. до н.э. Несмотря на то что структура зольника не имеет четко выраженных хронологически дифференцированных прослоек и не во всех условных горизонтах был обнаружен датирующий материал, удалось уловить устойчивую закономерность в соотношении датировок клейм и положении условных горизонтов (рис. 1, *3*).

В северо-восточной части раскопанного в 2008–2011 гг. участка комплекса (кв. Д, Е и Ж), который расположен ближе к центральной части зольника, обнаружены клейма раннего периода (первая половина IV в. до н.э.). Наиболее ранние из них – в нижних условных горизонтах и в кв. Ж.

В юго-западных квадратах участка (Б, В и Г), которые располагались на краю зольника – больший процент поздних клейм (250 г. до н.э. и позднее), причем более поздние найдены в верхних условных горизонтах кв. Б и В и в западной части кв. В и Г. Здесь были обнаружены остатки каменной кладки, которая была оградой зольника. Этим объясняется наличие в нижних горизонтах кв. В и Г (за оградой) большого количества позднего материала.

В кв. А и З, на юго-восточном участке раскопа, зольник был существенно разрушен в годы Великой Отечественной войны, поэтому материал из этих квадратов не может отражать динамику формирования комплекса.

Материал, выявленный в ходе археологических изысканий 2008–2011 гг., при значительном количестве отличается и большим разнообразием. В абсолютных цифрах и процентном соотношении между группами массового керамического материала наблюдается следующая картина. Большую часть керамики составляют фрагменты тарных амфор: 232743 находки, что составляет порядка 74% от всего объема. Далее (проценты без учета амфорной тары) основные группы керамического материала распределяются следующим образом: красноглиняная – 35714 фрагментов (43%), кухонная – 18743 (20%), красноглиняная лаковая – 9066 (11%), из которой чернолаковая насчитывает 5714 фрагментов (7%), буролаковая – 1926 (2%), краснолаковая – 1426 (2%), сероглиняная керамика насчитывает 2886 (3%), кроме того сероглиняная лаковая – 231 (менее 1%), лепная – 5051 (6%), толстостенная – 1370 фрагментов (около 2%) и, наконец, 588 фрагментов светильников (около 1%) (рис. 2, *1*).

Как уже было сказано, в процессе раскопок культурный слой снимался условными горизонтами (около 0,2 м) с отдельной выборкой характерных прослоек (заполнения строительных комплексов, ям и т.д.). В отдельный список описи заносился перечень всех находок из каждого условного горизонта определенного квадрата или выявленных в этом квадрате прослоек.

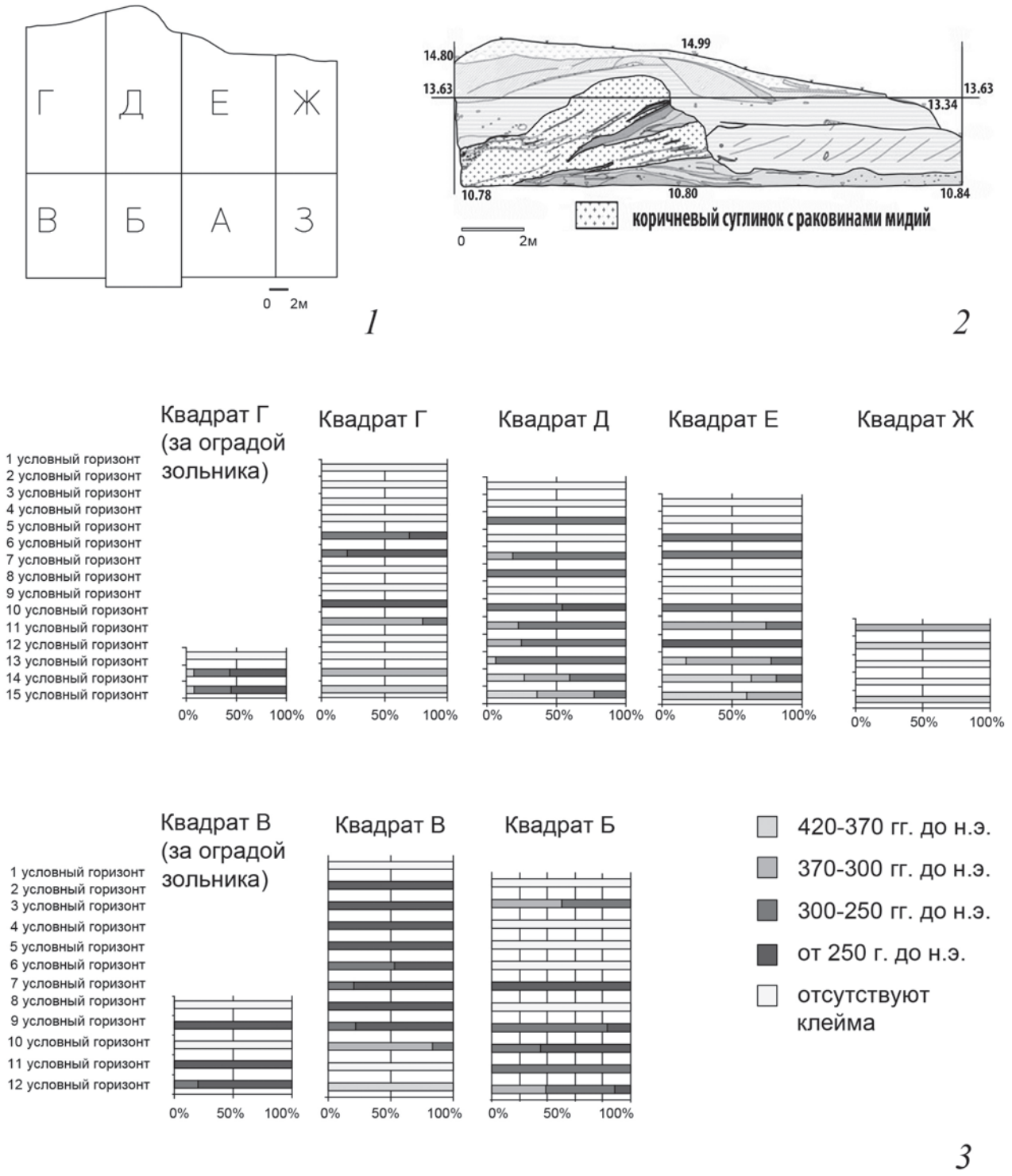
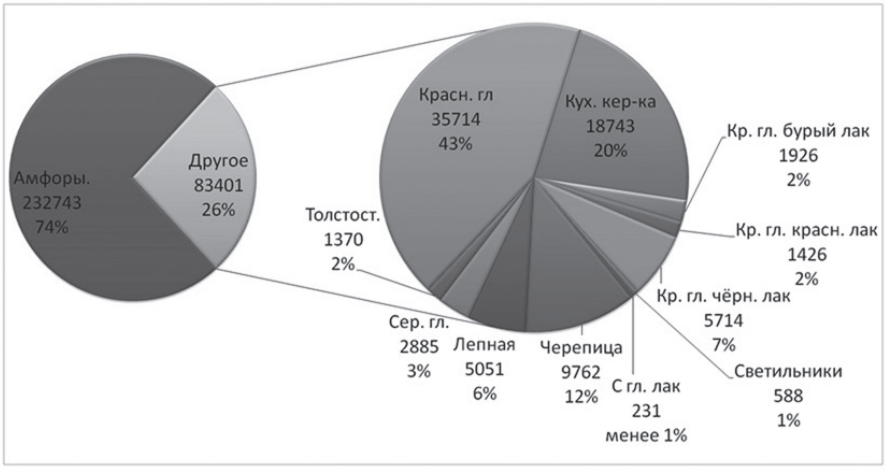
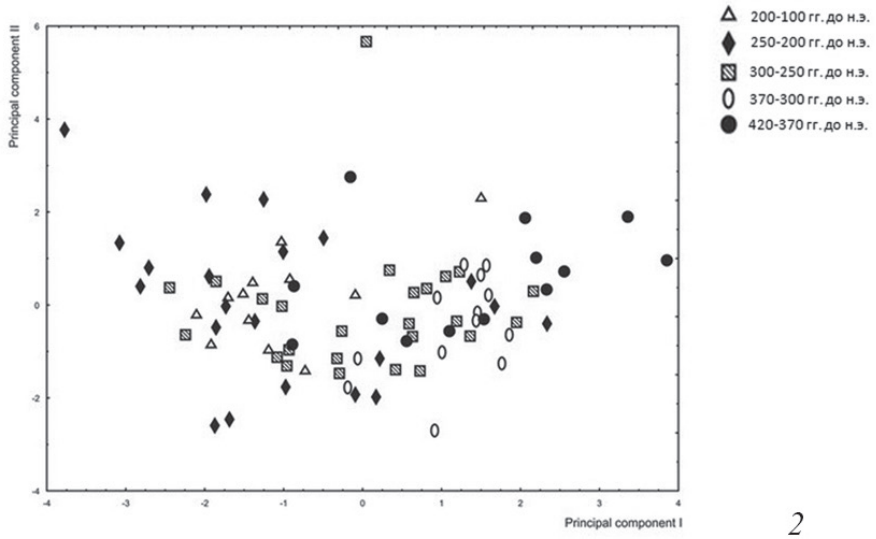

Рис. 1. Мирмекий. Участок «И», раскоп «Зольник II». *1* – схема разбивки квадратов раскопа; *2* – центральный стратиграфический разрез по линии З–В, вид с юга; *3* – диаграммы распределения датирующего материала (амфорные клейма) по условным горизонтам.

1

2

Рис. 2. Мирмекий. Зольник II. *1* – основные группы массового керамического материала (абсолютные значения и процентное распределение); *2* – положение групп керамики в пространстве первых двух главных компонент.

Для статистического анализа были отобраны 83 списка находок, полученных из непотревоженных слоев зольника. Данные о процентном соотношении 11 категорий массового материала в этих списках были проанализированы при помощи метода главных компонент. Списки разделены на пять хронологических групп в соответствии с датировкой обнаруженных в них амфорных клейм. Суммарная численность материалов в списках варьирует от 37 до 1628 фрагментов.

Положение списков в пространстве первых двух главных компонент (ГК) см. на рис. 2, *2*. ГК I (23 % общей изменчивости) отражает постепенное увеличение в анализируемых выборках процента встречаемости таких категорий, как светильники, амфоры (профильные части), сероглиняная керамика и черный лак. При столь же последовательном умень-

шении доли лепной керамики – здесь последовательность расположения списков в целом соответствует их относительной хронологии, установленной по клеймам: от более ранних к более поздним. Единственное исключение состоит в том, что списки из двух самых ранних слоев почти не отличаются друг от друга по средним показателям долей разных категорий посуды. Тем не менее различия межу ними прослеживаются по степени вариабельности признаков: в первом периоде проценты встречаемости разных категорий посуды варьируют существенно меньше, чем во втором.

В ГК II (17 % изменчивости) представлена вариация двух признаков, связанных друг с другом высокой отрицательной корреляционной связью, – это черепица и красноглиняная керамика. В верхней части графика находятся списки, в которых черепица встречается чаще, красноглиняная керамика реже. Это более характерно для самых ранних и самых поздних хронологических периодов. В среднем периоде, наоборот, доля красной глины больше при меньшей доле черепицы. Данная тенденция, однако, выражена слабее, чем закономерности, представленные в первой главной компоненте.

Единственный список в поле максимальных значений координат в ГК II представляет собой случайное отклонение показателей малочисленной группы (74 фрагмента), в которой полностью отсутствуют 5 категорий посуды из 11. Можно констатировать, что результаты многомерного статистического анализа массового материала позволяют выявить основные тенденции в изменении процентных соотношений различных категорий посуды, соответствующие реальной относительной хронологии.

Таким образом, в ходе анализа удалось установить устойчивую закономерность в изменении процентного соотношения датирующего материала (амфорных клейм) в структуре зольника II. Процент поздних клейм увеличивается от нижних горизонтов к верхним, в западных участках раскопа он существенно выше, чем северо-восточных, отражая этапы формирования комплекса. Кроме того, соотношение основных групп массового материала, соответствует закономерности, прослеженной на датирующем материале, что подтверждается статистически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайдукевич В.Ф. Мирмекийские зольники – эсхары // КСИА. 1966. Вып. 103. С. 28–37.

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЗДАНИЯ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО – РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ФАНАГОРИИ[1]

© 2014 г. Ю.Н. Кузьмина

Институт археологии РАН, Москва
(julia_orient@mail.ru)

Ключевые слова: Боспор, Фанагория, позднеархаическое – раннеклассическое время, монументальное общественное здание, чернофигурная аттическая керамика.

Резюме. В работе анализируется материал из объекта 464, исследованного в 2012–2013 гг. в центральной части Фанагории. Состав находок оттуда выглядит абсолютно неординарным и не бытовым: многочисленные миниатюрные светильники, аттические чернофигурные чаши для питья и пр. В совокупности с размерами здания (более 100 м2), а также особенностями его местоположения очевидно, что объект 464 – одна из наиболее ранних монументальных общественных построек Фанагории, начавшая свое существование во второй половине VI – начале V в. до н.э. и разрушенная пожаром, связанным с военными действиями во второй четверти V в. до н.э.

В 2012–2013 гг. на раскопе «Верхний город» (Западный участок) проводилось исследование культурного слоя позднеархаического – раннеклассического времени (выражаю благодарность начальнику Фанагорийской экспедиции ИА РАН д-ру ист. наук В.Д. Кузнецову за предоставленный материал). Одно из доминирующих архитектурных сооружений на исследуемом участке – монументальное общественное здание (объект 464), включавшее в разные строительные периоды до четырех помещений. Оно было ориентировано с востока на запад и имело длину не менее 20 м, а ширину не более 5 м (Кузнецов, 2012. С. 20). Здание было выстроено из сырцового кирпича.

Вероятно первоначально здание 464 имело три помещения (пом. 1+2, пом. 3, пом. 4). Помещение 1+2 было довольно значительным по размерам; в 2012–2013 гг. исследована лишь его часть размером не менее 20–25 м^2, остальная часть уходит в борта раскопа. Помещение имело два уровня пола. Интересным представляется то, что при разборе поверхностей полов удалось проследить, как они проседали в ямы предшествующего периода (объекты 801, 806, 807). Материал из этих ям также будет рассмотрен. При последующей перестройке здания помещение 1+2 было разделено стеной 464/2 на два помещения. Размеры самого восточного Помещения 1, образованного стенами 464/1 и 464/2, вероятно, составляют не менее 15–20 м^2 (более точные размеры не известны, так как южная часть помещения уходит в борт раскопа). Помещение 2, ограниченное стенами 464/1, 464/2 и 464/3, имело размеры около 8–10 м^2. Помещение 3 было образовано стенами 464/1, 464/3 и 464/4. Размеры его исследованной части составляют более 18 м^2 (вероятно, его размер был около 30 м^2). У стены 464/1 (северная часть помещения) на уровне пола был исследован небольшой неглубокий «приямок» (1,2 х 1,15 х 0,35 м), в который плавно опускалась поверхность пола, на дне которого обнаружен глинобитный очажок, возможно, алтарик (сохранившиеся размеры – 0,42 х 0, 18 х 0,04 м). Помещение 4 образовано стенами 464/1 и 464/4. Часть помещения уходит под южный и западный борта. Исследованные размеры помеще-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-31-01293.

ния составляют около 6,5 м², но вероятно, что оно было значительно больше и его площадь была не менее 15 м² (Кузнецов, 2012. С. 20).

С объектом 464 несомненно связаны три ямы: 801, 806, 807. Они располагались под полами помещения 1+2 объекта 464. Во время расчистки ям удалось проследить то, как полы помещения 1+2 объекта 464 ступенями проседали в ямы и материал из помещения оказался в них. Яма 801 располагалась рядом со стеной 464/3 и имела в плане форму усеченного конуса. Глубина – 0,78 м. Заполняла яму темно-коричневая влажная глина с вкраплениями угольков и фрагментами органики травянистого происхождения. Яма 806 вплотную прилегала к стене 464/1. Поверх нее были расчищены остатки органического тлена, по-видимому, древесного происхождения, которые тоже прогнулись к центру над ямой. Глубина – 0,74 м. Юго-восточный бортик и часть дна ямы 806 были прорезаны ямой 807, которая, очевидно, была выкопана позднее данного объекта.

Состав находок из помещений достаточно однороден по составу. В пользу того, что находки из ям 801, 806 попали туда после проседания пола раннего строительного периода помещения 1+2 свидетельствует их синхронность материалу из помещений. Среди находок амфоры Хиоса (ранние пухлогорлые, пухлогорлые второй четверти V в. до н.э.), Клазомен, Самоса, типа *à la brosse*, эолийского и лесбосского производства, протофасосские, мендейские, амфоры «с раздутым горлом», фасосские, а также два фрагмента амфор неопределенных центров производства.

Гончарная посуда представлена красноглиняными кувшинами, мисками и немногочисленными фрагментами горшков и кастрюль. Интересна находка фрагментов лепных горшков, ведь до недавнего времени бытовало мнение, что в слоях VI–IV вв. до н.э. лепная керамика отсутствует (Горлов, 2011а; 2011 б. С. 197–199). Керамика ионийского производства представлена немногочисленными фрагментами столовых амфор, кувшинов, киликов и мисок конца VI – начала V в. до н.э., а также фрагментом верхней части глобулярного лекифа второй половины VI в. до н.э. Аттическая керамика представлена чернолаковыми (амфоры, кувшины, килики, скифос, миски, леканы) и чернофигурными сосудами. Наиболее ранний фрагмент чернофигурного аттического сосуда из комплекса – часть венца мелкофигурного килика типа Kassel cup – датируется 530–520 гг. до н.э. (True, 1978. Pl. 109, *11*). Остальная масса чернофигурных сосудов из помещений представлена фрагментами керамики начала V в. до н.э., среди которых стенка килика The Leafless Group с изображением апотропеического глаза (Moore, 1987. Pl. 2.235; Nazarčuk, 2010. B-180), венцы киликов типа CHC Group 500–475 г. до н.э. (Nazarčuk, 2010. B-100) и типа Lotus-palmette cup 485–475 гг. до н.э. (Brownlee, 1985. № 282), а также несколько венцов чашевидных скифосов (Nazarčuk, 2010. B-158) и нижняя часть лекифа с фрагментом изображения ложа (Beazley archive № 10300; Szilágyi, 2010. Pl. 17, *2*, *6, 7*) группы Хаймона. Следует отметить, что в яме 801 были обнаружены многочисленные фрагменты аттических киликов (тип Sub-A) The Leafless Group. На одном из них сохранилась часть изображения всадника, две сидящие фигуры, бегущая менада, орнамент в виде виноградных веток (Beazley, 1956. 645.185). Шесть других фрагментов килика, вероятно, являются частями одного сосуда, как и уже упоминавшаяся стенка с изображением апотропеического глаза (Nazarčuk, 2010. B-193, 194; Brownlee, 1985. № 274; Moore, 1987. Pl. 2.235). На одном из фрагментов этого килика сохранилась часть тондо с изображением головы Диониса (?), держащего петуха. Остальные фрагменты чернофигурных сосудов из комплекса также датируются в пределах второй четверти V в. до н.э.

Значительный интерес представляет обнаружение в комплексе 37 открытых миниатюрных красноглиняных однорожковых светильников. На большей части из них нет следов горения, а на носике одного их светильников отсутствует фитильное отверстие. Создается впечатление, что столь миниатюрные светильники не были предназначены для освещения помещения. Также найдены ракушки каури, два грузила, костяная бусина, фрагменты бронзовых и железного наконечников стрел и фрагменты трех конусовидных предметов.

В пользу того, что объект 464 был общественной постройкой свидетельствует ряд факторов. Во-первых, об этом говорят его размеры – площадь здания превышает 100 м^2. Кроме того, оно соседствует с другим монументальным объектом (294), общая площадь которого составляет около 120 м^2. Также следует отметить, что к северу от объекта 464 не обнаружены следы каких-либо других строений, там находилось свободное пространство, возможно, площадь, замощенная булыжником. Абсолютно неординарным и не бытовым выглядит состав находок из объекта: миниатюрные светильники, чернофигурные чаши для питья и пр.

Дату постройки здания определить затруднительно. По ряду косвенных признаков, таких как его расположение на материке и датировкам наиболее ранних находок, вероятно, начало строительства имело место в интервале между второй половиной VI – началом V в. до н.э. Монументальное здание погибло в пожаре, связанном, вероятно, с какими-то военными действиями. Свидетельство тому – находки бронзовых и железного наконечников стрел. Интересно, что подавляющее число стрел было обнаружено в верхних слоях, относящихся к бытованию объекта 464 во втором строительном периоде – после его перестройки и разделения помещения 1+2 на два отдельных помещения. Согласно датировкам материала разрушение здания произошло во второй четверти V в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горлов В.А. Лепная керамика Фанагории VI–IV вв. до н.э. // Новые материалы и методы археологического исследования. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2011а. С. 38–39.

Горлов В.А. Проблема интерпретации лепной керамики поселений Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. // Antiquitas Ivventae. 2011б. № 6–7. С. 196–202.

Кузнецов В.Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2012 г. Т. 1 // Архив ИА РАН. 2012. Р-1.

Beazley J.D. Attic Black-figure Vase-painters. Oxford: Clarendon Press, 1956. XVI+851 p.

Brownlee A.B. Attic black figure from Corinth: 3 // Hesperia. 1985. V. 64.3. P. 337–382.

Lynch K.M. The Symposium in Context: Pottery from a Late Archaic House near the Athenian Agora. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 2011. 202 p. (Hesperia Supplement; 46).

Moore M.B. Attic Black Figure and Black Glased Pottery // The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Lybia. Final Reports. V. III. Philadelphia: The Univ. Museum, Univ. of Pennsylvania, 1987. P. 2–52.

Nazarčuk V.I. Black-figured pottery // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. V. 1–2. Aarchus: Aarchus Univ. Press, 2010. P. 143–170.

True M. USA. Boston, Museum of fine Arts, Fasc. 2. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 1978. IX+54 p. (CVA).

Szilágyi J.G. Hongrie. Budapest, Musée des Beaux – Arts, Fasc. 2. Roma: L'Erma di Bretschneider, 2007. 184 p. (CVA).

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЙКЕНДА – ДРЕВНЕГО ГОРОДА БУХАРСКОГО ОАЗИСА

© 2014 г. А.В. Омельченко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(andrey.sogd@gmail.com)

Ключевые слова: раскопки, Средняя Азия, Согд, город, фортификация, храм, древность – раннее средневековье.

Резюме. Вниманию предлагаются результаты новых исследований Пайкенда – древнего города в западной части древней Согдианы. Раскопками была обнаружена ранняя стена цитадели, датирующаяся сопутствующим материалом концом IV – III в. до н.э. Расширение крепости и планировка расположенного в ней храма огня второй половины III – IV в. связывается с распространением в Бухарском оазис влияния (в том числе политического) Сасанидского Ирана. Известное по источникам богатство города раннесредневекового времени подтверждается раскопками больших домовладений и монетными находками.

Более 30 лет городище Пайкенд изучает совместная Бухарская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа и Института археологии АН Республики Узбекистан. Китайские, иранские, арабские источники сохранили сведения о нем как важном центре Западного Согда, который лежал на пересечении торговых трасс, ведущих из Восточного Туркестана через Чач (Ташкент) и Самарканд в Мерв и на Ближний Восток и из Восточной Европы через Хорезм – в Тохаристан и Индию.

Основные исследования в настоящее время проводятся на цитадели и прилегающем к ней Шахристане I (рис. 1). Новые раскопки арка (рис. 2) установили, что первые укрепления возникли в его северо-восточной части. Были получены комплексы керамики, которые по аналогии с другими согдийскими памятниками (Афрасиаб, Кумышкент, Еркурган, Подаятак) можно отнести к концу IV – III в. до н.э. Наиболее ранний комплекс наряду с баночными сосудами, характерными для предшествующего, ахеменидского, периода, включает тарную керамику закрытых форм, а также столовую посуду раннеэллинистического облика.

Раскопки позволяют предположить, что уже тогда на рядом расположенном участке функционировало святилище огня. Это перекликается с легендарным свидетельством «Шах-намэ» о строительстве в Пайкенде иранским правителем Феридуном одного из первых зороастрийских храмов (Фирдоуси, 1965. С. 358–359).

Следующий этап крепостного строительства связан с увеличением размеров цитадели Пайкенда на рубеже II–I вв. до н.э. в широтном направлении и сооружением рва с запада.

Большие фортификационные работы проводятся во второй половине III в. н.э., когда цитадель расширилась на юг и приобрела свою окончательную форму. В изученном, юго-западном, секторе располагалась казарма коридоро-гребенчатой планировки. Оборона была трехъярусной: из бойниц в ее помещениях и из-за парапетов над ними и над примыкающем обводным коридором (Омельченко, 2013. С. 109–116).

К этому времени относятся и значительные строительные работы в храме огня. Планировка (два смежных святилища) и детали интерьера (Семенов, 1995. С. 171–178) находят аналогии более в Иране (Stronach, 1985. P. 624. Fig. 3, *9)*, нежели в согдийской культовой архитектуре.

Масштабные изменения на цитадели Пайкенда во второй половине III в., на мой взгляд,

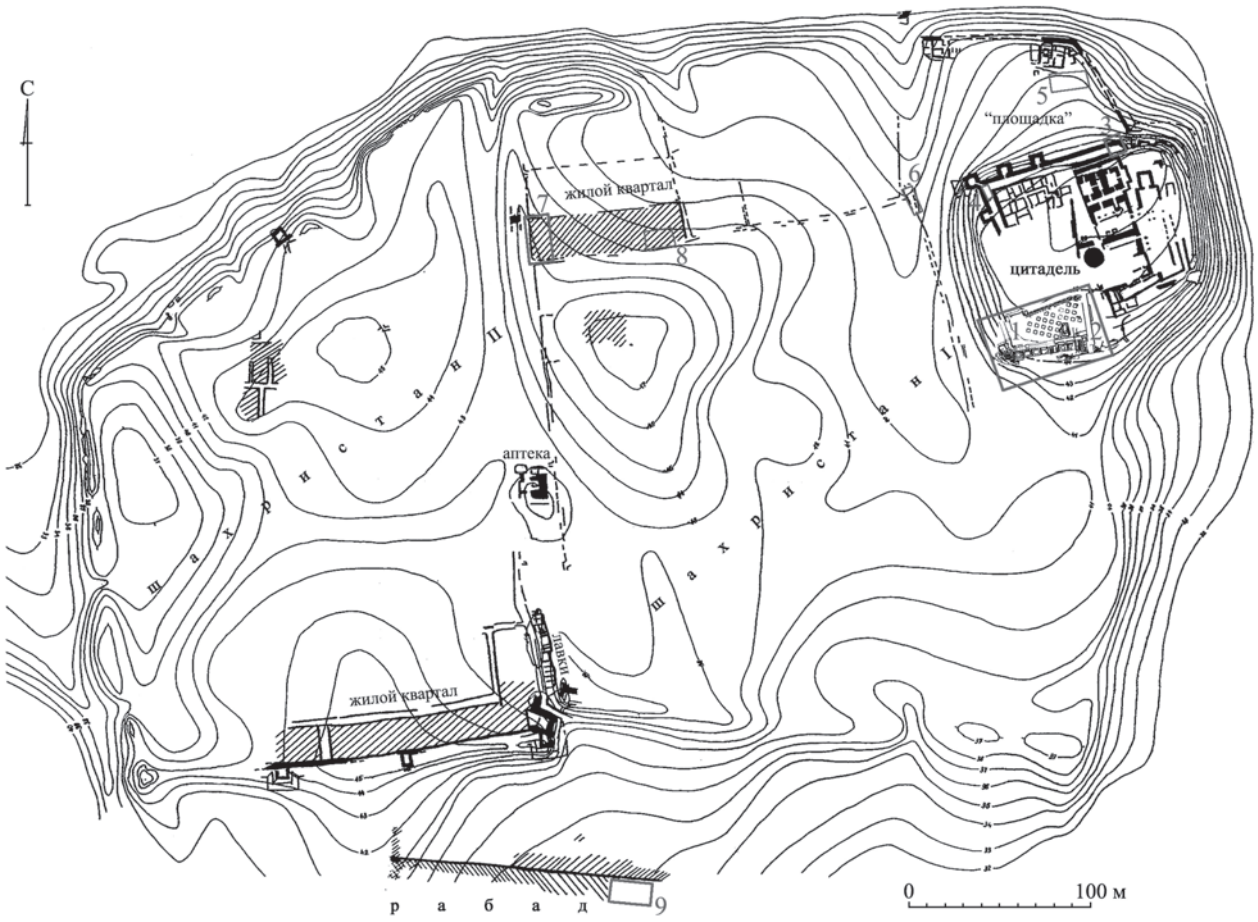

Рис. 1. Городище Пайкенд с участками раскопок 2012–2013 гг. План.

являются следствием политических изменений, связанных с экспансией Сасанидского Ирана (Шапур I) в южные районы Средней Азии, созданием опорных пунктов на присоединенных территориях.

Однако уже в 40-х гг. IV в. царю Шапуру II пришлось вести на северо-востоке государства напряженные войны с гуннами-хионитами. По-видимому, не случайно казарма на цитадели Пайкенда функционировала недолго и была оставлена.

В V в., судя по монетным находкам, в крепости проводились только небольшие строительные работы. Однако к северу от цитадели возникает новый укрепленный участок, так называемая площадка, бывшая, собственно ранним шахристаном растущего города. Исследования выявили здесь жилища и наличие уличной системы. Ранее было высказано предположение, что уже в V в. обводится стеной и Шахристан I, что превратило Пайкенд в город площадью 12 га (Семенов, 1996. С. 150). Однако многолетние раскопки жилого квартала не обнаружили пока здесь синхронных домовладений. В то же время отдельные находки оставляют возможность существования рассредоточенной застройки внутри периметра крепостных стен Шахристана I уже на первых этапах сложения города.

Расцвет Пайкенда как средоточия согдийской торговли приходится на конец VI – VII в., о чем говорят как письменные источники, так и изученные раскопками большие богатые дома.

Завоевательные походы арабов первой половины VIII в. нанесли ущерб городу и стали причиной выпадения нескольких больших монетных кладов. Однако городская жизнь достаточно быстро восстановилась, а возникновение многочисленных пригородов-рабадов (Городище Пайкенд, 1988. С. 113–147) свидетельствует о превращении Пайкенда в большой торгово-ремесленный центр уже в новую, исламскую эпоху.

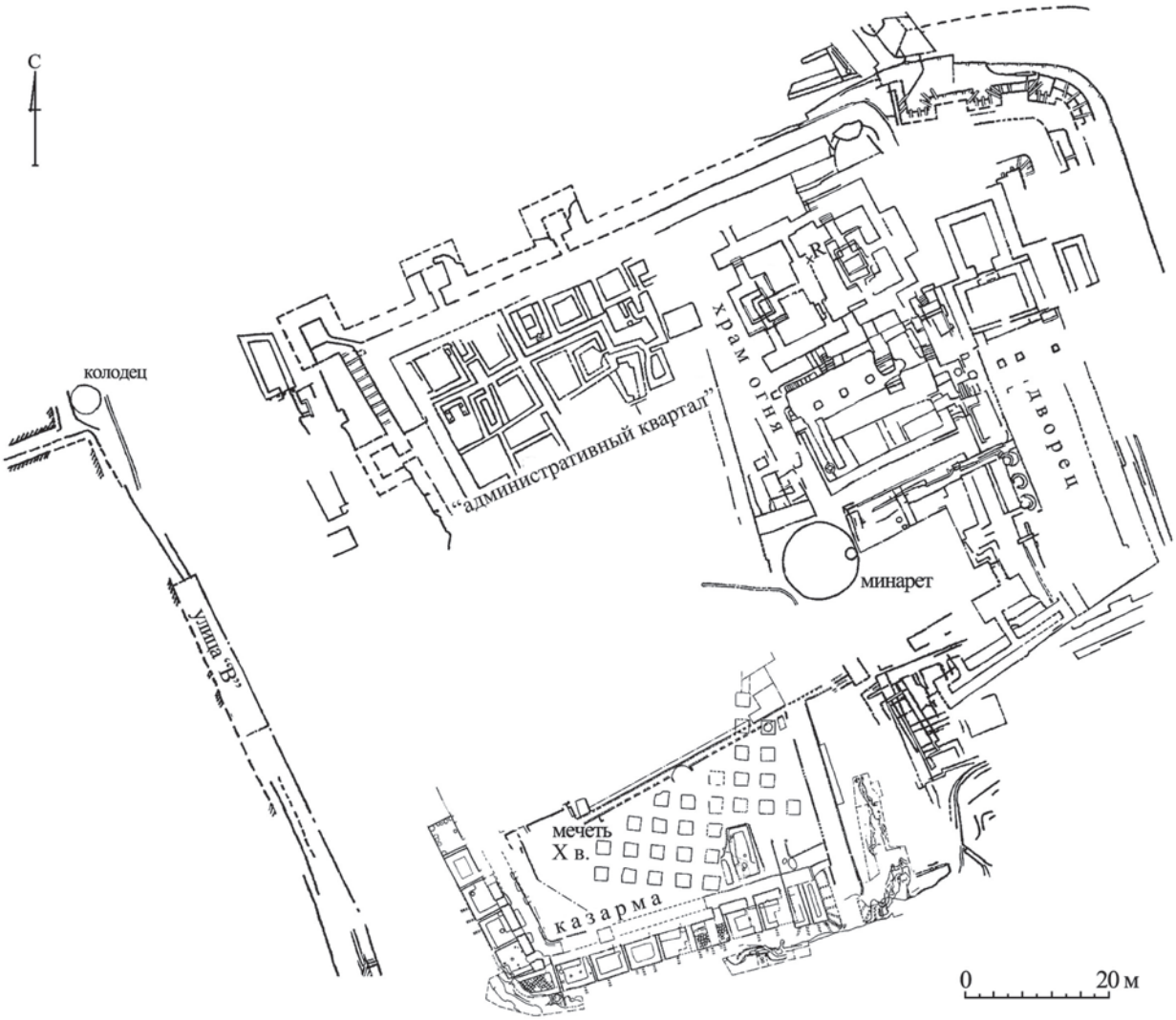

Рис. 2. Цитадель Пайкенда. План.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии / Отв. ред. А.А. Аскаров. Л.; Ташкент: ФАН, 1988. 197 с.

Омельченко А.В. Цитадель Пайкенда в III–V вв. // РА. 2013. № 2. С. 105–118.

Семенов Г.Л. Святилище в Пайкенде // Эрмитажные чтения 1986–1994 годов памяти В.Г. Луконина / Науч. ред. Е.В. Зеймаль. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1995. С. 171–176.

Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V–VIII веков. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. 225 с.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. 4: От царствования Лохраспа до царствования Искандера / Пер. Ц.Б. Бану-Лахути; под ред. А. Азера; коммент. В.Г. Луконина, Ц.Б. Бану-Лахути. М.: Наука, 1969. 458 с.

Stronach D. On the evolution of the early Iranian fire temple // Acta Iranica. Deuxième seriè. V. XI: Papers in honour of Prof. Mary Boyce. Leiden: E.J. Brill, 1985. P. 605–627.

СЕКЦИЯ 6

КУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ СКИФСКОЙ И САРМАТСКОЙ ЭПОХ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБЕНИЯ ЖРИЦЫ ИЗ КУРГАННОГО КОМПЛЕКСА ТАКСАЙ I

© 2014 г. К. Алтынбеков

Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алматы, Казахстан (tengri05@mail.ru)

Ключевые слова: реставрация, реконструкция, сарматы, костюм, головной убор, гребень, миниатюра, колесница, батальная сцена, ярмо-рогатка.

Резюме. В статье представлена комплексная реконструкция по материалам погребения знатной женщины из курганного комплекса Таксай I в Западно-Казахстанской обл. Предварительная датировка раскопанного кургана – конец VI – начало V в. до н.э. Реконструкция основана на найденных в захоронении артефактах и синхронных археологических источниках. Важный элемент образа – деревянный гребень с колесничным сюжетом. Параллельно с реставрацией находок автором была выполнена их реконструкция, а позднее воссоздание всего комплекса костюма и атрибутики жрицы.

В 2012 г. в Теректинском р-не на западе Казахстана специалистами из Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии исследован курганный комплекс Таксай I. В кургане 6 открыто уникальное по составу инвентаря и не ограбленное в древности захоронение женщины. Предварительная датировка памятника радиоуглеродным методом по остаткам дерева и кости – конец VI – начало V в. до н.э. (Сдыков, Лукпанова, 2013).

Особенности погребения. В результате традиционной обрядовой церемонии могила со всем ее содержимым была подожжена и закрыта землей. Понадобились значительные усилия реставраторов, чтобы возродить почти утраченные в огне находки.

Одежда и головной убор погребенной, ее руки и шея украшены большим количеством золотых изделий, часть из которых, в частности, головной убор, подчеркивают ее высокий статус. В разнообразии находок этого кургана выделяются сосуд с декором в зверином стиле, кувшинчики из стекла со шнуровой накладкой, конские уздечные наборы с изображениями грифонов, небольшой бронзовый котел, курильница с ручками, бронзовое зеркало в деревянном футляре, гребень с уникальной скульптурной сценой с колесницей и другие находки. Кроме основного захоронения в этом кургане открыты еще два женских обезглавленных погребения в возрасте 20–25, 50–60 лет и два ритуальных комплекса-жертвенника.

Метод изъятия блоками. Вследствие естественного разрушения, а также после обрядового сожжения находки оказалось сложно извлекать из раскопа по отдельности, так как сохранялась вероятность их необрати-

мого разрушения во время извлечения из могилы. Поэтому для некоторых особенно хрупких предметов применен эффективный, разработанный нами метод – изъятие археологических находок крупными блоками. Извлеченные блоки доставлялись на рентгенологическое и томографическое исследования, а затем в лабораторию для последующей расчистки, консервации и реставрации.

*Концепция реконструкции***.** В основе художественной композиции – женский образ, реконструкция которого выполнена по найденным в захоронении артефактам и синхронным археологическим источникам (рис. 1). Проект реконструкции костюма разрабатывался совместно с Д.В. Поздняковым (г. Новосибирск) и основывался прежде всего на расположении украшений одежды в раскопе. Использованы крой и комплектация одежды, реконструированные им по материалам кургана 1 могильника Ак-Аллаха-3 (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 64): юбка из трех полос ткани, рубашка и кафтан, подбитый мехом. Центральная полоса юбки украшена аппликациями, известными из материалов Пазырыкских курганов (Руденко, 1953. Табл. CII). Семантика костюма воссоздавалась исходя из знакового образа архара, обозначенного на металлическом каркасе-украшении головного убора. Именно эта удачно сохранившаяся деталь головного убора полностью определила его форму и размер, а также его семантику. Согласно мифологии древних кочевников архар – мощное животное, обитавшее на вершинах гор, являлось медиатором, связывающим между собой верхний и средний миры. Отсюда следует, что обладательница данного костюма находилась на особом положении в своем обществе. Она брала на себя священные функции посредника между духами предков, людьми и богами, помогала вождям племени определять верное направление военных или других действий в решении текущих проблем.

Форма шапки в виде колпака с полями заимствована в пазырыкской коллекции (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 76). Отсутствие других металлических украшений головного убора не давало возможности показа трехчастной модели мира. Подобные представления достаточно хорошо описаны в специальной литературе и не вызывают сомнений у подавляющего большинства исследователей (Акишев, 1978, 1984). Мы обратились к использованию кожаных аппликаций, которые могли сгореть в огне при обрядовом сожжении погребения. Аналогией сюжета «мирового древа» с животными и птичками вокруг него стали усть-лабинская и кобяковская диадемы (Гугуев, 1992). Изображения птиц – это копии золотых бляшек из коллекции Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, а само дерево – из кургана Филипповка (Золотые олени…, 2001. С. 67), фигура горного козла – из фриза диадемы кургана Хохлач (Засецкая, 2011).

Следует заметить, что вся атрибутика обнаруженных артефактов отвечала прямым функциям жрицы, а это амулеты в виде волчьих клыков в составе браслетов, знаки свастики на бляшках в виде грифонов как образ движения солнца и бесконечного цикличного течения жизни – явные символы и атрибуты жрецов и правителей. Это, конечно, гривна на шее, и великолепные подвески на высоком головном уборе. Не менее важную роль выполняли котел и жаровня – непременные атрибуты неких ритуальных действий.

Гребень (рис. 2). К числу уникальных находок из этого погребения принадлежит деревянный, превратившийся в уголь, инкрустированный гребень с объемным двухсторонним резным изображением запряженной колесницы с двумя людьми на борту – возничим и лучником и противостоящим этому экипажу человеком. Художественная резьба гребня по классификации В.П. Мыльникова (Самашев, Мыльников, 2004) относится к сверхсложной: в композиции соединены несколько видов резьбы (рельефная, прорезная, скульптурная), инкрустация; представлено целое историческое событие сложного сюжета с подробной детализацией изображений – и все это на крохотном кусочке дерева размерами 77,5 х 60,6 мм.

Основу композиции составляет объемное изображение колесницы и трех человек, различных на лицевой и на оборотной сторонах. В процессе реставрации предмета в лабораторных условиях удалось выявить все мельчайшие детали вырезанной на гребне миниатюры, выполненной с высочайшим мастерством техникой объемной, сквозной резь-

Рис. 1. Западный Казахстан, Таксай I, к. 6. Погребение знатной женщины. Комплексная реконструкция: К. Алтынбеков. Фото: О. Белялов.

бы. Показаны элементы убранства колесницы и упряжных лошадей, их анатомия, крой и декор костюмов персонажей и даже особенности антропологического типа героев композиции.

Такой сюжет противостояния с колесницей достаточно широко распространен и традиционен в изобразительных памятниках Переднего и Ближнего Востока. Известен он на цилиндрических печатях из сирийского Угарита (Рас-Шамры) XII в. до н.э. и из коллекции таких печатей в Лувре (Новоженов, 2012. С. 300–303. Рис. 170; 171, *15, 30, 32, 39, 41*; 173, *3, 4, 12, 13*). Но наибольшее развитие этот сюжет получил в дворцовых колесничных рельефах Ассирии VIII–VII вв. до н.э. в Ниневии, Нимруде, а также в Персеполе (Littauer, Crouwel, 1979. P. 68–71; Новоженов, 2012. С. 190–191; Werner, Matheson, 2001. P. 47; Reade, 2011. P. 74, 86; Curtis, 2011. P. 51, 58).

Вместе с тем нельзя утверждать, что сюжет исключительно заимствованный или гребень изготовлен по заказу. Особенности техники его исполнения, иконографии, некоторые

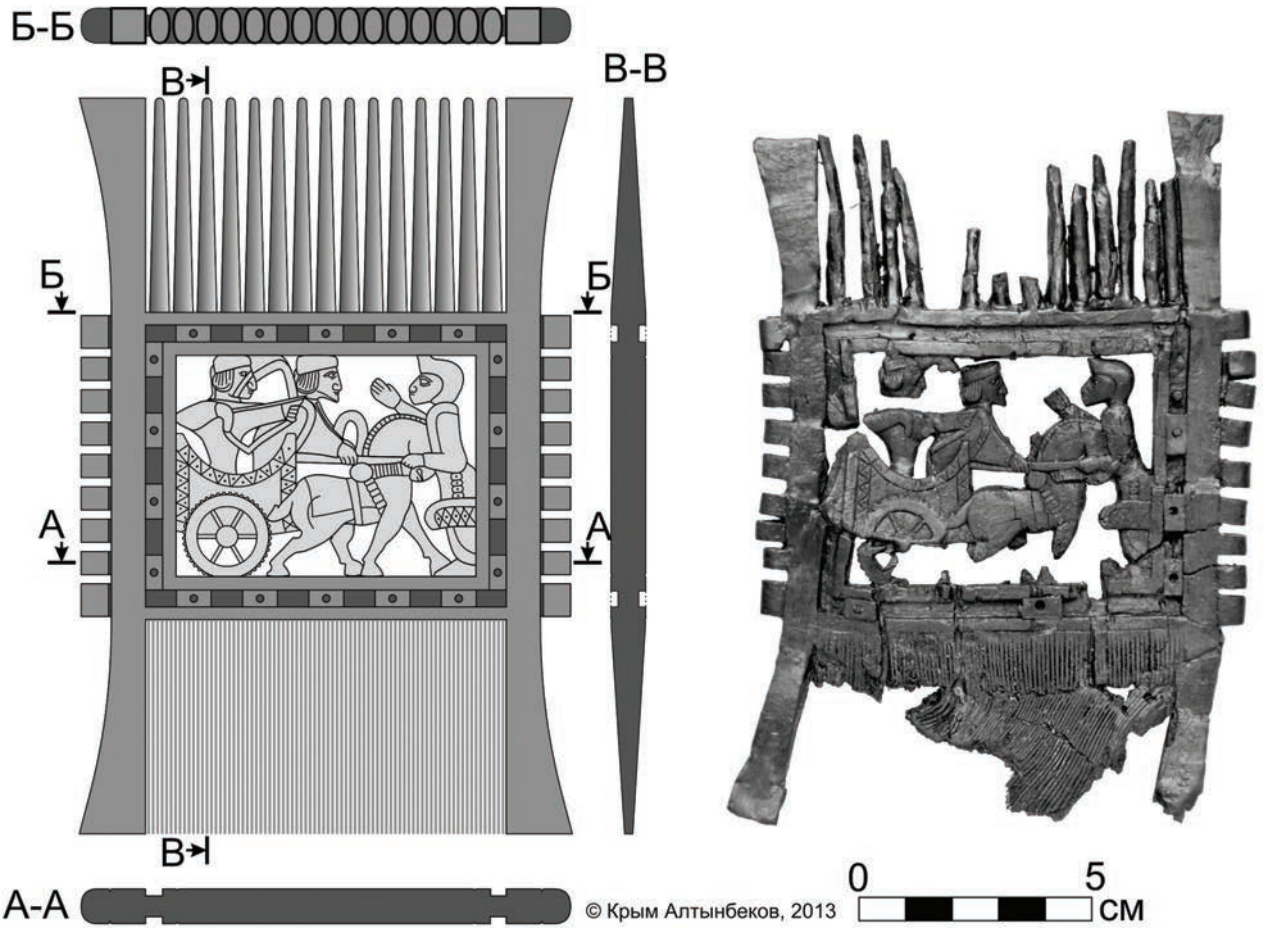

Рис. 2. Гребень из обугленного дерева из погребения знатной женщины (Западный Казахстан, Таксай I, к. 6). *1* – графическая реконструкция (К. Алтынбеков); *2* – вид после реставрации.

детали – дугообразные борта кузова, антропологический тип персонажей и их расположение – явно свидетельствуют о том, что гребень изготовлен местным мастером. Кроме того, имеются прямые аналогии в материалах памятников тасмолинской культуры и в некоторых погребениях кургана Аржан-1.

В кургане 6 могильника Таксай I вместе с гребнем найден загадочный артефакт, названный «тройник», представляющий собой монолитный бронзовый предмет с полыми подпрямоугольными окончаниями. Подобный предмет найден также при раскопках кургана 15 «царского» курганного могильника Кырык-Оба, в западной поле которого обнаружен клад бронзовых предметов: «тройник» вместе с остатками 4-5 уздечных наборов (Бисембаев, Гуцалов, Сдыков, 2006. С. 231–235. Рис. 1). По аналогии с находками из тасмолинских памятников (Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 101. Рис. 2, *10*) это, возможно, основная деталь комбинированного ярма-рогатки.

Ярмо в сочетании с найденными в кургане 6 могильника Таксай I конскими уздечными наборами, разнообразными бляшками, распределителями ремней и гребнем с колесничным сюжетом позволяют предполагать здесь возможную «имитацию» погребения колесницы по аналогии с курганом Аржан-1 (Грязнов, 1980. С. 26; Савинов, 2002. С. 51–52, 65) и несомненную, пока неведомую нам в деталях, связь погребенной женщины с колесницами.

Зеркало представляет собой почти круглый плоский диск диаметром 17,5–18 см с боковой ручкой, ствол которой декорирован рельефным чешуйчатым орнаментом, зооморфные верх и конец ручки со стилизованными изображениями грифонов имеют гнезда для вставки частично сохранившихся камней бирюзы. Отталкиваясь от декора ручки зеркала,

мы разработали орнамент резьбы деревянного футляра, который сохранился в следах.

Бронзовый сосуд-котел полусферической формы с сужающимися к устью стенками имеет две вертикальные петлевидные ручки с тремя выступами, отлитые вместе с туловом, слив в виде протомы верблюда с вытянутой шеей. Две дополнительные ручки-петельки, прикрепленные на уровне центральной части тулова, смещены от центральной оси и центра его тяжести – вперед к сливу. Такая явная асимметрия понадобилась древнему мастеру для компенсации центра тяжести котелка в подвешенном состоянии, чтобы передняя часть сосуда за счет тяжелого слива не перевешивала и не наклоняла сосуд, предотвращая тем самым выливание из него жидкости.

Детальное исследование материалов и находок в синхронных и аналогичных памятниках позволило обнаружить возможные приспособления для подвешивания таких котелков. Ими оказались найденные в Пазырыкских курганах специальные «штативы»-«шестиноги», выполненные из шести жердей и скрепленные сверху между собой ремешком из сыромятной кожи (Руденко, 1953. Табл. XXIV, *3*). Эта аналогия дала основание для именно такой реконструкции практического применения котла и найденной рядом жаровни-курильницы.

Таким образом, выполнена комплексная научная реконструкция памятника скифо-сарматской эпохи (Алтынбеков, 2013). Достоверность ее основана на аутентичных источниках. Полностью уничтоженные огнем органические материалы воссозданы по синхронным археологическим данным и находкам. Лишь в некоторых несущественных деталях присутствует элемент гипотезы. Множество находок свидетельствуют о высоком развитии искусства и культуры, а также об активных внешних связях. Одно из важных свидетельств – обуглившийся гребень с уникальным резным сюжетом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов П., Кадырбаев М.К. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979. 242 с.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Сдыков М.Н. Исследования курганов могильного комплекса Кырык-Оба // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году / Гл. ред. И.Н. Тасмагамбетов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2006. С. 231–235.

Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 233 с.

Гугуев В.К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. № 4 (203). С. 116–129.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. СПб., 2011. 328 с.

Золотые олени Евразии. Каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. 247 с.

Новоженов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под ред. Е.Е. Кузминой. М.: Таус, 2012. 500 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.;Л., 1953. 402 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002. 257 с.

Самашев З., Мыльников В. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. Алматы, 2004. 312 с.

Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис, 2013. 292 с.

Curtis J. Ancient Persia. L.: British Museum Press, 2011. 96 p.

Littauer M.A., Crouwel J.H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Leiden; Koln: E.J. Brill, 1979. 185 p.

Reade J. Assyrian Sculpture. L.: British Museum Press, 2011. 96 p.

Werner F. D., Matheson S.A. Persia. Persepolis. Tehran: Yassvoli. 2001. 104 p.

АЛАБАСТРЫ ИЗ «ЦАРСКИХ» КУРГАНОВ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА

© 2014 г. О.В. Аникеева[1], В.В. Крупская[2]

1Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва (olganikeeva@yandex.ru)
2Геологический институт РАН, Москва (vi_kru@bk.ru)

Ключевые слова: алабастры, «египетский алебастр», рентгенофазовый анализ, происхождение, датировка.

Резюме. Проведенное изучение состава материала двух каменных алабастров из курганов Филипповского могильника показало, что они изготовлены из магнезиального кальцита, добывавшегося в месторождениях Египта. Для этой цели оптимальна методика рентгенофазового анализа. Выявление типологических особенностей формы позволяет датировать первый алабастр второй четвертью – концом V в. до н.э., второй алабастр – второй четвертью – серединой V в. до н.э.

Алабастры получили название от города Алабастрон, где, по словам древнегреческих ученых Феофраста, Плиния, Афинея, добывался алебастр – камень, широко использовавшийся в Египте как для строительных целей, так и для изготовления разнообразных культовых и прикладных предметов (Лукас, 1958. С. 334).

В среде ранних кочевников такие предметы, безусловно, были статусными. Об этом свидетельствуют дорогой материал, тщательное выведение формы, высококачественная обработка камня и крупные размеры сосудов.

Два каменных алабастра были найдены при раскопках Филипповских курганов в 2012–2013 гг. Приуральской экспедицией ИА РАН и пополнили коллекцию из четырех сосудов, найденных в курганах ранних кочевников Южного Приуралья (Аникеева, Трейстер, Яблонский, 2010. С. 36–38).

Первый алабастр был расчищен в заполнении центрального погребения кургана 1 могильника Филипповка-2 в южном секторе у западной стенки. Он имеет (рис. 1) округлое дно, вытянутое тулово, плавно сужающееся кверху и переходящее в горловину, имеющую форму усеченного конуса. Венчик имеет форму плоского диска, края которого плавно расширяются вниз. В верхней части тулова симметрично расположены две маленькие ручки, имеющие в плане округлую форму и расположенные вертикально на плоском трапециевидном основании. Его размеры: высота – 190 мм, внешний диаметр горла – 36 мм, диаметр тулова в нижней части – 50 мм, диаметр венчика – 48 мм, диаметр отверстия – 31 мм. Сосуд сделан из плотной матовой просвечивающей породы цвета слоновой кости с неотчетливой полосчатой текстурой (полосы расположены перпендикулярно оси сосуда или с незначительным отклонением от нее).

Второй сосуд найден при доследовании останца кургана 1 могильника Филипповки-1 в погребении 2 к востоку от стоп погребенной (рис. 2). Он находился в футляре из плетеных прутьев вместе с предметом, слепленным из крошки перламутра и минеральных агрегатов и имеющим контуры треугольника. При футляре лежали золотые трубочка (поверхность покрыта елочным орнаментом) и два полых усеченных конуса (оба края окантованы рядом зерни и треугольниками из зерни, к нижнему краю припаяны полукруглые петельки из проволоки).

Сверху чехол перекрывался округлым плоским деревянным блюдом, на котором в от-

Рис. 1. Алабастр из могильника Филипповка-2, к. 1, центральное погребение.

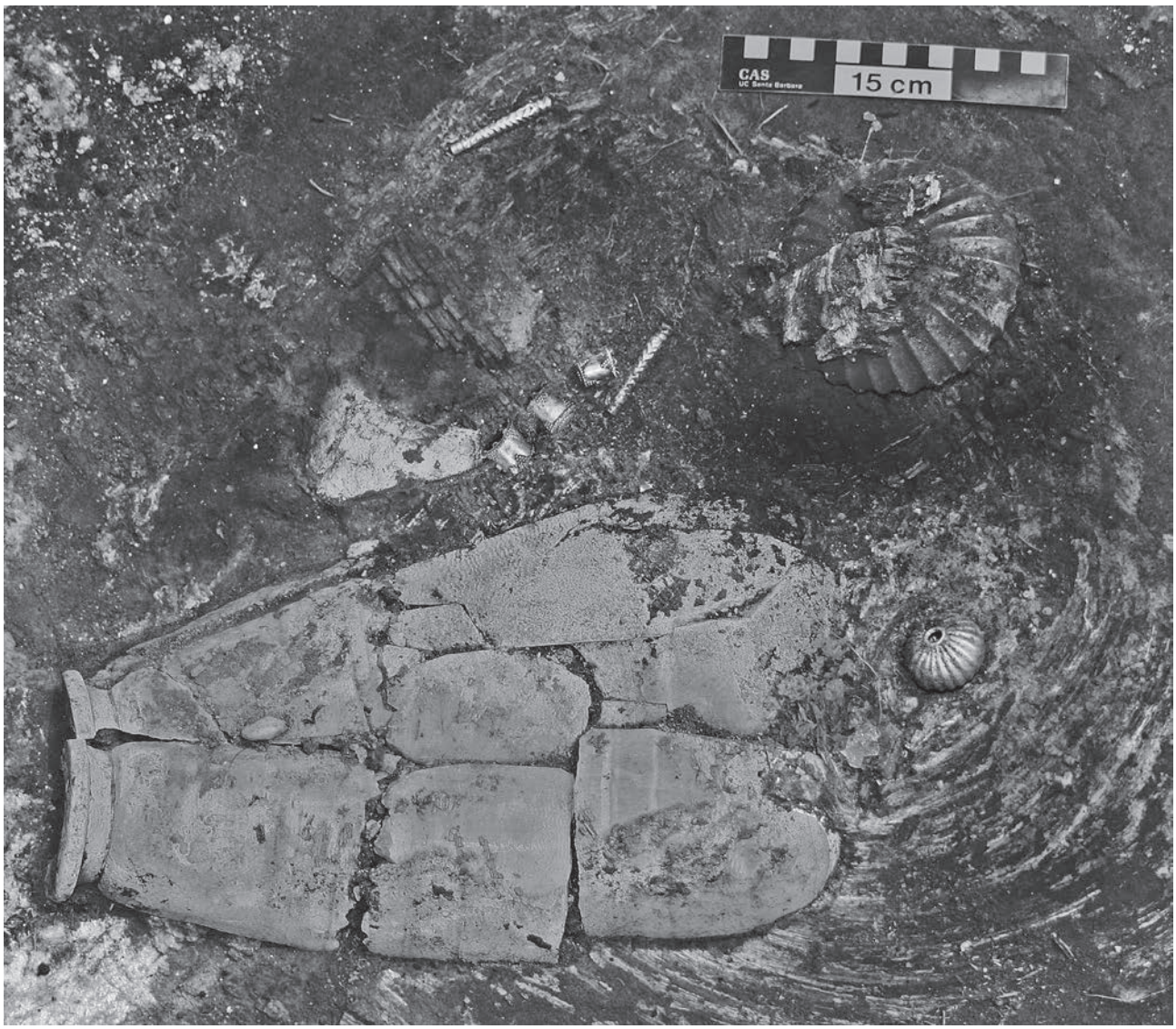

Рис. 2. Алабастр из могильника Филипповка-1, к. 1 (останец), погр. 2 , найденный с комплексом предметов *in situ*.

дельном чехольчике, украшенном пастовым бисером и бусами, была литая золотая бусина-пронизь уплощенно-шаровидной формы с каннелированной поверхностью и валиками вокруг отверстий. Рядом в чехле из коры, украшенном аналогичными золотыми деталями, лежал перевернутый вверх дном серебряный туалетный сосудик с рифленым округлым туловом, коническим горлом и плоским дисковидным венчиком.

Форма алабастра – вытянутая грушевидная, дно – округлое. Короткое слегка расширяющееся кверху горло выделяется узкими плоскими плечиками, венчик имеет форму плоского диска с вертикальными краями. В верхней части тулова симметрично расположены две ручки выступа. Они имеют форму уплощенных полусфер (размеры 22 х 8 мм) и расположены вертикально на плоском трапециевидном основании. Алабастр был раздавлен грунтом заполнения ямы, поэтому из размеров устанавливается его высота – 32 мм. Он изготовлен из плотной матовой желтовато-серой породы. Камень имеет рисунок в виде горизонтальных радиальных полос белого, серого и желтоватого цвета.

Для выяснения происхождения любого материала необходимо изучение его состава. Алебастр, добывавшийся с глубокой древности в месторождениях Египта уникален: он состоит из практически чистого кальцита. Его отличают замещение ионов кальция ионами

магния в кристаллической структуре минерала с образованием изоморфного ряда кальцит↔ магнезиальный кальцит и отсутствие каких-либо других минералов, присутствующих в самостоятельной минеральной фазе (El-Hinnawi, Loukina, 1972. P. 217).

Для выяснения происхождения предметов из этого камня необходимо выяснить, чем отличаются от египетского алебастра его визуальные аналоги из месторождений других регионов.

Анализ литературы по месторождениям поделочных камней (Аникеева, Крупская, 2012. С. 257–258), внешне неотличимых от египетского алебастра и разрабатывающихся в древности, позволил получить данные по минералогическому составу месторождений Месопотамии, Ирана, Турции, Испании, Франции, Италии, Крыма, Армении, Средней Азии. Установлено, что кальциты этих месторождений гетерогенны или образованы в парагенезисе с другими минералами.

По данным визуального анализа материал двух изученных каменных сосудов может быть отнесен к «египетскому алебастру». Сложность атрибуции предметов из «египетского алебастра» определяется тем, что на сегодняшний день «египетский алебастр» относится к терминам некорректного использования, так как используется для обозначения любых изделий из мягкого плотного светлого камня. В научной литературе по египтологии и археологии имеет много синонимов: marble, marble onyx, oriental alabaster, travertine, ancient Egyptian alabaster и т.д. Поэтому если при исследовании камня специалист не имеет возможности точно установить минеральный состав камня, под этим термином надо понимать следующие различные поделочные камни – мраморный оникс, кальцит, гипс и ангидрит.

Для выяснения происхождения алабастров из Филипповского могильника была применена методика рентгенофазового анализа. Она была опробована для определения состава алабастров из Ново-Кумакского и Прохоровского могильников Южного Приуралья и сосудов из «египетского алебастра» из коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина (Аникеева, Крупская, 2012. С. 254–257). Метод рентгеновской дифракции показал ряд преимуществ при исследовании вещества археологических артефактов и музейных экспонатов: 1) объем навески для проведения анализа минимален и составляет 3–5 мг; 2) рентгеноструктурный анализ по методу Ритвельда позволяет рассчитать кристаллохимический состав кристаллических фаз и выявить примеси с содержанием выше 0.5%; 3) анализ результатов позволяет рассчитать количественные и структурные взаимоотношения выявленных минеральных фаз, количество изоморфных примесей в составе изучаемых минералов.

Изучение минерального состава филипповских алебастров показало, что они состоят из магнезиального кальцита. Количество изоморфного магния в составе одного из них достигает 20%, во втором – 40%. Их минералого-кристаллографические характеристики ложатся в поле магнезиальных кальцитов, добывавшихся в древнем Египте в месторождениях Вади Геррави, Хатнубе, Вади-Ассиут.

Форма первого алабастра из могильника Филипповка-2 практически аналогична форме алабастра из могильника Кырык-Оба II, курган 2, погребение 4 на Южном Урале (Трейстер, 2012. С. 365, 463. Рис. 46. Табл. 59). Они отличаются размерами и отсутствием у филипповского алабастра плоского основания под ручками-выступами. К находкам алабастров, близких по форме, деталям оформления и пропорциям, относятся сосуды из погребений середины V в. до н.э. из хорошо датированных комплексов: Куковой могилы; два алабастра из гробницы II/1934 в Рас-Шамре; алабастр из окрестностей Хеврона. Также сосуды из погребений конца V в. до н.э. из некрополя ахеменидского времени Хаджинеби-Тепе на юго-востоке Анатолии; алабастр из слоя 1 в районе Суз (Трейстер, 2012. С. 101–102).

Приведенные параллели позволяют датировать первый алабастр Филипповского могильника второй четвертью – концом V в. до н.э., при этом М.Ю. Трейстер считает, что наиболее вероятен диапазон второй четверти – середины V в. до н.э.

Второй алабастр из могильника Филипповка-1 по размерам и деталям оформления идентичен алабастру из Ново-Кумакского могильника (Трейстер, 2012. С. 363, 593. Рис. 44. Цв. табл. 13). Оба они сделаны из магнезиального кальцита, структурно-минерало-

гические характеристики которого позволяют говорить, что он происходит из египетского месторождения Вади-Ассиут близ Вади-Сеннура. Филипповский алабастр отличается отсутствием дарственной надписи и ровными вертикальными краями венчика.

Типологические параллели алабастрам этой характерной формы найдены М.Ю. Трейстером среди каменных сосудов из Ирана, Малой Азии, Фракии и Северного Причерноморья (Трейстер, 2012. С. 99–101), что позволяет датировать второй алабастр Филипповского могильника второй четвертью – серединой V в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникеева О.В. Крупская В.В. Анализ каменного материала двух алабастров из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус. 2012. С. 253–261.

Аникеева О.В., Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. Алабастр из мраморного оникса из Прохоровки // Нижневолжский археологический вестник. 2010. № 11. С. 27–52.

Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Изд-во иностр. лит. 1958. 721 с.

Трейстер М.Ю. Алебастровые сосуды из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус. 2012. С. 98–105.

El-Hinnawi E.E., Loukina S.M. A Contribution to the Geochemistry of «Egyptian Alabaster» // Tschermaks mineralogisch und petrographische Mitteilungen. 1972. Bd. 17. S. 215–221.

ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ И КЕНОТАФЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ

© 2014 г. А.П. Бородовский[1], Е.Л. Бородовская[2]

[1] *Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск (altaicenter2011@gmail.com)*

[2] *Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск (elena_ikar@mail.ru)*

Ключевые слова: Горный Алтай, скифское время, вторичные погребения, кенотафы.

Резюме. В работе на основе анализа 150 неграбленых курганов скифского времени в горной долине Нижней Катуни выделена группа вторичных захоронений, определены их характерные признаки и закономерности размещения на территории некрополей в монокультурном и поликультурном контекстах. Изучение кенотафов пазырыкского времени позволяет выделить несколько их разновидностей. Для каждого региона корпус таких фактов необходим для достоверности интерпретаций погребений как вторичных и ритуальных (кенотафов), который позволяет обосновать общие и особенные признаки этих погребальных комплексов.

Исходная сохранность погребальных комплексов – одна ключевых характеристик при обсуждении проблем археологии древних ограблений и символических захоронений. При изучении признаков древних ограблений и символических захоронений особенно важен источниковедческий аспект. Он включает в себя целый ряд компонентов, среди которых: 1) выявление и картографирование зон, не потревоженных погребальных комплексов различного времени; 2) обсуждение и анализ причин возникновения такого феномена (в рамках комплекса процедур критики археологического источника); 3) уточнение вариативности вторичной и ритуальной погребальной обрядности.

На протяжении конца XX и начала XXI в. на территории Северного Алтая удалось локализовать участок горной долины Нижней Катуни (рис. 1), на котором представлены неграбленые погребальные памятники (Бородовский, Бородовская, 2013. С. 51). В настоящее время наиболее представительны погребальные комплексы эпохи раннего железа (Барангол-1, 2, 4, Чултуков Лог-1, 2, Талда) в состав которых входит около 150 неграбленых курганов.

Интерпретация причин существования таких погребальных комплексов на территории горной долины Нижней Катуни может быть частично объяснена экологическими, орографическими и гидрологическими, а также статусными факторами.

Во-первых, достаточно влажный климат Нижней Катуни, отличающийся значительным уровнем осадков в летнее время и темпами формирования горно-долинного чернозема обуславливает достаточно быстрые темпы задерновки каменных конструкций курганов. Во-вторых, особенности горного рельефа и гидрологии Катуни на указанном участке долины отличаются крутыми горными склонами, вплотную примыкающими к руслу реки. Они не проходимы в отдельные летние периоды во время повторных паводков на магистральной реке.

В-третьих, зона распространения неграбленых курганов горной долины Нижней Катуни характеризуется отсутствием элитных курганов скифского времени, которые на

территории Горного Алтая отличает высокий уровень «разграбленности».

Полное археологическое исследование в целом не потревоженных погребальных комплексов ряда курганных групп скифского времени Чултуков Лог-1, 2, Барангол-1, 2, 4 открывает объективные возможности оценки масштабов и разновидностей последующих действий с погребальными комплексами этой эпохи. В частности, была выявлена достаточно представительная группа вторичных захоронений (рис. 2).

Все вторичные захоронения Чултукова Лога-1 располагались, как правило, на северо-западном краю некрополя, маркируя тем самым одну из его границ. Встречаются как коллективные, так и одиночные вторичные захоронения.

В целом можно выделить два варианта вторичных погребений эпохи раннего железа на Нижней Катуни: одиночные и коллективные. Они характеризуются несколькими обязательными признаками: 1) отсутствие свидетельств смещений могилы относительно каменной насыпи кургана; 2) непотревоженность могилы с вторичным захоронением; 3) наличие в могиле отдельных несочлененных скелетных элементов; 4) отсутствие полного анатомического порядка в расположении костей, за исключением общих признаков – верхней и нижней части туловища; 5) компактное размещение костей относительно друг друга (так как существует версия, что их помещали во вместилище).

Выявленные вторичные погребения на некрополях Нижней Катуни (Барангол-2, 4, Чултуков Лог-1, 2) являются эталонными погребальными памятниками этого типа для скифского времени. В расположении вторичных погребений Нижней Катуни выявлена одна устойчивая закономерность: эти погребения находятся на западном краю некрополей, что можно рассматривать как своеобразную границу скифского кладбища с одной из сторон. Сопроводительный инвентарь вторичных погребений по своему количеству и ассортименту полностью соответствовал обычным погребениям. Расположение сопроводительного инвентаря соответствовало традициям обычной погребальной обрядности (Бородовский, 2000). Вторичные погребения были выявлены как под каменными надмогильными конструкциями, так и в грунтовых могилах в межкурганном пространстве. В последнем случае захоронение имело ярусный характер, что возможно демонстрирует динамику неоднократного ритуального проникновения в эту могилу.

Вторичные погребения обычно составляют незначительный процент по отношению к захороненным по первичному обряду. Так, на Чултуковом Логу-1 из более 100 погребений эпохи раннего железа, только 3 вторичные. На Барангольском некрополе (Барангол-2, 4) из 32 захоронений 3 вторичных погребения. На Чултуковом Логу-2 из семи захоронений два – вторичные. В целом пропорциональная представленность в зависимости от масштаба курганной группы (от ста, нескольких десятков, до одного десятка курганов) может быть различной. Такие статистические выборки, основанные на материалах полностью исследованных курганных групп, дают объективное представление о распространенности вторичных захоронений скифского времени на Нижней Катуни.

На территории горной долины Нижней Катуни вторичные погребения скифского времени выявлены в двух погребальных «контекстах» – монокультурном и поликультурном. В первом случае эта разновидность захоронений входила в состав могильника (Барангол-4) с явно выраженной северо-пазырыкской погребальной традицией. Во втором случае такие погребения были локализованы в многокомпонентном некрополе (Чултуков Лог-1), включающим кроме превалирующих северо-пазырыкских захоронений быстрянские и кара-кобинские могилы. Хотя в целом, «вторичники» скифского времени горной долины Нижней Катуни по особенностям погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря (керамики) относятся к северо-пазырыкской культурной традиции. Вторичный погребальный обряд эпохи раннего железа на Горном Алтае (в частности, на территории Нижней и Средней Катуни), скорее всего никогда не имел распространение в его классическом, принятом в культурной антропологии понимании, предполагающем периодическое перезахоронение полностью освобожденных от мягких тканей останков умерших. Вторич-

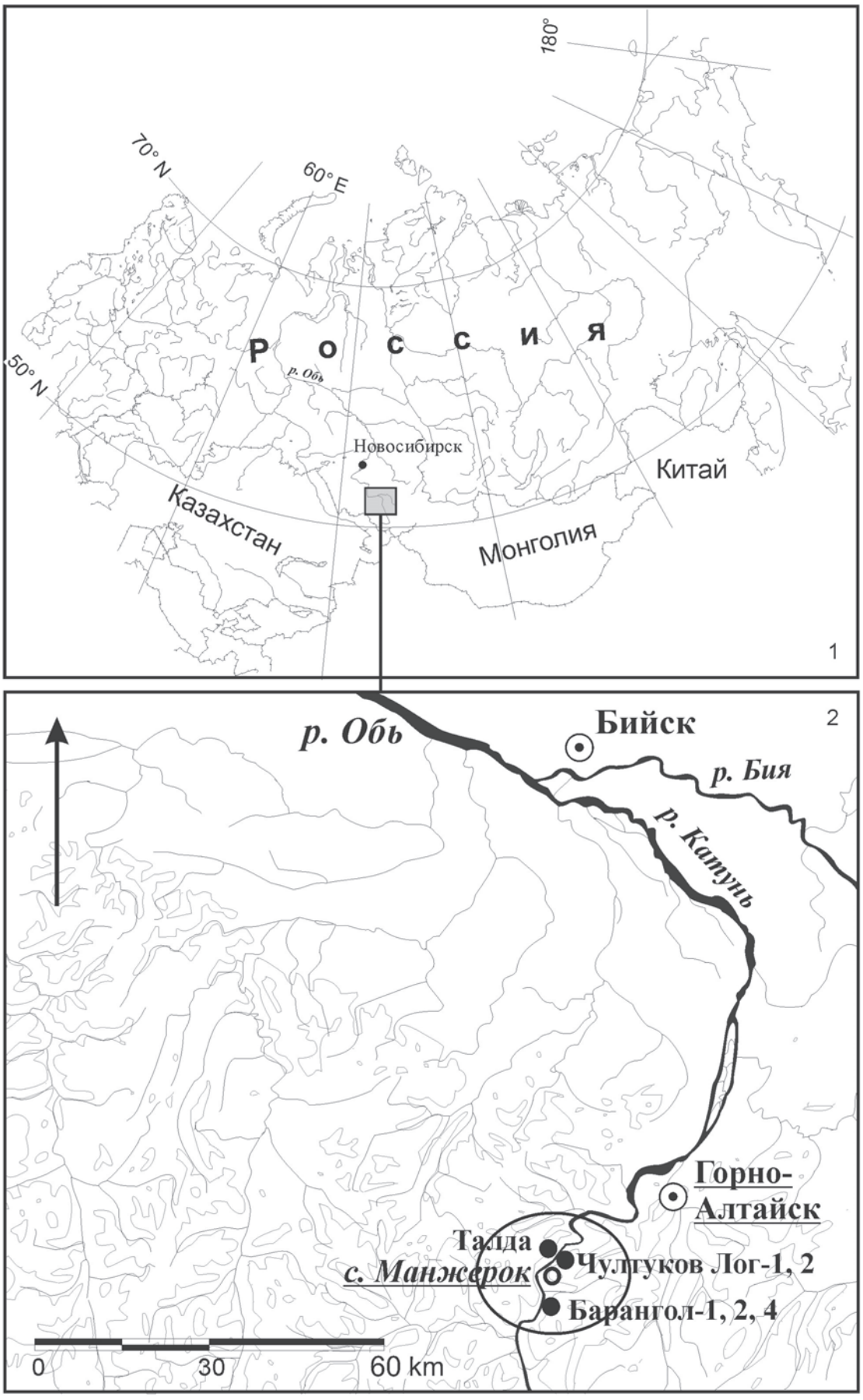

Рис. 1. Картография территории с неграбленными погребальными памятниками скифского времени в горной долине Нижней Катуни.

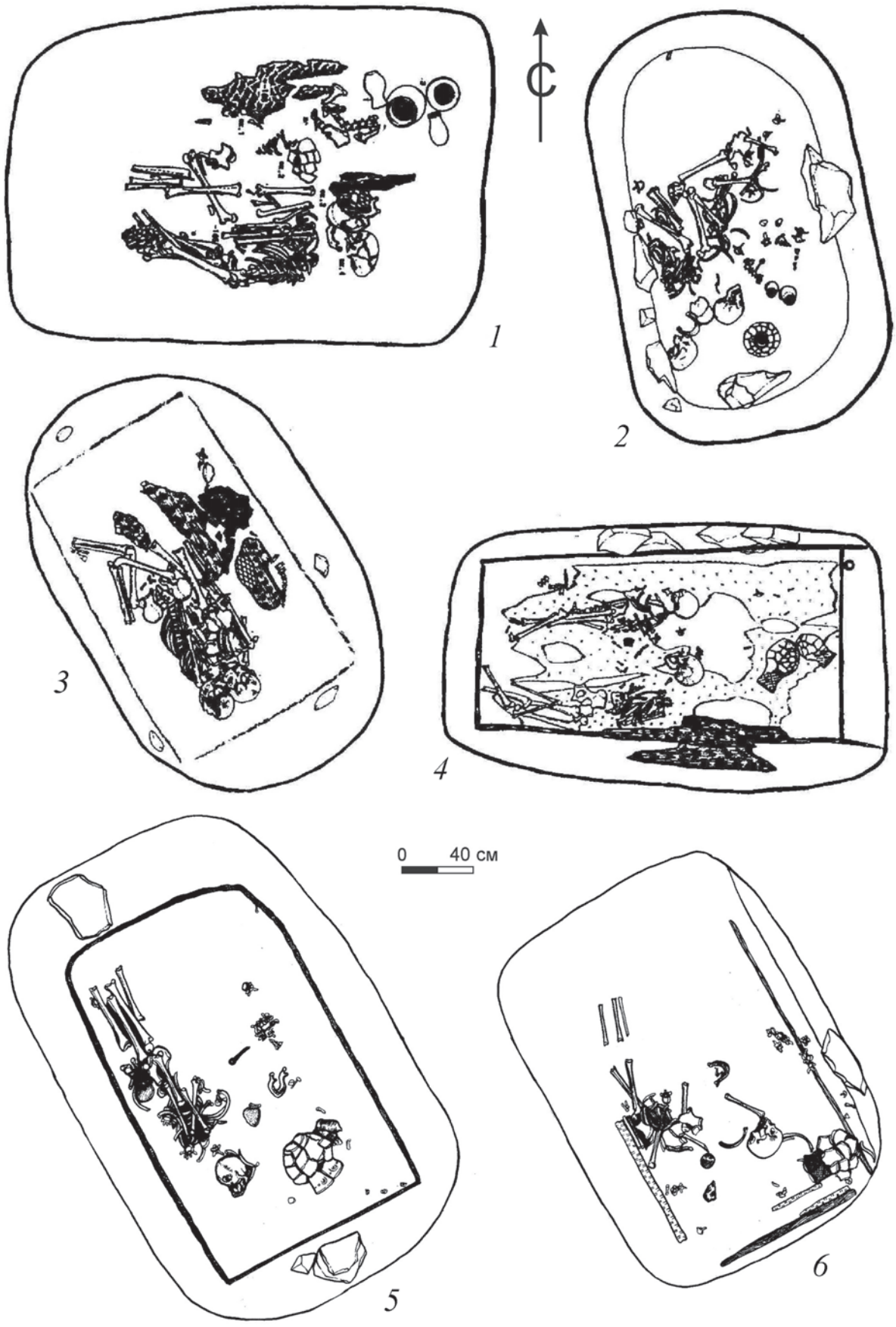

Рис. 2. Вторичные погребения скифского времени горной долины Нижней Катуни.
1–4 – Барангол-2; *5, 6* – Чултуков Лог-1.

ные погребения представлены захоронением не только полностью скелетированных останков, но и погребением останков трупов на самых разнообразных стадиях разложения.

Кроме разных вариантов вторичных погребений среди погребальных памятников скифского времени горной долины Нижней Катуни выявлено несколько разновидностей кенотафов. Кенотафы пазырыкского времени на Нижней Катуни представлены в сильно разграбленной курганной группе Майма IV (Киреев, 1995). Хорошо сохранившиеся кенотафы, характеризующиеся отсутствием костяка в погребении и наличием всех остальных составляющих погребального обряда (надмогильная и внутримогильная погребальная конструкция, сопроводительный инвентарь, расположение которого соответствует обычной ориентации захороненного), представлены на Нижней Катуни (курган 27, Чултуков Лог-1). На Средней Катуни к таким погребальным комплексам относится курган 11 Тыткескеня-2 (Дашковский, Грушин, 1998. С. 51–52).

Другой разновидностью кенотафа, выявленного на Чултуковом Логу-1, было символическое захоронение в центре конструкции (курган 49) явно ритуального характера. По своим очертаниям это каменное сооружение напоминало две симметричные каменные выкладки в виде «скобок» одинакового размера, расположенные друг напротив друга, овально подквадратных очертаний. Аналогичное каменное сооружение выявлено на соседней курганной группе Чултуков Лог-2. Элементы таких ритуальных выкладок известны на ряде пазырыкских курганных групп рядового (Барангол-1) и элитарного статуса (Берельский некрополь). Такой тип кенотафа был выявлен для скифского времени Горного Алтая впервые (Бородовский, Бородовская, 2013. С. 163, 164. Рис. 69, 70). Попутно следует заметить, что с южного края этих скобковидных выкладок кургана 49 симметрично располагались две небольшие выкладки. Это типичное ритуальное сооружение для пазырыкских некрополей для всего Горного Алтая. В случае с кенотафом кургана 49 следует заметить, что он располагался на участке максимальной концентрации пазырыкских курганов средних размеров, диаметр которых составлял до 15 м. С гендерной точки зрения, судя по сопроводительному инвентарю, курганы-кенотафы, сооружались для обоих полов, мужчин (курган 11) и женщин (курган 49). В первом случае кроме керамической посуды и костей сопроводительной пищи вместе с металлическим ножом представлены поясной комплект и бронзовый кинжал-акинак. Во втором случае в могилу на месте расположения головы были помещены две металлические заколки. В сравнении с вторичными захоронениями случаи выявления кенотафов разных вариантов для могильников скифского времени в долине Катуни пока единичны.

Подводя итоги, отметим, что для каждого региона корпус таких фактов необходим для достоверности интерпретаций погребений как вторичных и ритуальных (кенотафов), который позволяет обосновать общие и особенные признаки этих погребальных комплексов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородовский А.П. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катуни (по материалам Барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 197–200.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.

Дашковский П.К., Грушин С.П. Кенатафы пазырыкского времени Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998. С. 51–52.

Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма IV // Изучение памятников археологии Алтайского края. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 110–114.

ПИКСИДЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ПАМЯТНИКАХ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2014 г. И.В. Бруяко

Одесский археологический музей НАН Украины, Одесса, Украина (ibruyako@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний железный век, пиксида, Причерноморье, Балканы.

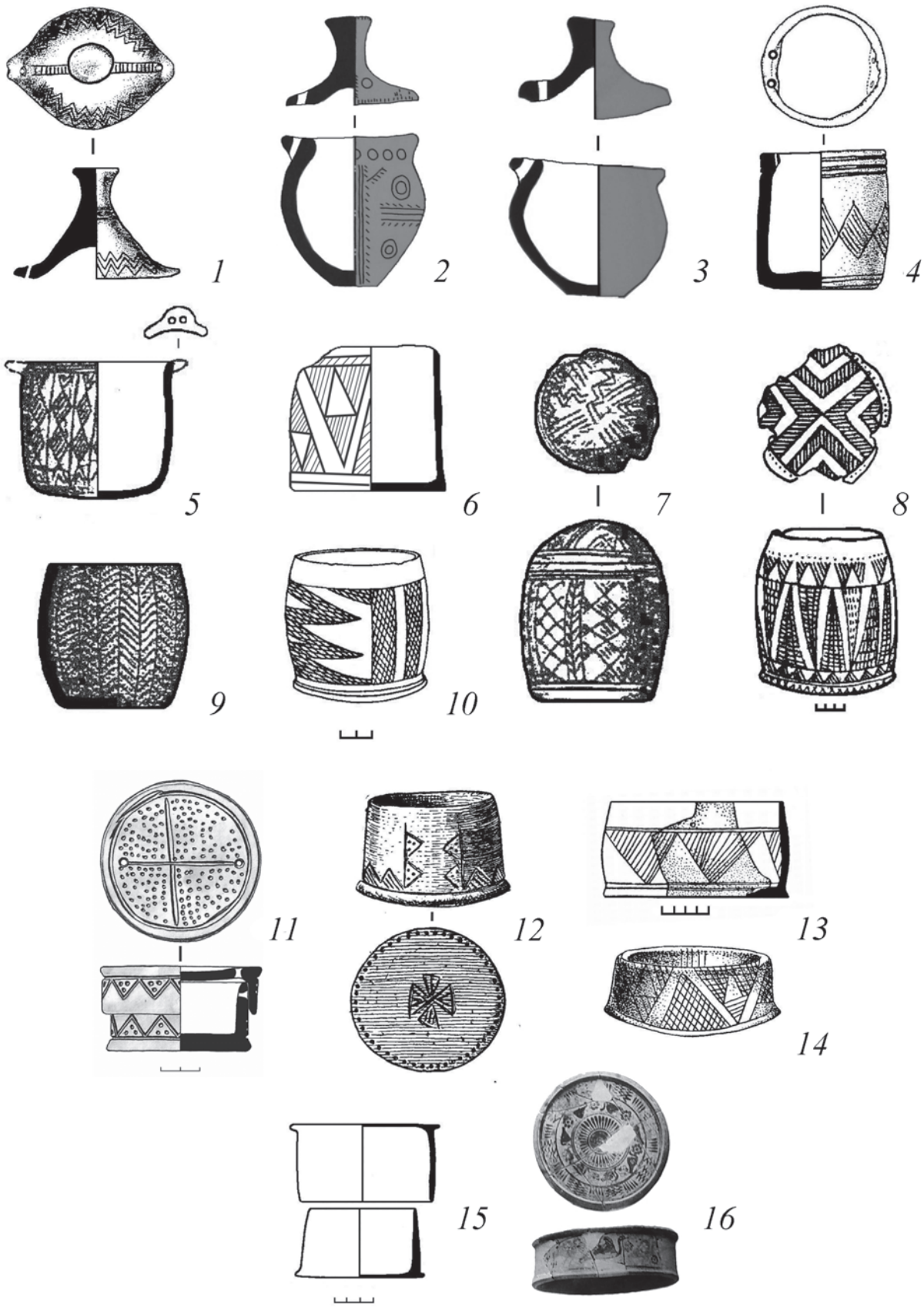
Резюме. Доклад посвящен изучению довольно редкой керамической формы на памятниках Юго-Восточной Европы в эпоху раннего железного века. Это лепные пиксиды. Вся группа находок делится на две, каждая из которых имеет свою линию развития. Рассмотрены возможные источники происхождения и хронология этих групп.

Долгое время считалось, что пиксиды – античный керамический стандарт – появляются в Причерноморье с началом греческой колонизации в качестве импорта. В отношении гончарных реплик пиксид это мнение по-прежнему справедливо. Однако в отношении лепных нужно внести две существенные поправки. Появление лепных пиксид связано с населением культур раннего железного века так называемого предскифского круга – Сахарна–Солончены, Чернолесье (поздний этап) и Жаботин. Их ареал таким образом оказывается гораздо шире, нежели собственно Причерноморье. Следует отметить и один весьма важный признак, зафиксированный едва ли не на всех известных экземплярах: резная орнаментация.

Пиксида, сама по себе форма довольно редкая и специфическая, не имеющая отношения к бытовой столовой и кухонной посуде. В керамической традиции населения данного региона она не имеет ни прототипов в предшествующую эпоху бронзового века, ни сколь-нибудь долгую линию развития в раннем железном веке. Помимо отмеченных культурных ареалов Поднепровья и Поднестровья известны пиксиды в соседней высоцкой культуре и еще дальше к западу – в лужицкой. Все указанные общности являются культурами лесостепного ареала. Однако теперь пиксиды отмечены и в более южных районах, в частности, на Нижнем Дунае, о чем свидетельствуют материалы культуры Бабадаг в Северо-Восточной Добрудже и городища Картал (Jugănaru, 2003; Бруяко, 2007).

В некоторых соседних регионах традиция подобных сосудов, напротив, имеет гораздо более длинную историю. Самое беглое знакомство с историографией вопроса показывает, что пиксиды были известны в областях, лежащих к западу и югу от Северного Причерноморья. При довольно высокой морфологической вариабельности такие сосуды бытовали на Балканах, в Малой Азии и Центральной Европе по меньшей мере с эпохи ранней бронзы. Правда в большинстве случаев эти ранние формы мало похожи на хрестоматийный облик пиксиды – цилиндрическая глиняная коробка с крышкой.

Разбирая весь массив находок, нетрудно выделить две типологически различные группы. Первую образуют пиксиды-колбы – высокие цилиндры либо обычные профилированные горшки. Часто они снабжены двумя горизонтальными ушками-налепами, симметрично расположенными по краю, с парой отверстий. Крышка имеет форму широкополой шляпы с цилиндрическим столбиком-ручкой и также симметрично расположенными на полях этой «шляпы» отверстиями (см. *рисунок, 1–5*). Как вариант этого типа можно выделить колбы-цилиндры с выгнутыми стенками и гладкой полусферической крышкой, которая вставлялась в колбу (см. *рисунок, 7, 8*). Для этого варианта, который по наиболее

Пиксиды из различных областей Юго-Восточной Европы эпохи бронзы и раннего железного века. *1, 4* – Бабадаг; *2* – Керамейкос (погр. 37); *3* – Керамейкос (погр. 77); *5, 7, 9* – Сахарна; *6, 13* – Московская Гора; *8* – Медвин; *10* – Казаровка; *11* – Картал; *12* – Пидмет; *14* – Константиновка; *15* – Мелос; *16* – Перахора. (*16* – гончарная; остальные – лепные).

ранним находкам можно назвать «вариантом Сахарна», отверстия не предусматривались.

Вторую группу составляют низкие цилиндрические коробочки, также закрытые крышками – точно такими же коробочками, но большими по диаметру, в результате чего нижняя часть сосуда закрывается снаружи на более или менее значительную высоту. Устойчивым признаком является наличие как на крышке, так и на поддоне выступающих закраин (см. *рисунок, 11–14*). Предусмотрены здесь и отверстия. Однако если на сосудах первой группы отверстия на крышке и колбе расположены в одной плоскости – горизонтальной, то на сосудах второй группы, осмотренных *de visu,*отверстия расположены в двух плоскостях – горизонтально на крышке и вертикально в стенках банки, в верхней части (см. *рисунок, 11*).

Наличие отверстий в подобной компоновке предполагает, что крышки пиксид соединялись с колбами в подвижной манере, вероятно, при помощи нитей. Способ использования этих сосудов в таком случае напоминал принцип использования кадила в христианской литургии. Более конкретно о процедуре ничего пока сказать нельзя, кроме того, что это вряд ли была повседневная, бытовая сфера жизнедеятельности социума (Salbtöpfchen; powderbox; шкатулка; «табакерка» и пр.).

Поскольку второй вариант больше соответствует представлению о классической форме пиксид, то обозначение «классический» можно за ним сохранить. Впрочем, для этого типа есть и еще одно, вполне подходящее название, которое предложил в свое время Х. Пэйн – Kotyle-Pyxides (Payne, Dunbabin, 1962. P. 185). Что же касается первого варианта, сосуды которого имеют зачастую более «варваризованный» облик, то его можно назвать «архаическим».

Обе линии развития пиксид имеют определенный коэффициент совпадения, как в географии, так и в хронологии.

Архаические пиксиды располагают прототипами в довольно глубоких пластах предшествующей эпохи. В Карпато-Дунайском регионе это культура Монтеору, Жуто Брдо – Гырла Маре, Вербичиоарэ. Существует точка зрения, согласно которой именно отсюда, из Дунайского бассейна подобный тип керамики проник на юг Балкан, вплоть до Аттики, где лепные пиксиды появляются в комплексах субмикенского и протогеометрическогопериода (Hänsel, 1976. S. 133). Впрочем для поиска исходного ареала предлагаются и более близкие районы, например Македония (Ruppenstein, 2007. S. 179). Есть мнение и о местном, аттическом происхождении этой формы – от лепных пиксид субмикенского периода к гончарным геометрического (Reber, 1991. S. 170–171).

В Восточную Европу подобная керамическая форма попадает чуть позже – около или сразу после 1000 г. до н.э. Значительно видоизмененная, она зафиксирована в ареале культуры Сахарна–Солончены в Бессарабии и родственной ей культуре Бабадаг II на Нижнем Дунае (см. *рисунок, 4, 5, 7, 9*). Главное отличие здешних экземпляров от своих вероятных дунайских прототипов эпохи бронзы видится в том, что нижняя часть пиксиды представляет собой цилиндр (колбу) и таким образом не имеет очевидных признаков обычного горшка (см. *рисунок, 2, 3*). Крышка по-прежнему накрывала сосуд поверх устья, о чем свидетельствуют выступы-налепы со сквозными отверстиями и отверстия в полах крышек. Наряду с этим есть и оригинальный вариант («Сахарна»), у которого крышка вставлялась в колбу. При этом необходимо было наличие закраины на крышке или колбе. Такой способ соединения мы видим уже на гончарных пиксидах Аттики геометрического периода (Bohen, 1988. Abb. 2).

Помимо Днестро-Дунайской области некоторые пиксиды этого типа зафиксированы в Поднепровье. И если находка на городище Московская Гора (см. *рисунок, 6*) в целом может быть синхронна и Сахарне, и Бабадагу II, то пиксиды из Медвина и Казаровки (см. *рисунок, 8, 10*), несмотря на очевидное сходство с упомянутыми только что, датируются более поздним временем – вплоть до раннескифского периода.

Пиксиды второго типа – «классические», были известны в Эгеиде (Кикладыи Крит) уже эпоху ранней бронзы. При этом сходство между раннеминойскими и раннекикладскими экземплярами с одной стороны (Karantzali, 1996. Fig. 57/MM 87) и архаическими – с дру-

гой, едва ли не абсолютное (см. *рисунок, 15, 16*).

Во II тыс. до н.э. подобными сосудами пользовались и в Малой Азии, о чем свидетельствует, к примеру, хеттский слой в Аладжа-Гуюк (Koşay, Akok, 1966. Taf. 24). Однако затем, вплоть до VIII в. до н.э., ни в Эгеиде, ни в Малой Азии «классические» пиксиды, кажется, неизвестны. Наиболее ранними на сегодня оказываются экземпляры протокоринфского стиля. При этом было замечено, что это совершенно новый тип пиксид, отличительной чертой которого является то, что крышка не вставляется в нижний стакан, а накрывает его почти на всю высоту (Payne, 1931. P. 293). Позже, среди архаической керамики коринфского стиля, этот тип пиксид стал одним из самых распространенных (Blegen, Palmer, Young, 1964. Pl. 27, 32, 88).

На Балканах и в Восточной Европе эта форма вообще появляется внезапно, без какой-либо преемственности, хотя бы даже такой, не слишком очевидной, как в Эгеиде. Причем по времени эта новация проявила себя примерно тогда же, когда и в Греции, хотя, если подойти к хронологии более придирчиво, то получается, что пиксиды из северопонтийского региона даже немного раньше эгейских. Во всяком случае «классические» пиксиды известны уже в слоях позднечернолесского времени как на Правобережье, так и на Среднем Днестре. По современным представлениям, это никак не позже конца IX – начала VIII в. до н.э.

Таким образом, кратковременная мода на низкие цилиндрические пиксиды возникла в Юго-Восточной Европе на хронологическом отрезке IX– VIII вв. до н.э. Что касается источника этой моды, то здесь еще есть над чем подумать. Распространение этих сосудов могло быть результатом диффузии, вектор которой был направлен с Южных Балкан в Причерноморье, либо наоборот. Наконец, следует учитывать и вероятность независимого развития идеи в нескольких регионах, хотя такой вариант в данном случае и не кажется слишком убедительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бруяко И.В. Могильник эпохи среднего гальштата «Картал-III» на Нижнем Дунае // Ранній залізний вік Євразії: До 100-річчя О.І. Тереножкіна. Мат-ли конф. Київ; Чигирин: *Формат*, 2007. С. 40–43.

Blegen K.W., Palmer H., Young R.S. Corinth. V. XIII: The North Cemetery. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1964. 344 p.

Bohen B. Kerameikos. Bd. XIII: Die Geometrischen Pyxiden. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1988. 153 S.

Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der Älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GMBN, 1976. T. 1. 251 S; T. 2. 77 taf.+XVIII taf. + 6 Karte.

Jugănaru G. Pixidele – o formă ceramică mai puţin cunoscută în aria culturii Babadag // Peuce. (ser. nouă). 2003. I (XIV). P. 63–74.

Karantzali E. Le Bronze Anciendans les Cyclades et en Crète. Oxford: Tempus Reparatum, 1996. 277 p. (BAR. Intern. Ser.; 631).

Koşay H.Z., Akok M. Ausgrabungen von Alaca Höyük: Vorbericht über die Forschungen und Entdekkungen von 1940–1948. (Türk Tarih Kurumu Yayinlarindan V. Seri – Sa. 6). Ankara: Türk Tarih Kurumu basımevi, 1966. 281 p.

Payne H. Necrocorinthia. A study of Corinthian Art in the archaic period. Oxford: Clarendon Press, 1931. 363 p.

Payne H., Dunbabin T.J. Perachora. II: The sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Oxford: Clarendon Press, 1962. 579 p.

Reber K. Untersuchungen zur handgemachten Keramik Griechenlands in der submykenischen, protogeometrischen und der geometrischen Zeit. Jonsered: Paul ÅströmsFörlag, 1991. 183 S.

Ruppenstein F. Kerameikos XVIII. Die submykenische Nekropole. München: Hirmer Verlag, 2007. 305 S.

ФЕНОМЕН ОГРАБЛЕНИЯ СТЕПНЫХ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В «МАКРОЭКОНОМИКЕ» СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

© 2014 г. Н.А. Гаврилюк, Н.П. Тимченко

Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
(gavr_51@mail.ru; tnp_books@ukr.net)

Ключевые слова: скифы, греки, Северное Причерноморье, экономика тезаврирование, золото.

Резюме. *Рассматривается экономическая сторона феномена ограбления скифских погребений. Проводится сравнение представлений о богатстве в античной экономике и у скифов.*

Феномен ограбления погребений уверенно прослеживается с эпохи бронзы (Кызласов, 1983. С.19, 23–32; Нелин, 2001; Мозолевский, Полин, 2005. С. 427), когда в экономике достигаются высокий уровень разделения труда, значительные объемы регулярных торговых операций с протяженностью внешних торговых путей в тысячи километров. Совпадение становления первых мир-системных экономик (исходя из подходов Ф. Броделя – И. Валлерстайна – А.Г. Франка – Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева и др.)[1] и феномена ограбления погребений, не случайно.

Ранний железный век насыщен источниками. Масштабно представлена археология Степной Скифии с базами данных, сформированными в 1980-х гг. Новые представления о древних экономиках, расширение базы данных позволяют обратиться к феномену их ограбления.

«Макроэкономика» Степного Причерноморья. В основе макроэкономики Степного Причерноморья античного времени лежит функционирование двух региональных экономик. Первая связана с населением античных Степных Причерноморских центров, а вторая – со скифскими кочевниками. Обе экономики агрегатировались в крупномасштабное экономическое явление. Недостаточность традиционных подходов к оценке археологического материала скифской культуры сориентировала нас на позитивистское понимание археологического материала (Гаврилюк, 2013. С. 15–57). На первое место выдвигаются связи, основанные на экономических процессах и реализуемые в ходе и результате хозяйственной деятельности изучаемых древних сообществ. При формулировании вопросов и поиске на них ответов целесообразно исходить из положений новой институциональной экономики. В «макроэкономическом» измерении феномена ограбления погребений рассматривается как форма хищения с экономическими признаками. Обратим внимание, что современному юридическому языку чужд многозначный термин «ограбление»[2]. «Ограбление захоронений» – преступление, предусмотренное ст. 244 УК РФ «Надругательство

1 Напомним, что перечисленными авторами мир-экономика представляется как самодостаточная экономическая структура из трех частей с мягкими границами между ними: ядро (центр) -> полупериферия-> периферия. Можно усмотреть очевидное структурное подобие мир-экономики и единиц палеоэколого-экономического районирования Северного Причерноморья, рассмотренного нами для скифского времени (Гаврилюк, 2013. С. 78–83, 507–517). В этом можно видеть подобие масштабной фрактальности (инвариантности структуры при изменении масштаба) мир-системы и единиц палеоэколого-экономического районирования Северного Причерноморья в античное время.

2 Оно расщепляется на два понятия: «грабеж» (открытое хищение чужого имущества с применением или угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья), и «разбой» (нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (УК РФ, ст. 161, 162). Аналогичные статьи содержат УК всех развитых стран. В древности грабители могил наказывались по менее казуистичным законам, но зато с намного большей жесткостью.

над телами умерших и местами их захоронения», определяется как один из видов хищения или порчи имущества, отличающийся только специфичностью места и предмета уничтожения, повреждения или осквернения. Мы рассматриваем экономическую сторону «ограбления», совершаемого с экономической мотивацией (кражу)[3].

Источники. Для изучения экономического аспекта феномена ограбления погребений применительно к античному периоду Степного Причерноморья нами использованы письменные (в основном Геродот[4]), археологические и нарративные источники. Примером последних является «Повесть о любви Херея и Каллирои» Харитона афродисийца (Харитон, 1954) с микросюжетом, посвященным ограблению богатой античной гробницы[5]. Состав преступления – сложный (умысел, сговор, организованность, размеры хищения, похищение, неоднократная «судимость» преступников, устойчивость их группы, незаконное проникновение и т.д.), образует комплекс, охватывающий почти все формы хищения: кражу, грабеж, разбой, мошенничество[6]. Хотя роман написан во II в. н.э., он содержит сведения о реалиях и «технических» деталях; огромных рисках и доходности; едва ли не повседневности ограбления могил как промысла. В конце V–IV вв. до н.э. население северопричерноморских милетских колоний также осваивает этот «промысел»: грабятся некрополи Ольвии, ее хоры, скифские курганы в степи.

Распределение погребений по «признаку» грабленое/нерабленое. В одном из первых анализов феномена ограбления погребений степных скифских погребений утверждается, что курганы знати ограблены в основном в скифское время (Хазанов, Черненко, 1979). С.В. Полин, исходя из результатов доисследования Чертомлыкского кургана и раскопок более 50 скифских курганов его группы, пишет: «…обнаружилась почти 100%-ная ограбленность скифских могил. Некоторые из ограблений произошли еще в скифское время, однако большинство курганов были ограблены в XIX – начале XX в. или даже дважды – в скифский и в наше время» (Полін, 2003. С. 10). Однако экономический мотив ограбления скифских курганов не рассматривался.

Е.П. Бунятян приводит данные по феномену ограбления погребений девяти могильников IV в. до н.э., расположенных в излучине р. Днепр. Из 293 курганов и 534 скифских погребений были ограблены 64,6% (Бунятян, 1985. С. 30–32, 46). Вскоре появилась еще одна база данных. В ней нерабленые могилы составили «10–20% всего массива» (Скифские погребальные…, 1986. С. 349–350).

Наша база данных включила в себя 2025 погребений из курганов Степного Причерноморья. Детальное распределение грабленых/нерабленых скифских погребений (62 группы) содержится в табл. 1. Объективизация данных в соответствии с принципом Парето показывает, что из всего массива степных скифских погребений только 805, или 39,8%, грабленые[7]. В то же время курганы элиты ограблены почти на 100%[8]. При этом большая часть грабленых погребений удалена от очагов оседлости (поселений, городищ). Важный экономический факт имущественного характера ограбления, совпавшего с появлением

3 Среди признаков предмета хищения имущества юристы выделяют физический (res corporales, т.е. телесность, материальность, осязаемость) и экономический (стоимость похищенного/нанесенного ущерба или извлеченного преступным путем дохода) признаки.

4 О трепетном отношении к «отчим могилам» см. Herod., IV. 127; к священному золоту (плуг с ярмом, секира и чаша), упавшему с неба, – Herod., IV. 5, 6.

5 Пират Ферон попал на пышные похороны неумышленно заживо похороненной знатной сиракузянки Каллирои. Незамедлительно он организовывает шайку, под покровом ночи взламывает склеп и сталкивается с … ожившей красавицей. Сориентировавшись, разбойники похищают ее и вместе с большим количеством награбленных драгоценностей увозят на «реализацию» в богатейший (и в то же время удаленный от Сиракуз) город античного мира Милет.

6 Обман с корыстной целью Леоны – «завхоза» Дионосия, человека «своими богатствами, происхождением своим и своей образованностью превосходящего всех остальных ионян, друга великого царя»; «избежание телонов», т.е. уклонение от налогов (Харитон, 1954. С. 24–26).

7 Эмпирический закон В. Парето: макропроцессы в экономике подчиняются принципу 80/20 (Ермоленко, 2007). Так, большая (80%) часть капитала принадлежит 20% людей.

8 Нетронутыми до нашего времени в них сохранились лишь клады (тайники) и несколько впускных или боковых погребений.

Таблица 1. Распределение грабленых и неграбленых скифских погребений в курганах, могильниках и местоположениях в степной зоне Северного Причерноморья

№ п.п.	К-во погребений				Местоположение					
	об-щее	нег-рабл.	грабл. абс.	грабл. %	населенный пункт	группа (могильник)	окру-жение	аре-ал	обл-асть	район
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	1		1	100,0	Александровка		степь	пбГ	Хрс	Снигиревский
2	134	63	71	53,0	Балки	Гайманово поле	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
3	14	9	5	35,7	Балки	Плоская Могила	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
4	20	15	5	25,0	Богдановка		берег	лбБ	Хрс	Каховский
5	1	0	1	100,0	Больш. Белозерка	Близницы	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
6	7	1	6	85,7	Больш. Белозерка	группа 2	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
7	7	2	5	71,4	Больш. Белозерка	Суворово	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
8	21	3	18	85,7	Больш. Белозерка	Чмыревой	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
9	54	41	13	24,1	Больш. Знаменка	Ильинский	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
10	542	384	158	29,2	Больш. Знаменка	Мамай-Гора	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
11	252	194	58	23,0	Больш. Знаменка	Солохи	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
12	6	6	0	0,0	Больш. Знаменка	бескурганный	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
13	5	5	0	0,0	Больш. Знаменка	В.Знаменский	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
14	1	0	1	100,0	Борозенское		берег	пбБ	Днп	ВеликАлекс.
15	23	7	16	69,6	Бутор		посЧобр	пбИ	Трс	Григориопол.
16	4	0	4	100,0	Васильевка		степь	пбГ	Хрс	Снигиревский
17	54	50	4	7,4	Верхнетарасовка		пос	пбБ	Днп	Томаковский
18	18	15	3	16,7	Владимировка		пос	пбБ	Днп	Томаковский
19	26	19	7	26,9	Вольная Украина	Кр. Перекоп	берег	лбБ	Хрс	Каховский
20	80	33	47	58,8	Гюновка	21 курган	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
21	1	1	0	0,0	Гюновка		степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
22	13	0	13	100,0	Заповитное	Степной	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
23	19	6	13	68,4	Заповитное	Степной-3	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
24	7	1	6	85,7	Заповитное		степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
25	83	57	26	31,3	Златополь	Златополь	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
26	7	0	7	100,0	Золотая Балка	Рядовые могилы	степь	пбБ	Хрс	Нововоронц.
27	16	11	5	31,3	Ильинка		горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
28	29	26	3	10,3	Капуловка	1	горКап	пбБ	Днп	Никопольский
29	7	0	7	100,0	Ковалевка	5	степь	пбГ	Нкл	Николаевский
30	3	1	2	66,7	Красное		посЧобр	пд	Трс	Григориопол.
31	63	46	17	27,0	Кут		пос	пбБ	Днп	Апостоловский
32	21	13	8	38,1	Любимовка		берег	лбБ	Хрс	Каховский
33	5	0	5	100,0	Нечаянное		степь	пбГ	Нкл	Николаевский
34	10	6	4	40,0	Никополь-	2	горКап	пбБ	Днп	Никопольски
35	3	0	3	100,0	Новокаменка		берег	пбИ	Одс	Измаильский
36	184	29	155	84,2	Носаки -Балки	14 курганов	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
37	9	0	9	100,0	Орджоникидзе	Испан.Могилы	степь	пбБ	Днп	Никопольский
38	7	0	7	100,0	Орджоникидзе	Лисьи Могилы	степь	пбБ	Днп	Никопольский
39	4	0	4	100,0	Орджоникидзе	шахта 22	степь	пбБ	Днп	Никопольский
40	14	14	0	0,0	Орджоникидзе	Страшн.Могила	степь	пбБ	Днп	Никопольский
41	7	0	7	100,0	Орлянское	Орлянский	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
42	28	11	17	60,7	Первомаевка		пос Перв	лбБ	Хрс	Верхнерогач.
43	1	0	1	100,0	Томаковка	Близницы	степь	пбБ	Днп	Томаковский
44	6	0	6	100,0	Чкалово		степь	пбБ	Днп	Никопольский
45	39	0	39	100,0	Широкое	2	степь	лбБ	Хрс	Скадовский
46	37	19	18	48,6	Шмальки	Казенная могила	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
47	1	1	0,0	0,0	Акимовка		степь	лбБ	Зпр	Акимовский
48	12	12	0,0	0,0	Выводово		степь	пбБ	Днп	Томаковский
49	6	6	0,0	0,0	Каменка	Каменка	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
50	6	6	0,0	0,0	Дудчаны		берег	пбБ	Хрс	Нововоронц.
51	1	1	0,0	0,0	Козырка		море		Нкл	Очаковский
52	5	5	0,0	0,0	Корнеевка		степь	лбБ	Зпр	Веселовский
53	20	20	0,0	0,0	Львово		берег	лбБ	Хрс	Бериславский
54	6	6	0,0	0,0	Нагорное		берег	пбБ	Днп	Никопольский
55	15	15	0,0	0,0	Отрадное		степь	пбГ	Нкл	Баштанский
56	21	21	0,0	0,0	Пески	Три Могилы	степь	пбГ	Нкл	Баштанский
57	9	9	0,0	0,0	Плавни	1	берег	пбИ	Одс	Ренийский
58	5	5	0,0	0,0	Раздольное	Раздольное	степь	лбБ	Хрс	Каховский
59	12	12	0,0	0,0	Скельки	бескурганный	посЛГ	лбБ	Зпр	Васильевский
60	3	3	0,0	0,0	Софиевка		степь	лбБ	Хрс	Кам.-Днепр.
61	2	2	0,0	0,0	Николаев		степь	пбБ	Нкл	Терноватое
62	8	8	0,0	0,0	Чкаловка	5	степь	пбБ	Днп	Верхнеднепр.
	2025	1220	805	39,8						

Примечания: с. – село; р. – река; бр. – берег реки; горКап – городище Капуловка; горКГ – Каменское городище; пос. – поселение; посЛГ – поселение Лысая Гора; посПерв – посПервомаевка; посЧобр – поселение Чобручи; лбБ – левый берег Борисфена (Днепра); пбБ – правый берег Борисфена (Днепра); пбГ – правый берег Гипаниса (Южного Буга); пбИ – правый берег Истра (Днестра); Области: Днп – Днепропетровская; Зпр – Запорожская; Нкл – Николаевская; Одс – Одесская; Николаевская; Трс – Тираспольская; Хрс – Херсонская; районы: ВеликАлекс. – Великоалександровка; Верхнеднепр. – Верхнеднепровский; Верхнерогач. – Верхнерогачикский; Григориопол. – Григориопольский; Кам.-Днепр. – Кам.-Днепровский; Нововоронц. – Нововоронцовский.

богатых погребений, ставит вопрос об экономической оценке погребенного инвентаря.

Стоимость инвентаря из драгметаллов в степных скифских погребениях оценивалась мерками греческого мира (Гаврилюк, 2013). Также возможно считать экономическим признаком похищенного имущества не цену, а овеществленный труд[9]. Оценки распределения неграбленых скифских погребений (табл. 1) и стоимости имущества из могил (табл. 2) считаем представительной выборкой, отражающей основные особенности феномена ограбления погребений. Мы использовали известное на рынке золота явление близости рыночной цены на золото (серебро) и их номиналами в монетах как основу объективной оценки вещей из драгметаллов из степных скифских погребений. Размеры погребенных богатств, разнообразные события в экономической жизни (в их числе сооружение кургана, поминки в честь царя) оценивали по весу и пробности золота (серебра) в соответствии с паритетом синхронных денежных единиц. Примерами являются расчеты стоимости (в минах) изделий из захоронений Толстой (женское погребение – 29, все погребения – 73) и Соболевой (мужское погребение – 46) Могил (табл. 2). Аналогично М.Ю. Трейстер обратил внимание на то, что серебряная фиала из бокового захоронения Семыкиной Могилы по весу весьма близка к стандартному весу в 1 мину серии фиал (Болтрик, Трейстер, 2010. С. 69). Расхождение с номиналом мины 436,7 г не превышает 18,6%. Исходя из картографирования находок фиал, можно предположить, что меньший вес фиалы, возможно, объясняется «порчей» изделия в расчете на варвара – простоватого владельца фиалы.

Стоимость погребального комплекса Толстая Могила как сумма стоимости инвентаря и земляных работ составляет не менее 140 мин (2,3 таланта), или около 50 рабов по ценам Аттики, или 500 рабов «по себестоимости», т.е. захваченных скифами в 2-3 удачных набегах. Таким образом, феномен ограбления погребений степных скифских погребений позволяет представить порядок оценки ряда явлений экономики Степной Скифии. В глазах греков богатства знати номадов выглядят скромно: они сопоставимы со стоимостью среднего эргастерия, дома в Афинах (Клячко, 1966. С.114–117, 120), с частичными затратами на сооружение и содержание весьма небогатого храма (Кузнецов, 1986. С. 43–47). Содержание триеры составляет 7, конницы в 800 «сабель» – 40 талантов/год ≈ 5 оболов/день (Немировский, Ильинская, Уколова, 1994).

Показательно различие в использовании золота богатыми скифами и богатыми греками. В античной экономике «лишнее» золото находится в основном в обороте, в то время как золото номада, наоборот, закапывается (тезаврируется), т.е. «изымается» из обращения (Гаврилюк, 1998. С. 97–100). Другими словами, экономическим смыслом ограбления скифских погребений, которое к концу IV в. до н.э. приобретает характер промысла, является возврат[10] в экономический оборот «тезаврированных» богатств[11] и их переплавка.

Выводы. 1. Уточнено количественное распределение грабленых/неграбленых погребений по 62 группам (табл. 1). В целом доля неграбленых степных скифских погребений составляет 60,2%, грабленых, соответственно, 39,8%. В курганах скифской знати неграбленые погребения, наоборот, – редкое событие.

2. Относительная ограбленность раннескифских погребений уступает ограбленности степных скифских погребений IV в. до н.э. Возможно, это связано с процессами демаркации «отчими могилами» земельных угодий или превращением ограбления степных скифских погребений в «черный» промысел

9 С.В. Полиным реконструированы и сопоставлены особенности «технологии ограбления» крупнейших курганов – Чертомлык, Чертомлыцкая Близница, Огуз, Александрополь, Жовтокамянка и др. (Полін, 2003; Мозолевский, Полин, 2005. С. 150–152, 427–445; Полин, 2011). Наши подсчеты показали, что сооружение Восточного лаза (колодезного типа) кургана Кара-Тюбе характеризуется рекордными (69 м3) выборкой и перемещением грунта, на что требуется 8–15 суток непрерывной проходки. Наклонные лазы Толстой Могилы и Чертомлыка соответственно – 38,5 м3; 45,9 м3 и 4,6–8,5; 5,5–10 суток.

10 Археологические свидетельства ограбления богатых скифских могил свидетельствуют о коротком скифском «золотом веке» конца IV в. до н.э. (Хазанов, Черненко, 1979. С. 22–23, Мозолевский, Полин, 2005, С. 152). Возможно эти ограбления обусловлены общим кризисом в степи.

11 Как это реализовывалось на практике, красноречиво представлено упомянутой выше историей ограбления склепа Каллирои (Харитон, 1954).

Таблица 2. Стоимость золотых изделий и ее людской эквивалент (в рабах) из погребений Толстой и Соболевой Могил (по: Гаврилюк, 2013)

Наименование погребения	Мина	Эквивалент, рабы		
		Аттика	Боспор	Себестоимость
1. Толстая Могила				
1.1. Боковое женское, неграбленое, без детского	29	11	23	115
1.2. Центральное грабленое (с пекторалью)	34	14	27	136
1.3. Конские (неграбленые)	10	4	8	40
Все погребения	**73**	**29**	**58**	**291**
2. Соболева Могила				
2.1. Погребение 2	41,41			
2.2. Погребение 2А (конское)	0,0333	16	40	200
2.3. Погребение 3 (тайник)	3,09	1	3	15
2.4. Погребение 6	1,62			
Все погребения	**46,15**			

с годовым оборотом в десятки талантов и с максимумом в годы общего палеоэколого-палеоэкономического и политического кризиса в степи Степного Причерноморья.

3. Стоимость погребальных комплексов отражает особенности скифской экономики: начальную фазу товарообменных отношений. Золото у кочевников тезаврируется, в античных центрах – находится в обороте. При этом варварская экономика Степного Причерноморья по объемам богатств уступает античной, особенно, – метрополии.

4. Основные богатства Степной Скифии конца IV в. до н.э. концентрируются, в соответствии с правилом В. Парето, у знати, о чем можно судить по их относительно немногочисленным на фоне массы рядовых погребений курганам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю. Срібна фіала з Семикиної Могили // Археологія. 2010. № 2. С. 62–74.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев: Наукова думка, 1985. 225 с.

Гаврилюк Н.А. Экономика Степной Скифии. Киев, 2013. 712 с.

Ермоленко О. Диаграмма Парето // Вопросы стандартизации и сертификации СО РАН. 2007. № 1. С. 19–20.

Клячко Н.Б. Стелы гермакопидов как источник сведений о рабах VI в. до н.э // ВДИ. 1966. № 3. С. 114–127.

Кузнецов В.Д. Ремесленники-металлисты Эпидавра // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 43–47.

Кызласов Л.Р. В Сибирию неведомую за письменами таинственным // Путешествия в древность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 16–49.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина. Водяна и Соболева Могилы). Киев: Стилос, 2005. 600 с.

Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур. хронология и периодизация / Под ред. Ю.И. Колева. Самара, 2001. С. 317–321.

Немировский А.И., Ильинская Л.С., Уколова В.И. Античность: история и культура. Т. 2. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1994. 384 с.

Полін С.В. Про пограбування скіфських курганів в районі Чортомлика // Археологія. 2003. № 2. С. 10–25.

Полин С. В. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М.; Киев, 2011. С. 206–222.

Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. 388 с.

Хазанов А.М., Черненко Є.В. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія. 1979. № 30. С. 18–26.

Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1954. 214 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬШИХ КУРГАНОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ИХ ПЕРИФЕРИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МАГНИТОМЕТРИИ[1*]

© 2014 г. А.Б. Белинский[1], Г. Парцингер[2], А. Гасс[3], Й. Фассбиндер[4]

[1] ГУП «Наследие», Министерство культуры Ставропольского края, Ставрополь (nasledie@nasledie.org)
[2] Фонд Прусского Культурного Наследия, Берлин (parzinger@hv.spk-berlin.de)
[3] Фонд Прусского Культурного Наследия, Берлин (a.gass@smb.spk-berlin.de)
[4] Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен (fassbinder@geophysik.uni-muenchen.de)

***Ключевые слова*:** Скифские курганы, ранний железный век, периферия, геофизика, магнитометрия.

Резюме. Исследования больших скифских курганов находятся в фокусе изучения уже более 150 лет и не теряют своей актуальности. Постоянное развитие методов исследований и применение современных технических средств позволяют получать все более расширенную информацию о подобного рода памятниках. Одним из таких средств является применение геофизики, при изучении скифских могильников, в частности магнитометрии. Работы с применением магнитометрии на памятниках с большими скифскими курганами начались на территории Ставропольского края в 2012 г. и дали уже первые результаты.

Одним из наиболее информативных источников о погребальной обрядности и социальной стратификации общества древних кочевников раннего железного века можно по праву считать большие курганы, встречающиеся на всей территории степной и лесостепной зон Евразии. Большие курганы, известные также как «царские» (Забелин, 1876. С. 228, 620–630; Рыбаков, 1979. С. 32, 236; Грязнов, 1980. С. 57), возводились с XI – VIII по III вв. до н.э. для представителей верхних слоев кочевых племен и объединений скифо-

1 Исследования проводились при финансовой поддержке Excellence Cluster TOPOI (Берлин), в рамках программы B-2-4.

сакской культурно-исторической общности. Материалы, полученные в ходе исследований подобного рода памятников, позволяют охватить наиболее широкий спектр информации о структуре и архитектуре самих сооружений, о погребальном инвентаре и погребенных. Совмещая анализ археологических и естественно-научных исследований, возникает возможность реконструировать погребальный обряд, религиозные представления, культурные контакты и образ жизни древних кочевников, включающий в себя их естественно-географическую среду проживания, состав стада, рацион питания, наличие или отсутствие тех или иных заболеваний, и определить наиболее вероятные временные отрезки их существования.

К числу подобного рода исследований принадлежит и проведение геофизического зондирования памятников. Изучение больших курганов раннего железного века Евразии позволило за последние годы расширить составные компоненты кургана, в которые входят не только наземные конструкции и находящиеся под ними погребения, ритуальные комплексы, схроны и клады, но и околокурганное пространство – т.н. периферия кургана (Nagler, 2013. S. 618). Наряду с видимыми на современной поверхности конструкциями, возведенными вокруг кургана, такими как рвы, валы или каменные кольца, можно определить, например, путем применения цезиевого магнитометра, единовременные захоронения и подзахоронения, следы архитектурных конструкций, жертвенные комплексы или остатки тризн, свидетельствующие о сложных религиозно-культовых церемониях, проводимых носителями скифских культурных традиций на периферии кургана (Самашев и др., 2009; Полин, Дараган, 2010; Čugunov u.a., 2010; Fassbinder et. al., 2013).

Опираясь на результаты графической обработки данных измерения изменения магнитного поля, полученных с помощью цезиевого магнитометра за относительно сжатые сроки, появляется возможность получения магнитограммы, изображающей все археологические конструкции, находящиеся на исследуемой поверхности на глубине до 2-3 метров, при условии отсутствия на поверхности железосодержащих материалов, вызывающих помехи сигнала и размера конструкций не менее 20-25 см (Fassbinder, 2009; Гасс и др., 2013. С. 121–122).

Подобным методом был исследован ряд могильников раннего железного века с большими курганами на территории Ставропольского края. В качестве примера, хотелось бы остановиться на двух из них.

Могильник Виноградный 1 (рис. 1) располагается в Буденновском районе, на левом берегу в 500 м от р. Плаксейки, впадающей северо-восточнее от могильника в р. Кума, и состоит из одного большого (высота 5,4 м, диаметр 58 м) и как минимум 14 малых курганов, видимых на поверхности. Курганы образуют несколько курганных цепей, расположенных по линии СЗ-ЮВ. Большой курган располагается в юго-восточной части могильника и представляет собой полусферическую насыпь с уплощенной вершиной. Южный склон кургана наиболее покат. Вокруг подножия кургана фиксировался ров. Вся территория могильника подвергалась многолетней распашке, так что, за исключением большого кургана, все остальные были уже значительно снивелированны. Подножие большого кургана также подрезано плугом. Таким образом, измеренный современный диаметр кургана не соответствует первоначальному.

При поквадратном измерении могильника цезиевым магнитометром (размер квадрата 40 х 40 м; при пошаговой подаче сигнала на квадраты 25 х 25 см) были выявлены, кроме четкой границы рва вокруг большого кургана, еще пристройки к курганам малых размеров (западный, северо-западный сектора могильника), дополнительные малые курганы, в некоторых случаях со рвами вокруг них, ямы, а также две конструкции, скорее всего, ритуального характера, и, по всей видимости, часть кладбища аланского времени (в северо-восточном секторе). Конструкции ритуального характера располагаются севернее большого кургана и представляют собой округлый или подковообразный рвы. Из подковообразной конструкции был получен древесный уголь, продатированный в познаньской лаборатории радиокарбонного анализа 6-4 вв. до н.э. (Poz-51451 [2340±35BP] 540-350 BC (93,9% вероятности) 2 σ-интервал). Таким образом, подтвердилась хронологическая взаимозави-

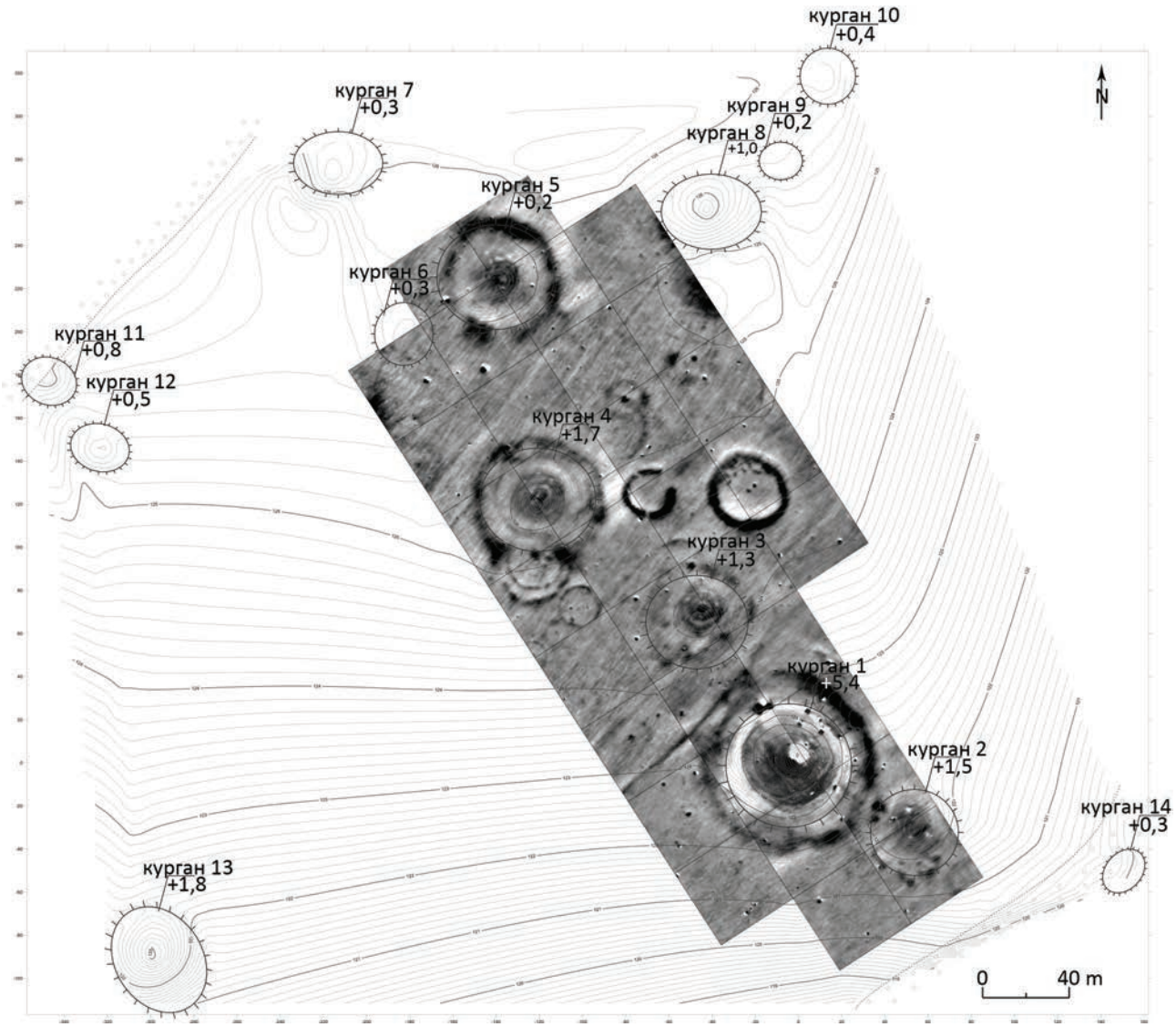

Рис. 1. Топоплан и магнитограмма могильника Виноградный-1 (топоплан Д. Полковский; магнитограмма Й. Фассбиндер)

симость, как минимум, данной конструкции с большим скифским курганом. Чего, к сожалению, пока нельзя сказать о других зафиксированных объектах, так как могильник не раскапывался и серии С14 дат с него нет. Необходимо упомянуть еще одну дату, полученную с малого кургана с пристройкой – конец 4-го тыс. до н.э. (кость человека, Poz-51450 [4495±40BP] 3360-3080 BC (91,9% вероятности) 2 σ-интервал). Данный факт свидетельствует о долговременной традиции использования могильника, охватывающей периоды раннего бронзового и раннего железного веков, а также, возможно, и раннего средневековья. О чем косвенно свидетельствует и подъемный материал, найденный на территории могильника. В целом можно отметить интенсивное использование как территории всего могильника, так и околокурганного пространства большого скифского кургана в частности.

Курганный могильник Владимировка (рис. 2) располагается в Левокумском районе, на правом берегу р. Кума в 2 км южнее современного ее течения и в 500 м южнее от старого русла. Могильник состоит из одного большого (высота 9,9 м, диаметр ок. 100 м) и 6 малых курганов, видимых на современной поверхности и расположенных восточнее и северо-восточнее от большого. Курганы образуют две курганные цепи, ориентированные по оси СВ-ЮЗ. Весь могильник находится на мысу, врезающемся с Юга на Север в пойму реки Кума. Большой курган стоит на южной половине, в самом начале мыса и представляет со-

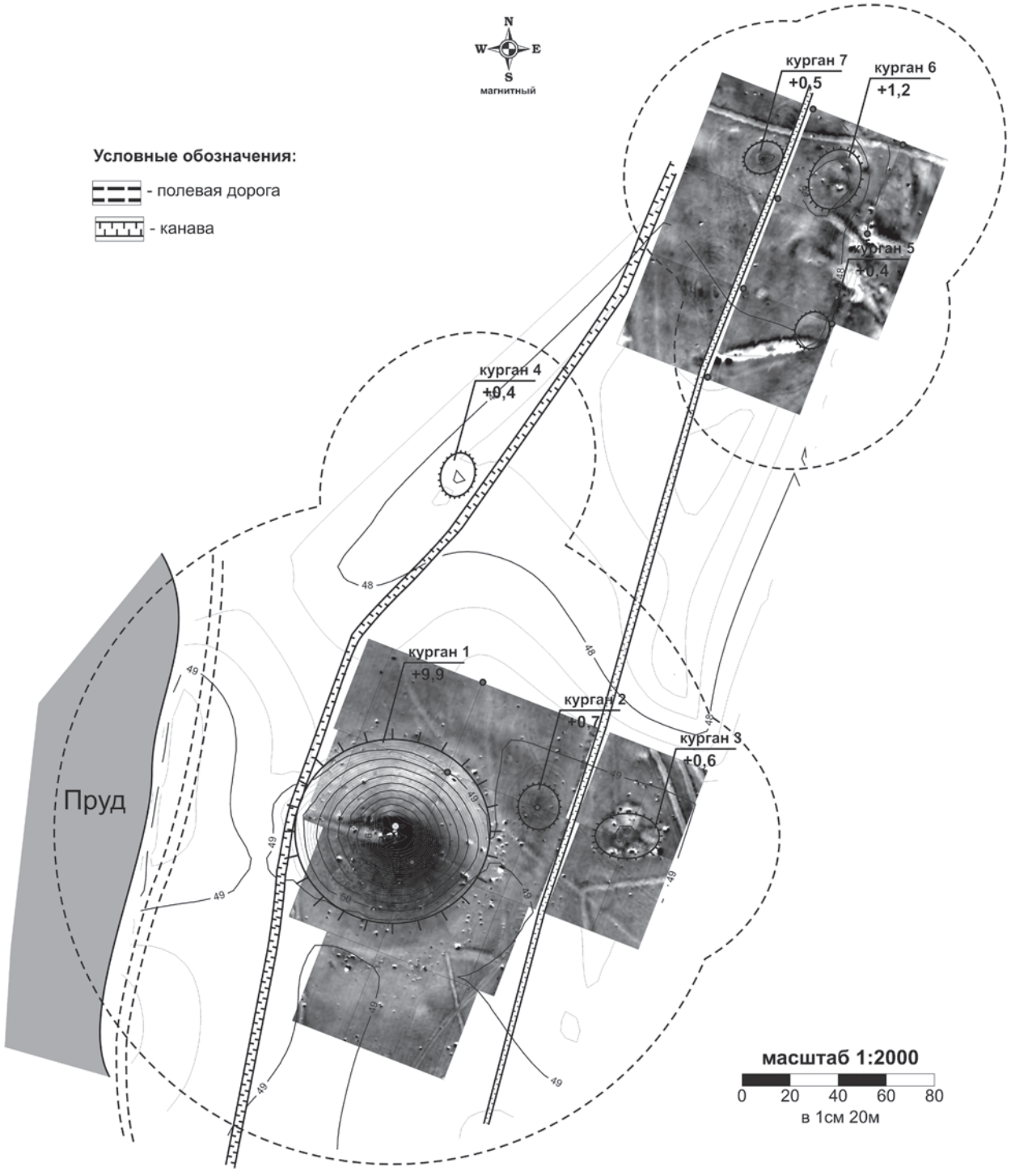

Рис. 2. Топоплан и магнитограмма могильника Владимировка (топоплан Д. Полковский; магнитограмма Й. Фассбиндер)

бой полусферическую насыпь с уплощенной вершиной. Южный склон кургана наиболее покат. Вокруг подножия кургана так же, как и на Виноградном-1 фиксировался ров. Вся территория могильника подвергалась многолетней распашке и перерезана вдоль двумя параллельными траншеями. Курганы малых размеров, как и вслучае с вышеописанным могильником, значительно снивелированны.

Измерения цезиевым магнитометром проводились на двух участках: вокруг большого кургана и на северной оконечности мыса, где визуально фиксировались малые курганы. Кроме более четкого очерчения границ рва вокруг большого кургана и обозначения на магнитограмме видимых на поверхности курганов малых размеров никаких дополнительных конструкций выявлено не было. Таким образом, периферия большого кургана Владимировка практически не использовалась и осталась «пустой».

Подводя итог, можно подчеркнуть наличие как плотно застроенной периферии большого кургана, на примере курганного могильника Виноградный-1, так и слабого ее использования – могильник Владимировка. Таким образом, мы видим на примере двух могильников совершенно разное значение больших курганов и вытекающие отсюда различные ритуалы древних кочевников. Объяснить подобную разницу без проведения раскопок на памятниках на текущий момент не представляется возможным; а все различные предположения, как то: поло-возрастная разница погребенных или же различная культурная, если не хронологическая принадлежность могильников, могут носить лишь чисто гипотетический характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гасс А., Фассбиндер Й., Белинский А., Парцингер Г. Большие курганы РЖВ Северного Кавказа и их периферия: первичные результаты исследований с применением магнитометрии // Кавказ и Абхазия в древности и средневековье: взаимодействие и преемственность культур. IV Абхазская Международная археологическая конференция: Тезисы докладов. Сухум: АбИГИ, 2013. С. 121–122.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 59 с.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М.: Тип. Грачева и К, 1876. 647 с.

Полин С.В., Дараган М.Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // ΣΥΜΒΟLA 1. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.: Триумф принт, 2010. С. 187–205.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия: историко-географический анализ. М.: Наука, 1979. 245 с.

Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Навротм М. Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар: КубГУ, 2009. С. 350–352.

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 495 S.

Fassbinder J.W.E., Geophysikalische Prospektionsmethoden - Chancen für das archäologische Erbe // Toccare - Non Toccare. ICOMOS. Hefte des Deutschen Nationalkomitees. Vol. 47. München: Siegl, 2009. S. 8–30.

Fassbinder J.W.E., Gorka T.H., Nagler A., Chemyakina M.A., Molodin V.I. Prospecting of Kurgans by magnetometry: case studies from Kazakhstan, Siberia and North-Caucasus // Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции). Материалы Первой Международной конференции, состоявшейся в Государственном Эрмитаже 4-6 июня 2012 г. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. С. 50–57.

Nagler A. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jahrtausend v. Chr. // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Kat. der Ausst. des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. II. Bochum: DBM, 2013.S. 609–620.

К ВОПРОСУ О РАННИХ КОМПЛЕКСАХ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ[1]

© 2014 г. П.В. Герман

Институт экологии человека Сибирского отделения РАН, Кемерово (lithos@mail.ru)

***Ключевые слова*:** Мариинская лесостепь, ранний этап тагарской культуры, курганы, периодизация.

Резюме. Статья посвящена проблеме периодизации погребальных комплексов тагарской культуры могильников Большепичугино и Ягуня в Мариинской лесостепи. На основании сравнительного анализа материалов сделан вывод о том, что присутствие ранних тагарских погребений на могильнике Большепичугино следует связывать с незначительной инфильтрацией раннетагарского населения из Ачинской лесостепи. Другие тагарские могильники к западу от р. Урюп включают в себя исключительно среднетагарские и более поздние комплексы. В связи с этим нет оснований говорить о заселении Мариинской лесостепи носителями тагарской культуры ранее VI–V вв. до н.э.

Мариинская лесостепь – северо-западная периферия ареала тагарской культуры. Памятники этого района, равно как тагарские комплексы Ачинской лесостепи (Назаровская котловина) и Красноярской лесостепи, в противоположность минусинскому (степному) варианту, выделяются в отдельный – лесостепной вариант тагарской культуры (Мартынов, 1979). Несмотря на объединение в рамках лесостепной природной зоны, погребальные комплексы в каждой из указанных областей имеют свои особенности. Памятники Мариинской и Ачинской лесостепи обладают наибольшим сходством с комплексами «метрополии» в погребальной практике, но имеют ряд отличий в массовости тех или иных предметов в захоронениях. Отдельной спецификой для каждой из лесостепных зон обладает курганная архитектура. Особенность всего лесостепного ареала – отсутствие (в районе Красноярска) или незначительное число комплексов раннего этапа тагарской культуры. К западу от р. Урюп, в Мариинской лесостепи, А.И. Мартыновым выделены единичные комплексы раннего этапа тагарской культуры – ряд погребений в курганных могильниках Большепичугино и Ягуня. Исключительность обнаружения ранних тагарских материалов к западу от Урюпа, а также новые исследования на могильнике Болешепичугино дали повод вновь обратиться к проблеме сложения тагарской культуры в этой части ее ареала.

Курганный могильник в окрестностях д. Большепичугино (Тисульский р-н, Кемеровской обл.) исследовался А.И. Мартыновым в 1956 и 1957 гг. Судя по полевым отчетам, было раскопано 10 курганов, содержавших андроновские и тагарские погребения (Мартынов, 1956. С. 15, 16; 1957. С. 2–13). Результаты раскопок в Большепичугино стали основой для выделения раннего этапа лесостепной тагарской культуры, получившего название «большепичугинский» (Мартынов, 1979. С. 74). Интерпретация комплексов Большепичугинского могильника чрезвычайно затруднена в связи со спецификой методики раскопок и фиксации материала в поле, а также последующей переработкой результатов исследований в статьях А.И. Мартынова (1964, 1967). Сопоставление андроновской части большепичугинских материалов по отчету и публикации было сделано Г.А. Максименковым (1978. С. 7–9). Ситуация с тагарскими материалами не менее запутанная. Наибольшие затруднения вызывают расхождения в данных по наличию некоторых предметов

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Губернатора Кемеровской обл. (2014 г).

погребального инвентаря, а также по степени сохранности погребений. В частности, среди найденного в тагарских погребениях инвентаря единственными хронологическими маркерами являются массивные выгнутообушковые бронзовые ножи с круглыми отверстиями на рукояти. Данные об этих находках отсутствуют в тексте отчета и альбомах иллюстраций 1957 г. и присутствуют только в статье (Мартынов, 1967. Рис. 10, *2, 7–9*). Тем не менее, принимая во внимание ряд допущений, следует констатировать, что из 10 курганов[1] Большепичугинского могильника 9 содержали тагарские погребения, которые квалифицируются по наличию вытянутых ненарушенных костяков, фрагментов или целых экземпляров лощеной керамической посуды без орнамента и типичных бронзовых и костяных изделий (зеркал, наконечников стрел, бус). Курганы 3, 4, 5, 8 и 10 содержали только тагарские захоронения[2]. В курганах 2, 6 и 7 тагарские погребения были впущены в андроновские курганы, нарушая границы предшествующих могил. В одном случае (курган 9) в андроновский курган впущено детское погребение тагарской культуры[3].

К характеристике ранних тагарских комплексов Большепичугинского могильника следует добавить крайнюю малочисленность погребального инвентаря в непотревоженных тагарских захоронениях. Всего таких погребений четыре (курган 4, могила 1; курган 6, могила 2; курган 7, могила 2; курган 8, могила 1). В трех погребениях присутствуют мясные наборы (кости барана) и керамические сосуды. В одном погребении только сосуд (курган 6, могила 2). Судя по чертежам и описанию в статье, все костяки в могилах не потревожены, а сосуды расположены *in situ* (Мартынов, 1967. Рис. 1–4). При такой сохранности следовало ожидать обнаружения типовых наборов бронзового и костяного инвентаря, характерных для раннетагарских погребений (Герман, 2007. С. 13–14), но остальные предметы либо отсутствуют, либо представлены не в стандартном комплекте. Все это дало бы основание говорить о специфичности группы, погребенной на территории андроновского кладбища, если бы не обстоятельства, связанные с качеством археологического источника. Тем не менее, учитывая индивидуальный характер погребений и наличие типичного для тагарской культуры инвентаря, следует допустить, что большая часть большепичугинских комплексов оставлена незначительной группой раннетагарского населения из Ачинской лесостепи.

Раскопки курганного могильника Большепичугино были возобновлены в 2013 г. Раскопан один из двух курганов, зафиксированных в 2007 г. на территории села. Курган «А» дал принципиально иной материал (Герман и др., 2013). Во-первых, была обнаружена первая к западу от Урюпа ограда прямоугольной в плане формы из установленных на ребро плит. Внутри по центру ограды находилась одна могила. Несмотря на сильную потревоженность погребения, есть все основания отнести его к типу переходных (предсарагашенских) комплексов, которые наиболее характерны для Ачинской лесостепи (Герман, 2007. С. 19, 22). В погребении обнаружены останки четырех человек (трое взрослых и один ребенок). Среди сохранившегося инвентаря – пять костяных наконечников стрел, полусферические бляшки, каменные бусины, подвеска из клыка песца и семь сосудов баночной формы. Особый интерес представляют два сосуда: закрытая банка с тремя каннелюрами по венчику; закрытая банка, орнаментированная по венчику рядом наклонного гребенчатого штампа и частыми горизонтальными поясами того же штампа по всему тулову (Герман и др., 2013. Рис. 2, *3, 6*). Сосуды с каннелюрами характерны для раннетагарских комплексов Минусинской котловины и Ачинской лесостепи, и не известны в мариинских материалах. Другой сосуд идентичен обнаруженному в могиле 1, кургана 12 могильника Ягуня (Мартынов,

1 По данным статьи об андроновских погребениях Большепичугинского могильника (Мартынов, 1964), в 1957 г. было раскопано еще, как минимум, два кургана с андроновскими погребениями. В отчете сведения об этих курганах отсутствуют.

2 Нумерация курганов в настоящей статье приведена в порядке их описания в отчетах за 1956 и 1957 гг. Курган 1 соответствует раскопанному в 1956 г. кургану 2, так как первый курган в отчете 1956 г. относится к другому могильнику. Курганы 2–10 в данной статье соответствуют курганам 1–9 по отчету 1957 г.

3 Следует отметить, что это пока единственное индивидуальное детское погребение тагарского времени к западу от Урюпа.

1973. Табл. 52, *5*), а также имеет ряд аналогий из комплексов Ачинской лесостепи (могильник Ашпыл). Особый интерес представляет расчищенная под курганной насыпью каменная ограда (Герман и др., 2013. Рис. 1). Несмотря на ее фрагментарность, очевидно, что она не имела ярко выраженных угловых и простеночных камней, контрфорсов и прочих конструктивных деталей, наблюдаемых в комплексах Минусинской котловины. Это упрощенный вариант тагарской ограды, неоднократно зафиксированный на памятниках Ачинской лесостепи (Бобров, 2011. С. 20). Ближайшие раннетагарские комплексы на правом берегу Урюпа расположены в 15 км на юго-запад от Большепичугино, на оз. Инголь. В связи с этим появление типичной ачинской тагарской ограды в Мариинской лесостепи не должно удивлять. Другое дело, что западнее такие комплексы не известны. Вероятнее всего появление тагарского комплекса с каменной оградой на левом берегу Урюпа следует связывать с инфильтрацией небольших групп населения из Ачинской лесостепи в Мариинскую на раннем этапе культуры.

Помимо погребений Большепичугинского могильника к раннему (большепичугинскому) этапу лесостепной тагарской культуры был отнесен ряд комплексов могильника Ягуня (курганы 11, 13, 14). По мнению А.И. Мартынова, данные комплексы близки большепичугинским по устройству, обряду и инвентарю (Мартынов, 1979. С. 74). Не вдаваясь сейчас в детальный анализ погребений могильника Ягуня, отметим, что, несмотря на незначительное количество погребенных в некоторых комплексах, все они представляют единую хронологическую группу, которую объединяет наличие типичного для среднетагарского времени инвентаря – «змеевидных украшений» («предмет неизвестного назначения» (ПНП) III типа по Д.Г. Савинову (1995. С. 63, 64. Рис. 1, *1–3*) и бронзовых диадем. Кроме этого в ряде погребений присутствуют художественно оформленные навершия, факельницы и оленные бляхи, известные только в среднетагарских комплексах. В настоящее время остается дискуссионным вопрос о характере различий погребальной практики на среднем (сарагашенском) этапе тагарской культуры. В частности, для решения данного вопроса важна корреляция количественного и поло-возрастного состава погребенных в склепах с сопроводительным инвентарем (Семашкевич, 1997). При таком сопоставлении становится очевидным, что незначительное количество погребенных в среднетагарских комплексах является не хронологическим, а социальным маркером.

Рассмотренные выше комплексы тагарской культуры позволяют сделать следующие заключения:

1) курганы Большепичугинского могильника, исследованные в 1956 и 1957 гг., остаются крайне запутанным источником по тагарской культуре Мариинской лесостепи. Тем не менее вместе с материалами 2013 г. большепичугинские комплексы дают основание говорить об инфильтрации незначительной группы раннетагарского населения из Ачинской лесостепи в Мариинскую;

2) среди комплексов Ягуни, равно как и среди других крупных исследованных тагарских могильников Мариинской лесостепи (Некрасово, Тисуль, Серебряково, Шестаково, Утинка), нет ранних погребений. Все перечисленные могильники характеризуются сложившимися среднетагарскими (сарагашенскими/тисульскими) или более поздними комплексами. Таким образом, заселение тагарскими популяциями территории от Кии до Урюпа начинается на среднем этапе тагарской культуры (не ранее VI–V вв. до н.э.), что совпадает по времени с расширением ее ареала на северо-восток в Красноярскую лесостепь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В. Тагарская культура в северной лесостепи // «Terra Scythica». Мат-лы симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 11–22.

Герман П.В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 28 с.

Герман П.В., Савельева А.С., Комина О.С., Зимин А.А. Раскопки тагарского кургана в Мариинской лесостепи // Мат-лы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. Вып. 5. Кемерово, 2013. С. 139–145.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 191 с.

Мартынов А.И. Отчет о результатах археологических исследований в Северном Кузбассе в 1956 г. // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. № 1318.

Мартынов А.И. Отчет об археологической экспедиции Кемеровского областного краеведческого музея. 1957 г. // Архив ИА РАН. 1957. Р-1. № 1509.

Мартынов А.И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1964. С. 227–245.

Мартынов А.И. К вопросу о происхождении тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 1. Кемерово, 1967. С. 15–38.

Мартынов А.И. Ягуня. Кемерово, 1973. 320 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Савинов Д.Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности // Археологические изыскания. Вып. 24. СПб., 1995. С. 57–66.

Семашкевич В.Э. Опыт выделения социальных групп тагарского общества // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 15–23.

ГОРОДИЩА И ВАЛЫ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОБЪЕКТЫ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2014 г. А.А. Гольева[1], В.Ю. Коваль[2], А.С. Сыроватко[3]

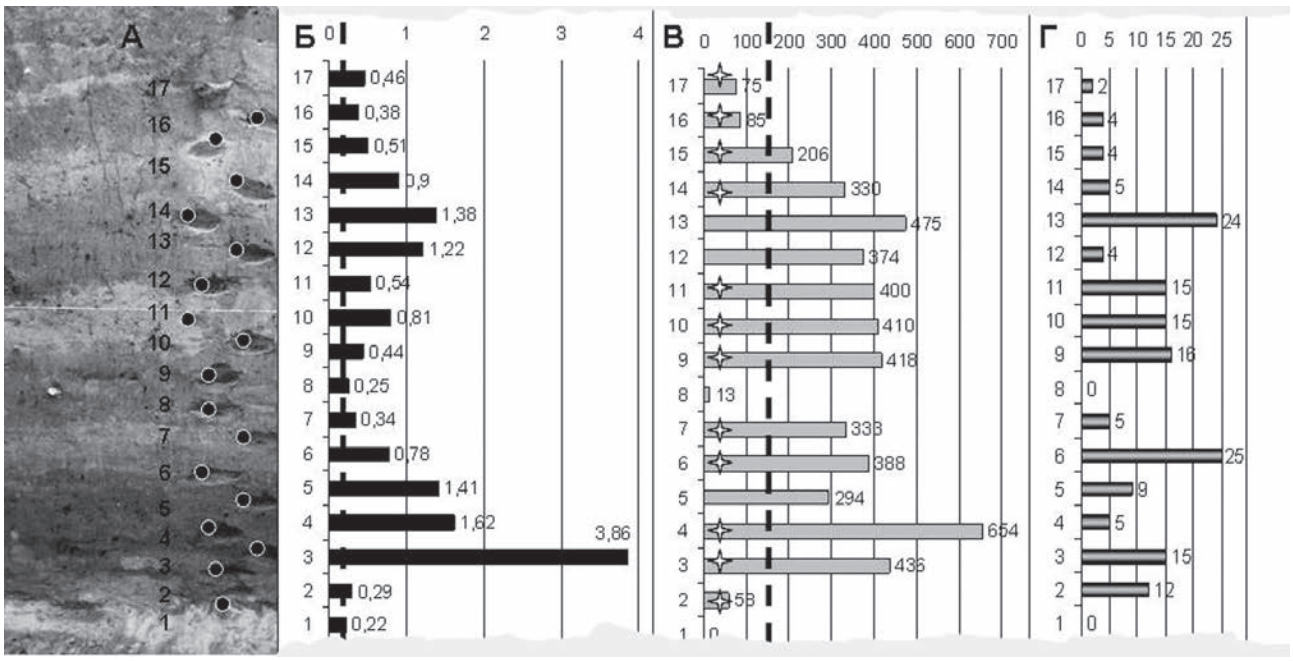
[1]Институт географии РАН, Москва
(golyevaaa@yandex.ru)
[2] Институт археологии РАН, Москва
(kovaloka@mail.ru)
[3]МБУ «Коломенский археологический центр», Коломна
(sasha.syr@rambler.ru)

Ключевые слова: культурные слои, городища, валы, валовой фосфор, фитолиты, реконструкции, палеоэкология.

Резюме. По единой методике исследованы валы и культурные слои поселений дьяковской культуры, расположенные на юго-востоке Московской области. Выявлено, что валы городищ дьяковской культуры созданы с использованием значительных объемов бытовых и хозяйственных отходов и содержат стратифицированный материал, которого часто нет на площадках городищ. Обнаружено различие в составе слоев в случае нескольких валов на городище. В работе представлены результаты исследований, обсуждаются возникшие проблемы, указаны перспективы на будущее.

Исследованы культурные слои городищ, селищ и валы городищ дьяковской культуры, расположенные на юго-востоке Московской области (Коломенский и Озерский районы). Поселения: Ростиславль, Сосновка IV, Щурово, Городец, Свиридоново III. Валы: Ростиславль, Свиридоново III, Коробчеево I, Протопопово и Городищи. Все объекты изучались по единой методологической схеме, с использованием одного набора методов, что позволяет проводить сравнительный анализ полученных результатов. Укрепления дьяковских городищ, валы которых были исследованы нами, ранее подвергались раскопкам и результаты их, включая профили и палинологические данные, опубликованы (Сыроватко, 2009; Гольева, 2011; Коваль, 2011; 2012).

Основным отличием изученных археологических памятников является гранулометрический состав – суглинистый (вал и культурный

Ростиславль. Вал. Раскоп V, южный профиль. *А* – схема отбора проб; *Б* – состав и распределение валового фосфора, %; *В* – количество фитолитов, шт.; *Г* – диатомовых водорослей, шт. По вертикали показана нумерация образцов. – наличие фитолитов культурных злаков; пунктирная линия показывает максимальные значения для природных (естественных) объектов.

слой городища Ростиславля, валы Протопопово и Городищ), супесчаный (городище Свиридоново III), пески различной размерности (селища Сосновка IV, Щурово, Городец; валы Свиридоново III). Это обусловило различия в количественных значениях, что было учтено при обобщении и анализе полученных данных.

*Основные результаты***.** Валы городищ дьяковской культуры созданы с использованием значительных объемов бытовых и хозяйственных отходов.

В качестве примера на рис. 1 приведены данные для вала городища Ростиславль, где наглядно видно, что прослои вала обогащены валовым фосфором, фитолитами, включая культурные злаки, и диатомовыми водорослями. Сходство состава прослоев всех валов, непосредственно окружающих городище, показывает, что обнаруженное отличие не является случайным.

При этом каждый вал имеет самостоятельное чередование обогащенных и обедненных органикой слоев, т.е. не было какой-то единой схемы создания вала, как и не было – судя по нашим наблюдениям – «универсальной органической добавки в тесто вала, предусмотренное рецептом».

Валы городищ РЖВ содержат стратифицированный материал, которого часто вообще нет на площадках городищ, что резко увеличивает их значение как археологического источника.

Сам вал всегда насыпался на антропогенно измененную почву, а не на поверхность естественной зональной почвы.

В тех случаях, когда вокруг городища фиксируется несколько валов, они создавались из разных материалов (бытовых отходов в ближнем к городищу вале и минерального грунта без органических включений в дальнем).

Полученные результаты довольно противоречивы. Их важность, в первую очередь, заключается в том, что состав фитолитов и валовый фосфор объясняют большое количество находок и органики в насыпи. Более того, складирование бытового мусора, чередовавшееся с подсыпками материковым грунтом, создавало условно-закрытые комплексы артефактов и пыльцы. Иными словами, насыпь вала является надежным источником стратифицированного материала. К этому

стоит добавить, что расхожее мнение об использовании в насыпях валов более древнего культурного слоя с площадок городищ в большинстве случаев неверно. Мы не можем утверждать, что подрезка слоя с площадки и укладывание его в насыпь вообще не имела места, но, вероятнее всего, валы все же формировались из культурных остатков, синхронных времени очередной досыпки этого сооружения.

Проблемы. Однако на этом однозначная трактовка наших результатов заканчивается, и начинаются вопросы, которые авторы адресуют не только читателям, но и самим себе:

Какая роль вала для обитателей городища важнее – как склада мусора или как укрепления?

Мусор на валы высыпался с целью увеличить их высоту или это всего лишь традиция чистоплотности/нечистоплотности обитателей городищ?

Насколько быстро осуществлялась подсыпка вала материковым грунтом?

Одним из неожиданных результатов нашей работы явилось значимое различие по генезису слоев у внутреннего и внешнего валов на городище Свиридоново III. Что это? Случайность или закономерность? Валы создавались в разное время, когда изменилось представление о том, из чего вал надо делать, или же валы создавались одновременно, и мусора хватило лишь на ближний вал? Полученные результаты открывают новые направления исследований, ставят новые задачи.

Как видим, наш, пока еще промежуточный результат, позволяет строить разнообразные версии, его объясняющее но, как нам кажется, приближает нас к пониманию таких интересных сооружений древности, какими являются укрепления дьяковских городищ.

Перспективы – расширить как базу данных по валам, особенно тех городищ, где валов несколько, так и географию исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гольева А.А. Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИАРАН, 2011. С. 58–71.

Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

Коваль В.Ю. Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // Археология Подмосковья. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2012. С. 53–69.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., CheBuk, 2009. 351 с.: илл.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ РИТУАЛЬНЫЕ РАЗРУШЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКИХ ИНГУМАЦИЙ: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРЯДА

© 2014 г. О.В. Гопкало

Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
(hopkalo@gmail.com)

Ключевые слова: черняховская культура, разрушенные ингумации, вторичное погребение.

Резюме. В работе на примере раннечерняховских погребений делается попытка установить происхождение обычая ритуальных разрушений ингумаций (вторичных погребений).

Что за беда взять у мертвого то, что ему вовсе и не нужно.
Лагерлеф С. «Перстень Левеншельдов».

Археологическая культура Черняхов / Сынтана-де Муреш представляет конфедерацию племен под управлением готов, просуществовавшую со второй трети III в. до 375 г., а в некоторых регионах до начала V в. Кроме биритуализма одним из характерных признаков ее погребального обряда является обычай массового разрушения ингумаций: примерно треть из них содержит следы позднейшего проникновения и деструкции скелета.

Разрушения могил в погребальном ритуале черняховской культуры зафиксированы ее первооткрывателем В.В. Хвойкой при раскопках эпонимного могильника в 1901 г., К. Хадачеком – на могильнике Псары в 1910 г., С.С. Гамченко – при раскопках Масловского могильника в 1929 г. М.Я. Рудынским – при исследовании курганов в Кантемировке. В.В. Хвойка и С.С. Гамченко считали такие могилы ограбленными, К. Хадачек, М.Я. Рудынский и В.П. Петров, подготовивший к публикации материалы Масловского могильника, объясняли этот феномен «сидячим» положением костяка (Хвойка, 1901. С. 184; Hadachek, 1910. S. 29; Рудинський, 1930. С.135, 144; Петров, 1964. С. 152).

По мере накопления опыта раскопок и фактических материалов становилось ясно, что разрушения могил происходили в черняховском ареале повсеместно и могут считаться одним из признаков погребального обряда, а их ритуальный характер объяснялся сохранением погребального инвентаря (Гончаров, Махно, 1957. С.144; Сымонович, 1960. С. 189; 1963). Версия ограбления, впрочем, не только не исключалась, но детализировалась. Благодаря заключению специалиста-антрополога, установившего смешивание костных останков из разных погребений на могильнике Будешты, удалось сделать вывод об их единовременном разрушении (Рикман, 1975. С. 278–281). Э.А. Рикману принадлежит мысль о том, что разрушение костяка происходило при его перезахоронении (повторном погребении в той же яме) – обряде, связанном с культом предков (Рикман, 1975. С. 281).

Г.Ф. Никитина первой предложила учитывать такой признак, как «состояние костяка» (Никитина, 1985. С.19), что позволило впоследствии упорядочить имеющиеся сведенья и выявить закономерности разрушений. О.В. Петраускас предложил дифференцировать разрушения на: локальные, зональные и тотальные (Petrauskas, 2003. S. 224–351), обосновал гипотезу, согласно которой изъятые части скелета впоследствии кремировали и

помещали над ингумацией (Петраускас, 2003. С.114–121).

По аналогии с найденным в Польше кладом ювелирных изделий I–V вв., образованным в результате ограбления кремаций, М. Мончыньска предположила, что черняховские могилы также могли быть ограблены с целью восполнения дефицита цветных металлов, и что возможно вторичное захоронение (Мончинска, 1997). Версию о вторичном захоронении применительно к разрушенным погребениям черняховской культуры обосновал С.В. Елпашев: покойник некоторое время «доживал», «дозревал» в могиле, которую засыпали только после завершения ритуала. Период «дозревания» составлял 20 лет[1], поскольку манипуляции с костными останками совершались тогда, когда мягкие ткани уже полностью разложились (Елпашев, 1997).

По Т.А. Рудич, обычай нарушения костяков имеет центрально-европейское, кельтское, происхождение. Инфильтрация кельтского населения в черняховскую культуру могла осуществляться из пшеворской или вельбаркской, а регион, где обычай сформировался – Западная Украина, где на могильнике Чернелив-Русский обнаружен высокий процент разрушенных ингумаций. Исследователь также обратила внимание на неразрушенность могил детей и подростков (Рудич, 2009. С. 219). Это наблюдение подтвердилось на материалах могильника Слобозия-Кишкэрень в Бессарабии, а прекращение ритуального разрушения могил, которое отмечается в финальной фазе могильника, может объясняться миграцией населения (Гопкало, 2010. С. 212, 222).

В.С. Тылищак рассматривает разрушенные (вторичные) погребения могильника Чернелив-Русский как переходный этап от кремации к ингумации (Тиліщак, в печати). Местью славян готам объясняет разрушения черняховских могил В.Н. Войнаровский (1998). А.В. Гудкова (на материалах Холмского) и Г.Ф. Никитина (по могильникам Буковины и Бессарабии) не исключают ограбление как одну из возможных целей разрушения могил (Гудкова, Фокеев, 1984. С. 76; Никитина, 2008. С. 121, 128).

Недавно О.В. Петраускас приведен ряд аргументов против интерпретации разрушений черняховских могил с грабительской целью (Петраускас, в печати). Среди ее основных выводов: 1) обряд имеет общекультурное значение; 2) в культурном ареале он распространен неравномерно и зависит от хронологии и этнокультурных составляющих населения; 3) выделяются частичное (локальное) и полное (тотальное) разрушения, причем численно значительно преобладает разрушение верхней части костяка; разрушение затрагивало: грудь, голову, таз, в меньшей степени ноги; 4) в некоторых случаях можно уловить закономерности последовательности проведения обряда, установить порядок укладывания костей разрушенного костяка; 5) ритуал касался умерших разного пола, достигших возраста инициации; 6) обряд имеет тенденцию к уменьшению на финальном этапе культуры. Кроме того, в последнее время опубликованы любопытные наблюдения, реконструирующие последовательность действий при разрушении могил (Магомедов, Диденко, Кожемяченко, 2010. С. 38).

Ниже я пытаюсь уточнить происхождение обряда на примере погребений раннего этапа. Имеются данные о 3193 черняховских погребениях из 77 могильников Украины и Молдовы. Из них 1959 (61%) ингумаций, 1151 (36%) кремаций, остальные 83 (3%) – погребения, тип которых не установлен точно: 708 (36%) ингумаций разрушены в древности. Антропологические определения проведены для 708 погребений (22% от общего количества); среди них 620 ингумаций (32% от числа ингумаций).

Двадцать четыре погребения раннего этапа черняховской культуры – Городница, Чернелив-Русский 38, 41, 54, 87, 88, 96, 103, 104, 111, 130, 131, 147, 148, 211, 255, 265, Ружичанка 11, 13, 23, 24, 25, 50, 57 – представлены ингумациями, ориентированными на юг (Городница) и на север (остальные), в каменном ящике (Городница), с каменной обкладкой (Чернелив-Русский 265) и простых ямах (остальные), признак «сохранность костяка»

1 Как известно, время скелетирования трупа в зависимости от условий составляет от 2 до 5 лет (Марченко, Кононенко, 1991; Васильев, 2005). Согласно одним исследователям, эксгумация проводилась, когда мягкие ткани еще не истлели (Герета, 2013. С. 41 и др.), другим – когда разложились окончательно (Сымонович, 1979. С.163 и др.).

при этом варьируется в крайних значениях. С учетом неудовлетворительного состояния источника (недостаточно подробной полевой фиксации, отсутствия в большинстве случаев антропологических определений) вполне уверенно можно говорить только о наборе вещей, сопровождавших тот или иной комплекс, но и отказываться от возможности анализа массива ранних погребений нецелесообразно[2].

Не подверглись разрушению только две могилы взрослых женщин (Городница, Ружичанка 57), 15 детских погребений (Чернелив-Русский 41, 54, 88, 96, 103, 111, 130, 131, 147, 255, Ружичанка 13, 23, 24, 25, 50) представлены отдельными костями; череп, чаще раздавленный, или его фрагмент, присутствует только в пяти. Могила Чернелив-Русский 87 принадлежала взрослой женщине, на месте сохранились только кости ног, остальные, в том числе череп и таз, отсутствуют. «Тотальному» разрушению подверглась могила пожилого мужчины высокого ранга (Чернелив-Русский 265): на бесцеремонное вторжение указывает беспорядочное расположение фрагментов каменной обкладки. Статус покойника предполагал наличие в погребальном инвентаре металлической посуды (по аналогии с другими черняховскими погребениями: 14 в Ханске-Лутэрии и более поздним в Рудке и эталонными германскими «княжескими» могилами), от которой сохранились лишь небольшие фрагменты. При этом нетронутыми остались тройной комплект аксессуаров костюма из серебра и бронзы, а также золотой медальон. Возможно изъятию подлежали «приношения», но не личные вещи покойника. «Тотально» разрушена могила 211 с римской легионерской пряжкой. Бронзовые провинциально-римские изделия – трофеи «скифских войн» (кувшин, поясная накладка с эмалью, ожерелье на цепи, чернильница, пиксида) попали преимущественно к детям и подросткам (Гопкало, Тылищак, 2010. С.90–91).

Семь погребений Чернелив-Русский сопровождались вельбаркской лепной посудой (41, 96, 103, 111, 130, 131, 255), одно из них – вместе с сарматской (131). Лепная посуда из «княжеской» могилы определена как пшеворская (Тиліщак, 2011. С.120. Рис. 6, *5*), а гончарная находит определенное сходство с посудой центральноевропейского происхождения из Эмерслебена-2 и Хасслебена-8 (благодарю коллегу А. Милашевского, обратившего мое внимание на это факт).

Точное место происхождения населения памятника Чернелив-Русский установить не удается, но некоторые археологические признаки подтверждают «кельтскую» гипотезу Т.А. Рудич, основанную на антропологическом материале. Представляется, что потомки переселенцев влились в черняховскую культуру как один из основных компонентов и оставались верны своим религиозным традициям до конца: не разрушенными оставались только те могилы, для которых завершить обряд было уже некому. Причем, судя по тому, что детские могилы на более поздних памятниках оставались не потревоженными, представления упомянутой группы людей претерпевали определенные изменения, а обряд развивался и изменялся.

2 Как и в случае с Ружичанкой (Гопкало, 2012. С. 342, прим. 18), я воспользовалась любезной консультацией антрополога Т.А. Рудич – специалиста по черняховской культуре и исследователя части костных материалов могильника Чернелив-Русский – ключевого для решения вопроса о происхождении обычая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Ю.М. Деструкция органических веществ при двухактных погребениях // Вестник ДВО РАН. 2005. 2. С. 31–42.

Войнаровський В. Про час та мотиви руйнації інгумаційних поховань черняхівської культури // Записки наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка. 1998. Т. CCXXXV. С. 318–342.

Герета І.П. Чернелево-Руський могильник // OIUM. Тернопіль, 2013. 3. 284 с.

Гончаров В.К., Махно Є.В. Могильник черняхівського типу біля Переяслав-Хмельницького // Археологія. 1957. Т. XI. С. 124–144.

Гопкало О.В. К периодизации могильника Слобозия-Кишкэрень в Бессарабии // Stratum plus. 2010. № 4. С. 211–222.

Гопкало О.В. Черняховский могильник Ружичанка // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 330–400.

Гопкало О.В., Тылищак В.С. Римские импорты на могильнике Чернелив-Русский // Germania–

Sarmatia. Вып. II. Калининград: Янтарный сказ, 2010. С. 79–95.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1984. 118 с.

Елпашев С.В. Разрушенные погребения черняховской культуры // Stratum plus: Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 194–199.

Магомедов Б.В., Диденко С.В., Кожемяченко В.Б. Могильник черняховской культуры у с. Легедзино. Работы 2010 года // Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Менотти Ф., Рыжов С.Н., Черновол Д.К., Чабанюк В.В. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2010 г. Киев: ИА НАНУ, 2010. С. 32–93.

Марченко М.И., Кононенко В.И. Практическое руководство по судебной энтомологии. Харьков: Украинский ин-т усовершенствования врачей, 1991. 69 с.

Мончинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV–VII вв. н.э. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // Stratum plus: Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 207–213.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука, 1985. 208 с.

Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М.: ИА РАН, 2008. 448 с.

Петраускас О.В. Про один із можливих різновидів трупоспалення на могильниках черняхівської культури // Старожитності I тис.н.е. на території України. Київ, 2003. С. 114–121.

Петраускас О.В. Разрушенные погребения на могильниках черняховской культуры Поднепровья – анализ археологической структуры. (в печати).

Петров В.П. Масловский могильник на р. Товмач (по материалам раскопок П.И. Смоличева и С.С. Гамченко в 1926, 1928 и 1929 гг.) // МИА. № 116. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 118–167.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 332 с.

Рудинський М. Кантамирівські кургани римської доби // Записки ВУАК. Т. 1–2. Київ, 1930. С. 127–152.

Рудич Т.А. Центральноевропейское влияние в погребальном обряде черняховской культуры // Ostrogothika. Харьков: А.Н. Тимченко, 2009. С. 216–221.

Сымонович Э.А. Раскопки могильника у Овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // МИА. № 82. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 192–238.

Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. 1963. № 1. С. 49–60.

Сымонович Э.А. Ромашковский могильник – первый черняховский памятник Поднепровья // СА. 1979. № 3. С. 155–170.

Тиліщак В.С. Ліпна кераміка Чернелево-Руського черняхівського могильника // OIUM. Київ: ІА НАНУ, 2011. С. 111–122.

Тиліщак В.С. Вторинні поховання в черняхівській культурі (за матеріалами могильника Чернелів-Руський). (в печати).

Хвойка В.В. Поля погребений в Среднем Приднепровье (Раскопки В.В. Хвойки в 1899–1900 годах) // ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. 1–2. С. 172–190.

Hadaczek K. Kultury dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego // MAAE. 1912. T. 12. S. 23–33.

Petrauskas O.V. Die Gräberfelder der Černjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka – eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten // BRGK. 2003. Bd. 84. S. 223–351.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ СКИФО-САКСКОГО ПЕРИОДА МОГИЛЬНИКА ЧИНЕТА II (АЛТАЙ)[1*]

© 2014 г. П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (dashkovskiy@fpn.asu.ru)

Ключевые слова: кочевники, скифо-сакский период, погребальный обряд.

Резюме. В статье рассматриваются предварительные результаты исследования курганов могильника скифо-сакского времени Чинета II на Алтае. Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволяет предварительно датировать курган 21 второй половиной VI – V в. до н.э. Остальные курганы (№ 22–24, 26–29) указанного могильника сооружены, очевидно, не ранее второй половины IV – III в. до н.э. В целом изучение погребальной обрядности раскопанных объектов позволило выявить аналоги как в материалах пазырыкской культуры, так и в памятниках каменской культуры степного и предгорного Алтая.

Курганный могильник Чинета II входит в Чинетинский археологический микрорайон, расположенный в окрестностях одноименного села в Краснощековском р-не Алтайского края. Некрополь зафиксирован в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,4 км к юго-юго-востоку от с. Чинета. В пределах данного памятника исследованы курганы, относящиеся к скифскому времени, тюркской, кыргызской, сросткинской археологическим культурам (Дашковский, 2013). В данной публикации остановимся на предварительных итогах изучения 10 курганов скифо-сакского периода, исследованных Краснощековской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством автора.

Планиграфически раскопанные курганы расположены не так компактно в цепочках, как на могильнике пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Дашковский, 2011), находящемся в западной части той же долины. Основная масса исследованных объектов (№ 16, 19, 22–24, 26–27) сосредоточена непосредственно возле двух «больших» курганов предположительно скифо-сакского периода. В то же время курганы 21, 28, 29 находились к северу от остальных объектов и выстроены в линию в направлении С–Ю, но на значительном (до 120 м) расстоянии друг от друга. Кроме планиграфических особенностей необходимо обратить внимание на специфику погребального обряда в исследованных курганах. В частности, курган 21 – наиболее крупный из раскопанных в настоящее время объектов Чинетинского археологического микрорайона. Диаметр каменной насыпи объекта, по периметру которой сооружена мощная крепида из камней, – 17,5 м, высота – до 0,6 м. Могильная яма имела значительные размеры, которые отчасти еще увеличились из-за разграбления в древности погребения – 4,9 х 3,1 х 2,82 м. В могиле, вероятно, была сооружена деревянная рама с настилом по дну, на котором находилась умершая женщина в возрасте около 35 лет, ориентированная головой на восток (?). Вдоль западной стенки могилы выявлено сопроводительное захоронение лошади со снаряжением, включавшем в себя железные двухзвенные кольчатые удила, костяные пронизки и подпружную пряжку. В погребении также найден развал керамического сосуда и уникальная золотая серьга с тремя подвесками, украшенная техникой зерни.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-31-01201.

Не менее интересным оказался курган 28, под каменной насыпью которого диаметром 9,5 м и высотой до 0,75 м обнаружено две параллельные могилы. Могильные ямы были сооружены по линии З–В и имели практические одинаковые размеры: длину – 3,2 и 2,9 м, ширину – по 1 м, глубину – 1,24 и 1,22 м соответственно. В одном погребении была похоронена женщина в вытянутом положении на спине, ориентирована головой на запад, а во второй могиле кости находились в кучке у восточной ее стенки. Из инвентаря в женской могиле найдена бронзовая заколка, а во второй – керамический сосуд и железный нож с кольцевым навершием.

Самый северный курган 29 скифо-сакского времени могильника Чинета II имел диаметр 8,5 м, высоту до 0,6 м. По периметру сооружения прослеживались более крупные камни, которые выступали своеобразным маркером каменной кольцевой выкладки, хотя единая конструкция не наблюдалась. К тому же насыпь кургана сложена преимущественно из камней в один слой. В могиле, размеры которой составляли 3,4 х 2,5 х 1,9 м, выявлено парное захоронение людей. Погребение сильно разрушено грабителями, но удалось установить, что умершие были ориентированы головой на восток и лежали, вероятно, в вытянутом положении на спине. Из предметов сопроводительного инвентаря обнаружены два керамических сосуда, два железных ножа, фрагменты золотых аппликаций от украшения костюма, а также железный боевой кинжал в деревянных ножнах.

Остальная группа курганов (№ 16, 19, 22–24, 26, 27), несмотря на некоторые отличия в погребальной обрядности и инвентаре, имеет ряд общих или близких признаков. Так, диаметр каменных насыпей составлял от 5,25 до 8 м, высота – от 0,3 до 0,7 м. Только в одном случае (курган 26) зафиксирована каменная кольцевая выкладка. Под насыпью находилось могильные ямы, длина которых – от 2,35 до 3,55, ширина – от 1,7 до 2,75, глубина – от 1,6 до 2,2 м. В четырех курганах (№ 16, 22, 23, 24) внутримогильная конструкция представлена деревянной рамой, в двух (№ 19, 27) – деревянной рамой, обложенной по периметру могилы камнями. В одном случае (№ 26) в могиле выявлена только обкладка ее стенок камнями. В отдельных случаях, в частности, в кургане 19, зафиксировано поперечное перекрытие рамы из деревянных плах.

Большинство погребенных людей из могильника Чинета II были уложены в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на восток или (по одному случаю) на юго-восток и на запад. При этом следует подчеркнуть, что погребения в курганах 22–23, 26 могли, возможно, носить вторичный характер. Важно обратить внимание и на то, что только в одном кургане 26 обнаружено сопутствующее захоронение лошади вдоль северной стенки могильной ямы.

Сопроводительный инвентарь из рассмотренных погребений не отличался особой выразительностью и включал в себя керамические сосуды, костяную подпружную пряжку, бронзовые предметы (миниатюрный чекан, заколку, зеркало), железные заколку и нож, обложенные золотой фольгой, различные ромбические фигуры и аппликации из золотой фольги от женского головного убора. Обращает на себя внимание факт почти полного отсутствия такого статусного предмета у кочевников, как гривна. Только в кургане 26 найдено подобие деревянной гривны (?), обложенной золотой фольгой очень плохой сохранности. Примечательно, что этот предмет выявлен только в погребении, где есть сопроводительное захоронение лошади, что дополнительно подчеркивало социальный статус умершего.

Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря из курганов могильника Чинета II находит аналогии как в материалах пазырыкской культуры, так и в памятниках каменской культуры степного и предгорного Алтая (Кубарев, 1987, 1991; Могильников, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Шульга, 2003; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Кубарев, Шульга, 2007). Наиболее ранний среди рассматриваемых объектов – курган 21. Достаточно хорошо датирующим предметом выступает золотая серьга с подвесками из данного кургана. Близкого типа серьга обнаружена в кургане 27 могильника Балык-Соок I, датированного второй половиной VI в. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007. С. 69–70. Рис. 14, *3*). В определенной степени морфологически близкие изделия обнаруже-

ны в памятниках разных культур скифо-сакского периода. При этом, как правило, все такие изделия относятся к периоду VI–V вв. до н.э. (Кирюшин, Фролов, 1998. С. 124–125. Рис. 11, *1*; Кубарев, Шульга, 2007. С. 69–70).

В целом с учетом особенностей погребального обряда и инвентаря курган 21 могильника Чинета II можно предварительно датировать второй половиной VI – V в. до н.э. Остальные курганы (№ 22–24, 26–29) сооружены, очевидно, не ранее второй половины IV – III в. до н.э.

При этом в погребальном обряде, вероятно, имело место смешение пазырыкской культурной традиции и определенного «степного» компонента. Об этом свидетельствуют небольшие размеры каменных курганных насыпей без крепиды; вытянутое положение умершего в могиле на спине с ориентацией головой на восток, а в отдельных случаях на запад; отсутствие пятна черной краски под черепом женщины в могиле.

Обращает на себя внимание и характер сопроводительного инвентаря, в частности, отсутствие металлических гривен, но при этом в погребении представлены бронзовые, а также железные заколки с шаровидным навершием, которое покрыто золотой фольгой с орнаментом в виде округлых ячеек. Подобного типа заколки хорошо известны по материалам каменской культуры (Могильников, 1997. С. 78. Рис. 57; Шульга, Уманский, Могильников, 2009. С. 176–177. Рис. 123). Интерес представляет и керамическая посуда разной формы и с разным орнаментом.

В рассматриваемых объектах присутствуют и явные черты пазырыкской культуры. В частности, в курганах 26 и 29 выявлены сопроводительные захоронения лошадей вдоль северной стенки могильной ямы. При этом курган 26 планиграфически располагался в одной микрогруппе с объектами 22–27, т.е. в пределах общего сакрального пространства. В кургане 29 было парное погребение людей, ориентированных головой на восток. В этом же кургане выявлено парное сопроводительное захоронение лошадей вдоль северной стенки могильной ямы. К сожалению, из-за разграбления кургана не удалось точно установить позу умерших людей, но вероятнее всего они были уложены в вытянутом положении на спине. Среди предметов сопроводительного инвентаря особого внимания заслуживает железный боевой кинжал в деревянных ножнах. В памятниках пазырыкской культуры такие предметы встречаются крайне редко (Кубарев, 1987. С. 54–59; Кубарев, Шульга, 2007. С. 74–78). В большей степени они известны в памятниках каменской культуры Алтая (Могильников, 1997; Шульга, Уманский, Могильников, 2009. С. 148. Рис. 108 и др.).

Наконец, особого внимания заслуживает курган 28, под насыпью которого выявлено две одновременные могилы. Традиция размещения под насыпью двух и более могил характерна для каменской культуры Алтая, которая испытала сильное сакское влияние (Могильников, 1997; Шульга, 2003; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005).

Таким образом, предварительный анализ результатов исследования курганов могильника Чинета II показывает интенсивные процессы взаимодействия кочевников в низкогорных и степных районах Алтая и прилегающих районах Восточного Казахстана в скифо-сакский период. Дальнейшее изучение археологических объектов и комплексный анализ артефактов будет способствовать более обстоятельному рассмотрению этнокультурной ситуации в данном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Матлы конф. Иркутск: ИГТУ, 2011. С. 160–163.

Дашковский П.К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 187–190.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 110–136.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1997. 195 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха I на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

БЕСЛАНСКИЙ МОГИЛЬНИК – ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА II–V ВВ. Н.Э.

© 2014 г. Ф.С. Дзуцев[1], В.Ю. Малашев[2]

[1] *Институт истории и археологии РСО-Алания, Владикавказ (arh-c@mail.ru)*
[2] *Институт археологии РАН, Москва (malashev@yandex.ru)*

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, некрополь, городище, датировка.

Резюме. В статье рассмотрен некрополь раннесредневекового Зилгинского городища – Бесланский могильник, в котором исследовано в общей сложности 800 погребальных комплексов аланской культуры раннего этапа (II–IV вв. н.э.). Особенности могильника – размеры, городской характер некрополя, наибольшая степень исследованности по отношению к любому другому памятнику аланской культуры раннего этапа, а также связь с наиболее исследованным городищем этого времени – позволяют считать его опорным в изучении проблем формирования, развития и расцвета аланской культуры Северного Кавказа в первой половине I тыс. н.э.

Бесланский могильник является некрополем Зилгинского городища, с которым образует единый комплекс – один из крупнейших среди памятников аланской культуры Северного Кавказа раннего этапа (II–IV вв. н.э.). Зилгинское городище находится на юго-восточной окраине с. Зилги, в 1,5 км от г. Беслан и занимает территорию древнего коренного берега поймы р. Камбилеевка. Городище имеет сложную структуру: цитадель, три ряда «жилых колец», разделенных рвами. С востока и юго-востока к нему примыкало неукрепленное селище. Общая площадь памятника составляет около 1,5 км². Городище открыто В.А. Кузнецовым в 1968 г.; в 1985–1992 гг. на нем проводились значительные по площади охранно-спасательные работы экспедицией под руководством В.Б. Ковалевской (1985), И.А. Аржанцевой (1986–1991) и С.Б. Дзуцева (1992) (Аржанцева, Деопик, 1989; Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000). Некрополь городища – Бесланский могильник площадью более 7 км² – примыкает к нему с востока и юго-востока. Постоянные работы на могильнике проводятся с 1988 г. экспедицией сначала Северо-Осетинского государственного университета, далее экспедицией Института истории и археологии РСО-Алания и ООО «Археологический центр» под руководством Ф.С. Дзуцева (1988–1989, 1991–2007,

2009–2010), В.Л. Ростунова (1990), С.Б. Дзуцева (2008) и Э.Г. Джанаева (2011, 2013). Исследования могильника носили охранно-спасательный характер и преимущественно были сосредоточены в районе карьера кирпичного завода. Датировка исследованных на этом участке погребений укладывается в рамки конца II – III в. н.э. с преобладанием захоронений середины III в. Работы 2011 г. при участии экспедиции ИА РАН (В.Ю. Малашев) проводились в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан: объектом исследований был участок памятника, прорезавший некрополь в широтном направлении и давший прекрасную колонку материалов III – начала V в. В общей сложности на сегодняшний день раскопано более 800 погребальных комплексов аланской культуры раннего этапа[1].

Большая часть погребений могильника была совершена в подкурганных катакомбах. На сегодняшний день вследствие регулярной распашки визуально прослеживаются лишь наиболее крупные насыпи. В остальных случаях при раскопках первоначальное наличие насыпей диагностируют округлые (изредка квадратные) в плане ровики с двумя перемычками в северо-восточном и юго-западном секторах. На территории могильника находится несколько курганов высотой от 4 до 8 м, являющихся захоронениями элиты (раскопаны три кургана). Захоронения в грунтовых катакомбах совершались в межкурганном пространстве и сосредоточены на примыкавшей к городищу части могильника, преимущественно по его периферии. Большая часть подкурганных погребений ограблена в древности, бескурганные захоронения, как правило, не нарушены.

Конструкция катакомб достаточно унифицирована и атрибутируется как тип I по К.Ф. Смирнову (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы). Входные ямы прямоугольной в плане формы ориентированы меридионально (в соответствии с направлением перемычек ровиков); у задних стенок находились ступеньки. Камеры овальной или прямоугольной в плане формы расположены у северной стенки входной ямы. Погребенные укладывались перпендикулярно длинной оси входной ямы в вытянутом положении на спине, реже на спине с согнутыми в коленях ногами или скорченном положении на боку, как правило, головой направо от входа (в секторе юго-восток – юг). Помимо катакомб выявлено около 10 синхронных им погребений в подбоях, сосредоточенных на юго-западной периферии могильника. Их входные ямы ориентированы аналогично ориентировке входных ям катакомб, подбойные ниши преимущественно расположены у юго-восточных стенок.

Погребения могильника выделяются обилием, разнообразием и нередко богатством погребального инвентаря; безынвентарные захоронения редки. Среди находок – предметы вооружения (мечи с деталями портупеи), сбруйные наборы, элементы ременной гарнитуры, фибулы, зеркала, серьги, бусы и наборы круговой посуды (от 1 до 10 сосудов), а также импортные изделия: светлоглиняные амфоры, стеклянные сосуды, столовая керамика Кавказской Албании, украшения из Закавказья. Судя по находкам фибул, зеркал и ременных гарнитур, наиболее ранние комплексы датируются концом II – началом III в., наиболее поздние – концом IV – началом V в. Общая тенденция развития могильника в рамках конца II – начала V в. происходила от городища в восточном и юго-восточном направлениях.

Предложенная датировка могильника носит предварительный характер вследствие ограниченности выборки материалов, в первую очередь комплексов с территории наиболее приближенного к городищу его участка. Исходя из материалов культурного слоя Зилгинского городища, нижняя дата которого может рассматриваться как первая половина – середина II в., а верхняя уходить в VI в. (Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2000. P. 242–248; Гавритухин, 2007), можно допускать расширение и хронологических рамок некрополя. В качестве косвенного аргумента об этом может свидетельствовать датировка могиль-

1 Территория могильника в предшествующее некрополю аланской культуры время также использовалась в качестве курганного могильника: исследовано около 20 погребений периода средней бронзы, а также впускные погребения в курганы эпохи бронзы – 1 погребение скифского времени (VII–VI вв. до н.э.) и 8 погребений ранне- и среднесарматского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) (Куринских (Фризен), Малашев, 2012).

ника Брутского городища – вторая половина II – конец VI/первая треть VII в. н.э. (Габуев, Малашев, 2009. С. 10, 140–141), находящегося в непосредственной близости и связанного с рассматриваемыми памятниками общим культурным и историческим контекстом.

В заключение остановимся еще на одном аспекте при характеристике Бесланского могильника. Городской характер поселенческого памятника – Зилгинского городища, о чем уже неоднократно писалось (Аржанцева, Малашев, 1999; Малашев, 2007. С. 488, 489, 494, 495; 2013), подразумевает и соответствующую особенность некрополя. В пользу этого свидетельствует и достаточно высокая унификация конструкции погребальных сооружений, включающая устойчивое расположение перемычек и четкую трапециевидную форму сечения ровиков, ориентировку, форму входных ям и камер, конструкцию и расположение ступенек во входных ямах и др. (особенно у катакомб с одного участка некрополя). Все это позволяет ставить вопрос о существовании профессиональной группы населения, в обязанности которой входило обслуживание некрополя – сооружение погребальных конструкций (Мошкова, Малашев, 1999. С. 191, 192; Малашев, 2008. С. 274).

Приведенные особенности могильника – размеры, городской характер некрополя, наибольшая степень исследованности по отношению к любому другому памятнику аланской культуры раннего этапа, а также связь с наиболее исследованным городищем этого времени – позволяют считать его опорным в изучении проблем формирования, развития и расцвета аланской культуры Северного Кавказа и понимании исторических процессов в регионе в первой половине I тыс. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аржанцева И.А., Деопик Д.В. Зилги. Городище начала I тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки всесоюзной ассоциации востоковедов / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, С.А. Узянов. М.: Наука, 1989. С. 75–107.

Аржанцева И.А., Малашев В.Ю. Зилгинское городище и проблема аланского протогорода I тыс. н.э. на Северном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МГУ, 1999. С. 162–165.

Гавритухин И.О. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 482–486.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с.

Куринских (Фризен) О.И., Малашев В.Ю. Новые погребальные памятники II в. до н.э. – первой половины II в. н.э. на территории предгорной зоны Северной Осетии-Алании // Мат-лы конф. «XXVII Крупновские чтения»: Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. Махачкала: Мавраев, 2012. С. 204–205.

Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 487–501.

Малашев В.Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. М.: Таус, 2008. С. 265–283.

Малашев В.Ю. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тез. докл. семинара, Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. М.: ИА РАН, 2013. С. 27–29.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1999. С. 172–212.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi: an Early Alan Proto-city of the First Millenium AD on the Boundary Between Steppe and Hill Country // Colloquia Pontica. V. 5: Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase Durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. P. 209–250.

СЮЖЕТ СВЕРНУВШЕГОСЯ В КОЛЬЦО ХИЩНИКА В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ: БАЗОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

© 2014 А.Р. Канторович

МГУ имени М.В. Ломоносова
(kantorovich@mail.ru)

Ключевые слова: *восточноевропейский вариант скифского звериного стиля, сюжет свернувшегося хищника*

Резюме: Изображение хищника, свернувшегося в кольцо – один из ключевых сюжетов искусства скифо-сибирского звериного стиля. На основе морфологической классификации и типологии соответствующих изображений в рамках восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля, с учетом хронологии соответствующих погребальных комплексов, автор выявляет 2 базовые диахронные тенденции в реализации данного сюжета в VII – IV вв. до н.э. Поставлены вопросы об истоках сюжета свернувшегося в кольцо хищника в скифском зверином стиле в целом и в рамках его восточноевропейского варианта.

Изображение хищника, свернувшегося в кольцо – один из ключевых сюжетов искусства скифо-сибирского звериного стиля, один из важнейших элементов знаковой системы данного художественного направления. Автором была предпринята систематизация всех опубликованных на сегодняшний день изображений свернувшегося хищника, происходящих с территории скифской археологической культуры, иначе говоря – из восточноевропейской зоны скифо-сибирского звериного стиля.

Изучение сюжета свернувшегося хищника осуществлялось в рамках единой иерархической классификационной системы, разработанной автором для систематизации всех ныне известных образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского скифского звериного стиля[1]. Всего было классифицировано 2169 оригинальных изображений (не считая копий и зеркальных отображений), как полнофигурных, так и pars pro toto, выполненных в канонах скифо-сибирского звериного стиля. В их числе было выявлено 581 изображение хищника, 66 из которых представляют хищника, свернувшегося в кольцо (это 11,3% от общего количества изображений хищника и 3,04% от общего массива оригинальных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля).

Эти 66 изображений образуют 9 типов, дифференцированных на основе морфологических показателей. Более двух третей изображений (47 из 66) относятся к двум стадиально последовательным типам, определяющим базовые тенденции в иконографии свернувшегося хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле.

Во-первых, это Келермесско-яблоновский тип[2] - наиболее ранний тип свернувшегося в кольцо хищника в ареале скифской археологической культуры (предельные хронологические рамки типа: 2-я четв. VII – 1-я пол. V в. до н.э.). К нему относятся 27 оригинальных изображений, которые оформляют в основном предметы конского снаряжения и вооружения. Эти предметы происходят преимущественно из Прикубанья (в большинстве из Келермесских курганов), а также с территории Ставрополья и Центрального Предкавказья, Нижнего Подонья, Нижнего и Среднего Поднепровья. В изображениях Келермесско-яблоновского типа представлен хищник семейства кошачьих, свернувшийся

1 См. об основных принципах классификации: Канторович, 2011. С. 34–37.

2 Типы именовались по местонахождению предметов с изображениями, либо эталонными для иконографии данного типа, либо маркирующими его пространственные или временные границы.

в кольцо, моделированный в высоком, порой почти скульптурном рельефе, одностороннем или двустороннем. Ему свойственна «плотная компоновка и лаконизм в передаче образа» (Чежина, 1984. С.61).

Параллельно с Келермесско-яблоновским типом, и очевидно, независимо от его иконографии, в конце эпохи «скифской архаики» возникает Кулаковско-ковалевский тип (последняя четв. VI – IV в. до н.э.), который развивается и широко распространяется уже в эпоху «скифской классики», составляя вторую основную тенденцию реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника. В рамках данного типа представлены хищники, относящиеся преимущественно к семейству волчьих, моделированные, как правило, в одностороннем рельефе, с прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, в более свободной, нежели в Келермесско-яблоновском типе, анатомической компоновке, с детализацией и с более частыми зооморфными превращениями. Изображения этого типа многочисленны (20 оригинальных изображений) и распространены во всех зонах скифской археологической культуры (Крым, Нижнее Побужье, Нижнее Поднестровье, Нижнее Поднепровье, Среднее Поднепровье, Среднее Подонье, Прикубанье и Ставрополье). При этом ядро, иконографическую основу типа составляют изображения, происходящие с территории Северного Причерноморья.

Картографирование изображений продемонстрировало, что тема свернувшегося хищника реализуется во всех без исключения субрегионах восточноевропейского локального варианта скифского звериного стиля. При этом изображения Кулаковско-ковалевского типа распространены во всех зонах скифской археологической культуры, тогда как Келермесско-яблоновский тип не встречен лишь в Среднем Подонье, что объясняется практическим отсутствием на этой территории памятников «скифской архаики». С этими базовыми типами так или иначе (при определенных воздействиях извне) связано появление большинства остальных типов свернувшегося хищника в восточноевропейском зверином стиле.

Совокупная хронология типов демонстрирует популярность сюжета свернувшегося хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле на всем протяжении его существования, начиная со 2-й четверти VII и вплоть до конца IV в. до н.э.

Мы в принципе разделяем мнение В.А. Ильинской о том, что сюжет свернувшегося в кольцо хищника как таковой «следует относить к числу наиболее оригинальных, самобытных, ниоткуда не заимствованных мотивов, составляющих первоначальное ядро скифского звериного стиля» (Ильинская, 1971. С. 78; ср. Полидович, 2001. С. 28-29). При этом исследователи давно обратили внимание на композиционные (но не образно-видовые) параллели этому сюжету в Китае, начиная с эпохи неолита и, далее, в эпоху Шань-Инь во II тыс. до н.э. (Курочкин, 1993. С. 64-66, рис.2; Богданов, 2006. С. 36 сл.) Вместе с тем, при наличии определенных композиционных импульсов из Китая и Монголии (Черемисин, 1987. С. 152; Савинов, 2002. С. 67-75; Богданов, 2006. С. 37-39, рис.4), данный сюжет мог спонтанно продуцироваться в конкретном регионе скифо-сибирского мира для воплощения собственных мифологических представлений[3], на основе конкретного опыта изучения природы – см. справедливое замечание Л.Л. Барковой, расценившей эту позу как «типичную для отдыхающей кошки» (Баркова, 1983. С. 23). Следовательно, при наличии природного композиционного прототипа данному сюжету, при условии идейной востребованности, которая, очевидно, была связана с некой устойчивой и (вероятно) универсальной мифологемой в скифо-сибирском мире, эта тема могла легко воспроизводиться в любом локальном варианте скифо-сибирского звериного стиля.

Какие-то регионы скифо-сибирского мира могли выступать в этом отношении первооткрывателями и «донорами» для других регионов. В этой связи очень интересна

3 Так, например, А.К. Акишев и Е.С. Богданов интерпретировали эту позу как эмбриональную в своей основе и как символом соответственно охранительного космического огня (Акишев, 1984. С. 48-49) или вселенского и жизненного круговращения (Богданов, 2006. С. 36-41); Д.С. Раевский обосновал структурное соответствие образа свернувшегося в кольцо хищника и идеограммы «мирового змея» (Раевский, 1985. С. 118, 119); гипотезу об астральной символике выдвинули В.Е. Ларичев и С.А. Комиссаров (Ларичев, Комиссаров, 2002. С.181-192) и т.д.

гипотеза Ю.Б. Полидовича о двух «провинциях» в развитии темы свернувшегося хищника в скифо-сибирском зверином стиле - «западной» и «восточной» (Полидович, 1994. С. 67; Полидович, 2001. С. 30-32). Однако заключение исследователя (основанное на ряде семиотических гипотез и на тщательном стилистическом анализе) о первичности «западной» провинции (в силу большей композиционной продуманности и большей вариативности соответствующих изображений) по отношению к «восточной» нуждается в дальнейшем обосновании на основе всего имеющегося на сегодня материала[4].

Очевидно, именно из сако-сибирской зоны «скифского мира» («восточной провинции» свернувшегося хищника, по Ю.Б. Полидовичу) приходят изображения, давшие импульс появлению первых изображений «хищника в кольце» в восточноевропейском зверином стиле - из Краснознаменских и ранних Келермесских курганов. Они, в свою очередь, стали истоком Келермесско-яблоновского типа, определившего иконографию (преимущественно семейства кошачьих, при наличии на Кавказе природного прототипа - Panthera pardus) в восточноевропейском локальном варианте звериного стиля в эпоху «скифской архаики». В эпоху «скифской классики» эта тенденция уступает здесь место новой образно-стилистической линии хищника - преимущественно семейства псовых или волчьих (при наличии в зоне скифской археологической культуры природного прототипа - Canis lupus), т.е. Кулаковско-ковалевскому типу, восходящему, вероятно, к композиции Келермесско-яблоновского типа, но отражающему одновременное влияние темы волчьего хищника, пришедшей из савромато-сако-сибирской зоны (ср. Ильинская, 1971. С. 84; Яковенко, 1976. С. 130) (не исключая также кобанского искусства), где этот образ как в полнофигурном, так и в редуцированном отражении был широко разработан в рамках различных композиционных трактовок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука. 1984. 176 с.

Баркова Л.Л. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинках из Майэмира // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 20–31.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. 240 с.

Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2. С. 64-85.

Канторович А.Р. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья. Сб. науч. ст. / Ред. В.Л. Егоров. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 29–38.

Курочкин Г.Н. Изображение свернувшегося хищника в тагарском искусстве // Античная археология и памятники железного века на территории СССР. КСИА. 1993. Вып. 207. С. 59–67.

Ларичев В.Е., Комиссаров С.А. Драконический мир, драконическое время (к проблеме семантики свернутого кольцом хищника) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9-11 декабря 2002 г.). Том 1 / Ред. С.В. Алкин. Новосибирск. 2002. С. 181-192.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле» // РА. 1994. № 3. С. 63–78.

Полидович Ю.Б. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. 2001. № 3. С. 25-34.

Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: Вост. лит. 1985. 256 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб: Издательство С.-Петербургского университета. 2002. 204 с.

Чежина Е.Ф. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 25. 1984. С. 61-64.

Черемисин Д.В. К вопросу о происхождении мотива свернувшегося в кольцо хищника (изображения на оленных камнях) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. / Ред. В.И. Матюшенко. Омск. 1987. С. 150–152.

Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 128-137.

4 См., в частности, критику этой концепции в работе Е.С. Богданова (Богданов, 2006. С. 40-41).

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ И РИТУАЛЬНОЕ ДЕПОНИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СКЕЛЕТОВ В РАННЕГАЛЬШТАТТСКОЙ КУЛЬТУРЕ САХАРНА СРЕДНЕДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

© 2014 г. М.Т. Кашуба

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(mirra-k@yandex.ru)

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Среднее Поднестровье, начало железного века, культура Сахарна, погребения, захоронения на поселениях, специальное депонирование человеческих скелетов.

Резюме. В статье рассматривается проблема альтернативных форм захоронений в преисторической археологии на примере погребений в культуре Сахарна в бассейне Среднего Днестра. Дается краткая характеристика типичных погребений, символических захоронений (2) и «специальных погребений» или захоронений на поселениях (4) и ритуальных скоплений (29). Последние представляют собой случаи специального депонирования человеческих скелетов в объемных емкостях из органических материалов (дерево, кора или кожа). Высказано предположение, что в начале железного века на территории Среднего Поднестровья и Нижнего Подунавья имело место специфическое депонирование, при котором человеческое тело выступало как посвятительная жертва.

Обращение со смертью и умершими представлено в человеческом обществе бесконечным многообразием форм и проявлений. В преисторической археологии в качестве «нормы» обычно рассматриваются погребения в могильниках, тогда как все другие захоронения человеческих скелетов (полные и/или частичные) причисляются к нетипичным и непонятным комплексам. Во всяком случае они считаются отклонениями от нормы, что в полной мере относится к погребениям на поселениях. Эти альтернативные формы захоронений получили названия «специальное погребение» и «погребение на поселении» (Sonderbestattung, Siedlungsbestattung (нем.) или *deviant burial*, *settlement burial* (англ.) – см. Aspöck, 2008. P. 17 ff.; Urák, Marta, 2011. P. 155–157).

Существующие подходы в интерпретации таких захоронений сводятся к нескольким версиям: 1) погребения людей низкого социального статуса (минимально привилегированные – военнопленные, рабы, пр.); 2) жертвы «плохой» смерти (несчастный случай, убийство, пр.); 3) ритуальные жертвы (Müller-Scheeßel, 2014). Главное – поиск отсутствия/наличия ритуального контекста, соответственно основной вопрос заключается в том, стоит ли за этими погребениями некая группа населения и какую общественную роль она могла выполнять.

Частный случай – «специальные погребения» культуры Сахарна. Проблема «специальных погребений» рассматривается автором на примере находок человеческих скелетов и их частей на поселениях раннегальштаттской (карпато-дунайской) культуры Сахарна в южной части Среднего Поднестровья. Хронологически это начальный этап железного века в Восточном Прикарпатье или конец XI – рубеж IX/VIII в. до н.э. (см. Кашуба, 2013. С. 233 сл.; там же библиография). В этой культуре известны как типичные погребения в могильниках, «специальные погребения» (погребения на поселениях, специфическое депонирование частей человеческих скелетов на площади поселений), а также единичные человеческие черепа и/или их части в культурном слое поселений и насыпи курганов (Гольцева, Кашуба, 1995. С. 11–20, 30–31; Литвинова, 1995. С. 91 сл.; Кашуба, 2000. С. 332–339; Kašuba, 2008. P. 106 ff.; 2009. S. 181–185).

Типичные погребения культуры Сахарна – это курганные (I тип) и бескурганные (II тип) захоронения с использованием камня известняка в конструкциях, преимущественной ингумацией (93%), скорченным положением погребенных на левом или правом боку и преобладающей их широтной (ЮВ–В) ориентировкой. Для погребального инвентаря наиболее характерны посуда (для питья и жидкообразной (?) пищи) и бронзовые украшения. К символическим захоронениям относятся два кенотафа: курганы XII и XVIII могильника Сахарна I (Цыглэу) с земляными насыпями и тризнами. Важно отметить, что в «погребальной норме» этой культур почти треть (12 или 29%) составляют погребения со смещением, относящиеся к погребениям с демембрацией или расчленением. В одних случаях совершалось подзахоронение в существующее погребальное сооружение, при этом первичный скелет полностью или частично смещался, тогда как второй находился в анатомическом порядке. В других случаях осуществлялось захоронение отдельных костей (чаще всего череп и верхняя часть скелета), перенесенных из другого места.

Специальные погребения культуры Сахарна – это 4 захоронения на поселениях и 29 ритуальных скоплений с костями скелетов человека на площади поселений.

Погребения на поселениях культуры Сахарна. Особенности двух погребений, раскопанных на городище Хлижень II-ла Шанц: обряд очищения огнем, отсутствие у скелета (погребение 2) черепа, правых локтевой и лучевой костей, а также наличие в парном захоронении (погребение 3) амулета из окаменелой кости животного третичного периода, – позволяют их отнести к специально депонированным комплексам. Регламентированные действия сопровождали и два других погребения на поселении Сахарна-Дялул Мэнэстирий, хотя и совершенных в обычных ямах, но подготовленных для захоронений. Хорошо прослежен контекст недавно обнаруженного комплекса: над погребением в яме была сооружена специальная конструкция – небольшой шатер из жердей (Niculiță, Nicic, 2011. P. 225 ff. Fig. 2, 3). Тем самым не только было маркировано место захоронения в структуре действующего поселения, но в течение какого-то времени оно оставалось открытым, что обеспечивало к нему свободный доступ сородичей и других членов социума.

Ритуальные скопления в культуре Сахарна. На раскопанной площади в культурном слое и сооружениях городища Глижень II-ла Шанц в массовом количестве были зафиксированы разрозненные и компактно залегающие кости скелетов человека от 165 индивидов: 90 обработанных фрагментов черепов и 32 фрагмента (зачастую обработанных) разрозненных костей человеческих скелетов (верхние и нижние челюсти, ключицы и длинные кости конечностей). Все они имели одинаковые следы: сколы, срезы, насечки и подпилы, заполированные края, прижизненные подпилы зубов на верхних и нижних челюстях (Литвинова, 1995. С. 91–97). Эти специально депонированные кости человеческих скелетов были названы «ритуальными скоплениями», которые были отнесены к четырем типам. Компактное нахождение фрагментов костей человеческих скелетов в ритуальных скоплениях позволило предположить, что кости могли быть положены в объемные емкости из органических материалов (дерево, кора или кожа). Важно отметить, что специальному депонированию здесь подлежали кости детей возраста второго детства и подростков, кости которых относятся к 90 индивидам, тогда как взрослых – 65 (Литвинова, 1995. С. 91 сл.).

Приведенные выше данные показывают, что в культуре Сахарна наряду со стандартной моделью погребения существовали и другие способы захоронения умерших. Часть детей и подростков вместе с какой-то группой взрослых участвовали в специальных обрядах некоего особого культа/культов. Для них, по всей видимости, использовался воздушный тип захоронения – на дереве/помосте или в специально отведенных местах. Далее их костные останки попадали не в могилы на некрополях, а использовались в последующих церемониальных действиях, в результате которых они депонировались в виде ритуальных скоплений на городище Глижень II-ла Шанц. Такая группа населения могла участвовать в специальных обрядах как при жизни, так и после смерти.

Таким образом, наличие подзахоронений и реингумаций в могильниках культуры Са-

харна сближает стандартную модель захоронения умерших и «специальные погребения». Можно говорить о развитой поминальной сфере в общем контексте погребально-поминальной обрядности населения этой культуры, нескольких способах погребения умерших на земле (на уровне древнего горизонта) и в земле (в грунтовых ямах могильников или специально подготовленных ямах на поселениях), а также воздушном типе захоронения.

Не затрагивая в настоящей работе весь спектр проблематики, связанной с находками человеческих скелетов и их частей на поселениях, отмечу в Среднеднестровском бассейне и Нижнем Подунавье значительное число случаев специального депонирования человеческих скелетов и их частей на площади поселений, что могло зависеть от каких-то особых представлений о смерти, а также специфических ритуалов, при отправлении которых такие представления реализовывались (ср. Гольцева, Кашуба, 1995. С. 30–31; Ailincăi et al., 2005–2006. P. 91–92. Fig. 10; Ailincăi, 2008. P. 9 ff.; Kašuba, 2009. S. 181–185). Это также может иметь отношение к специфике депонирования как посвятительной жертвы. Если депонирование бронзовых изделий рассматривается как «дары богам» (Hansen, 1994. S. 368–371; 2013. S. 279 ff.; Hänsel, 1997. S. 11–12; Metzner-Nebelsick, 2012. S. 157 ff.), то можно высказать предположение, что в начале железного века (период HaB, особенно HaB2/B3) в Среднеднестровском регионе и Нижнем Подунавье имело место специфическое депонирование, при котором человеческое тело выступало как посвятительная жертва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978–1979 гг. и 1989–1990 гг.). Тирасполь: Изд-во МАКО, 1995. 272 с.

Кашуба М.Т. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488.

Кашуба М.Т. «Ускользающее» железо или переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 233–257.

Литвинова Л.В. Антропологический материал из раннегальштатского зольника цитадели городища Глинжень II // Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978–1979 гг. и 1989–1990 гг.). Тирасполь: Изд-во МАКО, 1995. С. 91–99.

Ailincăi S. C. The Place for the Dead in Early and Middle Iron Age Lower Danube Area // Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe / Eds V. Sîrbu, D.L. Vaida. Proceedings of the 9th Intern. Colloquium of Funerary Archaeology. Bistriţa, Romania, May 9th – 11th, 2008. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2008. P. 9–33.

Ailincăi S.-C., Jugănaru G., Ţârlea A.-C., Vernescu M. Early Iron Age complexes with human remains from the Babadag settlement // Peuce, S.N. Tulcea, 2005–2006. V. III–IV. P. 77–108.

Aspöck E. What Actually is a «Deviant Burial»? Comparing German-Language and Anglophone Research on «Deviant Burials» // Deviant Burial in the Archaeological Record / Ed. E.M. Murphy. Oxford, 2008. P. 17–34.

Hänsel B. Gaben an die Götter – Schätze der Bronzezeit – eine Einführung // Gaben an die Götter. Ausstellungskatalog / Hrsg. A. Hänsel, B. Hänsel. Berlin, 1997. S. 11–22. (Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge; Bd. 4).

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1994. Teilen. 1–2. 614 S. (UPA; Bd. 21).

Hansen S. Deponierungen in der Bronzezeit Europas // (). Bronzezeit. Europa ohne Grenzen. 4.–1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog / Hrsg. Ju.Ju. Piotrovski. St. Petersburg: Tabula Rasa, 2013. S. 279–287.

Kašuba M. Despre depunerile de oseminte umane în aşezările hallstattiene timpurii (sec. X–IX a.Chr.) cultura Saharna în regiunea Nistrului de Mijloc (spaţiul nord-vest pontic) // Omagiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare / Eds S.C. Ailincăi et al. Tulcea: Editura Dobrogea, 2008. P. 106–120.

Kašuba M. Die Bestattungen der Saharna-Kultur. Ein Beitrag zum frühhallstattzeitlichen Bestattungsritus im Mitteldnestrgebiet, Nordwestpontikum // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten / Hrsg. J. Apakidze et al. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Tiflis/Georgien (17.–20. Mai 2007). Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2009. S. 160–189 (PAS; Bd. 25).

Metzner-Nebelsick C. Das Opfer. Betrachtungen aus archäologischer Sicht // Bios – Cultus – (Im)mortalitas. Zu Religion und Kultur – Von den biologischen Grundlagen bis zu Jenseitsvorstellungen / Eds A. Lang, P. Marinković. Beiträge der interdisziplinären Kolloquien vom 10.–11. März 2006 und 24.–25. Juli 2009 in der Ludwig-Maximilians-Universität München. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2012. S. 157–179 (Internationale Archäologie – Arbeitsgemeinschaft, Symposium, Tagung, Kongress; Bd. 16).

Müller-Scheeßel N. Siedlungsbestattungen der Hallstatt- und Frühlatènezeit. Zum ältereisenzeitlichen Umgang mit den Toten. Frankfurt a. Main: DAI, 2014 (DFG-Projekt, Deutschland).

Niculiță I., Nicic A. Practicii funerare în situl din prima epocă a fierului de la Saharna-Dealul Mănăstirii // Tyragetia, S.N. Chișinău, 2011. V. V (XX). Nr. 1. P. 225–235.

Urák M., Marta L. Human Remains of the Late Bronze Age Settlements in the Upper Tisza Area. New Researches and New Evidence // Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin / Eds S. Berecki et al. Proceedings of the Intern. Colloquium from Târgu Mureș, 8–10 October 2010. Târgu Mureș: Editura Mega, 2011. P. 155–162.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ «РАЗГРАБЛЕНИЙ» КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ТУВЕ

© 2014 г. М.Е. Килуновская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург (kilunmar@mail.ru)

Ключевые слова: Тува, скифское время, алды-бельская, уюкская, саглынская культуры, курганы, разграбление могил.

Резюме. В Туве раскопано около 700 курганов с 900 погребениями, которые относятся к скифскому времени. Из них примерно 90% разграблены. Большая часть была разрушена до сооружения наземного сооружения, т.е. насыпи, когда могила или курган были открыты для совершения погребально-поминальных действий. В одних случаях человеческие останки и погребальные конструкции в виде срубов разрушены полностью и вынуты за пределами могильной ямы; в других могилы разрушены частично через отверстие в перекрытии или перекрытие частично разбиралось и др. Кроме того, фиксируются случаи частичной мумификации трупов, создание ритуальных двойников. Все это свидетельствует, что ограбления могил в скифское время в Туве было частью погребального обряда.

Культуры скифо-сибирского типа существовали в Туве не менее 800 лет. Свидетельствами их присутствия являются многочисленные могильники и наскальные изображения. Между этими культурами есть определенная преемственность, поэтому говорить о тотальной смене населения невозможно (Савинов, 2002; Семенов, 2010).

В настоящее время раскопано около 700 курганов примерно с 900 погребениями. Из них около 90% были разграблены в древности. Современные ограбления древних могил в Туве пока единичны, что связано главным образом с традициями тувинской культуры, для которой характерно трепетное отношение к человеческим захоронениям.

Ограбление могил начинается уже на самых ранних этапах – все захоронения людей в кургане Аржан, который относится к IX–VIII вв. до н.э. были потревожены.

В алды-бельской культуре (VII–V вв. до н.э.), для которой характерны курганы-кладбища, в которых под одной насыпью, окруженной оградой, находится несколько погребений в ямах, каменных ящиках и деревянных колода, разграблено около 70% погребений. Так, на могильнике Бай-Даг-6 (Кызылский кожуун, раскопки Тувинской археологической

экспедиции (ТАЭ) ИИМК РАН 2012 г.) это все погребения мужчин, в которых осталось несколько наконечников стрел, ножи и бронзовые детали портупеи (Килуновская, Семенов, 2013. С.199. Рис. 8–11). Остатки самих костяков лежат в заполнении могилы. Скорей всего из могил взято все оружие.

Другой пример – курган 16 могильника Чинге, где во всех 11 захоронениях были перемещены все кости (Килуновская, 2011. С. 441–442). Из захоронений детей (даже младенцев), обычно безынвентраных, кости были вытащены, уложены на краю могильной ямы, где поставлен каменный ящик, который затем был тщательно закрыт плитами. Возможно, перед нами какой-то сложный погребальный ритуал, связанный с открытием могил и перемещением костей погребенных. Наводит на размышление тот факт, что царский курган Аржан-2 не был вообще подвергнут разграблению. Утверждение, что этому помешало то, что захоронение было не в центре, а в стороне не кажется убедительным. Наблюдение за всеми известными нам алды-бельскими захоронениями показывает, что они были потревожены до сооружения курганной насыпи, когда курган-кладбище был открыт для совершения погребально-ритуальных обрядов.

В 2011–2012 гг. Тувинской археологической экспедицией в долине р. Ээрбек были раскопаны курганные комплексы переходного уюкско-алды-бельского типа (VI–V вв. до н.э.), представляющие собой также курганы-кладбища, когда под одной насыпью находятся несколько могил в глубоких ямах со срубами, окруженные захоронениями (в основном детскими) в каменных ящиках и колодах. Процент разрушения могил в этих памятниках – 90. Детские захоронения здесь, как правило, не тронуты, но все погребения в срубах разрушены полностью. В некоторых случаях на древней дневной поверхности лежат даже бревна от срубов, которые были полностью вытащены вместе с костями. Эти погребения, по-видимому, были потревожены неоднократно, о чем говорят впущенные в яму захоронения гунно-сарматского времени и раннего средневековья, но все таки первоначально они были разрушены до сооружения курганной насыпи, что определенно говорит о ритуальных действиях.

Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на материалах могильника Белое Озеро-3 (Уюкская котловина, раскопки ТАЭ 2013 г.). Здесь раскопано четыре кургана, которые явно имели престижный характер, о чем свидетельствует довольно сложная архитектура и остатки золотых украшений. Все ямы «грабились» до сооружения курганной насыпи и после разрушения были буквально запечатаны слоем глины, принесенной с Белого озера.

Та же картина прослеживается и на курганах уюкской культуры двух типов: с высокими насыпями и глубокими ямами, такие как на могильнике Кош-Пей (Семенов, 1994б), где для запечатывания могилы использовалась глина, а в кургане 3 над могилой был сооружен шатер из жердей; захоронения в ямах, окруженные валиком выброса, который обложен сверху одним слоем камней – могильник Саускен-3 (Килуновская, Семенов, 2013. С. 197–198. Рис. 2, *3*).

Подобных примеров можно привести много, особенно из раскопок последних лет ТАЭ в Уюкской и Центрально-Тувинской котловине, когда фиксировались этапы и следы ограблений. То, что могильные ямы стояли некоторое время не засыпанными, отмечал и К.В. Чугунов на могильнике Догээ-Баары-2 для ранних памятников уюкско-саглынской культуры (Чугунов, 2007. С. 125). На Догээ-Баары-2 из 27 раскопанных курганов целым был только 1, но в нем в центре сруба было захоронение-кенотаф, т.е. вещи лежали *in situ*, а кости человека отсутствовали. На Догээ-Баары-2 были также зафиксированы следы частичной мумификации.

На позднем этапе – в саглынской культуре процент разрушения могил меньше, возможно это связано с тем, что в большинстве своем у них не было наземных признаков. Так, на эталоном могильнике Суглуг-Хем-1 из 17 погребений в срубах не разрушенных 7, частично разграбленных 4 (Семенов, 2003). Внутри последних есть передвинутые и разрушенные костяки, что подтверждает то, что срубы какое-то время стояли открытыми и при подхоронении у погребенных могли брать какие-то вещи и частично разрушать скелеты. Эта традиция прослеживается и во всех уюкских курганах, где в срубах сохранилась

in situ большая часть погребенных и инвентаря. Данные наблюдения позволяют сделать предположение о существовании в уюкско-саглынское время ритуала нарушения погребений при последующих подхоронениях.

Погребальный обряд как одна из главнейших частей, составляющих человеческую культуру изучаются как этнологией, так и археологией. Этнология предоставляет факты, почерпнутые из живой культуры или соответствующих источников – летописей, наблюдений путешественников, религиозных предписаний, к которым археология прибегает при интерпретации тех или иных данных, полученных в процессе полевых исследований. Накопленный материал по похоронному обряду саяно-алтайских скифов позволяет восстановить несколько существовавших здесь практик обращения с умершими. Среди них – мумификация в пазырыкской культуре, создание ритуального двойника в тесинской и использование погребальных масок в таштыкской; очищение костей от мягких тканей и их последующее погребение в срубах и каменных ящиках в уюкско-саглынской культуре, иногда на этих костях видны следы погрызов, что дает право говорить о том, что умерший какое-то время находился в специальном месте и поедался собаками или другими хищниками (Семенов, 1994а).

Существующая в настоящий момент статистика ограблений скифских курганов Тувы позволяет утверждать, что ограбления носили ритуальный характер и могут рассматриваться в контексте погребальной обрядности определенных групп населения скифского времени в бассейне Верхнего Енисея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Килуновская М.Е. Исследования в Республике Тыва // АО 2008 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 441–443.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл-Курагино // Бюллетень Ин-та истории материальной культуры РАН. № 3: Охранная археология. СПб.: Периферия. 2013. С. 196–222.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 2002. 201 с.

Семенов Вл.А. «Ритуальный двойник» в похоронном обряде саяно-алтайских скифов (эволюция погребального обряда кочевников Южной Сибири) // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1994а. С. 135–142.

Семенов Вл.А. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей 1 в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994б. С. 184–191.

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение. 2003. 239 с.

Семенов Вл.А. Скифские культуры Тувы // Ученые записки Тувинского ин-та гуманитарных исследований. Вып. XXII. Кызыл, 2010. С. 54–69.

Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы // А.В. Сб. научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-пресс. 2007. С. 123–144.

САРМАТЫ ВОЕВОДИНЫ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

© 2014 г. Д.А. Кириченко

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан (sirkokozak@rambler.ru)

Ключевые слова: Сербия, Воеводина, сарматы, палеоантропология, Римская империя, эпоха Великого переселения народов.

Резюме. В данной статье представлено историографическое исследование с обзором зарубежной антропологической литературы, касающейся присутствия сарматов на территории Воеводины (Сербия). Следует отметить, что такое исследование в отечественной антропологии предпринимается впервые. Автором проанализированы и использованы данные сербских, венгерских исследователей по палеоантропологии сарматов Воеводины, многие из которых до сих пор были недоступны или же остались вне поля зрения отечественных антропологов. Для дополнительного освещения картины присутствия сарматов на территории Воеводины были привлечены также данные истории и археологии.

Сарматские племена на территории Воеводины, судя по письменным источникам, появляются в середине I в. н.э. и на протяжении почти 300 лет, вплоть до конца IV в. н.э. постоянно участвуют в военных конфликтах с Римской империей (Бугарски, Иванишевич, 2012). О пребывании сарматов на территории Воеводины свидетельствуют также и археологические материалы. В частности, были исследованы и исследованы такие поселения и могильники, как Чик (Bugarski, 2009), Чуруг (Trifunović, 2006), Верушич (Sekereš, 1998), Панчево, Ватин, БанатскоАрангелово, Мокрин, Кикинда, Бела Церква, Нови Кнежевац (Ivanishevish, Bugarski, 2008) и др.

Несмотря на то что было раскопано много некрополей, которые связаны с пребыванием сарматов в Воеводине, палеоантропологический материал из них не изучен или же не опубликован. Антропологами исследовано всего два сарматских некрополя Воеводины: некрополи Чик (Ery, 1990), Верушич (Czekus, 1997).

Палеоантропологический материал из некрополя Чик исследован венгерским антропологом К. Эри (Ery, 1990). В ее работе материал, относящийся к сарматам, был объединен вместе с материалом аварского времени. К. Эри приходит к выводу, что серия аварского времени из некрополя Чик (Бачко Петрово село) сближается с серией савроматов и ранних сарматов Западного Казахстана.

И. Бугарски, который исследовал археологический материал из некрополя Чик, четко выделил погребения, которые относятся к сарматскому и аварскому времени. Тем самым можно выделить отдельные черепа из некрополя Чик, которые связываются хронологически с сарматами.

И. Бугарски датирует раннюю (сарматскую) фазу некрополя Чик II–IV вв. н.э. Погребенные здесь люди лежали вытянуто на спине, с преобладающей ориентировкой по линии Ю–С. Среди сопутствующего инвентаря – керамика, фибулы, браслеты, пряжки, ножи, пряслицы.

На некрополе аварский горизонт перекрывает более ранний сарматский. Сохраняется и некоторая преемственность в материальной культуре и погребальном обряде. Аналогичная ситуация наблюдается и на других некрополях Воеводины, где аварский горизонт перекрывает сарматский: Некадашна, Ботра-Зидар, Банкерт-Кланица, Малый Ижош. (Bugarski, 2009. С. 27).

Вероятней всего на некрополе Чика наблюдается картина сохранения сарматского населения, которое, пережив гуннскую эпоху, включилось в состав Аварского каганата. Данному утверждению не противоречат и

палеоантропологические материалы объединенной серии черепов из Чика, которые наиболее сближаются с сарматами.

Всего на некрополе Чик было исследовано 16 сарматских погребений, из которых лишь 8 (погребения 18, 23, 27, 62, 70, 80, 86, 133) были подвергнуты палеоантропологическому исследованию. Из них только три черепа принадлежали взрослым лицам (погребения 62, 86, 133). Они диагностируются как женские (Ery, 1990). Из этих трех черепов лишь череп (рис. 1) из погребения 86 (рис. 2,) имеет хорошую сохранность. Ниже приводится его индивидуальная характеристика.

Череп женский (см. *таблицу*), гипербрахикранный, характеризуется очень малым продольны и большим поперечным диаметрами мозговой коробки. Лицо очень малое по ширине и малое по высоте, по указателю – мезен. Орбиты малые по высоте, среднеширокие, мезоконхные. Нос среднеширокий и средневысокий, мезоринный. Антропологический тип – европеоидный.

Археологом Л. Секерешом был исследован сарматский некрополь Верушич, который расположен в 4 км к югу от Субботицы. Он датируется концом IV – началом V в. н.э. (Szekeres, 1998) Погребенные здесь люди лежали вытянуто на спине, с преобладающей ориентировкой по линии Ю–С. Погребения были совершены под курганами, окруженными траншеями. Погребальный инвентарь включал в себя керамику, фибулы, зеркала, бусы, браслеты, серьги, ожерелье, кольца, кулоны, оружие, римские монеты. Аналоги этим материалам имеются в позднесарматской культуре.

Антропологом Г. Цзекус был исследован палеоантропологический материал из этого некрополя: 24 мужских, 18 женских и 5 детских скелетов (Czekus, 1997). Палеоантропологический материал был очень плохой сохранности, поэтому нами учтена серия из 6 мужских и 4 женских черепов (см. *таблицу*). Мужские черепа долихокранные, характеризуются большим продольным, малым на границе со средними величинами поперечным и большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо малое по высоте, среднеширокое, по указателю – эуриен. Орбиты очень малые по высоте и большие по ширине, хамеконхные. Нос средний по ширине и малый по высоте, платиринный.

Женские черепа мезокранные, характеризуются средним продольным, малым поперечным, очень большим высотным диаметрами мозговой коробки. Лицо большое по высоте.

Признак № по Мартину	**Верушич** ♂	**Верушич** ♀	**Чик, погр. 86** ♀
1	188,4 (5)	178,75 (4)	159
8	138,5 (6)	134,75 (4)	149
9	98,67 (6)	93 (3)	91
17	138 (2)	142 (1)	–
45	131 (1)	–	125
48	67,5 (2)	75 (1)	67
51	43 (1)	39,5 (2)	41
52	30 (1)	34,5 (2)	33
54	26,33 (3)	25 (1)	25
55	49 (2)	52 (1)	51
8:1	73,38 (5)	76,34 (3)	93,7
48:45	47,33 (1)	–	53,6
52:51	69,77 (1)	87,4 (2)	80,5
54:55	51,67 (2)	48,07 (1)	49

Рис. 1. Женский череп из сарматского погребения 86 могильника Чик.

Орбиты малые по ширине, средневысокие, гипсиконхные. Нос среднеширокий, средневысокий, мезоринный.

К сожалению, антрополог Г. Цзекус не приводит сравнения серии из Верушича ни с какими другими палеоантропологическими сериями, а также ничего не говорит о расовой диагностике исследованных черепов. При сравнении черепа из некрополя Верушич обнаруживают свое сходство с позднесарматскими сериями (Балабанова, 2013), а именно с грацильным долихо-мезокранным южноевропеоидным типом.

Вероятно, людей из Верушича можно связать с роксоланами, которые расселились в Воеводине в IV в. н.э. Что же касается происхождения сарматов из некрополя Чик, то они, возможно, были языгами, об этом свидетельствует их сходство с раннесарматскими сериями.

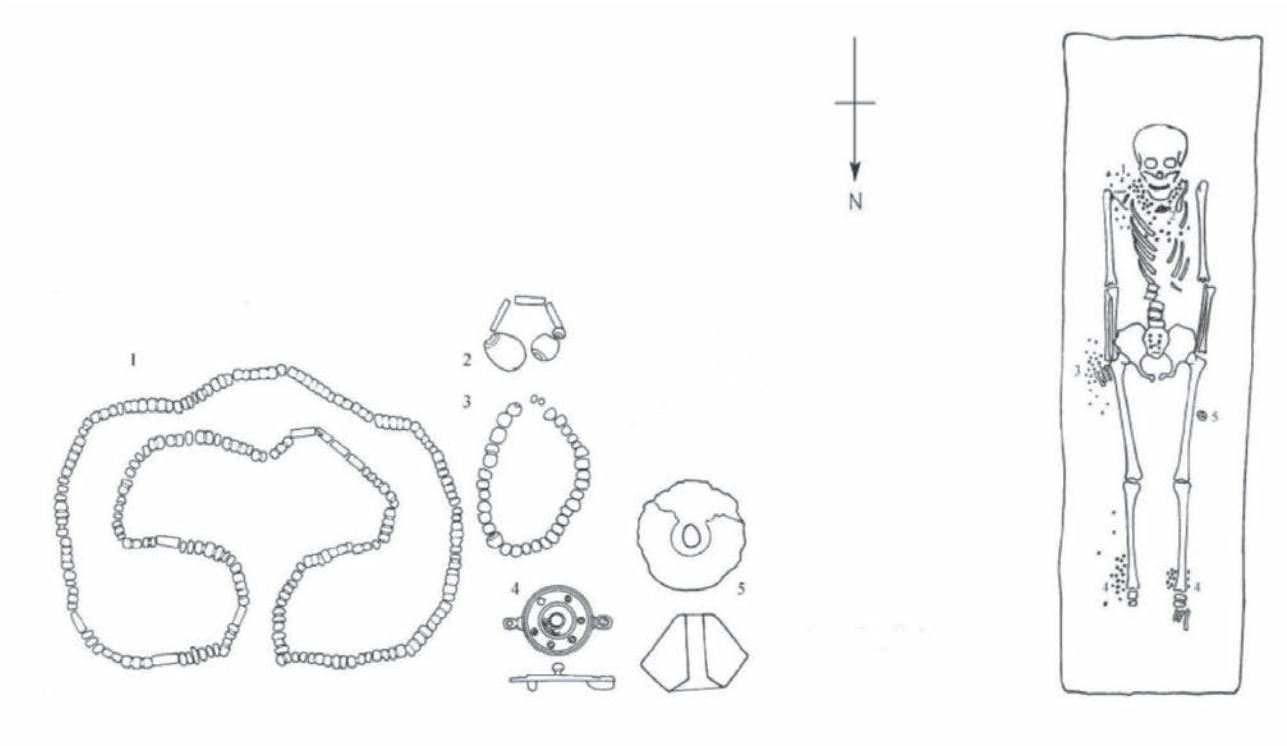

Рис. 2. Погребение 86 могильника Чик (по: Bugarski, 2009).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балабанова М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железного века и раннего средневековья: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2013. 65 с.

Бугарски И., Иванишевич В. Пограничье римской империи и варваров: система обороны империи от Куция до Ледераты // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. / Под. ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 482–511.

Bugarski I. Nekropole iz doba antike i ranog srednjeg veka na lokalitetu Čik. Beograd: Алта Нова, 2009. 183 c.

Czekus G. Anthropological presentation of skeletons from the Verušic-Na (Vojvodina, Yugoslavia) cemetery from the sarmatian age (4–5th centuries) // Acta Biologica.1997. XLII. P. 17–24.

Ery K. Anthropological studies on an early Avar period population at Backo Petrovo Selo (Yugoslavia). P. 2: Analysis of the data // Anthropologia Hungarica. 1990. XXI. P. 33–53.

Ivanišević V., Bugarski I. Western Banat during the Great Migration Period // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. V. 2. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2008. P. 39–61.

Sekereš A. Sarmatskanekropola Subotica-Verušić // Rad muzejaVojvodine. 1998. № 40. S. 107–147.

Trifunović S. Arheološko nalazište Stari vinogradi – Archaeological Site Čurug – Stari Vinogradi, Backa Region, Vojvodina Province, Serbia. Novi Sad; Beograd: 2006. [Электронный ресурс]. Доступ: http://curug.rastko.net

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЗНАТИ

© 2014 г. Т.М. Кузнецова

Институт археологии РАН, Москва
(mamulya-kuznecova@yandex.ru)

Ключевые слова: скифы, курганы, элита, могильники, цари, номархи.

Резюме. Для уточнения стратификационных уровней курганов скифской знати было проведено сопоставление двух систем ранжирования скифского социума, предложенных Ю.В. Болтриком (2004) и Т.М. Кузнецовой (2008). Исследование показало, что объективное сопоставление нескольких схем ранжирования скифского социума может быть достаточно плодотворным и позволяет сделать не только некоторые корректировки, но и провести дополнительные наблюдения.

Исследователи, определяя диагностические признаки для уточнения позиций погребальных комплексов в иерархии высшего слоя скифского сообщества, выделяют количество камер в подземных сооружениях; количество отдельных конских могил; общее число конских и сопровождающих захоронений; преобладающий материал, из которого изготовлены украшения; высоту курганной насыпи (Мозолевский, 1979. С. 237; Курочкин, 1980. С. 106; Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 136, 144).

Ю.В. Болтрик предложил использовать в качестве ранжирующего признака «объем насыпи кургана как наиболее объективный показатель», реально отражающий «затраты труда на возведение конкретного памятника». Массив курганов скифской элиты, ранжированный по реальным затратам труда, отраженным в объемах насыпей курганов, распределился по пяти уровням: цари, члены царской семьи, родственники царя, «колпаконосцы 1» и «колпаконосцы 2» (Болтрик, 2004. С. 86).

Мною в качестве социального индикатора были рассмотрены бронзовые котлы из скифских могильников (Кузнецова, 2008). Исследование показало, что величина котла находится в непосредственной связи с числом курганов, составлявших могильники, что подтвердило предположение о возможном соответствии величины скифского социума и величины объединяющего этот социум котла. Удалось проследить закономерность между числом групп, составляющих могильник, и количеством бронзовых котлов, погребенных под насыпью доминирующего кургана. Число бронзовых котлов в могильниках (с учетом количества курганов в них) позволило выделить два уровня социальной стратификации скифов: цари и номархи.

В группу «царских», исходя из этого, были отнесены курганы Солоха – четыре котла (три в одной могиле), Чертомлык – четыре котла (три в одной могиле) и Бердянский – три котла (два в одной могиле).

Все остальные курганы, состав сопроводительного инвентаря которых включал бронзовые котлы, были объединены в группу захоронений «номархов». Предполагалось, что различия в высоте курганов и степени «богатства» у номархов могли соответствовать различиям в численности населения, входившего в «ном», и в уровне его жизнеспособности.

В двух курганах – Гайманова и Толстая Могилы – были обнаружены по два котла. Однако в Гаймановой Могиле два котла (см. *рисунок, а*) были найдены в нише одной могилы (Бидзиля, Полин, 2012. С. 90–92, 344–351, 353–355), а в Толстой Могиле – в разных захоронениях (см. *рисунок, б, в*): один – в боковой могиле при женщине с ребенком, и другой, служивший скорее символом котла, – при мужчине, погребенном в центральной могиле (Мозолевский, 1979. С. 66, 143–144).

Один из этих памятников – Гайманова Могила – по числу «сопровождающих» курганов (45) должен был войти в группу «царских», а другой – Толстая Могила – в группу захоронений «номархов» (20 курганов).

Для уточнения стратификационных уровней скифской знати представилось целесообразным провести сопоставление курганов по двум схемам: по «определению реальных затрат труда, отраженных в объемах насыпей» (Болтрик, 2004) и по количеству котлов в качестве ранжирующего признака (Кузнецова, 2008).

Поскольку в основу исследования Ю.В. Болтрика положены более объективные и статичные данные, оно послужило базой для сопоставления указанных схем. Сравнение показало, что курганы Солоха, Бердянский и Чертомлык в обеих схемах отнесены в группу «царских», так как имеют самые большие объемы насыпей и содержат самое большое число котлов (Болтрик, 2004; Кузнецова, 2008).

Внимательное изучение плана могильника Гайманово поле (см. *рисунок, г*) показало, что две группы в западной его части (вместе с курганом Гайманова Могила) включали только 25 курганов, а восточная группа, в которую и входят остальные (21 курган), находилась в отдалении от западной. Поэтому появилось основание предположить, что выделение Гаймановой Могилы в группу, объединяющую захоронения «родственников царя» (Болтрик, 2004) ближе к действительности, из чего следует, что два котла в одной могиле можно связать со статусом «номарха» – «родственника царя». Тем более что в восточной группе могильника Гайманово поле в одном из курганов (курган 11, погребение 1) были обнаружены следы от котла. Этот курган замыкал могильник с восточного – противоположного от Гаймановой Могилы конца и был одним из самых больших на поле (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский, 1977. С. 165).

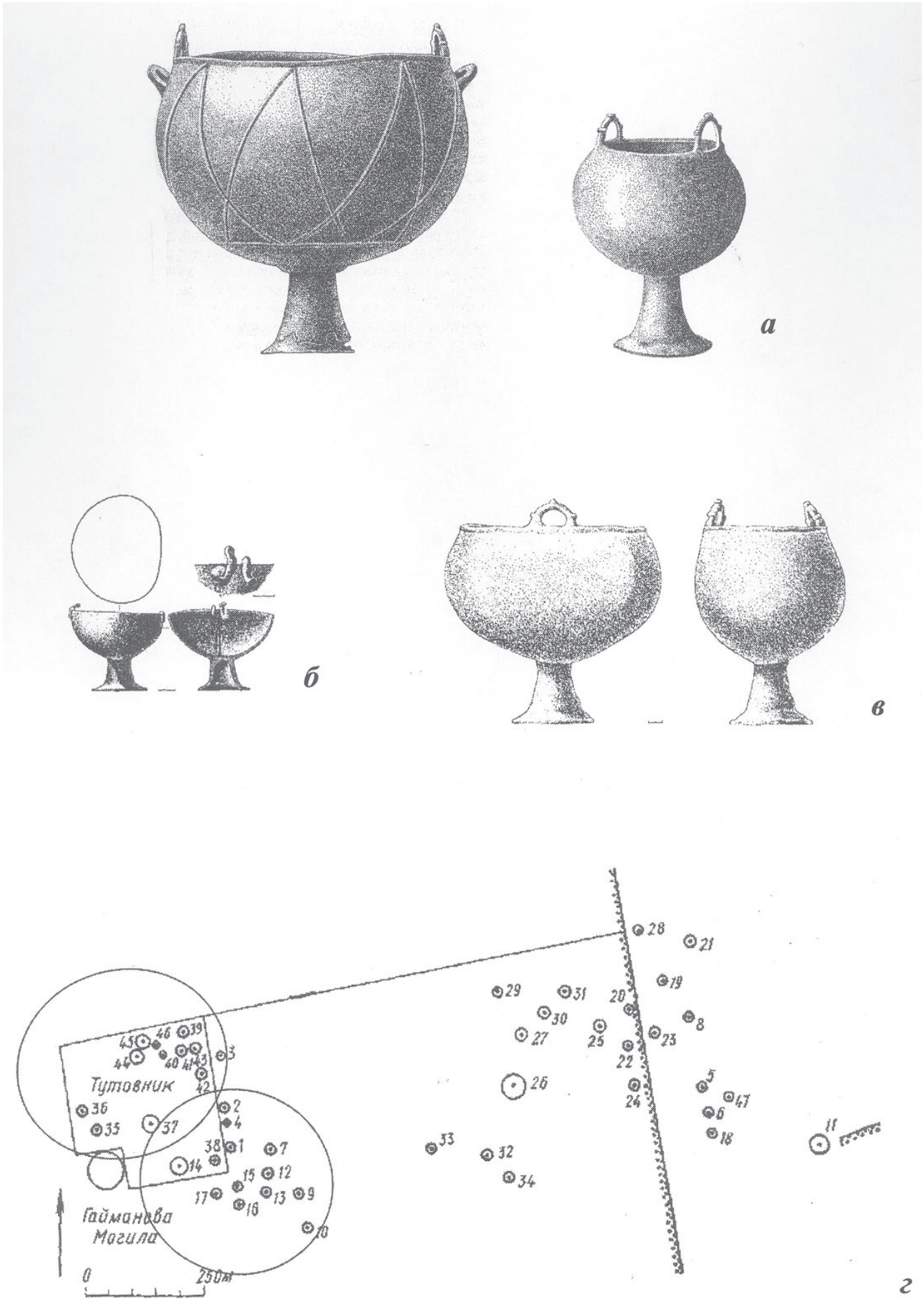
В группу, включающую «родственников царя» (Болтрик, 2004), вошел и курган Толстая Могила, сопровождавшийся 20 курганами, отнесенный мной к группе захоронений «номархов». В данном случае между двумя схемами нет противоречия, поскольку «родственники царя» могли быть и «начальниками округа», поэтому наличие двух котлов в одном кургане можно считать признаком высокого уровня социальной стратификации среди «номархов» и связать его с царскими родственниками.

Однако по размеру «котла» в центральной могиле (см. *рисунок, в*) и целому ряду других признаков курган Толстая Могила выделяется, что уже отмечалось, на общем фоне аристократических захоронений Скифии, поэтому на его интерпретации хотелось бы остановиться более подробно.

Сравнительный анализ материалов кургана дал основание Б.Н. Мозолевскому считать, что «он был усыпальницей знатной скифской семьи – мужа, жены и ребенка», а исходя из возраста последнего все погребения в кургане отнести к одному времени (Мозолевский, 1979. С. 237). Детальное исследование материалов кургана Толстая Могила позволило ученому соотнести этот курган с памятниками той группы, с которой он связывал погребения членов царской семьи и царями трех составных частей Скифии. Однако несоответствие между размерами кургана и другими стратификационными параметрами привело исследователя к предположению о существовании среди элиты скифского социума «еще какой-нибудь прослойки, общественная интерпретация которой пока что невозможна» (Мозолевский, 1979. С. 237–238). Как уже отмечалось, Ю.В. Болтрик определил погребенных в этом кургане как «родственников царя» (Болтрик, 2004. С. 89), с чем нельзя не согласиться.

В кургане Толстая Могила котел, хотя и не очень большой (см. *рисунок, в*), помещен не в гробницу главы семьи, а в женскую могилу. Мужчине, погребенному в центральной могиле и принадлежавшему к «правящему слою», был положен лишь маленький сосуд в форме котла, который, как уже сказано выше, скорее символизировал котел, чем служил таковым (см. *рисунок, б*).

Отмеченное несоответствие, возможно, свидетельствует о том, что котел представлял собой не только количественный, но и родовой признак. Женщина, погребенная в кургане Толстая Могила, могла быть дочерью и, возможно, наследницей в роду «номарха», вышедшей замуж за «родственника царя». В качестве «приданого» ей могло отойти опре-

а – котлы из кургана Гайманова Могила; *б, в* – котлы из кургана Толстая Могила;
г – план курганных групп на Гаймановом поле.

деленное число зависимого люда и котел, соответствующий этому количеству, отчего вокруг Толстой Могилы сконцентрирована только одна группа курганов. Мужчине же, который мог быть «родственником царя», но, вероятно, был человеком, не имевшим в своем владении значительного числа зависимого населения, в качестве сакрального атрибута власти был изготовлен лишь символ котла.

В связи с этим хотелось бы ответить на замечание Е.Е. Фиалко и Ю.В. Болтрика, которые отметили, что несмотря на привлекательность идеи о соответствии параметров котлов и количества курганов в могильнике, высказанной Т.М. Кузнецовой, «вряд ли она будет продуктивной», отдав предпочтение подходу, предложенному В.Н. Грицюком, где автор увязывает объем котла с количеством «персон, составлявших ближайший круг его владельца», рассчитав, что если «индивидуальная норма потребления пищи воином определяется в 0,45–0,95 л», то «владелец 10-литрового котла мог обеспечить горячей пищей отряд, равный примерно взводу, а 50-литрового и большего объема мог прокормить военный коллектив, равный сотне» (Болтрик, Фіалко, 2010. С. 315–316).

Однако сведения о котлах из кургана Толстая Могила при таком подходе оставляют без ответа два вопроса: о количестве человек, которых мог накормить из своего котелка мужчина, похороненный в центральной гробнице, и о возможности руководства военизированным подразделением женщиной, погребенной в боковой могиле этого кургана, если в ее сопроводительном инвентаре предметы вооружения отсутствуют.

И тем не менее исследование показало, что объективное сопоставление нескольких схем ранжирования скифского социума может быть достаточно плодотворным и позволяет сделать не только некоторые корректировки, но и провести дополнительные наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1991. 413 с.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 751 + 64 с.

Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // Kimmtrowie, scytowie, sarmaci (Киммерийцы, скифы, сарматы). Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 2004. S. 85–91.

Болтрик Ю.В., Фіалко Е.Е. Посуда из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Stratum plus. 2010. № 3. С. 289–323.

Кузнецова Т.М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. М.: Таус, 2008. С. 173–198.

Курочкин Г.Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н.э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 105–117.

Мозолевський Б.Н. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 251 с.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н. Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 152–199.

ОБ ОДНОМ ВИДЕ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ КУБАНИ

© 2014 г. Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко

Кубанский государственный университет, Краснодар
(meot@mail.ru)

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, грунтовый могильник, керамика, типология, хронология, черпак, амфора.

Резюме. Работа посвящена типологии и хронологии меотских черпаков IV в. до н.э. с горизонтальными ручками-упорами. В основу типологии положена форма тулова, на основании которой выделяются VI типов сосудов. Большая часть черпаков происходит из погребений с амфорами, что позволяет определить хронологические рамки бытования выделенных типов и дает возможность использовать их как самостоятельный датирующий материал.

Для исследователей меотской культуры Прикубанья керамика служит неисчерпаемым и едва ли не важнейшим источником информации. Среди огромного разнообразия форм местных и привозных сосудов IV в. до н.э., которые известны исследователям в основном по керамическим комплексам из грунтовых могильников, особого внимания заслуживает небольшая группа черпаков с горизонтальными ручками-упорами. Мы располагаем серией из 27 экз., главным образом благодаря раскопкам могильника у хут. Прикубанский. Четыре сосуда известны из других меотских могильников: Пашковский-3, Спорное, расположенных на правом берегу Кубани, и одного из Псекупских в Закубанье. Почти половину всего количества (13) составляют сероглиняные сосуды меотского производства. Красноглиняные сосуды (13), как можно предположить по составу глины, были произведены в ближайших боспорских мастерских. Один коричневоглиняный сосуд явно происходит из более удаленного от Азиатского Боспора центра, так как выделяется из всей серии не только технологией изготовления, но и оформлением ручки. Нужно отметить, что местные сероглиняные сосуды нередко изготовлены более качественно, чем привозные красноглиняные.

В основу типологии положена форма тулова. Такие признаки, как форма ручки, венчика и дна могут быть использованы для дробной классификации, когда количество сосудов увеличится. Большая часть черпаков происходит из погребений с амфорами, что позволяет определить хронологические рамки бытования выделенных типов и в дальнейшей работе использовать их как надежный датирующий материал.

Тип I. Чашевидные круглодонные черпаки, 2 экз. (рис. 1, *1, 2*). Сероглиняный сосуд (могильник у хут. Прикубанский, погребение 153) имеет профилированный венчик и плоскую широкую ручку без отверстия. Высота – 6,8 см, диаметр устья – 10 см. Второй, коричневоглиняный (могильник у хут. Прикубанский, погребение 274), отличает широкая короткая ручка с оттиснутым с помощью штампа орнаментом в виде «ов». Венчик плоский, с остроугольным выступом, загнутый бортик выделен снизу широким желобком. Высота – 6,5 см, диаметр устья – 10,9 см.

По мендейским амфорам вариантов II-B *портичелло* и II-C *мелитопольский* ранней серии (Монахов, 2003. С. 91–93) датировка черпаков типа I укладывается в рамки второй четверти IV в. до н.э.

Тип II. Черпаки с округлым туловом, 2 экз. (рис. 1, *3*). Оба сосуда с коротким горлом, выделенным в основании узким рельефным валиком. У красноглиняного черпака (могильник у хут. Прикубанский, погребение 250)

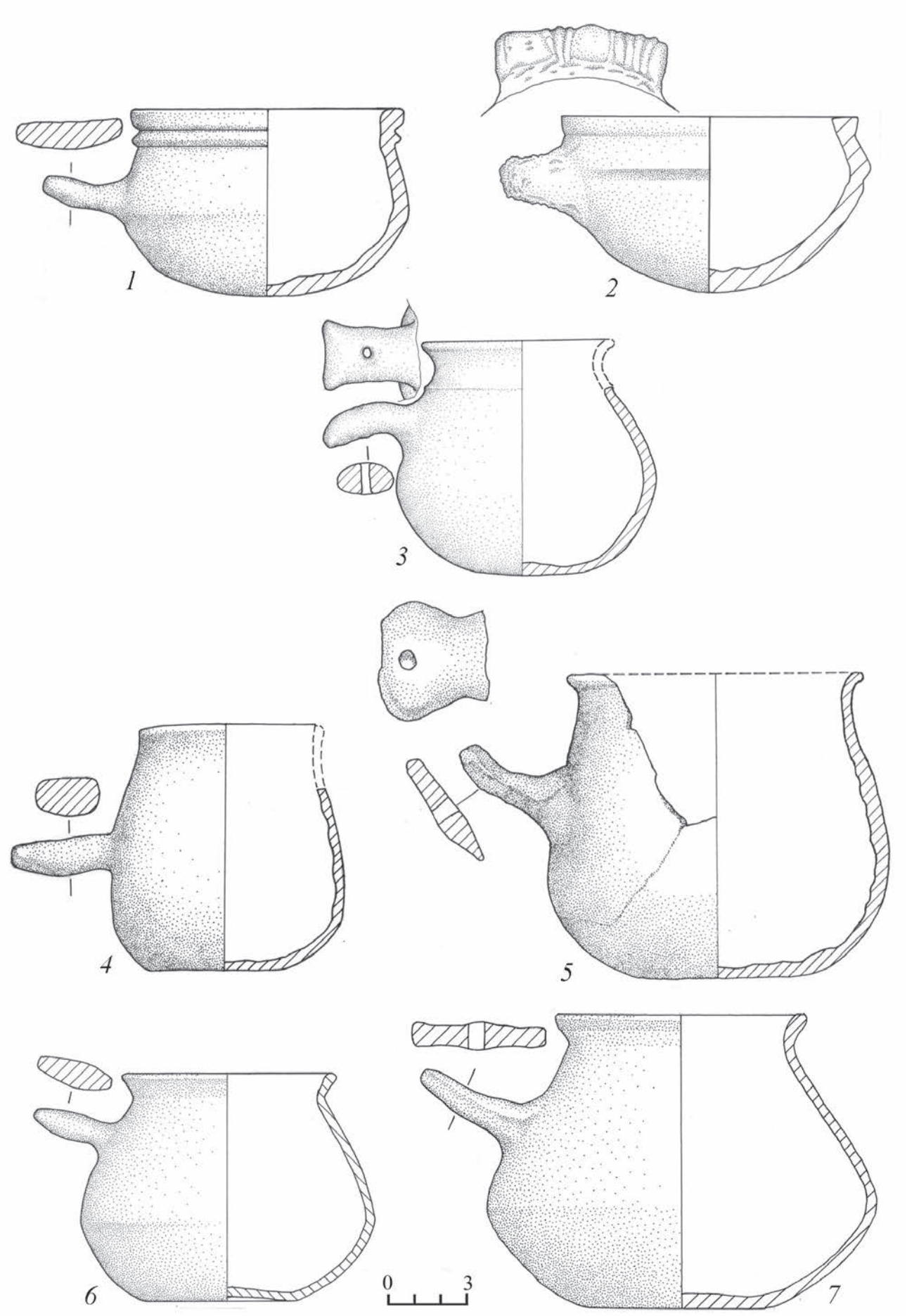

Рис. 1. Типология черпаков. *1, 2* – тип I; *3* – тип II; *4, 5* – тип III; *6, 7* – тип IV.

край плавно отогнут, дно слегка уплощено. Сероглиняный черпак (один из Псекупских могильников) имеет вертикальный край и округленное дно. Ручки в плане прямоугольные, со слегка прогнутыми сторонами, отогнуты книзу, с отверстием. Размеры черпака из Прикубанского могильника: высота – 8,6 см, наибольший диаметр – 9,6 см, диаметр устья – 7,2 см, диаметр дна – 3,7 см. Размеры сосуда из Псекупского могильника вычислить без погрешности затруднительно, так как его рисунок приведен в общей таблице керамики в очень мелком масштабе (Каменецкий, 1989. С. 237. Табл. 91, *44*).

Состав комплекса из Псекупского могильника неизвестен. Мендейская амфора варианта портичелло из погребения 250 Прикубанского могильника отнесена С.Ю. Монаховым к первой трети IV в. до н.э.

Тип III. Черпаки с бочковидным туловом, 4 экз. (рис. 1, *4, 5*). Из них один сосуд сероглиняный (могильник у хут. Прикубанский, погребение 118), остальные – красноглиняные (могильник у хут. Прикубанский, погребение 22 – 2 экз., погребение 95). Венчик плавно отогнут или практически вертикальный, дно уплощенное. Один экземпляр имеет короткое горло и округленное дно. Из трех красноглиняных сосудов ручка сохранилась только у одного – горизонтальная, подпрямоугольного сечения, без отверстия. У двух других, судя по излому, ручки были утолщены и слегка приподняты. У сероглиняного экземпляра ручка плоская, приподнятая, с расширенным окончанием и отверстием. Высота – 9,1–12,6 см, наибольший диаметр – 8,6–14,3 см, диаметр устья – 6,8–12,4 см, диаметр дна – 5–6,5 см. Сероглиняный сосуд – самый крупный по размерам.

Нижняя хронологическая граница бытования черпаков определяется гераклейской амфорой (тип I-А) с магистратским клеймом Этера конца 80– начала 70-х гг. IV в. до н.э. и синопской (тип I-А) начала второй четверти IV в. до н.э. Верхняя – гераклейской амфорой (тип II) с клеймом Спинтара середины 40-х гг. IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 132, 146, 147; Кац, 2007. С. 242–243. Прилож. VI). Датировка черпаков типа III ограничивается второй – третьей четвертями IV в. до н.э.

Тип IV. Черпаки с биконическим туловом, 7 экз. (рис. 1, *6, 7*). В этой выборке – пять сероглиняных сосудов (могильник у хут. Прикубанский, погребения 203, 241, 262, 279, 364) и два красноглиняных (могильник у хут. Прикубанский, погребения 183, 248). Кроме общей формы тулова их сближает короткое широкое горло, образованное отогнутым краем устья. Один экземпляр имеет скошенный внутрь заостренный венчик. Донца в основном – выраженные плоские и немного вогнутые; в двух случаях – округленные и слегка уплощенные. Ручки плоские, с отверстием и без, а также овальные или сегментовидные в сечении без отверстия; расположены горизонтально или приподняты. Высота – 7,2–9,1 см, наибольший диаметр – 10,3–14,5 см, диаметр устья – 7,5–9,8 см, диаметр дна – 4,3–6,6 см.

В погребениях выявлены амфоры разных центров (Гераклея, Менде, Книд, Фасос). Наиболее ранняя гераклейская амфора (пифоидного типа варианта I-4) по сокращенному магистратскому клейму IA(-) относится к 90-м гг. IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 129, 130). Датировки других образцов амфорной тары варьируют в пределах первой–третьей четвертей IV в. до н.э., определяя период бытования черпаков типа IV. Этой дате не противоречит и находка в погребении 248 могильника у хут. Прикубанский двух чашевидных чернолаковых скифосов второй четверти–середины IV в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2010. С. 328–331. Рис. 3, *1, 4*).

Тип V. Черпаки с «мешковидным» туловом, сильно расширяющимся в придонной части, 6 экз. (рис. 2, *1–3*). Из них три сосуда – сероглиняные местного производства (могильники у хут. Прикубанский, погребение 68; Спорное, погребение 144; Псекупский) и три – привозные красноглиняные (могильники у хут. Прикубанский, погребения 264, 381; Пашковский-3, погребение 3). Горло короткое, образованное слегка отогнутым краем, или выделенное узкими желобками. Такое горло имеют сосуды из погребения 4 1949 г. Пашковского могильника-3 (Смирнов, 1958. С. 303. Рис. 9, *17*) и погребения 144 могильника городища Спорное, у которого венчик скошен внутрь и заострен. Ручки (у одного сосуда не сохранилась) плоские, с расширенным округленным краем, с отверстием или

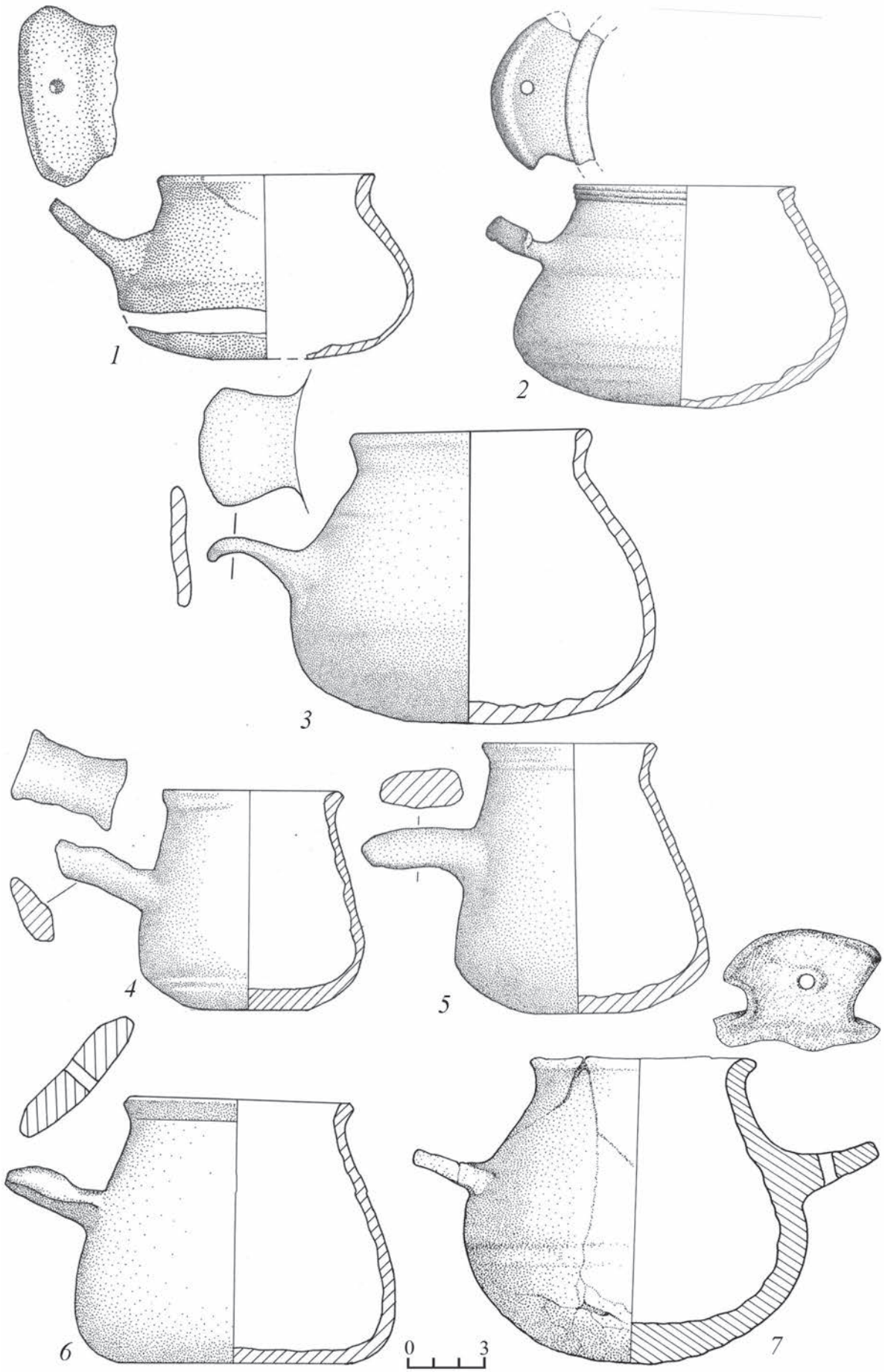

Рис. 2. Типология черпаков (продолжение). *1–3* – тип V; *4–6* – тип VI; *7* – двуручный сосуд (курильница).

без него, расположены горизонтально, слегка приподняты или отогнуты вниз. У черпака из Спорного по краю ручки имеется валик, придающий ей «грибовидное» очертание. У пашковского экземпляра ручка плоская прямоугольная, с отверстием. Донца округленные или слегка уплощенные. Высота – 6,2–11 см, наибольший диаметр – 8,9–13,8 см, диаметр устья – 6,8–9,2 см, диаметр дна – 3,5–5 см. Сосуд из Псекупского могильника, судя по изображению (Каменецкий, 1989. С. 237. Табл. 91, *45*), аналогичен черпаку из погребения 381 могильника у хут. Прикубанский. Размеры его не восстановлены.

Хронологические рамки черпаков типа V определяются в пределах второй–последней четвертей IV в. до н.э. по амфорам Фасоса вариантов II-В-2, II-С-3 и мендейской мелитопольского варианта ранней серии (Смирнов, 1958. Рис. 6, *3*; Монахов, 2003. С. 72, 92, 93; Бочковой, Лимберис, Марченко, 2005. С. 172. Рис. 12, *4*; 14, *4*).

Тип VI. Черпаки с коническим туловом, 6 экз. (рис. 2, *4–6*). Тулово довольно резко сужается кверху, край отогнут, дно плоское. Сероглиняные сосуды представлены целым экземпляром (могильник у хут. Прикубанский, погребение 76) и частью тулова с ручкой (тот же могильник, погребение 265). Целый сосуд имеет сильно расширяющееся ко дну тулово, в некоторой степени сближающее его с предыдущим типом V, от которого его отличают ровные стенки и плоское дно. Его ручка плоская, приподнятая, с отверстием. Ручка фрагментированного черпака слегка выгнутая, овальная в сечении, с несквозным отверстием. Красноглиняные сосуды (могильник у хут. Прикубанский, погребение 55 – 2 экз., погребения 86, 375) имеют горизонтальные или приподнятые ручки неправильного овального сечения, с ровными или слегка прогнутыми сторонами. Высота – 8,1–10,2 см, наибольший диаметр – 8,3–12,2 см, диаметр устья – 6,7–8,7 см, диаметр дна – 3,5–8,8 см.

Гераклейские амфоры биконического и конического типов, фасосская биконическая, а также мендейской мелитопольского варианта, в том числе поздней серии, дают возможность датировать черпаки типа VI второй–третьей четвертями IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 95, 144).

Нельзя сказать, чтобы черпаки были широко и повсеместно распространены в меотских погребальных памятниках IV в. до н.э. До раскопок могильника у хут. Прикубанский нам был известен только черпак из Пашковского могильника и два сосуда из Закубанья. Сосуды этой формы пока не были выявлены ни в исследованных могильниках Краснодарской и Усть-Лабинской групп, ни в погребениях второй хронологической группы Уляпского могильника. Сосудик из Марьянского кургана, приведенный К.Ф. Смирновым в качестве аналогии, мы не осмеливаемся отнести к рассматриваемой серии, так как фотография не дает возможности однозначно определить форму его ручки (ОАК…, 1916. Рис. 73, внизу справа; Смирнов, 1958. С. 303).

Похожие сероглиняные и красноглиняные сосуды IV в. до н.э., но с двумя ручками-упорами, известны в том же Пашковском могильнике-3 (погребение 1 1947 г.), а также из погребения 2 кургана 2 могильника Прикубанский (рис. 2, *7*) и могильника Старокорсунского городища-2 (Лимберис, Марченко, 2005. С. 241. Рис. 34, *6*). К.Ф. Смирнов считал одноручные и двуручные сосуды однотипными и даже сближал их «с лепными горшками, имеющими ручки-упоры» (Смирнов, 1958. С. 303. Рис. 5, *9*). В Усть-Лабинском могильнике-2 подобные сероглиняные сосуды относятся к третьей хронологической группе III – начала I в. до н.э. По мнению Н.В. Анфимова, «форма горшка с характерными горизонтальными ручками в виде выступов восходит к известным скифским металлическим и глиняным сосудам» (Анфимов, 1951. С. 180. Рис. 8, *12*).

Наличие одной или двух ручек может свидетельствовать о разном функциональном назначении сосудов. Близкие черпакам по форме тулова и ручек гончарные двуручные сосуды, как и лепные с ручками-упорами, мы считаем курильницами, так как во многих из них находились угольки или закопченные камни (Лимберис, Марченко, 2006).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. № 23. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 155–207.

Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар: КубГУ, 2005. С. 172–218.

Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 224–251. (Археология СССР).

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Деметра, 2007. 478 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар: КубГУ, 2005. С. 219–324.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар: КубГУ, 2006. С. 134–151.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2010. С. 322–356.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Саратов. ун-т, 2003. 351 с.

ОАК за 1912 г. Пг., 1916. С. 50–59.

Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. № 64. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 272–312.

ПОГРЕБЕНИЯ СКИФОВ С СЕРЬГАМИ И ЗЕРКАЛАМИ В НАРТАНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

© 2014 г. Ю.В. Марченко

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(marchenka@yandex.ru)

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, Нартанский могильник, скифы.

Резюме. В статье автор на основе анализа погребений с серьгами и погребений с зеркалами скифского времени исследованных в 1978–1979 гг. в окрестностях селения Нартан (Чегемский р-н, Кабардино-Балкарская Республика) приходит к выводу, что они могут быть могилами воинов высокого ранга, в курганы которых были положены предметы наступательного и защитного вооружения, в ряде случаев значительное количество лошадей, дорогие вещи, среди которых есть и изделия, изготовленные за пределами Северного Кавказа.

В 1978–1979 гг. экспедицией сектора археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики в окрестностях селения Нартан были исследованы 24 кургана. Курганы располагались 3-4 параллельными, различными по длине рядами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток на 500–550 м; расстояние между отдельными курганами варьировало в пределах 20–50 м.

Каждый курган содержал по одной погребальной камере, располагавшейся под центром насыпи и представлявшей в плане либо правильный квадрат, либо приближавшейся по своим пропорциям к квадрату. В курганах 4, 5, 7–11, 13 и 15 были прослежены надмо-

гильные выкладки, состоявшие из 3-4 слоев булыжника. В плане они соответствовали форме камеры. Судя по наличию камней в заполнении могильных камер, подобные выкладки имелись и в большинстве других погребений. Можно полагать, что они были возведены поверх деревянных перекрытий, которые вскоре истлели, вызвав тем самым оседание курганных насыпей и образование воронок, а также полное или частичное перемещение камней надмогильных выкладок внутрь камер.

Насыпь к моменту раскопок в среднем имела высоту около 1,1 м, выкладку из булыжника (в девяти курганах), либо разрушенную выкладку, т.е. были обнаружены отдельные камни в насыпи (в семи курганах). Погребальная яма была ориентирована чаще всего углами по сторонам света (в 11 случаях), иногда с существенными отклонениями (4), также встречались погребальные камеры, ориентированные по оси ЮВ–СЗ (3) и ЮЗ–СВ (1), в 5 случаях ориентировка ямы неизвестна. Судя по характеристике комплексов, которая приведена в предварительной публикации, есть основания полагать, что почти все они были потревожены, но грабительские лазы отчетливо прослеживались лишь в единичных случаях (Батчаев, 1985. С. 19).

В курганах было исследовано 11 одиночных и 9 парных захоронений, в 4 погребениях человеческие останки не обнаружены. Погребальный обряд различный: 27 погребений совершены по обряду ингумации и 2 – по обряду кремации. В 15 случаях можно судить об ориентировке погребенных. В целом ее можно обозначить, как «южная» с разными отклонениями. Поза погребенного чаще всего скорченная; так были захоронены 11 человек, большинство из которых лежало на правом боку, еще 2 погребенных – на спине с подогнутыми ногами и 1 – в вытянутом положении на спине. Погребения в 18 курганах из 24 сопровождались захоронениями лошадей. Ориентировку лошадей, так же как и ориентировку людей и самих могил, в целом можно обозначить как «южная» (с разными отклонениями). Большинство лошадей было захоронено на животе с подогнутыми ногами (в 10 случаях), остальные лежали на правом (2) и на левом боку (2). Кроме лошадей в Нартанских курганах были найдены останки и других животных, а именно овцы и быка. Они содержались в 14 из 24 курганов.

В курганах были найдены предметы вооружения, конского снаряжения, инструменты, украшения, керамические и бронзовые сосуды. Анализируя взаимовстречаемость предметов (см. *таблицу*), можно выделить группы с разным набором погребального инвентаря: две группы погребений с разными типами булавок и браслетов; группу погребений с зеркалами; группу погребений с серьгами.

В данном случае речь пойдет о погребениях с серьгами и зеркалами. Курганы 16, 18 и 20, в которых были найдены зеркала, принадлежат к крайней западной цепочке курганов, самых крупных в могильнике по размеру (см. *рисунок*). Во всех трех курганах погребения были одиночными.

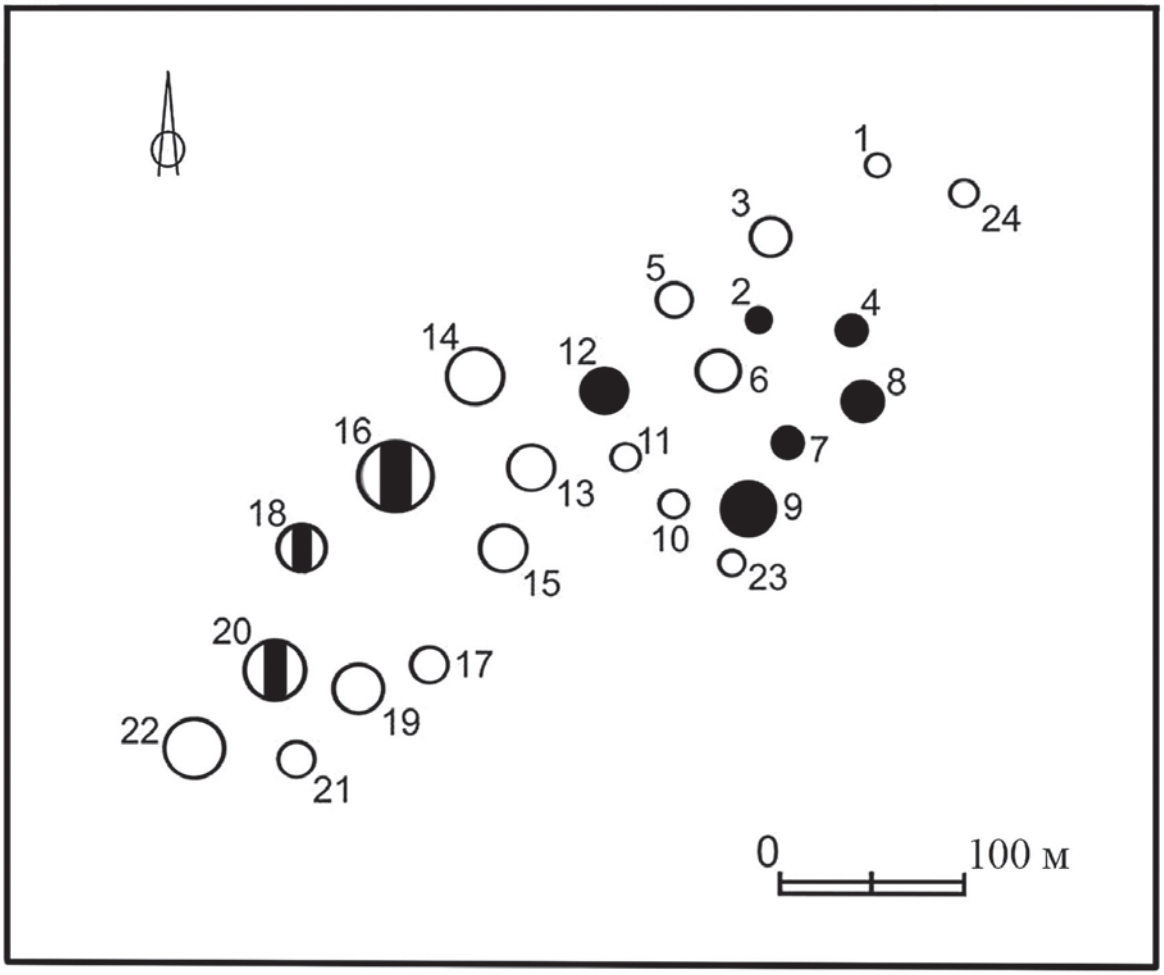
Важным представляется не только место в могиле, где лежало зеркало, но и предметы, с которыми оно было найдено.

В кургане 16 погребенный лежал скорченно на правом боку, головой на юго-восток. Перед ним параллельно телу лежали два железных меча плохой сохранности. Один из них имел обкладку рукояти из золотой листовой фольги и золотой наконечник ножен. В изголовье в восточном углу ямы был сложен сопроводительный инвентарь. В числе прочего – и бронзовое зеркало с рельефным ободком по краю и петлей в центре. Автор раскопок в предварительной публикации могильника обращает внимание на то, что на поверхности зеркала были обнаружены следы копоти (Батчаев, 1985). Интенсивному воздействию огня в могиле подверглись костяки лошадей, местами они превратились в порошкообразную кальцинированную массу. Исходя из количества удил и псалий, речь может идти о двух или трех конских захоронениях.

В кургане 18 погребенный лежал, как и в кургане 16, скорченно на правом боку, головой на юго-восток. И также в изголовье было найдено бронзовое дисковидное зеркало с высоким бортиком и высокой ручкой-столбиком, украшенной фигуркой горного козла с подогнутыми под себя ногами и повернутой назад головой. У юго-восточной стенки вместе с колокольчиком и кинжаловидной подвеской лежало второе зеркало с бортиком по краю и петлей в центре. В погребении были расчище-

Взаимовстречаемость некоторых категорий и типов погребального инвентаря в захоронениях Нартанского могильника

	Категория и тип инвентаря									
№ кургана № погребения		Браслет с расплющенными концами	Булавка с цепочками	Булавка стержневидная с каннелюрами	Браслет с шишечками на концах	Серьга	Наконечник копья	Зеркало	Панцирь	Умбон
	3.2	1								
	8.2	1								
	5	1								
	9.2	1	1							
	6.2	>9	1							
	7.2	4–5	2							
	10			2	1					
	17			2	1	2				
	7.1					1				
	12					1				
	8.1					1				1
	4.1					1			1	2
	9.1					2	1			
	2.2					1	1			
	18						1	2		
	20						1	1	1	
	16						1	1	1	
	15			2					1	

- курганы, в которых были найдены зеркала

- курганы, в которых были найдены серьги

Распределение зеркал и серег в курганах (1–24) Нартанского могильника.

ны три скелета лошадей, лежавших на животе с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. На стенах погребальной ямы был обнаружен тлен, интерпретированный авторами раскопок как остатки камышовой циновки.

В кургане 20 погребенный лежал также скорченно, головой на юго-восток, но в отличие от двух предыдущих случаев – на левом боку. Также в юго-восточном углу было сложено большое количество вещей, среди которых – бронзовое дисковидное зеркало с длинной железной ручкой. В этом погребении найден шлем кубанского типа. Как и в кургане 16, с погребенным в могилу был положен панцирь, пластинки от которого найдены в обоих погребениях. В захоронении обнаружены четыре скелета лошади головами на юго-восток и восток.

Что касается особенностей погребального обряда, следует отметить, что в захоронениях с зеркалами находились обработанные плиты из гранита и известняка, скопления галек, а в курганах 16 и 20 – стелы, причем в первом антропоморфная.

Зеркала в могилы были положены вместе с единственными в могильнике шлемом и двумя мечами, редко встречающимися наконечниками копий и панцирем. В кургане 16 найдено максимальное количество в могильнике наконечников стрел – 189. Среди прочего в этих курганах обнаружены накладки, бляшки и детали костюма из золота и серебра, бронзовая посуда. Важным представляется то обстоятельство, что именно здесь зафиксировано максимальное количество сопроводительных конских захоронений: в могилы положено три-четыре лошади. Все это свидетельствует в пользу того, что в курганах погребены воины высшего ранга, а зеркала были обязательным атрибутом таких погребений.

Курганы 2, 4, 7–9, 12, в которых были совершены погребения с серьгами, находились в противоположной от погребений с зеркалами части Нартанского могильника. Некоторые из них составляют самую крайнюю восточную цепочку курганов (см. *рисунок*). Курганы различны по размеру, диаметр самых крупных (№ 9, 12) – 27 м, а самого маленького – 10–12 метров. Количество сопроводительных конских захоронений в основном незначительно, только в кургане 12 располагались остатки сожженных четырех или пяти лошадей с бронзовыми и железными удилами и псалиями.

Серьги, изготовленные из золота, обнаружены в шести курганах. Серьги относятся к разным типам. К первому типу принадлежат серьги-калачики или так называемые ладьевидные серьги, представленные в нескольких вариантах, они найдены в курганах 7 и 12 (по 1 экз.) и в кургане 9 (пара серег). Все серьги относятся к разным вариантам одного типа, к одному варианту относятся только парные серьги из кургана 9. Ко второму типу принадлежат серьги биконической формы с дужкой из курганов 2 и 8. Третий тип представлен только одним экземпляром из кургана 4 – серьгой с круглой дужкой и отходящими от нее тремя лучами.

К сожалению, из-за частичного ограбления погребения нельзя точно установить местоположение серег в могиле.

В одном из погребений кургана 2, где был нарушен порядок костей человека, рядом с биконической золотой серьгой был обнаружен наконечник копья и наконечники стрел.

В кургане 4 основное погребение также было разрушено, и золотая серьга лежала между костями человека и лошади, также среди прочего найдены умбон, панцирные чешуйки, наконечники стрел; еще здесь был захоронен второй человек, по всей видимости, без инвентаря.

В кургане 7 золотая серьга-калачик с подвесками также была найдена на месте разрушенного погребения, второе погребение в могиле, судя по типам украшений, было женским.

В кургане 8 обнаружена серьга-калачик того же типа, что и в кургане 2. Здесь она найдена в изголовье разрушенного костяка, неподалеку от умбона и наконечников стрел; второй погребенный, как и в кургане 7, имел украшение – браслет на руке.

Все упомянутые выше серьги встречались только по одному экземпляру в захоронении, исключение составляет пара золотых серег-калачиков из кургана 9, они были положены в западный угол могильной ямы наряду с другими предметами сопроводительного инвентаря, в том числе наконечниками стрел и копья. Второе погребение кургана 9, как и в

курганах 7 и 8, сопровождалось браслетом и бронзовой булавкой с цепочкой.

Единственный случай, когда серьга была найдена в одиночном погребении, – это курган 12. Помимо нее в могилу умершему были положены 21 наконечник стрелы и железный нож.

Серьги находились в погребениях вместе с наконечниками копий и стрел, фрагментами панциря и умбонами. Причем в кургане 8 обнаружено 107 наконечников стрел, больше было только в погребении с зеркалом в кургане 16.

Подводя итоги, можно сказать, что погребения с серьгами и погребения с зеркалами могут быть могилами воинов высокого ранга, в курганы которых были положены предметы наступательного и защитного вооружения, в ряде случаев значительное количество лошадей, дорогие вещи, среди которых есть и изделия, изготовленные за пределами Северного Кавказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ РАННЕСКИФСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ДНЕПРОВСКОЙ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

© 2014 г. С.В. Махортых

Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина
(makhortykh@yahoo.com)

***Ключевые слова*:** раннескифская культура, Днепровская Правобережная лесостепь, бронзовые стремечковидные удила, кубки с геометрическим орнаментом.

Резюме. Статья посвящена рассмотрению одной из наиболее ранних хронологических групп раннескифских захоронений VII в. до н.э. Днепровской Правобережной лесостепи, в состав инвентаря которых входят бронзовые стремечковидные удила и глиняные сосуды в виде кубков, украшенные геометрическим орнаментом.

Изучение хронологии раннескифских древностей юга Восточной Европы относится к числу актуальных задач современного скифоведения. Вместе с тем в этой области научного знания остается еще много нерешенных вопросов.

Работа посвящена рассмотрению одной из наиболее ранних хронологических групп раннескифских захоронений Днепровской Правобережной лесостепи. В состав ее вещевого набора входят бронзовые стремечковидные удила и глиняные сосуды в виде кубков, как правило, украшенные геометрическим орнаментом: Жаботин, курган 524, Константиновка, курган 15, Макеевка, курган 453, Медвин-2, курган 2, Теклино, курган 346, Тенетинка, курган 183, Яснозорье, курган 6, погребение 1, и, возможно, курган 2 у с. Константиновка (Ильинская, 1975. С. 20, 28, 32; Галанина, 1977. С. 19; Ковпаненко, 1981. С. 42). Взаимовстречаемость этих предметов, до сих пор не зафиксированная в Днепровском лесостепном Левобережье, является проявлением региональной специфики Поросья и бассейна Тясмина, а также хронологическим маркером для древностей, датирующихся в рамках второй и/или третьей четверти VII в. до н.э.

Помимо кубков в некоторых из упомянутых выше захоронений обнаружены черпаки, в том числе украшенные линейным, радиально расходящимся узором. Близкие сосуды в сопровождении бронзовых стремечковидных удил присутствуют среди инвентаря и иных захоронений Правобережья Среднего Приднепровья (Берестняги, курган 6, Макеевка, курган 460), что позволяет расширить рассматриваемую группу архаических памятников за счет этих комплексов (Галанина, 1977; Ковпаненко, 1981. Рис. 2).

Большинство приднепровских стремечковидных удил имеет выступы на подножке стремечка, которые отсутствуют у предскифских находок (Тереножкин, 1976), а также гладкие стержни. Исключение составляют удила из кургана 524 Жаботина и кургана 6 Яснозорья, грызла у которых покрыты насечками или квадратиками (рис. 1, *1*). Эти орнаментированные экземпляры сближаются с находками из скифских захоронений Северного Кавказа (курганы 1, 3, 6, 7, Красное Знамя и др.), где удила с литой насечкой на грызлах получили широкое распространение в середине–второй половине VII в. до н.э. (Петренко, 2006. С. 74. Табл. 47, *16, 24*; 48, *29, 36, 41*).

Большим разнообразием в составе анализируемых уздечных наборов выделяются псалии. Значительная их часть изготовлена из бронзы, относится к классу трехдырчатых и имеет муфтообразные расширения в местах отверстий (7 экз.) – курган 524 Жаботина, курган 183 Тенетинки и др. Вместе с тем эти изделия отличаются друг от друга формой, а также оформлением нижнего окончания псалия (рис. 1, *3*, *4*). Ближайшие соответствия упомянутым муфтообразным псалиям известны на Северном Кавказе (Хаджох, хут. Алексеевский), где они датируются началом–первой половиной VII в. до н.э. (Сазонов, 2000; Эрлих, 2007. С. 130).

Фрагментированность некоторых бронзовых псалиев, к примеру верхних окончаний псалиев из кургана 524 Жаботина, наряду со стертостью орнамента на стержнях удил из этого же погребения свидетельствуют о длительном использовании некоторых уздечных комплектов, а также о более молодой хронологической позиции по сравнению с северокавказскими комплексами.

Среди рассматриваемого конского снаряжения довольно многочисленны железные псалии (6 экз.), представленные в том числе и трехпетельчатыми Г-образными экземплярами с шишечкой на верхнем конце (Макеевка, курган 453) (рис. 1, *2*). Железные трехпетельчатые псалии – один из основных типов псалиев, бытовавших на юге Восточной Европы в VII–VI вв. до н.э. (Махортых, 2013).

Кроме железных в кургане 346 могильника Теклино найдены костяные трехдырчатые псалии, три из которых гладкие и имеют прямую стержневидную форму, а у одного окончание оформлено в виде копыта (Ильинская, 1975. Табл. XXV, *11, 20*). Подобные разновидности костяных псалиев редки в эпоху скифской архаики и находят немногочисленные соответствия на территории украинской лесостепи (Могилов, 2008. Рис. 52, *7*; 53, *9*; 55, *7*).

Наряду с уздечными принадлежностями другая важная составляющая инвентарного комплекса рассматриваемых захоронений – керамика, и в частности кубки, как правило, украшенные поясом резного геометрического орнамента

Орнамент на сосудах из курганов 6 Яснозорья, 453 Макеевки, 183 на р. Тенетинка состоит из нескольких параллельных наклонных линий, образующих чередующиеся геометрические фигуры, в том числе зигзагообразную ленту, в основании которой располагались свисающие вверх и вниз разнообразно декорированные треугольники или «заменяющие» их короткие черточки (рис. 2, *2, 5, 6*). На кубке из кургана 15 Константиновки наклонные черточки располагались не столько в основании орнаментального фриза, сколько заполняли пространство между линиями, а отчасти и внутри треугольников (рис. 2, *4*).

Основу декора кубка из кургана 524 Жаботина составляют широкие заштрихованные ленты, образующие чередующиеся вершинами в разные стороны треугольники, а из кургана 346 Теклино – треугольники и ленты, заштрихованные густой сеткой (рис. 2, *1, 3*). Вместе с тем на обоих сосудах присутствует орнамент в виде косых линий со «щеточкой», который считается имитацией более архаичной сплошной клетчатой штриховки (Бруяко, 2005. С. 28).

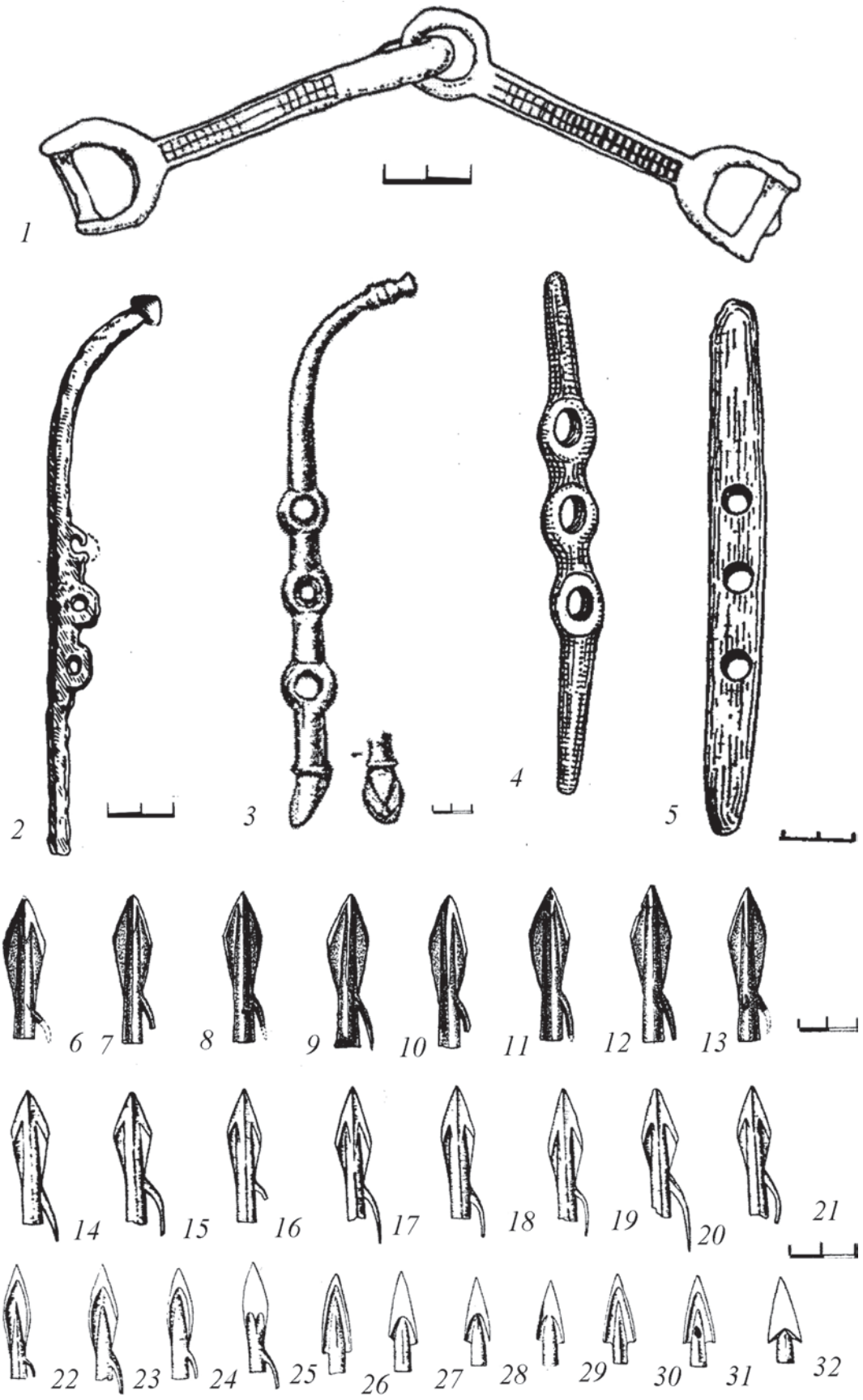

Рис. 1. Предметы конского снаряжения и наконечники стрел из раннескифских захоронений юга Восточной Европы. *1, 6–13* – Жаботин, курган 524; *2* – Макеевка, курган 453; *3* – Яснозорье, курган 6; *4* – Тенетинка, курган 183; *5* – Теклино, курган 346; *14–32* – Холмская, курган 4 (по: Ильинская, 1975; Галанина, 1977; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994; Рябкова, 2012).

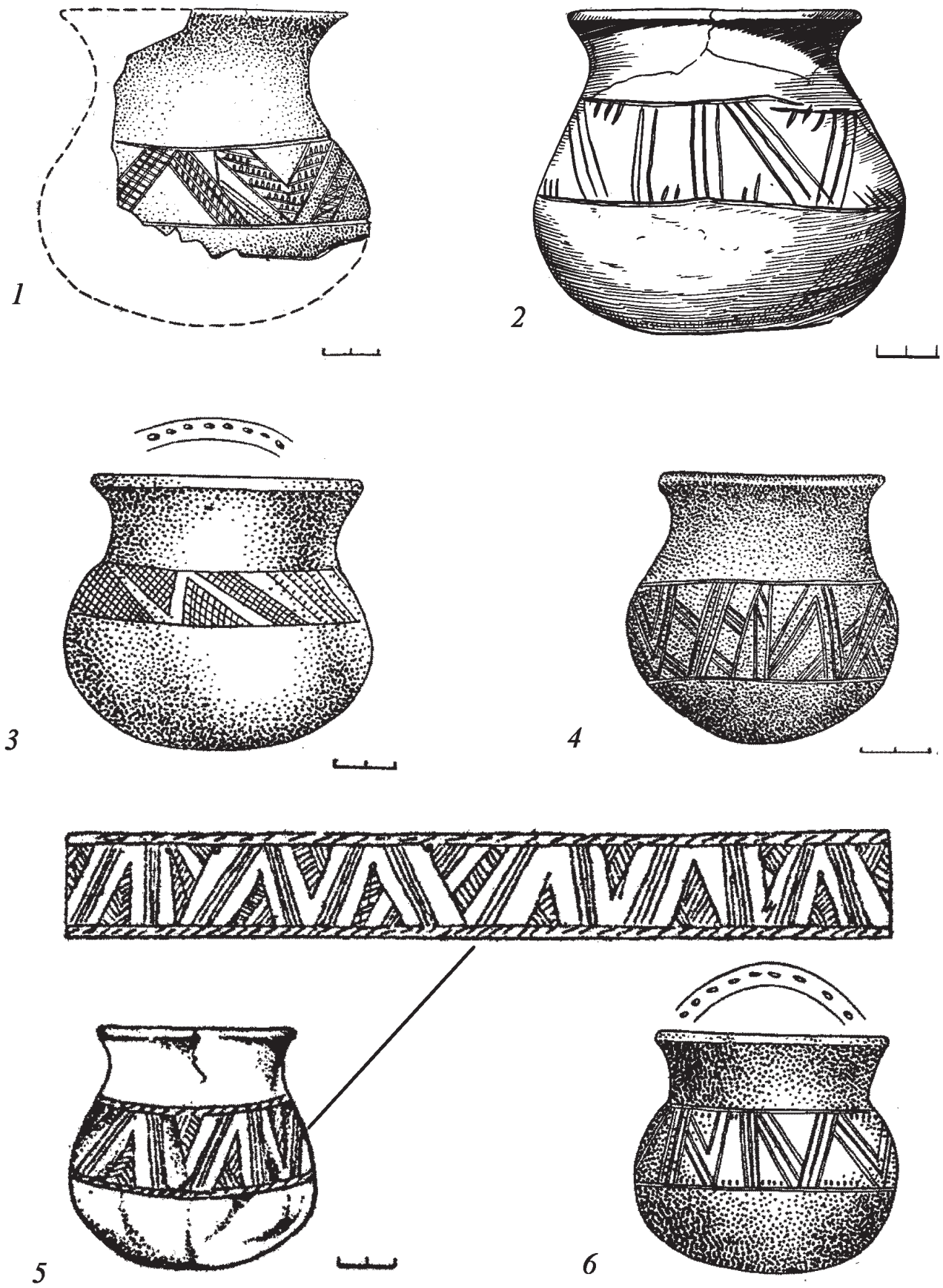

Рис. 2. Кубки, украшенные геометрическим орнаментом. *1* – Жаботин, курган 524; *2* – Макеевка, курган 453; *3* – Теклино, курган 346; *4* – Константиновка, курган 15; *5* – Яснозорье, курган 6; *6* – Тенетинка, курган 183 (по: Ильинская, 1975; Галанина, 1977; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994).

Следует отметить отсутствие прямых аналогий рассматриваемым сосудам и их орнаментальным композициям в киммерийских захоронениях второй половины VIII – начала VII в. до н.э., а также синхронных поселенческих комплексах Днепровского лесостепного Правобережья (Скорый, 1999; Дараган, 2011), что свидетельствует о существовании между ними определенного хронологического разрыва.

Нет также достаточных оснований для ограничения времени бытования так называемой геометрической керамики в Правобережной Украине серединой VII в. до н.э. (Бруяко, 2005. С. 45). Большинство содержащих такую посуду раннескифских захоронений (помимо упомянутых ранее можно назвать следующие: Макеевка, курган 453, Яснозорье, курган 6 и др.; к ним примыкает ряд синхронных или более поздних по времени комплексов: Пищальники, Тенетинка, курган 211, Турия, курган 509 и др.) соотносится с келермесским горизонтом древностей середины–второй половины VII в. до н.э. (Галанина, 1997. С.190; Маслов 2012)[1].

Что касается кургана 524 у с. Жаботин, то выявленные там наконечники стрел «жаботинского типа», представленые несколькими модификациями, также свидетельствуют о близости хронологических позиций этого захоронения и келермесских комплексов Закубанья (Рябкова, 2012. С. 348). Довольно показательно и погребение 1 кургана 4 у ст. Холмская на Северо-Западном Кавказе, где, как и в кургане 524 Жаботина, выявлена представительная серия (не менее 16 экз.) наконечников жаботинского типа с длинными шипами и пером ромбической формы (рис. 1, *14–21*). Важно, что этот колчанный набор в отличие от жаботинского в меньшей степени пострадал от грабителей и помимо «классических» жаботинских включал ряд других типов, в том числе более 30 трехлопастых наконечников со сводчатой, лавролистной или комбинированной трехгранно-трехлопастной головками (рис. 1, *22–32*), а также костяную колчанную застежку, относящиеся ко второй половине VII в. до н.э. (Василиненко, Кондрашев, Пьянков, 1993. С. 34, 36).

Этот, а также некоторые другие примеры обнаружения жаботинских наконечников с шипами и пером ромбической формы в кочевнических захоронениях VII в. до н.э. юга Восточной Европы указывают на то, что они не могут служить основанием для разделения комплексов на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н.э.

К числу особенностей рассматриваемой группы памятников Днепровского Правобережья относится их тесная связь с Северным Кавказом, которая подтверждается присутствием в их инвентаре предметов (бронзовая ситула, удила с орнаментированными стержнями и др.), истоки и/или параллели которым следует искать в этом регионе**.** Из этого также следует, что рассматриваемая группа приднепровских раннескифских памятников с орнаментированными кубками и бронзовыми стремечковидными удилами не может датироваться более ранним временем, чем архаические скифские памятники Северного Кавказа. Вместе с тем очевидна синхронность этих памятников с келермесским культурным горизонтом, что позволяет датировать эту группу в рамках второй и/или третьей четверти VII в. до н.э. При этом, курганы 524 Жаботина и 346 Тенетинки, вероятно, занимают в ней относительно более древнюю хронологическую позицию, а курганы 453 Макеевки и 6 Яснозорья – более молодую.

1 Нельзя считать удачной недавню попытку А.Ю. Алексеева (2008. С. 9) отнести «старшую» группу келермесские курганов (1/В и 2/В) к «допоходному» пласту скифских древностей и датировать ее ранее 670-х гг. до н.э. (Эрлих, 2011. С. 58; Маслов, 2012).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. «Старшие» келермесские курганы // Тр. П (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. 2. / Отв. ред. *А.П. Деревянко, Н.А. Макаров*. М.: ИА РАН, 2008. С. 9–10.

Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Вып. 1 / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: Скифская галерея, 1993. С. 21–38.

Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. 385 с.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. М.: Наука, 1977. 67 с.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. М.: Палеограф, 1997. 269 с.

Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. К.: Аграр медиа груп, 2011. 829 с.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наукова думка, 1975. 222 с.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981. 158 с.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1994. С.41–63.

Маслов В.Е. К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 342–359.

Махортых С.В. Раннескифские псалии Северного Кавказа // Шестая междунар. Кубанская археологическая конф. / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 274–277.

Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 439 с.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. М.: Палеограф, 2006. 177 с.

Рябкова Т.В. Колчанный набор из кургана 524 у с. Жаботин // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Т. 2. / Отв. ред. В. А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 345–350.

Сазонов А.А. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Вып. 3. Майкоп: Меоты, 2000. С. 42–67.

Скорый С.А. Киммерийцы в украинской лесостепи. Киев: Археология, 1999. 136 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 222 с.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007. 425 с.

Эрлих В.Р. Левобережье Кубани в период «скифской архаики». Некоторые дискуссионные проблемы // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве / Отв. ред. Д.В. Васильев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 57–62.

КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОГРЕБЕНИЯМИ НА ДРЕВНЕМ ГОРИЗОНТЕ В СТЕПЯХ ЮЖНОГО УРАЛА

© 2014 г. В.Н. Мышкин

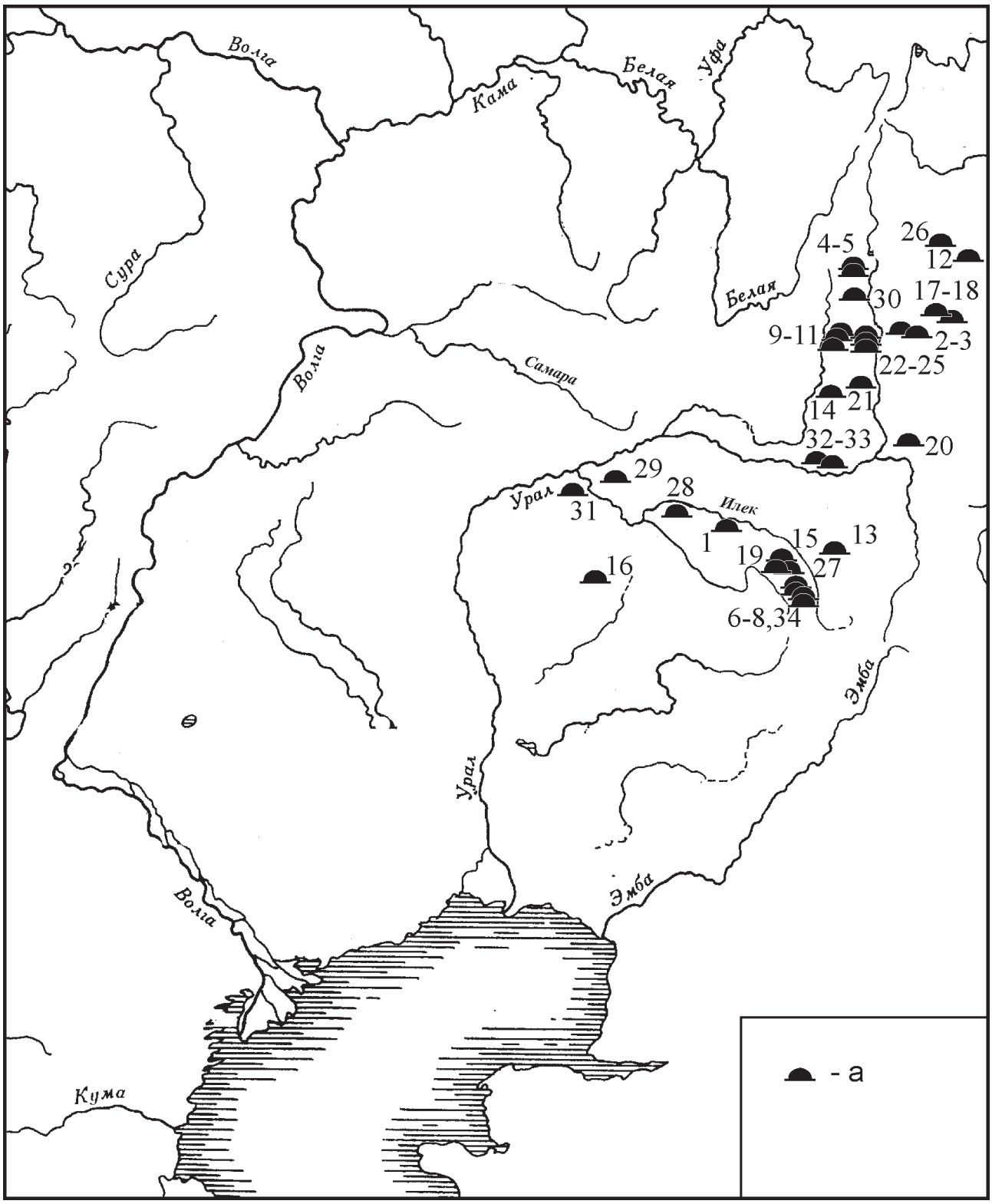
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (vnm59@bk.ru)

Ключевые слова: ранний железный век, кочевники, Южный Урал, захоронения на горизонте, погребальная обрядность, погребальный инвентарь.

Резюме. В работе приводится описание обрядовых характеристик захоронений, совершенных на древнем горизонте и обнаруженных в них основных категорий сопровождающего инвентаря. Рассмотрены вопросы локализации и хронологии этих погребальных комплексов.

В настоящее время в степях Южного Урала исследовано значительное количество курганов с захоронениями на уровне древней поверхности, что делает возможным осуществление специального исследования данного типа памятников. Далее приводится описание обрядовых характеристик погребений и обнаруженных в них основных категорий сопровождающего инвентаря. Использовалась выборка из 34 погребальных комплексов (см. *рисунок*). Около трети рассматриваемых курганов имеют большие размеры ($h \geq 1{,}7$ м, $d \geq 28$ м). Насыпи курганов в основном земляные, незначительное число было обложено камнями или сложено из них Умерших хоронили преимущественно в деревянных наземных сооружениях. Один из вариантов этих конструкций – квадратные или прямоугольные срубы, стены которых складывались из бревен и удерживались столбами, попарно вкопанными с двух сторон. Ориентировка этих сооружений – стенками по сторонам света, длинной осью по линиям СЗ–ЮВ и З–В. Количество сооружений, где зафиксированы только столбы, ограничивавшие погребальную площадку и придававшие ей округлую, квадратную/прямоугольную в плане форму, несколько меньше. Столбы иногда образовывали два кольца или четырехугольника, вписанных друг в друга. Перекрытия сооружений плоские или имели шатровую форму. Входы располагались в южной и западной частях построек. Некоторые захоронения совершены на помостах и настилах. Зафиксированы также сооружения, стены которых сложены из сырцовых кирпичей, и конструкции, в основе которых – кладка из дикого камня. Иногда на погребальной площадке сооружали глиняный квадратный или прямоугольный в плане очаг.

Существенная характеристика рассматриваемой группы курганов – сожжение надмогильных конструкций, что иногда приводило к частичной или полной кремации погребенных. Доминирует трупоположение. Особенностью рассматриваемых погребений является их коллективный характер. Преобладает южная ориентировка погребенных, зафиксированы также юго-восточная, юго-западная и западная (Мошкова, 1961. С. 119–122. Рис. 45–47; 1972. С. 62–67, 69; Смирнов, 1964. С. 56, 310; 1975. С. 42–44; Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 147–149, 156; 1977. С. 105; Заседателева, 1983. С. 4–11; Пшеничнюк, 1983. С. 33–34, 37–38, 44, 49, 56, 62–63; Кадырбаев, 1984. С. 85–91; Таиров, Боталов, 1988; Васильев, Федоров, 1994. С. 127; Агеев, Сунгатов, Вильданов, 1998. С. 97–115; Гуцалов, 2004. Табл. 4, 7; 2009. С. 55–61; Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006. С. 26. Рис. 56, *2*; Таиров, 2006; Балахванцев, Яблонский, 2007. С. 143–148; Моргунова, Краева, 2012. С. 156–199; Мамедов, Тажибаева, 2013. С. 44).

Карта-схема курганов с захоронениями на уровне дневной поверхности (*а*). *1* – Акоба II, к. 1, п. 1; *2* – Аландский I, к. 1; *3* – Аландский III, к. 6; *4, 5* – Альмухаметовский, к. 8, 14; *6–8, 34* – Бесоба, к. 2, 4, 5, 9; *9–11* – Биш-Уба I, к. 1, 2, 3; *12* – Варна, к. 2; *13* – Восточно-Курайлинский, к. 2, п. 2; *14* – Ивановский III, к. 1; *15* – Кызыл-Жар I, к. 1, п. 1; *16* – Лебедевский VI, к. 26, п. 1; *17, 18* – Маровый шлях, к. 2, 3; *19* – Нагорненский, к. 1; *20* – Новоорский II, к. 4, п. 1; *21* – Сагитовский III, к. 1; *22–25* – Сибайский II, к. 12, 13, 17, 19; *26* – Солончанка II, к. 1; *27* – Сынтас I, к. 2; *28* – Тара-Бутак, к. 3; *29* – Филипповский I, к. 15; *30* – Целинный, к. 1; 31 – Кырык-Оба, к. 18; *32–33* – Сара, к. 6, 7.

Характеризуя сопровождающий инвентарь, следует остановиться прежде всего на посуде. В некоторых курганах найдены фрагменты круговой керамики, в большинстве – плоскодонные лепные горшки. Некоторые из них имеют носик-слив. У нескольких сосудов на плечиках и/или горле расположены вертикальные ручки-петли. В глине фиксируется примесь шамота или дресвы. Эти сосуды либо не орнаментированы, либо украшены небогатым орнаментом, нанесенным на плечики и горло, иногда на тулово. Орнаментация осуществлялась путем вдавливания концов твердых предметов. На некоторых сосудах орнамент резной. Орнаментальные композиции представляют собой арки на тулове; каннелюры на горле и плечиках, резные горизонтально расположенные линии с располагающимися ниже рядами вдавлений; горизонтально расположенные валики; ряды вдавлений или конических выпуклостей на плечиках; ямки, бессистемно распложенные по всему тулову сосуда. Из курганов северо-восточной окраины территории расселения кочевников происходят четыре круглодонных сосуда. Два из них имеют носик-слив. Для круглодонных сосудов характерна примесь талька в глине. Их поверхности хорошо заглажены. Орнамент – треугольники, обращенные вниз вершинами и заполненные вдавлениями, прямоугольные фестоны, образованные косо расположенными рядами вдавлений; желобки и насечки, зигзаги и спирали (Мошкова, 1961. С. 119–121. Рис. 48, *1–2*; 1972. С. 64–65. Рис. 8, *3–7*; Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 8, *10, 13, 15, 24–25, 29*; 9, *2, 13*; Кадырбаев, Курманкулов, 1977. С. 105. Рис. 4, *10, 11*; Заседателева, 1983. С. 6, 10; Пшеничнюк, 1983. С. 38, 49, 56, 63, 100–101. Табл. XVIII, *11*; XXXIII, *21–22*, XLIII, *34–35*; XLVI, *2*; Кадырбаев, 1984. С. 88. Рис. 2, *1, 2*, *4*; Гуцалов, 2009. С. 61. Рис. 5, *7, 8, 14, 17*; 7, *II, 5*).

Вооружение представлено бронзовыми наконечниками стрел, железными наконечниками копий, клевцом и акинаками. Среди акинаков преобладают экземпляры с бабочковидным перекрестьем. Навершия преимущественно брусковидные, реже в виде птичьих голов, рогатковидные. Некоторые мечи имеют почковидное перекрестье и антенное или грибовидное навершие (Смирнов, 1961. С. 17. Рис. 35А, *1*; Заседателева, 1983. С. 7, 8; Пшеничнюк, 1983 С. 58, 59. Табл. XLIV, *16–18*; Кадырбаев, 1984. С. 86–90. Рис. 1, *47*; Гуцалов, 2004, С. 29, Табл. 7, *19*; 16, *7*; 2009. Рис. 5, *3, 9; 7, I, 46; II, 3*; Балахванцев, Яблонский, 2007. Рис. 5, 6).

Если говорить о комплектах конской упряжи, то наиболее ранними являются бронзовые удила со стремевидными завершениями. Большая часть удил железные, с петлями на концах. Псалии в основном двудырчатые S-видные или стержневидные, с окончаниями в виде головок хищных птиц, а также копыт. Найдены также С-видные, Г-видные псалии, прямые псалии с двумя выступающими из стержней петлями. Характерны бронзовые бляхи в виде фигур свернувшегося в кольцо хищника, стоящего верблюда или двух противоборствующих верблюдов. Следует отметить пряжки с двумя выступами сверху или украшенные головами грифонов, бронзовые круглые бляшки без орнамента или украшенные изображениями в зверином стиле, обоймы-распределители с неорнаментированной или украшенной «вихревой розеткой» внешней частью, когтевидным выступом (Смирнов, 1964. Рис. 35Б, *3, 5, 10*; Кадырбаев, Курманкулов, 1976. Рис. 5, *3–6; 10*; 1977. Рис. 4, *1–2*; Заседателева, 1983. С. 7; Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXIII, *15–18, 20*; XLIII, *32*; Кадырбаев, 1984. Рис. 1, *1–9, 23*; 5, *1–2, 5*; Таиров, Боталов, 1988. Рис. 4, 5; Кузнецова, Курманкулов, 1993. Рис. 3, *1–13*; Таиров, 2006. Рис. 5, *2–4, 7*; 8, *2–3*; Балахванцев, Яблонский, 2007. Рис. 6, *6–7*; Гуцалов, 2009. С. 58. Рис. 6, *2–10*; Моргунова, Краева, 2012. Рис. 9, *2–5*).

Найденные в рассматриваемых погребениях каменные алтари, в основном круглые на трех ножках, гладких или с зооморфными изображениями. Встречаются также прямоугольные жертвенники. Зеркала относятся к разным типам. Часть из них имеет длинные плоские металлические ручки. Ручка одного зеркала выполнена в виде женской фигуры. Найдены экземпляры с петелькой на обратной стороне и без металлической ручки. Диски зеркал плоские, а также с закраиной или валиком по краю. Известны костяные ложечки, бронзовые браслеты, амулеты-«колесики», стеклянные бусы (глазчатые и одноцветные), кожаные мешочки со вставленными палочка-

ми (Смирнов, 1964. Рис. 35Б, *5, 7, 8, 11, 14, 16*; Кадырбаев, Курманкулов, 1976. Рис. 15; 1977. Рис. 4, *6–8*; Кадырбаев, Курманкулов, 1977. С. 105. Рис. 4, *5*; Заседателева, 1983. С. 6–7; Пшеничнюк, 1983. Табл. XXIII, *19*; XXV, *12–14*; XXXIII, *1–5*; XXXVII, *2*; XLIII, *33, 36*; XLVI, *4–6*; Кадырбаев, 1984. Рис. 1, *16–22, 50, 51*; 2, *3*; Гуцалов, 2004. Табл. 7, 17, 25, 37; Таиров, 2006. С. 84. Рис. 5, *5; 8, 4*; Балахванцев, Яблонский, 2007. Рис. 1; 5, *1*; Яблонский, 2008. Рис. 1–3; Моргунова, Краева, 2011. С 167. Рис. 8, *3–6*; 9, *1*).

Традиция совершения погребений на уровне дневной поверхности имела довольно широкое распространение в конце VI–V в. до н.э., в основном в восточных районах южноуральских степей (см. *рисунок*). К рубежу V–IV вв. до н.э. значение этой традиции уменьшилось и впоследствии ее существование прекратилось (о датах погребений см. Мошкова, 1961. С. 122; 1972. С. 68–69; Смирнов, 1964. С. 153; 1975. С. 42–44; Кадырбаев, Курманкулов, 1977. С. 113; Заседателева, 1983. С. 20; Пшеничнюк, 1983. С. 37–38. Табл. XXXIII, XXXVII, XLIII, *1–11, 34, 35,* XXVIII, *4, 5, 11*; Кадырбаев, 1984. С. 91; Таиров, Боталов, 1988. С. 107; Федоров, Васильев, 1994. С. 127; Агеев, Сунгатов, Вильданов, 1998. С. 100; Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006. С. 37; Таиров, 2006. С. 89–90; Балахванцев, Яблонский, 2007. С. 147–149; Берлизов, 2011. С. 183–186; Моргунова, Краева, 2012. С. 196. Табл. 1; Мамедов, Тажибаева, 2013. С. 49).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б., Сунгатов Ф.А., Вильданов А.А. Могильник Биш-Уба I // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа: Изд-во НМ РБ, 1998. С. 97–115.

Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // РА. 2007. № 1. С.143–149.

Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савроматосарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум. 2011. 320 с.

Васильев В.Н., Федоров В.К. Раскопки курганов у пос. Сара // АО 1993 года. М.: ИА РАН, 1994. С. 125–127.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.

Гуцалов С.Ю. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // РА. 2009. № 3. С. 73–78.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Вост. лит., 2006. 159 с.

Заседателева С.Н. Отчет о раскопках краеведческого музея в 1983 г. // Архив ИА РАН. 1983. Р-1. № 9719.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 84–107.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137–156.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре, Алма-Ата: Наука, 1977. С. 103–115.

Кузнецова Э.Ф., Курманкулов Ж.К. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 44–52.

Мамедов А.М., Тажибаева С.М. Погребения со «столами-ложами» ранних кочевников Южного Приуралья // Тр. филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 43–54.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во Оренбург. пед. ун-та, 2012. С. 156–199.

Мошкова М.Г. Сарматские курганы в Оренбургской области // КСИА. 1961. Вып. 81. С. 115–125.

Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 49–78. (МИА; № 153).

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 170 с. (МИА; № 101).

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.: Наука, 1963. 39 с. (САИ; Вып. Д1-9).

Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сб. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С. 76–91.

Таиров А.Д., Боталов С.Г. Курган у с. Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1988. С. 100–125.

Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского I курганного могильника // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 2008. С. 253–268.

ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ КОЧЕВНИКОВ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

© 2014 г. М.А. Очир-Горяева

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Элиста
(mariaochir_@ rambler.ru)

Ключевые слова: подземные ходы-штольни, курганы скифской эпохи, ритуальный характер, использование грабителями.

Резюме. В предлагаемой работе рассматриваются подземные ходы-штольни в курганах скифской эпохи Евразии. Сделан вывод об их ритуальном характере и о широком распространении обычая ритуального посещения могил.

В последние годы в скифо-сарматской археологии наметилась тенденция кардинального пересмотра представлений о характере древних ограблений курганов (Мозолевский, Полин, 2005). Связано это не только с открытием новых археологических памятников с очевидными свидетельствами посещения подземных конструкций после совершения погребения, таких как курган Байкара в Приишимье (Парцингер и др., 2003), курган 5 группы Березка на Волге (Скарбовенко, 2005. С. 381–393), но и с новыми интерпретациями фактов из старых раскопок (Савинов, 1997. С. 30–40; Шульга, 2003). Свидетельствами широкого распространения постпогребальных обрядов служат так называемые грабительские подземные ходы-штольни в курганах Северного Причерноморья и курганах Семиречья, ходы-штольни и пустоты в центре курганов Южного Приуралья, а также следы проникновения в могилы пазырыкской культуры.

Важный аргумент в пользу ритуального характера подземных ходов – их расположение в строгом соответствии с планиграфией кургана. Курганы скифской эпохи степей Евразии делятся на два вида по ориентации: с широтной ориентацией и двухчастной структурой (когда меридиональная ось кургана означала границу между миром живых на востоке и миром мертвых на западе); с меридиональной ориентацией и радиальной структурой (когда мир живых был на юге, а души умерших направлялись в северном направлении наверх) (Очир-Горяева, 2009. С. 9–28; 2012). В курганах Северного Причерноморья ходы-штольни были проложены строго меридионально, по границе миров, как и дромосы в центральные могилы для вноса следующего покойника. При рытье тех и других, видимо, старались пройти по «нейтральной зоне», чтобы не принести вреда живым и не нарушить покой мертвых. С.В. Полин близко подошел к признанию их ритуального характера, установив,

что они были проложены самими скифами. Прокладка штольни предполагала точное знание плана кургана: ее направление и глубина всегда была точно выверены, она зачастую «садится» сверху на входную яму или камеру; есть случаи, когда штольня, направленная в центр, попутно «пронизывает» и другие впускные погребения, что не могло быть случайным. Позднее эти ритуальные ходы, несомненно, использовались для ограбления (Мозолевский, Полин, 2005. С. 427–445).

Такие же меридиональные ходы зафиксированы в курганах Семиречья. Все большие курганы Бесшатыра были окружены кольцевой каменной кладкой и имели с восточной стороны бревенчатые входы-дромосы (высотой до 5 м) в обширные деревянные камеры. Рядовые могильники сакского и усуньского времени Семиречья и Тянь-Шаня также имели каменные околокурганные кольца с «выходами»-перемычками с западной стороны, обозначенными врытыми на торец длинными камнями. Погребальная процессия скифов, саков и усуней, скорее всего, вступала на территорию кургана с востока, через восточную перемычку околокурганного рва. Ведь умерший уходил из мира живых, а значит – с восточной стороны. После совершения ритуалов и погребения тела душа умершего направлялась через западную перемычку в мир мертвых.

У четырех больших Бесшатырских курганов на склонах насыпей с северо-западной или южной стороны наблюдались западины, оказавшиеся входами в меридиональные штольни, проложенные в центр кургана, к гробнице. Иногда эти ходы в центре расходились в виде разветленных коридоров. В них были найдены кости животных, в стенах выкопаны ниши для светильников, высота их свода достигала 1,5–1,7 м (Акишев, 1963. С. 47–73). На момент раскопок их входы были тщательно завалены камнями. Учитывая высоту сводов, излишнюю для грабителей, и их вписанность в планиграфию кургана, можно считать доказанным ритуальный характер подземных ходов. Итак, «грабительские» ходы в сакских и скифских курганах были проложены меридианально и использовались для совершения важных обрядов в центре кургана. Для этих ритуальных целей нельзя было использовать существовавший уже вход с восточной стороны, через который у саков вносился покойник.

В кургане Желтокаменка штольня в центральное погребение была проложена параллельно дромосу: видимо, для тех целей, ради которых устраивали штольни, использовать дромос было не положено, надо было пробить «специальный» путь в могилу. В целом пора признать ритуальный характер подземных ходов-штолен и не называть их грабительскими, поскольку их первоначальное назначение было иным.

Рассмотрим расположение подземных ходов в курганах с меридиональной ориентацией и радиальной структурой. Среди них курганы обширного региона от Волги до Ишимских степей с центром в Южном Приуралье. Здесь известны такие же, как у скифов и саков, подземные ходы-штольни к центру. Отличие южноприуральских ходов обусловлено структурой и ориентацией курганов, отражающих представление о нахождении мира мертвых в северной стороне наверху. В кургане 13 у Покровки штольни были прорыты с запада и востока, строго перпендикулярно оси камеры и дромоса. В кургане 1 у Филипповки один из ходов был прорыт в широтном направлении – с востока, а второй – с севера. Кроме того, была зафиксирована открытая траншея с юга, параллельная ведущему в центр дромосу. Итак, ходы-штольни прокапывались с четырех сторон света, образуя крест, что означало одновременно круг, радиальность. Поэтому штольни в южноприуральских курганах можно рассматривать как радиальные.

В курганах с меридиональной ориентировкой и радиальной структурой были зафиксированы кроме штолен еще и подземные камеры над центральным погребением. Рассмотрим хорошо сохранившиеся ритуальные камеры в кургане 5 группы Березки-1. Перед сооружением в материке обширной, но неглубокой ямы с дромосом с юга был выкопан ров чашевидной восьмилепестковой формы. Вокруг рва был сооружен вал из материковой глины, внутренняя сторона которого повторяла конфигурацию рва, а внешняя была ровной. После чего вал был перекрыт бревенчатой радиальной конструкцией, что создало замкнутое круговое пространство над моги-

лой. В это замкнутое пространство с выложенным кирпичами и оштукатуренным полом и 13 воздушными колодцами можно было попасть через специальный вход в перекрытии. Он был сделан с южной стороны, над дромосом (Скарбовенко, 2005). Надмогильное замкнутое пространство использовалось для посещений и проведения церемоний, иначе излишни столь основательное и декоративное оформление его пола и специальная вентиляция. Это пространство можно назвать ритуальной камерой над погребением. Сходные ритуальные ходы и камера были зафиксированы в большом кургане Байкара (Парцингер и др., 2003). В насыпи кургана 1 Покровки-2 были выявлены 10 ям, выкопанных с поверхности до уровня материка или несколько заглубленных в него, аналогичных воздушным колодцам в Березках-1 (Веддер и др., 1993. С. 22–23). В других курганах, с глиняными валами вокруг могил и обкладкой берестой, травой, обмазкой глиной, срезанием почвы на уровне древнего горизонта вокруг центральной могилы, могли существовать несохранившиеся ритуальные камеры. Эти особенности характерны для многих курганов Южного Приуралья, что свидетельствует о широком распространении обычая ритуального посещения могил.

Этнографическая наука располагает довольно богатым материалом по этой теме. Однако его привлечение для интерпретации археологических фактов требует серьезной критики источников, а также специального подхода и методов. Единственное, что можно твердо установить по этнографическим источникам, это то, что практика посещения могил старших в роду и проведения там ритуалов сохранения и приумножения жизненной энергии рода через покровительство предков была, видимо, очень устойчивой. Калмыки длительный период их истории оставались язычниками и были довольно поздно, в XVI в., «приобщены» к буддизму тибетского толка. Как следствие тяжелой, упорной и, видимо, длительное время безуспешной борьбы с языческими обычаями осталось следующее явление. До сих пор при любом обращении за помощью к ламе (духовному лицу) всегда дается совет не посещать места погребения. В списке причин всех болезней и семейных и других жизненных неурядиц всегда присутствует посещение места погребения. Вековые усилия буддистских лам не пропали даром, в настоящее время калмыки боятся разрытой земли и могил и с большой опаской подходят к курганам во время археологических раскопок. Самое главное, они ничего не трогают и не забирают с мест раскопок, даже если остаются забытыми дорогостоящий инвентарь или вещи. Так буддисткое духовенство «оберегает» археологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К.А. Культура саков долины реки Или (VII–IV вв. до н. э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. С. 9–136.

Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимпбелл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. М.: ИА РАН, 1993. С. 18–26.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев: Стилос, 2005. 599 с.

Очир-Горяева М.А. Особенности погребального обряда кочевников Евразии скифской эпохи // ВДИ. 2009. № 1. С. 9–28.

Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 486 с.

Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плешаков А. Большой курган Байкара. Исследования скифского святилища. Mainz am Rhien: Ferlag Philipp von Zabern, 2003. 280 с. (Archäologie in Eurasien; Bd. 16).

Савинов Д.Г. Погребальные камеры-«часовни» Больших Пазырыкских курганов // Сакральное в истории культуры. СПб.: ГМИР, 1997. С. 30–40.

Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки 1 // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М.: ИА РАН, 2005. С. 381–393.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2003. 203 с.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВОЛЖСКИХ ФИННОВ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ МИРОМ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ИСКУССТВА VIII–VI ВВ. ДО Н.Э.)

© 2014 г. В.С. Патрушев

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
(patr@marsu.ru)

Ключевые слова: индоевропейские племена, волжские финны, народы Поволжья, культурные, экономические связи, общественные отношения.

Резюме. Культурные связи волжских финнов с индоевропейским миром оказали огромное влияние на развитие экономики и общественных отношений народов Поволжья. Немаловажное значение они также имели в формировании новых элементов духовной культуры волжан. В работе дана характеристика основных произведений искусства из металла, прослежено развитие культурных связей с индоевропеоидными племенами в начале эпохи железа в течение двух веков.

Основным источником данной работы стали предметы искусства из Археологического музея Марийского госуниверситета. Следует полагать, что большинство предметов искусства имело не только эстетическое значение, но и особое магическое, религиозное. Особенно интенсивными были связи с Северным Кавказом. В погребении 800 Старшего Ахмыловского могильника найдены медные накладки налобного венчика с уникальными образами двух крылатых львов в сопровождении символов древа жизни (Патрушев, 1994. Рис. 12, 13). Фигуры хищников выполнены техникой чеканки с обратной стороны и дополнительно — резными рисунками по внешней поверхности. Обе фигуры передают состояние мощного прыжка или полета. На одной пластине изображен грифон с головой хищной птицы, на другой — сфинкс с головой человека в короне. Так изображались восточные владыки — цари. Подобные изображения известны на памятниках древнего Луристана и Кавказа, на накладке из Зивие (Codard, 1962. Fig. 21, 25, 109), на поясах из села Гушчи в Курдистане (Куфтин, 1943. Табл. XI) и ряде урартских предметов с Кавказа (Пиотровский, 1959. Рис. 85; 1962. Рис. 44). Изображения священных деревьев на концах пластин состоят из двух ярусов ветвей. Подобная трактовка древа жизни известна на предметах с Кавказа (Пиотровский, 1962. Рис. 42, 43) и из скифских курганов Келермес и Литой (Пиотровский, 1959. Рис. 87).

В погребении 361 Старшего Ахмылова обнаружена бронзовая пластина с четким рельефным рисунком пантеры (Патрушев, 1994. Рис. 11). Хищник как бы застыл перед прыжком: выгнутая спина, широка раскрытая пасть, хвост, поднятый вверх в виде стрелки, напряженно согнутые ноги — еще мгновенье, и он в стремительном прыжке настигнет свою жертву. Передача фигуры техникой чеканки, оформление орнамента точечными выбитыми наколами указывают на предполагаемую родину этого изделия – Северный Кавказ. Очевидно, это часть пояса, использованная как накладка женского налобного венчика. По кельту погребение датируется второй половиной VII – началом VI в. до н. э.

Явные элементы стилизации можно видеть в изображении свернувшейся пантеры на ажурной бляхе из погребения 926 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 80, 20). Бляха являлась, судя по положению в погребении, нагрудным украшением. В гибком мускулистом теле пантеры чувствуется огромная сила, подобная силе сжатой пружины. Неестественная поза, стилизация частей, предназначенных для нападения, делают образ пантеры еще более хищным, страшным. Форма бляхи, поза животного и трактовка черт выполнены в скифо-

сибирском зверином стиле. Аналогии известны на памятниках VI в. до н. э. ираноязычных сакских племен Средней Азии и Сибири (Артамонов., 1976; Вишневская, 1973. С. 122; Членова. 1967. Табл. 27, 32—34), а также памятниках Скифия (Шкурко, 1969) и Передней Азии (Girshman, 1950. Fig. 147).

С древневосточной мифологией В.А. Ильинская (1976, С. 26) связывает предметы с территории скифов с мотивом птицы с распластанными крыльями, подобные находке из погребения 863 Старшего Ахмылова (Патрушев. 1994, рис. 27).

Интересную группу произведений искусства составляют изображения травоядных животных. Это гравированное изображение крупа и задних конечностей лошади на медной пластине женского налобного венчика из погребения 840 Старшего Ахмылова (Patrushev, 2000. Fig. 51, 1), аналогичное частям кавказских поясов (Техов, 1977; Куфтин, 1941), расположенные друг против друга головки лошадей на бронзовой орнаментированной рукояти кинжала из Акозинского могильника (Patrushev, 2000. Fig. 51, 1), близкие фигуркам из тагарских памятников Сибири (Членова, 1967), массивное бронзовое полое навершие жезла в виде головы лося (Ахмылово; Patrushev, 2000. Fig. 52, 9), аналогичное находке из скифского кургана Келермес VI в. до н. э. в Прикубанье (Шлеев, 1950), и фантастическое животное, содержащее черты лошади, кабана и собаки с некоторыми элементами хищника (Акозино, погр. 83; Патрушев, 1994. Рис. 10), общий стиль которого близок к скифо-тагарским изделиям (Членова, 1967).

Довольно много фигурок змей, близкие змееподобным браслетам скифских форм (Петренко. 1978. Табл. 39).

Параллели со скифскими изделиями имеет стилизованная головка хищной птицы из погребения 926 Старшего Ахмылова (наконечник лука; Патрушев, 1994. Рис. 28). Клюв птицы неестественно вытянут и оформлен в виде асимметричной петли; огромные глаза в виде концентрических кругов с точкой-зрачком в центре. Форма наконечника лука имеет аналогии среди находок в урартском городе Эребуни, которые датируются VII–VI вв. до н.э. (Пиотровский, 1950. Рис. 64), на скифских памятниках–Люботинском городище и Городище, датируемых VI–V вв. до н. э. (Радзиевская, 1969. Рис. 1д; Мелюкова, 1958. Рис. 8, 3; Крушельницька, 1974. Рис. 68, 14). Комплекс погребения 926 Старшего Ахмылова датируется серединой VI в. до н. э.

Символичное изображение хищной птицы можно видеть на наконечнике ножен одного из кинжалов Старшего Ахмылова (Патрушев, 1994. Рис. 29). Полая втулка наконечника переходит в согнутые сжатые когти в виде неправильного полукруга. Подобные формы наконечников известны из северо-кавказских памятников скифского облика–Нижне-Чегемского могильника, Дигории и Кобани, где они датируются первой половиной VI в. до н. э. (Виноградов, 1972. Рис. 28, 1, 11. С. 144; Крупнов, I960. Табл. XXV, 2–5). Комплекс погребения 336 Старшего Ахмыловского могильника также датируется VI в. до н. э. (Патрушев, 1984. Рис. 53 Г, IX, 6).

Интересную группу произведений древнего искусства волжан составляют антропоморфные изображения. Среди них фигурка из погребения 240 Старшего Ахмылова с маленькой головкой в капюшоне и вытянутым носом близка к находкам из Швартцорт (Ozols, 1974. Abb. 6).

Многие металлические предметы украшены различными узорами. На круглых бляхах чаще всего изображены продиктованные самой их формой символы солнца. В одних случаях это просто круги, нередко двойные и тройные, в других дополнительно переданы лучи. Но есть и более сложные изображения со спиральными узорами, своеобразными протуберанцами. Большинство солярных символов или формы блях аналогичны изделиям на широкой территории от Алтая до Австрии (Патрушев, 1994, с. 47 и след.).

Основное число импортных северокавказских форм относится ко времени конца VIII – VII вв. до н.э., когда еще савроматы как единая общность не существовали, поскольку ее сложение относится к концу VII – VI вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964). Скорее всего, из-за них в начале VI в. до н.э. прекратились связи племен Среднего Поволжья с населением Северного Кавказа. Скифские формы изделий к ахмыловцам поступали через северокавказское население. Второе направление связей, документированное одинаковыми находками,

могло осуществляться через савроматов Нижнего Поволжья. В первой половине VI в. до н.э. потребности военной верхушки общества волжан привели к установлению контактов со скифами Верхнего Подонья по бассейну р. Оки, о чем говорят сходные средневолжским формы железных пешен, боевых топоров, предметов конской сбруи из группы скифских памятников «Частые курганы» под Воронежем (Халиков, 1977. С. 138, 141). Кроме того, аналогии волжским находкам имеются в отдаленных областях индоевропейского населения в Венгрии (Угра, Печ, горы Матра, Испанлак, Липтау, Фюзешабонь, Секешфехервар, Кискосцег), Чехословакии (Штрамберг, Брно-Обрджаны), Австрии (Штильфрид), Польше (Гамуз), Италии и Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М. И. Древнее искусство. Л., 1976.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Крушельницька Л. І. Лісостепові землеробскі племена скифського часу на західному Поділлі // Стародавнэ населения Прикарпаття і Волині. Київ, 1974.

Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

Куфтин Б.А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата // Вестник Государственного музея Грузии. Т. XIII. Тбилиси, 1943.

Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 64. М., 1958.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984.

Патрушев В.С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тыс. до н.э. Йошкар-Ола, 1994.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М., 1982.

Петренко В.Г. Украшения скифии VII–III вв. до н. э. // Свод археологических источников. Вып. Д 4–5. М., 1978.

Пиотровский Б.Б. Ванское царство. М.,1959.

Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту VIII–VI вв. до н.э. Л., 1962.

Радзиевская В.Е. Новые находки предметов скифского звериного стиля // Советская археология, № 4. М., 1969.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н.э. М., 1977.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Шлеев В.В. К вопросу о скифских навершиях // Краткие сообщения института материальной культуры. Вып. XXXIV. М., 1950.

Godard A. L'art de L'Iran. Paris, 1962.

Girschman R. Les Tresors de Ziwie. Haarlem, 1950.

Ozols J. Der gehornte Schamanentyp // Finskt Museum, 1973, 80.

Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. Oulu, 2000.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ СО СТЕКЛЯННЫМИ ВСТАВКАМИ НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ

© 2014 г. Е.В. Переводчикова

Государственный Исторический музей, Москва
(perevelena@yandex.ru)

***Ключевые слова*:** скифский звериный стиль, предметы со стеклянными вставками, 1-й Филипповский курган, курган Аржан-2, китайское производство для кочевников, дата кургана Аржан-2.

Резюме. В статье рассматриваются произведения скифского звериного стиля со стеклянными вставками из курганов Аржан-2 и 1-го Филипповского кургана. Поскольку кочевники не владели производством стекла, эти предметы были сделаны в мастерских переднеазиатской либо китайской цивилизации. Стилистические признаки произведений искусства из Аржана-2 и 1-го Филипповского кургана, а также их историко-культурный контекст заставляют думать о китайском производстве. Производство стекла в Китае началось в конце VI – V в. до н.э. Этот факт находится в противоречии с датой кургана Аржан-2 (вторая половина VII в. до н.э.). Необходимы данные о составе стекла из рассматриваемых предметов.

Предметы, выполненные в скифском зверином стиле, со вставками из стекла достаточно редки, стеклянные вставки получат распространение позже. Предметом исследования в настоящей работе выступают произведения скифского звериного стиля из курганов Аржан-2 и 1-го Филипповского. Несмотря на разделяющее эти памятники большое расстояние и разницу во времени, их материал может отражать некие общие для них явления.

Производство стекла – процесс не только трудоемкий, но и требующий глубоких специализированных знаний. Специалисты по истории древнего стеклоделия не сомневаются в том, что это производство возможно только в условиях высокоразвитой цивилизации (Щапова, 1983. С. 26–139; Галибин, 2001. С. 18–52; Gan Fuxi, 2009. P. 1–10; Qian Wei, 2009. P. 243–264).

Исходя из этого предметы со вставками из стекла должны быть тем или иным способом связаны с земледельческими цивилизациями. Бусина или ее кусочек, вставленный в изделие, может свидетельствовать лишь о том, что данному мастеру были доступны бусы, которые путем торговых или иных контактов распространялись практически повсеместно. Иное дело – когда перед нами вставка особой формы, специально выполненная в русле общей концепции вещи. В таком случае можно считать, что эта вещь сделана мастером из мира цивилизаций.

Рассмотрим под этим углом имеющиеся в нашем распоряжении предметы.

На золотых фигурках лошадей из кургана Аржан-2 (Аржан. Источник.., 2004. С. 42) «глаза, рот, ноздри, уши и скулы животных инкрустированы эмалью» (Чугунов, 2004а. С. 22). Вставки заполняют гнезда каплевидных и миндалевидных форм, из чего следует, что они были сделаны как часть единого художественного решения предмета. Подобными вставками, вероятно, были заполнены каплевидные гнезда на лопатке и бедре золотой фигурки барана из того же кургана (Аржан. Источник…, 2004. С. 27).

Форма вставок на предметах из 1-го Филипповского кургана свидетельствует о том же. Ухо медведя на золотой детали деревянного сосуда декорировано вставкой непрозрачного стекла бирюзового цвета, по форме точно соответствующей контуру уха (The Golden Deer…, 2000. Cat. 23). Глаз фантастической ушастой птицы на ручке другого сосуда содержит вставку подобного стекла, также оформленную в соответствии с контурами гнезда (The Golden Deer…, 2000. Cat. 72). То же можно сказать и о вставке, заменяющей

глаз грифона на другой зооморфной ручке сосуда (The Golden Deer…, 2000. Cat. 70). В материалах 1-го Филипповского кургана есть и примеры просто круглых стеклянных вставок на золотых оковках деревянных сосудов (The Golden Deer…, 2000. Cat. 56), на серии подобных оковок вставки не сохранились (Федоров, 2012. С.252–253. Рис. 10, 11). Общий контекст ситуации, когда на сосудах есть и вставки с учетом общей концепции вещи, позволяет учитывать и эти примеры.

Получается, что в материале обоих курганов присутствуют произведения иноземных мастеров. Для определения возможного места производства этих предметов следует иметь в виду, что в раннем железном веке существовало несколько центров производства стекла. Наиболее древней была переднеазиатская традиция (Щапова, 1983. С. 55–118; Галибин, 2001. С. 73–74), под влиянием которой стеклоделие появилось в Китае (Gan Fuxi, 2009. P. 1–40) и Индии (Галибин, 2001. С. 77–79). По химическому составу образцы стекла из этих центров различаются. Не имея данных о химическом составе рассматриваемых стеклянных вставок, можно предположительно определить направление поисков, опираясь на стилистические признаки изображений и их историко-культурный контекст.

Обе группы материала не обнаруживают черт переднеазиатской традиции. Исследователями отмечалось, что в произведениях искусства из кургана Аржан-2 нет признаков влияния Передней Азии (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2003. С. 128). Золотые оковки деревянных сосудов из 1-го Филипповского кургана связаны своим происхождением с Алтаем (Переводчикова, Таиров, 2010. С. 200–201). При том, что в искусстве этой территории присутствуют черты как переднеазиатского, так и китайского искусства, рассматриваемые предметы справедливо не включены в собрание южноуральских находок произведений искусства ахеменидского круга (Влиния ахеменидской культуры…, 2012).

В такой ситуации китайское производство рассматриваемых вещей выглядит более вероятным. Практика изготовления золотых вещей китайскими мастерами по заказу кочевников как таковая уже известна (Li Xuequin, 1985. P. 335–336; Bunker, 1993. P. 45–46). Произведения китайских ювелиров, как правило, не несут явных черт китайской изобразительной традиции, что составляет специфику рассматриваемой ситуации (Переводчикова, 2009. С. 159–160).

Что касается предметов из 1-го Филипповского кургана, то предположение о китайском производстве некоторых оковок сосудов уже высказано (Переводчикова, 2012. С. 102–103). Исследование химического состава стекла помогло бы проверить эту гипотезу. В IV в. до н.э. стеклоделие в Китае уже существовало, и китайские стекла отличались по составу от прочих (Shi Meiguang, He Ouli, Zhou Fuzheng, 1989. P. 8–10).

Ситуация с материалами из кургана Аржан-2 несколько сложнее. Фигурки животных со стеклянными вставками К.В. Чугунов относит к группе вещей, сделанных самими кочевниками (Чугунов, 2004б, с. 274–275), замечая, что «едва ли нужно отказывать кочевникам в умении производить простейшее стекло» (Чугунов, 2011. С. 178.). Однако соображения, изложенные выше, не позволяют согласиться с этим тезисом.

К.В. Чугунову удалось проследить следы китайской изобразительной традиции в декоре кинжала из этого кургана (Чугунов, 2004в. С. 74; 2008. С. 98–101). Следовательно, среди возможных центров производства предметов со стеклянными вставками наиболее вероятным представляется Китай.

Самые ранние импорты переднезиатского стекла в Китае датируются временем около 500 г. до н.э. (Gan Fuxi et al., 2009. P. 457–468). Примерно тогда же появляются первые образцы собственно китайского стекла, отличающегося от них по составу. Более уверенно можно говорить о собственно китайском стеклоделии начиная с эпохи Чжаньго (Gan Fuxi, Cheng Huansheng, Li Qinghui, 2006. P. 706–708; Fu Xiufeng, Gan Fuxi, 2009. P. 415–424).

При этом курган Аржан-2 датируется второй половиной VII в. до н.э. на основании предметов конского снаряжения (Чугунов, 2004а. С. 37). Получается, что производство стекла в Китае начинается позже этой даты.

Из всего изложенного следует, что данные о составе стекла в рассмотренных предметах позволили бы обсуждать многие важные вопросы скифской археологии на новом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. 64 с.

Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / Под ред. М.Ю. Трейстера, Л.Т. Яблонского. Т. 1, 2. М.: ТАУС, 2012.(Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе). Т.1 – 672 с.; Т.2 – 468 с.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.

Переводчикова Е.В. О различных формах диалога искусства степи и цивилизаций: к постановке вопроса // Stratum plus. № 3 (2005–2009). Культурная антропология и археология. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2009. С. 155–161.

Переводчикова Е.В. К вопросу о месте производства золотых оковок деревянных сосудов из Филипповки // Музейні читання. Мат-ли конф. «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». Київ, Музей історичних коштовностей України, 14–16 листопада 2011 р. Київ, 2012. С. 93–105.

Переводчикова Е.В., Таиров А.Д. Произведения скифского звериного стиля из 1 Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Приуралья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2010. С. 198–212.

Федоров В.К. Материалы к каталогу неизданных предметов из драгоценных металлов, найденных в кургане 1 Филипповского могильника // Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 235–257.

Чугунов К.В. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат-лы конф. СПб., 2004а. С. 273–276.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004б. С. 10–39.

Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 62. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004в. С. 72–74.

Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2 // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда в Суздале. Т. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 98–101.

Чугунов. К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские четния-2011. Мат-лы конф. Астана. Астана: Сарыарка, 2011. С. 171–183.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Ювелирные изделия из кургана Аржан-2. Вопросы происхождения комплекса // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2003. С.125–128.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ, 1983. 200 с.

Bunker E.C. Gold in the ancient Chinese world: a cultural puzzle // Artibus Asiae. 1993. V. 53. No. ½. P. 27–50.

Fu Xiufeng, Gan Fuxi. Multivariate Statistical Analysis of Some Ancient Glasses Unearthed in Southern and Southwestern China // Ancient Glass Research along the Silk Road. New Jersey; L.; Singapore; Beijing; Shanghai; Hong Kong; Taipei; Chenna: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2009. P. 413–438.

Gan Fuxi. Origin and Evolution of Ancient Chinese Glass // Ancient Glass Research along the Silk Road. New Jersey; L.; Singapore; Beijing; Shanghai; Hong Kong; Taipei; Chenna: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2009. P. 1–40.

Gan Fuxi, Cheng Huansheng, Hu Yongqing, Ma Bo, Gu Donghong. Study of the Earliest Eye beads in China Unearthed from the Xu Jialing Tomb in Xichuan of Henan Province // Ancient Glass Research along the Silk Road. New Jersey; L.; Singapore; Beijing; Shanghai; Hong Kong; Taipei; Chenna: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2009. P. 457–470.

Gan Fuxi, Cheng Huansheng, Li Qinghui. Origin of Chinese ancient glasses – study of the earliest Chinese ancient glasses // Science in China. Series E. Technological Sciences, 2006. V. 49. No. 6. P. 701–713.

Li Xuequin. Eastern Zhou and Qin Civilizations. New Haven-Lnd.: Yale Univ. press, 1985. 527 p.

Qian Wei. On the Glass Origins in Ancient China from the Relationship Between Glassmaking and Metallurgy // Ancient Glass Research along the Silk Road. New Jersey; L.; Singapore; Beijing; Shanghai; Hong Kong; Taipei; Chenna: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2009. P. 243–264.

Shi Meiguang, He Ouli, Zhou Fuzheng. Chemical composition of ancient glass unearthed in China // XV Intern. Congress of Glass. Leningrad. 2–7 July 1989. Proceedings. Archaeometry. Leningrad, 1989. P. 7–12.

The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes / Eds J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 2000. 303 p.

БЛИЗНЕЧНЫЙ КУЛЬТ И ОБЫЧАЙ ОТРУБАНИЯ РУКИ У САРМАТ

© 2014 г. Д.В. Пикалов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
(swaromir@mail.ru)

Ключевые слова: сарматы, культ руки, космогонический миф, близнечный культ.

Резюме. В статье на примере уникального погребального комплекса сарматского времени у с. Китаевка Ставропольского края реконструируется древнейший индоевропейский миф о сотворении мира парой божественных близнецов. Кроме того, в этом же погребальном комплексе прослеживается обычай обезвреживания покойников, которые при жизни наделялись сверхъестественной силой.

О погребениях 5–7 кургана 7 у с. Китаевка Ставропольского края, относящихся к сарматскому времени, мы уже писали, исследуя феномен близнечного культа в мифологии кочевников Евразии (Пикалов, 2001. С. 13–51). Особый интерес вызывает уникальное погребение 6: скелет без головы, ориентирован на север, справа и слева его окружает разрубленный пополам лошадиный костяк (рис. 1). Челюсти половинок лошадиного черепа сходились в том месте, где должна была находиться голова погребенного. Таким образом, человек заключен в овал, где лошадиные половины являются зеркальным отражением друг друга. На наш взгляд, погребение 7 является основным, а могилы 5 и 6 сопутствующими, причем погребение 6 можно характеризовать как парное жертвоприношение человека и коня. Это предположение сделано на следующем основании: преднамеренное расчленение коня, а также обезглавливание погребенного.

Расчленение надвое коня в сарматском погребении у с. Китаевка находит аналогии в индоиранских мифах. Йима (имя этимологически трактуется как «близнец») – в иранской мифологии первопредок человечества и культурный герой, был распилен пополам (Лелеков, 1991. С. 265). Не является ли этот факт еще одним подтверждением того, что конь у индоевропейцев был символом близнецов, а погребение 6 у с. Китаевка – воспроизведением у сарматских племен сюжета, близкого к иранским преданиям об Йиме.

Все эти факты позволили высказать предположение о том, что уникальное погребение 6 рассматриваемого комплекса, возможно, отражает космогонический ритуал, близкий общеиндоевропейскому мотиву творения – жертвоприношения (ведический Пуруша, скандинавский Имир), что позволяет отметить особую роль близнечного кода в скифо-сарматской космогонии, а также связь его с культом огня (богини Табити) и инцестуальным сюжетом, неотъемлемой частью индоиранской космогонии (Пикалов, 2011. С. 13–51).

Однако нами был упущен один интересный элемент погребального ритуала, на который обратил внимание д-р ист. наук Ю.А. Прокопенко. После выхода нашей монографии Ю.А. Прокопенко, анализируя отчет В.А. Кореняко и А.В. Найденко о раскопках курганной группы у с. Китаевка, отметил, что у погребенной молодой пары (погребение 7) были отрублены руки (рис. 2). Причем у мужского костяка отсутствовала правая рука, у женского – левая (Прокопенко, 2011. С. 240–241). Обычай отрубания руки у покойного в сарматского время фиксируется в нескольких погребальных комплексах на Дону (Дзиговский, Островерхов, 2008. С. 167). На наш взгляд, отрубание рук у погребенных было связано с обычаем «обезвреживания покойника».

В ритуальной практике ираноязычных кочевников Евразии существовали специальные обряды «обезвреживания покойника»: связывание конечностей, отрезание стоп,

«запирание» мертвого железными ножами или мечом, над жизненно важными частями тела укладывали большие камни, а нередко и разрушали костяки в самих погребениях. Ю.А. Прокопенко приводит пример такого обряда в богатом сарматской женском захоронении, предположительно жрицы, из Ипатовского кургана Ставропольского края. Из левой глазницы черепа погребенной торчала длинная бронзовая булавка с щитком, отделанным золотой накладкой. «Таким образом, колдунью “заперли”. Вернуться в мир людей она уже не может – в ногах расположен меч. Воздействовать на живых посредством своих чар – тоже, левый – самый опасный глаз проткнут булавкой» (Прокопенко, 2011. С. 318–320).

Обряд отсечения руки приводит Геродот (IV, 62), описывая жертвоприношения скифскому богу войны Аресу: «у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух» (Геродот, 1999. С. 255). В нартском эпосе Батрадз отрубает руки у убийц своего отца (Осетинские…, 1949. С. 318–320). У горных грузин, как и дагестанских аварцев, существовал обычай отрубать правую руку убитого врага, что символизировало присвоение его магической силы и лишение возможности воздействовать на живых из потустороннего мира (Голан, 1992. С. 154).

В Хабадинском могильнике в Дагестане, датируемом скифо-сарматским временем, в метре от погребения 7 раскопа 3 в конце узкой каменной выкладки обнаружен сломанный меч, который окружали три поясные пряжки, зеленая бусина из пасты, коричневая пастовая бусина, две халцедоновые бусины, железные наконечники стрел и бронзовая пуговица. Возле меча также лежала нижняя часть руки с фалангами пальцев (Пикуль, 1961. С. 145). Эта интересная деталь находит аналогию в приведенном выше фрагменте «Истории» Геродота об отрубании скифами рук у жертв, приносимых Аресу-мечу. Похоже, что подобный обычай имел место и у сармат. Как жертвоприношение мечу можно трактовать и остальные предметы, обнаруженные рядом (бусы, пряжки, пуговицу).

Как было отмечено ранее, в погребении 7 кургана 7 у с. Китаевка у мужского костяка отсутствовала правая рука, у женского – левая. Известно, что противопоставление «левый–правый» характерно именно для близнечных мифов. Этот первоначально упущенный нами элемент погребального ритуала полностью подтверждает сделанное ранее предположение, что погребение 7 кургана 7 – захоронение близнецов. Близнецы в сарматской традиции считаются носителями некой сверхъестественной силы.

В мифологии индоевропейских народов близнецы нередко выступают как «дети бога». «Сами близнецы... рассматриваются как существа, соприкоснувшиеся со сверхъестественной силой и ставшие ее носителями. Архаический ритуал отделения близнецов... от племени при этом включается в обрядовый комплекс почитания сакрализованных близнецов. На этом этапе... речь идет уже не просто об избавлении племени от опасности, таящейся в близнецах..., но и об осознанном обособлении носителей сверхъестественной силы (не только опасной, но и часто благодетельной) от коллектива, их почитающего...» (Иванов, 1991. С. 175–176).

Вполне вероятно, что отрубание рук, а также парное жертвоприношение коня и человека в кургане 7 у с. Китаевка и было связано с нейтрализацией сверхъестественной силы, заключенной в близнецах. В то же время не исключено, что отрубленные руки близнецов, возможно, использовали в каких-то дальнейших магических обрядах, так как существование культа руки у сармат подтверждается многочисленными амулетами в форме руки (Дзиговский, Островерхов, 2008. С. 167–168).

Основная проблема, стоящая перед исследователями обрядовой семантики бесписьменных народов, состоит в том, что степень адекватности образа и объекта определяется уровнем знаний и вырабатывается в процессе познания, иначе, возможности восприятия, а следовательно и объяснения ограничены в воспринимаемом предмете (объекте). Отсюда восприятие зависит от навыков и опыта воспринимающего – от того, что он знает об объекте и субъекте. Поскольку любой объект находится в определенном контексте, современнику этого объекта не требовалось «подсказок», в контексте не существовало неизвестных моментов. Наши же возможности ограничены при попытке проникнуть в су-

Рис. 1. Погребение 6 у с. Китаевка Ставропольского края.

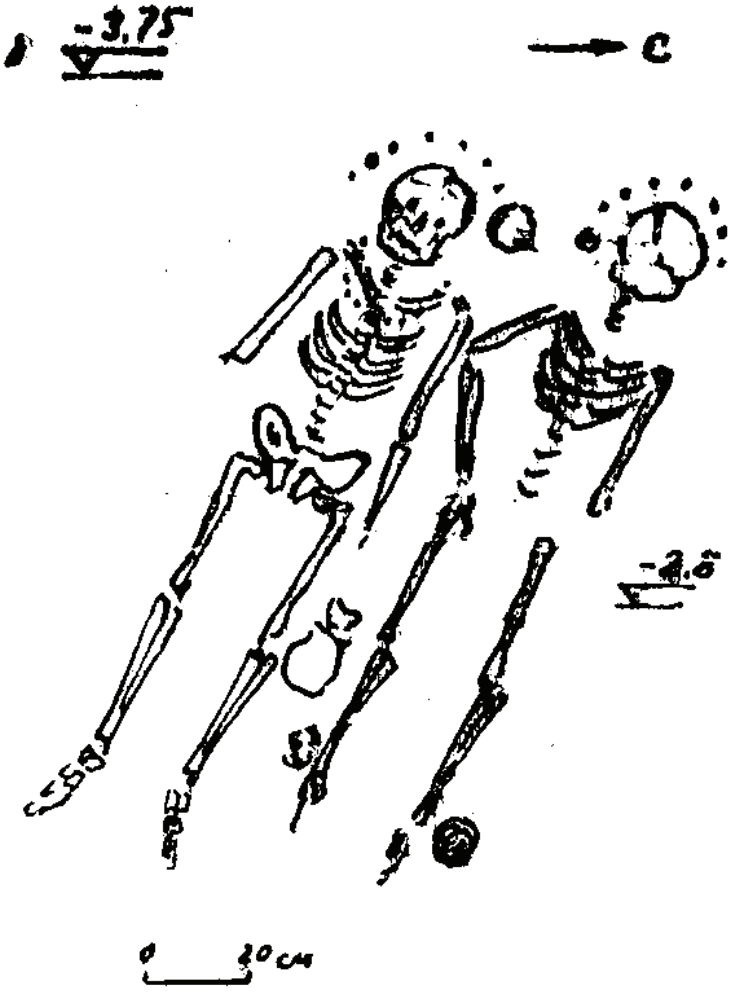

Рис. 2. Погребение 7 у с. Китаевка Ставропольского края.

щество объекта, «неразборчиво написанных слов». Восстановление разрушенных схем и связей внутри закодированной структуры прошлого требует и воссоздания единого целого из отдельных разрозненных «заметок» (Пяткин, 1987. С. 32–33). Не владея полной картиной, мы лишь можем отметить определенные закономерности и сравнить их с имеющимися в нашем распоряжении аналогиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Геродот. История: Избранные страницы. СПб.: Амфора, 1999. 412 с.

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1992. 375 с.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Культ руки у сарматов // Краткие сообщения Одесского археологического общества / Отв. ред. С.Б. Охотников, В.Г. Петренко. Одесса: Фаворит, 2008. С. 167.

Иванов В.В. Близнечные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. С. 175–176.

Лелеков Л.А. Йима // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. С. 265.

Осетинские нартские сказания / Пер. с осет. Ю. Либединского; отв. ред. К.Д. Кулов. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осет. АССР: Тип. Управления полиграфии, 1948. 504 с.

Пикалов Д.В. Мифология и космогония ираноязычных кочевников Евразии. Опыт реконструкции. Б.м.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 184 с.

Пикуль М.И. Хабадинский могильник // Материалы по археологии Дагестана. Т. II / Отв. ред. Г.Д. Даниялов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1961. С. 145.

Прокопенко Ю.А. Связи населения Центрального Предкавказья (вторая половина I тыс. до н.э.). Б.м.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 574 с.

Пяткин Б.Н. Представления древних людей о пространстве и времени по курганным намогильным сооружениям // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 32–33.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

© 2014 г. Ю.А. Прокопенко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
(z_proko_15@mail.ru)

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, вторая половина I тыс. до н.э., античные авторы, археологический материал, импорт, экономические связи.

Резюме. В статье на основе анализа сведений античных авторов, многочисленного археологического материала, оценки политической и экономической ситуаций сделан вывод о возникновении (V–III вв. до н.э.) и функционировании (IV/III в. до н.э. – начало I в. н.э.) в степях Центрального Предкавказья торговых путей, по которым на данную территорию поступали предметы импорта из греческих городов Боспора и государств Закавказья.

В V–III вв. до н.э. налаживаются разнообразные экономические (обменные) связи как между племенными группами кобанской культуры, автохтонами и местным кочевым населением, так и через их посредничество с племенами Прикубанья, Закавказья, Поволжья, Южного Приуралья и Подонья. Это прослеживается в распространении определенных типов оружия, керамической посуды, зеркал и украшений. Из района Предкавказья вывозили сырье (металл), некоторые типы украшений и керамическую посуду. Через данный район из Закавказья (через посредничество кочевников) к племенам перечисленных выше территорий поступали разные украшения (из золота и полудрагоценных камней). С длительным периодом сосуществования оседлых и кочевых племен связана специализация керамического производства в отдельных регионах Центрального Предкавказья. В подкурганных захоронениях кочевого населения западной группы выявлены сосуды форм западного варианта кобанской культуры. Соответственно в памятниках восточной группы – керамика Затеречья. На заказ кочевников также работали косторезные мастерские автохтонов.

В низовья Дона, как и в Нижнее Поволжье, от населения предгорий поступали изделия местного производства (керамика и др.), а также закавказские импорты. Находки в погребениях Елизаветовского могильника предметов, импортированных из Закавказья (гешировые и сердоликовые украшения) и бассейна Красного моря (раковины каури и веточки коралла), свидетельствуют о функционировании этих связей в V–IV вв. до н.э.

Сведения античных авторов (Аристей, Эсхил, Пиндар, Геродот, Страбон, Антоний Диоген и др.), а также находки изделий античного производства в памятниках Центрального Предкавказья (амфоры, чернолаковая и др. керамическая посуда, бронзовые и золотые сосуды, украшения и пр.) свидетельствуют о том, что в скифский период происходили первые контакты и налаживались первые связи местных племен с древнегреческой цивилизацией – миром – экономикой (по Ф. Броделю). Возможно, это явление связано с перемещениями кочевников. Первые контакты, скорее всего, являлись такими процессами (по Д. Френчу), как открытия (путешествия, обмен), пиратство (грабеж, война), добыча и меновая торговля.

О существовании в последние века до н.э. в степях Центрального Предкавказья торгового пути свидетельствуют следующие факты: 1) анализ этнополитических ситуаций в исследуемый период на Северном Кавказе; 2) некоторые сведения античных авторов, касающиеся географии Центрального Предкавказья; 3) распространение античных импор-

тов в Центральном и Восточном Предкавказье (амфоры, керамическая и металлическая посуда, фибулы, перстни, резные камни, бусы, стеклянные сосуды и др.); 4) распространение в Центральном Предкавказье боспорских и др. монет; 5) находки в зоне предположительного пролегания торгового пути кладов ювелирных изделий и монет; 6) анализ географического положения и политической обстановки в исследуемый период; 7) картографическая ситуация скоплений курганов указывает на тяготение их к речным системам верхнего течения Калауса, Томузловки, Кумы, Терека, т.е. к зоне пролегания торгового пути.

На рубеже IV–III вв. до н.э. начинается постоянное движение караванов в Закавказье по Меото-Колхидской дороге и через Ставропольскую возвышенность к предгорьям Кавказа. Этому благоприятствовало обстоятельство образования в Закавказье государств: в конце IV в. до н.э. – Албании, в начале III в. до н.э. – Иберии.

Этап существования степного пути в начале III в. до н.э. – начале I в. н.э. связан с сочетанием политических мотивов с экономическими. В числе основных причин следует отметить осложнение взаимоотношений между Албанией и Мидией в III – начале II в. до н.э., политический и экономический союз Митридата VI с городами Боспора, Иберией и Албанией в I в. до н.э. Периоды нестабильности прерывали караванную торговлю: в середине III в. до н.э. (нашествие сарматов), во II в. до н.э. (агрессивная политика сиракского союза племен, в связи с этим племена предгорий переориентировались на торговые связи с населением Подонья). Основные категории импорта – бусы, фибулы, медальоны, изделия античной глиптики, престижные чернолаковые сервизы, амфоры и другие керамические сосуды (в которых везли вино, оливковое масло), бронзовая и стеклянная посуда, предметы хозяйственно-бытового назначения (жаровни) и пр.

Функционирование торговых путей было выгодно и кочевникам. Во-первых, скифы, сираки, аорсы, а затем аланы были вооруженной охраной торговых караванов. Большое количество импортных вещей в качестве платы за перевоз через земли кочевников оседает в памятниках, в районах, близких к торговым путям. Во-вторых, благодаря дружественным отношениям с племенами восточной Иберии и Албании, кочевники имели возможность проникновения вглубь Закавказья за военной добычей. В-третьих, непосредственные контакты с городами Боспора, Иберии и Албании давали возможность кочевнической знати соприкасаться с высокоразвитой городской культурой этих государств и развитыми общественными отношениями. Предположительно с этим связано явление дифференциации кочевого населения, наблюдаемое в погребениях I в. до н.э. – I в. н.э., междуречья Лабы и Кубани.

ГЕКАТОМБЫ НОВОЛАБИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2014 г. Б.А. Раев

Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону
(boris_raev@mail.ru)

Ключевые слова: *Прикубанье, конские захоронения, погребально-поминальные комплексы, поздний эллинизм.*

Резюме. Статья посвящена редкому типу погребально-поминальных комплексов могильника эпохи позднего эллинизма, находящемуся у ст. Новолабинская (Краснодар). Это массовые конские захоронения – от 8 до 12 особей в одной могиле, которые на площади могильника располагаются бессистемно. В отдельных ямах костяки лошадей перемешаны, иногда в их расположении прослеживается определенный порядок. Характерная особенность массовых конских захоронений – сопровождающие их безынвентарные бессистемные погребения людей. На юго-западной периферии могильника был исследован ров диаметром около 30 м, в котором находилось несколько захоронений людей с признаками насильственного умерщвления. На площади, ограниченной рвом, есть всего одно позднее погребение первых веков н.э., совершенное, вероятно, тогда, когда ров уже был заброшен. Не могла ли площадка, ограниченная рвом, использоваться для отправления ритуальных действий, связанных с подобными погребениями?

Городище Новолабинское-4 расположено на верхней террасе правого берега р. Лаба в 2 км к востоку от одноименной станицы в Усть-Лабинском р-не Краснодарского края. Могильник городища раскапывается с перерывами с 2003 г., за это время там исследовано около 200 погребений, относящихся к самому концу III – первой половине I в. до н.э. Это одиночные и парные захоронения людей с оружием, украшениями и посудой, захоронения людей с признаками насильственного умерщвления и др. Известность в специальной литературе могильник получил благодаря находкам не только редких категорий погребального инвентаря, но и целому ряду необычных погребально-поминальных комплексов.

К последним относятся массовые захоронения лошадей, которые, перекрывая, сопровождали погребения в ямах, расположенных ниже и чуть в стороне от конских. Большинство могил разграблено в древности, верхние уровни погребений являют типичную картину ограбления, но в нескольких случаях, разграбив верхние конские захоронения, грабители оставили нетронутыми (незамеченными?) нижние ямы с человеческими останками.

Массовые конские захоронения – от 8 до 12 особей в одной могиле –на площади могильника располагаются бессистемно; как правило, глубина их от поверхности составляет 1–1,5 м. Не прослеживаются какие-либо четкие приемы помещения лошадиной туши в захоронение. Судя по положению костяков, они сбрасывались в ямы иногда в разрубленном на 2-3 части, но чаще в целом виде. В отдельных ямах костяки лошадей перемешаны настолько, что их графическая фиксация представляла немалые трудности, в других животные уложены на бок в один или несколько ярусов с подогнутыми или вытянутыми конечностями. В их расположении прослеживается если не система, то определенный порядок. Костяки лежат позвоночными столбами к стенкам ямы, в отдельных захоронениях угадывается расположение туш в яме по кругу (погребение 71, 2011 г.), иногда лошади уложены в ряд, из которого выпадают 1-2 особи (погребение 125, 2012 г.).

Нет никаких сомнений в единовременном специальном захоронении большого числа лошадей в одной яме. К сожалению, сохранность костей в силу небольшой глубины ям и специфики местных грунтов очень плохая, на

остеологические определения от многих особей удалось отправить только зубы и отдельные, кости конечностей часто во фрагментах. Все это сделало невозможным определение способа умерщвления животных. Ростовые характеристики лошадей из Новолабинского могильника и из памятников Северного Причерноморья незначительно отличаются: в первом преобладают среднерослые лошади, во втором – малорослые (Спасовский, 2013. С. 393).

Массовые захоронения лошадей сопровождались определенным набором инвентаря. В неограбленых погребениях *in situ* были найдены элементы парадного конского убора: бронзовые пластинчатые налобники и налобники с крючком, нагрудники, «шумящие подвески» (Раев, Беспалый, 2006). Все без исключения лошади были взнузданы, у некоторых рядом с черепом лежали вторые удила. Удалось проследить разное положение удил: у отдельных особей они были спущены под нижнюю челюсть, т.е. висели на ослабленной уздечке. Все удила в могильнике железные, относятся к нескольким хорошо известным типам, но преобладают так называемые строгие с крестовидными псалиями, снабженными зубчатыми «флажками». Отмечена любопытная деталь: многие грызла собраны из звеньев разной длины, иногда по всей длине стержни грызл обмотаны проволокой. И если первая особенность труднообъяснима, то вторая связана со специальным, а не повседневным использованием таких удил.

Важным элементом экипировки животного были крупные округлые или цилиндрические бусины из глухого темно-синего или зеленого стекла с полихромными глазками и поясками напаянных нитей между ними. Как правило, в захоронении они располагались у нижней челюсти или у верхних шейных позвонков лошади, редко на храпе, из чего можно сделать вывод о том, что крепились (висели?) они на узде. Характер полихромного глазчатого орнамента, присущий оберегам, и связь бусин с уздой говорят об их использовании в качестве амулетов (Дзнеладзе, Симоненко, 2010. С. 30). Количество бусин на одной уздечке обычно равно одной-двум, в единичных случаях – трем экземплярам. Помимо приведенных Е.С. Дзнеладзе и А.В. Симоненко аргументов, это также свидетельствует о том, что подобные бусины не были простым украшением узды; в противном случае их старались бы использовать целыми низками.

Характерной особенностью массовых конских захоронений являются сопровождающие их безынвентарные погребения людей. Число погребенных не зависит от количества лошадей в яме. Они могут совпадать, например 10 лошадей и 10 «конюших» в погребении 50, 2003 г. (Раев, Беспалый, 2006, С. 30–34. Табл. 29–30), но могут и значительно отличаться – 12 лошадей и 2 «конюших» в погребении 125 (2012 г.). Костяки людей лежат под или вперемешку с конскими в самых разнообразных позах, свидетельствующих о том, что люди были просто сброшены, а не уложены в ямы. Некоторые скелеты имеют несомненные следы насильственной смерти (связанные руки, неестественно вывернутые черепа) и даже посмертного (?) расчленения.

На юго-западной периферии могильника в 70 м от края террасы в 2011–2012 гг. был исследован ров (ров 2) неправильной уплощенно-грушевидной в плане формы. Диаметр рва – около 30 м, ширина в придонной части – 0,7–1,7 м, он заглублен в материк на 0,05–0,2 м, на такую высоту прослежены его стенки на большей части периметра. Восточная, северная и северо-западная части рва находилось несколько захоронений людей с признаками насильственного умерщвления. Это были как индивидуальные погребения (103), так и групповые захоронения с конями (119). В северной части рва на дне лежала лобная кость человека со спиленными с одной стороны зубцами шва и зашлифованным краем, что, возможно, позволяло использовать ее для ритуальных возлияний.

На площади, ограниченной рвом, обнаружено лишь одно погребение, относящееся к поздним захоронениям могильника, оно было совершено, вероятно, тогда, когда ров уже не использовался. В отличие от рвов, исследованных в этой части памятника и ограничивающих могильник (ров 1), ранние участки городища (ров 3) или оборонительных сооружений (ров 4), назначение рва 2 можно объяснить исходя из специфики массовых захоронений лошадей и насильственно умерщвленных людей. Самые большие по количеству захоро-

ненных животных могилы, за исключением погребения 50 (2003 г.), расположены рядом или даже впущены в ров 2.

Не могла ли площадка, ограниченная рвом, использоваться для отправления ритуальных действий, связанных с подобными погребениями? Прямых указаний на это нет, но, принимая во внимание некоторые особенности конструкции рва и специфику связанных с ним массовых захоронений, исключать такое ее использование нельзя.

В последние годы небольшие по размерам рвы, окружающие компактные площадки, исследованы на некрополях Крепостного городища (Горбенко, Косяненко, 2013. С. 95) и восточном некрополе Фанагории (Медведев, 2011. С. 33. Рис. 1). Авторы предполагают ритуальное использование площадок, ограниченных рвами. Правда, эти рвы сооружены позже и погребения в могильниках не имеют ни признаков человеческих жертвоприношений, ни массовых захоронений лошадей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некоторые итоги исследования некрополя Крепостного городища (г. Азов) в 2009–2012 гг. // Шестая междунар. Кубанская археологическая конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 93–95.

Дзнеладзе О.С., Симоненко О.В. Намистини – воїнскі амулети III–II ст. до н.е. // Археологія. 2010. № 3. С. 22–34.

Медведев А.П. Позднеантичный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История, политология, социология. 2011. № 1. С. 32–45.

Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2006. 110 с.

Спасовский Ю.Н. Лошади Новолабинского городища // Шестая междунар. Кубанская археологическая конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 389–393.

О ЗАХОРОНЕНИЯХ И ОСТАНКАХ ЛЮДЕЙ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ[1]

© 2014 г. Ю.Д. Разуваев

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж (razuvaevyd@mail.ru)

Ключевые слова: Восточноевропейская лесостепь, скифская эпоха, поселения, захоронения, человеческие останки.

Резюме. В работе обобщены данные о захоронениях и останках людей, выявленных на городищах и неукрепленных поселениях VI–III вв. до н.э. в лесостепной зоне Северного Причерноморья. Костяки и их разрозненные части, встречающиеся в котлованах жилых и хозяйственных сооружений, рассматриваются как проявление погребальной практики местного оседлого населения.

На городищах и неукрепленных поселениях лесостепной Скифии часто встречаются человеческие останки, представленные либо полными скелетами, либо их разрозненными частями (рис. 1).

На территории некоторых поселений (Бельское, Бузенки, Каменка, Коломак, Матяшев Яр, Мостище, Пожарная Балка и др.) обнаружены погребения, совершенные по традиционному для скифской эпохи обряду: вытянуто, иногда с сопутствующим инвентарем. По существу они сходны с лесостепными грунтовыми могильниками. Некоторые могли появиться до или после функционирования поселков (на сей счет имеются стратиграфические наблюдения), другие – вне их жилой зоны. Есть основания говорить и о наличии у лесостепного населения обычая хоронить детей на территории поселений.

Особняком стоят захоронения в котлованах жилищ и хозяйственных сооружений (рис. 2). Умершие дети и взрослые размещались в них, как правило, в скорченных (на боку, спине, животе) позах. Памятников с такого рода комплексами известно пока относительно немного (Долиняны, Коломак, Марица, Непоротово, Новоселовка, Семилуки, Трахтемиров). Но, что характерно, они имеют широкий хронологический охват (от VI до III в. до н.э.) и разбросаны по всей скифской лесостепи. Аналогичные комплексы открыты и в степных регионах Причерноморья (Лагодовская, Сымонович, 1973. С. 240–242; Фидельский, 2006; Sîrbu, 2008).

Погребения в хозяйственных сооружениях исследователи расценивают как жертвоприношения (Радзиевская, 1992. С. 178–179; Бессонова, Скорый, 2001. С. 8, 23), но чаще связывают с военными конфликтами, после которых погибшие люди спешно хоронились, в разрез с предписаниями традиционного ритуала, в более-менее подходящих ямах (Медведев, 1999. С.145–152; Фіалко, Болтрик, 2003. С. 78).

Подобные представления требуют пересмотра после открытий на Семилукском городище (Пряхин, Разуваев, 2000). В многочисленных останках обитателей этого относительно небольшого поселения (в 13 котлованах найдено 45 полных костяков детей и взрослых) сложно усматривать гекатомбу. Предположение о поспешности таких захоронений не согласуется с предварительным оборудованием для них подбоев в стенках или углублений в дне ям (Коломак, Семилуки), со следами достаточно длительных обрядовых (поминальных?) действий над погребениями (Семилуки).

Исходя из высказанных соображений и опираясь на этнографические параллели, за-

1 Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00094.

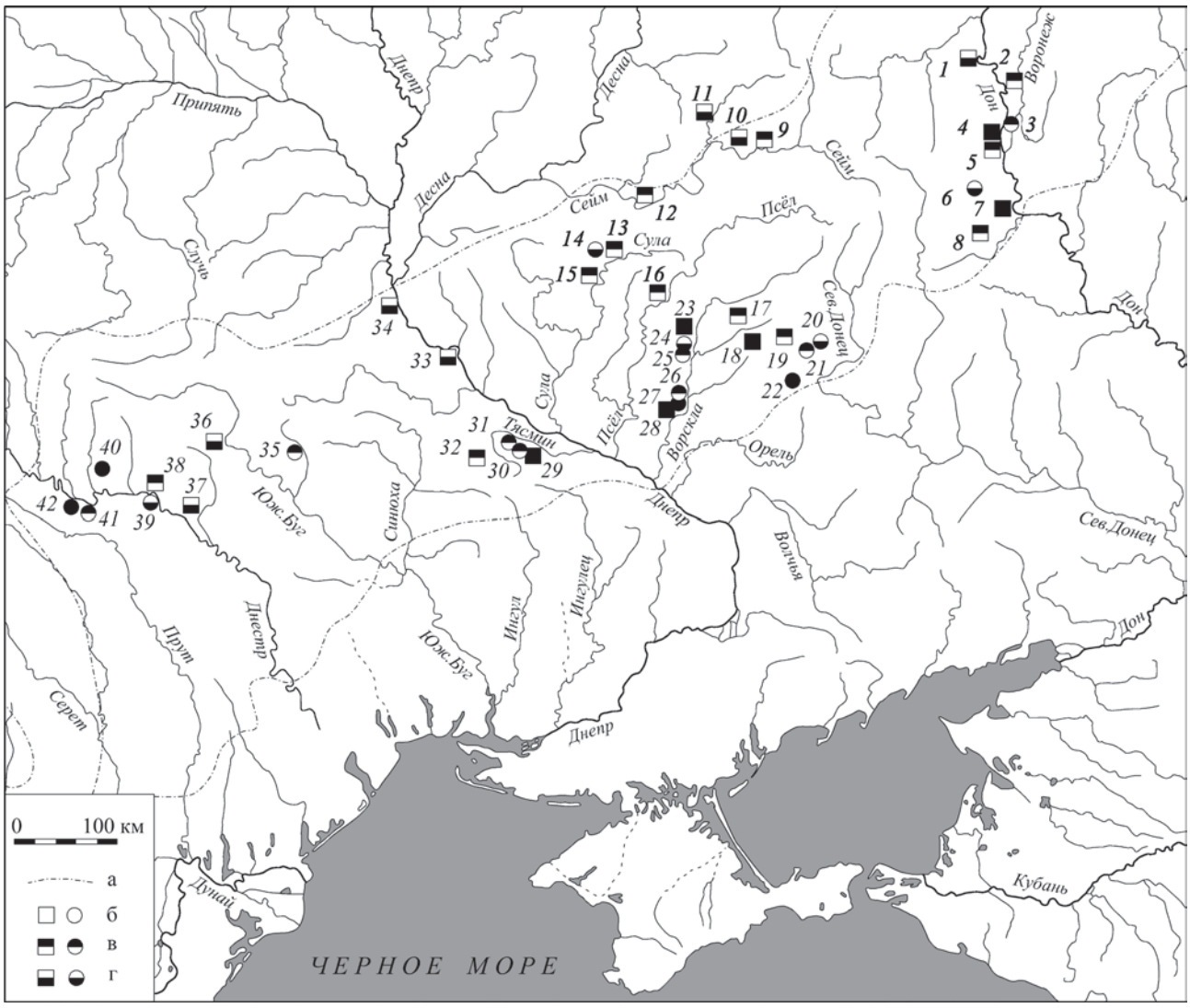

Рис. 1. Карта городищ и поселений Лесостепной Скифии с останками людей. *1* – Каменка, *2* – Пекшево, *3* – Подгорное-3, *4* – Семилуки, *5* – Устье, *6* – Бузенки, *7* – Мостище, *8* – Кировское, *9* – Кузина гора, *10* – Марица, *11* – Моисеев, *12* – Ширяево, *13* – Басовка, *14* – Матяшев Яр-2, *15* – Глинск, *16* – Кнышовка, *17* – Полковая Никитовка, *18* – Коломак, *19* – Люботинское, *20* – Харьков (Климовского), *21* – Барчаны, *22* – Новоселовка, *23* – Бельск, *24* – Опошня-11, *25* – Лихачевка, *26* – Мачехи, *27* – Пожарная Балка, *28* – Решетники (Старые Санжары), *29* – Мотронинское, *30* – Жаботин, *31* – Зелевки, *32* – Пастырское, *33* – Трахтемиров, *34* – Хотов, *35* – Сорока, *36* – Северинovка, *37* – Григоровка, *38* – Рудковцы, *39* – Непоротово, *40* – Большая Слобода, *41* – Оселивка, *42* – Долиняны. Условные обозначения: *а* – граница лесостепи; б – городище и неукрепленное поселение; в – памятники с разрозненными останками; г – памятники с захоронениями полных костяков.

хоронения в жилищах и хозяйственных ямах, по крайней мере большинство из них, стоит рассматривать как проявление особого погребального обряда, применявшегося, видимо, при специфических обстоятельствах.

Неслучайный характер погребений умерших в постройках и хозяйственных ямах подтверждается и тем обстоятельством, что во многих случаях этот обряд сочетался с другой широко распространенной культовой практикой. Речь идет о совместном нахождении в одном комплексе костяков и разрозненных останков людей (Большая Слобода, Коломак, Мотронинское, Семилуки).

Сейчас в лесостепной Скифии известно порядка трех десятков городищ и поселений, в строительных котлованах и в слое которых найдены отдельные человеческие кости. При этом прослеживается особое значение черепов и их частей, особенно свода. В свое время

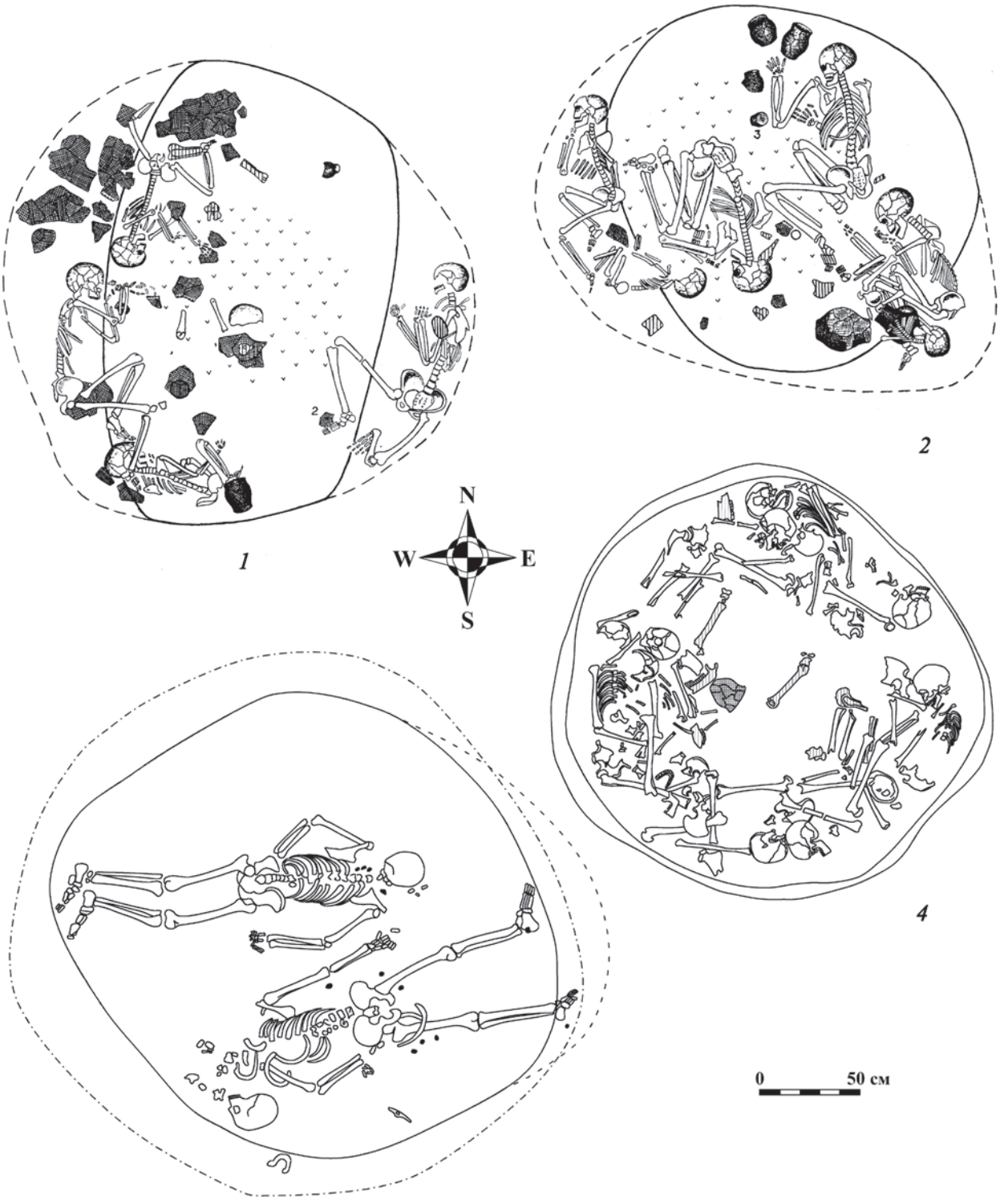

Рис. 2. Захоронения в хозяйственных ямах на городищах. *1, 2* – Семилукское; *3* – Мотронинское (по: Бессонова, Скорый, 2001); *4* – Трахтемировское (по: Фіалко, Болтрик, 2003).

Б.А. Шрамко считал, что черепные крышки, часто встречавшиеся в ямах Бельского городища, были ритуальными чашами, теми самыми, о которых сообщал Геродот при описании скифских воинских обычаев (Шрамко, 1987. С. 94). Однако облик (часто это мелкие обломки) и обстоятельства обнаружения (обычно в мусорных отложениях) многих находок заставляют усомниться в этом. Скорее можно предполагать существование в среде оседло-земледельческого населения лесостепи культа черепов. Ведь неслучайно их нахо-

дили в жилищах, а также при жертвенниках или в составе скоплений костей животных, фрагментов керамики и других материалов, имевших явно культовое происхождение.

Впрочем гораздо чаще на поселениях находят не целые черепа, а их обломки и части посткраниального скелета (изредка в сочленении). Кости (иногда раздробленные) одного или нескольких индивидов попадались в заполнении строительных котлованов, в насыпях зольников, в культурном слое.

Интерпретация этих находок неясна: специалистами дискутируется вопрос о наличии у лесостепных племен андрофагии. Не претендуя на окончательное разрешение этой загадки, обратим внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, разрозненные кости перемещались в ямы из других мест. Во-вторых, антропологами в тех редких случаях, когда они обращались к этим материалам, выявлены на некоторых костях следы зубов хищных животных (Козак, 2006. С.83–84; Скорый, 2008. С.150, 152, 158), установлен факт обугливания скелетных фрагментов спустя несколько лет после смерти (Добровольская, 2004. С. 84). С учетом этих данных можно предположить, что традиционная похоронная практика оседлого населения донской лесостепи предполагала выставление трупов. В этом случае находимые на поселениях в разрозненном виде человеческие кости и могут быть остатками труповыставлений, намеренно либо случайно занесенными в жилую зону поселений (нельзя исключать, что и сам ритуал мог проводиться на их территории или неподалеку).

Изложенный интерпретационный подход дает возможность по-новому оценить поселенческие погребальные комплексы, использовать их для реконструкции культовых традиций оседлого населения лесостепной Скифии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев; Краков: ИА НАНУ, 2001. 242 с.

Добровольская М.В. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 69–106.

Козак А.Д. Предварительные результаты антропологического исследования костного материала из раскопок на Бельском городище и его округе в 2005 году // Махортых С.В., Ролле-Герц Р.А., Скорый С.А., Герц В.Ю., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции у с. Бельск Котелевского района Полтавской области в 2005 г. Киев: ИА НАНУ, 2006. С. 82–91.

Лагодовская Е.Л., Сымонович Э.А. Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 235–242.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 249–257.

Радзиевская В.Е. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины. Тез. докл. конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда / Гл. ред. В.К. Михеев. Харьков: Харьков. гос. ун-т, 1992. С. 177–179.

Скорый С. Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999–2001 и 2004 гг.) // Revista Arheologică. Serie nouă. 2008. V. IV. Nr.1. P. 146–179.

Фіалко О.Е., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ: ИА НАНУ, 2003. 152 с.

Фидельский С.А. Ритуальные захоронения второй половины I тыс. до н.э. на многослойном поселении Чобручи в Нижнем Поднестровье // Археологическое изучение Центральной России. Тез. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. В.П. Левенка. Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 2006. С. 213–215.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 184 с.

Sîrbu V. Ritual inhumations and «Deposits» of Children among the Geto-Dacians // Deviant burial in the archaeological record / Ed. E.M. Murphy. Oxford: Oxbrow Books, 2008. P. 71–90.

ИЗДЕЛИЯ С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ИНКРУСТАЦИЕЙ В ПРЕДСКИФСКИХ И РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКАХ

© 2014 г. Т.В. Рябкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(ryabkova-tatyana@mail.ru)

Ключевые слова: предскифские и раннескифские памятники, техника перегородчатой инкрустации, рентгенофлюоресцентный анализ.

Резюме. Бляхи из погребения 9 IV Мурзихинского могильника в Татарстане и кургана 1В Келермеса выполнены в технике перегородчатой инкрустации (*cloisonné work*), о чем свидетельствует незначительная толщина перегородок между гнездами и наличие клеящего вещества. Изучение аналогичных изделий из кургана 1 у с. Арчадзор, выполненное в Эрмитаже, позволяет утверждать, что для основы блях использовался мягкий поделочный камень – кальцит, для вставок – кальцит и непрозрачное стекло. Как каменные, так и стеклянные вставки изделий с инкрустациями вырезывались перед вставкой в гнезда. Уздечные украшения с перегородчатой инкрустацией получили широкое распространение в элитных курганах Нагорного Карабаха начиная с XII в. до н.э., что, вероятно, указывает на место зарождения техники. Наличие уздечных украшений закавказского производства в Волго-Камье и на Северном Кавказе свидетельствует о наличии связей между населением этих регионов. Использование комплектов уздечных украшений по прямому назначению указывает на непродолжительность временного отрезка, отделявшего изготовление от использования. Бляхи, выполненные в технике перегородчатой инкрустации, встречаются в комплексах вместе с удилами так называемого арчадзорского типа. Верхняя дата таких удил определяется по экземплярам, датируемым VIII в. до н.э. именами царей Менуа и Сардури II, и, вероятно, время изготовления мурзихинских и келермесских блях так же не должно выходить за рамки VIII в. до н.э.

Комплект из четрех бронзовых блях – украшений конской узды из погребения 9 IV Мурхзихинского могильника (Национальный музей Татарстана, инв. № 2346153-56) уникален не только для Волго-Камского региона, но и для степной зоны Евразии. По мнению К.А. Руденко, опубликовавшего часть материалов из исследованных им захоронений IV Мурзихинского могильника, все они датируются IX – началом VII в. до н.э. (Руденко, 2012. С. 226).

Бляхи имеют литую основу в виде диска с пластинчатой петлей на обороте и наклонный бортик, закрепляющий центральную часть бляхи из минерала, похожего на мел, в центре – цилиндрическая вставка из черной плотной массы с тонким золотым колечком, внутри которого находятся пластины-перегородки, образующие композицию в виде 12-лучевой розетки. Пространство между лучами-перегородками заполнено стеклянной эмалью (Руденко, 2012. С. 229. Рис. 3, *2*) (рис. 1, *1*). Указание на то, что в основе вставки – черная плотная масса, так же, как и незначительная толщина перегородок (менее 1 мм), может свидетельствовать о том, что вставки, вероятнее всего, закреплены на слое мастики, а не вплавлены в ячейки. Поэтому техника изготовления может быть определена как перегородчатая инкрустация (*cloisonné work*), а не перегородчатая эмаль (*émail cloisonné*).

Техника перегородчатой инкрустации состоит в том, что из кусочков металлических полосок на поверхность изделий напаиваются перегородки – гнезда, которые заполняются вставками из драгоценных, полудрагоценных камней или кусочков стекла (Литвинский, Пичикян, 1992. С.104; Минасян, Шаблавина, 2009. С. 257). Еще одним столь же редким примером использования этой техники в декоре предметов из комплексов к северу от Кавказа является комплект из четырех

блях – фаларов в Келермесском кургане 1В (рис. 2, *1*). Основа фалара – медная бляшка, на которую напаяны серебряные[1] кольцевидные ободки, между которыми вмонтированы перегородки, инкрустированные треугольными пластинками из белого (минеральный магнезит) и черного с сине-зеленым отливом (природная смесь магнезиального хлорита и полевых шпатов) камня. Центральное поле щитка декорировано трехрядным крестом, концы которого составлены из трех серебряных полосок, пространство между ними инкрустировано черным камнем. В середине креста напаяно кольцевидное гнездо со вставкой их красного камня. Цветные вставки закреплены на слое натуральной смолы типа канифоли (Галанина, 1983. С 44. Табл. 10, *1, 2*). Толщина перегородок значительно меньше 1 мм, и это отличает данные предметы от представленных в младших курганах Келермеса, с которыми их сопоставляют (Галанина, 1983. С. 45). Бляха в виде фигуры пантеры, колчанная застежки, «подлокотники трона» (Галанина, 1997. Табл. 3, *13*; 4, *34, 35*) выполнены в сходной технике с использованием, однако, более массивных перегородок и вставок не только из камня и непрозрачного стекла, но и янтаря. Л.К. Галанина предположила, что фалары с инкрустациями имеют закавказское происхождение, обратив внимание на то, что «среди бронзовых подвесных амулетов эпохи поздней бронзы с территории Армении встречаются экземпляры, почти в точности повторяющие схему орнаментации эрмитажных блях» (Галанина, 1983. С. 45). Композиция из равноконечного креста в круге, обрамленного бордюром из треугольников, на келермесских бляхах состоит из ряда элементов, характерных для декора предметов из Закавказья. Она напоминает композиционные схемы подвесок из Лори-Арчиша (У подножия Арарата, 2008. Кат. 32) (рис. 2, *4*), Нор-Баязета, Тушаняна (Есаян, 1968. Рис. 3, *2, 6*), каменной вставки из кургана на участке Эстерле (ОАК…, 1902. С. 12. Рис. 185) (рис. 2, *5*); уздечных украшений из кургана 91(5) у с. Кара-булак (Ивановский, 1911. С. 163. Т. XVI, *1–2*) (рис. 2, 2, 3), навершия кинжала из погребения 48 могильника Парадизфестунг (Nagel, Strommenger, 1985. Taf. 21, *1*) (рис. 2, *7*), подвески из погребения 66 могильника, исследованного А.А. Ивановским у Кедабека (1911. Табл. VI, *11, 12*) (рис. 2, *9*). Уздечные украшения из Кара-булака и кургана Сарычобан (Джафаров, 1993. Рис. 7, *2–4*) (рис. 2, *6*) выполнены в технике перегородчатой инкрустации с использованием каменных вставок (Джафаров, 1993. С. 203). Похожая композиция использована в орнаменте дна сосуда из фригийского тумулуса G Гордиона (Алексеев, 2003. С. 106. Рис. 2, *5*) (рис. 2, *8*).

Инкрустированные украшения упряжи происходят из курганов Северо-Восточного Закавказья: кургана у с. Толорс (Мнацаканян, 1954. Рис. 44); кургана 1 у с. Арчадзор (Кушнарева, 1957. Рис. 3, *4*); кургана 91 (5) у с. Кара-булак (Ивановский, 1911. Табл. XV, *3*; XVI, *2, 6*); кургана у с. Сарычобан (Джафарян, 1993. Рис. 5, *1–11;* 7, *2–4*); кургана у с. Борсунлу (Погребова, 2011. Табл. XLIV, *11–13*) (рис. 1, *6–11*). Предмет в виде диска, декорированного перегородчатой инкрустацией со вставками из камня и «пасты», представлен в коллекции Метрополитен Музея, вопрос о его происхождении неясен, хотя он упоминается в контексте эламских древностей (Muscarella, 1988. P. 228. Fig. 19–21; Литвинский, Пичикян, 1992. С. 107) (рис. 1, *12*). С точки зрения конструкции бронзовой основы и декора в центре изображениями 6-лучевых звезд аналогиями мурзихинским бляхам служат уздечные украшения из погребения 9 могильника Парадизфестунг, погребения 32 могильника Калакент (Nagel, Strommenger, 1985. Taf. 13, *3–5*; 62, *3*) (рис. 1, *2–5*), бляхи из могильника Лори-Берд, представленные на экспозиции Национального музея истории Армении, экземпляр из могильника Цинцкаро с несохранившейся центральной частью (Куфтин, 1941. Табл. XXXIII) (рис.1, *13*). Наряду с инкрустированными встречаются уздечные украшения с гладкой поверхностью, иногда со стержнем в центре, выполненные сходным образом (Арчадзор, курган 1, Кара-булак, курган 91 (5), Димац, Вардакар, курган на

1 По данным анализа, выполненного в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе рентгенофлюоресцентного анализа (РФА) поверхности ArtTAX С.В. Хавриным, в составе серебра отмечен висмут (Bi), что может указывать на присутствие этого элемента в исходном сырье, а, следовательно, и на месторождение.

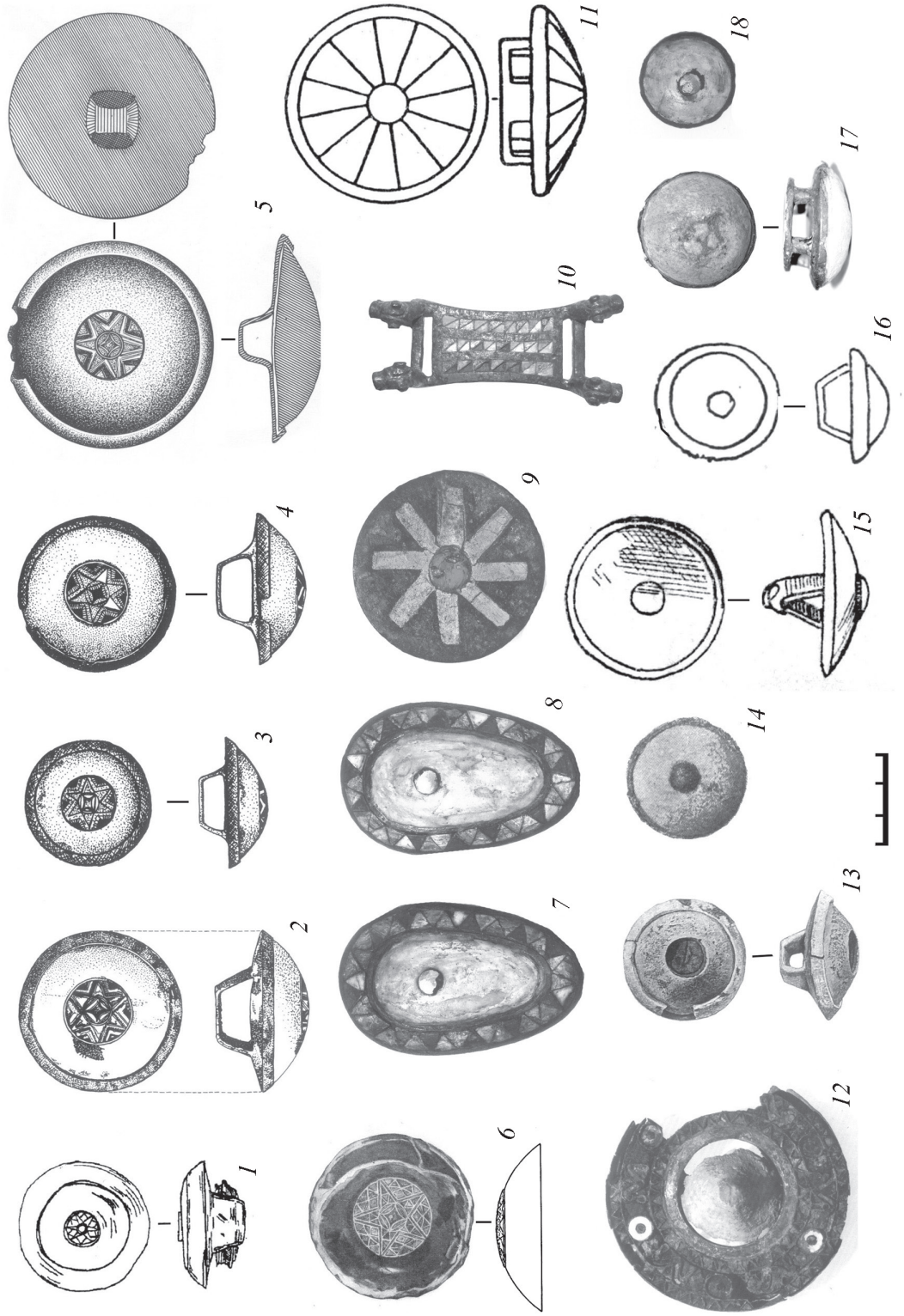

Рис. 1. Уздечные украшения, декорированные перегородчатой инкрустацией. *1* – IV Мурзихинский могильник, п. 9 (по: Руденко, 2012); *2–4* – Парадизфестунг, п. 9; *5* – Калакент, п. 32 (по: Nagel, Strommenger, 1985); *6* – к. у с. Толорс (по: Мнацаканян, 1954); *7–9, 18* – Кара-булак, к. 91 (5) (по: Мошинский, 2010); *10, 17* – Арчадзор, к. 1 (по: Кушнарева, 1957); *11* – Сарычобан (по: Джафаров, 1993); *12* – Метрополитен музей (по: Muskarella, 1988); *13* – Цинцкаройский могильник, п. 21 (по: Куфтин, 1941); *14* – к. на участке Эстерле (по: ОАК…, 1902); *15* – Вардакар, погр., *16* – Димац, погр. (по: Мартиросян, 1964). (*12* – масштаб произвольный).

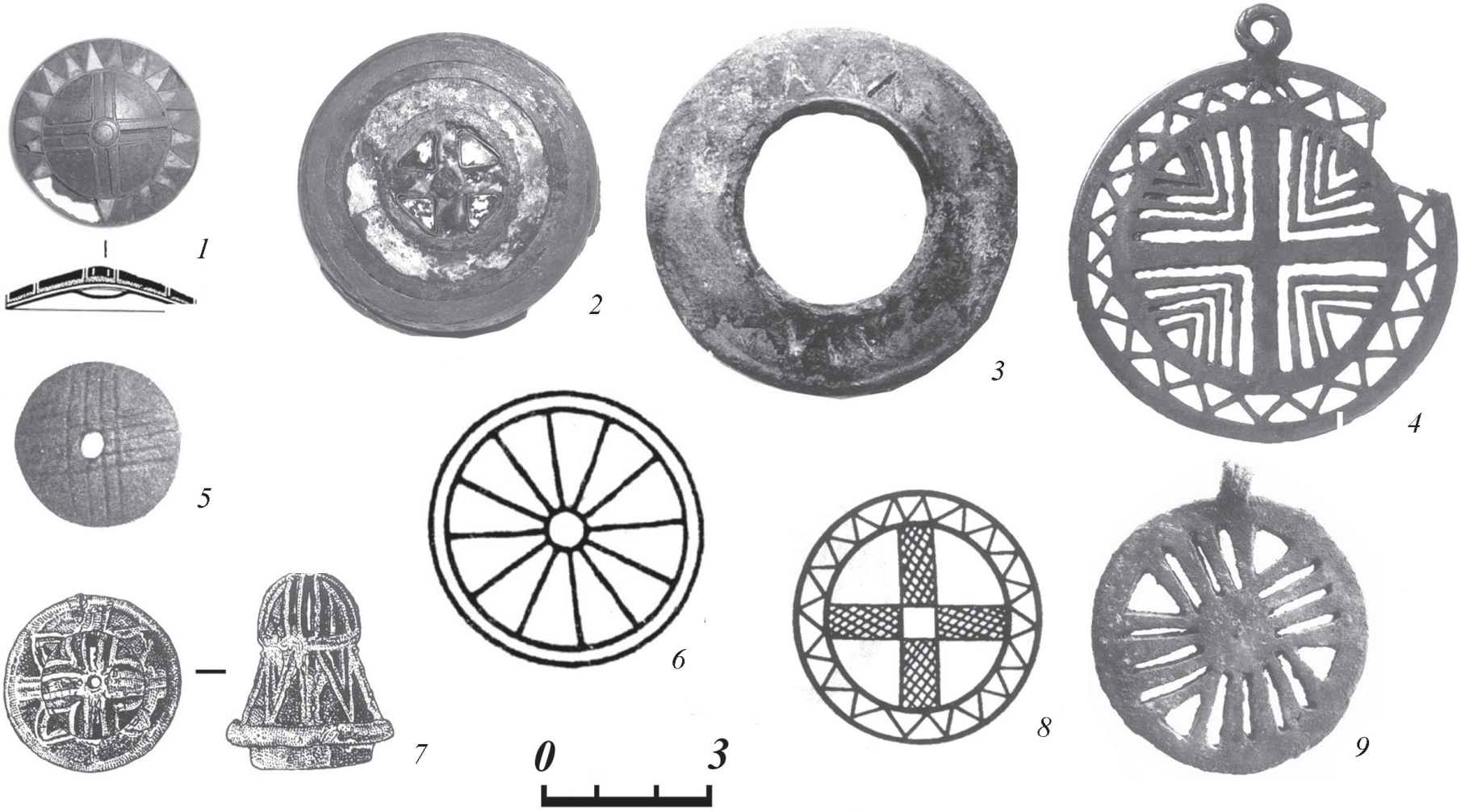

Рис. 2. Инкрустированная бляха из Келермеса и аналогии ее композиционной схеме. *1* – Келермес, к. 1В (по: Галанина, 1983); *2, 3* – Кара-булак, к. 91 (5) (по: Мошинский, 2010; Ивановский, 1911); *4* – Лори-Арчиш (по: У подножия Арарата, 2008); *5* – к. на участке Эстерле (по: ОАК…, 1902); *6* – Сарычобан (по: Джафаров, 1993); 7 – Парадизфестунг, п. 48 (по: Nagel, Strommenger, 1985); 8 – Гордион, Тумулус G (по: Алексеев, 1993); *9* – Кедабек, п. 66 (по: Ивановский, 1911).

участке Эстрерле) (рис. 1, *14–18*). Детальное изучение техники стало возможным благодаря изучению уздечных украшений из курганов Арчадзора[2]. Экспертиза показала, что материалом вставок-основ всех предметов был минерал типа кальцита. В ячейки, напаянные на поверхность пряжки с головками хищников из кургана 1, вставлены пластины из кальцита и непрозрачного стекла, окрашенного в голубой цвет окислами меди (рис. 1, *10*). Поскольку края вставок, как из камня, так и из стекла имеют четкие очертания, вероятно, они не подвергались воздействию высокой температуры. Видимо, стеклянные вставки вырезывались из предварительно подготовленной пластины, как и каменные, и лишь после этого вставлялись в ячейки[3]. Сочетание поделочных камней со светлой (кальцит) или яркой (яшма, оникс, серый мрамор) окраской со вставками из светлого кальцита и голубого непрозрачного стекла позволяло древним мастерам добиваться удивительного колористического эффекта. Вопрос об истоках этой техники пока еще далек от разрешения. Эпизодическое использование отдельных приемов *cloisonné inlay* в Месопотамии и Иране, вероятно, было обусловлено египетским влиянием, где такая техника была широко распространена (Maxwell-Hislop, 1974. P. 167–168). Э. Порада предполагает, что находки в Хасанлу и Зивийе, датируемые IX–VII вв. до н.э., не дают достаточно оснований для утверждения об иранском происхождении этой техники и, возможно, она возникла к северу от Ирана (Porada, 1965. P. 118). Подтверждением этого предположения может служить концентрация предметов с инкрустациями в памятниках Нагорного Карабаха, датируемых XII – началом VII в. до н.э. (Погребова, 2011. С. 295–297)[4]. Вероятно, следует согласится с К.Х Кушнаревой, по мнению которой прием инкрустации был характерен лишь для ремесла этой области (Кушнарева, 1957. С. 169). В других регионах Восточного Закавказья (Толорс, Лори-Берд, Цинцкаро), равно как и в весьма отдаленных регионах (Волго-Камье, Северо-Западный Кавказ), подобные предметы могли появляться в результате различных обстоятельств, например торговли.

Когда же инкрустированные бляхи попали в IV Мурзихинский могильник и в Келермес? Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить комплектность наборов: вероятно, именно 4 экз. составляли комплект лошади, как это зафиксировано, в том числе и в Сарычобане (Джафаров, 1993. С. 198), и использование их по прямому назначению, что может указывать на непродолжительность временного отрезка, отделявшего изготовление от использования. Бляхи, выполненные в технике перегородчатой инкрустации, как правило, встречаются в комплексах вместе с удилами с напускными стержневидными псалиями (так называемого арчадзорского типа), верхняя дата которых определяется по экземплярам, датируемым VIII в. до н.э. именами царей Менуа и Сардури II (Медведская, 1983. С. 61), а значит, время изготовления мурзихинских и келермесских блях также не должно выходить за рамки VIII в. до н.э., что подтверждается и датой тумулуса G из Гордиона (Алексеев, 2003. С. 106).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // Археологический сб. Гос. Эрмитажа. Вып. 24 / Отв. ред. Я.В. Доманский. СПб.: Искусство, 1983. С. 32–55.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 269 с.

Джафаров Г.Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // РА. 1993. № 4. С.191–207.

2 Выношу искреннюю признательность хранителю коллекции А.Н. Новиковой за возможность работы с материалами из курганов у с. Арчадзор, хранящимися в Отделе Востока ГЭ.

3 Выражаю искреннюю признательность Р.С. Минасяну за консультации по определению техники изготовления предметов узды.

4 Необходимо отметить, что верхняя хронологическая граница интервала обусловлена взглядами М.Н. Погребовой на хронологию могильников, раскопанных А.А. Ивановским и В. Бельком, между Кедабеком и Калакентом. Несмотря на отмеченную стандартность погребального обряда и вещевых наборов, характерных для IX–VIII вв. до н.э. и на наличие вещей, характерных для предшествующих периодов, даты для погребений, раскопанных В. Бельком, предлагаются в рамках конца VIII – первой половине VII в. до н.э. (Погребова, 2011. С. 177).

Есаян С.А. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении // СА. 1968. № 2. С. 255–260.

Ивановский А.А. По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. М., 1911. 196 с. (Мат-лы по археологии Кавказа; Вып. VI).

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1941. 491 с.

Кушнарева К.Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. XXVII. 1957. С. 136–177.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3. С. 94–111.

Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1964. 313 с.

Медведская И.Н. Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antigua. 1983. V. XVIII. С. 59–80.

Минасян Р.С., Шаблавина Е.А. О роли технической терминологии в археологической литературе // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. А.Г. Фурасьев. СПб.: Ф-т филол. и искусств СПбГУ, 2009. С 236–261.

Мнацаканян А.О. Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР // КСИИМК. 1954. Вып. 54. С. 99–104.

Мошинский А.П. Древние бронзы Кавказа. М.: ГИМ, 2010. 199 с.

ОАК за 1899 г. СПб., 1902. 184 с.

Погребова М.Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н. э (по археологическим данным). М.: Вост. лит., 2011. 422 с.

Руденко К.А. Декоративно-прикладное искусство раннеананьинского времени (по материалам IV Мурзихинского могильника в Татарстане, предварительный анализ) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С 226–232.

У подножия Арарата. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 143 с.

Maxwell-Hislop K.R. Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C. L.: Methen & Co Ltd, 1974. 275 p.

Muskarella O.W. Bronze and Iron. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1988. 501 p.

Nagel W, Strommenger E. Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovabad / Jelisavetopol. Berlin: Wissenschaftsverlag Volker Spiess, 1985. 192 S.

Porada E. The Art of Ancient Iran. N. Y.: Crown Publishers, 1965. 279 p.

ВОСТОЧНАЯ АБХАЗИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (ПО МАТЕРАЛАМ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДЖАНТУХСКОГО МОГИЛЬНИКА)

© 2014 г. А.Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва
(skakov09@gmail.com)

Ключевые слова: колхидская культура, коллективные погребения, вторичное погребение, транскавказские связи.

Резюме. Статья посвящена результатам исследования могильника Джантух, расположенного в горной части Восточной Абхазии. К настоящему времени здесь изучены погребальные комплексы XIII–XI – II в. до н.э., представленные коллективными погребальными ямами с кремацией. Прослежены изменения погребального обряда по нескольким этапам, обряд соотнесен с памятниками Ингури-Рионской колхидской культуры. Появление коллективных погребальных ям с вторичным обрядом и кремацией связываются с импульсом из района Центрального Кавказа (дигорская культура протокобанского периода). Учитывая наличие центральнокавказского импульса не только в погребальном обряде, но и в металлообработке, а также в керамическом материале, высказано предположение о миграции на данную территорию группы раннекобанского (или протокобанского) населения.

Вплоть до настоящего времени одним из «белых пятен» на археологической карте Западного Закавказья эпохи раннего железа остается Восточная Абхазия – регион между реками Кодор и Ингури. Относительно крупные памятники изучены в ее приморской части: поселения и погребальные памятники Пичори, Гудаа (поселение), Очамчиры-Гиэноса, Тамыша (поселение), Адзюбжи (могильник Балан/Баглан). Основная проблема состоит в том, что все они (даже античный Гиэнос) либо введены в научный оборот в неполном объеме, либо опубликованы в тезисном виде. Гораздо хуже обстоит дело с памятниками предгорий. Здесь, за исключением единичных находок, мы имеем дело практически только с кладами бронзовых изделий (известными и в приморской части), довольно однообразными по своему составу, суммарно датирующимися эпохой поздней бронзы – раннего железа. И, наконец, горная часть Восточной Абхазии оставалась абсолютно неизученной. Единственным исключением стали работы абхазских археологов 1981, 1983, 1985 гг. на интенсивно подвергавшемся разграблению могильнике Джантух севернее г. Ткуарчал (подробнее см. Скаков, Джопуа, 2008. С. 70, 71). Исследование памятника было возобновлено нами (совместно с А.И. Джопуа) в 2005–2006 гг., с тех пор работы проводятся ежегодно (с 2009 г. при поддержке РГНФ).

К настоящему времени на могильнике, ставшем одним из крупнейших погребальных памятников Западного Закавказья, исследованы погребальные комплексы XIII–XI – II в. до н.э. В первую очередь они представлены коллективными погребальными ямами разного размера с кремацией. К XIII–XI вв. до н.э. относится нижний слой погребальной ямы 6 с кремацией на стороне, размеры ямы: 11,4 х 3,5–5 м. Верхний слой этой же погребальной ямы, представляющий собой каменный заклад, также содержит кремации на стороне и датируется концом VIII – рубежом VIII–VII в. до н.э. Видимо, к этому же времени относится обнаруженное в 2013 г. сооружение типа кромлеха (диаметром около 6–6,5 м). К IX в. до н.э. следует отнести два погребения в ямах-колодцах диаметром 1,15–2 и глубиной 0,5–0,7 м, с одиночными погребениями по обряду кремации на стороне.

На следующем этапе существования могильника погребальный обряд несколько меняется: фиксируются те же коллективные погребальные ямы, но уже с обрядом кремации на месте после вторичного погребения. Кроме того, погребальные ямы перекрыты вымостками, образующими сложные конструкции, имеющие ритуально-поминальное значение. К примеру, под исследованной в последние годы вымосткой находится, как предполагается, три погребальных ямы. Вымостка, на которой совершались ритуально-поминальные действия, неоднократно перестраивалась и существовала, вероятно, несколько веков (VII–VI – V–IV вв. до н.э.). Отметим наличие в вымостке камней с выбитыми изображениями свастики и крестов, многочисленных железных (один бронзовый) наконечников копий и колокольчиков (а также стержней для их подвешивания), двух однолезвийных кинжалов, крупных пифосных стенок.

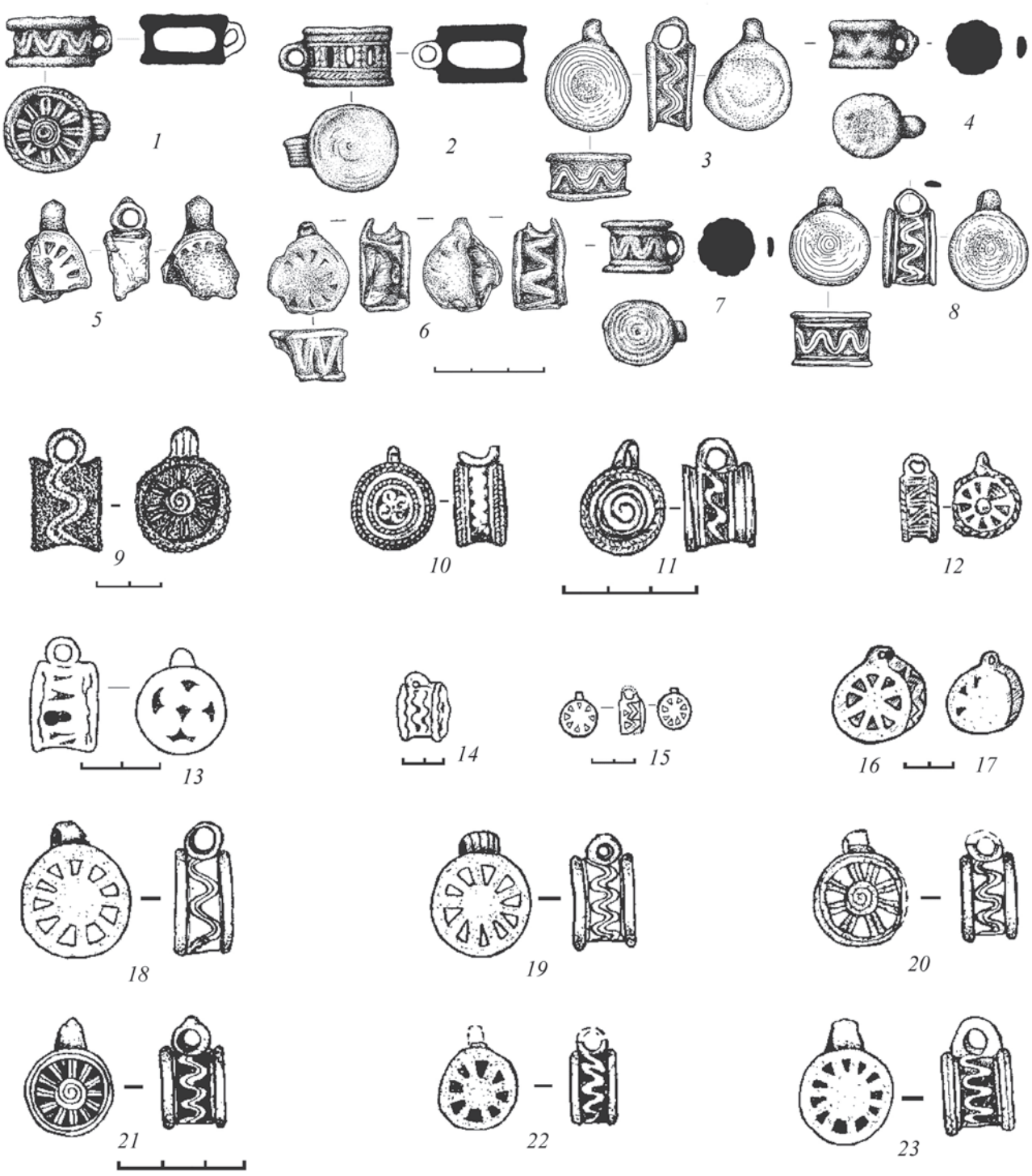
Другая особенность погребений этого этапа – наличие ям-«тайников», сделанных в дне погребения и замазанных сверху материковой глиной. «Тайники» заполнены огромных количеством обожженных (вплоть до превращения в неподдающуюся реставрации массу) металлических предметов, преимущественно вооружения и украшений, при этом кость, керамика, бусы, некоторые категории украшений абсолютно отсутствуют. В одном случае такой «тайник» (предварительно датируется VII–VI вв. до н.э.) имел глубину 0,5 м, диаметр 2,3 м и был сделан в яме достаточно правильной округлой формы. Вещи, находившиеся в нем, были сожжены на стороне, края ямы не имели следов прокала. В другом случае такой тайник (IV в. до н.э., погребальная яма 5) был сделан в яме неправильной в плане формы глубиной 0,75–1,15 м и размерами 1,6–3,9 х 2,25–5,1 м. В этом случае вещи были сожжены непосредственно в яме. Отметим сразу, что на территории Колхиды какие-либо аналоги ни каменным погребально-поминальным вымосткам, ни ямам-«тайникам» не известны.

К данному этапу относятся также погребальные ямы 3 и 4 (вторая половина V – первая половина III в. до н.э.), 5 (IV–III вв. до н.э.), 7 (II в. до н.э.), 8 (V–III вв. до н.э.). Размеры их заметно различаются (№ 3 – 10 х 5,85 м; № 4 – 5,22 х 2,4–2,7 м; № 8 – 2,6 х 1,2–1,3 м и т.д.), но по обряду они идентичны. Широкие датировки изученных комплексов хорошо коррелируют с неоднократным использованием и перестройкой вымостки, что свидетельствует о многоразовом использовании погребальных ям, имевших, вероятно, характер семейных усыпальниц.

Данный погребальный обряд характерен для Центральной Колхиды, а именно для выделенной нами Ингури-Рионской колхидской культуры. При этом на различных памятниках этого региона он имел свою специфику, что позволяет предполагать возможность выделения в дальнейшем локальных вариантов. Появление здесь коллективных погребальных ям с вторичным обрядом и кремацией можно связывать с импульсом из района Центрального Кавказа (дигорская культура протокобанского периода), затронувшим в этот период не только Колхиду, но и Кабардино-Пятигорье. Учитывая наличие центральнокавказского импульса не только в погребальном обряде, но и в металлообработке, а также в керамическом материале, можно, вероятно, предполагать миграцию сюда группы раннекобанского (или протокобанского) населения.

В дальнейшем по керамическому комплексу Джантухский могильник в большей степени соответствует «колхидскому» культурному кругу, обнаруживая при этом явную специфику. Целый ряд типично «колхидских» форм либо вообще не представлен на памятнике, либо встречается здесь крайне редко. Орнаментальные мотивы джантухской керамики находят аналогии как на «колхидских», так и в не меньшей степени на позднекобанских памятниках. В западнокобанском ареале находит отдаленные аналогии и погребально-поминальная вымостка. Прослеживаются «кобанские» черты и в металле Джантухского могильника.

Отметим, что со временем все более отчетливо проявляется специфика Джантухского некрополя (и обнаруживающего наибольшую близость к нему могильника в Ларилари, Сванетия). Здесь встречаются уникальные, нехарактерные для других памятников типы (некоторые варианты бронзовой зооморфной пластики, костяные орнаментированные бусы и т.д.), а другие типы предметов имеют

Катушкообразные подвески Кавказа эпохи раннего железа. *1–8* – Джантух, раскопки 2005–2013 гг.; *9* – Лермонтовская скала; *10* – Баксанское ущелье; *11* – Кисловодск; *12* – Карабашево; *13* – Нартан; *14* – Бедык; *15* – Султан-гора III; *16, 17* – Джантух, раскопки 1980-х гг.; *18–23* – Ларилари.

датировку, отличающуюся от их датировки в других регионах кобано-колхидской культурно-исторической общности. В частности, это некоторые типы крестовидных подвесок (Скаков, 2013), фибул, катушкообразные подвески.

В этой связи никак не могу согласиться с недавним утверждением В.И. Козенковой о том, что «предметное визуальное сравнение» катушкообразных привесок из Ларилари и Джантуха «свидетельствует о принципиальных отличиях двух закавказских форм», а «изделия из Ларилари не просто аналогичны, а идентичны баксанским и чегемским» (Козенкова, 2013. С. 70. Рис. 33, *10–12, 22–26*). Как раз обычное визуальное сравнение показывает, что лариларские (Чартолани, 1989. Рис. 20) и джантухские (если, конечно, привести в качестве иллюстрации не схематичный рисунок из абхазского издания 1990 г., а сослаться на наши статьи 2011 и 2012 гг.) привески абсолютно идентичны (см. *рисунок*) (Шамба Г.К., Шамба С.М., 1990. Рис. 8, *13, 14*; Скаков, Джопуа, 2011. Рис. 14; 2012. Рис. 6, *1–8*). Странно также узнать, что Ларилари находится на «ближайшей, просто соседней территории с ареалом Кобани», а Джантух расположен «в значительном отдалении от северных склонов Кавказа» (Козенкова, 2013. С. 70). На самом деле эти два могильника находятся вблизи друг от друга, будучи разделены только легкопроходимым перевалом, а не горами Большого Кавказа. Кроме того, привески из Ларилари вряд ли могут быть уверенно отнесены именно к VI в. до н.э. (Козенкова, 2013. С. 70), так как погребальная яма 1, откуда они происходят, датируется автором раскопок достаточно широко, в пределах VI–III вв. до н.э. (подробнее см. Скаков, 2011. С. 105).

Наконец, в IV–II вв. до н.э., когда погребальный обряд на территории большей части Центральной Колхиды кардинально меняется, его преемственность сохраняется только на периферии культуры, в горной части Колхиды (могильники Джантух, Ларилари, Шубара-2). Здесь же продолжают бытовать те типы украшений, которые уже давно вышли из употребления на соседних территориях. Архаичность культуры Джантухского могильника не может быть объяснена его замкнутостью, сюда, в частности, в большом количестве проникает античный керамический импорт. Вероятно, явная и даже нарочитая архаизация культуры обусловлена собственной моделью культурогенеза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.

Скаков А.Ю. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный; М., 2011. С. 95–113.

Скаков А.Ю. Крестовидные подвески-навершия в кобано-колхидских древностях // Древности Западного Кавказа. Вып. 1 / Отв. ред. Н.Е. Берлизов. Краснодар, 2013. С. 29–43.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования // Тр. II (XVIII) Всерос. археологического съезда / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 69–72.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская Междунар. археологическая конф. (8–12 ноября 2008 г.). Посвящ. памяти М.М. Трапш / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум: АбИГИ, 2011. С. 132–147.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гущиной. / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 217–238. (Тр. ГИМ; Вып. 191).

Чартолани Ш. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 316 с.

Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 86 с.

К ВОПРОСУ О СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. Е.В. Столяров

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
(stolarov_e@mail.ru)

Ключевые слова: юхновская культура, проблема северо-восточной границы, погребальный обряд.

Резюме. Рассматриваемые в работе памятники раннего железного века Брянско-Жиздринского Полесья (бассейн р. Болва) относятся к юхновской, а не к верхнеокской археологической культуре. Анализ картографии памятников четко демонстрирует тяготение их к основному ареалу юхновской культуры. Между северо-восточной границей распространения памятников юхновской культуры и юго-западной границей распространения памятников верхнеокской культуры на современном этапе исследований выявляется «пограничная зона» шириной 60–70 км, которая является белым пятном в археологическом отношении.

История изучения юхновской культуры насчитывает более 150 лет. Городища юхновской культуры бассейна Верхней и Средней Десны исследовались экспедицией Трубчевского музея и Деснинской экспедицией ИИМК с конца 20-х и по 60-е гг. XX в. (Воеводский, 1949. С. 67; Артишевская, 1957. С. 84; Левенок, 1957, 1963). В 1955–1958 гг. в верховьях Десны работал А.К. Амброз (1964). С 1950 по 1980 г. разведки на большом участке Десны и ее притоках проводил В.А. Падин (2004. С. 30).

Несмотря на столь давнюю историю исследований памятников юхновской культуры, многие вопросы ее изучения остаются нерешенными: проблемы хронологии и периодизации, выделения локальных вариантов и территориальных границ, особенности вещевого и керамического комплекса. Работой Д.В. Каравайко, посвященной памятникам юхновской культуры Новгород-Северского Полесья, отчасти были заполнены многие «белые пятна» в изучении юхновской культуры, которая обрела для отдельного региона достаточно четкий вид и форму (Каравайко, 2012).

В ходе многолетних разведочных работ на территории бассейна Верхней Оки (Брянско-Жиздринское полесье) И.К. Фроловым был выявлен ряд памятников раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э.), которые интерпретировались им как «окский вариант юхновской культуры» (Фролов, 1974. Л. 9). До недавнего времени место нахождения разведочных коллекций из работ И.К. Фролова оставалось неизвестным. По отчетным материалам невозможно было понять культурную атрибуцию выявленных И.К. Фроловым памятников и смысловую дефиницию «окского варианта юхновской культуры». Автором данной работы группа памятников раннего железного века Брянско-Жиздринского полесья включалась в ареал верхнеокской культуры (Столяров, 2013). В 2012 г. материалы разведок И.К. Фролова были найдены автором работы при разборе депаспортизованных коллекций, хранящихся в Калужском областном краеведческом музее. К настоящему времени они переданы на постоянное хранение в Государственный музей-заповедник «Куликово поле».

Данная работа посвящена культурной атрибуции материалов с городищ Павловские Чистки (Скурынск), Павлово, Улемец, Орля, Иночка Авдеевка, селища Авдеевка и грунтового могильника Авдеевка (Жиздринский р-н, Калужская обл.) в свете проблемы территориальных границ юхновской культуры на северо-востоке ее ареала (рис. 1А).

Многими исследователями отмечается, что для ряда культур раннего железного века

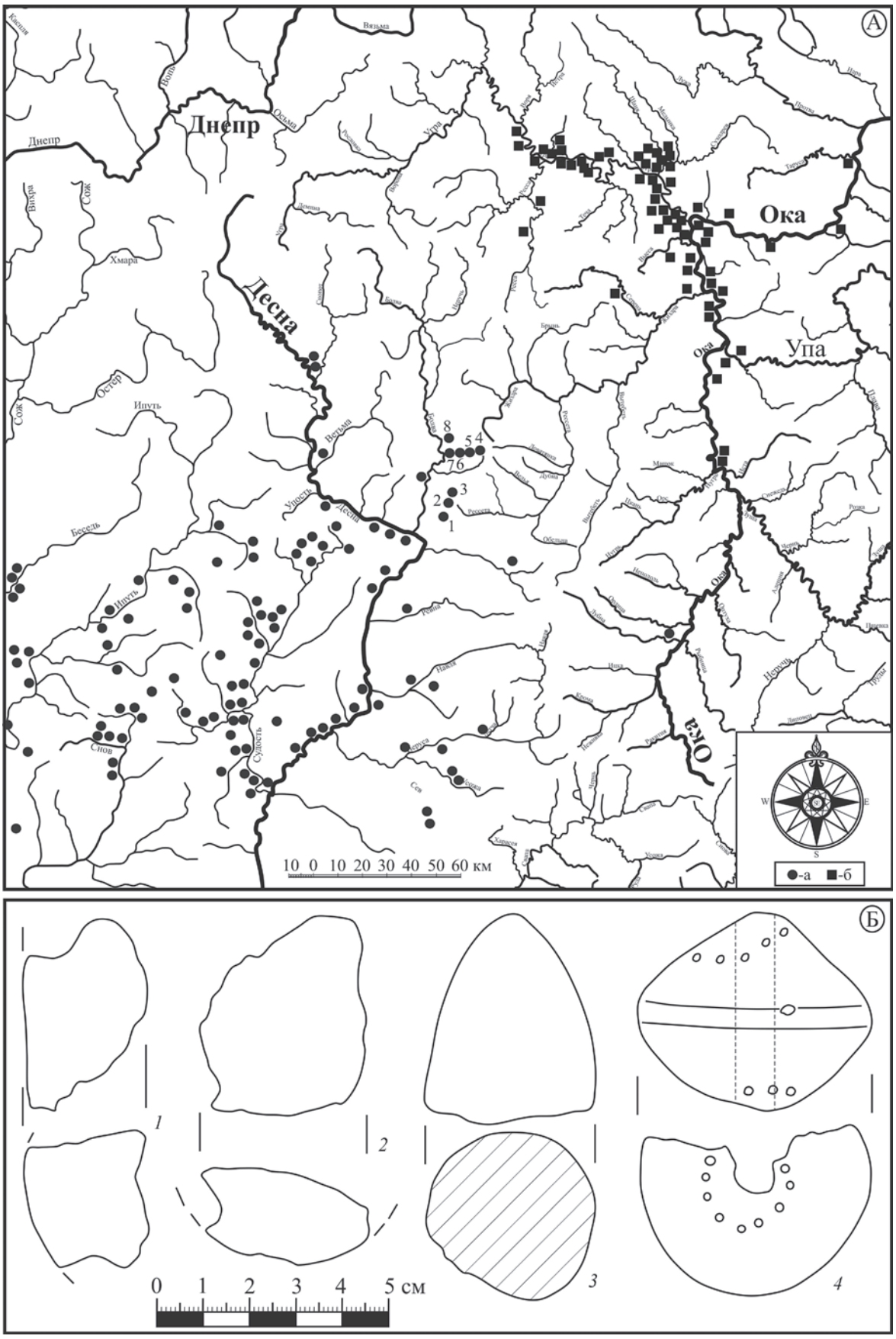

Рис. 1. А – памятники юхновской (*а*) и верхнеокской (*б*) культур. *1* – Павловские Чистки (Скурынск); *2* – Павлово; *3* – Улемец; *4* – Авдеевка, грунтовой могильник; *5* – Авдеевка, городище; *6* – Авдеевка, селище; *7* – Орля; *8* – Иночка. Б – индивидуальные находки: *1, 2* – Авдеевка, грунтовой могильник (шурф 1, п. 2); *3, 4* – Улемец (шурф 1).

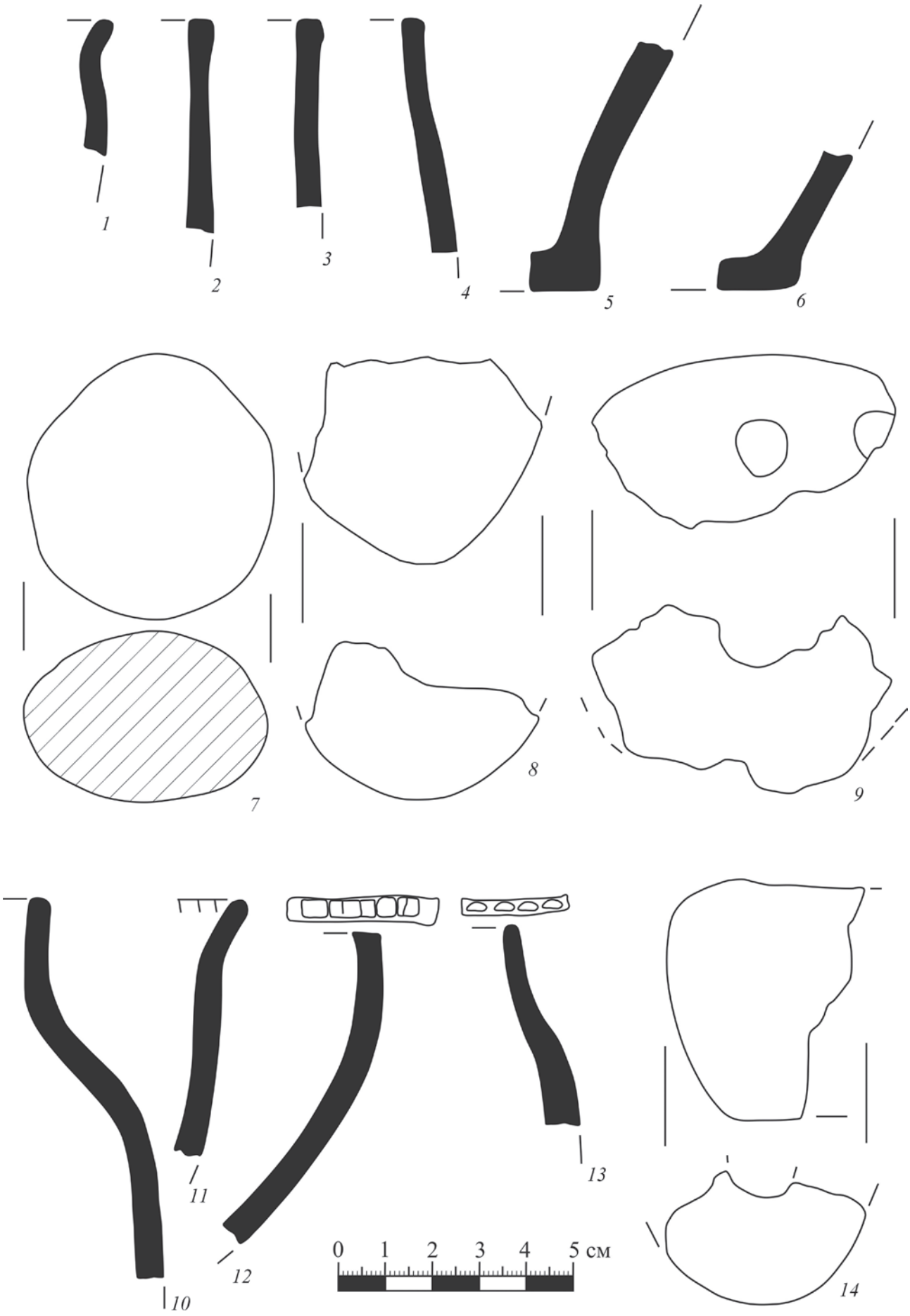

Рис. 2. Керамический материал и индивидуальные находки с памятников. *1–9* – Авдеевка, городище (подъемный материал); *10–14* – Авдеевка, селище (шурф 1).

лесной зоны Восточной Европы (юхновской, днепро-двинской и верхнеокской) сложно определить их территориальные границы, которые являются очень неопределенными даже там, где они были хорошо прослежены. Отчетливая граница между днепро-двинскими древностями, юхновскими и верхнеокскими не всегда обнаруживается, а отнесение городищ к той или иной культуре в пограничной полосе весьма условное (Седов, 1969. С. 120–121).

Видимо существовали широкие зоны с более или менее смешанной материальной культурой, так называемые контактные зоны (Третьяков, Шмидт, 1963. С. 21; Массалитина, 1999. С. 161). Но применение понятия «контактная зона» возможно лишь на определенном уровне разработанности археологической систематики, когда исследованию подлежат взаимосвязанные, последовательно расположенные во времени и пространстве культурные образования, ареалы (Дергачев, 1991. С. 78). На современном уровне изученности культур эпохи раннего железного века лесной зоны Восточной Европы это сделать крайне сложно.

Вероятно следует говорить о контактных районах в рамках существования относительно единых по происхождению и хозяйственно-культурному укладу общностей – типов памятников, носители традиций которых обитали в сходных природно-климатических условиях.

Надежным элементом для дифференциации культур раннего железного века лесной зоны Восточной Европы служит керамический материал. Для всех рассматриваемых памятников «окского варианта юхновской культуры» характерна не профилированная или слабопрофилированная груболепная гладкостенной керамика с примесью мелкого песка, дресвы и шамота. Цвет черепка коричневый, бежевый. Тесто плотное, хорошо промешанное. Керамика в своей основе тщательно заглажена. Наиболее часто встречаемый орнамент – насечки по срезу венчика, наколы щепой в верхней трети сосуда (рис. 2, *1–6, 10–13*).

Среди находок часты находки глиняных блоков (рис. 1Б, *1–3*; 2, *8*), ядер (рис. 2, *7*), пряслиц (рис. 1Б, *4*), грузил (рис. 2, *14*), в том числе украшенных пальцевыми вдавлениями (рис. 2, *9*), которые считаются одним из культуроопределяющих признаков юхновской культуры. На городище Авдеевка было найдено два браслета, один имел овальное сечение и был украшен поперечными бороздками и орнаментом в виде спиральных валют. В коллекции с городища браслеты не найдены (Фролов, 1974. Л. 11).

Юхновская, верхнеокская, днепро-двинская культуры относятся к культурам с неустановленным обрядом погребения. Проблема погребальной обрядности юхновской культуры остается открытой до сих пор. По мнению Д.В. Каравайко, кремация с последующим захоронением праха в неглубоких ямках за пределами городища должна быть наиболее вероятным способом погребения для населения юхновской культуры. При этом если погребения располагались на небольшой глубине, то вследствие многолетней распашки они могли не сохраниться до нашего времени (Каравайко, 2012. С. 74, 151).

На Окско-Деснинском водоразделе известен лишь один грунтовой могильник у д. Авдеевка, открытый И.К. Фроловым в 1974 г. (Археологическая карта…, 2006. С. 122) и, вероятно, имеющий связь с расположенным рядом городищем. Материалы разведок, таким образом, позволяют поставить вопрос и о погребальном обряде носителей культурных традиций юхновской культуры на Окско-Деснинском водоразделе.

Могильник расположен на плато, рядом с городищем. Между плато и городищем находится болотистая ложбина шириной 20–30 м. Всего было обнаружено три погребения в ямках (диаметр 0,3–0,4 м, глубина 0,3 м), состоявшие из скопления кальцинированных косточек и обломков лепной тонкостенной керамики, аналогичной керамическому материалу из рядом расположенного городища (Фролов, 1974. Л. 12). Так, погребение 2 (материалы погребений 1 и 3 не найдены при разборе коллекций) содержало скопление кальцинированных косточек (пять фрагментов), три фрагмента грузил или блоков (рис. 1Б, *1, 2*), а также один неорнаментированный фрагмент стенки сосуда с примесью дресвы, шамота и песка. Такая форма погре-

бального обряда объясняет сложность поиска могильников юхновской культуры.

Таким образом, учитывая имеющийся в нашем распоряжении керамический материал, можно с уверенностью сказать, что рассматриваемые памятники Брянско-Жиздринского Полесья относятся к юхновской археологической культуре. Анализ картографии памятников четко демонстрирует тяготение их к основному ареалу юхновской культуры (рис. 1А). Кроме того, хорошим маркером, иллюстрирующим культурное своеобразие памятников раннего железного века как Верхнего Поочья (верхнеокская культура), так и Подесенья (юхновская культура), служат ажурные навершия булавок. Данный вид украшений по сути – «этнографичный» для населения каждой из культур (Чубур, 2012).

Между северо-восточной границей распространения памятников юхновской культуры и юго-западной границей распространения памятников верхнеокской культуры на современном этапе исследований выявляется «пограничная зона» шириной 60–70 км, которая является белым пятном в археологическом отношении (рис. 1А). Под «окским вариантом юхновской культуры» на современном уровне изученности юхновской культуры следует понимать лишь тяготение рассматриваемых памятников к бассейну Верхней Оки. Наличие или отсутствие конкретного набора локальных особенностей, отличающего эти памятники от памятников классической юхновской культуры Подесенья, предстоит выяснить дальнейшими работами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. К истории Подесенья в I тысячелетии н.э. // СА. 1964. № 1. С. 56–71.

Артишевская Л.В. Разведка в верховьях Десны // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 84–89.

Археологическая карта России. Калужская область. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Ред. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2006. 310 с.

Воеводский М.В. Городища верхней Десны // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV. С. 67–78.

Дергачев В.А. О понятии «контактная зона» // Археологические культуры и культурная трансформация. Мат-лы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В.А. Массон, В.Н. Боряз, М.В. Аникович. Л.: ЛОИА, 1991. С. 76–82.

Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАН Украины, 2012. 276 с.

Левенок В.П. Городища юхновской культуры // КСИА АН УССР. 1957. Вып. 7. С. 49–53.

Левенок В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. 1963. № 1. С. 79–96.

Массалитина Г.А. Железный век // Археология Калужской области. Калуга, 1999. 376 с.

Падин В.А. Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н.э. – X–XII вв. н.э. по материалам археологических исследований. Брянск, 2004. 152 с.

Седов В.В. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тысячелетия до н.э. // СА. 1969. № 2. С. 116–125.

Столяров Е.В. Культурные традиции населения бассейна верхней Оки в эпоху раннего железного века (VI в. до н.э. – I в. н.э.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2013.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 194 с.

Фролов И.К. Отчет о работе Верхнеокской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. 1974. Р-1. № 5429.

Чубур А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рожд. А.И. Пузиковой). Курск, 2012. С. 117–135.

ГОРИТ ИЗ ФИЛИППОВКИ[1]

© 2014 г. В.Е. Трегубов[1], Л.Т. Яблонский[2]

[1] *Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, Оренбург (v-tregubov@yandex.ru)*
[2] *Институт археологии РАН, Москва (yablonsky.leonid@yandex.ru)*

Ключевые слова: Филипповка, ранние сарматы, горит, колчан, наконечники стрел, конструкция, хронология.

Резюме. При доследовании восточной полы кургана 1 могильника Филипповка-1 было выявлено женское погребение. Помимо прочего здесь был найден горит с колчаном и бронзовыми наконечниками стрел. В работе проводится анализ сложной конструкции горита и типологии наконечников стрел. В отличие от других филипповский образец представляет собой уменьшенную копию реального горита и датируется в пределах IV в. до н.э.

Курган 1 могильника Филипповка-1 в Оренбургской обл. раскапывался впервые в период с 1986 по 1988 г. уфимской археологической экспедицией под руководством А.Х. Пшеничнюка (2013)[2]. Памятник находился в центральной части могильника. Высота кургана составляла более 8 м, а его диаметр превышал 80 м. Раскопки центрального захоронения и тайников, расположенных поблизости от центральной могильной ямы, дали большое количество предметов, сделанных из драгоценных металлов. Результаты этих раскопок приобрели мировую известность. Однако в связи с форс-мажорными обстоятельствами восточная пола насыпи кургана осталась не исследованной и подвергалась постоянным попыткам ограбления. В 2013 г. она была раскопана Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского.

Контекст находки. Под восточной полой кургана вблизи края насыпи была обнаружена нетронутая грабителями могильная яма. На дне ямы был расчищен человеческий скелет с исключительно богатым и разнообразным погребальным инвентарем. Судя по его составу, захоронение принадлежало женщине. Она лежала на спине в вытянутом положении, головой строго на юг. Горит находился в 50 см от ее правой кисти.

Гориты из погребений кочевников раннего железного века Южного Урала продолжают оставаться крайне редкой находкой. Для их описания и анализа исследователями чаще всего привлекались изображения, хорошо известные по памятникам изобразительного искусства (Исмагилов, 1987. С. 89; Богданов, 1988. С. 23; Мещеряков, 1997. С. 47, 48, 61; Васильев, 2001. С. 24; Золотые олени Евразии, 2003. С. 27). За последние годы источниковедческая база пополнилась находками горитов из раскопок Оренбургской археологической экспедиции под руководством Н.Л. Моргуновой (Моргунова и др., 2003. С. 51–58; Краева, Купцов, 2007. С. 30–37; Моргунова, Краева, 2012. С. 156–199).

Описание находок. Горит представляет собой футляр подпрямоугольной формы, изготовленный из двух полотен бересты, обращенных внутренней стороной (подкорьем)

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00053.

2 В то время памятник назывался Филипповка или Филипповские курганы. Однако после завершения раскопок могильника Филипповка-2 (Яблонский, 2013) он был переименован и стал обозначаться, как могильник Филипповка-1.

наружу (рис. 1, *1*). Для придания твердой основы всему гориту вдоль краев бересты вставляли прут. Верхняя часть горита оформлена широкой горизонтальной берестяной каймой (лентой) шириной до 3 см. Размеры горита: сохранившаяся высота со стрелами – 23,5 см, ширина – 17 см, толщина в нижней части – около 15 см. В горите были обнаружены кожаный колчан с карманом, плотно наполненными бронзовыми наконечниками стрел с фрагментами древков и отделение для лука в левой боковой части (рис. 1, *4а–е*). Переднюю стенку колчана составляли чередующиеся вертикальные фигурные и прямоугольные в один или два слоя кожаные полосы шириной от 2 до 4,8 см с остатками меха на поверхности и отдельно сшитый карман (рис. 1, *4б*). Левая полоса прямоугольная по форме с неровными боковыми сторонами имела округлый нижний край в правой части. Она накладывалась на нижнюю кожаную полосу, часть которой загибалась на левую боковую сторону колчана. Вторая полоса двухслойная фигурная, с плавно расширяющимися сторонами к основанию в нижней части и сужающаяся кверху. Между слоями полос вдоль оси симметрии для придания объема и ребра жесткости колчану были вставлены два прутика (рис. 1, *4г*). Третья полоса с остатками меха на поверхности однослойная, в форме неправильного клина с неровными краями накладывалась на карман в его левой части (рис. 1, *4в*). Верхние слои кожаных полос были скроены из тонкой эластичной кожи, нижние – из более плотной. Между собой чередующиеся полосы сшивались вдоль срезов тонкими скрученными нитками изнутри.

Карман размерами 8 х 13 см находился в правой части колчана (рис. 1, *4г, 6б, в*). На его задней стенке сохранились остатки меха (рис. 1, *6г*). Вместе с донной частью, обращенной наружу, карман скроен и сшит из цельного куска кожи. Полотно сгибалось пополам и прошивалось двойной отделочной строчкой с левой и нижней сторон. Стык между стенкой и донной частью декорирован ложной тесьмой, образованной путем создания складок (подгибок) в нижней части кармана и верхней части донца. Ложная тесьма прошита двойной строчкой. В нижнюю складку ложной тесьмы был вшит лоскут из тонкой кожи, повторяющий форму дна кармана. Кроме того, дно усиливалось при помощи узкой кожаной полоски, сложенной вдвое и сыромятного ремешка круглого в сечении (рис. 1, *6е*). Нижняя часть задней стенки кармана укреплена дополнительно полоской кожи, шириной до 3,5 см. Правая сторона кармана сопрягалась с задней стенкой колчана (рис. 1, *6в*). Для придания формы и прочности колчану на его лицевую поверхность были наклеены кожаные ремешки, шириной 0,8–1 см, слегка наклоненные по горизонтали. Помимо этого на поверхности колчана был зафиксирован фрагмент кожаного лоскута, сшитого из прямоугольных полос шириной от 2 до 3 см. Лоскут с остатками меха являлся частью какого-то другого кожаного изделия и на поверхность колчана помещался без сшивания. Полосы сшивались между собой изнутри тонкими скрученными нитками. При этом боковые срезы были тщательно скрыты за счет подгибов кожаных полос по краям (рис. 1, *4б*). Левая боковая гофрированная вогнутая сторона колчана сшивалась из одной полосы, шириной около 6 см. Ее сохранившаяся высота составляет около 7 см. Часть полосы шириной в 3 см загибалась на лицевую сторону (рис. 1, *6а*). К вогнутой стороне колчана примыкал фрагмент истлевшего деревянного кибита лука (рис. 1, *4а*). Его сохранившаяся длина составляет 18 см. На нижнем его конце с вырезом для тетивы сохранились остатки кожи (рис. 1, *5*).

Задняя стенка колчана была скроена из цельного куска кожи (рис. 1, *4д, е*). В его нижней правой части выделяется дно подтреугольной формы. Оно скроено из лоскута плотной кожи длиной 7 см, шириной 1,7 см и обращено под наклоном к задней стенке берестяного горита. По краям дно сшивалось с передней и задней стенкой колчана. С внешней стороны задняя стенка колчана и дно были обтянуты тканью грубого плетения (типа холста). Дно по верхнему краю укреплялось ободком из ткани шириной 0,8 см. Помимо этого тканью обтягивалась вся внутренняя сторона задней стенки берестяного горита. На холсте и под ним заметны следы белого вещества (гипса) (рис. 1, *3*). Вероятно, для формирования плоскости дна на внутреннюю поверхность бересты проводилась заливка из гипса, после

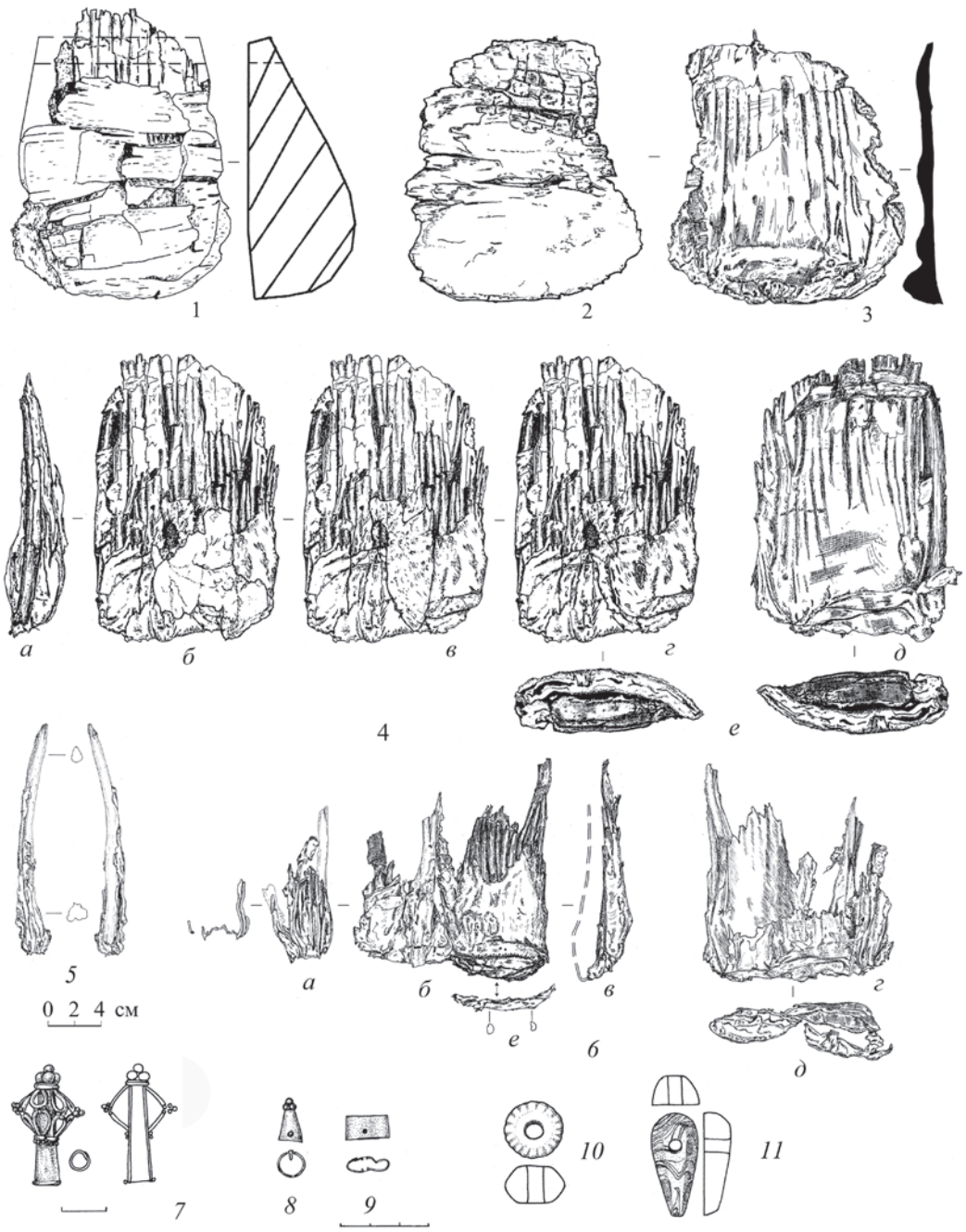

Рис. 1. Могильник Филипповка-1, к. 1 (останец), п. 2. Конструкция горита и его детали (прорисовки). *1* – лицевая сторона с разрезом; *2* – задняя стенка; *3* – внутренняя сторона задней стенки с разрезом; *4* – колчан: *а* – левая боковая стенка с фрагментом кибита лука, *б–г* – передняя стенка в процессе разбора, *д* – оборотная сторона с наконечниками стрел и фрагментом кибита лука, *е* – дно колчана; *5* – фрагмент кибита лука; *6* – фрагмент колчана с карманом: *а* – левая боковая сторона колчана с сечением, *б* – лицевая сторона колчана с карманом, *в* – вид сбоку на карман с разрезом задней стенки колчана, *г* – оборотная сторона колчана с задней стенкой кармана, *д* – вид на дно кармана и колчана, *е* – кожаный шнурок; *7* – ворворка шнурка; *8* – колпачок; *9* – обойма; *10* – пронизь; *11* – подвеска. *1, 2* – береста; *3* – береста, гипс, ткань; *4* – кожа, дерево, ткань; *5* – дерево, кожа; *6* – кожа; *7–9* – золото; *10* – мел; *11* – яшма.

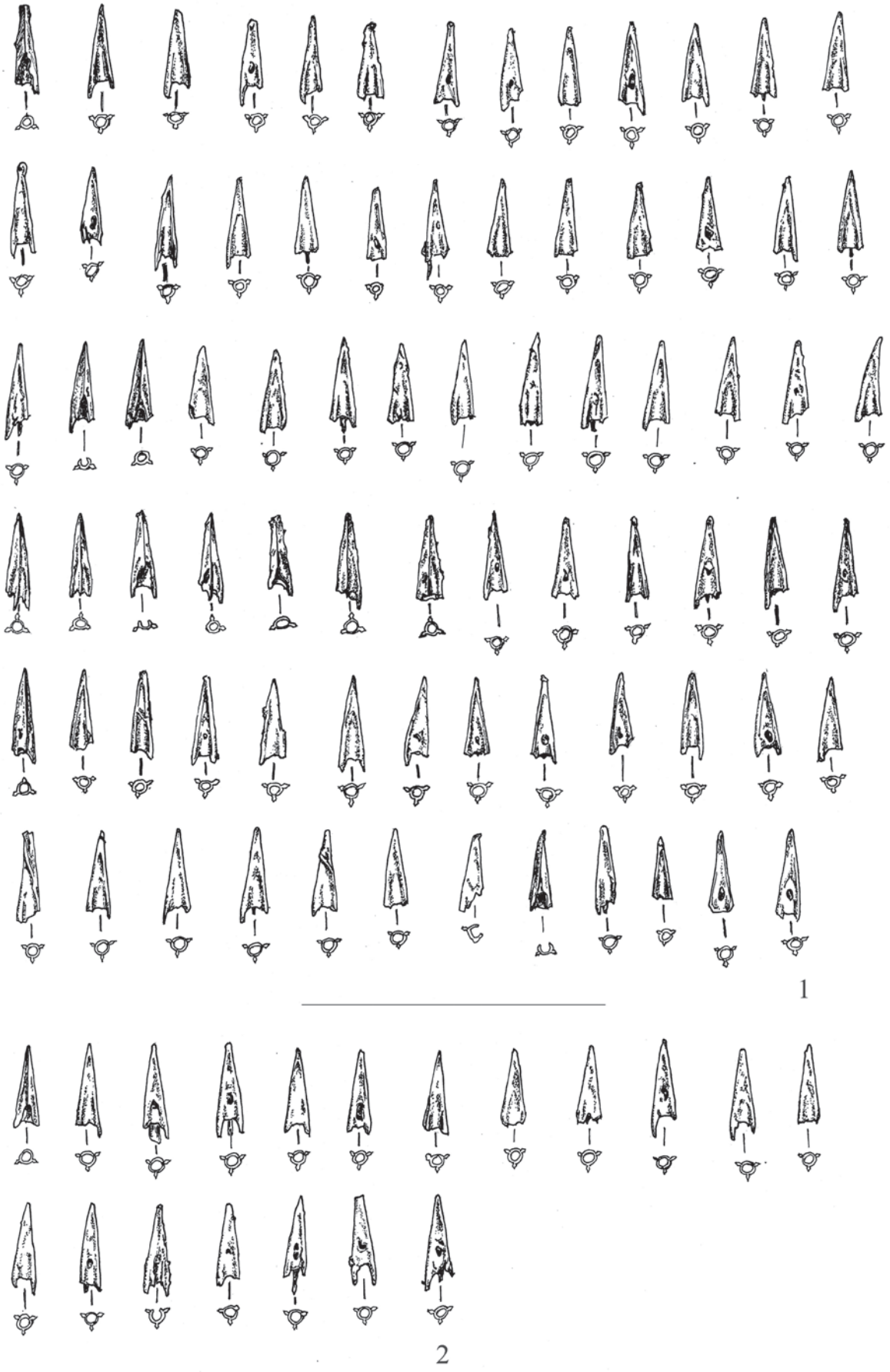

Рис. 2. Могильник Филипповка-1, к. 1, п. 2. Бронзовые наконечники стрел. *1* – из колчана; *2* – из кармана.

чего накладывали ткань. Подобная техника была отмечена на горите из Солохи (Фармаковский, 1922. С. 24–25; Манцевич, 1962. С. 118; Черненко, 1968). Напомним, что курган Солоха датируется концом V – IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, С. 261; Гуляев, 2005. С. 35).

Горит сопровождали связанные с ним детали (рис. 1, *7–11*):

– золотая ворворка (рис. 1, *7*) имеет ажурное ромбовидное навершие и цилиндро-коническую основу-втулку для крепления на конец шнурка. Сверху на навершие припаяны шарики зерни. Зернь также имеется на углах ромбической части;

– золотой колпачок (рис. 1, *8*) имеет форму усеченного конуса. На вершину конусовидной втулки напаяны шарики зерни. У нижнего края имеется сквозное отверстие, в котором сохранился фрагмент золотого гвоздика для прикрепления к деревянному предмету;

– золотая обойма (рис. 1, *9*) по нижнему краю имеет два сквозных отверстия для прибивания к деревянному предмету.

Похоже, что эти три детали соединялись на деревянной основе, которая не сохранилась;

– меловая бусина-пронизь биконической формы (рис. 1, *10*). Поверхность бусины вертикально каннелирована;

– подвеска из яшмы (рис. 1, *11*) в профиль каплевидной формы, уплощенная со сквозным отверстием в расширенной части.

В колчане находилось 97 наконечников стрел. Из них 19 наконечников стрел помещались в карман. Сохранившаяся длина древков вместе с наконечниками составляет 20 см. Остриями все наконечники в колчане были направлены вниз. Все они однотипные: головки в профиль треугольные, в поперечном сечении трехлопастные, с невыделенным бойком, со скрытой втулкой и опущенными концами граней (рис. 2, *3*). В сарматской археологии такие наконечники датируются рубежом V – IV в. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963; Куринских, 2011). Эта датировка совпадает с общей датой могильника Филипповка-1 и кургана 1 этого могильника (Трейстер, Яблонский, 2012; Пшеничнюк, 2013).

Горит из Филипповки датируется рубежом V–IV вв. до н.э. и не находит прямых аналогов среди других изделий, известных в погребениях ранних кочевников Южного Приуралья. В отличие от прочих филипповский образец представляет собой уменьшенную копию реального горита. Такой же уменьшенной копией является и сохранившийся фрагмент кибита лука (рис. 1, *6*). Не ставя под сомнение боевое назначение наконечников стрел, горит из Филипповки следует воспринимать не столько как предмет вооружения, сколько как вотивный (символический) элемент элитного погребения женщины.

Выражаем благодарность канд. ист. наук Л.А. Краевой за помощь и ценные наблюдения при разборе горита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 206 с.

Богданов С.В. Отчет о раскопках в Оренбургской области у с. Краснохолм в Илекском районе и в окрестностях с. Линевка Соль-Илецкого района в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-1.

Гуляев В.И. Скифы. Расцвет и падение великого царства. М.: Алетейа, 2005. 399 с.

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VII–II вв. до н.э. Уфа, 2001. 154 с.

Золотые олени Евразии. Каталог выставки / Ред. Р.Г. Кузеев, М.Б Пиотровский, А.И. Шкурко. СПб.: Славия, 2001. 247 с.

Исмагилов Р.Б. Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 89–93.

Краева Л.А., Купцов Е.А. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 30–37.

Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011 № 3. С. 42–54.

Манцевич А.П. Горит из кургана Солоха // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. 3. Л., 1962. С. 113–119.

Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург, 1997. С. 44– 67.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. **391 с.**

Моргунова Н.Л., Краева Л.А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 156–199.

Пшеничник А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛИ УНЦ РАН, 2013. 278 с.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.: Наука, 1963. 39 с. (САИ; Вып. Д1-9).

Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский). М.: Таус, 2012. С. 282–284.

Фармаковский Б.В. Горит из кургана Солоха // ИРАИМК. 1922. II. С. 18–25.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев: Наукова думка, 1968. 191 с.

Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка-2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. Вып. 10 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2013. С. 305–311.

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ТАРАКТАШ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ[1]

© 2014 г. О.В. Шаров

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(olegsharov@mail.ru)

Ключевые слова: Таракташ, Восточный Крым, позднеримское время, культовый комплекс, антропоморфные статуэтки.

Резюме. Культовый комплекс Таракташ состоит из трех святилищ, расположенных на склонах горы Таракташ, в 3 км к северу от г. Судак. Святилище I возникло около середины–второй половины I в. н.э. и существовало до рубежа IV–V вв. Святилище II дает при преобладании материалов первой половины III в. ряд находок, которые можно отнести к IV в. Святилище III возникло в первой половине II в. и существовало до середины века. Этническую принадлежность населения определить сложно. Возможно это были представители какого-то варварского племени, переместившиеся на Боспор из районов Центральной Азии.

Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах одноименного горного хребта в 0,5 км к северо-востоку от современного с. Дачное, в 3 км к северу от г. Судак, на юго-восточном побережье Крымского п-ова. Место у подножия западной вершины Таракташского хребта, выбранное в древности для места строительства святилищ и обширного горного поселения римской эпохи, имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины: Бакаташ (тюрк. «гора-лягушка») и Таракташ (тюрк. «гора-зуб»). Отсюда прекрасно просматривается Судакская бухта с близлежащими долинами и контролируется главная дорога, ведущая на север, вглубь Крымского полуострова (Шаров, 2009а).

До середины 90-х гг. XX в. планомерные археологические раскопки здесь не проводились. В 1908 г. на восточном склоне г. Бакаташ был найден 1-й Таракташский клад, со-

1 Работа подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

державший около 2000 боспорских статеров и позднеримских монет, самая поздняя из которых относится к 328 г. н.э. (Стевен, 1909; Харко, 1968; Джанов, Юрочкин, 2001. С. 70). В 1958 г. в центре с. Каменка (ныне с. Дачное) был найден второй клад, содержащий около тысячи боспорских монет III–IV вв. н.э., (Судакский, или 2-й Таракташский клад) (Фролова, 1983). С этого времени в окрестностях с. Дачное стали фиксироваться многочисленные грабительские раскопы.

Летом 1995 г. Горно-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАН Украины под руководством В.Л. Мыца на месте глубокой грабительской ямы на холме Дегермен-Тепе был заложен раскоп. В пределах раскопа изучены остатки двух культовых построек и погребение, составляющие единый культовый комплекс, существовавший с середины I в. н.э. по рубеж IV–V вв. (Мыц и др., 1998. С. 1–2; Мыц, Лысенко, 2001. С. 96–97. Рис. 1).

Особый интерес представляли находки в одной из культовых построек археологически целых 270 краснолаковых сосудов III–V вв., а в другой – двух лепных антропоморфных статуэток (Мыц, Лысенко, 2001. С. 96–97). Этот памятник с уникальным материалом очень быстро, несмотря на очень краткую публикацию, стал широко известен в научных кругах.

В 2000 г. в средней части Таракташского хребта, в самом высоком его месте, называемом Сары-Кая (тюрк. «Желтые скалы»), на высоте около 530 м над уровнем моря местными «любителями древностей» был обнаружен третий Таракташский клад. В состав клада входили 25 серебряных денариев Антония Пия и Фаустины Старшей, золотые серьги-подвески, серебряные браслет, фибула, пряжка, перстень и 5 золотых монет Феодосия II (408–450 гг.) (Джанов, Юрочкин, 2001. С. 70). Появление такого представительного и яркого комплекса в очередной раз привлекло внимание исследователей к Судакской долине.

В 2000–2001 гг. сотрудники Славяно-сарматской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа (М.Б. Щукин, О.В. Шаров) совместно с сотрудниками Горно-Крымской археологической экспедиции КФ ИА НАНУ (В.Л. Мыц, А.В. Лысенко) провели археологические разведки в окрестностях с. Дачное. Итогом разведок 2000–2001 гг. стало обнаружение поселенческих и культовых комплексов римской эпохи на западном и южном склонах хребта Сары-Кая.

В 2002 г. прямо под гребнем горы Таракташ сотрудниками Славяно-сарматской экспедиции Эрмитажа было открыто и исследовано новое святилище римского времени, получившее название «Таракташ II» (Щукин и др., 2003; Шаров, 2009б).

В 2006 г. Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН совместно со Славяно-сарматской экспедицией Эрмитажа было открыто еще одно культовое сооружение на западном склоне горы Таракташ, на поселении римской эпохи, получившее название «Таракташ III». Стены культового сооружения Таракташ III находились прямо под стенами постройки 7 первой половины III в. (Шаров, Щукин, Палагута, 2006). В нем были найдены многочисленные краснолаковые и лепные сосуды, кости жертвенных животных, а на полу – две глиняные антропоморфные статуэтки.

Таракташский культовый комплекс I возник около середины–второй половины I в. н.э. и существовал приблизительно до рубежа IV–V вв. Заложен памятник был, скорее всего, боспорскими военными поселенцами, размещенными на западном рубеже государства после римско-боспорского конфликта 49 г. н.э. Покинуто святилище было вскоре после нашествия гуннов на рубеже IV–V в. Этническую принадлежность этого населения однозначно определить сложно. Возможно, это были представители какого-то варварского племени, переместившиеся на Боспор из районов Центральной Азии во время бурных военно-политических событий рубежа новой эры.

Таракташский культовый комплекс III возник в первой половине II в. н.э. Оставлен памятник был также переселенцами, прибывшими для охраны западных рубежей Боспора, но уже в эпоху Котиса II–Римиталка. Данное святилище существовало очень недолго, так как весь материал укладывается в рамки первой половины II в. Речь, возможно, идет о волне переселенцев с востока, появившихся в 30–50-х гг. II в. на западных окраинах Боспора. С.Ю. Внуков пишет, что продвижение новых кочевников на запад в 40-х гг. II в. имело большие политические последствия. Его результатом было разрушение Танаиса. При восстановлении города произошли серьезные

изменения в организации городской общины и в ее этническом составе. По всей видимости, новыми кочевниками были подчинены и нижнедонские сарматы. С ними связаны также слои разрушений на ряде крымских памятников и появление воинских кочевнических погребений в некоторых регионах (Внуков, 2007. С. 67). Известно, что на Боспоре в 131–133 гг. вместе с бездетным Котисом II чеканит монеты его соправитель Римиталк, а с 155 г. начинает править Тиберий Евпатор. Любопытно, что начало правления двух последних боспорских царей почти четко совпадает по хронологии с крупными выступлениями аланов в 134 г. (Римиталк утвержден Адрианом в 133 г.) и сарматов в 155 г. (Евпатор утвержден Антонином Пием в 154 г.). Вероятно это был дипломатический ход римской политики, когда для упрочения буферного государства, прикрывающего римские владения в Крыму, могли призываться правители другой династии. В этом случае многие изменения в погребальной обрядности Боспора, которые хорошо прослеживаются по материалам некрополя Пантикапея (Шаров, 2009а. С. 229; 2011) вполне объяснимы, и это свидетельствует дополнительно о появлении новой волны кочевников с востока.

Появление *культового комплекса Таракташ II* связано с теми же процессами – появлением новой волны кочевников с востока и началом позднесарматской эпохи. Представленный на святилище Таракташ II керамический материал относится главным образом к первой половине III в., но отдельные типы сосудов, имитирующие форму V понтийской сигилляты (по Дж. Хейсу) могут относиться и к IV в. (Ушаков, 2004. Рис. 1, 2; Шаров, 2007. Рис. 27). Таким образом, материал святилища Таракташ II дает при явном преобладании материалов первой половины III в. и ряд находок, которые можно отнести к IV в. Был ли перерыв между этими периодами или святилище Таракташ II существовало в течении столь длительного времени, сказать пока трудно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Внуков С.Ю. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // РА. 2007. № 3. С.163–177.

Джанов А.В., Юрочкин В.Ю. Новый Таракташ-ский клад (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. Мат-лы конф. Керчь, 2001.С. 69–73.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Мат-лы конф. Ч. 2. СПб., 2001. С. 96–100.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Тесленко И. Б., Семин С. В. Отчет о раскопках позднеантичного святилища у с. Дачное (б. Таракташ) в 1995 г. Симферополь, 1998 // РА КФ ИА НАНУ. Инв. кн. 6. Инв. № 1314. Папка 1677.

Стевен А.Х. Таракташский клад // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 43. Симферополь, 1909. С. 99–101.

Ушаков С.В. Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // Херсонесский сборник. Вып. XIII / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Севастополь: Стрижак-Пресс, 2004. С. 285–296.

Харко Л.П. Монеты из Таракташского клада 1908 г. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1986. С. 284–295.

Фролова Н.А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. // Нумизматические памятники Исторического музея. М.: ГИМ, 1983. С. 3–23. (Нумизматический сб.; Ч. 8).

Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007. 208 с.

Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.): Дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2009а. 682 с.

Шаров О.В. Святилище на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009б. С. 459–464.

Шаров О.В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Мат-лы конф. Ростов-н/Д., 2011. С. 217–233.

Шаров О.В., Щукин М.Б., Палагута И.В. Отчет о раскопках поселения Таракташ у с. Дачное Судакского р-на, АР Крым Украины в 2006 г. СПб. // Архив ИА НАНУ. 2006.

Щукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В., Соколова Л.А., Гарбуз И.А. Исследования поселения и святилища Таракташ-1 у с. Дачное Судакского р-на // Отчетная археологическая сессия за 2002 год. Гос. Эрмитаж. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 54–60.

МОГИЛЬНИК ОГЛАХТЫ В ЮЖНОЙ СИБИРИ: ДАННЫЕ ИЗОТОПНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

© 2014 г. Н.И. Шишлина[1], С.В. Панкова[2], В.С. Севастьянов[3], О.В. Кузнецова[3], Ю.В. Демиденко[1]

[1] Государственный Исторический музей, Москва (nshishlina@mail.ru; demidyv@hotbox.ru)
[2] Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (svpankova@gmail.com)
[3] Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Москва (vsev@geokhi.ru; olga_kuznetsova0@mail.ru)

Ключевые слова: таштыкская культура, Южная Сибирь, образцы волос, изотопный анализ.

Резюме. В результате изотопного исследования волос индивидов из могильника раннего этапа таштыкской культуры было высказано предположение о сезонных вариациях в системе питания человека этого времени, об особой роли проса и рыбы.

Могильник Оглахты в Минусинской котловине относится к раннему этапу таштыкской культуры (III–IV вв. н.э.). Памятник был частично исследован в 1903 г. А.В. Адриановым (1903), а в 1969–1973 гг. Л.Р. Кызласовым (1969). В некоторых погребениях сохранились изделия из меха, ткани, дерева, бересты, а также сами тела погребенных («мумии») и кожаные подобия тела человека, заключающие остатки сожжений («куклы»). В ряде могил найдены косы, хотя их принадлежность часто остается неясной.

Был проанализирован изотопный состав образцов волос, принадлежавших нескольким индивидам (коллекции ГИМ и Эрмитажа), а также коллагена кости одного из погребенных (коллекция ГИМ).

Образцы 1–3 происходят из раскопок А.В. Адрианова, могила 1: образец 1 – фрагмент прически длиной 14,5 см в виде косы (образцы отбирались из каждого сегмента против часовой стрелки); образец 2 – коса длиной 20,5 см.

Образцы 4–6 происходят из могилы 4 (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.): образец 4 – волос с головы женщины; образец 5 – волос с головы мужчины; образец 6 – коса длиной 24,5 см.

Образец 1. В разных сегментах волос разница в значении величины ^{13}C достигает 2,3‰, а ^{15}N 1,98‰. Образец 1-1 из «верха» косы имеет самый высокий $\delta\ ^{13}C = -16{,}57‰$, образец 1-3 – самый высокий $\delta\ ^{15}N = +12{,}15$.

Образец 2. В разных сегментах разница в значении величины ^{13}C достигает 1,44‰, а ^{15}N 3,04‰. Выделяется сегмент 2–7 с высокими значениями $\delta\ ^{13}C = -16{,}38‰$ и $\delta\ ^{15}N = +12{,}19‰$; и сегмент 2–8 с самым низким значением $\delta\ ^{15}N = +9{,}29‰$.

Полученные значения соответствуют показателям изотопного сигнала для человека и позволяют предполагать принадлежность описанных кос человеку.

Образец 3 коллагена кости человека, вероятно, принадлежит подростку из могилы 1. Полученные результаты по кости человека не совпадают с результатами по волосам. Система питания подростка перед смертью и индивидов, которым принадлежали косы, значительно различались.

Образцы 4 и 5. Волосы мужчины и женщины и коса происходят из могилы 4. Данные по волосу женщины (образец 4) – $\delta\ ^{13}C = -17{,}21‰$,

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-12003 офи_м.

$\delta^{15}N$=+10,52‰ – близки по изотопному составу отрезкам 1-8 и 2-9 кос из могилы 1. Для волоса мужчины (образец 5) зафиксировано самое высокое значение $\delta^{13}C$= –15,13‰ .

Образец 6. В данном образце (накладная коса, могила 4) самые низкие показатели азота и углерода: $\delta^{13}C$= –21,18‰, $\delta^{15}N$=+9,48‰. При отсутствии подтвержденных данных о принадлежности косы волос человеку трудно достоверно оценить полученные результаты. С одной стороны, показатели по азоту выше, чем у известных образцов волос коней (из погребений пазырыкской культуры на Алтае (O'Connell, Levin, Hedges, 2003) и совпадают с данными по образцу косы 2-8 из могилы 1. С другой стороны, показатели по углероду скорее соответствуют показателям для конского волоса. Известна ситуация, когда микроскопическими методами не удалось определить принадлежность волос человеку или лошади, данные же изотопного анализа позволили достаточно определенно ответить на этот вопрос (O'Connell, Levin, Hedges, 2003). Таким образом, не исключено вероятное использование для косы волос лошади.

Полученные вариации изотопного состава исследованных образцов позволили выделить следующие группы:

1 – обе косы и фаланга из могилы 1, волос женщины из могилы 4;

2 – волос мужчины из могилы 4;

3 – коса из могилы 4 (не исключено, что это образец волос животного).

Изотопный профиль волос людей первой группы свидетельствует, что компоненты системы питания индивидов не были постоянными. Такая ситуация отражает изменения в потреблении основных продуктов в течение года – в употреблении мяса (^{15}N) и растений с C_3 и C_4 типом фотосинтеза и мяса травоядных животных (^{13}C) и рыбы. Вероятно такие изменения можно считать сезонными (Roy et al., 2005). Возможно эти люди употребляли мясо и молоко домашних животных, рыбу, растения группы C_3. В некоторые месяцы среди продуктов питания могла преобладать речная рыба (образец 2-4), в другие, скорее всего, отсутствовать (образец 2-8); в определенные периоды люди включали в свое ежедневное меню растения группы C_4 либо мясо травоядных животных, которые выпасались на пастбищах с растениями группы C_4.

Мужчина группы 2 перед смертью питался растениями с C_4 типом фотосинтеза (скорее всего, просо).

Если коса из группы 3 все-таки сделана из человеческого волоса, то этот индивид питался только растениями группы C_3, мясом и молоком травоядных животных и не употреблял рыбу. Второй вариант интерпретации иного изотопного сигнала – коса сделана из волос животного.

Полученные изотопные данные сопоставимы с данными по материалам пазырыкской культуры Алтая: данные по волосам индивидов плато Укок (O'Connell, Levin, Hedges, 2003).

Археологический контекст. Исследования последних лет показали, что уже в бронзовом веке, начиная с III тыс. до н.э. и на протяжении II тыс. до н.э., в Центральной Евразии среди подвижных пастушеских культур зарождается и распространяется земледелие. Просо, ячмень и пшеница становятся основными земледельческими культурами (Spengler et al., 2014), доминируя и в последующие эпохи.

Основой экономики населения восточной части Евразийской степи в раннем железном веке было скотоводство. Однако уже носители тагарской культуры Минусинской котловины практиковали примитивную форму земледелия, о чем свидетельствуют находки бронзовых серпов, на поселениях – зернотерок, а в отдельных погребениях переходного «тагаро-таштыкского» времени – зерен и чешуек проса и ячменя (Членова, 1992. С. 220). Также и в период существования таштыкской культуры основой хозяйства было скотоводство с подсобной ролью земледелия. В таштыкских грунтовых погребениях зафиксированы зерна, называемые «просом» (Адрианов, 1903; Кызласов, 1969. Л. 45; Вадецкая, 1999. С. 31) (авторы не располагают сведениями, определялись ли они специалистами).

Для таштыкских памятников изотопный анализ делается впервые, поэтому мы вынуждены ссылаться на результаты исследований материалов предшествующих тагарской культуры Минусинской котловины и уюкской культуры Тувы. Изотопные данные получены по материалам могильников Ай-Дай (тагар-

ская культура) и Аймырлыг (уюкская культура). Они указывают, что либо в системе питания людей присутствовали растения группы C_4, либо рыба из речных водоемов (Murphy et al., 2013).

Предположительно население Южной Сибири раннего железного века употребляло просо, что и вызвало довольно высокие значения $\delta\,^{13}C$ у носителей тагарской и уюкской культур, а также у трех индивидов из могильника Оглахты в определенные короткие временные отрезки.

Итак, образцы волос и коллагена кости погребенных в могильнике Оглахты сохранили изотопный сигнал, соответствующий индивидуальной системе питания. Их предварительный анализ позволяет выдвинуть несколько гипотез.

Гипотеза 1: для людей из могильника Оглахты были характерны сезонные вариации в системе питания отдельных индивидов.

Гипотеза 2: изотопный сигнал подтверждает предположение об употреблении проса как растительного компонента в системе питании местного населения. Вероятно в Южной Сибири в это время продолжало развиваться земледелие с основной культурой – просо.

Гипотеза 3: рыба занимала значительное место в системе питания индивидов, похороненных в могильнике Оглахты, хотя, как показывает образец 2-8, могли быть периоды (зимние? летние?), когда рыбу не употребляли.

Гипотеза 4: если накладные косы изготавливались из человеческих волос, то система питания некоторых индивидов отличалась от системы питания местного населения.

Дальнейшие исследования, возможно, позволят ответить на следующие вопросы: чем были вызваны такие различия в компонентах системы питания; почему волосы людей, похороненных в одних и тех же могилах, различаются по изотопному сигналу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адрианов А.В. Оглахтинский могильник // XXIX Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903 г. № 249 (16 ноября). С. 3–4.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 4010.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 206–223. (Археология СССР).

Murphy E.M., Schulting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsina M. Iron Age pastoral nomadism and agriculture in the Eastern Eurasian Steepe: implications from dental paleopathology and stable carbon and nitrogen isotopes // J. of Archaeological Sciences. 2013. V. 40. P. 2547–2560.

O'Connell T., Levin M., Hedges R. The Importance of fish in the diet of Central Eurasian peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age // Prehistoric steppe adaptation and the horse. Cambridge, 2003. P. 253–268.

Roy D.M., Hall R., Mix A.C., Bonnichsen R. Using stable isotope analyses to obtain dietary profiles from old hair: a case study from plains Indians // American J. of Physical Anthropology. 2005. V. 128. P. 444–452.

ОСОБЕННОСТИ ДАТИРОВАНИЯ И СИНХРОНИЗАЦИИ СКИФОИДНЫХ ПАМЯТНИКОВ VIII–VI ВВ. ДО Н.Э. В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СТЕПНОГО ПОЯСА ЕВРАЗИИ[1]

© 2014 г. П.И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(shulgapi55@yandex.ru)

Ключевые слова: хронология, синхронизация, вещевой комплекс, могильник Юйхуанмяо, Северный Китай, Южная Сибирь.

Резюме. В ходе проводимых автором исследований по датированию, синхронизации и этнокультурной идентификации скифоидных памятников VIII–VI вв. до н.э. в восточной части степного пояса Евразии были выделены две обширные области (общности), население которых имело существенные расовые и культурные различия. В западную область входили культуры европеоидов Казахстана, Синьцзяна, Саяно-Алтая и западной части Монголии. К восточной общности относились культуры монголоидов от Северного Китая до Забайкалья. В ходе исторического развития в каждой из этих областей (общностей) сформировались особые вещевые комплексы, синхронно изменявшиеся в рамках этих областей. В обеих областях пока отсутствуют «кочевнические» памятники с установленными абсолютными датами, но на востоке они могут датироваться точнее благодаря наличию китайских изделий. Установлено, что на востоке такие хронологические индикаторы, как пропускавшиеся в кольца удил двудырчатые псалии, некоторые типы кинжалов и наконечников стрел, роговые свистунки и концевые накладки на лук появляются на 100–150 и даже 450 лет раньше, чем на западе.

Археологические культуры раннего железного века в Южной Сибири целенаправленно исследуются уже почти столетие. Взгляды на их хронологию неоднократно менялись, тем не менее, большинством исследователей наиболее хорошо датированными признаются Аржан-1 (около 800 г. до н. э.) и курганы Пазырыка (около 300 г. до н. э.) (Евразия в скифскую…, 2005. С. 68, 80). Почти все остальные комплексы располагаются согласно относительной хронологии в указанном 500-летнем промежутке. Традиционный метод датирования по аналогиям с удаленных памятников Передней Азии и Европы в основном исчерпал себя, и все чаще взгляды обращаются на древние культуры Китая. В последние два десятилетия там опубликовано значительное количество материалов из раскопанных скифоидных могильников, в том числе содержащих датированные китайские изделия. Особое значение имеет открытие в Китае огромных «кочевнических» могильников VIII–VI(V) вв. до н. э. с достоверно устанавливаемой последовательностью подхоронений, поскольку знание относительной хронологии могил позволяет детально проследить эволюцию погребального обряда и инвентаря за этот период. В Синьцзяне они насчитывают до 700 погребений (Шульга, 2010б. С. 42), а в Северном Китае – до 400 (Могильники …, 2007). В европеоидном Синьцзяне основная часть инвентаря (за исключением керамики) в чауху и в других культурах VIII–V вв. до н.э. относится к типам, широко распространенным в Казахстане, на Алтае и в Туве (см. Шульга, 2010б. Рис. 75–82). Почти все категории инвентаря в Синьцзяне изменялись так же, как в Южной Сибири, и могут быть синхронизированы, но для VIII–V вв. до н.э. там пока нет погребальных комплексов с датированным китайским импортом.

Ситуация с датированием в Северном Китае VIII–III вв. до н.э. совершенно иная. Культуры северных «варваров» входили в состав

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-01-00301а.

восточной историко-культурной общности монголоидных народов, существовавшей в IX–V вв. до н. э. на территории от Забайкалья до Ордоса. В отличие от западной, заселявшейся европеоидами, области (Синьцзян, Казахстан, Саяно-Алтай и западная часть Монголии), восточная характеризовалась не только сходством инвентаря, но и погребального обряда населявших ее племен. На наш взгляд, к этой восточной общности можно с оговорками относить и культуру оседлого китайского населения, проживавшего к северу от Хуанхэ и непосредственно контактировавшего с «варварами». Значительная часть последних также вела оседлый образ жизни, занималась собаководством, широко использовала китайские изделия от оружия до ритуальных бронзовых сосудов и гончарной керамики. В Северном Китае для IX–VI вв. до н.э. китайские исследователи выделяют две основные скифоидные культуры: более раннюю культуру «верхнего слоя Сяцзядянь» («наньшаньгэнь») и сформировавшуюся под ее влиянием культуру юйхуанмяо VII–VI вв. до н.э. (У Энь, 2007). В элитных захоронениях этих культур найдено большое количество китайских бронзовых ритуальных сосудов, оружия и других изделий. К концу VI в. до н.э. носители культуры юйхуанмяо были частично ассимилированы, а часть их, видимо, переселилась примерно на 200–250 км западней, ближе к Ордосу, где заложила культуру маоцингоу (конец VI – III в. до н.э.). В отличие от культур VI–IV(III) вв. до н.э. Ордоса (таохунбала, янлан) и Ганьсу (шацзин), найденные в захоронениях культур верхнего слоя Сяцзядянь и юйхуанмяо (Северный Китай) китайские изделия IX–V вв. до н.э. позволяют более точно определять время их сооружения, но и там имеются трудности с датированием.

Погребальный обряд северных и западных «варваров» не предполагал устройства внутримогильных конструкций из толстых бревен, а сохранность встречающихся гробов из досок, как правило, плохая. Все это не позволяет построить дендрохронологические шкалы и выполнить их радиоуглеродное датирование по системе *wiggle-matching*. Большой разброс дают и сравнительно немногочисленные даты по углям, древесине и костям. Соответственно датировка памятников осуществляется традиционно по китайским изделиям (бронзовые ритуальные сосуды, оружие), имеющим аналогии на Средней Хуанхэ. Типология ритуальных сосудов хорошо разработана, но, как и в случаях с монетами, не ясно, через какое время они попадали в могилы. Тем не менее в отличие от Южной Сибири временные интервалы представительных комплексов «кочевников» Северного Китая могут быть определены с минимальными погрешностями. Во многих из них содержатся вещи «скифо-сибирского» облика, а это теоретически дает возможность синхронизировать памятники из Южной Сибири с памятниками в Китае. Однако оказалось, что хронологические индикаторы, выделяемые в вещевых комплексах культур восточной общности, зачастую бытовали в иных хронологических рамках.

В качестве примера рассмотрим материалы полностью опубликованного уникального для скифского мира могильника Юйхуанмяо VII–VI вв. до н.э., расположенного в 80 км к северо-западу от Пекина. В 80–90-х гг. XX в. китайскими археологами там исследовано 400 погребений, в которых обнаружено большое количество инвентаря, в том числе почти 18 тыс. бронзовых изделий, включая собственно китайские сосуды и оружие со Средней Хуанхэ. Однако главная особенность могильника Юйхуанмяо – в установленной хронологической последовательности захоронений, что впервые дает возможность на столь представительном материале достоверно проследить реально происходившую (а не предполагаемую) эволюцию инвентаря, звериного стиля и погребального обряда в течение 150–200 лет, примерно с начала VII по вторую треть VI в. до н.э. включительно.

В составе вещевого комплекса Юйхуанмяо вычленяются собственно китайские изделия (бронзовые сосуды, клевцы, часть кинжалов, наконечников стрел, украшений и др.); изделия, характерные для восточной общности (рис. 1), проникавшие и в Минусинскую котловину (Шульга, 2013); изделия, имеющие аналогии или сходство в Туве и на Алтае (рис. 2).

По имеющимся данным, характерный для восточной общности вещевой комплекс VII–VI вв. до н.э. (рис. 1), включавший украшения

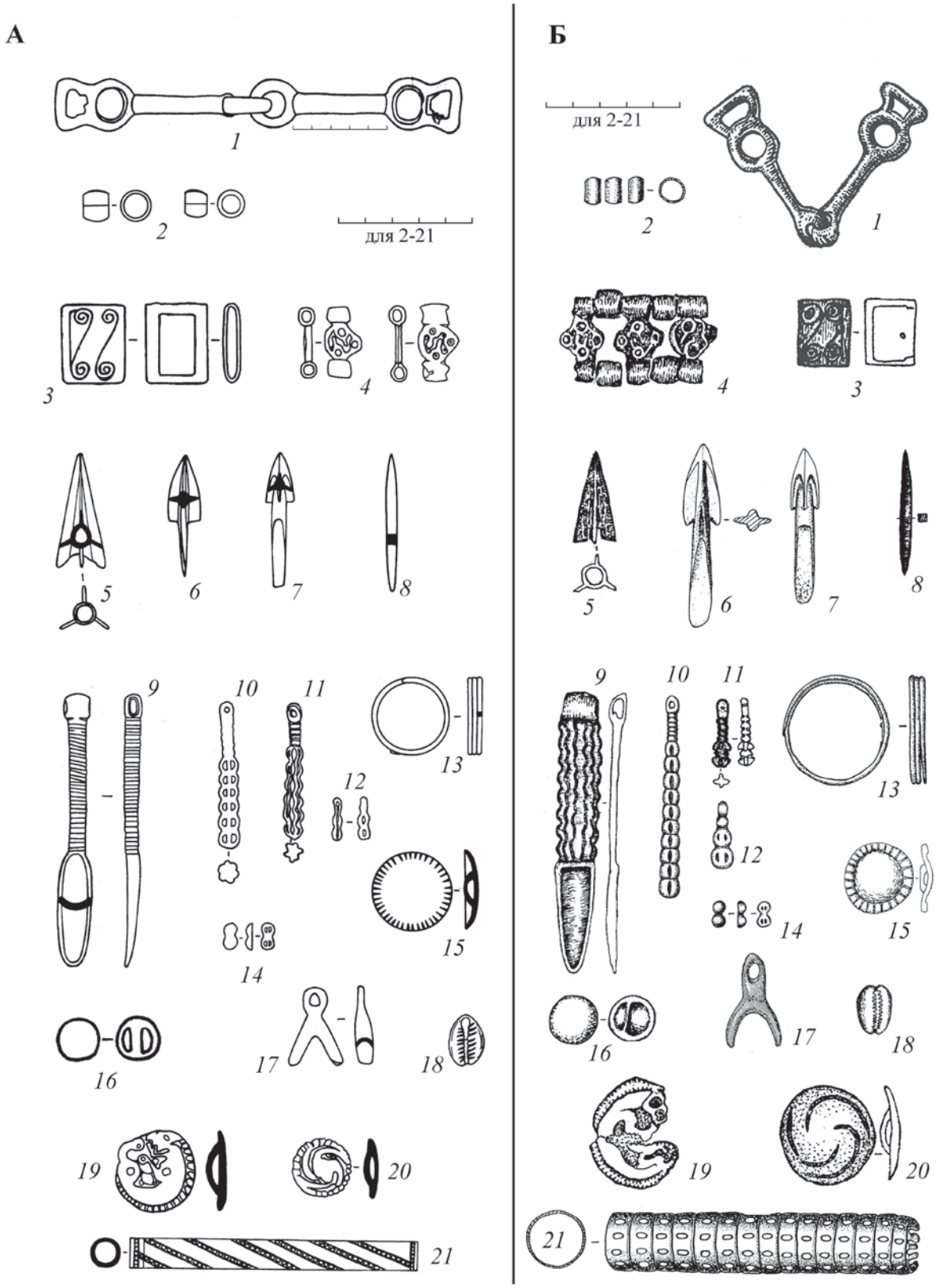

Рис. 1. Сравнительная таблица инвентаря из могильника Юйхуанмяо (А) с дворцовской культурой и культурой плиточных могил (Б) (по: Шульга, 2010а).

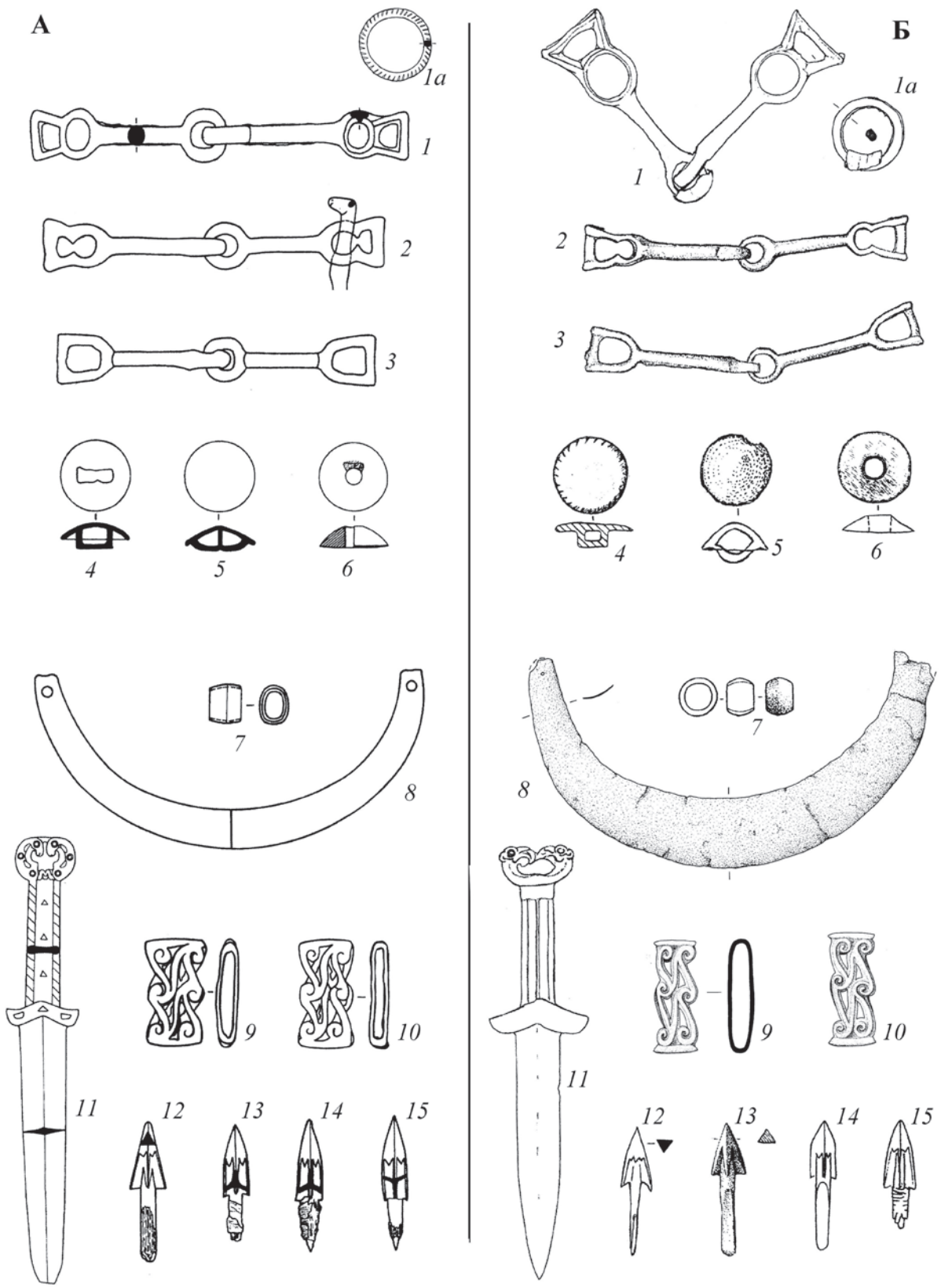

Рис. 2. Сравнительная таблица инвентаря из могильника Юйхуанмяо (А, *1–15*) с инвентарем VII–VI вв. до н.э. из Тувы (Б, *1, 8–15*) и Горного Алтая (Б, *2–7*). А, *8*; Б, *9, 10* – золото; остальное – бронза. Масштаб разный.

«карасукского» облика, существовал и видоизменялся на территории от Северного Китая до Забайкалья синхронно. Связи с вещевым комплексом Тувы и Алтая оказались намного сложней. Уже на первых этапах функционирования могильника Юйхуанмяо в VII в. до н.э. со стремечковидными удилами использовались только двудырчатые псалии (рис. 2А, *2*). На Алтае и в Туве двудырчатые псалии распространяются только с кольчатыми удилами и лишь со второй половины VI в. до н.э., т.е. примерно на 100–150 лет позже. В захоронениях раннескифского времени там таких случаев известно два в Туве (Алды-Бель-1, Чинге-Тэй-1), куда такая конструкция могла эпизодически проникать с востока, подобно поясным обоймам, пекторалям, сбруйным кольцам и удилам с рамкой повода (рис. 2Б, *1, 1а, 8, 9*). Нужно сказать, что «классические» для скифского мира трехдырчатые псалии известны преимущественно в культуре верхнего слоя Сяцзядянь (к северо-востоку от Пекина), тогда как в государствах Китая они, по-видимому, вообще не использовались. Показательно, что в одном из элитных захоронений в царстве Чу (провинция Хубэй), относимом к первой половине–середине VII в. до н.э., все псалии двухпетельчатые, пропускавшиеся в окончания удил большого диаметра (Раскопки …, 2013. Рис. 20). Такие удила с двудырчатыми псалиями появляются на территории Саяно-Алтая не ранее второй половины VI в. до н.э. Несколько раньше в Северном Китае широко распространились и удила с отдельной рамкой повода (рис. 2А, *1*). Найденные в ранних погребениях Юйхуанмяо черешковые трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с башневидной или сводчатой головкой и зубчатыми выемками в основании бойка (рис. 2А, *13–15*) и поясные пряжки-застежки с выступающим вперед носиком старше подобных изделий на Алтае и в Туве на 1,5–2 века. Примерно на 100 лет раньше в Юйхуанмяо использовались кинжалы с бабочковидным перекрестием, в том числе с навершием в виде двух противопоставленных существ (рис. 2А, *11*). Самым же необычным для археологов, работающих на постсоветском пространстве, является обнаружение в Юйхуанмяо концевых накладок на лук с характерным вырезом и костяных свистунок с наконечниками стрел. В Саяно-Алтай они проникают только через 450–500 лет, с распространением культуры хунну.

Как видим, многие общепризнанные в Казахстане, Синьцзяне и Саяно-Алтае «хронологические индикаторы» появляются в восточных скифоидных памятниках намного раньше и должны использоваться для датирования памятников на пограничных территориях с культурами восточной общности с должной осторожностью. В заключение следует отметить, что многие из отмеченных выше инноваций в инвентаре (в частности, указанные выше наконечники стрел и поясные пряжки), по всем данным, зарождались в Монголии на территории расположения оленных камней монголо-забайкальского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо. Т. 1–4 // Тр. Пекинского городского ин-та культурного наследия. Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. 1660 с. (на кит. яз.).

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010а.

С. 135–140.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010б. 238 с.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013. 149 с.

У Эньюэсыту (Уэньюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с. (на кит. яз.).

Раскопки погребения М1022 на могильнике Шеньган в г. Сянян провинции Хубэй // Вэньу. 2013. № 7. С. 4–19. (на кит. яз.).

НОВЫЕ НАХОДКИ В «ЦАРСКОМ» КУРГАНЕ 1 МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА-1 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

© 2014 г. Л.Т. Яблонский

Институт археологии РАН, Москва
(yablonsky.leonid@yandex.ru)

Ключевые слова: Филипповка-1, курган 1, доследование погребальный обряд, датировка.

Резюме. В работе представлены результаты последних исследований: проведено доследование останца кургана 1 могильника Филипповка-1.; вскрыт подземный ход (№ 3), в котором был найден массивный бронзовый котел. Обнаружено и исследовано не тронутое грабителями погребение (№ 2), в котором найдено более 1000 предметов, в том числе высокохудожественных, выполненных из драгоценных металлов. Захоронение датируется IV в. до н.э., вероятно, второй его половиной.

Курган 1 могильника Филипповка-1 в Оренбургской обл. раскапывался впервые в период с 1986 по 1988 г. Уфимской археологической экспедицией (НИИИЯЛИ Башкирского филиала РАН) под руководством А.Х. Пшеничнюка[1]. Памятник находился в центральной части могильника. Высота кургана составляла более 8 м, а его диаметр превышал 80 м. Раскопки центрального захоронения и тайников, расположенных поблизости от центральной могильной ямы, дали большое количество предметов из драгоценных металлов, включая знаменитых «золотых» оленей (26 экз.). После серии выставок, организованных как в нашей стране, так и за ее пределами, издания каталогов этих выставок на русском и иностранных языках (Золотые олени Евразии, 2001; The Filippovka kurgans…, 2000) результаты этих раскопок приобрели мировую известность.

Однако в связи с форс-мажорными обстоятельствами восточная пола насыпи кургана, сегментовидная в плане, высотой около 5 м и длиной около 50 м осталась не исследованной и подвергалась постоянным попыткам ограбления. Основной задачей экспедиции ИА РАН в сезоне 2013 г. было полное доследование этой части насыпи с целью завершить изучение уникального памятника, уже вошедшего в анналы мировой культуры, и предотвратить его полное разграбление современными вандалами.

Под восточной полой насыпи на уровне древнего горизонта были расчищены многочисленные кости лошадей. Некоторые из них находились в анатомическом сочленении, другие были разрознены в результате работы плуга. Здесь же были обнаружены жертвенные комплексы (6 шт.), представленные прикопанными в землю наборами деталей конской уздечки (бронзовые и железные удила и псалии, налобник, наременные пряжки, фрагмент каменного жертвенника).

Судя по научному отчету А.Х. Пшеничнюка (1988) под эту полу насыпи уходил подземный ход. Такие подземные ходы фиксировались в Филипповских курганах и ранее. Два из них были обнаружены и при раскопках насыпи кургана 1 в ходе первого этапа раскопок памятника.

Подземный ход длиной свыше 25 м был направлен к востоку от центральной могильной ямы, и в устье имел ширину 0,8 м. В восточном окончании он поднимался на поверхность древнего горизонта пятью ступеньками и здесь достигал в ширину 2,5 м при глубине у нижней ступеньки около 2 м. В нынешнем сезоне в восточном подземном ходе, недалеко от ступенчатого входа в него был найден массивный литой бронзовый котел с диаметром

1 В то время памятник назывался Филипповка или Филипповские курганы. Однако после завершения раскопок могильника Филипповка-2 (Яблонский, 2013) он был переименован и стал обозначаться, как могильник Филипповка-1.

венчика 102 см и весом около полу-тонны. Его ручки были выполнены в традициях скифо-сибирского звериного стиля и оформлены в виде объемного геральдического изображения голов двух грифонов (мифических птиц), соприкасающихся клювами.

Под восточной полой кургана вблизи края насыпи была обнаружена нетронутая грабителями могильная яма. По форме в плане она приближалась к прямоугольнику с тотальными размерами 357 х 260 см. Длинной осью она была ориентирована параллельно насыпи кургана на этом участке. Глубина ямы составляла 370 см. На уровне погребенной почвы и в профиле бровки насыпи были зафиксированы остатки бревен деревянного перекрытия погребальной камеры.

На дне ямы, на многослойной подстилке из коры, камыша и травы был расчищен человеческий скелет с исключительно богатым и разнообразным погребальным инвентарем. Судя по его составу, захоронение принадлежало женщине. Она лежала на спине, головой в южный сектор, в вытянутом положении на спине. В головах слева находился сделанный из луба ларь, заполненный доверху предметами, включавшими две литые серебряные фиалы (одна из них использовалась в качестве крышки для другой); стеклянные и серебряный туалетные сосудики; кожаный ремень с прикрепленными к нему бронзовыми бубенчиками; плетеную покрытую кожей коробочку, доверху наполненную большими жуками (скарабеи и носорог); две костяные и одну бронзовую татуировальные иглы; наполненные пигментами кожаные мешочки; каменную орнаментированную (раскрашенную) по венчику чашечку с минеральным агрегатом ярко-голубого цвета; сосудики из кожуры каштана и грецкого ореха; обработанные и необработанные камни; предметы из янтаря; деревянный сосуд с золотыми накладками и ручкой, выполненной в виде объемной фигуры медведя. Между ларцом и черепом находилось развернутое золотое нагрудное украшение-медальон/талисман (?). От центрального звена отходят золотые цепочки с удлиненно-каплевидными подвесками. Предмет в целом изображает солнечный диск. Центральная часть предмета округлой формы выполнена из золота в технике перегородчатой мозаики. Мозаика сделана из разноцветного стекла. В центре украшения изображено мировое древо с охраняющими его крону мифологическими птицами-симургами, частично покрытыми рыбьей чешуей. Корни дерева уходят в подземный мир. Над всей композицией распростерла крылья главная птица-симург – охранительница.

К северу от короба лежало большое серебряное зеркало с позолоченной ручкой, украшенной в зверином стиле и рельефными позолоченными композициями на тыльной стороне диска. В центре диска имеется изображение орла, окруженное фигурками крылатых быков в полный рост и растительными мотивами (рис. 1). Трехчастная композиция в целом отражает мифологическое понимание древними иранцами структуры мира, как и в случае с нагрудной бляхой. Зеркало помещалось в футляр из коры, который застегивался с помощью гагатовой пронизи-пуговицы.

Севернее зеркала стоял деревянный сосуд с серебряными накладками и носиком-сливом. В юго-восточном углу погребальной камеры находился деревянный сосуд с роговой крышкой, гравированной в зверином стиле. Сосуд был украшен золотыми накладками. Одна из них служила ручкой и была выполнена в виде объемной фигуры кулана или самки (безрогой) джейрана. Сосуд был помещен в плетеный из прутиков футляр, расшитый бисером.

Севернее лежали большое (диаметром 33 см) серебряное блюдо с ложковидным орнаментом, колчан с бронзовыми наконечниками стрел. Колчан многослойный, выполнен из луба, коры и кожи. Рядом с колчаном находились его детали: меловая, яшмовая и золотые пронизи.

У правой стопы располагалось деревянное блюдо и сосуд-алабастр в отдельном футляре. В пределах блюда стоял серебряный туалетный сосудик, заключенный в футляр из коры, и крупная золотая бусина в мешочке, расшитом бисером и бусами. Футляры были украшены золотыми пронизями.

К северу от алабастра были найдены две каменные палитры и пестик для растирания татуировальных пигментов и сопровождающие их многочисленные предметы, из кото-

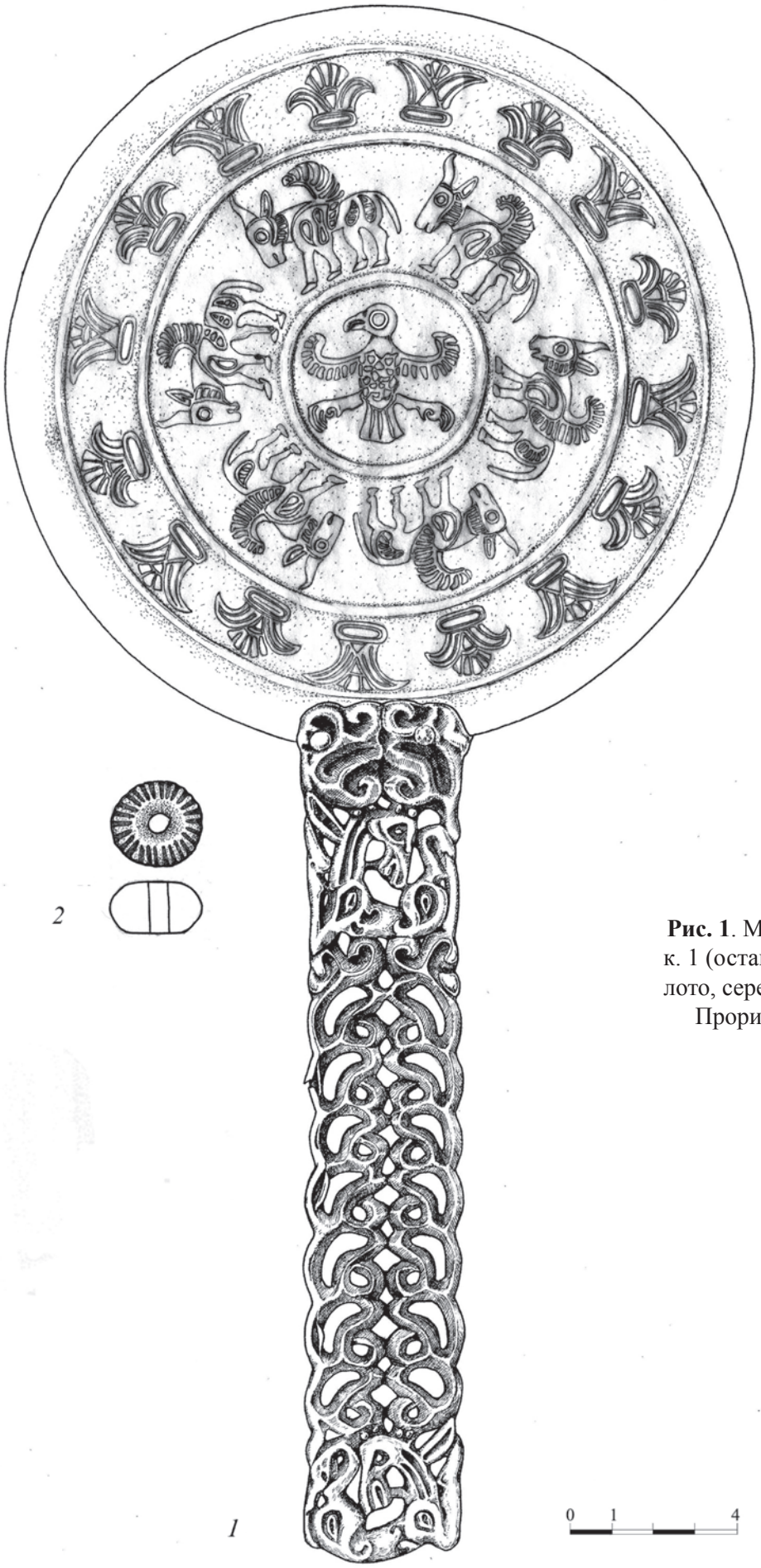

Рис. 1. Могильник Филипповка-1, к. 1 (останец), п. 2. *1* – зеркало (золото, серебро); *2* – пронизь (гагат). Прорисовки К.С. Окорокова.

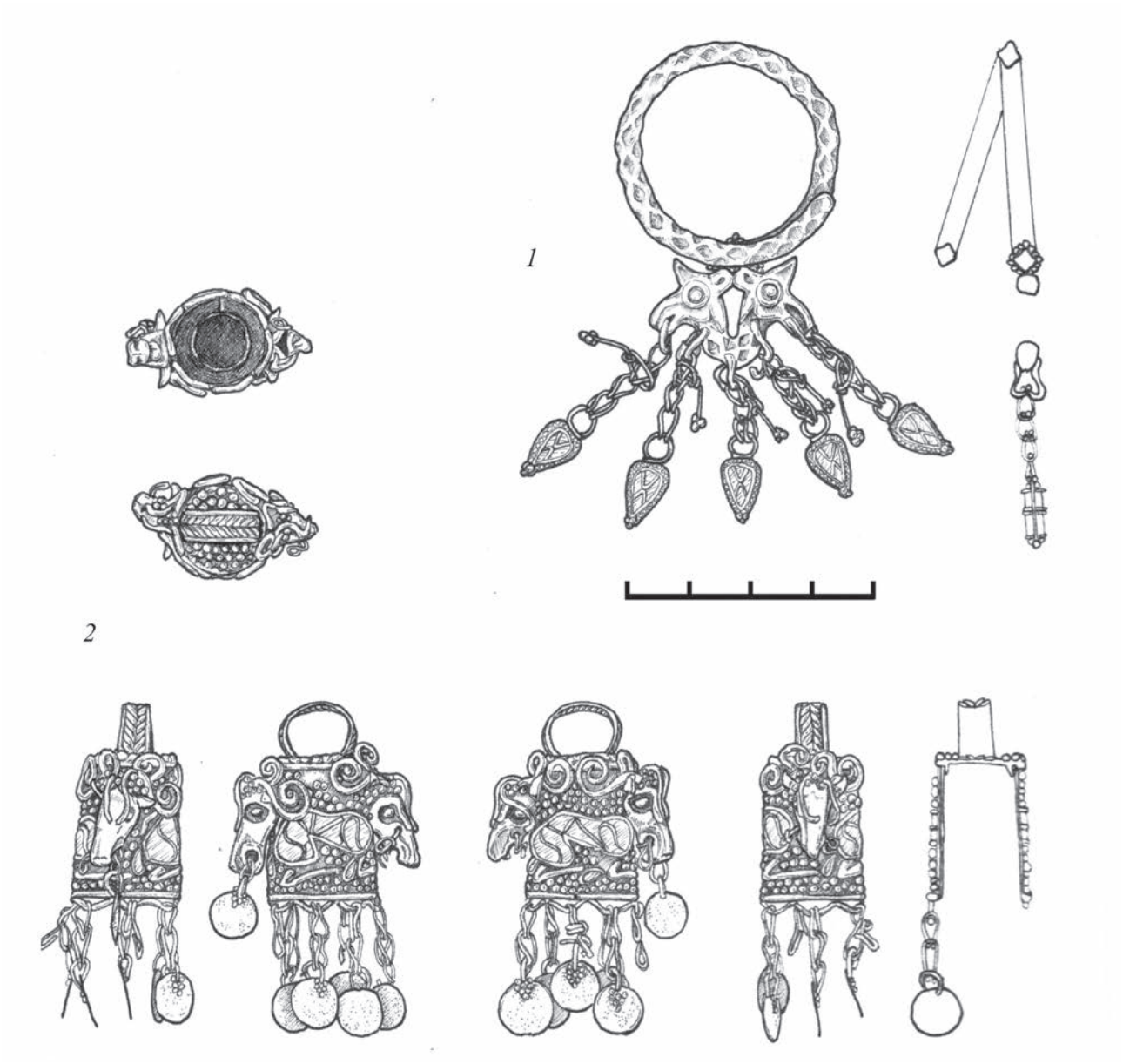

Рис. 2. Могильник Филипповка-1, к. 1 (останец), п. 2. Золотые височные подвески. *1* – левая; *2* – правая (прорисовки К.С. Окорокова).

рых отметим кожаный ремень с бронзовыми колокольчиками, лошадиный клык, наполненный красной охрой, пронизи из полудрагоценных камней и морские раковины, разнообразные камни, скорлупу грецкого ореха, костяную ложечку.

За пределами подстилки в северо-западном углу могильной ямы находились бронзовые чайник на ножках и ковш, у восточной стенки – бронзовая жаровня.

В северо-восточном углу могилы был расчищен уздечный набор, который состоял из железных удил, бронзовых псалиев и бляшек.

Одежды погребенной были украшены многочисленными нашивками, изображающими цветы-розетты, сцены терзания сайгака пантерой, изображения сайгака, свернутого в кольцо, – всего 656 штампованных нашивок из золотого листа, которыми были украшены платье, рубаха и шаль. Бахрома шали представлена золотыми цепочками из мелких литых деталей, скрепленных в виде цепочек. Рукава рубахи расшиты разноцветным золотым и стеклянным бисером, образующим сложный геометрический орнамент.

В районе височных костей черепа находились две литые золотые височные подвески с деталями, выполненными в технике перегородчатой стеклянной мозаики (рис. 2), подоб-

но тому, как было сделано нагрудное украшение и браслеты.

На каждом пальце рук находились литые золотые перстни (10 шт.) с изображениями в зверином стиле на щитках. Это фигуры лежащих с подогнутыми ногами оленей, рога которых превращаются в протомы грифонов. На запястья были надеты по два браслета – один из каменных стеклянных и золотых бус, а другой – из золотых деталей, которые оправляли детали из сердоликов.

Всего коллекция из раскопок 2013 г. насчитывает более тысячи предметов различного назначения.

Возраст погребенной по состоянию зубной системы и швов черепа оценивается примерно в 35–40 лет.

Захоронение датируется в пределах IV в. до н.э., вероятно, второй его половины.

Таким образом, раскопки кургана 1 могильника Филипповка-1 были продолжены и дали замечательный результат. Для анализов с помощью естественно-научных методов были отобраны образцы золота, серебра, стекла, эмали, дерева, кожи, каменный материал, краски, кости животных и человека. Все находки переданы в Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках центрального (№ 1) кургана Филипповского могильника в Илекском р-не Оренбургской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. № 12951.

Золотые олени Евразии. Каталог выставки / Ред. Р.Г. Кузеев, М.Б Пиотровский, А.И. Шкурко. СПб.: Славия, 2001. 247 с.

Яблонский Л.Т. Курган-святилище могильника Филипповка-2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. Вып. 10 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2013. С. 305–311.

The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes / Eds J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 2000. 303 p.

СЕКЦИЯ 8

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ЕВРАЗИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ОБРАБОТКА КОСТИ И РОГА У НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕГО СВЯТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ)

© 2014 г. А.В. Гусев

Научный центр изучения Арктики, Салехард
(gusev_av2004@mail.ru)

Ключевые слова: древнее святилище Усть-Полуй, ранний железный век, север Западной Сибири, косторезное дело, заготовки, изделия из рога и кости.

Резюме. В докладе представлены результаты обработки готовых изделий и заготовок из кости и рога древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э. – I в. н.э.), расположенного на севере Западной Сибири. Репрезентативный характер этого археологического комплекса позволяет детально реконструировать последовательность и характер косторезного дела, бытовавшее в регионе, выявить его своеобразные черты.

Обработка кости и рога относится к древнейшим технологическим традициям человечества. Косторезное дело, подразумевающее работу с костью, рогом, клыком (бивнем) пережило сложный путь эволюции, на протяжении которого сформировались региональные традиции, отражающие историческое развитие отдельных регионов. Для севера Западной Сибири, включающего зоны северной тайги, лесотундры, предгорий Северного и Полярного Урала, характерен своеобразный фаунистический набор, особые типы хозяйства населения, определенный уровень культуры, нашедший свое отражение в технологии обработки изделий из кости.

В раннем железном веке мы имеем вполне репрезентативный комплекс источников по этой теме. Это, главным образом, коллекции со святилища Усть-Полуй (I в. до н.э. – I в. н.э.), а также круг территориально и хронологически близких к нему памятников. Для объективного анализа косторезного дела определеного культурно-хронологического периода необходимо наличие от 200-500 до 1000-3000 предметов (Бородовский, 1997. С. 40; Щапова, 1988. С. 55). Корпус источников Усть-Полуя, насчитывающий в общей сложности не менее 2 тыс. изделий из кости, вполне соответствует этим границам. Полученные данные строятся пока на результатах обработки части коллекции, представленной 1,2 тыс. изделий и заготовок, полученной в ходе новейших раскопок 1993-2013 гг. под руководством Н.В. Федоровой и автора.

В реконструкции технологии косторезного дела важную роль играет выявление производственных алгоритмов, включающих в себя первичный выбор, подготовку и систему

раскроя заготовки. Комплекс находок Усть-Полуя демонстрирует следующее технологическое своеобразие.

Обработка кости.

Основным сырьем для изготовления костяных предметов служили пластины из центральной или краевой части диафиза трубчатых костей северного оленя, в первую очередь – плюсневой кости, а также бедренной, берцовой и основной пястной кости. Другими, менее востребованными в косторезном деле костями, служили лопатка, головка бедренной кости, пястная кость. Использование остальных костей скелета северного оленя: фаланг пальцев оленя, ребра, эпифизов и диафизов других трубчатых костей носило единичный характер.

Боковые части диафиза плюсневой кости, стали основным сырьем для самой массовой категории находок–наконечников стрел. Выбор именно этой части скелета оленя был обусловлен оптимальным сочетанием грацильности этих костей и толщины компактного вещества. Последовательность разделки реконструируется следующим образом:

1. ножом подрезалась проксимальная часть кости;
2. ножом наносились продольные надрезы-насечки с латеральных сторон заготовки;
3. каменным ударником (камнем, пестом) перпендикулярно оси плюсны скалывался нижний эпифиз. После этого, диафиз кости расчленялся на две половины посредством нанесения ударов каменным орудием через каждые 5-7 см, о чем свидетельствуют крупные фасы на внутреннем крае заготовок;
4. из половины, полученной с латеральной части выходила готовая пластина, другая половина плюсны – плантарная, раскалывалась продольно ещё раз для получения двух С-видных в сечении заготовок.

Раскалывание в сочетании с предварительной разметкой насечками давало более упорядоченные и относительно прямые вторичные заготовки. Дальнейшая обработка осуществлялась ножом, либо при необходимости, с них тем же ударником скалывались лишние компактное вещество, и в дальнейшем велась обработка ножом и каменным абразивом.

Из других костей скелета северного оленя использовались лопатки. Из них изготавливались главным образом ножи для чистки рыбы, фрагменты пластинчатой части шли на изготовление трапециевидных подвесок, имитирующих бронзовые прототипы. Использование пястных (грифельных) костей в качестве проколок относится к разряду универсальных явлений, возникших в глубокой древности. Использование головки бедренной кости оленя нашло отражение в изготовлении пуговиц упряжи.

Обработка рога.

Другим распространенным сырьем для изготовления изделий служил рог северного оленя. В отличие от остальных видов семейства оленевых только у северных оленей рога имеют не только самцы, но и самки. Использование более массивных рогов самцов было приоритетным, что нашло подтверждение в комплексе заготовок слопатообразными разветвлениями. Заготовка сырья заключалась преимущественно в сборе сброшенных рогов, являясь частью цикличной хозяйственной деятельности населения. Присутствие в культурном слое Усть-Полуя роговой щепы является важным свидетельством раскроя рога именно здесь. Полученные материалы позволяют выделить следующую серию роговых заготовок:

1. ветвь, которая служила для расщепления на пластины, либо использовались ее цельные куски в качестве цилиндрических заготовок;
2. крупные отростки, которые могли использоваться аналогично ветви, как для расщепления на пластины, так и как заготовки будущих изделий;
3. одинарные, расчлененные роговые пластины, получаемые из лопатообразной части разветвления;
4. роговые разветвления – комбинированные фрагменты, состоящие из частей ответвления/отростка и лопаты, применяемых как с полным, так и частичным продольным расщеплением на одинарные/полуторные роговые пластины;
5. заготовки, состоящие из надглазничного отростка и части ветви;
6. сложные заготовки, сочетавшие в себе части надглазничных ответвлений с закраинами лопатообразных частей.

Расщепление ветви и крупных отростков велось в следующей последовательности. После отсечения отростков на части ветви ножом с двух противоположных сторон осуществлялись продольные срезы– полосы для будущего разреза. Вдоль полосы прорезалось V-образное углубление. С одной стороны заготовка только надрезалась, с противоположной же –рассекалась полностью, включая губчатую часть. Завершалась операция разломом на две половины и удалением зазубрин с кромок получаемых пластин.

Одинарные пластины ветви служили заготовками для концевых накладок на луки, наконечников стрел, в том числе втульчатых и составных, вертлюгов оленьей упряжи, панцирных пластин доспехов, орнаментированных накладок, поясных крючков, ложек, гребней и др.

Возможности такой технологии для изготовления ряда категорий находок были подтверждены результатами эксперимента, проведённого группой трасологов под руководством Н.А. Алексашенко и Н.Н. Скакун (Алексашенко, 2012. С. 59).

Из нерасщепленных кусков рога изготовлялись клиновидные орудия, имеющие округлое рабочее лезвие на одной стороне компактной оболочки. Использование роговых отростков нашло применение в изготовлении рукояток ножей, которые известны на Усть-Полуе в большом количестве. Малая мощность компактной оболочки роговой пластины не позволяла широко использовать подобные заготовки для хозяйственных орудий, потому большая часть изделий представлена предметами малых форм, выполненными из одинарных пластин. Это различного рода накладки, декорированные резьбой, мотовило, миниатюрные ложечки, часть гребней с художественными навершиями. Использование комбинированных частей ветви и отростка проявилось в изготовлении скребков в форме лопаточки для выделки шкур. Участки сочленения роговой ветви и лопаты шли на изготовление роговых ложечек. Особое внимание уделялось соответствию формы заготовки и будущего изделия. Ложечки с углубленными и плоскими черпаками, как правило, украшались изображениями птиц и животных. Массивная часть спицы применялась для изготовления роговых молотков хозяйственного назначения. Еще один вариант использования розетки известен при изготовлении объемных роговых изделий, в первую очередь роговой скульптуры. Среди таких изделий ложка с рукоятью, оформленной в виде совы, единственная роговая антропоморфная скульптура мужчины. Наконец, завершающим типом роговых заготовок стали комбинированные куски рога, сочетающие в себе части надглазничных отростков или ветви, сочленённые с закраинами. Эти части рога были задействованы в изделиях, содержащих угловой элемент: крюки хозяйственного назначения, налобные пластины оленьей упряжи.

Таким образом, технология изготовления предметов из кости и рога в комплексе Усть-Полуя демонстрирует следующее своеобразие:

1. специфический сырьевой комплекс, обусловленный подавляющим использованием костей скелета и рогов северного оленя над другими видами животных;
2. своеобразие традиции отбора сырья, выразившееся в весьма избирательной форме утилизации костей скелета на фоне практически полного использования рога;
3. единый характер косторезного комплекса Усть-Полуя, проявившийся в формировании технологических систем расщепления и отбора заготовок, данные по которому могут быть вполне использованы для сравнительного анализа близких культурно-хронологических памятников региона раннего железного века и других эпох.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко Н.А., Скакун Н.Н. Результаты трасологического и экспериментально-трасологического исследования материалов Усть-Полуя // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. Салехард, 27-30 ноября 2012 г. Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. С. 56–61.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (втор. пол. II тыс. до н.э. – пер. пол. I тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Щапова Ю.Л. Естественно-научные методы в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1988, 148 с.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВ СТОЯНОК РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СЕВЕРЕ ТУВЫ

© 2014 г. Н.А. Жогова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(perunina@yahoo.com)

***Ключевые слова**:* археологическая разведка, стоянки, ранний железный век, эпоха бронзы, средневековье, Тува.

Резюме. Территория современной Республики Тыва с давних пор была пригодна для ведения кочевого скотоводства. Система кочевий предполагала места сезонных стоянок. Новые археологические исследования в горных долинах на севере Тувы фиксируют стоянки сезонных кочевий, содержащих материалы от эпохи бронзы и раннего железного века до этнографической современности.

В августе 2013 года отдельным отрядом Южно-Сибирской экспедиции Государственного Эрмитажа проводилась археологическая разведка на территории Пий-Хемского района Республики Тыва с целью выявления стоянок и поселений эпохи раннего железного века. Задачей разведки было обследование ущелий, логов и седловин горных отрогов Куртушибинского хребта, граничащих с долиной реки Уюк, на участке к западу, северу и востоку от поселков Тарлаг, Чкаловка и Аржаан.

Целенаправленных работ по выявлению таких памятников на территории горных ущелий и логов ранее не проводилось. Однако наличие большого числа захоронений в так называемой «Долиной царей», ставит вопрос о местах обитания кочевников, оставивших многочисленные погребальные объекты.

Выбор территории для поисков стоянок был обусловлен разработанной методикой для памятников Горного Алтая, согласно которой поселения кочевников раннего железного века располагались в логах, иногда у подошвы гор, а в определенных случаях на склонах южной экспозиции (Шульга, 1990. С. 4–6).

В результате разведки были выявлены объекты, топография расположения которых оказалась аналогичной горноалтайским памятникам. Стоянки, как и предполагалось, находились в ущельях и логах, тяготея к южным и юго-восточным склонам гор, в местах, защищенных с трех сторон от ветра. Выявленные стоянки зафиксированы на высоте от 940 до 1080 м над уровнем моря, в то время как курганные могильниками рядом с поселками Чкаловка и Аржаан располагаются на высоте от 830 до 870 м над уровнем моря и выше.

Всего зафиксировано шесть объектов. Первый - стоянка Тарлаг, названная так по ближайшему населенному пункту, находилась в логу у подножия горы в 2, 2 км к западу от поселка Тарлаг (рис. 1, *1*).

Стоянки Желвак 1, 2, 3 выявлены к северо-северо-западу от поселка Чкаловка в долине пересыхающего ручья Желвак у подножия гор на расстоянии от 1, 5 до 2 км друг от друга (рис. 1, *2–4*).

Стоянка Санданкин, обнаруженная в одном из ущелий по правому борту одноименного лога, находилась в 3, 5 км к северо-востоку от объекта Желвак 3 и в 6, 8 км к северо-западу от поселка Аржаан (рис. 1, *5*).

Стоянка Чинжаш зафиксирована в 12 км на восток-северо-восток от памятника Санданкин и в 8, 8 км к северо-востоку от поселка Аржаан в урочище у подножия гор Чинжаш (рис. 1, *6*).

Места и границы стоянок маркировались активным растительным покровом. На поверхности выявленных объектов собран подъемный материал, представленный фрагментами сосудов (рис. 2), кремневыми отщепами и сколами. Фрагменты венчиков сосудов

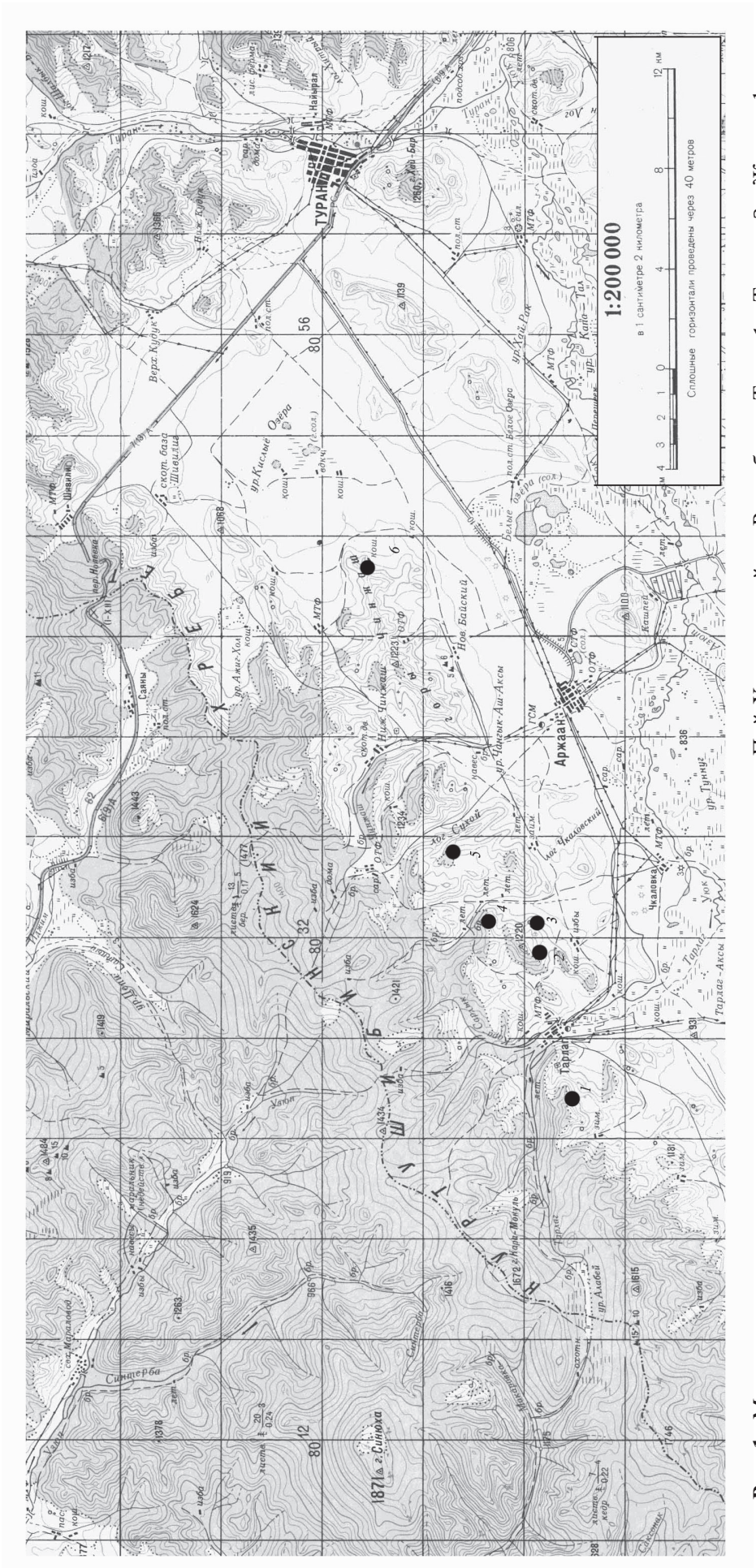

Рис. 1. Местоположение стоянок раннего железного века на территории Пий-Хемского района Республики Тыва. *1* – Тарлаг; 2 – Желвак-1; 3 – Желвак-2; *4* – Желвак-3; *5* – Санданкин; *6* - Чинжаш.

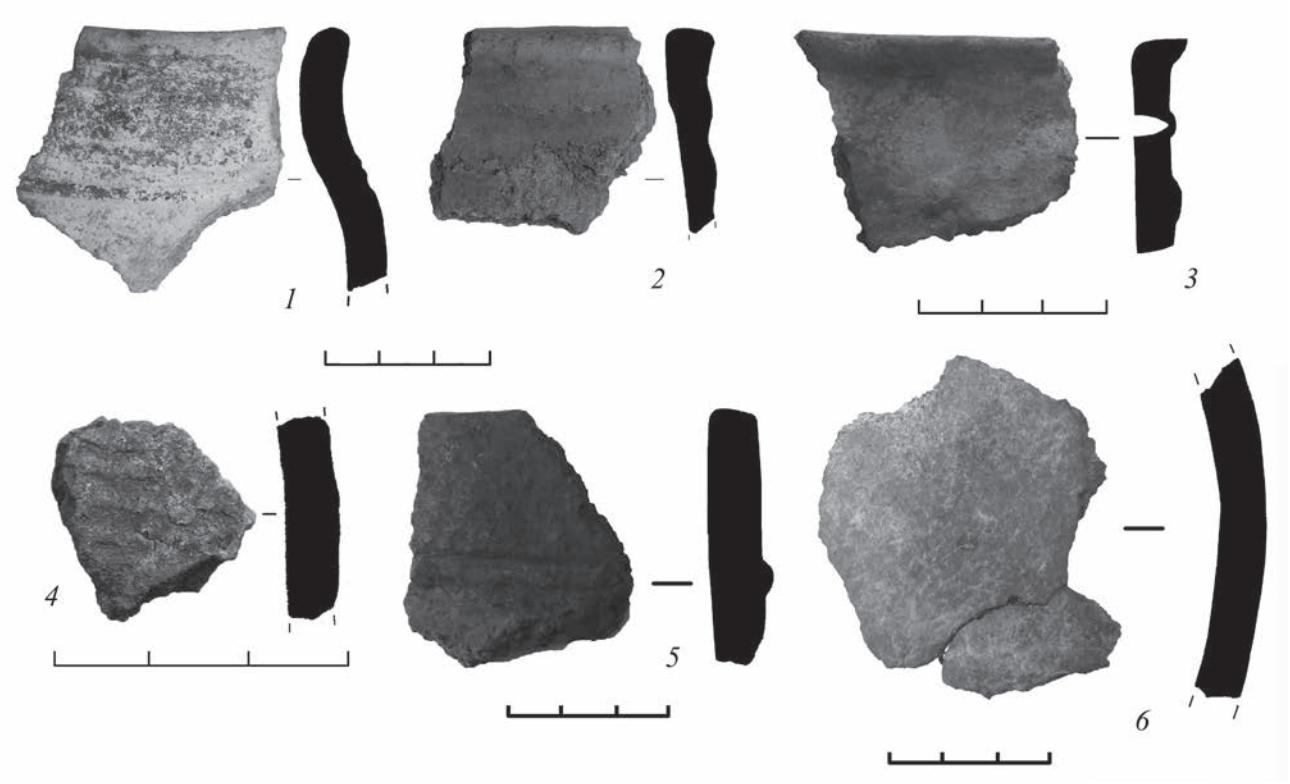

Рис. 2. Подъемный материал со стоянок. *1, 2, 4* – Желвак-3; *3* – Чинжаш; *5, 6* – Желвак-1.

относятся к раннему железному веку (рис. 2, *2, 3, 6*), к эпохе бронзы (рис. 2, *4*) и, вероятно, средневековью (рис. 2, *5*). Большая часть керамики представлена мелкими фрагментами стенок сосудов, не поддающихся хронологическим определениям.

На поверхности практически всех объектов встречались следы проживания современных скотоводов: кости животных, битая посуда, ложки, монеты советского периода, остатки хозяйственных конструкций, что, скорее всего, свидетельствует о продолжительном использовании обнаруженных стоянок, носящих сезонный характер.

Места сезонных стоянок и система кочевий тувинцев подробно описаны этнографами. Летние кочевья располагались в высокогорных таежных открытых местах, весенние и осенние - устраивали вблизи водных источников на предгорных участках (Донгак, 1995. С. 90, 93). В зимний период стоянки кочевников находились в складках гор, в местах укрытых от ветров и удобных для наблюдения за пасущимся мелким рогатым скотом. Горные пастбища с небольшим снежным покровом облегчали добычу корма овцам и козам, которые составляли основу тувинских хозяйств. Интересно отметить, что радиус пастбища одного аала в среднем составлял 3 км. У богатых скотоводов границы пастбищ были шире. Зимние кочевья могли устраивать на высоте от 800 до 1800 м над уровнем моря, как у самого подножия, так и у вершины горы (Донгак, 1995. С. 86–87). Схожая ситуация и условия нахождения этнографических зимников и выявленных стоянок, позволяет соотнести последние с местами зимних кочевий скотоводов эпохи раннего железного века, а также эпохи бронзы и средневековья.

В дальнейшем предполагается продолжить поиски и планомерные исследования стоянок эпохи раннего железного века с целью определения их культурно-хронологической принадлежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Донгак С.Ч. О кочевках тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Вып. XVIII. Кызыл, 1995. С. 83–93.

Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. Кемерово, 1990. 16 с.

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИХТИОЛОГИЧЕСКИХ И ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

© 2014 г. Л.С. Кобелева

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(LilyaKobeleva@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний железный век, погребально-ритуальный комплекс, ихтиология, орнитология.

Резюме. Работа содержит результаты междисциплинарного исследования могильников раннего железного века Барабинской лесостепи. Охарактеризованы новые черты погребального обряда, даны определения видового состава ихтиологических и орнитологических материалов.

Изучение погребальных памятников раннего железного века в Барабинской лесостепи насчитывает уже более ста лет. Оно начато еще Г.В. Оссовским и С.М. Чугуновым в конце XIX в. (Полосьмак, 1987. С. 3) Большой вклад в изучении саргатской культуры на этой территории внесла Н.В. Полосьмак (Полосьмак, 1987). Вместе с тем информация об устройстве надкурганных сооружении остается скудной: исследователи или оставляли ее без должного внимания, или использовали технику для снятия насыпи, и тогда, она вообще не фиксировалась. Ситуацию еще ухудшал тот факт, что подавляющее большинство комплексов разграблено.

За последние несколько лет на территории Барабинской лесостепи велись активные раскопки могильников саргатской археологической культуры. Были исследованы три элитных кургана некрополей Погорелка-2, Венгерово-6 и Яшкино-1 (Молодин и др., 2009; Молодин и др., 2011; Кобелева и др., 2013).

Открытие и мультидисциплинарный подход к исследованию новых погребальных памятников эпохи раннего железа позволило выявить новые детали погребального обряда, а именно использование рыбы и птицы в ритуальных целях при сооружении насыпей и погребений.

При снятии насыпи кургана могильника Погорелка-2, в центральной ее части зафиксированы многочисленные кости орнитофауны.

В заполнении погребения №1, между черепом и обломками керамического изделия, также выявлены несколько птичьих костей. Птичьи кости, лежавшие несколькими скоплениями, обнаружены на дне ямы, имеющей, скорее всего, ритуальное назначение. Притом, обращает на себя внимание набор костей, который в нескольких случаях был близок по составу и включал в себя кости грудины.

В кургане могильника Венгерово-6 остатки насыпи сохранились только в южной части кургана (Молодин и др., 2011. С. 188), но в заполнении рва и погребении №5 найдены кости и клюв водоплавающей птицы, а также жаберные крышки крупной щуки. Кроме того, в заполнении погребений №1, и №3 также зафиксированы кости рыбы. А в погребении №2 они присутствовали в ямке, в юго-восточном углу могилы.

В насыпи кургана могильника Яшкино-1, аналогично могильнику Погорелка-2, в центральной части насыпи, на разной глубине, зафиксированы многочисленные кости птицы. В погребении, среди костей также присутствовала кость птицы.

В насыпях выше означенных памятников также найдены немногочисленные фрагменты костей лошади, лося, овцы, собаки, лисы (Погорелка-2), косули и зайца (Яшкино-1).

Определение орнитологических и ихтиологических материалов сделано доцентом кафедры зоологи НГПУ к.б.н. Л.А. Коневой.

Методические аспекты подобных исследований для археологических комплексов опубликованы (Молодин и др., 2012. С. 27–28).

Видовой состав орнитофауны включал: представителей семейства утиных (чирок, шилохвость, кряква, серая утка, серый гусь) и представителя отряда куриных (тетерев).

Среди ихтиологических останков выявлены такие виды рыбы, как щука и карась.

Саргатские некрополи всегда сооружались вблизи водоемов, поэтому такой видовой состав ритуальной пищи, имеющий местное происхождение, вполне объясним.

Аналогий нахождения орнитологических останков в насыпях надмогильных сооружений саргатской культуры нами не найдено.

В погребениях исследователи иногда фиксировали кости животных: лошадей, мелкого и крупного рогатого скота. В Барабе Н. В. Полосьмак обнаружила их в 23 погребениях, охарактеризовав, как остатки жертвенной пищи или культовые предметы (Полосьмак, 1987. С. 29–30).

Наличие ихтиофауны в могильниках саргатской культуры Барабинской лесостепи до настоящего времени были не выявлены.

Птичьи кости, выявлены в единичных погребениях. Они отмечены С.М. Чугуновым в трех могилах Усть-Тартасского никрополя, а также в погребении 2 кургана 6 и в погребении 5 кургана 8 могильника Марково-1.

Большое влияние на характер заупокойной пищи оказывала хозяйственная деятельность населения. Н. В. Полосьмак, основываясь на остеологическом материале с поселений раннего железного века, указывает на многоотраслевой характер экономики, при общем преобладании скотоводства (Полосьмак, 1987. С. 110). Но при таком активном использовании птицы и рыбы в погребальном обряде, несомненно, охота и рыболовство играли в Барабинской лесостепи более важную роль, чем в других регионах распространения саргатской культуры. Тогда, эти элементы погребального обряда носят региональный характер, обусловленный адаптацией населения к естественно-географическим условиям.

Объяснить это явление также можно контактами саргатского населения с северными, предтаежными соседями (новочекинская культура). Один из многочисленных фактов их взаимодействия зафиксирован при раскопках кургана №5 могильника Яшкино-1. В погребении найдены костяные наконечники стрел и фрагменты керамического сосуда, имеющие новочекинские черты (Кобелева и др., 2013). Тогда как, в экономике носителей новочекинской культуры, основное направление составляли присваивающие отрасли, вполне вероятно такое заимствование.

Не стоит исключать и определенное религиозное мировоззрение, имеющие корни в предшествующих эпохах. На данный момент вопрос о происхождении саргатской культуры пока до конца не решен. Последние исследования в области палеогенетики указывают на южный вектор связей (Пилипенко и др., 2013). Но, основываясь на археологическом материале, в частности керамике, исследователи отмечают немаловажную роль культур эпохи бронзы в окончательном формировании саргатской культуры (Могильников, 1969; Полосьмак, 1982; Труфанов, 1983). В качестве отдаленного примера, наличие рыбы, скорлупы яиц и птичьих костей в погребальном обряде андроновской (федоровской) культуры на памятниках Барабы, является не только адаптацией к естественно-географическим условиям, но и носит ритуальный смысл, находящий параллели в древних религиозных текстах. Возможно, что эти представления могли в какой-то форме сохраниться и в раннем железном веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Демахина М.С., Хансен С., Молодин В.И. Саргатский могильник Яшкино-1 (продолжение исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XVIV. С. 216–220.

Могильников В.А. Периодизация культур эпохи железа Среднего Прииртышья. Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск. 1979. С. 136–138.

Молодин В.И., Ефремова Н.С, Дураков И.А.,

Мыльникова Л.П., Сальникова И.В., Борзых К.Л. Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгерово-6 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 188–194.

Молодин В. И, Конева Л. А, Чемякина М. А, Степаненко Д. В, Позднякова О.А. Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №2 (50). С. 25–36.

Молодин В.И., Наглер А., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского Археологического института. Раскопки могильника саргатской культуры Погорелка-2 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 343–349.

Пилипенко А.С., Полосьмак Н.В., Кобелева Л.С., Молодин В.И., Журавлев А.А. Первые данные о генофонде МтДНК населения саргатской культуры Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XVIV. С. 555–558.

Полосьмак Н.В. К вопросу о нижней дате ирменской культуры. Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тезисы докладов. Иркутск. 1982. С. 107–108.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 143 с.

Труфанов А.Я. К происхождению саргатской культуры. Тезисы докладов региональной археологической конференции студентов Сибири и Дальнего востока. Кемерово. 1983. С. 43–44.

ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

© 2014 г. П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск
(pmandryka@yandex.ru)

Ключевые слова: ранний железный век, цэпаньская культура, шилкинская культура, датировка, погребальный обряд, металлургия, Северное Приангарье.

Резюме. Статья посвящена проблемам интерпретации комплексов раннего железного века Северного Прианагрья. Рассматривая материалы из погребений, поселений, культовых объектов автор показывает их культурное разнообразие. Основываясь на новых данных и приводя абсолютные датировки, определяется соотношение цэпаньской, шилкинской и других археологических культур в районе.

Памятники раннего железного века Северного Приангарья изучаются с конца XIX в., их первая культурно-историческая интерпретация предлагалась А.П.Окладниковым (Окладников, 1940), идею которого развил В. И. Привалихин (Привалихин, 2013), объединив все памятники этого периода в единую цэпаньскую культуру. Источники по периоду многократно возросли после работ Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2008–2012 гг. Получение новых материалов и проверка старых данных позволяет затронуть некоторые ключевые проблемы, стоящие сегодня перед археологией раннего железного века этого района.

По документированным более 50 погребениям раннего железного века прослеживаются разные обряды:

- трупоположения с относительным анатомическим порядком, но не всегда со всеми

костями посткраниального скелета. Отмечается положение таких «костяков» на спине (зарегистрировано 12 случаев) (у р.Цэпань, на острове Отико п. 6 и 7, Сосновый Мыс-2 п. 2, Окуневка, п. 4, Сергушкин-3 п.13, Пашина п.4 и 6; Усть-Зеленда-2 4 погребения) или на боку (Кода-3). При этом южную ориентировку имеют 3 погребения, юго-западную – 7, западную – 1 и северо-восточную – 2;

- трупоположение с захоронением отдельных костей посткраниального скелета без анатомического порядка (13 случаев) (Окуневка, п. 2 и 3, Сергушкин-3 п.1, Пашина п.1, 3 и 5, Усть-Заимка п.1, Проспихинская Шивера IV п. 66, Усть-Зеленда-1 4 погребения, Ручей Конный-2 п.1). Для таких погребений, как и для выше представленных, иногда отмечаются следы термического воздействия на костные останки;

- трупосожение на стороне с помещением праха в яму (12 случаев) (Окуневка п.1, Слопцы п. 1, Сергушкин-1 п.1, Сергушкин-3 п.4, Скородумный Бык п. 1, Проспихинская Шивера IV п. 39, Усть-Зеленда-2 6 погребений);

- трупосожение на стороне с помещением праха на древнюю поверхность (7 случаев) (Проспихинская Шивера IV п. 91, Усть-Зеленда-2 6 погребений).

Из всех представленных погребальных комплексов надмогильная каменная кладка была зафиксирована в 9 случаях, при этом над одним погребением зафиксировано 2 камня, и в одном случае кладка определена условно, так как погребение устраивалось между камнями руслового вала. На костях погребенных в отдельных комплексах отмечаются следы термического воздействия, в земляных заполнениях могильных ям прокаленная почва или древесные угли. Также отмечаются индивидуальные особенности в погребениях: скопления маленьких галек или кости соболя, преднамеренная порча предметов погребального инвентаря.

При таком разнообразии похоронного обряда эти комплексы объединяет один общий признак – «вторичность» погребения костей, и этот элемент обряда нельзя считать специфичным для этого времени и региона. Обозначенная традиция повторного захоронения продолжается в Приангарье с неолита и сохраняется до позднего средневековья. Признак вторичности читается в погребениях, совершенных как по обряду трупоположения, так и кремации. Нельзя списывать отсутствие в погребениях крупных костей посткраниального скелета при сохранившихся костях конечностей и черепа на плохую сохранность костного материала. Правомернее говорить об их отсутствии в момент погребения остатков тела. К форме отделения некоторых частей тела относятся следы трупорасчленения, которые отмечаются на некоторых костяках. Вторичность отмечается и для трупосожжений. Антропологические определения обломков костей из могильника Проспихинская Шивера IV показали, что в погребении 39 в яме были захоронены кости от одного человека, сожженного при высокой температуре (более 700 градусов), а в погребении 91 на древней поверхности находились обломки костей от одного мужчины, сожженного при температуре до 400 и 700 градусов. При этом сжигались кости с мягкими тканями и скелетированные (сухие) около 1 часа (определения О.Е. Пошехоновой).

Приведенные факты указывают на то, что имеющиеся костные остатки погребенных требуют специальных антропологических исследований, которые позволят выявить особые детали погребального обряда.

«Однокультурность» материалов раннего железного века Северного Приангарья после получения новых данных также требует серьезных корректировок. Следует обсудить некоторые признаки, которые указываются исследователями как специфичные для района и служащие индикаторами цэпаньской культуры.

Дистанционные проникатели – бронзовые бесчерешковые трехлопастные и каменные или костяные с роговыми обоймами – присутствуют соответственно в 13 и 11 погребениях, выполненных по различным, указанным выше обрядам. Иногда они лежат в одном комплексе. Вместе с ними в разных сочетаниях встречаются и другие виды наконечников: бронзовые втульчатые с пирамидальной головкой, двух- и трехлопастные черешковые, железный плоский треугольный, а также серия разнообразных наконечников из кости и рога, в том числе двухярусный с треугольной головкой и черешковым насадом.

Среди представленного разнообразия наконечников стрел, присутствуют формы как местного происхождения, так и инокультурные предметы. Подчеркнем одновременное использование бронзовых трехлопастных черешковых и бесчерешковых наконечников стрел, на что указывает их совместное нахождение в одном комплексе (Проспихинская Шивера IV п. 91).

Для цэпаньской культуры характерна керамика карабульского типа. Такая керамика, а точнее 5 фрагментов венчиков и один крупный блок с такой орнаментацией отмечены в 6 погребениях. Вместе с этим в районе зафиксированы я погребальные комплексы с фрагментами другой посуды. В погребении 66 могильника Проспихинская Шивера IV найден фрагмент венчика с орнаментацией только пальцевыми оттисками. В ямах других двух погребений задокументированы развалы сосудов с тонковаликовой орнаментацией (у р.Цэпань и около Соснового Быка ниже Мурского порога) (работы А.П. Окладникова). Такая же тонковаликовая керамика отмечена возле серии трупосожжений на древней поверхности на Усть-Зелинде-2 (Марченко и др., 2012). Присутствие разнотипной керамики в указанных погребениях возможно связано с их хронологической или культурной неоднородностью.

Отмеченные в погребениях типы керамики известны и на поселениях. Достаточно часто они залегают совместно, в одном слое, но есть и поселения, где присутствует посуда только одного керамического типа. Например, на поселениях Сергушкин-1 и Взвоз отмечены слои с керамикой карабульского типа. На поселении Скородумный Бык присутствует только валиковая керамика шилкинской культуры. Чистые поселенческие комплексы раннего железного века с тонковаликовой керамикой остаются пока не известными, но эта традиция сохраняется в районе до раннего Средневековья и прослеживается по керамике усть-ковинского типа.

По новому следует решать вопрос о времени появления железа в Северном Приангарье. Ссылаясь на отсутствие в погребениях цэпаньской культуры железных предметов некоторые авторы определяли время его появления в районе не ранее II в. до н.э. и связывали это с приходом групп населения после вторжения в Южную Сибирь хуннских племен.

Имеющиеся факты говорят несколько об ином. Из железа была сделана наременная пронизка со стоянки и могильника Сергушкин-3. Железная пластинка отмечена в погребении с бронзовыми вещами на Усть-Зеленде-2. В погребении 39 (дата по углю 2475±35 (СОАН-8620)) Проспихинской Шиверы-IV отмечен железный наконечник стрелы. Железоплавильная печь на стоянке Усть-Кова изученная в 1976 г. была продатирована по углю. Дата 2450±50 л.н. (ГИН-252) показала интервал сооружения объекта 602–406 гг. до н.э., т.е. древнее V в. Еще более убедительное свидетельство получения железа мы находим на поселении Берямба, где отмечены 14 железоплавильных и 1 медеили бронзо-плавильный объект, которые по мнению авторов раскопок соотносятся с развалами сосудов цэпаньского облика (карабульского типа) (Гревцов, Лысенко, 2013, С. 188). Бронзовая плавильня была обнаружена и на поселении Чирида. Наконец необходимо указать о присутствии разнообразных железных изделий, орудий металлообработки и железоплавилен на памятниках шилкинской культуры, которая появилась в южной тайге Среднего Енисея в VI в. до н.э. Керамика этой культуры легко узнаваема по орнаментации рассеченными валиками и ее элементы не встречаются на керамике карабульского типа. Широкое же распространение шилкинской посуды на памятниках долины Ангары указывает на то, что ее носители также широко расселялись в районе исследования.

К шилкинской культуре следует отнести погребение на Скородумном Быке инвентарь которого не соотносится с «цэпаньским набором», а полученная по углю радиоуглеродная дата 2545 ± 95 л.н. (СОАН-8322) укладывается в раннескифский период. К концу V – началу IV в. до н.э. следует отнести начало функционирования Усть-Тасеевского культового комплекса, в котором оставлялись редкие для тайги бронзовые вещи и импортные наборные пояса. Импортным предметом для ангарской тайги можно считать и бронзовый петельный нож «тагарского облика» с острова Сергушкин. Спектральный химический анализ состава металла этих и других пред-

метов из поселений и могильников Северного Приангарья при сопоставлении его с данными по металлу из льячек и тиглей поможет установить возможные места изготовления предметов. По предварительным данным для выплавки изделий использовали мышьяковистую медь, оловянистую бронзу и бронзу других рецептур.

Таким образом, накопленный материал требует дальнейшей комплексной обработки. Соотношение выделяемых культурных и/или хронологических групп памятников станет более корректным после получения абсолютных дат по каждому комплексу и сопоставления материалов для вычленения основных культуроопределяющих признаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территории. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2013. С. 187–195.

Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Казакова Е. А. Исследования на могильнике Усть-Зелинда-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 559–564.

Окладников А.П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. Вып. 8, 1940. С. 106–112.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2011. С. 161–185.

ДАТЫ БОЛЬШОГО САЛБЫКСКОГО КУРГАНА И ЭТАПА В ХАКАСИИ

© 2014 г. Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(marsadolov@hermitage.ru.)

Ключевые слова: Хакасия, тагарская культура, курганы, хронология, дендрохронология, радиоуглеродный анализ, этап.

Резюме. Большой Салбыкский курган – самый крупный объект тагарской культуры в Хакасии, воздвигнутый на 35 лет ранее кургана Аржан-2 в Туве, ныне комплексно может быть датирован 1-й пол. VII в. до н.э., а салбыкский этап – VIII–VI вв. до н.э.

За 300-летний период научного изучения археологических памятников Южной Сибири учёные вновь и вновь на новом уровне обобщений неоднократно возвращались к проблемам хронологии археологических памятников.

Краткий обзор датировок курганов в Салбыке. Археологи по-разному датируют Большой Салбыкский курган (далее *БСК*) в Хакасии, раскопанный экспедицией С.В. Киселёва в 1954-56 гг. – от VII в. до н.э. по I в. н.э. (табл. 1).

Табл. 1 Датирование Большого Салбыкского кургана по данным разных авторов

Автор, год публикации	Метод и основа датировки	Этап	Дата (до н.э.)
С.В. Киселёв, 1951 (до раскопок)	археологические аналогии	вторая тагарская стадия	
С.В. Киселёв, 1956 (в ходе раскопок, надпись на плите)	археологические аналогии	тагарская культура	III в.
М.П. Грязнов, 1968. С. 190–91.	археологические аналогии	сарагашенский	IV–III вв.
Н.Л. Членова, 1992, С. 212.	бронзовый нож с трапецевидной ручкой		V–IV вв.
Э.Б. Вадецкая, 1994. С. 66.	археологические аналогии с тесинскими памятниками (ограда, погребения, нож и др.)	тесинский	не ранее II в. до н.э. и не позже I в. н.э.
Л.С. Марсадолов, 1995. С. 8.	археологические аналогии	сарагашенский	V–IV вв.
Л.С. Марсадолов, 1996. С. 11.	археологические аналогии + радиоуглеродные даты		V в.
Евразия, 2005. С. 175.	радиоуглеродное датирование	сарагашенский	не позже V в. или раньше
Н. Кузьмин, 2008. С. 190.	археологические аналогии	рубеж скифского и хуннского времени	2-я половина III в.

А.Г. Акулов и Е.Д. Паульс. 2008. С. 8.	тагарская курганная архитектура	Ступень С, фаза С2	VII–VI вв.
Л.С. Марсадолов, 2010. С. 37.	радиоуглеродные даты	сарагашенский	1-я пол. V в. до н.э.
Л.С. Марсадолов (в печати)	дендрохронология	*БСК* на *35 лет старше* кургана Аржан-2 в Туве	
Л.С. Марсадолов (в печати)	комплексный подход	*салбыкский*	*1-я пол. VII в.*
Даты 4 рядовых курганов около БСК, раскопанных С.В. Киселёвым в 1955 г. (рис. 2)			
Н.Л. Членова, 1972. С. 126–129, 107–109.	археологические аналогии (переходная карасук-тагарская группа)	подкунинско-кокоревская группа	VIII–VII вв. или VIII–VI вв.
Л.С. Марсадолов, 2010. С. 11.	тагарское время		
Л.С. Марсадолов (в печати)	комплексный подход	салбыкский	*1-я пол. VII в.*

Исходя из данных табл. 1, можно отметить интересные тенденции при датировании *БСК* разными археологами. Если археолог в основном изучает ранние памятники, то дата для *БСК удревняется* (Е.Д. Паульс, А.Г. Акулов), а если более поздние курганы таштыкской или тесинской культур – датировка *омолаживается* (Э.Б. Вадецкая, Н.Ю. Кузьмин), хотя в целом за последние десятилетия наблюдается общая тенденция к удревнению дат памятников Сибири. В связи с раскопками в 1971-74 гг. огромного кургана Аржан-1 в Туве неоднократно ставился вопрос об удревнении памятников баиновского и подгорновского этапов тагарской культуры до VIII в. до н.э. (работы М.П. Грязнова, Г.Н. Курочкина, Н.А. Боковенко, Л.С. Марсадолова, Д.Г. Савинова, А.В. Субботина, К.В. Чугунова и др.), хотя ряд археологов придерживался прежних дат (Н.Л. Членова, Э.Б. Вадецкая и др.).

Радиоуглеродные определения. Дерево из *БСК* сохранилось достаточно хорошо, один образец дерева из музея в Абакане в середине 1970-х годов был передан на радиоуглеродное (р/у) определение М.П. Грязновым, Ю.Н. Марковым и Н.М. Ермоловой (табл. 2, №1) и ещё два образца были взяты от бревна, найденного на *БСК* в 1992 г. экспедицией Л.С. Марсадолова (табл. 2, №№2-3). На р/у датирование в ИИМК РАН автором были отданы образцы не только последних годичных колец (№3), но и из средней части бревен (№2). Все полученные р/у даты хорошо коррелируют друг с другом.

Табл. 2 Радиоуглеродные даты для памятников близких к Большому Салбыкскому кургану

№ п/п	*Лаборат. № (ИИМК РАН)*	^{14}C дата *(лет тому назад) [BP]*	*Интервалы калиброванного календарного возраста (лет до н.э.) [cal. BC]*		*Археологическая дата сооружения объекта,* века до н.э. *(автор, год)*
			1d	2d	
Большой Салбыкский курган (раскопан экспедицией С.В. Киселёва в 1954-56 гг.)					
1	Ле-1192	2410±	754-698 532-398	*764-622* 602-388	Ранее – разные даты (см. табл. 1)
2	Ле-4771 (из средней части бревна)	2490±	764-752; 730-710 *708-618* 606-528	*778-478* 452-414	*Комплексная: 1-я половина VII в. до н.э.* (по Л.С. Марсадолову, 2014)
3	Ле-5145 (последние годич. кольца)	2460±	*760-680;* 656-638 548-476 456-414	*764-622* 602-408	

Памятники предшествующие БСК – Казановка-3 и Гришкин Лог-I						
Казановка-3, курган 2 (раскопки Н.А. Боковенко в 1994 г.)						
4	Ле-5391		2620±	828-788	900-590	IX- начало VIII вв. (по Н.А. Боковенко); *2-я пол. VIII в. до н.э.* (по Л.С. Марсадолову)
5	Ле-5393		2820±	1130-830	1260-800	
Гришкин Лог-I, курганы №№ 1 и 2 (раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г.)						
6	к.1, м.17	UBA-7960	2539±	796-551		VI в. до н.э. (по Г.А. Максименкову); *2-я пол. VIII – 1-я пол. VII вв. до н.э.* (по Л.С. Марсадолову)
7	к.2, м.18	UBA-7935	2653±	917-767		
Памятники близкие по времени к БСК – курганы в Тигее и Медведке-2						
Тигей (раскопки В.Н. Седых, Е.Д. Паульса и М.Л. Подольского в 1980 г.)						
8	Ле-1880		2330±	*800-700* 480-350 280-260	*800-700* 550-200	*Арх: VII в. до н.э.* (по В.Н. Седых, Л.С. Марсадолову, 2009, с. 109)
Медведка-2, курганы №№ 1-3 (раскопки Н.А. Боковенко и С.В. Красниенко в 1981 г.)						
9	к.2, м.1	Ле-2189	2690±	900-800	920-790	*С-14:* VIII-V вв. *Археол.*: IV-III вв. Итог – IV в. до н.э. (по Н.А. Боковенко)
10	к.2, м.1	Ле-2190	2490±	770-520	790-410	
11	к.2, м.2	Ле-2194	2230±	380-200	390-190	
12	к.2, м.2	Ле-2193	2470±	770-430	770-400	*Археологическая: VII–VI вв.* (по Л.С. Марсадолову)
13	к.3, м.1	Ле-2196	2490±	770-520	790-410	
Курган Аржан-2 в Туве (раскопки К.В. Чугунова. Г. Парцингера, А. Наглера)						
14	Ле-6260		2635±	0-20 г. к. (из 133 год. кол.)		*С-14 (2δ =98 %):* 770 – 390 гг. до н.э. *Археологическая:* 2-я половина VII в. до н.э. (Евразия, 2005, с. 85)
15	Ле-6261		2444±	21-30 год. кольца		
16	Ле-6567		2458±	101–110 г.к. (из 150 г.к.)		
17	Ле-6568		2377±	111 – 120 г. к.		
18	Ле-6569		2374±	121 – 130 г. к.		
19	Ле-6570		2408±	131 – 140 г. к.		
20	Ле-6571		2401±	141 – 150 г. к. (последние)		

Согласно вышеуказанным радиоуглеродным определениям интервалы калиброванного календарного возраста для *БСК* выпадают на две основные р/у даты – VII в. (708-618 гг.) или V в. (452-414 гг.) до н.э. Так как большинство археологов этот курган относили к сарагашенскому времени, нами также ранее была выбрана поздняя р/у дата – V в. до н.э. (табл. 1).

Денрохронологическое и археологическое сопоставления БСК. Полученные автором в середине 1990-х гг. дендрошкалы для БСК долгое время оставались «плавающими» во времени. После полной публикации в 2010 г. археологических материалов и дендрографиков из большого кургана Аржан-2 в Туве (монография К.В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера; дендростатья K-U. Heubner и И. Слюсаренко) появилась возможность его сопоставления с БСК по данным археологии, дендрохронологии и радиоуглеродным определениям. Дендрошкалы БСК и Аржана-2 совпали на участке протяженностью в 150 лет, а синхронизация дендрографиков из двух соседних регионов показала, что БСК на 35 лет старше кургана Аржан-2. Радиоуглеродные определения близких по времени участков древесины из этих курганов (Ле-5145 и Ле-6568) также синхронны между собой – около 2460± 40 (табл. 2).

В последние годы стало возможным вновь на новом уровне обобщений вернуться к рассмотрению археологической даты *БСК* в связи с новыми детальными публикациями материалов из курганов VIII–VII вв. до н.э. с территории древней Хакасии – Гришкин Лог, Новая Черновая (Г.А. Максименков и Э.Б. Вадецкая), Есино (Д.Г. Савинов) и др. (рис. 2).

Материалы из 4-х малых курганов в Салбыке, раскопанных экспедицией С.В. Киселёва, отрядом С.В. Зотовой в 1955 г., Н.Л. Членова в 1972 г. отнесла к переходной карасук-тагарской (подкунинско-кокоревской) группе и датировала VIII–VII или VIII–VI вв. до н.э., а *БСК* – к V–IV вв. до н.э. (табл. 1). Предложенный большой хронологический разрыв в датах с *БСК* надолго задержал синхронизацию малых и большого курганов в Салбыке как единого комплекса близких по времени объектов, хотя форма сосудов и другие признаки свидетельствуют об их временной близости в пределах полувека, о сходстве с курганами в могильниках Есино, Гришкин Лог, Туран и др. (рис. 2).

Синхронизация материалов из раннетагарских курганов по близким формам бронзовых ножей, шильев, гребней, глиняных сосудов и изобразительным образам свидетельствует, что комплексная дата для Большого Салбыкского кургана – *1-я половина VII в. до н.э.,* не противоречит археологическим, дендрохронологическим и радиоуглеродным аналогиям со многими объектами Саяно-Алтая и других регионов (рис. 1 и 2; табл. 2).

Салбыкский этап в древней истории Хакасии. Необходимо отметить, что среди археологов пока нет единой точки зрения на датировку раннетагарских объектов. Одни и те же археологические памятники специалисты относят к разным этапам и векам (табл. 1 и 2). Очень часто при этом не учитывается сильно дифференцированная в социальном и этническом аспектах сложная структура тагарского общества, находившегося на ступени ранней государственности (разница в материалах между большими, средними и малыми курганами правителей, знати, воинов, ремесленников, рядовых соплеменников, о чём свидетельствуют разнообразные по типам погребальные сооружения). Ныне археологам больше необходимы датировки конкретных памятников, хотя бы с точностью до века (рис. 1), а не только по этапам или с «широкими р/у датами» типа VIII–V вв. до н.э. (табл. 2).

В каждой из хронологических схем, начиная с В.В. Радлова, С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова, С.В. Киселёва и до современности, есть свои положительные моменты, до сих пор учитываемые многими археологами. По мере накопления новых материалов, исследования ярких объектов и теоретических обобщений в археологии Южной Сибири уже неоднократно происходила корректировка сложившихся схем. С.В. Киселев переименовал «минусинскую Курганную культуру» С.А. Теплоухова в «тагарскую». В связи с новыми раскопками больших и средних курганов в Туве вместо крупной «уюкской» культуры по Л.Р. Кызласову или «казылганской» по С.И. Вайнштейну, археологи всё чаще употребляют названия двух культур или этапов по наиболее значимым памятникам – «ар-

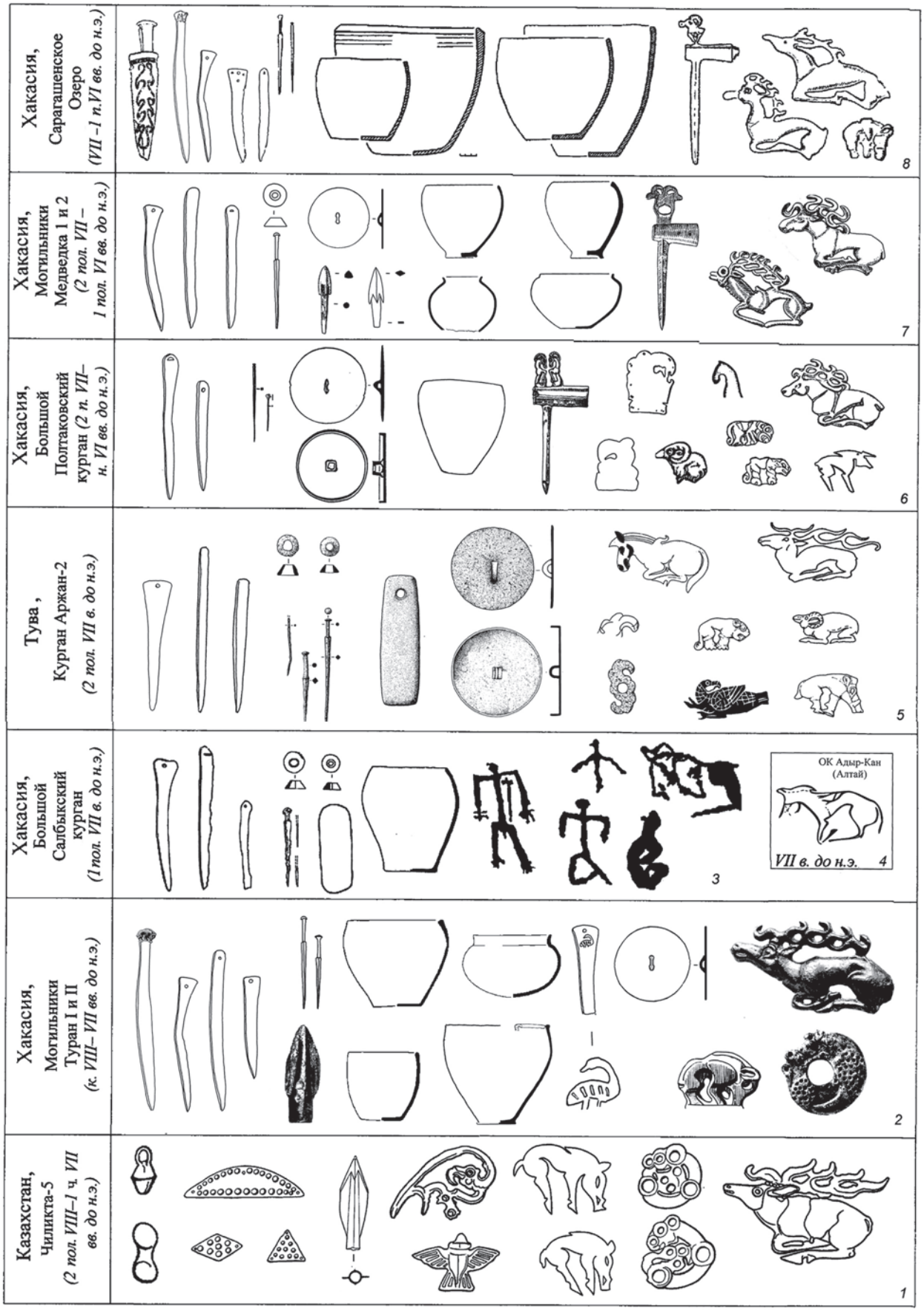

Рис. 1. Хронологическое сопоставление археологических материалов из курганов. *1*– Казахстана – по: С.С. Черников; *2–3, 6–8* – Хакасии – по: А.Д. Грач, С.В. Киселев, Л.С. Марсадолов, Г.Н. Курочкин, Н.А. Боковенко, С.В. Красниенко, Д.Г. Савинов, В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, М.П. Грязнов, М.Н. Пшеницына; *5* – Тувы – по: К.В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер; *4* – Алтая – по: Л.С. Марсадолов.

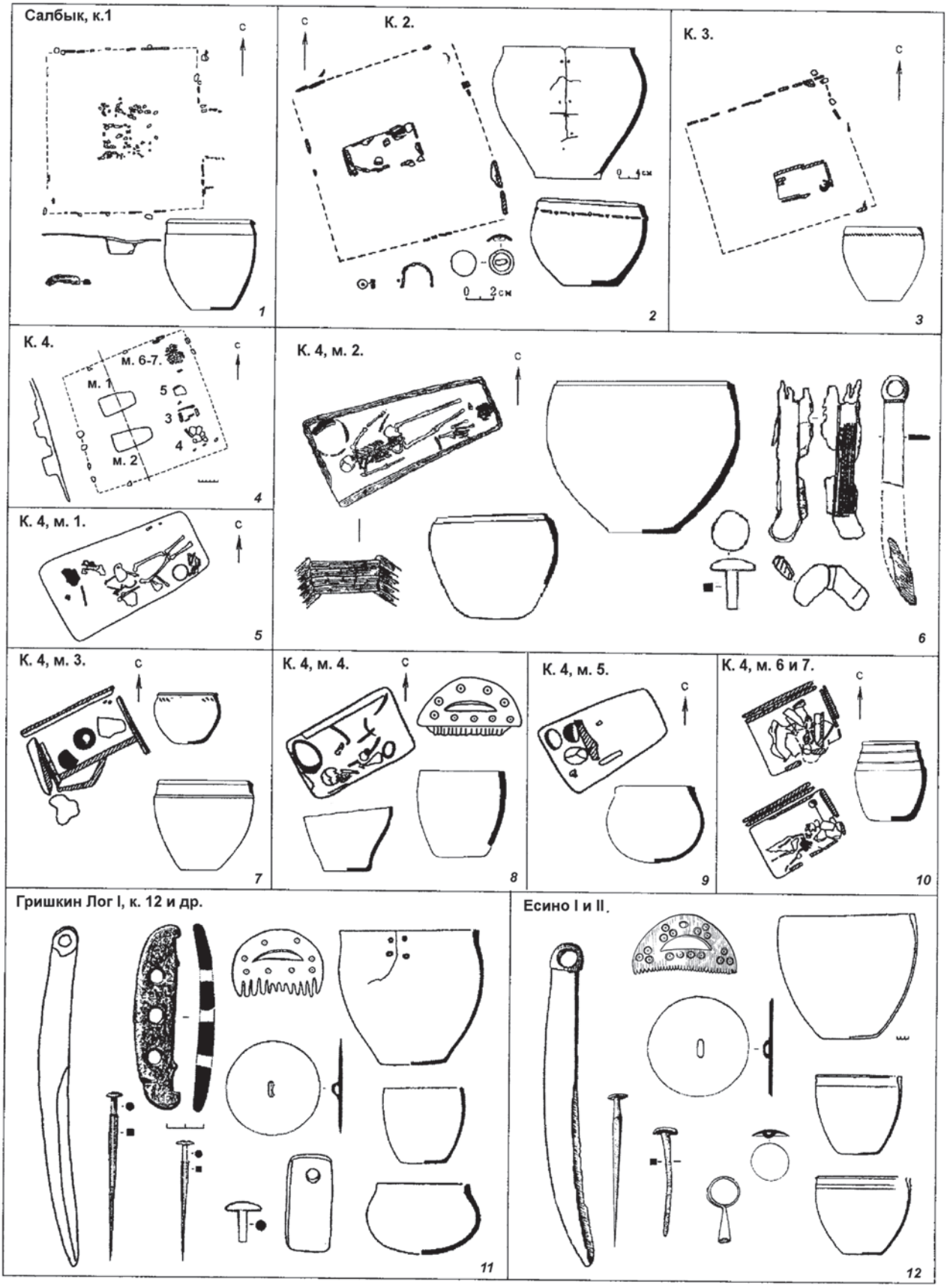

Рис. 2. Сопоставление археологических материалов из 4-х малых курганов в Салбыке с предметами из могильников Гришкин Лог I и Есино I и II в Хакасии. *1–10* – по: С.В. Киселев, С.В. Зотова, Н.Л. Членова; *11*– по*:* Г.А. Максименков, Э.Б. Вадецкая; *12* – по: Д.Г. Савинов.

жанской» и «саглынской», изученных М.П. Грязновым и А.Д. Грачём. Не исключено, что со временем значение раскопанного С.В. Киселёвым Большого Салбыкского кургана – самого огромного и выдающегося мегалитического памятника тагарской культуры будет закреплено за *салбыкским культурно-хронологическим этапом*. Локальные варианты рядовых и средних курганов в Баиново, Подгорново, Сарагаше значительно уступают Салбыку не только по размерам ограды (например, Сарагаш – 19 х 15 м, 10 стел, а БСК – 71 х 71 м, 23 стелы), но и по вкладу в развитие материальной и духовной культуры тагарцев. Основные конструктивные и сакральные особенности *БСК* (частично сформировавшиеся и в предсалбыкское время): обширная деревянная камера-сруб (как жилище для мёртвых – семьи или позднее для рода), покрытие брёвен водонепроницаемой берестой, накат-пирамида из брёвен над срубом, вход с восточной стороны и дополнительный вход-дромос для подзахоронений с западной стороны, сложные монументальные каменная ограда и пирамидообразная насыпь, захоронение сопровождающей собаки и многие другие сакральные и архитектурные детали, доведённые до совершенства – стали эталоном для последующих погребальных сооружений более чем на тысячу лет, не только для тагарской, но также для тесинской, таштыкской культур и позднее. Вероятно, не подгорновской или сарагашенской, а салбыкской группе родственных семей и племён принадлежала реальная власть в древней Хакасии.

На уровне современных знаний, с помощью комплексного хронологического подхода к тагарским памятникам и с учётом дат объектов из других регионов *салбыкский культурно-хронологический этап можно датировать VIII–VI вв. до н.э.*, а эталонные раннетагарские курганы древней Хакасии по векам (рис. 1 и 2; табл. 2). Только комплексный подход к археологическим источникам и интеграция выводов различных отраслей знания помогут в решении сложных хронологических проблем.

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА (ДРЕВНЕГО СВЯТИЛИЩА) УСТЬ-ПОЛУЙ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

© 2014 г. О.И. Новикова, Е.В. Рыбина, А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(novikovolga@yandex.ru)

Ключевые слова: Нижнее Приобье, Усть-Полуй, керамика, статистика, планиграфия.

Резюме: В статье рассматриваются количественные данные о керамической коллекции древнего святилища Усть-Полуй, насчитывающей более 20 000 фрагментов. Приводятся сведения о распределении фрагментов керамики по квадратам раскопов разных лет, о соотношении фрагментов разных частей сосудов (венчики, стенки, придонные части). Планиграфический анализ показал, что выделяются несколько участков, максимально насыщенных керамикой. Они соотносятся с такими объектами, как ров, очажные комплексы, ряды комплексов из камней.

В 2012 г. исполнилось 80 лет с момента открытия В.С. Адриановым одного из ключевых памятников археологии Нижнего Приобья – городища (современное название – древнее святилище) Усть-Полуй. Данному событию была посвящена международная конференция, организованная Научным центром изучения Арктики в Салехарде (Археология Арктики, 2012). Уже первые раскопки в 1935-36 гг. показали неординарность и уникальность этого памятника, а так же значимость полученных материалов для изучения древней истории севера Западной Сибири и реконструкции этно-культурных процессов, проистекавших в данном регионе на протяжении эпохи раннего железа и средневековья. Коллекция находок, сформированная за все годы исследований на памятнике, весьма внушительна. Значительную часть этой коллекции составляют фрагменты керамики (более 20 000 единиц).

В данной работе учтены материалы из раскопок В.С. Адрианова (1935-36 гг.), Н.В. Федоровой (1993-95 гг.) и совместных работ Н.В. Федоровой и А.В. Гусева (Федорова, Гусев, 2006-2011).[2] Таким образом, вне поля нашего зрения по ряду причин остались разведочные работы А.Ф. Палашенкова (Палашенков, 1938), В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской (Чернецов, Мошинская, 1946), С.Г. Пархимовича (Пархимович, 1990 г.), В.М. Морозова (Морозов, 1991) и стационарные раскопки Ямальской археологической экспедиции последних двух 2012-2013 гг.

Общие сведения о количестве находок (в том числе керамики), обнаруженных при раскопках древнего святилища Усть-Полуй в разные годы, приведены в таблице № 1.

Таблица № 1. Количество находок в раскопах разных лет.

Год раскопок	*Всего находок (ед.)*	*В т.ч. керамики*	*В т.ч. венчиков*	*В т.ч. стенок*
1935	12000	4672	1006	3606
1936	11000	7194	2760	4253
1993	2633	1694	919	659
1994	1954	1445	820	480

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00317а.

2 Авторы благодарят сотрудников отдела археологии МАЭ им. Петра Великого, Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского и лично Н.В. Федорову и А.В. Гусева за предоставленную возможность работы с музейными описями и керамическими коллекциями

1995	1356	1123	640	321
2006	725	255	132	52
2007	734	136	84	9
2008	230	79	56	4
2009	1042	836	621	204
2010	2000	1264	1094	90
2011	1916	1466	1056	271
ВСЕГО	*35590*	*20164*	*9409*	*9949*

К представленным цифрам необходимо дать некоторые пояснения. В.С. Адрианов подсчитывал общее количество обнаруженных фрагментов в каждом квадрате, не поясняя при этом, находились они разрозненно, или образовывали скопления.

В коллекционных музейных описях последующих лет присутствуют указания на обнаруженные скопления фрагментов и развалы сосудов, но не конкретизируется количество фрагментов керамики, зафиксированных в этих объектах. Тем не менее, общее соотношение керамики и других категорий предметов примерно понятно: более 56% в общем количестве находок составляют фрагменты керамики.

Сам по себе показатель *количества* фрагментов весьма и весьма условен. Он не отражает (или отражает искаженно) реальное количество сосудов, обломки которых фиксируются в раскопе. По мнению К.И. Панченко «Фактором, искажающим процентный показатель (почти в 2 раза), является большое количество фрагментов одного сосуда и преобладание обломков менее 10 см² в одной совокупности» (Панченко, 2013, С. 52). В связи с этим напомним, что исследователи неоднократно обращали внимание на фрагментарность керамики Усть-Полуя. Реконструируемые и целые формы сосудов представлены единицами, резко преобладают разрозненные и незначительные по размеру фрагменты, в том числе неорнаментированные.

В ходе работы с керамической коллекцией святилища Усть-Полуй была осуществлена пространственно-планиграфическая привязка фрагментов керамики к квадратам раскопов, что позволило увидеть визуально насыщенность керамикой отдельных участков памятника и их соотношение с различными планиграфическими объектами (ров, очажные комплексы, каменные конструкции, комплексы вещей). Не удалось выполнить эту процедуру только в отношении материалов раскопа 1936 г. Как известно, отчетов за этот год в связи с арестом и расстрелом В.С. Адрианова не сохранилось. Но среди полевых архивных документов исследователя, хранящихся в МАЭ, имеется схема раскопа 1936 г., на которой нанесены все квадраты. Их количество вполне четко соотносится с номерами, фигурирующими в полевых описях: с № 77 по № 138. К сожалению, сами номера квадратов на схеме не проставлены. Совмещение схем раскопов разных лет объясняет малое количество находок в 2008 г.: раскоп частично захватил участок, уже исследованный ранее – в 1936 г.

Самыми насыщенными по количеству фрагментов керамики оказались участки и квадраты, планиграфически привязанные к таким объектам, как ров, очажные комплексы, ряд комплексов из камней (схему раскопов см.: Гусев, 2012, С. 45. Рис. 4). Обращает на себя внимание наличие так называемой «технической» керамики – фрагментов тиглей.

К сожалению, не удалось проследить распределение керамики по стратиграфическим слоям, поскольку эта информация в описях представлена очень отрывочно. Развернутая статистическая и планиграфическая информация будет представлена в устном докладе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. 224 с.

Гусев А.В. Камень в системе конструкций Усть-Полуя и этнографические параллели // Археология Арктики. Материалы международной

научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург: Издво «Деловая пресса», 2012. С. 36–47.

Панченко К.И. Статистическая обработка керамики и достоверность полученныхданных: некоторые проблемы // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Тезисы Международного симпозиума (29–31 октября 2013 г.). М.: ИАРАН. 2013. С. 52.

ПАЛЕОМЕТАЛЛ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

© 2014 г. А.А. Орехов

Северо-Восточный государственный университет г. Магадан
(nothernland@mail.ru)

Ключевые слова: Северо-Восток Азии, медь, бронза, железо.

Резюме. В научный оборот вводятся новые материалы, характеризующие эпоху палеометалла Северо-Востока Азии, уточняется датировка. Определен состав медных и бронзовых изделий поселения Аринай-1, который при сопоставлении аналогичных материалов с сопредельных территорий позволит определить источник поступления металла.

Проблемы источника и роли металла в историко-культурном развитии Северо–Востока Азии сложны и недостаточно исследованы. Удаленность от центров цивилизационного развития и экстремальные условия Арктики и Субарктики определили своеобразие исторического развития. Поэтому аналитика исследователей определила появление региональных периодизаций и терминологическое разнообразие в археологической литературе Северо-Востока Азии: термины «пережиточный неолит», «неразвитый бронзовый век» и «неразвитый железный век» (Диков, 1979). Не решен вопрос наличия здесь бронзолитейного производства: в среднем течении р.Амгуэма обнаружена геологами половина литейной формы вне какого-либо контекста жизнедеятельности.

Металл на Северо-Востоке Азии проникает с территории сопредельных регионов. В Якутии Усть-мильская культура эпохи бронзы датируется от 3500 до 2500 л.н. (Алексеев, 1996. С. 70; Мочанов, 1977; Федосеева, 1980; Эртюков, 1990. С. 96). Известно 19 бронзовых изделий: 4 копья, 5 мечей, 4 ножа, кельт, игла, 3 подвески и котел (Алексеев, 1996. С. 71. Рис. 18). Один коленчатый нож аналогичен медному ножу с о. Спафарьева (Лебединцев, 1999). В комплексах Усть-мильской культуры нет резцов, характерных для Чукотки. Изделия в Якутии изготовлены из мышьяковистой бронзы, а также оловянистой бронзы, иногда с большим содержанием (3-10%) железа (котел). Разнообразие состава соотносится с разными хронологическими этапами (Алексеев, 1996. С. 71), но возможно использование металла разных месторождений.

Новые материалы, полученные в результате исследований археологического отряда СВГУ в 2012 г. (Орехов, 2013) позволяют уточнить характеристику эпохи палеометалла (термин Д.Л. Бродянского) Северо-Востока Азии.

Ранние бронзовые изделия, 2 резца и шило представлены в Усть-Бельском могильнике и отнесены с позднему периоду культуры. Они датированы ранним периодом Усть-мильской культуры (источник металла?). Это согласуется с датировкой погребения кургана 15, 2865± 95 (РУЛ). Распространение металла характе-

ризует и поворотный наконечник гарпуна из погребения 1 кургана 9 данного могильника, изготовленный металлическим резцом (Диков, 1979. С. 148–149).

В 2012 г. при исследовании жилища 1 поселения Аринай-1 (лахтинская культура Северо-Западного Берингоморья) были обнаружены изделия из железа, меди и бронзы. Определение состава трех изделий проводились в Аналитическом центре ДВГИ ДВО РАН г. Владивосток аналитиком к.г-м.н. Е.А.Ноздрачевым.

Обозначение образца	Ti	Fe	Ni	Cu	Zn	Pb
1. пластина_26nov13	нет	0.03	0.08	99.91	нет	нет
2.фрагмент острия _26nov13	нет	нет	0.07	89.99	9.92	0.03
3. кубик_26nov13	0.13	нет	0.06	99.78	нет	0.04

Образцы показали разное соотношение основного металла меди и примесей (разные месторождения?). Из медных изделий интересны резцы характерной слегка изогнутой формы: один с кожаной обмоткой как у одного из усть-бельских резцов. Возможно он использовался без рукояти. Резцы не бронзовые, а медные с небольшой примесью титана, никеля и свинца. По форме они сходны с усть-бельскими (Диков, 1979. С. 144. Рис. 55 – 1, 3). Здесь же встречены заготовка орудия и кусок металла формы кубика, две медные пластинами (0,5 мм) (фрагменты?). Медными заклепками были соединены две половинки деревянной рукояти железного ножа. Металлические изделия обнаружены в центральной части жилища.

В 1977 г. бронзовое острие-вставка было найдено на жертвеннике поселения Ориандa-1, на глубине 0,26 м, дата около 1500 л.н. (Орехов, 1987).

Неожиданно преобладание медных, а не бронзовых изделий в ранний период палеометалла, а также и после появления железа.

Железные изделия на Северо-Востоке Азии появились позже медных и бронзовых на 1000 лет. Первые железные изделия из погребений Уэленского могильника Д.А. Сергеев датировал около 4 в. н.э., началом развития древнеберингоморской культуры (Сергеев, 1969). Самое раннее железо на Чукотке зафиксировано в комплексе древнеберингоморского жилища поселения Кивак, 1820±40 л.н. (Beta – 255451) (3 железных резца в костяной рукояти (моржовый клык) и два острия – вставки (наконечников гарпуна?) (Орехов, 2007).

Известны на Чукотке и более поздние находки железа: около 1000 л. н. в жилище 1 поселения Аринай-1 (3 железных ножа, орудие с втулкой (наконечник копья?), железные фрагменты (650 экз.) (лахтинская культура) (Орехов, 2013); железное острие-вставка с жертвенника поселения Амаам-2 и железный наконечник дротика и два острия-вставки с жертвенника поселения Ориандa-1 (лахтинская культура) около 1000 л. н.; женский нож пэкуль (улу) в жилище 1 поселения Красно-2 (канчаланская культура) около 700 л.н.; панцирная пластина на жертвеннике у поселка Хатырка, периода межплеменных войн VII–VIII вв. (Орехов, 1987). Это опровергают мнение о незначительном распространении металла на Чукотке до появления россиян в VII в.

Сомнительна возможность проникновения металла на Чукотку с Камчатки, где появление металла датируется рубежом н.э. (Пономаренко, 2000).

В Северном Приохотье в комплексах токаревской культуры (VIII в. до н.э. – V в. н.э.) обнаружены медные изделия (Лебединцев, 1999). Отмечаемые костяные рукояти для железных резцов пока не имеют датировки (Лебединцев, 1990). Васильевский Р.С. считал, что железные изделия проникали на североохотское побережье от приамурских и приморских племен (Васильевский, 1971). Начало эпохи палеометалла в Приморье датируется около 3500 л.н. (лидовская культура) (Сидоренко, 2007. С. 133). Возможно влияние урильской около 3500–2500 л.н. и сменившей

ее польцевской 2500–1500 л.н. культур Приамурья. Транзит медно-бронзовых изделий с территории Приморья через Приамурье, пока не подтверждается единичными медными и бронзовыми изделиями здесь. Возможен транзит металла по островам Охотского моря. На Сахалине эпоха палеометалла начинается около 2800–2700 л.н. (анивская, имчинская и северо-сахалинская культуры) (Васильевский, 2008).

С североохотского побережья металл мог распространяться на Чукотку. Активное использование железных орудий на североохотском побережье зафиксировано в древнекорякской культуре: острия-вставки наконечников гарпунов, заклепки для их крепления. Самые ранние железные изделия представлены в комплексах древнекорякской культуры (Алевина-1, жилище 1, слой 2, 1360 ± 50 л.н., Алевина-1 жилище 5, 1600± 30). Вероятны здесь более ранние находки железа (Орехов, 1999). Многочисленны находки железных орудий в более поздний период (Васильевский, 1971; Лебединцев, 1990, 1999; Орехов, 999).

Основными источниками металла для Северо-Востока Азии были Приморье и Приамурье, Восточная Сибирь, Якутия. Анализ состава изделий из металла уточнит источник его поступления. Металлические орудия определили прогрессивное развитие экономики (повышение эффективности), техники и технологии. Однако это не привело к столь же кардинальным изменениям как на юге.

Эпоха палеометалла на Северо-Востоке Азии охватывает период с начала I тыс. до н.э. до V в.н.э. (3000–1500 л.н.). В нем можно выделить ранний период меди и бронзы от начала I тыс. до н.э. до II в. н.э. (3000 – 1800 л.н.), а также железный век от II в. н.э. до V в. н.э. (1800–1500 л.н.). С V в. и до XVII в. на Северо-Востоке Азии, также как и в других регионах, продолжалась эпоха средневековья. Таким образом, новые материалы позволили уточнить датировки эпохи палеометалла, дают возможность проведения сравнительного анализа состава металла для определения источника и направления его распространения на Северо-Востоке Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 143 с.

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М.: Наука. 1969. 201 с.

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2008. 411 с.

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 250 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 351 с.

Лебединцев А. И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука, 1990. 260 с.

Лебединцев А. И. Находки медных орудий на Охотском побережье // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. С. 38–60.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 262 с.

Орехов А.А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. М.: Наука, 1987. 173 с.

Орехов А.А. Предварительные результаты исследования древних поселений у м. Алевина (Охотское побережье, древнекорякская культура) // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1999. С. 60–80.

Орехов А.А. Предварительное исследование древнеэскимосского поселения Кивак (Провиденский район, ЧАО) // Вестник СМУ. Вып. 8 / Отв. ред. Е.М. Кокорев, А.И. Широков. Магадан. 2007. С. 34–38.

Орехов А.А. Древнее поселение Аринай-1 (лахтинская культура, Восточная Чукотка) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы. Всероссийской научной археологической конференции. Екатеринбург – Сургут, 2013. С. 199–204.

Пономаренко А.К. Древние культуры ительменов Камчатки. П.-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 2000. 216 с.

Сидоренко Е.В. Северо-Восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток: Дальнаука, 2007. 270 с.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 224 с.

Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. Новосибирск: Наука, 1990. 152 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНКИ РУБЕЖА I-II ТЫС. Н.Э. В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ОСТРОВА УРУП: ИТОГИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

© 2014 г. П.А. Пашенцев

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск
(pashentsev@inbox.ru)

Ключевые слова: Курильский архипелаг, о.Уруп, неолит, палеометалл, средневековье.

Резюме. В статье рассмотрены итоги археологической разведки в южной части о.Уруп Курильского архипелага.

В сезон 2013 г. отрядом СЛАЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ проводилась археологическая разведка в южной части острова Уруп. Уруп относится к центральной группе островов Курильского архипелага. В ходе разведки обследовано 11 археологических объектов эпох неолита, палеометалла, средневековья. Все они локализуются в узкой прибрежной полосе, и приурочены к ручьям, впадающим в Охотское море с западной стороны острова и Тихий океан – с восточной. Подобное расположение памятников объясняется, ориентацией древних социумов на добычу морских биоресурсов. Литоральная зона изобилует небольшими скальными островками, на которых наблюдаются многочисленные лёжки морских млекопитающих.

Археологические источники, относящиеся к комплексам, рубежа I–II тыс. н.э. выявлены на охотоморском и океанском побережьях острова. Несмотря на сходный возраст, между ними имеется ряд ярких отличий, проявляющихся в типах памятников и в керамике. К первому типу относится материалы, выявленные на поселении Осьма-1 и стоянке Васин-1. Площадки, где расположены памятники, укрыты от ветра, удобны для длительного проживания и проведения хозяйственной деятельности. На поселении Осьма-1 жилищные западины, имеют в плане форму близкую к квадрату. В одной из них, поврежденной военной траншеей, обнаружены орнаментированные прочерченными узорами фрагменты тулова керамического сосуда. Керамическое тесто, из которого был изготовлен сосуд, имеет минеральную (песок) и шамотную примеси. Керамика средней толщины. Внешняя и внутренняя поверхности тщательно обработаны. Орнамент нанесён с внешней стороны изделия под изгибом шейки.

Сходен с описанным изделием сосуд, обнаруженный на стоянке Васин-1. Он имеет вазообразный профиль, широкое открытое устье с намеченной шейкой и выраженным плечиком. Сосуд плоскодонный, край донышка окантован выступом-закраиной. Ширина устья больше высоты сосуда. Кромка венчика округлая в сечении. Стенки сосуда лощены до матового блеска. Декор размечен орнаментальной полосой на плечике изделия. Ширина полосы орнамента составляет 25% высоты сосуда. Орнамент прочерченный. Верхний ярус композиции образован двумя параллельными сплошными линиями с косыми короткими насечками между ними. Ниже идёт узор из косых пересекающихся линий в виде сетки. Нижний ярус аналогичен верхнему.

Типологически керамика поселения Осьма-1 и стоянки Васин-1 соответствует традиции *тобинитай* – одной из разновидностей культуры *сацумон*, распространённой на острове Хоккайдо. Культура *тобинитай* считается смешением культур *сацумон* и *охотской* на северо-востоке Хоккайдо и Курильских островах (Yamaura, 1983. P. 179). *Тобинитай* соответствует поздним этапам культуры *сацумон* и возникает на северо-востоке Хоккайдо в X в. н.э. (Kumaki, 2013). В связи с этим сомнение вызывает AMS дата, полученная по образцу нагара, взятого со стенки со-

суда со стоянки Васин-1 – *1415±45BP (MTC-16751)*. На наш взгляд, данная дата удревнена за счёт «резервуарного эффекта». Учитывая хозяйственную ориентацию социумов проживающих на Курильских островах на потребление именно морских организмов, данное предположение вероятно. Среднее значение разницы в накоплении С14 для Южных Курил составляет 364 года (Kuzmin at all, 2007. – P.462; Omoto at all, 2010. – P.536). Введя поправку, получаем дату – *1051±45BP.* Калиброванный календарный возраст, таким образом, соответствует *X – первой половине XI в.* Данная датировка согласуется с ранее изученными на Южных Курилах комплексами культуры *тобинитай*, кроме того морфологические особенности и орнаментальные мотивы на керамических изделиях, обнаруженных в южной части Урупа, соответствуют позднему и финальному этапам культур *сацумон-тобинитай* (X–XIII вв.).

Отличны от описанных керамические типы, выявленные на поселениях Васин-2 пункт 3 и Васин-3, расположенных на охотоморском побережье. Васин-2 пункт 3 располагается на мысовидном выступе 60 метровой террасы. Доступ к поселению затруднен крутыми склонами. Положение памятника удобно с точки зрения защиты от предполагаемого противника, однако неудобно с позиций длительного проживания. Жилища расположены на продуваемой ветром площадке, спуск к ручью затруднен крутым склоном. Поселение Васин-2 пункт 3 является поселением-убежищем, которое использовалось жителями в случае возникновения опасности. Ещё неприступнее место расположения поселения Васин-3. Оно расположено на площадке высотой 70 метров на узкой гриве мыса Васин и территории прилегающей к мысу. Подъём на гриву невозможен без специального снаряжения с трёх сторон, с четвертой, у основания гривы, вход на неё перекрыт искусственным рвом и насыпным валом. Таким образом, объект является типичным укрепленным поселением, при сооружении которого использованы защитные особенности местности с укреплением слабозащитных мест оборонительными сооружениями. Подобный тип сооружений распространён в регионе (Василевский, 1996. С. 283).

На описанных памятниках выявлены типологически сходные керамические изделия. Изделия плоскодонные. Сосуд, обнаруженный на территории укрепленного поселения Васин-3, имеет усечено-коническую форму со слегка вогнутым устьем. Кромка венчика прямоугольная в сечении. Ширина устья равна высоте сосуда – 230 мм. Керамическое тесто изготовлено с добавлением минерального отощителя. Поверхность изделий тщательно обработана с обеих сторон, но не лощена. Керамика не орнаментирована.

Два образца нагара, взятого со стенок описанных выше изделий, показали возраст *1235±40BP (MTC-16753)* и *1560±40BP (MTC-16754)*. Столь значительная разница датировок на наш взгляд также объясняется воздействием «резервуарного эффекта», повлиявшего на удревнение второй даты, поскольку при вводе поправочного коэффициента получаем дату практически аналогичную первой *1196±40BP,* что более вероятно, учитывая типологическое сходство образцов. Калиброванный календарный возраст полученных дат, соответствует VIII–IX вв.

В доступных нам публикациях, отчётных материалах и археологических коллекциях, аналогий описанному керамическому типу не встречено. Отсутствуют изделия подобного облика на хорошо археологически изученном острове Хоккайдо[1]. Таким образом, выявленный керамический тип может быть связан с неизвестной нам археологической культурой, существовавшей в раннем средневековье на северных и центральных Курилах.

Таким образом, выстраивается хронологическая последовательность выявленных керамических типов. Археологические источники, включающие типы с неорнаментированной керамикой датируются VIII–IX вв., а типы, относящиеся к культуре *тобинитай,* появляются на Урупе, по-видимому, в X веке. Интересны также различия топографии памятников: типы, относимые к культуре *тобинитай*, располагаются на площадках удобных с точки зрения осуществления хозяйственной деятельности, а типы, соотносимые с неизученной археологической культурой центральных Курил, выявлены на высоких площадках

1 Автор благодарит за консультацию доцентов Токийского университета М. Фукуда и Т. Кумаки.

мысов и мысовидных выступов. Учитывая зафиксированные на последних остатки фортификации, логичен вывод о защитно-оборонительном характере этих поселений. Исходя из анализа собранных материалов, вероятен сценарий при котором, миграция носителей культуры *тобинитай* на север, начавшаяся в первой половине X века или несколько ранее, натолкнулась на сопротивление населения, проживавшего на центральных Курильских островах. Однако уже в X–XI вв. *тобинитай* занимает удобные террасы в южной части Урупа.

Следует отметить, что сделанные выводы имеют гипотетический характер. Датировки, полученные исследователями в Южной части Урупа, в ходе работ по реализации Международного Курильского биокомплексного проекта (IKIP) в начале 2000-х гг. соотносятся с приводимыми в настоящей статье, однако авторы связывают полученные даты с *охотской* культурой (Fitzhugh at all., 2002. P. 81). Таким образом, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть выводы о выявленных в ходе разведки стоянках и поселениях, необходимо проведение дальнейших работ и исследования описанных источников методом археологических раскопок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Василевский А.А. Факторы естественной защиты в сусуйской и охотской классификации (вопросы терминологии и типологии) // Вестник Сахалинского музея. 1996. №3. С. 281–291.

Kumaki T. Satsumon Culture in the eastern part of Hokkaido and the impact of it on the Okhotsk Culture (Presentation on the Sakhalin International Workshop: “Study on adaptive strategy and interactive scenarios of the human communities in the island world of the prehistoric Northeast Asia”). Yuzhno-Sakhalinsk, 2013.

Kuzmin Y.V., Burr G.S., Gorbunov S.V., Rakov V.A., Razjigaeva N.G. A tale of two seas: Reservoir age correction values (R, DR) for the Sakhalin Island (Sea of Japan and Okhotsk Sea) // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. 2007. B. 259. P. 460–462.

Omoto K., Takeishi K., Nishida S., Fukui J. Calibrated 14C ages of jomon sites, NE Japan, and their significance // Radiocarbon. 2010. Vol 52. No. 2–3. P. 534–548.

Fitzhugh B., Shubin V.O., Tezuka K., Ishizuka Y., Mandryk C.A.S. Archaeology in the Kuril islands: advances in the study of human paleobiogeography and Northwest Pacific prehistory // Arctic Anthropology. 2002. Vol. 39. No. 1–2. P. 69–94.

Yamaura K. The Last Stage of the Okhotsk Culture and the Satsumon Culture // Bulletin of the Department of Archaeology. 1983. No. 2. P. 157–179.

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БАСТИОННО-БАШЕННЫХ ФОРТИФИКАЦИЙ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТОБОЛО-ИШИМЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО-1)

© 2014 г. Т.Н. Рафикова, С.В. Берлина, Н.А. Попов

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень
(tnrafikova@yandex.ru)

Ключевые слова: Бастион, башня, фортификации, раннее средневековье, бакальская культура.

Резюме. В работе рассматривается появление бастионно-башенных фортификаций в раннем железном веке и средневековье Западной Сибири, приводятся результаты раскопок бастиона на раннесредневековом городище бакальской культуры Ласточкино гнездо-1.

На территории Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке появились дополнительные укрепления фортификаций в виде башен-бастионов. Под башней в фортификационных словарях понимается составная часть крепостных стен, обычно несколько выступающая за плоскость стены и имеющая большую высоту. Основное ее предназначение – продольное обстреливание крепостных стен и подступов к ним (Шперк, 1946). Под бастионом же, как более поздним понятием, понимается пятиугольное (полукруглое) в плане оборонительное сооружение в виде выступа в крепостной ограде, с открытой внутренней стеной (горжей), предназначавшееся для обстрела напольной стороны и вдоль стен (Губайдуллин, 2003. С. 25). Таким образом, определения практически идентичны. Различие заключается в степени выступания конструкции в напольную часть, и деталями строения (наличием горжи в бастионе). Некоторая путаница в археологической литературе присутствует при обозначении укреплений, связанных с въездом (называют бастионами, башнями). Полагаем, логичнее при описании мощных при- и надвратных сооружений использовать термин «привратная башня» или «барбакан», которые лучше отражают суть и назначение конструкции. В данной работе привратные укрепления мы не рассматриваем.

К бастионам (по внешним признакам) мы относим выступы из линии вала, оконтуренные рвами. При отсутствии перемычек-входов в валу-рву и при единичном наличии на памятнике возможна их интерпретация в качестве (укрепленного) въезда (такой въезд раскопан на Павлином городище – малый, северо-западный въезд (Среда, культура…, 2009); один выступ, расположенный по центру фортификаций, зафиксирован на плане городищ Зыряновское, Саровское и др.

В структуре фортификаций выступы, связываемые с башнями-бастионами, встречаются у носителей гороховской культуры (Сигрякское, Матайкул, Казахбаевское Малое, Гороховское (Чудаки), Ильтяковское, Воробьевское-1, Калачик, Нижне-Суварышское IV), на гамаюно-иткульском Зотинском II городище, на иткульском Зотинском III. Среди памятников саргатской культуры бастионы-выступы отмечены на цитадели гор. Батаково XIX и на городище Старокарасук XXI. Таким образом, отнести к городищам с бастионами в Зауралье и Прииртышье мы можем 13 памятников.

Укрепления с бастионами в раннем железном веке известны в Среднем и Нижнем Приобье (Борзунов, 2002), относятся к белоярской и кулайской культурам (Борзунов, 2002. С. 80). Кроме башен-бастионов, имеющих четкие очертания, имеется ряд памятников, фортификационные линии которых имеют

изломы, выступы – Казахбаевское Большое, Павлиново, Марьино ущелье-4; раскопками эти выступы не изучены, и говорить о их строении преждевременно, можно предположить, что это переходная форма от плавных очертаний фортификаций к бастионам.

К западу от Тоболо-Ишимья встречен только один объект с башней – гор. Алтен-Тау в Прикамье (Борзунов, 2002. С. 79, 90). К юго-востоку на памятниках культур раннего железного века не встречено выступов-бастионов, там они появляются позднее, у уйгур в VIII–IX вв., на киданьских городищах, в кыргызском каганате, и связаны с сырцовой архитектурой (Данилов, 2005. С. 23; Худяков, 1995).

Городища с башнями-бастионами в раннем железном веке появляются и в Южном Казахстане – на городище Бабиш-мулла, Баланды-1, встречаются на памятниках джетыасарской культуры рубежа эр (Степная полоса…, 1992).

В средневековый период бастионно-башенные сооружения отмечены на городищах лесостепной зоны Тоболо-Ишимья – Ласточкино гнездо-1, Усть-Утякское-1, Логиновское, Борковское. Все они подвергались исследованию. Так, на Логиновском городище с южной и северной сторон отмечены полукруглые материковые выступы, где располагались башни размерами 3х6 м. (Генинг, Евдокимов, 1969. С. 104–105). В позднем средневековье башни изучены на городищах Малое Бакальское, Искер (Зыков, 1998. С. 22–24).

На территории таежного Приобья бастионно-башенные выступы отмечены на городищах карымской культуры – Соровское V, XXXV, Усть-Тара-43 (Чемякин, Борзунов, 2013. С. 45–48). Изученный на городище Усть-Тара-43 бастион имел размеры 10х4 м, установлено одновременное сооружение рва и бастиона (Михалев, 2008. С. 223–224).

В Среднем Прииртышье в потчевашское время бастионы отмечены на городищах Айткулово XIV, XI, Кордон-Бергамак V (Коников, 2007. С. 173–174, 299. Рис. 6.; С. 352. Рис. 96; С. 461. Рис. 305). В период развитого и позднего средневековья на этой территории бастионы зафиксированы на городищах Безымяное I, Безымяное III, Усть-Тара XLVII, LI, XLIII, Чеплярово IX, XIV (Шлюшинский, 2007. С. 289. Рис. 13; С. 296. Рис. 26; С. 303. Рис. 39; С. 307–308. Рис. 47–49; С. 315, Рис. 63).

В Среднем Приобъе городищ раннего средневековья (релкинская культура) немного, выступы зафиксированы только на одном из них - Карбинском II (Чиндина, 1991. С. 146. Рис. 4–3). На городищах верхнеобской культуры зафиксирован один (Крохалевка-18, 21, Юрт-Акбылык-9), два (Черный Мыс III, Вьюны-10, 11, 18, Крутоборка-4) и более (Крохалевка-32, Юот-Акбалык) выступов (Троицкая, Новиков, 1998. С. 11-14, 89-90. Рис. 2–3, 6, 8, 9, 11. Рис. 3–1, 3–5, 8).

Таким образом, бастионно-башенные конструкции появились на территории Западной Сибири в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку как элемент усиления валов и рвов, появляется и традиция укрепления въездов. Среди общей массы городищ количество их невелико. Раскопками изучены единичные башни и бастионы на памятниках железного века. К сожалению, процессы археологизации не всегда позволяют проследить их строение. Раскопки средневековых фортификаций городища Ласточкино гнездо-1 позволили получить достоверные сведения о конструкции бастиона и вал-ров линии.

Городище Ласточкино гнездо-1 расположено в Ишимском районе Тюменской области, на высоком берегу реки Ишим. Фортификационная линия отсекает площадку мыса полукругом, с юга на северо-запад, ее длина по вершине вала 50-54 м, ширина вала 2,8-3 м, высота – 0,3-0,4 м. Вход расположен посередине и представляет собой понижение (на 0,4 м) в валу шириной 4-5 м и подъем-перемычку (на 0,3-0,4 м) во рву шириной 6 м. К валу прилегают два прямоугольных выступа размерами 8,5-10х5,5 м, расположенные в 7-8 м по обе стороны от въезда. Ров повторяет очертания вала и выступов, имеет ширину 1,5-2,8 м, глубину 0,3-0,4 м.

Памятник изучался экспедицией ИПОС СО РАН в 2000, 2013 гг., вскрыты жилая площадка, бастион и часть оборонительной линии городища. Работы позволили проследить два этапа строительства фортификаций в средневековый период.

Первоначально средневековый поселок был обнесен валом (возможно, с установлен-

ной поверх него стеной) и рвом, шириной 1,1-1,2 м и глубиной до 50 см от уровня материка. Сквозь вал-ров линию существовал проход в виде проема в валу и материковой перемычки во рву, шириной 1,6 м.

Через непродолжительный период времени оборонительная линия была перестроена. При этом бастионы были вписаны в прежнюю фортификационную систему. Для строительства изученного бастиона был выбран участок раннего прохода через городище. Северная часть рва на данном участке была засыпана, южную использовали под обустройство подземного хода (?). Поверх засыпанного рва и на материковом выступе в напольную сторону была поставлена срубная конструкция размерами 3х6 м.

Для постройки использовали бревна и жерди, пазы между которыми обмазывались глиной. Бастион со всех сторон обнесли рвом. Между ним и рвом оставлена берма – 1,0-1,6 м. Ранний ров на участках между бастионами дополнительно углубили. Также в центре оборонительной линии обустроили новый вход на городище.

Особое внимание привлекает устройство подземного хода со стороны жилой площадки перед бастионом. Его длина составляла около 4 м, ширина 1,2-1,3 м, глубина около 0,8 м. Подземный ход был облицован жердями, дополнительно обмазанных глиной. Вход в него был обустроен у юго-западной стороны бастиона, проходил под оборонительной линией и выходил в ров, который через 4-5 м уходил в овраг. С напольной стороны выбравшихся с городка жителей или воинов закрывала конструкция башни. Таким образом, можно было осуществить два тактических приема: первый – продвинувшись по рву в овраг, покинуть городище; второй – обойдя башню, напасть на противника с тыла, захватив его врасплох.

Таким образом, изученный на бакальском городище Ласточкино гнездо-1 бастион имел срубную конструкцию размерами 3х 6 м, установленную на материковом выступе в напольную сторону. Расположение бастионов в структуре фортификаций позволяли эффективно вести обстрел вдоль стен, защищая уязвимые места, в том числе въезд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология, 2002. № 3. С. 79–97.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. № 2 (21). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2013. С. 45–55.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логиновское городище (VI–VII вв.) // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск, 1969. С. 102–127.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 104 с.

Данилов С.В. Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии. Автореф… дис. ... докт. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 47 с.

Зыков А.П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности //Сибирские татары. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 22–24.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд. ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2007. 466 с.

Михалев В.В. Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье (предварительное сообщение) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск. Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 223–224.

Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Ред. Л.Н. Корякова. Екатеринбург-Сургут: «Магеллан», 2009. 298 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. 493 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Худяков Ю.С. Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: 1995. С. 62–73.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1991. 184 с.

Шлюшинский А.В. Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII–XVIII вв. Дисс. … канд. ист. наук. Омск, 2007. 331 с.

Шперк В.Ф. Фортификационный словарь. М., 1946. 126 с.

ИМПОРТНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

© 2014 г. Р.Р. Саттаров

Самарская академия государственного и муниципального управления, Самарский государственный университет, Самара (sattarov.rr@rambler.ru)

Ключевые слова: ранний железный век, Западное Приуралье, пьяноборская культура, импортные изделия, этапы изучения.

Резюме. В статье рассматриваются этапы изучения пьяноборской культуры, отдельным аспектом которого освещаются предметы импортного производства. Автор описывает состав импортных изделий выявленных исследователями на протяжении всего изучения пьяноборской культуры. Отмечается важность определения происхождения и хронологии этих предметов для установления торговых путей и экономических связей населения Западного Приуралья с ближайшим и дальним окружением.

Предметы импортного производства давно интересуют исследователей. Важность этих находок в памятниках любой археологической культуры трудно переоценить. Изучение состава импортов и динамики их поступления в регион имеет огромное значение при реконструкции взаимоотношений оседлого и кочевого мира. Сопоставление импортных изделий с аналогичными материалами других культур позволяют установить их происхождение и хронологию.

На сегодняшний день опубликован ряд фундаментальных научных трудов посвященных импортным изделиям, ставшие бестселлерами и настольными книгами практически любого археолога, занимающегося проблемами раннего железного века и раннего средневековья Евразии (Амброз, 1966; Кропоткин, 1970; Симоненко, 2011; и др.). Написано несколько диссертационных исследований (Малышев, 1993; Кропотов, 2008; Ли Джи Ын, 2010), это далеко не полный ряд. Как мы видим, тема импорта актуальна, однако, несмотря на такие фундаментальные исследования, тема торговых отношений в древности явно еще не исчерпана.

В рамках заявленной темы, необходимо отметить, что до настоящего времени комплексный анализ предметов импортного производства в пьяноборской культуре не проводился, как следствие, торговые связи населения Западного Приуралья не подвергались планомерному изучению.

Среди вещевого инвентаря погребальных комплексов пьяноборской культуры рубежа нашей эры известно достаточно большое количество предметов импорта. В основном это различные типы стеклянных, фаянсовых бус, бронзовые зеркала, фибулы, а также некоторые виды предметов вооружения.

Несмотря на обилие импорта в пьяноборской культуре, эта категория находок не всегда была в поле зрения археологов. История изучения пьяноборской культуры прошла несколько этапов.

Первый этап изучения пьяноборской культуры берет свое начало с 1880 года, когда первые находки этого круга были доставлены П. Пасынковым в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Небольшие раскопки П.А. Пономарева в 1881 г., А.А. Спицына в 1887-1888 гг. и Ф.Д. Нефедова в 1894 г. позволили установить принадлежность этих находок к I и II Пьяноборским могильникам (Спицын, 1893. С. 135; Нефедов, 1899. С. 61–62). В 1898 г. А.А. Спицыным были произведены раскопки I и II Ныргындинских могильников, а уже в 1901 г. он опубликовал исследованный материал и ввел в научный оборот термин «пья-

ноборская культура» (Спицын, 1901. С. 7). На предметах импортного производства не заостряли внимание, хотя из опубликованных материалов мы видим, что они присутствуют. Авторами приводятся лишь некоторые аналогии, помогающие установить этнокультурную принадлежность и вскользь решить вопросы хронологии. Ни о каких торговых отношениях речи не идет, собственно это и объяснимо, на этом этапе решались иные задачи.

Второй этап соотносится с 30-50-ми гг. XX в. и связан с именами таких известных археологов как А.В. Шмидт, М.Г. Худяков и А.П. Смирнов (Шмидт, 1929; Худяков, 1933; Смирнов, 1952, 1957). На этом этапе продолжилось накопление археологического материала, был изучен ряд пьяноборских, гляденовских, мазунинских, бахмутинских памятников. В эти годы М.Г. Худяковым была разработана периодизация пьяноборской культуры, которую поддержал А.П. Смирнов. Долгое время она была признана исследователями Прикамья. А.В. Шмидт первым ограничил ареал распространения пьяноборской культуры течением р. Камы и определил ее место в общей схеме культур Прикамья (Шмидт, 1929. С. 1–15). Материалы требовали обобщения, в классификации инвентаря могильников исследователями значительное внимание уделялось эполетообразным застежкам, на основе которых впоследствии строились хронологические схемы.

Таким образом, второй этап, как и предыдущий, характеризуются в первую очередь, накоплением и введением новых материалов в научный оборот, попытками ограничения ареала распространения культур и типологизации категорий находок. Вопросы импорта и возможных торговых отношений оставались за рамками интересов исследователей.

С 50-х гг. XX вв. начинается третий этап изучения пьяноборской культуры, который характеризуется ростом источниковой базы, особенно за счет проведения широко масштабных охранно-спасательных археологических работ в зоне строительства Нижнекамской ГЭС. Качественно проведенные раскопки могильника Чеганда II позволили В.Ф. Генингу представить новую, хорошо обоснованную типологию погребального инвентаря. В одной из первых попыток обобщения исследованного материала В.Ф. Генинг отмечает, что в пьяноборских памятниках найдено уже немало вещей южного происхождения. При этом называет возможный вариант для обмена – ценные меха (Генинг, 1962. С. 27). Обратившись к классификации погребального инвентаря (Генинг, 1970), мы видим, что такие категории находок как фибулы, бусы, особенно из египетского фаянса, бронзовые бляхи, в том числе и трапециевидные бляхи, В.Ф. Генингом отмечаются как вещи привозного характера, изготовленные в южных городах, и их широкое распространение свидетельствует об оживленных связях (Генинг, 1970. С. 55). Такую категорию вооружения как мечи, находящие аналогии в основном в сарматском мире, автор склонен относить к вещам местного происхождения.

Отдельные категории вещей импортного производства рассматривались в немногочисленных публикационных работах (Васюткин, Калинин, 1986) при хронологизации погребальных комплексов, в которых они были найдены и при обосновании общей датировки памятника и археологической культуры в целом. При описании военного дела и видов вооружения в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) В.А. Ивановым (Иванов, 1984) приводится возможная принадлежность некоторых из них к предметам импортного производства.

Завершающим аккордом этого этапа является обобщающая работа Б.Б. Агеева (Агеев, 1992), новые материалы, полученные в ходе исследований 1970-80 гг., позволили ему уточнить нижнюю дату пьяноборской культуры. При интерпретации материалов Б.Б. Агеевым приведено достойное количество аналогий по сопредельным территориям и их использование дало ему возможность по новому взглянуть на пьяноборскую проблематику.

Последующие два десятилетия (современный этап) ознаменовались некоторым спадом в изучении пьяноборской культуры. Общая ситуация в российской науке и в археологии, в частности, не способствует расширению источниковой базы. Несмотря на все сложные обстоятельства, появляется новая концепция развития культур Р.Д. Голдиной (Голдина, 1999. С. 209), согласно которой мазунинская культура (III–V вв. н.э.) определяется как ма-

зунинский этап пьяноборской (чегандинской) культуры. Большинство исследователей, занимающиеся проблемами археологических культур Волго-Уралья, не поддержали данную концепцию. Несмотря на терминологическую путаницу, хронологические неясности в пьяноборской культуре, большое внимание уделяется публикации материалов и их обработке. Ижевскими коллегами опубликованы Ныргындинский I могильник, включающий более 300 погребений, как пьяноборской, так и мазунинской культур (Голдина, Красноперов, 2012). Полностью опубликован Тарасовский могильник (Голдина, 2003, 2004), являющийся переходным памятником – от пьяноборья к мазунино.

При интерпретации материала достаточное внимание стали уделять предметам импортного производства и торговым отношениям. В частности, при подготовке диссертационного исследования ижевским исследователем А.А. Красноперовым было обращено внимание на привозные вещи, в особенности на бронзовые бляхи (Красноперов, 2006а, 2006). В вышеупомянутой публикации по Ныргындинскому I могильнику указаны сведения, полученные рентгенофлуоресцентным анализом, что дает новые возможности при изучении импортных вещей (Голдина, Красноперов, 2012. С. 341–362).

Таким образом, изучение пьяноборской культуры выходит на новый уровень, уделяется все больше внимания аналитической работе, а также естественнонаучными методам в археологии.

Подводя итог необходимо отметить, что импорт является важной составляющей материальной культуры, который дает возможность проследить торговые связи и пути, показать место пьяноборской культуры в социально-экономической системе археологических культур в общеевразийском контексте. Фиксирующийся импорт I–III вв. показывает об изменении историко-культурной ситуации в регионе. Представляется верной точка зрения А.С. Скрипкина о роли новых мигрантов в степях Волго-Уралья – приход аланов стабилизировал обстановку в южных регионах и способствовал развитию торговых отношений (Скрипкин, 1990. С. 222), что заметно сказалось на поступлениях импортных вещей в среду оседлого лесостепного и лесного населения Западного Приуралья в первых веках нашей эры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН. 140 с.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986. С. 95–122.

Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып. 2. Свердловск, 1962.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Часть I. // ВАУ. Вып. 10. Ижевск-Свердловск, 1970.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999; 2004.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т.2, иллюстрации. Ижевск, 2003.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т.1, текст – каталог погребений. Ижевск, 2004.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1984, 84 с.

Краснопёров А.А Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. Сб. научн. статей. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ. С. 144–148.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. –V в. н.э.) / Дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск. Т.1. 273 с.; Т.2. 305 с.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. III. М., 1899.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 300 с.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГ. Т.1. М., 1893.

Спицын А.А. Древности бассейна рек Оки и Камы // МАР. СПб. № 25, 1901.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА, № 58. М., 1957.

Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицина в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л., 1933.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедицией АН СССР//Хозяйство Башкирии. № 9. Уфа, 1929.

САКИ И УСУНИ НА СЕВЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2014 г. В.А. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(ranbov@yandex.ru)

Ключевые слова: Тува, Центральная Азия, скифские культуры, саки, усуни, сюнну, Греко-Бактрия.

Резюме. Центральная Азия один из трех генераторов народов, откуда выходили племена кочевников, влиявших на этнополитическую ситуацию на всем Евразийском материке. Цель доклада отождествить некоторые из этих этносов по материалам археологических раскопок в Туве, относящихся к скифской эпохе.

Известные по античным и ханьским хроникам некоторые этнонимы кочевых племен Внутренней Азии позволяют отождествить с ними выделенные археологические культуры Саяно-Алтайского нагорья. Не вызывает сомнения, что эти этнонимы носят собирательный характер, но все же стоит искать соответствия между данными исторических и археологических источников на уровне известных крупных этнополитических объединений, сыгравших определенную роль в истории многих народов Срединной Азии.

Саки и усуни или асианы, исседоны, сакаравки и другие известные кочевнические этносы, вероятно, близко соприкасались на территории современной Монголии, Тувы, Алтая и Восточного Туркестана, что стало особенно заметно в период возвышения и гегемонии сюнну (Ельницкий, 1977; Семенов, 2010. С. 99–110).

Археологические исследования последних десятилетий принесли достаточно новых материалов, позволяющих изменить устоявшиеся взгляды на археологию Саяно-Алтая. Тува, о которой здесь пойдет речь, является, безусловно, ключевой территорией в данном регионе, где формировалась скифская триада, а культуры скифского типа существовали почти в течении всего 1 тысячелетия до н.э.

Ранние алды-бельские памятники, а затем уюкские, вероятно были оставлены сакоюечжийским этносом, занимавшим бассейн Верхнего Енисея приблизительно в течении 400 лет – с конца VIII до начала V века до н.э. Исследование вещевых комплексов, происходящих как из элитных курганов, так из некрополей рядового населения, демонстрируют не узколокальные, а евразийские связи, о чем красноречиво свидетельствуют экзотические импорты, такие как янтарь и раковины каури, определенные типы конского снаряжения (специфические формы удил и псалиев), золотые украшения. Между алды-бельской и последующей за ней уюкской культурой прослеживается доказуемая по археологическим данным преемственность.

Рубеж VI–V вв. до н.э. – «осевое время» приводит к существенным изменениям в

культурной традиции. Происходит эгалитаризация кочевнических обществ. На Саяно-Алтайском нагорье, в частности в Туве, появляются новые этносы, которые можно соотнести с усунями/исседонами (Мандельштам, 1983. С. 46–48). Формируется саглынская культура. Изменяется погребальная обрядность. Погребальные камеры (срубы) становятся больше по площади, увеличивается высота стен, отмечаются и другие существенные детали. В погребальный инвентарь входит керамика, ранее в могилы не помещавшаяся. У погребенных встречается больше оружия в сравнении с предыдущими периодами, чаще, чем прежде оно сделано из железа. Конское снаряжение из курганов исчезает. Зафиксированы отдельные случаи помещения конских черепов между стенкой сруба и стенкой ямы возле установленной там же коновязи, но без удил и псалиев (Семенов, 1999. С. 117–121).

Керамика, практически неизвестная из памятников алды-бельской и уюкской культур (несколько баночных сосудов собрано из обломков, найденных при изучении надмогильного сооружения), у саглынцев чрезвычайно разнообразна и декорирована прочерченными линиями, налепными жгутами и валиками, зачастую имеет криволинейную роспись. Многие формы саглынской керамики близки пазырыкской из восточных районов Алтая, где проводил исследования В.Д. Кубарев. Расписная посуда в целом аналогична той, что происходит из алтайских курганов скифского времени. Эта традиция, вероятно, берет начало в оазисах Восточного Туркестана, которая в свою очередь может восходить к культурам эпохи бронзы Средней Азии. Эта проблема требует более скрупулезного изучения с привлечением всех возможных материалов (Семенов, 2004. С. 59–63).

Этнография степных народов Внутренней Азии освещалась античными источниками в периоды «знакомства» с ними в процессе военных столкновений. Персидско-массагетские войны и вторжение в скифское Причерноморье, Индийский поход Александра Македонского, активизация сюнну, затронувшая империю Хань, юечжи и усуней и другие близкие им племена, - все это в какой-то мере проливает свет на ситуацию и положение номадов, обитавших на окраинных древних цивилизаций. Активизация сюнну изменила геополитическую ситуацию у северных границ Центральной Азии и Сибири. Передвижения орд кочевников привели к разгрому Греко-Бактрии, созданию государства кушанов. В Туве, несмотря на присутствие там каких-то контингентов сюнну (могильник Аймырлыг, Бый-Даг, развеянные памятник у северных склонов горы Аргалыкты, вблизи поселка Новый Чаа-Холь, откуда происходят новые находки памятников изобразительного искусства сюнну) (Семенов, 2013. С. 3–19), какая-то часть прежнего «скифского» населения сохранилась. Сосуществование двух этносов было вполне возможным. Заимствование могло оказаться плодотворным. Археологические исследования в Туве и Северо-Западной Монголии свидетельствуют о том, что скифская культура здесь продолжает существовать во II и даже в I веках до н.э., претерпевая определенные, но не всегда значительные изменения.

Большая часть комплексов уюкско-саглынской культуры синхронизируется по наличию в них ажурных пятикольчатых бляшек, часто в сочетании с вещами, характерными для культуры сюнну. На могильниках Суглуг-Хем-1 и 2 это костяные ложечковидные застежки; миниатюрные модели бронзовых котелков-подвесок; втульчатые трехлопастные наконечники стрел; трехлопастные железные наконечники стрел; прямоугольны массивные железные поясные пряжки или обоймы. Из числа этих индикаторов наиболее характерными являются миниатюрные котелки, встречающиеся как в погребениях могильников Суглуг-Хем и Хайыракан, так и в Косогольском кладе, который датируется II–I вв. до н.э. (Дэвлет, 1980. С. 14). Последний в свою очередь включает в себя вещи, характерные исключительно для культуры сюнну, такие как ажурные поясные пластины и бронзовые ложечковидные застежки, имитации которых встречаются в Туве на могильнике Хайыракан склеп 5/1. В этом же комплексе есть пятикольчатая бронзовая бляшка и железный нож, аналогии которому в свою очередь известны по материалам Иволгинского городища (Давыдова, 1995. Табл.186) и тесинским могилам в Минусинской котловине. Другие погребения Хайыракана содержат пятикольчатые бляшки,

костяные ложечковидные застежки, миниатюрные котелки, трехлопастные втульчатые наконечники стрел, ажурные бронзовые колокольчики, костяные наконечники стрел с расщепленным насадом, железные поясные пряжки. По числу аналогий и по ряду других признаков этот могильник наиболее тесно связан с культурой сюнну. Здесь еще сохраняется саглынская керамика, но отсутствуют характерные для скифов бронзовые зеркала, произведения звериного стиля, но много изделий и оружия из железа, наряду со срубами существуют коллективные усыпальницы в каменных склепах.

В заключение следует сказать о возможных путях миграции саглынцев/усуней с бассейна Верхнего Енисея в среднеазиатское Семиречье. Вероятно, они проходили через территорию Саяно-Алтая и пересекали Иртыш ниже озера Зайсан, где оставили следы своего присутствия в памятниках кулажургинской культуры (Самашев, 1987. С. 95–104). Здесь мы встречаем скорченные погребения в каменных ящиках, близкие тувинским формы керамических изделий и весьма бедный сопроводительный инвентарь, сходный с вещевыми комплексами из рядовых погребений усуней Семиречья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том 1. Иволгинское городище. СПб., 1995. 94 с.

Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. САИ. Вып. Д 4–7. М., 1980. 67 с.

Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977. 256 с.

Мандельштам А.М. Заметки об археологических памятниках усуней // культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов. Вып.1. Л: Издательство Государственного Эрмитажа, 1983. С. 46–48.

Самашев З.С. Памятники кулажургинского типа // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Аты: Издательство Наука Казахской ССР, 1987. С. 95–104.

Семенов В.А. Синхронизация памятников сюнну Забайкалья и поздних скифов Тувы и Северо-Западной Монголии // Изучение культурного наследия Востока. СПб.: «Европейский дом», 1999. С. 117–121.

Семенов В.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Издательство «Петербургское востоковедение», 2003. 239 с.

Семенов В.А. «Пазырыкцы» и «саглынцы» на границе Тувы и Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 59–63.

Семенов В.А. Усуни на севере Центральной Азии //Археология, этнография и антропология Евразии. Вып.3 (43). Новосибирск, 2010. С. 99–110.

Семенов В.А. Искусство восточных кочевников в 1 тысячелетии до н.э. // Проблемы развития зарубежного искусства. Научные труды. Вып.25. СПб., 2013. С. 3–19. Илл.1–27.

КИТАЙСКИЕ СЕДЛА III В. ДО Н.Э. – III В. Н.Э.

© 2014 г. Е.В. Степанова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(stepalena@yandex.ru)

Ключевые слова: конское снаряжение, мягкие и полужесткие седла, модели седел, Синьцзян, династии Цинь, Хань, Вэй и Западная Цзинь, пазырыкская культура, хунну, сяньби.

Резюме. Развитие снаряжения верхового коня на территории Китая в III в. до н.э. – III в. н.э. шло в русле тенденций, характерных для степной зоны Евразии, о чем свидетельствуют находки седел, их изображений и моделей династий Цинь, Хань, Вэй и Западной Цзинь. В III–I вв. до н.э в Центральной Азии и Китае продолжали использоваться мягкие седла *(pad-saddle)* скифского типа с полукруглыми упорами *(supports)*. Первые седла с луками известны в памятниках хунну I в. (Царам и Ноин-Ула, к.6), но их конструкция была несовершенна – луки помещались под наружную оболочку упоров. Роль полок *(panel)* выполняли подушки мягких седел. Такие седла можно назвать полужесткими. Во II в. в Китае мягкие седла еще используются, но уже в III в. в широкий обиход входят полужесткие седла более удачной конструкции – с полукруглыми луками, закрепленными поверх упоров. В IV–V вв. они сосуществуют с седлами с высокими П-образными луками, которые применяются, преимущественно, в тяжелой кавалерии. По-видимому, именно седла с полукруглыми луками послужили основой для тюркских седел с деревянным ленчиком *(saddle-tree),* изобретенных не позднее VI в. – уже во второй половине VI в. они появляются на китайских изображениях.

Развитие снаряжения верхового коня на территории Китая в III в. до н.э. – III в. н.э. шло в русле тенденций, характерных для степной зоны Евразии и практически синхронно им.

Собственно находок седел этих веков немного, но их дополняют модели седел и изображения династий Цинь, Хань, Вэй и Западной Цзинь.

В III–I вв. до н.э в Центральной Азии продолжал использоваться скифский тип мягкого седла с полукруглыми упорами (рис. 1). Причем для всего этого периода характерным элементом декора седел были щитовидные бляхи-подвески. Данные детали показаны на золотых поясных пластинах из Сибирской коллекции Петра I (с отдыхающими всадниками и охотой на кабана) III–II вв. до н.э. и имеются у всех седел из поздних пазырыкских курганов Алтая III в. до н.э (например, в 3, 4, 5, 6 Пазырыкских курганах, в Шибе и 1 Башадарском кургане) (Руденко, 1962б. Табл. IV, *5*, VII, *1*; Рец, 2004. С. 325–331; Руденко, 1953. Табл. XLVII–XLVIII, L, LIII–LIV и др.; Степанова, 2006. С. 132–135. Табл.7). Практически аналогичные пазырыкским подвески, накладки на пристуги и подхвостники представлены в Синьцзяне в позднескифских курганах могильников Цзяохэ Гоубэй, Алагоу и Субаши (Субэйси) в окрестностях Турфана. Хорошо известно седло из мог.10 в Субаши-1, конструктивно очень близкое пазырыкским и имевшее соответствующий декор (Шульга, 2010. Рис. 64–67, 69–70). Из могилы коня 2 могильника Шампула-1 в Южном Синьцзяне также происходит седло скифского типа, но без подвесок, возможно, несколько более раннего времени (Fabulous creatures, 2001. Fig. 38).

Кавалерия Цинь Шихуанди также использовала седла скифского типа, украшенные щитовидными подвесками, которые хорошо видны на лошадях глиняной армии императора (Imperial China, 2000. Kat. 102). Китайская версия скифского седла отличалась от пазырыкской более низкими упорами, плоскими подушками с менее выраженным крылом и однородной стежкой по всему полю подушек. Щитовидные подвески присутствовали у них не только на передних, но и на задних упорах. Соответствующие дополнительные подвески

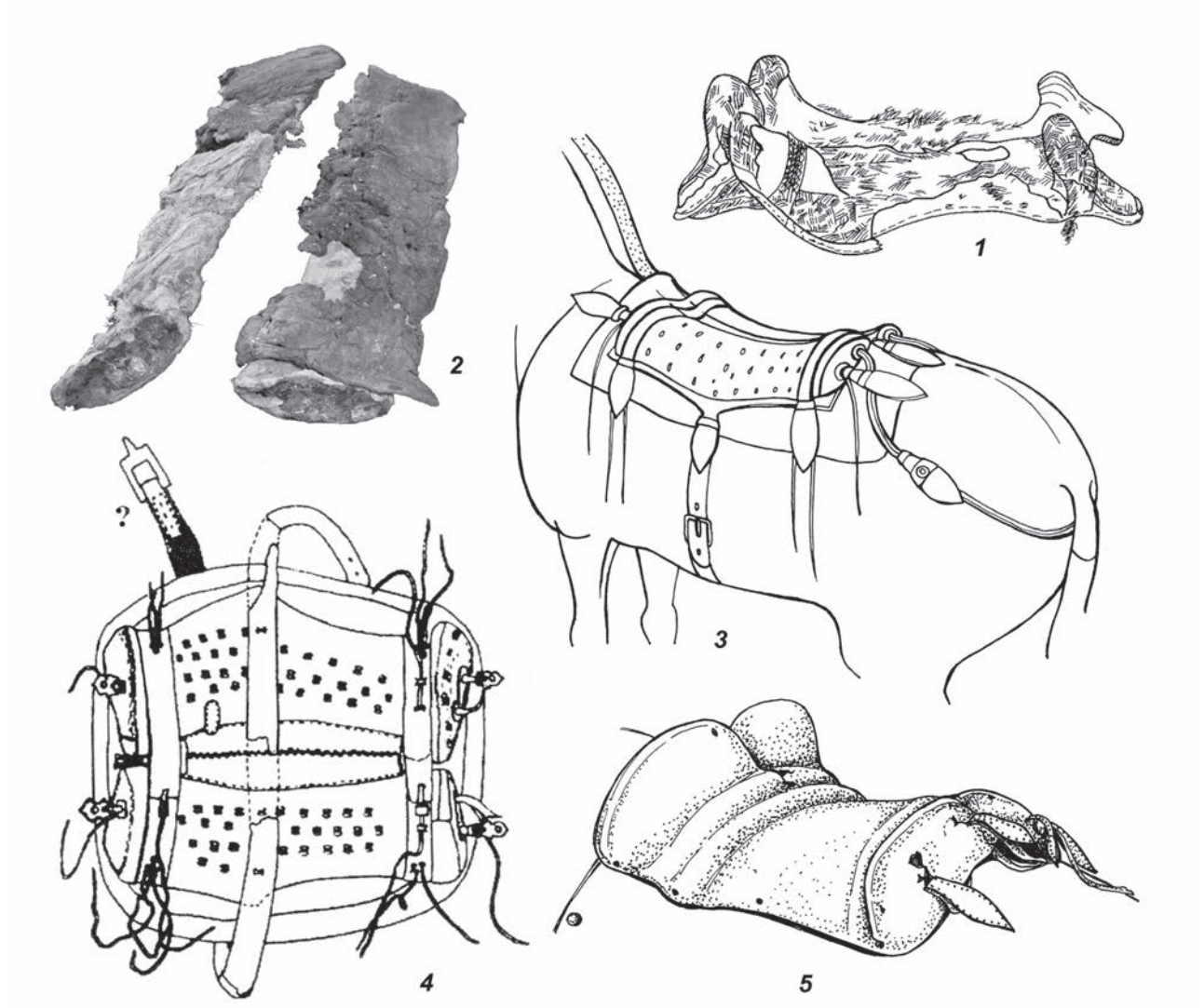

Рис. 1. Мягкие седла III в. до н.э. – II вв. Седла: *1* – Шампула-1, мог. коня 2 – по: Fabulous creatures, 2001; *2* – Пазырык, к.3; *4* – Субаши-1, мог.10 – по: Шульга; изображения: *3* - седло на лошади «глиняной армии» Цинь Шихуанди; *5* – седло на бронзовой лошади.

имеются и у седла из Субаши. В 3 Пазырыкском кургане наряду с девятью типичными пазырыкскими седлами было обнаружено седло, по своим конструктивным особенностям очень похожее на циньское (Степанова, 2012. С. 449–453). Овальные накладки на упоры были покрыты китайским лаком, на задних упорах, помимо отверстий для крепления подхвостника, присутствовали дополнительные отверстия для подвесок.

Китайская кавалерия со времен Цинь Шихуанди использовала в качестве подпружных металлические прямоугольные язычковые пряжки. Пазырыкцы и кочевники Синьцзяна в IV–III вв. до н.э., предпочитали костяные подпружные безъязычковые пряжки с носиком лежащим в плоскости пряжки, хунну в II–I в до н.э., продолжали их применять наряду с металлическими прямоугольными язычковыми пряжками. Все седла имели одну подпругу с одной пряжкой – слева.

В эпоху господства в центрально-азиатских степях хунну, конское снаряжение в целом сохраняет особенности предшествующего периода. Седла на бронзовых поясных пластинах со сценой борьбы спешившихся всадников, датируемых по материалу погребений II–I в. до н.э., полностью соответствуют седлам, изображенным на золотых поясных пластинах из Сибирской коллекции Петра I (с отдыхающими всадниками и охотой на кабана) III–II вв. до н.э. (Bunker and other, 1997. Fig. A131. P.85. F.31). Мягкие седла с подвесками показаны на бактрийской (?) вышивке

Рис. 2. Полужесткие седла III–V вв. с полукруглыми луками. луки седел: *1* – Ноин-Ула, к.6 (Монголия), *2* - Кенкол, к.2 (Киргизия); модели лук: *3* – Цзанхуньлук, мог.133 – по: Excavation of Zaghunluq, 1998; *4* – Цзанхуньлук, мог.138 – по: Excavation of Zaghunluq, 1998; модели седел: *5* - Лоулань, мог.1 – по: Wieczorek, Lind, 2007, *6* – Цзанхуньлук, мог.149 – по: Excavation of Zaghunluq, 1998; статуэтки с изображениями седел: *7* – Сынюань, *8* - Лоян, мог.1568 – по: Excavation of a Jin Dynasty Tomb, 2000, *9* – Лоян, район Чжэнчжоу – по: Лю Хань, 1959, *10* – Сигоу, мог.5 – по: Excavation of the Wei and Jin Tombs, 1996, *11* – Нэйхуа – по: Сюйчжоу нэйхуа, 1999. (*1–4* – дерево; *5* – кожа, шерсть, дерево; *6* – кожа, тростник, дерево; *7–9, 11* – керамика; *10* – бронза).

из к. 31 Ноин-Улы (Полосьмак, 2010. С. 52). Деревянные щитовидные подвески зафиксированы в Ноин-Уле в к.6 (Руденко, 1962а. С. 81. Рис. 27*л*).

На многочисленных погребальных глиняных фигурках всадников Западной Хань показаны седла, аналогичные циньским и хуннским, с тем же декором (Imperial China, 2000. Kat. 121). На статуэтках стилизованные подвески обычно имеют каплевидную форму и нарисованы прямо на телах лошадок. От скифских и хунских прототипов ханьские седла отличаются креплением нагрудника – не к пристругам, как у седел кочевников, а непосредственно к передним упорам. Такое крепление нагрудника сохраняется у китайских седел и в первые века нашей эры.

Где-то на рубеже эр появляется важное новшество – деревянные луки, которые закреплялись на упорах мягких седел. Такие седла можно назвать полужесткими. Наиболее ранние находки лук известны в памятниках хунну. Трапецевидная лука из кургана Царам (Забайкалье), найденная in situ, состояла из трех дощечек, скрепленных ремешками, и лежала на кожаном тлене, под которым находились две серебряные грушевидные накладки на упоры и два фалара с изображением козлов, свидетельствующие об использовании нагрудников с холочными ремешками, крепившихся к пристругам (Миняев, 2009. С. 57). Луки из к.6 Ноин-Улы (Монголия), всего 8 экземпляров, имели округлые очертания и каждая была сделана из двух тонких (ок.1 см) дощечек, связанных ремешками (Руденко, 1962а. Табл. XXIV, *3*). Форма, относительная хрупкость и небрежность отделки этих изделий, а также отсутствие на них следов крепления к основе, при наличии фрагментов покрытия седел и деревянных гвоздиков (в Ноин-Уле), крепивших обивку на луках только с одной стороны, заставляют предположить их скорее формообразующую, чем конструктивную функцию. Видимо, луки помещались под наружную оболочку упоров.

Луки из Ноин-Улы имели прямоугольные отверстия 0,5х1 см – два на передней луке и две пары на задней. Аналогичные отверстия мы видим позднее на сегментовидных металлических накладках на упоры дальневосточных седел IV–VI вв. Они использовались для крепления нагрудного и подхвостного ремней к упорам. Но в Ноин-Уле найдены грушевидная накладка и фалар с изображением яка, как в Цараме, то есть, возможно, в Ноин-Уле были нагрудники разного типа.

Мягкие седла в Китае, как и в Европе, удерживали свои позиции еще на протяжении двух веков. Великолепный образец седла скифского типа с высокими передними упорами, поперечными ремнями и смещенной вперед подпругой, показан, например, на бронзовой фигуре лошади высотой 1,27 м из Музея Ритберг (Цюрих), датируемой II в. (Brinker, 2007. Fig.7). Помимо высоких упоров и положения подпруги это восточно-ханьское седло отличается от циньских конструкцией и креплением подхвостника (по два отверстия на каждом упоре) (рис. 1).

В дальнейшем луки стали привязывать сверху к бортикам упоров и эта конструкция оказалась более удачной (рис. 2). Изображения таких седел представлены на погребальных статуэтках III–IV вв. династий Вэй и Западной Цзынь из Сигоу, Лояна и Сынюани. У них хорошо видны полукруглые упоры и невысокие дуговидные луки. Причем в центре под луками имеются характерные просветы между упорами. Нижние края подушек имеют подтреугольные очертания (как у седел из Туэкты или 1 Пазырыкского кургана)**,** к ним на ремешках подвешены дополнительные прямоугольные кожаные крылья. Тщательно воспроизведен прогиб мягкой основы, возникающий при затягивании подпруги, а также соответствующий легкий «завал» внутрь упоров, с закрепленными на них луками. Такие седла китайские историки называют «седлами с вогнутыми сидениями» (Лю Хань, 1959. С.100) и прослеживают их связь с мягкими седлами Западной Хань (Wang Wei, 1997. Fig. 1). У этих седел, как и у ранних ханьских, нагрудники крепились к упорам. Стремян у этих седел еще не было.

Ценный материал по конструкции полужестких седел дают их модели, сохранившиеся в могильниках Синьцзяна. Модели седел с полукруглыми луками, сделанными из палочек, представлены в пог.149 и 138 могильника Цзанхуньлук (Excavation of Zaghunluq, 1998. Fig.4, 15, *1*). Длина модели из пог.149 – 28,5 см, то есть в два раза меньше настоящего сед-

ла (длина пазырыкских седел 55-60 см). Седельные подушки с полукруглыми упорами выполнены из кожи, набитой сухим тростником, по краю сшиты мелкими стежками, простеганы крупными стежками конопляной веревкой. Луки сделаны из полукруглых палочек шириной 1 см и сильно деформированы. Их длина 18 и 19 см, высота 14 см. Подпруга выполнена из шерстяной плетеной тесьмы, с роговой язычковой пряжкой, причем язычок надет на веревочку, закрепленную на рамке пряжки. К седлу приторочены кожаный мешочек, сума из полосатой шерстяной ткани с едой, и нижняя часть ноги горного козла. Похожие луки, но из круглых палочек сохранились в пог.138. Одна лука с 7 отверстиями для привязывания, дл. 23,5 см, выс. 17 см, тол. 0,8-1,7 см. Вторая не имеет отверстий, ее дл. 19,6 см, выс. 19,2 см, тол. 2 см.

Миниатюрная модель седла длиной всего13 см, но прекрасно передающая особенности оригинала, с кожаными простеганными подушками и плоскими дуговидными луками, привязанными ремешками к упорам, была найдена в мог.1 могильника Лоуланьгу Ченг, Ярклик (Wieczorek, Lind, 2007. Kat. 146). Погребение датировано периодом Восточная Хань - Западная Цзынь (25–420 гг. н.э.). Подушки имеют несколько утрированно переданное подтреугольное крыло, поперек подушек закреплен подпружный ремень, с внутренней стороны упоров также, видимо, имелись поперечные ремни, как и у скифских седел (сохранились обрывки). Показаны даже приторочные ремешки. Почти полноразмерная модель происходит из пог.133 могильника Цзанхуньлук. Сохранились кожаные подушки, набитые травой, и плоские полукруглые луки тол.1 см, дл. 31 и 31,5 см, но с учетом одного утраченного конца задняя должна быть около 40 см. Круглые крепежные отверстия на передней луке выполнены по краям седельного желоба и на концах, у задней луки только на концах (модель?). Но на задней луке имелись еще два прямоугольных отверстия в центральной части дл.1-1,5 см, как у лук из Ноин-Улы, которые могли быть использованы для привязывания подхвостного ремня, или, в данном случае, как крепежные (Excavation of Zaghunluq, 1998. Fig.10, *1–2*, 15, *2*).

Прототипами моделей из Синзяна могли служить седла, аналогичные седлу из к.2 Кенкольского могильника (Киргизия). Его дуговидные луки цельнодеревянные, уплощенные, массивные (тол. ок. 3 см), со сквозными отверстиями по всему нижнему краю, кроме центральных частей, располагавшихся над седельным желобом (Бернштам, 1940. Табл. IV, XXVI)[1]. Задняя лука имеет М-образную деформацию. Длина лук 46 и 44 см (концы обломаны). Судя по размеру и форме, луки привязывались поверх полукруглых упоров седел скифского типа. Курган датируется не ранее III в. н.э. (Торгоев, 2009. С. 571). Возможно, именно такие седла с полукруглыми плоскими луками попали вместе с гуннами в Европу.

Следующим этапом развития полужестких седел стали седла с высокими П-образными луками, появление которых в начале IV в. (или конце III в.) связывают с сяньбийцами. Они получили широкое распространение в Китае, в Корее и Японии, и существовали по VI в. включительно. Крепежные отверстия располагались по нижнему краю П-образных деревянных лук, как и у образцов из Кенкола. Посадка в седло с высокими вертикальными луками была очень неудобной, что привело к появлению односторонних и двусторонних подножек, которые быстро стали использоваться как стремена. Седла с П-образными луками были хороши в сражениях, особенно усиленные металлическими накладками на луки и лицевые стороны упоров, но не очень удобны в обычной жизни. Поэтому полужесткие седла с полукруглыми луками сохраняются в Китае и в IV–V вв. (Wang Wei, 1997. Fig.2; Сюйчжоу нэйхуа, 1999. Fig. 12, *3*. Cover).

Видимо именно они послужили основой для тюркских седел, изобретенных не позднее VI в. – уже во второй половине VI в. они появляются на китайских изображениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып.11. Л., 1940. 32 с.

1 В публикации отмечена только одна лука. По-видимому, на момент ее написания вторая находилась в обломках и еще не была отреставрирована. Обе луки хранятся в Государственном Эрмитаже.

Лю Хань. Бэй чаоды кай ма ци юн (Погребальные статуэтки Северных династий – всадники и лошади в доспехах) // Каогу. 1959. № 2. С.97–100. (на кит.яз.).

Миняев С.С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2. С. 49–58.

Полосьмак Н.В. «Мы выпили Сому, мы стали бессмертными…» // Наука из первых рук. 2010. № 3. С. 50–59.

Рец К.И. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I: к вопросу о хронологической и культурной атрибуции // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 325–332.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., 118 табл.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962а. 205 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. САИ. Вып. Д3-9. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962б. 52 с., 27 табл.

Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические Вести. 2006. № 13. С. 102–150.

Степанова Е. В. Седла из Третьего Пазырыкского кургана // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 446–454.

Сюйчжоу нэйхуа фасянь нань бэй чао таотун (Развитие керамического производства эпохи Южных и Северных династий в деревне Нэйхуа округа Сюйчжоу) // Вэньу. 1999. № 3. С.19–24. (на кит.яз.).

Торгоев А.И. Кенкольский могильник // БРЭ. Т.13. М.: Изд-во «БРЭ», 2009. С. 571.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация.) Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Brinker H. A Short History of the Museum Rietberg Zurich // Orientations. 2007. March. P. 101–107.

Bunker C.M., Kavami T.S., Linduff K.M. En Wu Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997. 420 p.

Excavation of a Jin Dynasty Tomb in Luoyang // Wen Wu. 2000. № 10. C. 26–34. (на кит.яз.).

Excavation of the Wei and Jin Tombs at Xigou, Jiuquan, Gansu // Wen Wu. 1996. № 7. P. 4-38. (на кит.яз.).

Excavation of the 3rd Period Tombs of Zaghunluq, in 1998 // Xinjiang Wen Wu. 2003. №1. P. 1–19. (на кит.яз.).

Fabulous creatures from the desert sands. Central Asian woolen textiles from the second century BC to the second century AD // Riggisberger Berichte. Volume 10. Abegg-Stiftung, 2001. 156 p.

Imperial China. The Art of Horse in Chinese History. Exhibition Catalog. Lexington: Kentucky Horse Park, 2000. 183 p.

Wang Wei. Exchanges between the Asian Countries in the 3rd-6th centuries in the light of Urearthed Harness // Kaogu. 1997. № 12. P. 66–84. (на кит.яз.).

Wieczorek A., Lind C. (Hrsg.) Ursprünge der Seidenstrabe. Sensationelle Neufuder aus Xiniang, China. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH, 2007. 320 s.

СОЖЖЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОГРАБЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ)

© 2014 г. А.Д. Таиров

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (tairov55@mail.ru)

Ключевые слова: ранние кочевники, культ огня, сожжение подкурганных конструкций, древние грабители.

Резюме. Автором на основе наблюдений за следами огня в курганах ранних кочевников, сделан вывод о том, что сожжение погребальных конструкций является следствием преднамеренных действий древних грабителей.

Представление о существовании у ранних кочевников Южного Урала культа огня, который находил свое выражение, в том числе, в сожжении погребальных конструкций, стало фактически аксиоматичным. Но, все ли сгоревшие погребальные сооружения являются свидетельством обряда кремации?

Мнение о том, что сожжение деревянных подкурганных сооружений шатрового типа является «делом рук» грабителей высказано А.Х. Пшеничнюком на основе анализа материалов могильников Переволочан, II Сибайский, I Ивановский и Филипповский I (Пшеничнюк, 1995. С. 93–94). К этому перечню можно добавить и Большой Климовский курган в Южном Зауралье, сооруженный в конце VI – начале V в. до н.э. Современный его диаметр 50 м, высота – 3,5-4 м. В результате сожжения деревянной конструкции насыпь кургана прокалилась до краснокирпичного цвета, местами ошлаковалась. Мощность прокала насыпи в центральной части достигала 2,0 м, а прокала материка у краев могильной ямы – 0,8 м. Под насыпью обнаружены многочисленные остатки сложной деревянной конструкции в виде обугленных и истлевших бревен, жердей и хвороста. В центре подкурганной площадки находилась могильная яма подквадратной формы, размерами 10,4 х 9,5 м, глубиной 0,5 м. От ее северо-восточного угла отходил пологий коридор-дромос.

Погребальная камера была полностью ограблена еще до сожжения конструкции. На ее дне сохранились лишь отдельные кости животных, фрагмент бронзового котла и кусочек золотой фольги. Ограбление, очевидно, было осуществлено через дромос. Он, судя по распространению и интенсивности прокала, оставался открытым и во время пожара, обеспечивая доступ кислорода.

Одним из частных случаев проявления «культа огня» является сожжение деревянного перекрытия могильной ямы. Однако, наблюдения за следами огня в могильных ямах со сгоревшим или обожженным деревянным перекрытием могильника Кичигино I позволяют сделать заключение, что в большинстве случаев сожжение является результатом деятельности грабителей.

Кичигино I, курган 3, могильная яма 6 являлась основной в кургане, сооруженном во второй половине V в. до н.э. Находилась она в центре наземной полностью сожженной деревянной конструкции. Верхняя часть ямы заполнена прокаленным до краснокирпичного цвета суглинком, под которым отмечена углистая прослойка. Ниже заполнение представлено темно-коричневым суглинком, спекшимся под воздействием высоких температур. Придонная часть ямы заполнена светло-коричневым и серым суглинком без следов прокала и углей. Нарушений в слоях заполнения не зафиксировано, но, тем не менее, яма оказа-

лась полностью ограбленной. Инвентарь отсутствовал, а разрозненные необожженные останки погребенного размещались кучкой в придонном слое в центре ямы. Несомненно, ограбление предшествовало сожжению деревянной конструкции. К моменту ограбления погребальная камера не была заполнена грунтом. Это дало возможность изъять весь имеющийся инвентарь, о богатстве которого может свидетельствовать серебряная ворворка, найденная среди обугленных бревен в 1,1 м от края ямы. Между ограблением и сожжением деревянной конструкции яма какое-то время была открытой и заполнялась стекающим в нее грунтом.

Кичигино I, курган 5, могильная яма 2 (конец VI – начало V в. до н.э.) впущена в южную полу насыпи кургана. Она прорезала валвыкид центральной и основной могильной ямы 1 с погребением раннесакского времени. После совершения парного (женщина и подросток) захоронения могильная яма закрывалась двухслойным деревянным перекрытием, поверх которого укладывались камни. Сверху все это засыпалось грунтом. Через какое-то время северная стенка ямы, прорезавшая валвыкид у его вершины, осела, перекрыв находящийся в северной половине ямы инвентарь и погребенную здесь женщину. Грабительский лаз пробил перекрытие в центральной части южной половины ямы над погребением подростка. Так как к этому времени северная половина дна камеры была уже перекрыта осевшим грунтом, ограблению подверглась лишь незначительная часть ямы, примыкающая к лазу – разрушены были нижние части тел обоих погребенных. После ограбления деревянное перекрытие было подожжено. В результате оказалась обожжена правая часть костяка подростка, кости барана у южной стенки, обуглились предметы, находящиеся в юго-западном углу ямы – уздечка, колчан со стрелами и железный кинжал в ножнах. Сгорание перекрытия стало причиной интенсивного прокала перекрывающего его грунта и верхней части стенок могильной ямы.

Кичигино I, курган 4, могильная яма 4, вводная в юго-западный сектор кургана (IV в. до н.э.). Яма имела овальную форму и ориентацию по линии СЗ–ЮВ. Проникшие в погребальную камеру грабители сильно повредили тело захороненного здесь человека. В непотревоженном положении сохранились лишь правая часть грудной клетки, предплечье левой руки и левая нога полностью. Остальные кости были беспорядочно сброшены на дно в центре ямы. Нижняя челюсть оказалась в северо-западном конце погребальной камеры на месте правой стопы погребенного. Останки погребенного в центральной, ограбленной, части ямы прокалены и местами обожжены. Все остальные части ямы и находящиеся здесь кости человека и животных никаких следов огня не несут. Результатом проникновения в погребальную камеру является также прокал до кирпично-красного цвета центральной части северо-восточной стенки ямы, близ которой, вероятно, и находился грабительский лаз.

Обращение к опубликованным материалам по Южному Зауралью в большинстве случаев не дает возможности значительно увеличить количество приведенных примеров. Авторы, к сожалению, не делятся своими наблюдениями за планиграфией следов сожжения, деталями стратиграфии курганной насыпи и заполнения могильных ям, не акцентируют внимания на степень воздействия огня на костный материал и инвентарь в пределах погребальной камеры.

Среди опубликованных памятников наше внимание привлекли материалы курган 6 Третьей Аландской группы. По мнению М.Г. Мошковой (Мошкова, 1972. С. 62–67) здесь было совершено трупосожжение на месте, на большом деревянном помосте, который возвышался над землей, опираясь на столбы. Он послужил ложем для не менее пяти умерших, помещенных в центр сооружения. На помост и под него уложено «огромное количество хвороста». Затем вся конструкция была подожжена, в результате чего выгорела вся ее южная и центральная части. Однако, расположение находок, костей человека и животных дает возможность предполагать полую наземную погребальную камеру с коллективным захоронением. Камера подверглась ограблению, результатом которого стали отдельные скопления костей человека и животных и предметов погребального инвентаря. Результатом проникновения стало и сожжение части деревянной конструкции. По-

гребение 1 представляло собой «сложенные в кучку и разбросанные поблизости сильно кальцинированные кости человека и барана». Здесь же находились предметы погребального инвентаря. Погребение 2 – это «скопление мелких обломков костей человека и фрагменты костей ног». Погребение 3 – «лежащие в анатомическом порядке малые и большие берцовые кости и кости стопы человека со всеми фалангами». Северо-западнее находились обломки еще одной голени человека, рядом с которой лежали кости плеча. В центре кострища «среди обломков костей человека и животных, лежащих иногда в анатомическом порядке» обнаружены многочисленные остатки погребального инвентаря. Отдельные обломки костей попадались и в северной поле кургана, которая не подверглась воздействию огня. Обнаруженный в кургане инвентарь представлен предметами из камня, глины, керамическими сосудами, фрагментами изделий из железа. К группе изделий из цветного металла относятся лишь 32 бронзовых наконечника стрел. На наш взгляд, совершенно очевидно, что грабители, которые могли свободно перемещаться в пространстве погребальной камеры, не только забрали все самое ценное, но и «обезвредили» всех погребенных, разбросав и перемешав их останки. Лишь после этого погребальная камера сгорела.

В настоящее время нет однозначного ответа на вопрос о намеренном или случайном поджоге деревянного надмогильного сооружения. Но нам импонирует точка зрения И.В. Ульянова о преднамеренности этого действия. Оно было призвано обезопасить живых, прежде всего грабителей, от преследования со стороны «хозяина» погребального сооружения, а также «запечатать» открывшийся проход, соединяющий мир мертвых с миром живых (Ульянов, 2002. С. 16–17; 2008. С. 13–14).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 49–78.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.

Ульянов И.В. Роль огня в погребальной практике ранних ираноязычных кочевников Урало-Поволжья: Автореф. дис…. канд. ист. наук. Ижевск, 2002. 25 с.

Ульянов И.В. Ритуал или преступление? (к вопросу о применении огня при ограблении курганов ранних кочевников евразийских степей) // Троицкий вестник. 2008. № 3. С. 13–17.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРОВЕДЕННЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ В МОНГОЛИИ И КИТАЕ)[1]

© 2014 г. А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

(tishkin210@mail.ru)

Ключевые слова: Монгольский Алтай, обследование, «оленный» камень, документирование, копирование, изображения.

Резюме. Изучение «оленных» камней имеет уже длительную историю. Однако до сих пор актуальным является процесс выявления и документирования таких древних изваяний. В этом плане Монгольский Алтай можно рассматривать в качестве одного из наиболее перспективных регионов Евразии. В течение нескольких лет под руководством автора данного сообщения проводятся экспедиционные изыскания в Ховдском аймаке Монголии. В результате зафиксировано более семидесяти «оленных» камней, большая часть которых скопирована на микалентную бумагу. В 2013 г. представилась возможность для проведения обследований на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Информация, полученная в ходе поездки, существенным образом расширяет наши представления об ареале распространения «оленных» и особенностях изображений на них. К сожалению, большинство таких изваяний перемещено с первоначального места расположения.

Монгольский Алтай является одним из ключевых историко-культурных регионов Евразии, где сосредоточено огромное количество памятников, изучение которых позволит решать многие современные проблемы археологии. Значительная территория его входит в состав Монголии. Остальная часть принадлежит Китаю. Актуальной исследовательской задачей при изучении указанной горной страны является формирование объективных сведений о так называемых оленных камнях. Следует отметить, что данная деятельность в настоящее время выходит на новый исследовательский уровень, опираясь на уже проделанную работу наших предшественников, среди которых следует обязательно упомянуть отечественного специалиста В.В. Волкова (Волков, 1981, 2002 и др.). В обозначенном процессе сформировался целый спектр реализуемых направлений. По-прежнему актуален поиск ранее неизвестных науке древних «скульптур» и обелисков. Особенно перспективными являются высокогорные и слабо доступные районы. Необходимым является проведение мониторинга уже зафиксированных объектов, что может дать ряд эффективных результатов, в том числе обнаружение других «оленных» камней. Еще одно направление касается всестороннего документирования найденных комплексов. Важное значение имеют разные способы копирования изваяний (на микалентное полотно, на прозрачные пленки, графическая зарисовка, 3D-сканирование, разноплановая фотофиксация и др.). Все они полезны, хотя имеют свои плюсы и минусы. В настоящее время главным моментом становится более точное отражение деталей оформления самих каменных стел и имеющихся на них изображений. Именно такие сведения позволяют реконструировать процесс изготовления таких «скульптур», интерпретировать выявленные реалии и установить их датировку (особенно важно построение внутренней хронологии). Можно назвать еще ряд необходимых исследований, на которые следует нацеливаться археологам. Во всем этом процес-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ – МинОКН Монголии, проект №13-21-03003.

се одним из основных препятствий является то, что большинство «оленных» камней перемещено с места своего первоначального расположения, а многие сломаны, переиспользованы и переоформлены.

С 2006 г. одной из намеченных задач работы Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции, в свое время созданной сотрудниками трех университетов (Алтайский, Ховдский и Улаанбаатарский (ныне – Институт в составе Монгольского государственного университета)), является поиск, комплексная фиксация и всестороннее изучение древних изваяний. Основным регионом проведения исследований стал Ховдский аймак Монголии. В результате получены сведения о десятках известных и вновь зафиксированных «скульптурах» начального этапа ранних кочевников. Следует отметить, что по соседнему Баян-Ульгийскому аймаку сведения об «оленных» камнях уже в определенной мере обобщены (Турбат, 2008; Төрбат, Баяр, Цэвэндорж, Баттулга, Баярхуу, Идэрхангай, Жискар, 2009). Теперь требуется их детальное изучение.

Базовым районом систематических полевых изысканий указанной российско-монгольской экспедиции стала долина р. Буянт (правый приток Ховда). В результате были получены полноценные сведения о более десяти «оленных» камнях, среди которых больше половины выявлены впервые (Тишкин, 2013). Потенциал данной территории еще не исчерпан. Примером тому служит древнее изваяние, обнаруженное в прошлом году в г. Ховде (на стадионе).

Наиболее существенное количество «оленных» камней изучено и скопировано на микалентную бумагу в высокогорной долине, в которой располагается поселок Баян зурх и формируется р. Бодонч (Муст сомон Ховдского аймака). Рядом с крупным херексуром находится скопление различных стел. В настоящее они огорожены металлической оградой (рис. 1), которую установили в 2009 г. в рамках реализации программы сохранения культурно-исторического наследия Монголии. Несколько «оленных» камней расположено у херексура, а другие обнаружены в различных местах, в том числе у тюркских оградок. В ходе разноплановой фиксации учитывались опубликованные описания В.В. Волкова (Волков, 2002) и монгольских исследователей Н. Баярхуу и Ц. Турбата (Баярхуу, Турбата, 2010). Несмотря на то, что комплекс Баян зурх неоднократно обследовался, обнаружены новые археологические объекты.

В долине р. Булган проведены работы только на небольшом левобережном участке, выше по течению от одноименного населенного пункта, находящегося около границы с Китаем. Наряду с известными «оленными» камнями (Волков, 2002. С. 111–112), найдены и скопированы другие аналогичные памятники. К сожалению, времени для такой деятельности в полевом сезоне 2010 г. было немного, поэтому есть смысл там продолжить изыскания.

Кроме перечисленных, обследования проведены и в других местах (на перевалах Тавт и Давдаг, в урочище Мухар асхат, в долине р. Хонгио и т.д.). Реализация такой практики будет продолжена. К настоящему времени изучено более 70 «оленных» камней в Ховдском аймаке, давших существенный объем ценной научной информации.

Важным этапом выполнения научно-исследовательской программы по изучению «оленных» камней Монгольского Алтая стала деятельность археологического отряда Алтайского университета в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая в августе 2013 г. Запланированная поездка состоялась в рамках выполнения заключенного государственного контракта с Санкт-Петербургским государственным учреждением культуры «Музей-институт семьи Рерихов» (г. Санкт-Петербург), а также при поддержке ряда учреждений Китая.

Намеченный маршрут проходил по территории, расположенной на северо-востоке Синьцзян-Уйгурского автономного района. Сведения о наличии там изваяний в разном виде были известны отечественным исследователям.

Существенная серия «оленных» камней находится в г. Цинхэ. Большая их часть вкопана на территории центральной площади города и относится к самому распространенному («общеевразийскому») типу (Волков, 1981, С. 102; Савинов, 1994, С. 70–71). Их разрешили только сфотографировать, в копирова-

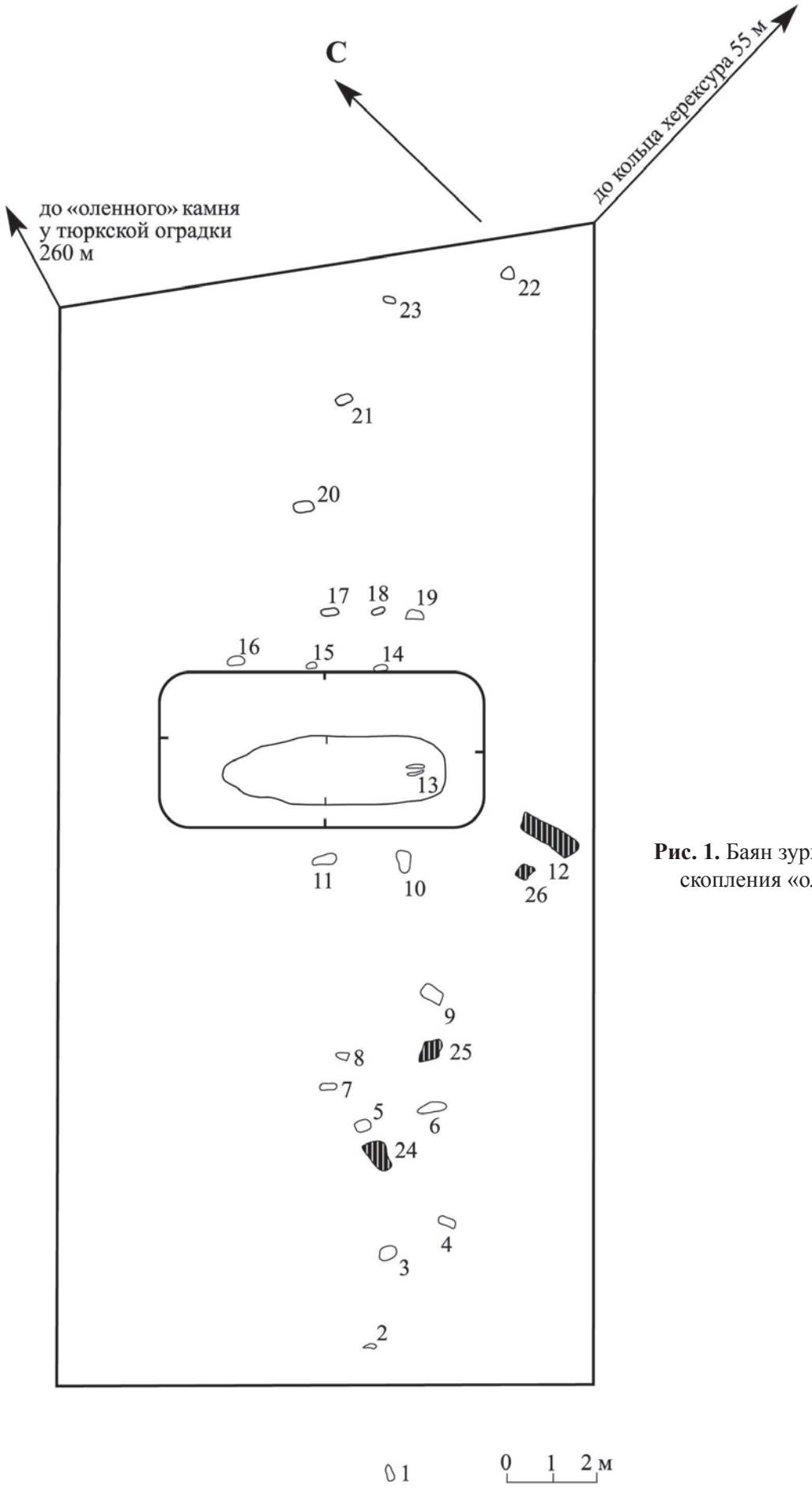

Рис. 1. Баян зурх (Монголия). План скопления «оленных» камней.

Рис. 2. Ишкула (Китай). *1* – гигантский херексур; *2–3* – «оленные» камни в разных местах высокогорной долины.

нии на микалентную бумагу было отказано. В офисе службы охраны культурного наследия удалось познакомиться с другими находками – это небольшие «оленные» камни и отбитые верхушки от крупных изваяний.

Наиболее важными стали результаты осмотра археологических памятников в местности Ишкула. На высокогорном плато, которое располагается неподалеку от границы с Монголией, находится значительное количество каменных курганов и других археологических объектов. Среди них отметим самый грандиозный в регионе херексур (рис. 2. *1*). Рядом с ним и в других местах имеется масса различных «оленных» камней (рис. 2. *2–4*). Китайские коллеги разрешили их сфотографировать, а также познакомили с результатами своих раскопок. Исследования осуществляются на памятнике Хубиан, где часть крупного херексура обрушилась в озеро (географические координаты этого объекта такие: N – 46°48,6322’, E – 90°52,1394’). Практически все осмотренные «оленные» камни смещены с места своего первоначального расположения. Некоторые использованы местными жителями в качестве строительного материала при оформлении загонов. Изучение древних комплексов в данной горной местности имеет хороший научно-исследовательский потенциал.

В г. Фуюнь находится местный музей краеведческого плана. На специально оформленном участке установлены «оленные» камни, правда, своеобразно: лицевой стороной к стене. Фотофиксация их оказалась проблематичной.

В небольшом, но содержательном музее г. Алтай («Altai national relic exhibition») имеется экспозиция, посвященная представлению древних и средневековых изваяний. В смонтированном ряду выделяются три крупных «оленных» камня. С любезного разрешения руководства музея и органов охраны наследия удалось их сфотографировать с трех сторон.

Таким образом, полученные обширные сведения об «оленных» камнях западных и восточных отрогов Монгольского Алтая формируют существенную информационную основу не только для понимания ареала их распространения, но и для многоплановых реконструкций (особенно в условиях слабой изученности закрытых археологических комплексов). Серия изваяний еще до сих пор не введена в научный оборот. Кроме «оленных» камней, удалось познакомиться с синхронными предметами материальной культуры, хранящимися в указанных музеях, в том числе в Синьцзянском институте археологии и сохранения историко-культурного наследия (г. Урумчи). Особенно в плане темы исследования привлекли внимание археологические находки аржано-майэмирского времени (конец IX – пер. пол. VI в. до н.э.), которые можно соотнести с реалиями на «оленных» камнях.

В заключение необходимо отметить, что результаты, представленные в обобщенном виде, будут последовательно вводиться в научный оборот, а полевые исследования необходимо продолжить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. 208 с.

Тишкин А.А. «Оленные» камни в долине Бодонча (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2011. С. 256–265.

Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 73–90.

Турбат Ц. Оленные камни Западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Томск. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 223–233.

Баярхуу Н., Турбат Ц. Монгол Алтайн өвөр бэлийн буган чулуун хөшөд // Археологийн судлал. 2010. Т. (IX) XXIX. F. 5. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвэндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискар П.Х. Монгол Алтайн археологийн Дурсгалууд-I Баян-өлгий аймаг. Улаанбаатар: Өнгөт хэлэл, 2009. 424 т. (на монг. яз.).

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ФИРСОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ[1]

© 2014 г. Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул
(frolov_jar@mail.ru)

Ключевые слова: **микрорайон, Приобье, ранний железный век, скифское время, могильник, поселение.**

Резюме: В статье на примере комплекса памятники раннего железного века Фирсовского микрорайона рассмотрены проблемы взаимодействия и трансформации староалейской и каменской культур, а также уточнена относительная хронология и периодизация эпохи раннего железа в Барнаульском Приобье.

Фирсовский археологический микрорайон включает 32 разновременных памятника, датирующихся с III тыс. до н.э. до эпохи средневековья (Шамшин, 2002). Микрорайон протянулся вдоль края первой надпойменной террасы долины реки Оби на 14 км от г. Новоалтайска до пос. Лесной. Внутри микрорайона выделяется несколько компактных «кустов» могильников и поселений: южный - в районе урочища Березовый Мыс, центральный - в районе выхода р. Лосихи в пойму и северный - на южной границе г. Новоалтайска.

Наиболее многочисленными памятниками археологии в Фирсовском археологическом микрорайоне являются поселения и могильники раннего железного века. Материалы этого времени встречены на 25 памятниках. На 12 из них проводились археологические раскопки (могильники: Фирсово-3, 11, 14, Новоалтайский могильник; поселения Фирсово-3, 4, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 18, Санниковская Булочка, Новоалтайское поселение) (Рис. 1). Эти памятники относятся к староалейской, каменской и фоминской культурам. Некоторые из них демонстрируют смешение культурных традиций.

Близкое расположение разнокультурных памятников эпохи раннего железа, отдельные случаи нахождения таких объектов на одной площади дают дополнительные возможности для реконструкции картины межкультурного взаимодействия в I тыс. до н.э. на территории Барнаульского Приобья, а также позволяют уточнить относительную хронологию и периодизацию для эпохи раннего железа на этой территории.

Наиболее многочисленны в Фирсовском микрорайоне памятники староалейской культуры. Поселенческие материалы этой культуры встречены на большинстве объектов. Это поселения Фирсово-2-10, 12-13, 15, 17, 18, 20-23, Новоалтайское поселение и могильник Фирсово 14. В центральной части микрорайона, к северу от р. Лосиха, староалейские поселения тянутся сплошной полосой на протяжении почти 4 км. В южной части микрорайона, в районе урочища Березовый мыс, поселения простираются по кромке террасы на расстояние более 2 км (Фролов, 2006б).

Единственный изученный некрополь этой культуры, грунтовый могильник Фирсово 14, находится в центральной части Фирсовского микрорайона. Здесь произведены самые масштабные работы среди других могильников староалейской культуры. На памятнике к 2011 г. раскопано 124 погребения (Фролов, Шамшин, 1999; Федарук, Фролов, Папин, 2013). Могильник Фирсово-14 представляет клас-

1 Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ, проект № 2013-220-04-129.

сический образец погребальной обрядности староалейской культуры и датируются в пределах VI–V вв. до н.э. (Федорук, Фролов, Папин, 2013. С. 72). В материалах этого памятника проявляются черты уже сложившихся традиций староалейской культуры.

В Фирсовском микрорайоне раскопки проводились на шести староалейских поселениях – Фирсово-4, 9, 10, 15, 17, 18 (Абдулганеев, Владимиров, 1997. С. 16–19). Эти памятники представляют собой сезонные стоянки, на которых не встречены следы стационарных жилищ. Участки со значительной концентрацией материала, рядом с которыми имеются хозяйственные ямы, возможно, могут свидетельствовать о том, что жилища были наземного типа. Большая площадь поселений, вероятно, свидетельствует о том, что они носят сезонный характер и в разное время жилища на поселениях возводились не всегда на одном месте. Материал этих поселений - керамика, бронзовые ножи, наконечники стрел, пряслица датируется в широких рамках VI–III вв. до н.э. (Шамшин, Ведянин, 2002. С. 126; Фролов, 2006б. С. 86–87).

К каменской культуре в Фирсовском микрорайоне относится Новоалтайский могильник. Он располагается в северной части микрорайона. По погребальному обряду и керамическому комплексу – это типичный памятник каменской культуры, который датируется довольно рано в пределах VI–IV вв. до н.э. (Фролов, 2006а. С. 65).

Поселенческих комплексов, где бы преобладала керамика каменской культуры в Фирсовском микрорайоне не выявлено. Но в небольших количествах каменская керамика встречена на ряде поселений эпохи раннего железа этого комплекса памятников (Фирсово-10, 12, 18).

Для определения относительной хронологии памятников староалейской и каменской культур интересен поселенческий слой скифского времени, перекрывающий погребения могильника Фирсово-14, в котором найдено довольно много каменской керамики. Это, в целом, подтверждает уже сложившиеся представления об относительной хронологии памятников староалейской и каменской культур. Памятники староалейской культуры появляются на территории Барнаульского Приобья раньше каменских – уже с конца VII – начала VI вв. до н.э. (Фролов, 2008. С. 166). Первые каменские памятники датируются несколько позже, начиная с VI–V вв. до н.э. (Могильников, 1997. С. 108; Шульга, 2013. С. 162). Это демонстрируют и материалы Новоалтайского могильника, которые также показывают, что каменские некрополи появляются в ареале распространения памятников староалейской культуры довольно рано, в период с конца VI–V вв. до н.э. Пока не ясен механизм дальнейшей трансформации староалейской и каменской культур в Барнаульском Приобье. Возможно, на каком-то этапе каменские и староалейские группы сосуществовали. С V–IV в до н.э. появляются памятники, сочетающие разные культурные традиции, в которых преобладают те или иные черты каменской или староалейской культуры (Фролов, 2008. С. 167–171). Вероятно, к IV–III вв. до н.э. каменская традиция начинает преобладать в Барнаульском Приобье. Это прослеживается и по погребальной обрядности и по керамическому комплексу памятников.

Среди памятников Фирсовского микрорайона черты смешанного типа демонстрирует ранний комплекс захоронений эпохи железа могильника Фирсово-11 (Фролов, Шамшин, 1999. С. 224–225). К этой группе погребений относятся несколько захоронений с юго-западной ориентацией, расположенных вдоль края террасы, которые составляли грунтовый могильник. Датируются эти погребения довольно широко, в рамках IV–II вв. до н.э. Керамический комплекс памятника демонстрирует каменские черты, а традиция грунтовых некрополей, вероятно, восходит к староалейской культуре.

К I в до н.э. – I в н.э. в Фирсовском микрорайоне относится поздний комплекс захоронений на могильнике Фирсово-11. Это два скопления могил, которые ,вероятно, находились под курганными насыпями. В одной из таких групп погребения образуют несколько дуг вокруг центрального (Фролов, Шамшин, 1999. С. 224–225). В целом, в отличие от погребальных памятников этого периода Новосибирского Приобья, кулайские элементы в орнаментации керамики и в инвентаре прослеживаются слабо. Следует подчеркнуть, что поздний комплекс могильника Фирсово-11 – это

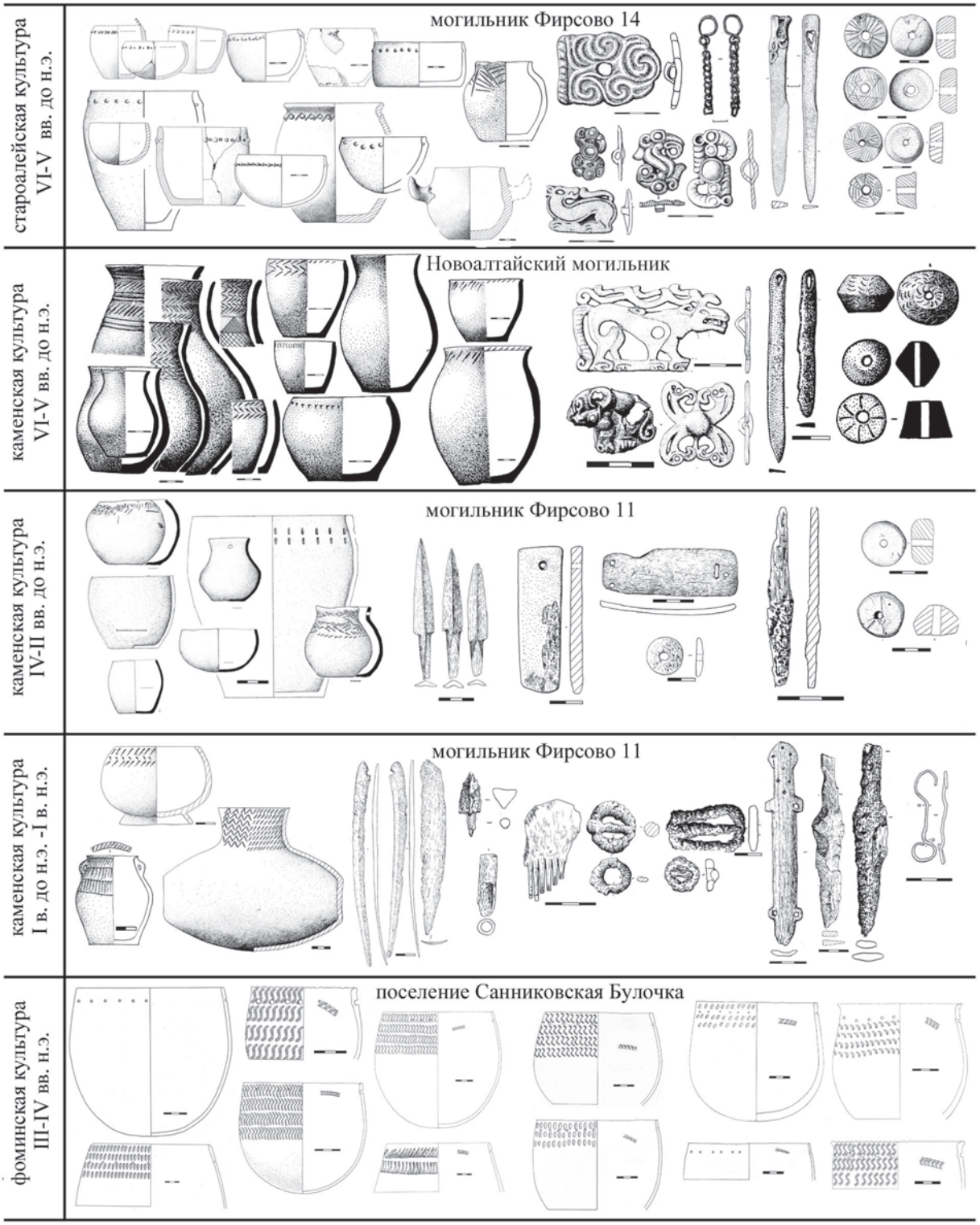

Рис. 1. Материалы памятников раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона.

пока единственный раскопанный в Барнаульском Приобье некрополь поздней стадии развития каменской культуры, который заполняет лакуну в периодизации раннего железного века Барнаульского Приобья, существовавшую до начала исследования этого памятника.

В Фирсовском археологическом микрорайоне известен только один памятник фоминской культуры – это поселение Санниковская Булочка. Здесь изучены жилища этой культуры, получен представительный керамический комплекс. Санниковская Булочка является однослойным поселением (Пугачев, 2003. С. 23). Наличие на памятнике углубленных в землю жилищных конструкций и высокая насыщенность культурного слоя находками, позволяют отнести его к долговременным стационарным поселениям фоминской культуры (III – начала IV в. н.э.).

Несмотря на то, что позднекаменские группы населения, возможно, участвовали в формировании фоминской культуры, последняя имеет значительные отличия. Преемственность культурных традиций предшествующего населения пока четко не прослеживается ни в погребальной обрядности, ни в керамических комплексах, ни в расположении и типах поселений. Это демонстрирует и поселение Санниковская Булочка, которое находится на отдельном останце коренного берега в пойме р. Лосиха, в стороне от зоны поселений I тыс. до н.э.

Следует отметить, что территория долины р. Оби где расположен Фирсовский микрорайон имела культурную специфику, отличающуюся от степных и лесостепных районов Обь-Иртышского междуречья. Так население, которое сейчас рассматривается в рамках каменской культуры, вероятно, было неоднородным, отличалось по составу и происхождению в степных и лесостепных районах Кулунды и Приобского Плато и в долине р. Оби, где включало в состав староалейские группы. В долине р. Оби, в зоне, где преобладало комплексоне хозяйство, сохранение культурных традиций, связанных с системой жизнеобеспечения, обусловило длительную трансляцию ряда черт культуры аборигенного населения и тем самым повлияло на своеобразие культурного типа населения этого региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 148 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М.: Пущинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Пугачев Д.А. Отчет Об аварийных археологических исследованиях на поселении Санниковская Булочка летом 2002 года в Первомайском районе Алтайского края // Архив НПЦ «Наследие». 2003. Ф. Р–1849. Оп. 2. Д. 102.

Федорук А.С., Фролов Я.В., Папин Д.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья скифского времени по материалам могильника Фирсово XIV (раскопки 2010-2011 гг.) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5 (17). С. 64–77.

Фролов Я.В. Материалы скифского времени из Новоалтайского могильника // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II . С. 63–66.

Фролов Я.В. О топографии памятников эпохи раннего железа (VI в. до н.э. – II в. до н.э.) Фирсовского археологического микрорайона. По материалам полевых работ 2000-2005 гг. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае в 2005 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 2. Барнаул: БГПУ, 2006б. С. 84–90.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219–226.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 326–331.

Шамшин А.Б., Ведянин С.Д. Новые материалы эпохи поздней бронзы и раннего железного века из окрестностей с. Фирсово в фондах музеях археологии Алтая АГУ // Музей и наука. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2002. С. 124–131.

Шульга П.И. К характеристике каменской культуры // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 161–172.

ПОГРЕБЕНИЯ В ПОДБОЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ПРОВИНЦИИ ГАНЬСУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (ЭПОХА РАННЕГО ЖЕЛЕЗА)[1]

© 2014 г. Д.П. Шульга

Новосибирский государственный университет, Новосибирск
(danilo_petrovich@yahoo.com)

Ключевые слова: Ганьсу, ранние кочевники, культура Янлан, культура Шацзин, погребения в подбоях.

Резюме. Погребения в погребальных камерах-подбоях распространены в Синьцзяне, Южной Сибири, Восточном Казахстане. Мало где они являются доминирующими. В то же время в северо-западном Китае, в провинции Ганьсу в раннем железном веке именно такая конструкция могилы становится наиболее распространенной. Но на сегодняшний момент регион китайского северо-запада остается белым пятном для российских археологов. Дело в том, что материалы по этой части КНР доселе не публиковались. Восполнению одной части этого пробела и посвящена настоящая работа.

В настоящее время археология ранних кочевников провинции Ганьсу на северо-западе Китая отличается крайне малой степенью изученности среди российских исследователей. Материалы соседнего Синьцзян-Уйгурского автономного района опубликованы на уровне монографий (Шульга, 2010; Худяков, Комиссаров, 2002). По культурам Ордоса есть целый ряд статей (Полосьмак, 1990. С. 101–107; Ковалев, 1999. С. 75–82). Материалы Ганьсу, между тем, весьма самобытны, и, в тоже время, имеют большое количество сходных черт со скифоидными культурами Южной Сибири, Синьцзяна и Центральной равнины Китая. Очень яркой особенностью Ганьсу является то, что в раннем железном веке две доминирующие здесь археологические культуры (Янлан и Шацзин) очень часто хоронили умерших в подбоях. В настоящей работе автор хотел бы дать краткое описание данных общностей (что необходимо, так как в России материалы почти не издавались), а также рассмотреть некоторые точки зрения китайских исследователей на их возникновение и распространение.

Культура Шацзин получила свое название по одноименному археологическому памятнику в уезде Миньцинь в провинции Ганьсу. В 1979 году были произведены раскопки могильника Хамадунь и археологического комплекса Саньцзяо в городе Юнчан (совр. городской округ Цзиньчан). Географический ареал культуры Шацзин совпадает с восточной частью Ганьсуйского коридора, далее на север в пустыню Тэнгэр. Наиболее яркие археологические памятники культуры Шацзин: Хамадунь, Саньцзяо, Шацзин (уезд Миньцинь).

Археологический памятник Саньцзяо располагается в 20 км к северо-востоку от города Цзиньчан. За памятником и закрепилось название Саньцзяо, что означает «треугольник» из-за характерной формы. Протяженность поселения с севера на юг составляет 154 м, с востока на запад – 132 м. Общая площадь – 20000 кв. м. Это одно из крупнейших поселение культуры Шацзин. Толщина стены у основания достигает 8 м. В наиболее сохранившихся участках высота доходит до 4 м. В южной стене имелись ворота шириной около 2,6 м. Материалом для строительства укреплений послужил местный лессовый грунт. Раскопано 4 жилища и 14 ям, найден богатый материал. В километре к западу от поселения находится могильник Хамадунь.

Погребения представлены двумя видами: в вертикальной яме с отвесными стенками и в подбоях. По погребальному обряду выде-

1 Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №14-01-00477.

ляются три типа. В первом умерший лежит вытянуто на спине лицом вниз, во втором – скорченно на боку. Что касается третьего, то это явно вторичные погребения, где перед исследователями предстают только разрозненные кости.

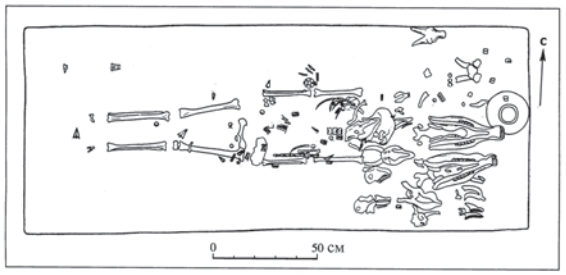
На могильнике Хамадунь ориентация могил в северный сектор (погрешность в пределах 40 градусов). Умершие лежат головой на восток или север. Остальные стороны погребального обряда также очень примечательны. Примерно в половине погребений встречается «ложе» для умершего из извести или на циновке. Умерший иногда полностью закрывался циновками, в отдельных случаях закрывалась верхняя часть тела, в других – нижняя, то есть ноги. В ряде захоронений в районе головы рассыпана красная краска. Иногда во рту усопшего обнаруживается круглая бусина из бирюзы. Встречается также обряд наложения кожаной повязки на глаза покойному. Некоторые кости носят следы воздействия огня. Распространено было принесение в жертву животных, в погребениях с отвесными ямами зачастую в районе головы умершего располагаются останки (черепа и копыта) крупного рогатого скота, лошадей и овец. Кое-где сохранились части меха и кожи. Количество черепов мелкого рогатого скота в богатых погребениях доходит до 24 штук. Все из зачищенных и исследованных захоронений содержали погребальный инвентарь: в основном небольшие кусочки бронзы, украшения, а также небольшое количество древесины, шерсть, лен, кожу и железо, керамика присутствует редко (Институт…, 2004. С. 511).

Культура Янлан получила свое название от волости Янлан в Нинся-Хуэйском АР, где был обнаружен могильник Мачжуан. Особенно плотно памятники культуры расположены в уезде Цинъян в Ганьсу и в уезде Гуюань в Нинся. Период бытования культуры приходится примерно на VII–III вв до н.э. Кроме Мачжуана в Гуюане (Нинся) имеются могильники Пэнбао и Цзячжуан. На этих двух могильниках изучено 77 погребений, которые, согласно современным исследованиям, отличаются как культурными особенностями, так и хронологически. С точки зрения географии это северо-западный Китай, восточная часть Лёссового плато. Здесь находится исток Хуанхэ. Осадки обильные, так что травы достаточно много. Подобные территории хорошо подходят для занятия кочевым скотоводством (Янь Цзяньхуа, 2004. С. 122–124).

От начала до конца бытования культуры Янлан погребальный обряд особенно не изменился, можно условно разделить могилы на ямы с отвесными стенками и захоронения с подбоем (Институт…, 2004. С. 541).. Погребения с подбоем являются основной формой захоронений культуры Янлан. Наибольшее количественное превосходство такого типа могил наблюдается в Мачжуане, где из 29 могил 28 имеют подбои. На могильнике Юйзцячжуан обнаружено 22 непотревоженных погребения, в 16 случаях мы видим подбои, в шести – погребения в ямах с отвесными стенками. Вход в погребальную камеру подбоя зачастую у восточной или, иногда, северной стенки могилы. Погребения в подбоях делятся на несколько видов по форме. Одним из них являются Т-образные погребения. В таких захоронениях яма имеет квадратную или прямоугольную форму, а подбой размещен посередине. Приведем примеры. В погребении М15 могильника Юйцзячжуан яма была прямоугольной, длиной 2,6 метра, шириной 2,2 метра, глубиной 1,5 метра. В середине восточной стенки была сделана погребальная камера-подбой, длина которой равна 2,38 метра, ширина 0,57 метра, а высота – 0,5 метра. Другим примером является М2 могильника Чжанцзецунь, длина ямы 2 метра, ширина 1,94 метра, глубина 0,86 метра. Прямоугольная могила. В середине восточной стенки была сделана погребальная камера-подбой, длина 2,04 метра, 0,76 метра в ширину и 0,48 метра в глубину. Умерший похоронен одиночно, лежит на спине вытянуто, головой на восток. Найдены останки 23 жертвенных животных: один череп крупного рогатого скота, три лошадиных черепа и девятнадцать черепов мелкого рогатого скота. Кроме черепов имеются копыта и нижние челюсти. У левого бока усопшего обнаружен бронзовый кинжал с кольчатым навершием, у правого бока найден плохо сохранившийся железный меч. П-образные погребения имеют прямоугольную форму ямы и два подбоя по краям. В качестве примера такой разновидности захоронений приведем погребения М2 из могильника Юйзцзячуан.

МОНГОЛИЯ
Барун-Урт
Харбин
Гобийский Алтай
Булган
Хами
Чанчунь
цзилинь
Чифын
Шэньян
ляонин
пустыня Гоби
Хух-Хото
Баотоу
ГАНЬСУ
ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ
Пекин
Пхеньян
Хуанхэ
Ганьчжоу
ОРДОС
Далянь
Сеул
ХЭБЭЙ
Тайюань
Хуанхэ
Цзынань
Синин
Н-Х А.Р.
ЦИНХАЙ
ШАНЬСИ
Аньян
ШАНЬДУН
Ланьчжоу
Сиань
Лоян
ЦЗЯНСУ
ШЭНСИ
ХЭНАНЬ
АНЬХОЙ
Янцзы
КИТАЙ
ХУБЭЙ
Ухань
ТИБЕТ
Янцзы
0
450км

1

С
0
50 см

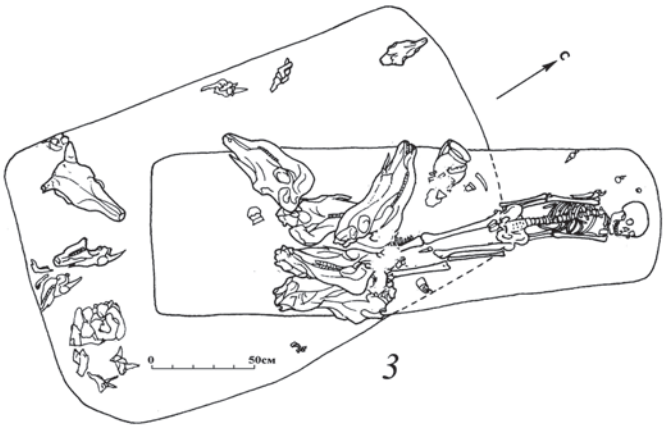
2

С
0
50 см

4

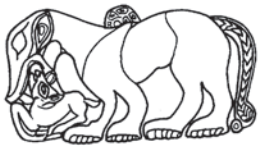
5

С
0
50см

3

6

7

Яма имеет форму неправильного прямоугольника, по краям восточной стенки сделаны два подбоя. Левая погребальная камера имеет длину 1,7 метра, ширину 0,65 метра. Правая погребальная камера длиной 1,8 метров и 0,8 метров в ширину. Конец погребальной камеры по уровню ниже входа. В каждом подбое лежит по одному покойному, у которых ноги по уровню выше головы. Г-образные погребения подобны П-образным, с той лишь разницей, что погребальная камера только с одного бока. Возьмем захоронение М20 могильника Юйцзячжуан. Яма имеет подквадратную форму. Погребальная камера вырыта от восточной стенки, и примыкает своим входом к северной. Длина погребальной камеры 1,28 метра, ширина 0,6 метра, высота – 0,64 метра. Конец погребальной камеры ниже входа, так что у усопшего ноги выше головы. Ряд погребений имеет «прямые» очертания, то есть погребальная камера равна по ширине могильной яме. Обычно в таких захоронениях погребальная камера-подбой располагаются достаточно мелко, за исключением головы и верхней части корпуса, усопший лежит в могильной яме. Примером погребения, где яма переходит в равный по ширине подбой, является М12 могильника Юйзцяюань. Большая часть останков жертвенных животных и погребального инвентаря там находятся не в подбое, а непосредственно в яме (Уэнь, 2007. С. 363).

Итак, мы видим, что VI–III вв. до н.э. в рамках кочевых культур Ганьсу погребения в подбоях преобладают количественно. Среди китайских ученых есть различные точки зрения на происхождение этого обряда. Например, в работе «Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века» высказывается идея о преемственности погребальных камер-подбоев от жилищ-яодунов, выкопанных в лессовых склонах (Уэнь, 2007. С. 365). Подобная гипотеза логична, единственная проблема в том, что погребения в подбоях распространены у родственных культур и на территориях, где жилища в виде искусственно выкопанной пещеры не прослеживаются ни в древности, ни в этнографическое время. Например, раннескифское погребение Машенка-1 в Алтайском крае: усопший там лежит головой на север в подбое, к востоку от него располагается лошадь в виде полного скелета (Шульга, 2008. С. 225). Отметим, что подбой здесь гораздо ближе к тем, что имели место в культуре Шацзин, чем к материалам культуры Янлан.

Подбои в рамках Центральной равнины часто связываются с влиянием Цинь: сперва – царства, а затем – первой империи. В северных районах в эпоху Ранняя Хань одинаково были распространены как погребения в ямах с отвесными стенками, так и погребения в вертикальной яме с погребальной камерой в подбое. Среди ряда китайских царств периода Восточная Чжоу первый вариант был популярен, затем переместился и в Хань. Подбои же характерны для центральной части провинции Шэньси на территории Цинь. В связи с экспансией Цинь, обряд начал постепенно распространяться на весь Китай. Таким образом, вполне обоснованно в данном контексте мнение: факт, что и на севере распространяется обряд с подбоем, отчетливо указывает на доминирование здесь в конце III века до н.э. культуры поселенцев с Центральной Равнины (Цзян Лу, 2010. С. 132).

Территория провинций Ганьсу и Цинхай среди китайских исследователей традиционно считается «родиной» подбоев, где таковые встречаются с неолита (Цзян Лу, 2010. С. 133). Поэтому исследования данного региона важны не только для синологии, но и для понимания семантики погребального обряда эпохи ранних кочевников вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Институт археологии Академии общественных наук Китая. Археология Китая: период двух Чжоу. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2004. 563 с. (на кит. яз.).

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. С. 75–82.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Изд-во Наука СО, 1990. С. 101–107.

У Энь (Уэньюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Новосибирский гос. университет, 2002. 156 с.

Цзян Лу. Исследование погребений эпохи Западная Хань в Северном Китае // Археологические исследования приграничья (9 выпуск). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2010, С. 126–138.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Ян Цзяньхуа. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. 219 с. (на кит. яз.).

СЕКЦИЯ 7

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ В I ТЫС. Н.Э

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ IV–V В.)

© 2014 г. Д.В. Акимов

Воронежский государственный университет, Воронеж
(denisakimov@rambler.ru)

Ключевые слова: Верхний Дон, гуннское время, «варварское королевство», ранние славяне, аланы, германцы, Танаис, Восточное Причерноморье.

Резюме. В статье говорится о том, что в гуннское время в верхнедонском регионе складывается межплеменное потестарное объединение – «варварское королевство». Признаки его формирования следующие. 1. Становление военно-административной организации, контролирующей территорию региона. 2. Выделение «дружинной знати», доминирующей над массой рядового населения. 3. Существование надобщинных центров большой округи, имевших производственное, оборонительное и/или культовое назначение. 4. Появление признаков имущественной дифференциации, которая выражается археологически в сокрытии кладов монет. 5. Монополизация внешних контактов, ведение торговли, установление дипломатических связей с соседними вождями. «Варварское королевство» на Верхнем Дону складывается в середине V в., когда местное преимущественно раннеславянское население попадает в зависимость от алано-германской дружины, состоящей из выходцев из района Нижнего Дона и Танаиса. Финал его существования приходится на рубеж V–VI вв.

Основной конечной целью и закономерным финалом любого археологического исследования является историческая интерпретация с желательным выходом на известные по письменным данным исторические процессы. Последнее, к сожалению, возможно далеко не всегда.

Древности гуннского времени на Верхнем Дону изучаются уже около четверти века. Накоплена обширная источниковая база, побуждающая исследователей к аналитическим обобщениям. Одна из таких попыток предпринимается в настоящей работе.

Считается установленным факт полиэтничности населения донского бассейна последней четверти IV – V столетия (Обломский, 2005. С. 110-111; Акимов, 2007. С. 47). Однако, как количественно, так и по своему местоположению в социально-хозяйственной и властной структурах рассматриваемого племенного конгломерата, различные этнические единицы не были равнозначными.

При более основательном анализе источников становится очевидным, что население региона верхнего течения Дона в середине I тыс. н.э. стояло на пороге возникновения раннеклассового потестарного образования (Обломский, 2006. С. 241; Обломский, 2007. С. 92; Казанский, Мастыкова, 2009. С. 238; Акимов, 2013). Подобные феномены сегодня в научной литературе принято называть «варварское королевство» (Ахмедов, Казанский,

2004. С. 169–170). В пользу высказанной гипотезы свидетельствуют следующие аргументы.

1. Становление *военно-административной организации*, подчиняющей своему контролю обширную заселенную территорию. Непременными условиями при этом являются наличие резиденции вождей и дружины, а также укрепленные пограничные пункты. Карта распространения археологических памятников гуннского времени на Верхнем Дону отвечает этим условиям (рис. 1). Административный и торгово-ремесленный центр «королевства» маркируют селища и некрополи близ сс. Замятино, Ксизово, Мухино, Каменка и других близ г. Задонска Липецкой области (Острая Лука Дона, 2004). Здесь выявлены следы престижного и воинского ремесленного производства (украшений и деталей костюма, костяных гребней, кольчужного доспеха, гончарной посуды). В этом и других районах раскопаны воинские захоронения с оружием и импортными предметами, известно погребение знатной женщины в костюме, расшитом золотом. Мастерские данного центра обслуживали не только нужды собственного нобилитета и ближайшей округи. Их изделия расходились как в радиусе нескольких десятков километров (Крутогорье), так и в отдаленные регионы, например, в область мощинской культуры (Острая Лука Дона, 2004. С. 164).

Рубежи подконтрольной территории охранялись крепостями (городища Перехваль I, Крутогорье, Животинное, Чертовицкое III и др.) (см. *рисунок, 1*).

2. Выделение *«дружинной знати»*, доминирующей над массой общинного населения. Это воины и члены их семей, чей быт и относительно высокий уровень жизни обеспечивается за счет подданных. Безусловно, представителям этой группы принадлежат немногочисленные, но весьма характерные погребения с оружием и престижным инвентарем на Животинном городище, Ксизовском могильнике, на Мухинском селище. С ними же следует соотносить находки, относящиеся к тому же набору, но происходящие с поселений (Акимов, 2013. С. 149–150). Захоронения воинской элиты отличаются не только сопровождающими вещами, но и деталями погребального обряда (Обломский, 2006. С. 239).

3. Функционирование *надобщинных центров большой округи* производственно-экономического, оборонительного и/или культового назначения. Один из них в гуннское время располагался на городище Крутогорье (см. *рисунок, 1*). Здесь раскопан большой производственный комплекс, связанный с ткачеством, а также зафиксированы следы культовой деятельности (Акимов, 2011) и пребывания воинов-всадников.

4. Появление признаков *имущественной дифференциации* как одного из ранних свидетельств социального неравенства. Археологически эти процессы могут отражаться не только в наличии процента богатых захоронений, но и в «выпадении» кладов, в том числе монетных. Нумизматическим находкам римского времени на Дону посвящена отдельная работа (Акимов, Ененко, 2012). Отдельные находки римских денариев были зафиксированы нами у сел Медовка и Карачун в доно-воронежском междуречье к северу от современного г. Воронежа, а на поле близ нынешнего с. Хвощеватка в разное время было найдено семь монет (см. *рисунок, 1*). Последнее местонахождение, очевидно, маркирует собой разрушенный комплекс-клад, полный состав которого теперь установить невозможно.

5. *Монополизация внешних контактов* – ведения торговли и дипломатических связей с соседними, подобного же уровня, потестарными структурами. Речь идет об обмене престижными вещами, заключении «династических» браков, вступление в союз или объявление войны и т.д.

Для верхнедонских древностей гуннского времени речь идет об элементах культур лесной зоны Восточной Европы – мощинской, дьяковской и рязано-окских могильников, – которые проявляются на местных памятниках. Кратко излагая суть, надо отметить, что из богатого культурного комплекса окско-москворецких памятников на Дон попали элементы преимущественно женского набора (украшения и детали одежды, посуда, орудия труда). По моему мнению, они являются свидетельствами брачных контактов и обменных отношений, связанных с «престижным»

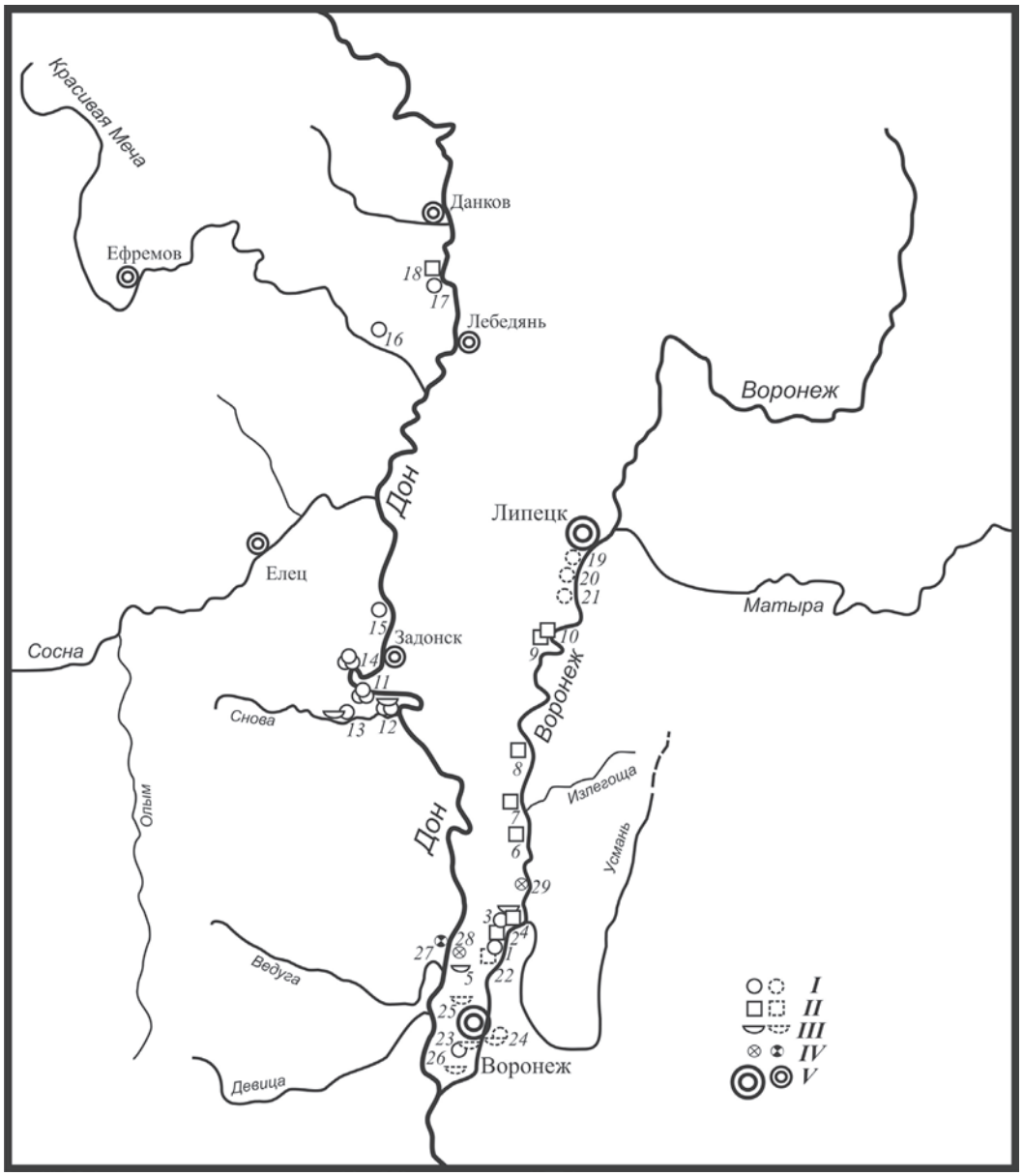

Рис. 1. Карта памятников гуннского времени Верхнего Подонья (по: А.М. Обломский и Д.В. Акимов). *I* – поселения; *II* – городища; *III* – могильники; *IV* – находки монетных кладов (слева) и отдельных монет (справа); *V* – современные населенные пункты. Пунктиром даны памятники, предположительно относящиеся к эпохе. *1* – Чертовицкое VI, п.; *2* – Чертовицкое III, г.; *3* – Староживотинное 3, п.; *4* – Животинное, г.,м.; *5* – Ямное, м.; *6* – Пекшево, г.; *7* – Сенное, г.; *8* – Подгорное, г.; *9* – Крутогорье, г.; *10* – Малый Липяг, г.; *11* – Замятино 5,7,8, п.; *12* – Ксизово, п.,м.; *13* – Мухино 2, п.,м.; *14* – Каменка 1,4,5, п.; *15* – Невежеколодезное, п.; *16* – Коллектив, п.; *17* – Лес Озерки, п; *18* – Перехваль I, г.; *19* – южная окраина г. Липецка, п.; *20* – Хрущевка, п.; *21* – Первое Мая, п.; *22* – Чертовицкое II, г.; *23* – Шилово, п.,м.; *24* – Таврово, п.,м.; *25* – Подгорное, м.; *26* – Стрельбище IV, м.; *27* – Хвощеватовка; *28* – Медовка; *29* – Карачун. Примечание: м. – могильник, п. – поселение, г. – городище.

бытом. Тем более что в бассейне рязанского течения Оки некоторые исследователи также выявляют «варварское королевство» (Казанский, Мастыкова, 2009. С. 247).

Таким образом, вполне правомерно утверждать, что в гуннское время в бассейне Верхнего Дона складывается потестарное объединение. Его этническую основу составляют племена раннеславянского круга. Об этом свидетельствует преобладание в материальной культуре донского населения гуннского времени компонентов киевской археологической общности, преимущественно ее сейминско-донецкого варианта

(Акимов, 2007. С. 47). Отдельные и слабо улавливающиеся элементы местного позднесарматского археологического комплекса, вероятно, отражают процесс ассимиляции немногочисленных на тот момент аборигенов превосходящими по численности славянскими мигрантами. Господствующая дружинная прослойка вероятнее всего состояла из алан и германцев, симбиоз которых сложился в Восточном Причерноморье, в районе Танаиса (Акимов, 2007. С. 50; Обломский, 2008а). Отдельные их следы в виде вещей и единичных захоронений фиксируются в регионе начиная с рубежа IV–V вв. (Медведев, 1990. С. 14; Акимов, 2007. С. 49–50; Акимов, Разуваев, Сурков, 2008; Обломский, 2008б. С. 32). Однако закрепилась вооруженная группировка на Верхнем Дону, видимо, не ранее середины V в. На это указывает наибольшее число хроноиндикаторов (Ахмедов, Казанский, 2004. С. 179; Обломский, 2008б. С. 33). С «дружиной» вверх по донскому течению переселились добровольно, либо были увлечены силой, носители позднеантичных и черняховских причерноморских ремесленных традиций, признаки которых проявляются преимущественно в материалах памятников района Острой Луки Дона (Обломский, 2007. С. 92), но не только там. Поставив под свой контроль северный отрезок донского речного пути, алано-германская элита попыталась наладить отношения с северным соседом – угро-финскими племенами окско-москворецкого региона, управлявшимися своими военными вождями. Судя по имеющимся данным, верхнедонское «варварское королевство» просуществовало с середины V до рубежа V–VI вв. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов Д.В. Население Верхнего Подонья накануне и в период гуннского вторжения в Восточную Европу // РА. 2007. № 3. С. 41–51.

Акимов Д.В. Наземная постройка городища Крутогорье на Верхнем Дону: проблемы реконструкции и интерпретации // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Археологія від джерел до реконструкцій. Київ: ІА НАНУ, 2011. С. 159–167.

Акимов Д.В. «Варварское королевство» гуннского времени на Верхнем Дону // Stratum plus. 2013. №4. С. 147–158.

Акимов Д.В., Разуваев Ю.Д., Сурков А.В. Погребение эпохи Великого переселения народов у с. Ямное на Верхнем Дону // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV Международной археологической конференции. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2008. С. 3–6.

Акимов Д.В., Ененко Е.А. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // Stratum plus, 2012. №4. С. 127–137.

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб, 2004. С. 168–202.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1: Археология. Воронеж, 2009. С. 225–251.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Воронежский государственный университет, 1990. 220 с.

Обломский А.М. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. Вып. 219. М., 2005. С. 104–120.

Обломский А.М. Верхнее Подонье как часть гуннской державы // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 года). Липецк, 2006. С. 238–242.

Обломский А.М. Верхнее Подонье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (РСМ 9). Москва: ИА РАН, 2007. С. 73–132.

Обломский А.М. Германские элементы в культуре Верхнего Подонья в гуннское время // The turbulent epoch: New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Lublin, 2008a. С. 213–239.

Обломский А.М. Предварительные итоги раскопок могильника гуннского времени у с. Ксизово Задонского района Липецкой области // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья (Материалы научной конференции). Воронеж: Истоки, 2008б. С. 32–35.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (РСМ 6) / Составитель А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. 330 с.

ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ О ПОСТПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОНЦОВЬЯ

© 2014 г. В.С. Аксенов

Харьковский исторический музей, Харьков
(aksyonovviktor@gmail.com)

Ключевые слова: постпогребальная обрядность, аланы Верхнего Дона, Верхне-Салтовский могильник IV.

Резюме. В статье на материалах Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника исследованы ходы повторного проникновения в погребальные камеры. Полученные данные позволили автору сделать вывод о преднамеренном проникновении в них через специальный ход, сделанный в дромосе у входа в камеры. Относительная сохранность погребального инвентаря в могильниках указывает на обрядовость проводимых действий.

Поводом для написания работы послужил цикл статей Г.Е. Афанасьева, в которых исследователь приходит к выводу, что проникновения в катакомбы салтово-маяцкой культуры осуществлялись с целью ограбления (Афанасьев, 2010. С. 64; Афанасьев, 2012. С. 124).

Наши наблюдения базируются на материалах Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника (ВСМ–IV), на котором исследовано 119 погребальных комплекса (110 катакомб, 8 грунтовых погребений, 1 заготовка дромоса). В большинстве дромосов катакомб ВСМ–IV присутствует ход повторного проникновения в погребальную камеру и, соответственно, два массива заполнения (Аксенов, 2002. С. 98, 99). Подобное явление отмечалось и на других памятниках аланского населения (Флёров, 1993. С.43–51). Для примера рассмотрим дромос кат. № 69. Первый массив грунта заполнения располагается в начальной части дромоса (рис. 1, *2*). Он связан с первичным погребением и представляет собой почти чистую материковую глину (рис. 1, *5*), из-за чего эта часть дромоса едва выделяется своим цветом на фоне окружающего материка. Выбирается этот грунт достаточно легко, в нижней части дромоса он легко отслаивается от стенок, оставляя на них белесоватый налет – следы жизнедеятельности бактерий и микроорганизмов. Второй массив грунта располагается в конце дромоса, расположенном выше по склону, у стенки, в которой сделан вход в погребальную камеру. Он связан с ходом повторного проникновения в погребальную камеру. Этот массив грунта покоится на останце первоначального заполнения дромоса и имеет наклонное в сторону входа в погребальную камеру основание (рис. 1, *3*). По структуре этот массив заполнения дромоса слоистый. Все его слои имеют ярко выраженный наклон в сторону входа в погребальную камеру. К тому же они имеют прогиб в сторону дна дромоса (рис. 1, *4*). Здесь чередуются слои светло-коричневой глины с большой примесью чернозема; слои почти чистой без примесей материковой глины светло-коричневого и темно-коричневого цвета; слои материковой глины с включением чернозема, зеленоватой глины и мелких древесных угольков. На границе двух массивов заполнения дромоса встречаются отброшенные от входа в погребальную камеру камни заклада или фиксируются остатки деревянных закладов в виде тлена коричневого цвета. В слоях заполнения данной части дромоса встречались отдельные фрагменты керамики. Здесь же был найден нож, обращенный острием ко входу в камеру. Состав и структура заполнения хода повторного проникновения свидетельствует о его затечном характере. На уровне зачист-

ки ход повторного проникновения в плане имел форму овала (рис. 1, *1*). Длина хода составляла 2,17 м при общей длине дромоса 4,7 м. Максимальная ширина его достигала 0,86 м, при максимальной ширине дромоса до 0,5 м. При этом боковые стенки хода повторного проникновения в его верхней части имели наклон внутрь дромоса, а затем переходили собственно в стенки дромоса (рис. 1, *4*). Таким образом, ход повторного проникновения в своей верхней части имел воронкообразную форму. Образование таких стенок хода при слоистости его заполнения наиболее ярко выраженном в верхней его части, могло быть произойти только в том случае, если бы после преднамеренного проникновения в камеру вход в нее оставался открытым или лишь частично засыпанным, а дальнейшее его заполнение продолжалось затечным грунтом и его обвалившимися стенками.

Довольно часто в заполнении камер наблюдалась ситуация, когда пол их был перекрыт перемешанным грунтом, лишь незначительно отличающимся от первоначального заполнения дромоса. Сверху него залегал пласт затечного грунта, который в свою очередь был перекрыт слоем чистой материковой глины (обвалившийся свод камеры). Нижние слои заполнения камеры имели наибольшую мощность у входа в камеру, а по мере приближения к дальней торцевой стенке их толщина уменьшалась.

В катакомбах, где в дромосах и погребальных камерах была зафиксирована такая структура заполнения, костяки людей несли следы преднамеренного разрушения. Степень разрушения человеческих костяков различена: от просто отделения черепа от тела или только нижней челюсти до полного разрушения скелета.

Однако отмечены случаи, когда к камере находились преднамеренно разрушенные костяки, но заполнение дромоса не отличалось от погребальных комплексов с ненарушенными костяками (кат. № 115, 116, 117). Заполнение в своей верхней части по всей длине дромоса было однородным. Однако, в заполнении дромосов были обнаружены отброшенные от входа в погребальные камеры каменные заклады, лежавшие под углом ко дну дромоса, и таким образом фиксировавшие дно хода повторного проникновения в камеры. Погребальные камеры данных катакомб оказались на высоту входа в них заполнены грунтом, аналогичным по составу, цвету, консистенции заполнению дромоса. Мощность слоя заполнения погребальной камеры уменьшалась по направлению к дальней торцевой её стенке. Вероятно, в данных захоронениях ход повторного проникновения в погребальную камеру после посещения камеры и манипуляциями с телами погребенных людей был засыпан, людьми, проникавшими в камеру.

Такая разница в заполнении дромосов катакомбных захоронений, в погребальных камерах которых зафиксированы нарушение целостности человеческих останков, свидетельствует, что преднамеренно проникать через специально сделанный в дромосе ход могли неоднократно. Особенно это хорошо прослеживается в дромосе кат. № 109 (рис. 2, *7, 8*). Отличает данную катакомбу наличие двух разновременных входов в погребальную камеру и хода повторного проникновения с тремя разными по структуре заполнениями (рис. 2, *8, 10*). Первоначально через вход № 1 в камеру были помещены умершие люди, после чего вход был закрыт каменным закладом. Спустя какое-то время в дромосе был сделан ход повторного проникновения и люди проникли через вход в погребальную камеру. В результате их действий каменный заклад был отброшен от входа, тела людей подверглись какому-то воздействию, был разбит один из сосудов с жертвенной пищей, а второй сосуд была извлечена из камеры и поставлена в дромосе перед отброшенным закладом. После совершения этих действий вход в камеру и ход повторного проникновения были преднамеренно засыпаны. Об этом свидетельствует слой чистой материковой глины, перекрывавший дно хода повторного проникновения, отброшенный заклад и заполнивший вход в погребальную камеру. Этот же слой грунта перекрывал большую часть пола камеры и сохранивший свой анатомический порядок кости ног погребенных людей (рис. 2, *1*). Вход № 2 появился в результате еще одного проникновения в камеру. Люди, совершавшие новое проникновение, шли уже по засыпанному ходу повторного проникновения. Докопав до слоя чистой материковой глины на дне перво-

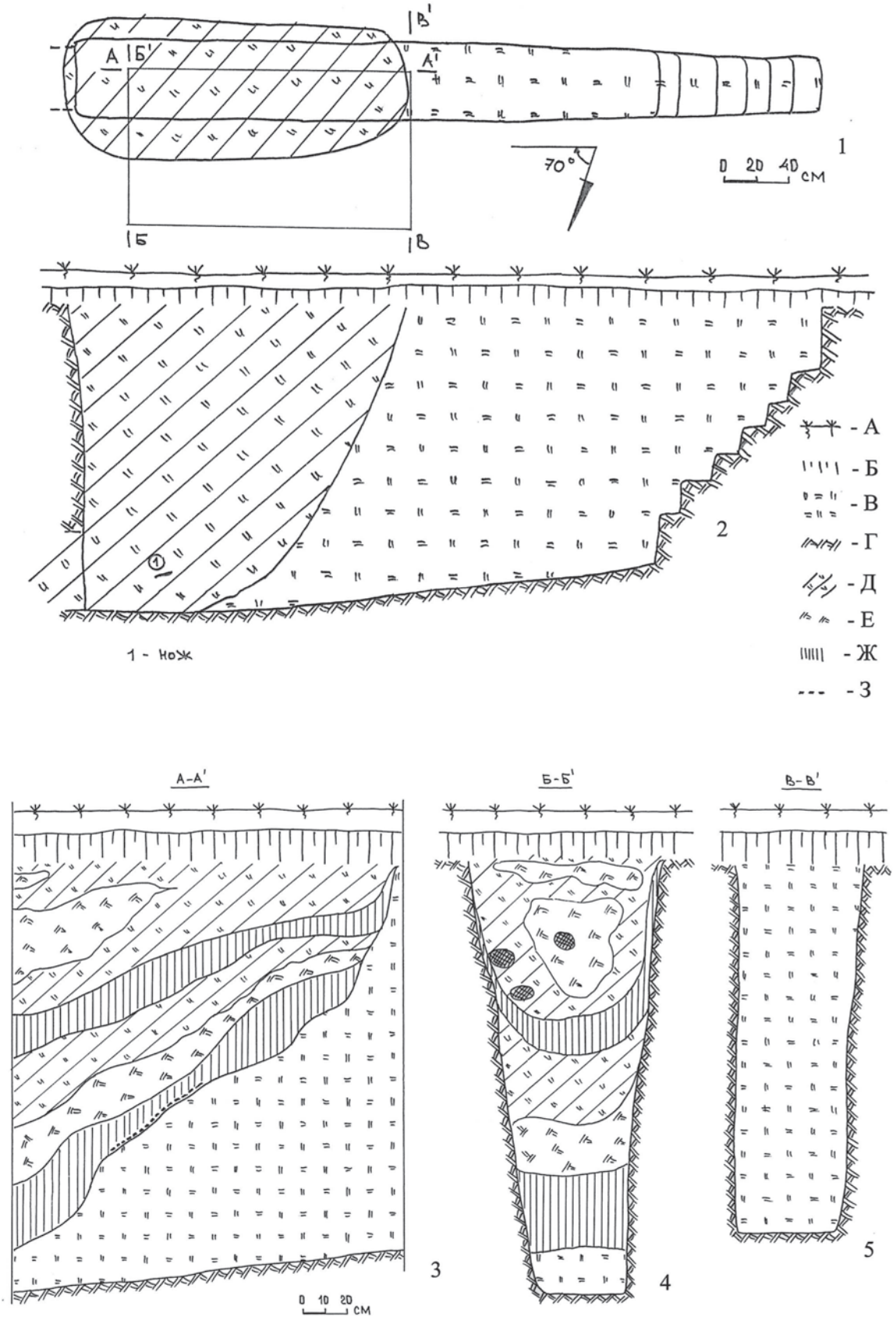

Рис. 1. Дромос катакомбы № 69 ВСМ–IV. *А* – дерн, *Б* – чернозем, *В* – первоначальное заполнение дромоса, *Г* – материк, *Д* – заполнение хода повторного проникновения в камеру (слои материковой глины с вкраплениями чернозема), *Е* – слои чистой материковой глины, *Ж* – слои чернозема с вкраплениями материковой глины, *З* – сгнивший деревянный заклад.

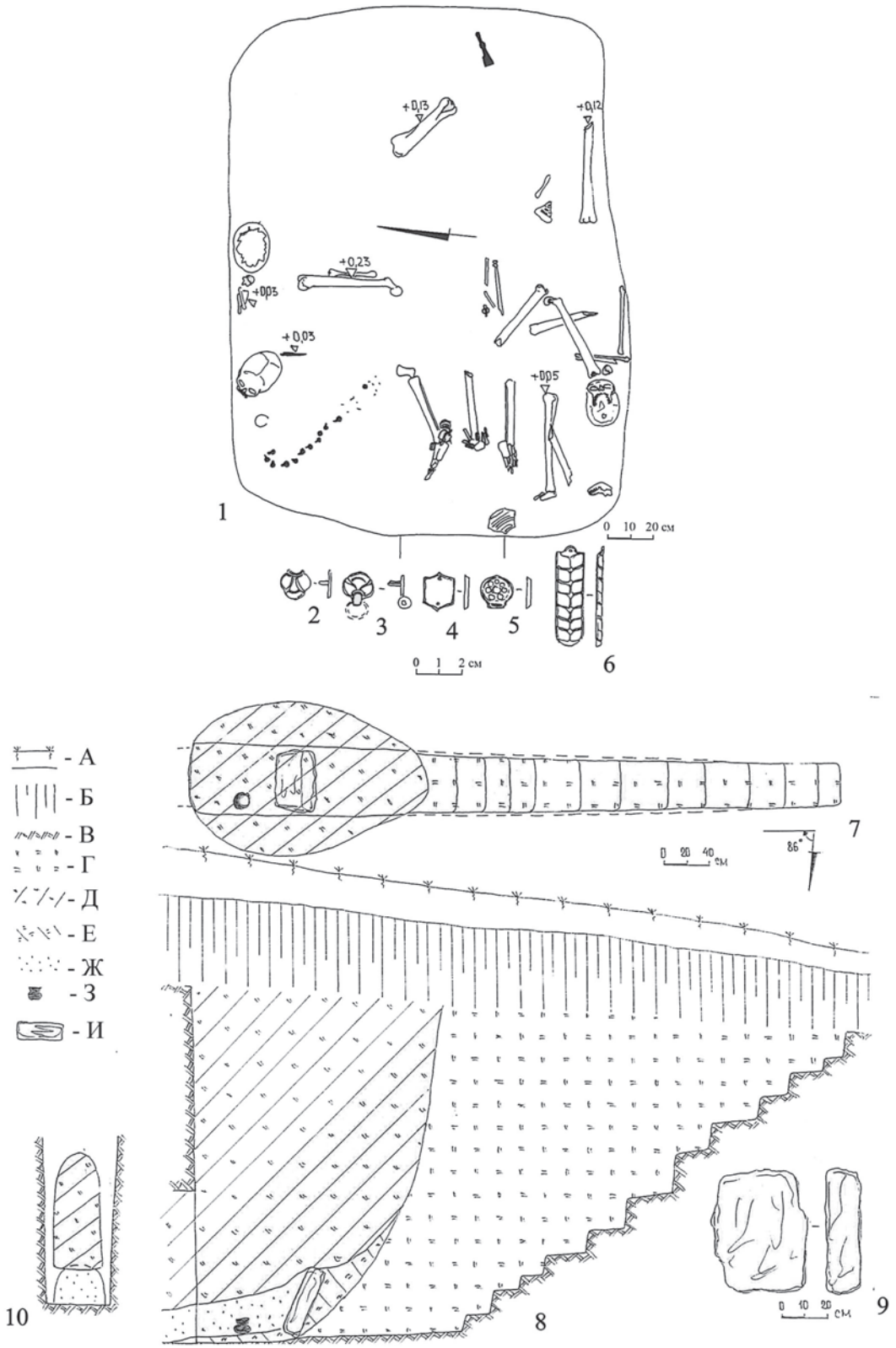

Рис. 2. Катакомба № 109 ВСМ–IV. *1* – план погребальной камеры, *2 – 6* детали поясного набора, *7* – план дромоса, *8* – профиль дромоса, *9* – каменный заклад, *10* – вход в погребальную камеру. *А* – дерн, *Б* – чернозем, *В* – материк, *Г* – первоначальное заполнение дромоса, *Д, Е* – слоистое заполнение хода повторного проникновения в камеру, *Ж* – светло-зеленая глина, *З* – кружка, *И* – каменный заклад.

начального хода проникновения в камеру, они приняли его за дно дромоса. Не заметив забутованый таким же грунтом вход № 1 в камеру, они прорубили свой вход в камеру (№ 2). Высота этого входа (1,03 м) свидетельствует, что на тот момент камера была свободна от грунта почти на всю свою высоту. Нахождение костей людей в слое чистой материковой глины и на его поверхности, указывает, что проникшие в камеру люди перекапывали находившийся там грунт и извлекали с пола камеры отдельные кости и, возможно, вещи. После их посещения камеры ход повторного проникновения не был преднамеренно засыпан и постепенно заполнялся грунтом, обваливавшимся со стенок хода повторного проникновения.

Материалы ВСМ–IV показывают, что в одних случаях после проникновений в камеру ход повторного проникновения в дромосе преднамеренно засыпался, в других – он оставался открытым или засыпался только частично, заполняясь со временем землей, обрушивающейся со стенок и грунтом вместе с попадавшей сюда водой. Пока достоверно объяснить эти действия проникавших в захоронения людей не представляется возможным.

Можно только предположить, что оставление ход повторного проникновения в погребальную камеру не засыпанным, при нарушенной целостности человеческих останков, связано с бытовавшей у многих народов мыслью, что когда разложение тела окончательно закончено, то завершенной является и сама смерть (Леви-Брюль, 1994. С. 253). Тогда преднамеренное проникновение в катакомбу спустя 3–5 лет после совершения захоронения (Аксенов, 2002. С. 109), и следующее за этим разрушение костяков должно было символизировать окончательную смерть конкретного человека и готовность возродиться к новой земной жизни в лице нового члена семьи.

Таким образом, материалы ВСМ–IV могильника позволяют сделать следующие выводы:

1) в катакомбы осуществлялось преднамеренное проникновение через специальный ход, сделанный в дромосе у входа в погребальную камеру;

2) разрушение костяков погребенных связано именно с этим повторным проникновением в камеру, а не обусловлено природными факторами;

3) проникавшие в камеру люди хорошо знали устройство камер и расположение покойников, их не интересовали вещи покойных, даже из разряда престижных (сабли, поясные наборы, золотые серьги и т.п.);

4) избирательность в разрушении костяков, относительная сохранность погребального инвентаря указывает на обрядовость проводимых действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3. С. 98–114.

Афанасьев Г.Е. Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. М.: ИА РАН, 2010. С. 63–64.

Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2012. № 2. С. 113–126.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград: Перемена, ВГПИ, 1993. 144 с.

НАМЕРЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ НА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЬНИКЕ МАМИСОНДОН

© 2014 г. З.Х. Албегова (Царикаева)[1], Н.Я. Березина[2]

[1]Институт археологии РАН, Москва
(albegova_zarina@rambler.ru)
[2]НИИ и Музей Антропологии МГУ, Москва
(berezina.natalia@gmail.com)

***Ключевые слова**:* смещение костей умерших, подзахоронения, ограбления, могильник VII–IX вв. Мамисондон, Северная Осетия.

Резюме. В статье представлены материалы исследования могильника Мамисондон.

Могильник конца VII – начала IX в. Мамисондон находится в горной части Центрального Кавказа в Алагирском районе Республики Северная Осетия – Алания. Погребальный обряд на могильнике характеризуется несколькими основными чертами: это погребения в прямоугольных ямах вытянутых длиной осью по линии В–З с сезонными отклонениями; в яму помещалась деревянная рама (конструкция без дна); пространство между рамой и стенками ямы засыпалось землей; рама, видимо, перекрывалась деревянными плахами, уложенными на некотором расстоянии друг от друга; на плахи настилалось какое-то мягкое перекрытие (покрывало из ткани, кожи или циновки); края покрывала по периметру прижимались камнями. Погребенные укладывались головой на запад (с сезонными отклонениями). Мужчин и детей мужского пола укладывали в положении вытянуто на спине, женщин и детей женского пола – скорчено на правом боку, в крайне редких случаях – на левом.

Культурная принадлежность данного могильника пока не ясна, можно предположить, что оставившее могильник население пришлое: подобные погребальные конструкции в период раннего средневековья были широко распространены в южно-русских степях и лесостепной зоне (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 115–128).

Наиболее ранние погребения (конца VII – середины VIII в.) концентрировались на так называемой основной части могильника. Эти погребения были индивидуальными и никаких посмертных нарушений костяков на этом участке не наблюдалось. Во второй половине VIII – начале IX в. территория могильника увеличилась и распространилась на находившийся поблизости от основной его части Холм 1. Погребальный обряд на этом участке отличался от обряда на основной части могильника. Стали практиковаться коллективные захоронения и подхоронения со смещением останков, ранее похороненных людей к восточной стенке ямы.

Обычно костяки смещались полностью, иногда черепа сдвигались к З стенке, а остальной костяк – к В стенке. Но в ряде случаев было отмечено смещение костей, не соответствующее основному обряду. Обратили на себя внимание несколько погребений: №№ 9 (костяк А), 13 (костяк Б), 14 (костяки А и Б), 38 (костяк А), 39, 53 (как мы увидим ниже, погребение № 53 стоит особняком). Интересно, что разрушения зафиксированы только в погребениях взрослых мужчин. При этом разрушались и сдвигались в основном верхние части скелетов. Разрушенные части скелетов нередко вынимались из могил. Инвентарь погребений могильника Мамисондон был крайне небогат, и нельзя предположить, что костяки были разрушены с целью изъятия

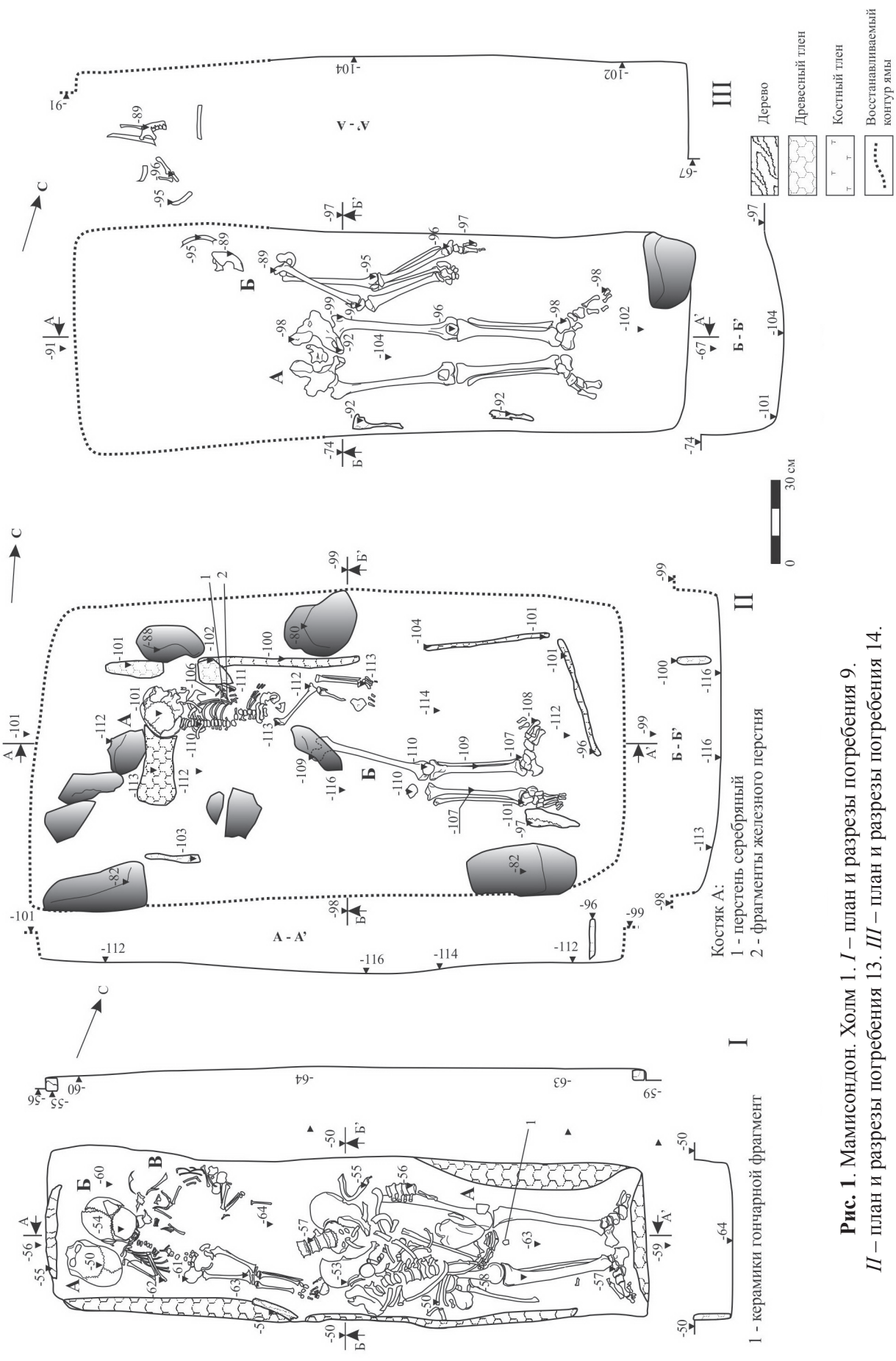

Рис. 1. Мамисондон. Холм 1. *I* – план и разрезы погребения 9.
II – план и разрезы погребения 13. *III* – план и разрезы погребения 14.

ценных вещей. В XX в. вершина холма выравнивалась, на холме устанавливался монумент, а к западу от холма производилась выборка грунта для отсыпки плотины, поэтому факт древнего разрушения ряда указанных погребений остается сомнительным. Вместе с тем, так как одним из авторов данного текста была ранее высказана точка зрения о намеренном разрушении мужских погребений могильника в древности (Там же. С. 115), необходимо еще раз, более обстоятельно рассмотреть и прояснить этот вопрос.

Для того чтобы понять причины разрушения и смещения костяков, были произведены дополнительные антропологические исследования, которые показали, что ни на одной кости следов расчленения не наблюдается, и скелеты были потревожены после разложения мягких тканей.

Так, в *погребении № 9* (рис. 1, *1*) обнаружены останки троих погребённых. *Костяк А* принадлежал мужчине 35–49 лет. Судя по положению костей ног, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ЗЮЗ. Череп без нижней челюсти, был сдвинут в ЮЗ угол ямы и лежал сводом вверх, лицевой частью на З. In situ сохранились кости таза, трех нижних поясничных позвонков и ног. Все остальные кости смещены. Комплектность скелета полная. Положение частей позвоночника (верхних поясничных и нижних грудных позвонков с правой стороны костяка и части грудного отдела позвоночника слева от костяка), говорит о том, что сдвиг частей скелета происходил в то время, когда не все связки разрушились окончательно. Все сломы костей посмертные и не несут систематических деструкций, привязанных к какому-то определенному участку скелета. Лопатки сдвинуты в область таза, лучевая кость находится у правого колена, фаланги пальцев рук еще ниже – ближе к стопам. Череп отвернут на 180º – лицевой частью от стоп. На освободившееся после сдвигания первого костяка место были подхоронены ребенок 2–4 лет (*костяк Б*), и ребенок в возрасте до 6 месяцев (*костяк В*). Оба детских скелета сохраняли анатомическое положение.

Погребение № 13 (рис. 1, *2*) парное. При выявлении погребения в его ЮЗ секторе обнаружено пятно грабительской (?) ямы. Следует отметить, что последняя не повредила дна и стенок погребальной ямы и деревянной рамы.

Костяк А принадлежал ребёнку около 6 (4–8) лет. Ребенок уложен скорчено на левом боку головой на З. Череп был обращён лицевой частью к С. Кости туловища располагались с разворотом на спину. Правая часть туловища разрушена при ограблении (?). Левая рука смещена, кисть – в области живота. От правой руки сохранились лишь дистальные концы костей предплечья (проксимальные концы обломаны при нарушении ямы) и кисть, лежавшая поверх таза ладонью вниз. От правой ноги сохранились берцовые кости и стопа. Левая нога согнута в колене под тупым углом. *Костяк Б* принадлежал взрослому индивиду. Верхняя часть скелета разрушена грабительской (?) ямой, от этой части скелета сохранилось лишь несколько небольших разрозненных костей. Судя по положению ног (вытянуто и параллельно друг другу) – погребение было совершено в вытянутом положении на спине головой на З. Костяк мог принадлежать мужчине. Сохранились in situ левая нога (целиком) и правая – ниже коленного сустава.

Не исключено, что на примере данного захоронения мы имеем дело с ритуальными действиями. Хотя расположение вблизи современных разрушений дает повод для сомнений.

Погребение № 14 (рис. 1, *3*) парное. Западная часть погребальной ямы была сильно нарушена, стенки практически не сохранились. *Костяк А* принадлежал взрослому мужчине. Он располагался вдоль Ю стенки ямы. Разрушена верхняя часть скелета. Судя по сохранившимся in situ костям тазового пояса и ног (вытянуто и параллельно друг другу), погребённый лежал вытянуто на спине головой на ЗЮЗ. Следов орудий на костях не обнаружено. Из особенностей костяка следует отметить 4 овальные деструкции по 2 на каждой безымянной кости, две из которых (левая подвздошная) были вероятнее всего получены прижизненно и привели к смерти индивида. Отверстия на правой безымянной кости могли быть также травмами, полученными перед смертью, но их края разрушены посмертно, что затрудняет диагностику. *Костяк Б*. Погребенный – подросток 12 – 15 лет. Скелет

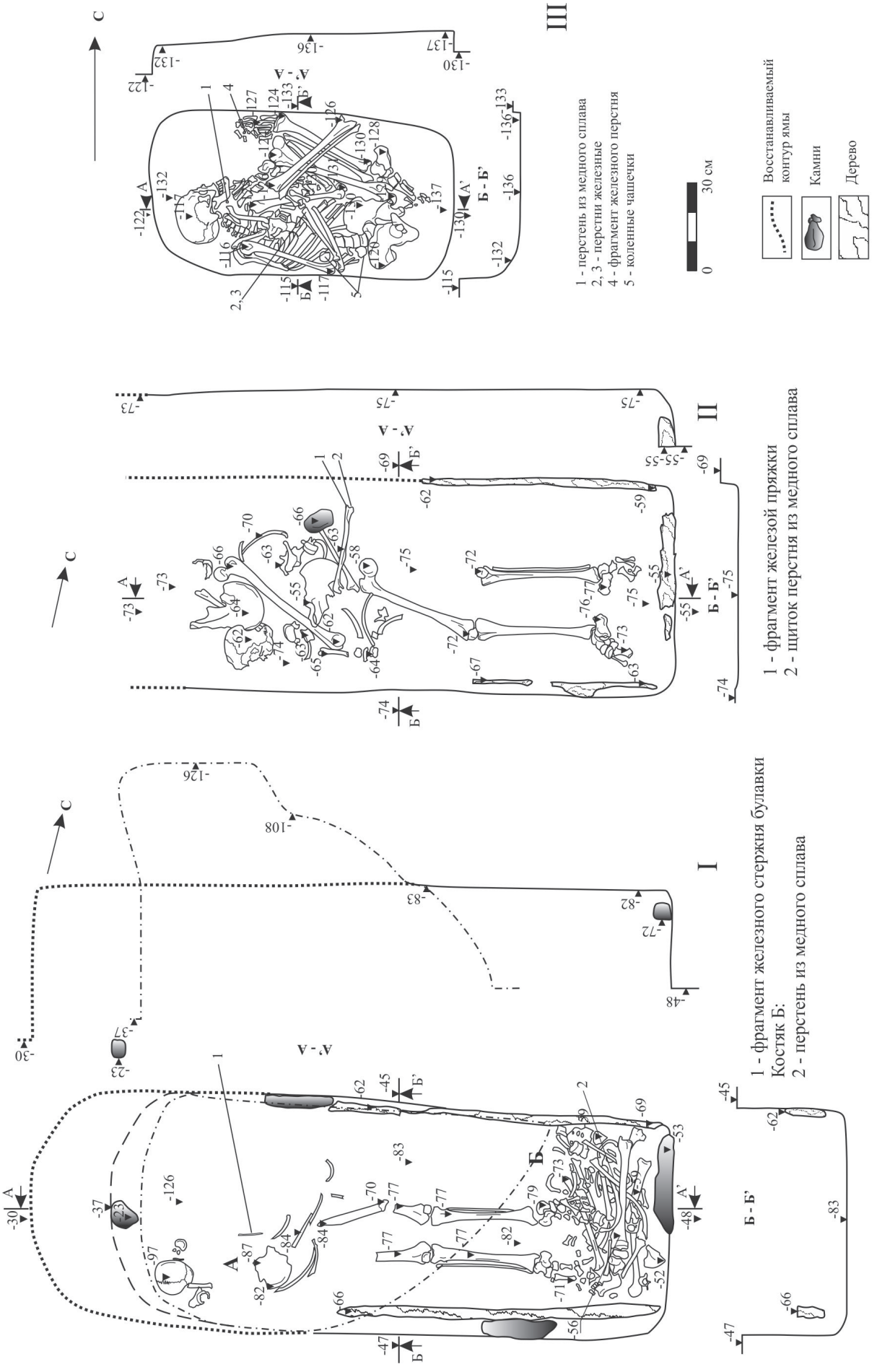

Рис. 2. Мамисондон. Холм 1. *I* – план и разрезы погребения 38; *II* – план и разрезы погребения 39; *III* – план и разрезы погребения 53.

ног без тазового пояса в анатомической сохранности. На сохранившихся костях следов посмертного расчленения не обнаружено, вероятно, костяк был сдвинут после разложения мягких тканей. Судя по шлейфу, выброшенных из ямы костей, погребение могло быть нарушено современной техникой.

Погребение № 38 (рис. 2, *1*) парное. Западная часть погребения прорезана грабительской (?) ямой, разрушившей *костяк А*. Костяк принадлежал мужчине 40–49 лет. Костяк неполный. Судя по сохранившейся части скелета (положению костей ног), погребенный был уложен вытянуто на спине и ориентирован головой на ЗЮЗ. In situ сохранились лишь дистальная часть бедренных костей, кости голеней и стоп. Прочие сохранившиеся кости скелета и их фрагменты сдвинуты, анатомическое расположение разрушено. Слом в нижней части бедренных костей старый, поверхность его неровная, без засечек, срезов или иных признаков намеренного отчленения. Мог произойти, в том числе и под давлением грунта. Череп и обломки костей верхней части туловища находились на дне грабительской (?) ямы. *Костяк Б* (взрослый индивид). Большинство костей скелета (за исключением свода черепа) было смещено и плотно компактно придвинуто к В стенке ямы без анатомического порядка при подхоронении индивида А.

Погребение № 39 (рис. 2, *2*) принадлежало мужчине 25–30 лет. Костяк нарушен. Некоторые кости скелета (включая разрушенный череп) лежали хаотично в центральной части могилы. In situ сохранилась лишь кости ног (за исключением левой бедренной). Берцовые располагались параллельно друг другу вдоль длинной оси ямы. Очевидно, первоначально погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на З.

Погребение № 53 (рис. 2, *3*) принадлежало мужчине 35–49 лет, похороненному, вопреки обряду, в сильно скорченном положении на левом боку головой на З. На первый взгляд на костяке фиксировались признаки расчленения. Он выглядел так, будто до момента погребения обе ноги были обрезаны по коленным суставам. Коленные чашечки лежали у правого локтевого сустава, по обеим сторонам от него. Голени (со стопами) уложены крест-накрест перед туловищем, стопами к туловищу. Однако следов подрезания сухожилий или иных воздействий на кости с помощью орудий обнаружено не было. Скорее всего, перед погребением тело было туго стянуто (тканью, веревками, кожей?) либо в течение 1–3 часов до наступления трупного окоченения, либо, что более вероятно, через 2–4 дня после наступления смерти с разрешением трупного окоченения.

Таким образом, из шести мужских погребений, одно (№ 53) не являлось разрушенным, одно (№ 9) было сдвинуто при подхоронении, и четыре (№№ 13, 14, 38, 39) разрушены грабительскими (?) и техногенными ямами после разложения мягких тканей погребенных. Выборка грунта могла повредить погребение № 14, чья могильная яма с запада практически уничтожена. В остальных случаях мы не наблюдаем подобной картины: грабительская (?) яма в юго-западном углу погребения № 13 вписывалась в деревянную погребальную конструкцию и не нарушала дна погребения; погребение № 39 было выявлено в бровке, стратиграфия которой не содержала явных следов техногенного вмешательства; погребение № 38 находилось в некотором удалении от зоны поздних разрушений. Однако факт древнего разрушения погребений на имеющихся материалах доказать невозможно.

БИРИТУАЛИЗМ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ТРОИЦКИХ МОХЭ[1*]

© 2014 г. С.В. Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(alkin-s@yandex.ru)

Ключевые слова: Дальний Восток, Приамурье, Троицкий могильник, мохэ, погребальный обряд, ингумация, вторичный обряд, кремация.

Резюме. Погребальный обряд троицкого типа мохэской археологической культуры (конец VII – XII в.) представлен материалами Троицкого могильника в Амурской области. Ведущим типом обряда является вторичное захоронение скелетированных останков, которое производилось после длительного периода выставления тел умерших. Кроме того, встречено некоторое количество первичных захоронений и погребений со следами кремации (сожжения). Новый этап раскопок памятника дал материалы к реконструкции вторичного и первичного типа погребального обряда у троицкой группы мохэ, однако но не прояснил ситуацию с кремацией.

В конце VII – первой половине VIII в. часть мохэских групп (*сумо мохэ*), занимавших территории в бассейне верхнего и среднего течения р. Сунгари, мигрировали в район Зейско–Буреинской низменности на левобережье р. Амур. Археологическим свидетельством этого являются разного типа памятниками т.н. троицкой группы мохэской археологической культуры. Изучение погребального обряда этой культуры является важным аспектом исследования всего спектра вопросов, которые имеют отношение к ранней истории этнических групп, принявших участие в этногенезе народов тунгусо-маньчжурской языковой группы.

Опорный памятник группы – Троицкий грунтовый могильник изучался двумя этапами: в 1960-70-е гг. и в 2004–2007 гг. (Деревянко Е.И., 1977; Ахметов, 2007; Деревянко А.П., Ким Бон Гон и др., 2008). Е.И. Деревянко, предложившая первый вариант реконструкции погребального обряда Троицкого могильника, сделала вывод о преобладании на памятнике обряда вторичного захоронения – 81% погребений. Также были обнаружены первичные захоронения (ок. 15%) и незначительное числопогребений, выполненных по обряду кремации (ок. 4%) (Деревянко, 1977. С. 144; Нестеров, 1998. С. 79).

Исследования 2000-х гг. подтвердили факт преобладания троицкими мохэ вторичного погребального обряда. Новые материалы позволили предложить скорректированную реконструкцию этого обряда. Тело умершего выставляли на специально сооружённом помосте, помещая его при этом в берестяной короб (пакет). Через определённый промежуток времени останки, полностью или частично освобождённые от мягких тканей, собирали для последующего захоронения, в ряде случаев оставляя их в первоначальной упаковке. В одной могиле могли находиться останки от одного до трёх погребённых. Выкапывалась могильная яма прямоугольной формы, ориентированная продольной осью, как правило, по линии С-Ю. Дно выстилалось деревянными плашками или берестой. Из плашек изготавливалась рама, во внутреннее пространство которой помещались захораниваемые костные останки и сопровождающий инвентарь. В некоторых случаях сохранились остатки перекрытия в виду полотнищ бересты. Затем могильное сооружение засыпалось небольшим слоем почвы, на котором разводился огонь. Само кострище не закапывалось. В

1 Работа выполнена при поддержке гранта СО РАН (постановление №39) и проекта НИР Новосибирского гос. ун-та в рамках Задания № 2718.

дальнейшем вместе с могильной ямой оно постепенно затягивалось грунтом, происходило формирование могильных западин с конусовидным или округлым дном. Этот процесс был основательно изучен на материалах троицкой и найфельдской групп мохэской археологической культуры.

Антропологические коллекции из конкретных погребений представлены в основном черепами (или их фрагментами) и длинными костями конечностей. Прочие кости скелета присутствуют в виде мелких фрагментов. Закономерность в расположении отдельных частей скелета не прослеживается за исключением случаев компактного расположения, которые могут быть увязаны с предварительным пакетированием остатков. Черепа обычно укладывались в северной части могилы. В отдельных случаях наблюдается преднамеренное (или связанное с тем, что к моменту перемещения остатков в могильную яму сохранялись естественные сочленения костей) выкладывание в анатомическом порядке. Косвенным подтверждением использования вторичного погребального обряда троицкими мохэ являются данные из юго-восточного Забайкалья, где в районе Усть-Чёрнинского городища на р. Шилка был обнаружен погребально-ритуальный комплекс с захоронениями-кенотафами, повторяющими отдельные элементы могил Троицкого некрополя (Алкин, Ахметов, 2012).

Ингумации, которые по данным Е.И. Деревянко занимали второе место по числу изученных погребений, в действительности чрезвычайно редки на Троицком могильнике. При обсуждении этого типа обряда у троицких мохэ необходимо учесть мнение С.П. Нестерова, который предположил, что погребения, определённые как первичные, таковыми не являются. Он полагал, что за ингумацию ошибочно были приняты случаи, когда после выставления тела при вторичном захоронении костные остатки выкладывались в анатомическом порядке (Нестеров, 1998. С. 83–85). Однако, вновь изученные нами участки Троицкого некрополя позволили выявить небольшую, но представительную серию могил (255, 258 и 284), где первичный характер захоронения очевиден, а дополнительной особенностью является то, что это женские погребения[1]. Все они не связаны с западинами на поверхности, в противоположность тому, как это бывает всегда в случаях использования вторичного обряда.

Погребённый в могиле 258 лежал на спине головой на север. Ноги согнуты в коленях (были подняты вверх, затем завалились налево). Правая рука, согнутая в локте – на груди, левая – на поясе. Череп теменной частью покоился на небольшой грунтовой подушке. Анатомический порядок расположения отдельных частей скелета был нарушен. Тем не менее, можно говорить об ингумации по типу первичного погребения. На некоторое время труп мог находиться без погребения, что привело к частичной его деструкции. Однако это не было выставление как обряд. Выявлена значительная деформация трубчатых костей, которая могла произойти под воздействием тяжести грунта. Следовательно, кости не были высохшими и сохраняли пластичность. В основном правильный анатомический порядок расположения большинства костей свидетельствует о частичной сохранности тканей к моменту осуществления захоронения. По осмотру костей черепа было дано предварительное заключение о том, что при жизни человек мог быть болен лепрой. Такой человек мог жить отдельно, и, поэтому его погребение произошло не сразу после смерти, а через некоторое время (до нескольких недель), после обнаружения трупа. Либо мы имеем дело с частной особенностью погребального обряда. Сопроводительный инвентарь включал представительную серию находок: керамический сосуд с пробитым дном, костяные и каменные (халцедон и горный хрусталь) бусины, железная подпружная пряжка, серебряная серьга, фрагмент рукояти железного клинка с фигурным навершием и др.

В могиле 284 обнаружен практически полный скелет (отсутствуют только ребра, часть позвоночника, кости кистей рук). Погребенный лежал головой на юг. Правая рука согнута под тупым углом, предплечьем и кистью прикрывает низ живота. Левая рука согнута под прямым углом и кистью лежит на правом локте. Ноги согнуты в коленях, а ступни подвёрнуты практически под бедренные кости

1 Антропологические определения выполнены канд. ист. наук Д.В. Поздняковым.

(имитация позы сидящего на коленях человека). Сопроводительный инвентарь отсутствует (Деревянко А.П., Ким Бон Гон, 2008. С. 139–140).

Особое место среди первичных погребений Троицкого могильника занимает захоронение в могиле 255. Поза погребенного уникальна. Во-первых, он лежит головой на юг, во-вторых, в вытянутом положении ничком. Левая рука располагалась под позвоночным столбом в районе живота. Погребение ничком впервые обнаружено на Троицком могильнике и, вероятно, свидетельствует либо об особом прижизненном статусе покойной, либо указывает на особые обстоятельства её смерти. В пользу первого предположения свидетельствует богатый погребальный инвентарь: большое количество разнообразных бусин от шейного украшения, однолезвийный черешковый клинок, оригинальные бронзовые нашивки в виде сдвоенного ферта, бронзовый браслет на левой руке.

В Сибири и на Дальнем Востоке России погребения с положением тела на животе чрезвычайно редки. Один из ранних проявлений этого обряда найден в глазковской культуре Прибайкалья (Окладников, 1958. С. 202). Аналогичная поза умершего зафиксирована в Туве при раскопках могил гунно-сарматского времени в Кокэльском могильнике (Дьяконова, С. 148-149). Погребение умерших ничком практиковалось в средневековых культурах Прибайкалья и Западного Забайкалья (Хамзина, 1970. С. 110; Асеев, 1982. С. 134). Основываясь на этнографических материалах, исследователи склонны видеть в использовании такого редкого обряда шаманские погребения.

Соответственно и относительно могилы 255 Троицкого могильника допустимо предположить, что таким образом была погребена служительница культа либо женщина, умершая неестественной смертью. Кроме того, принадлежность всех трёх описанных первичных погребений женщинам позволяет ставить вопрос о том, что использование нетипичного обряда могло быть связано с их иноэтничным происхождением.

Нерешённым является вопрос о месте в погребальной практике троицких мохэ обряда кремации. Во многих могилах зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций перекрытия, рам-обкладоки гроба. Однако в этих случаях явных следов огня на костях и предметах из состава погребального инвентаря не наблюдается. В отдельных могилах отмечено наличие небольшого количества жженых костей, видовая принадлежность которых не ясна. Все известные случаи, интерпретируемые как кремация, являются фиксацией различных вариантов вторичного захоронения остатков трупосожжения, осуществлённого на стороне (например, могила 231).

Многолетние исследования погребального обряда троицких мохэ (сумо мохэ китайских исторических хроник) позволяют с уверенностью говорить о биритуализме погребального обряда этой культуры, имея виду использование вторичного и первичного погребального обряда. При этом ведущим и традиционным обрядом у троицких мохэ было вторичное захоронение скелетированных останков, что может быть связано с отмеченным в китайских письменных источниках обычаем воздушных погребений. В равной степени это касается погребального обряда найфельдского тип мохэской культуры (Нестеров, 2006). Данные об использовании огня в целях преднамеренной деструкции человеческих останков у мохэ требуют дополнительного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асеев И.В. Археологический материал как источник отражения некоторых аспектов шаманизма // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск: ИГУ, 1982. С. 134–135.

Ахметов В.В. Сравнительный анализ погребального обряда бохайцев и троицких мохэ // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы XLVII Региональной (III Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2007. С.144–145.

Ахметов В.В., Алкин С.В. Разведочные работы в районе Усть-Чёрнинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Том XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С.160–163.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Вып. 1. Часть 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. Тэджон: Издательство Института культурного наследия, 2008. 208 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1998. 184 с.

Нестеров С.П. Погребальный обряд мохэских племен Приамурья // Дунбэйя дицюй ляо цзинь Мэн юань шици дэ чэнши (Города Северо-Восточной Азии в эпоху Ляо, Цзинь, Юань). Чанчунь, 2006. Т. 2. С. 75 – 82.

Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. М.: Изд–во восточной литературы, 1958. С. 200–213.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 142 с.

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ РЯЗАНСКИХ ФИННОВ ВО II–VII ВВ.

© 2014 г. И.Р. Ахмедов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
(i_akhmedov@mail.ru)

Ключевые слова: Рязанские финны, воинская культура, оружие, культурные взаимодействия.

Резюме. Статья И.Р. Ахмедова посвящена мечам рязанских финнов концу I – середине VII в. Автор предлагает классификацию мечей, датирует выделенные типы двулезвийных и однолезвийных длинных и коротких мечей, устанавливает их происхождение и сочетания типов мечей для разных хронологических периодов. Для конца I – начала II в. известен лишь один меч, связанный с древностями Андреевско-Писеральского круга. Затем мечи появляются во второй половине III – IV в. в результате взаимодействия с носителями черняховской культуры. Наибольшее количество и разнообразие мечей относится к гуннскому и постгуннскому времени. Это объясняется как участием рязанских финнов в событиях сложения гуннской державы, так и воздействием на них центральноевропейского культурного импульса середины – второй половины V в. Для VI в. характерны ранние формы длинных однолезвийных мечей, развивающих форм предшествующего времени. В конце VI – первой половине VII в. здесь появляется набор мечей характерный для кочевников Причерноморья и Северного Кавказа, что свидетельствует о сильном влиянии последних на развитие воинской культуры рязано-окских финнов.

Первая попытка анализа оружия второй половины I тыс. н.э. из Старо-Кадомского и Шокшинского могильников была предпринята В.Н.Шитовым, позже им была опубликована находка азиатского меча из Шокшинского могильника. Обзор оружия Западного Поволжья I – первых веков II тыс. предлагал А.В.Циркин, однако, в силу специфики источниковой базы его исследования, рязано-окские материалы не были в ней подробно рассмотрены. Клинки, выполненные по технологии «дамаска» были выявлены А.П.Гавриловым. Автором были опубликованы ряд статей, в которых рассматривались короткие мечи V в., а так же комплекс вооружения из п.110 могильника Борок 2. Отдельные предметы во-

оружения анализировались в контексте «западного» культурного импульса в совместной работе автора и М.М.Казанского. Но накопление материалов в последние десятилетия происходит очень интенсивно и вызывает необходимость новых обращений к этой проблематике. В этой работе автор представляет первый опыт анализа мечей из рязано-окских могильников в целом. На рис. 1 представлена схема бытования типов.

Наиболее ранняя находка двулезвийного меча с бусиной – подвеской происходит из п.13 Кошибеевского могильника (рисунки А.А.Спицына) (Тип.1). Этот меч входит в число хронологических индикаторов конца I – рубежа II–III вв. н.э. Аналоги клинку и деталям оформления рукояти сосредоточены в древностях Андреевско-Писеральского круга, оружие из которых связано как с сарматским миром, так и в культурах Прикамья и Приуралья.

Снова мечи появляются здесь в середине III – IV в. Это мечи с широким клинком и плавным переходом от черенка к лезвию (тип 2). Более ранние клинки узкие – 4–4,5 см, длиной до 88 см,(тип 2А, 3 экз.) более поздние широкие – 5–5,5 см, длиной около 80 см (Тип 2Б, 3 экз.). Узкие клинки близки позднесарматским мечам (тип 2 по А.М.Хазанову/тип 8 по А.С.Скрипкину). Аналоги датируются второй половиной II – первой половиной III в., в меньшей степени они известны в финале позднесарматского времени III в. датируют находку подобного меча в п.55 Усть-Узинского могильника верхнесурских финнов Находки мечей 2Б относятся уже к второй половине III – началу IV в. Они относятся к клинкам, формировавшимся в результате синтеза различных оружейных традиций происходившего в контексте «скифских» войн III в. и затем в рамках развития «черняховской» культуры. Их появление на Оке следует связывать с «западным» культурным импульсом второй половины III в., хорошо прослеживаемым по многочисленным «черняховским» находкам, в первую очередь, фибул в погребениях рязанских финнов. Именно этот импульс, в значительной мере, стал катализатором сложения нового облика воинской культуры рязанских финнов в IV в. К концу III – первой половине IV в. так же относят находки подобных мечей в Селикса-Трофимовском могильнике верхнесурских финнов.

Следующий этап сложения воинской культуры рязанских финнов относится к гуннскому и постгуннскому времени. В это время появляются двулезвийные мечи типа 3АБВ (10 экз.) – с узкими черенками, переходящими в широкое лезвие почти под прямым углом, к развитию типа 2 относятся находки мечей типа 2В (2 экз). Три меча типа 3 изготовлены по технологии «дамаска», у части сохранились прямые перекрестия, в одном случае с декором в технике перегородчатой инкрустации. Прослежены остатки деревянных скоб для портупейных ремней на лицевой стороне ножен, детали декора ножен и рукоятей, состоявших из пластин белого металла с прессованным орнаментом, железных пластин со стилизованными изображениями головок птиц, боковых обкладок ножен и бутеролей прямоугольной или пятиугольной формы. Зафиксированы остатки деревянных рукоятей, длиной до 25 см, обтянутых кожей, с подложенными для создания рельефа веревочками. Известны четыре бусины-подвески: две в технике «миллефиори», одна черного глухого стекла и крупная дисковидная янтарная.

Другая категория, появляющаяся в это время – однолезвийные короткие мечи – «лангсаксы»(более 40 экз.). Общая длина клинков варьирует от 36 см до 52 см. Они появляются в середине V в. и используются до рубежа V–VI вв., иногда находясь в погребениях с большим двулезвийным мечом. Во второй половине V в. прослеживается тенденция к увеличению длины клинка. Известно большое количество деталей ножен и рукоятей, изготовленных как из цветных сплавов, так и из серебра. К ранним экземплярам относятся ножны, обтянутые поперечными пластинами, восходящие по конструкции к ножнам для ножей второй половины IV– начала V в. Позже ножны украшаются обкладками из бронзы или серебра, с «жемчужным» штампованным орнаментом, имитирующим инкрустации, характерные для парадного оружия этого времени. Наиболее поздними являются упрощенные версии ножен с прямоугольными пластинами устья и U- образными железными бутеролями.

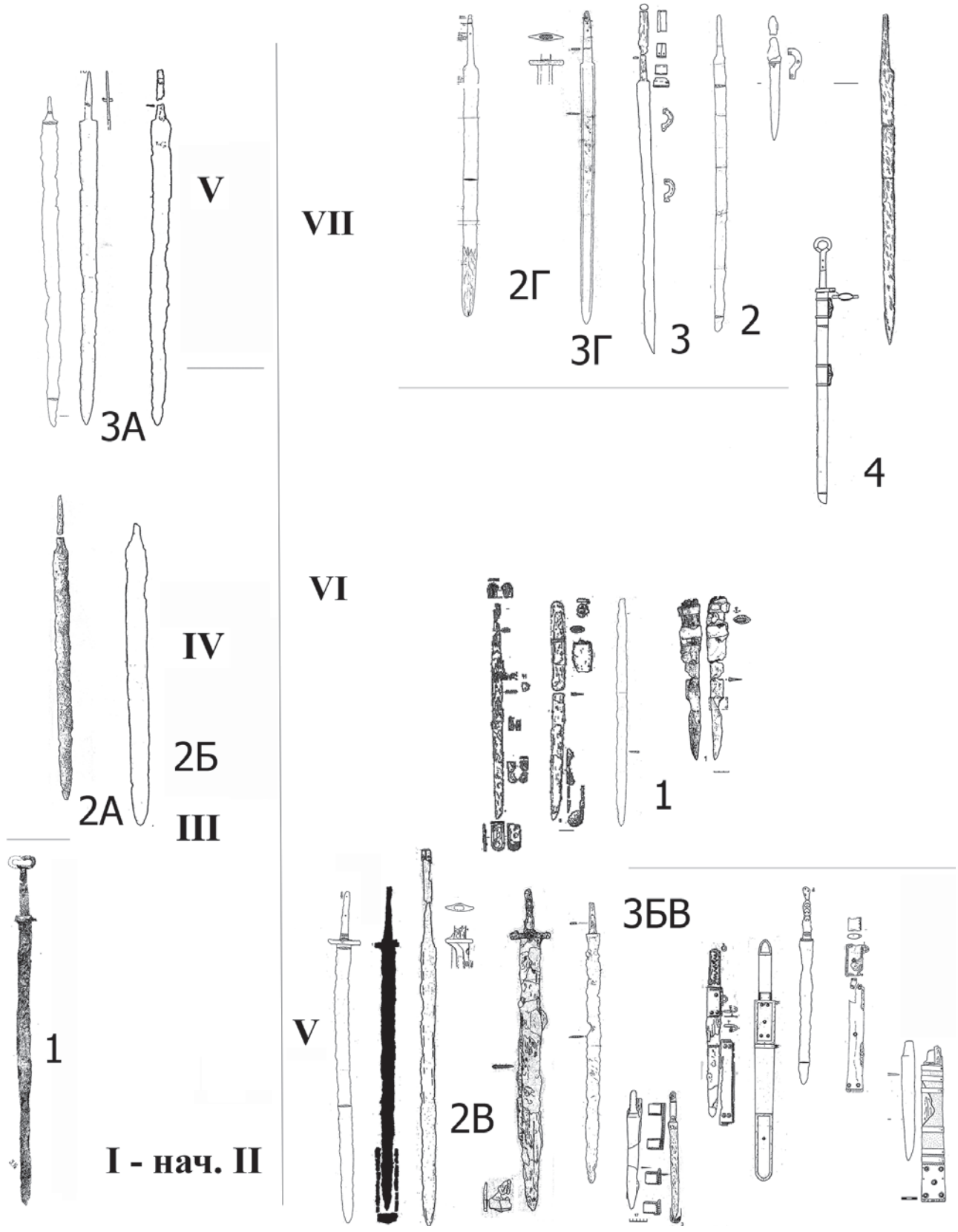

Схема развития мечей в культуре рязано-окских финнов. Арабские цифры и буквы – номера типов и варианты, латинские цифры – датировки.

Если мечи типа 2В развивают восточноевропейские формы, характерные для конца III – начала IV в., то мечи типа 3 связаны происхождением с римским миром и его варварским окружением. «Лангсаксы» появляются на средней Оке в результате «дунайского» импульса и быстро становятся самой распространенной категорией клинкового оружия во второй половине V – начала VI в. По качеству изготовления они делятся на изготовленные из высокоуглеродистой стали, полученной при помощи цементации с последующей закалкой в холодной воде, и, выполненные в технике пакетирования заготовки: сварки из полос неравномерно науглероженной стали, с невысоким качеством проковки металла, небрежно выполненными сварными швами. Наряду с однолезвийные клинками в это время используются и короткие двулезвийные мечи (5 экз.). Один из них найден в погребении знатного воина и снабжен ножнами с крупными бронзовыми обкладками, аналогичных тем, что изготавливались для ножен коротких однолезвийных мечей. (Борок 2, к.127), другие находились в погребениях простых воинов, в простых ножнах. Так же как и «лангсаксы» их следует рассматривать в рамках «дунайского» импульса второй половины V в.

В VI в. появляются длинные однолезвийные мечи. Наиболее ранние из них близки по форме и пропорциям «лангсаксам» V в. Длина 62 - 68 см, ширина лезвия-3-3,5 см. (Тип 1; 12 экз.) Подобные клинки известны так же в Армиевском (3 экз.), Безводнинском (2 экз.), возможно и в Ахмыловском (2 экз.) могильниках.

В 3 случаях сохранились остатки пластинчатых прямоугольных обкладок устья ножен и рамчатых бутеролей U-образной формы, в одном случае с фрагментами U-образного рамчатого навершия. К чуть более позднему времени относится уникальная для лесной зоны Восточной Европы находка однолезвийного меч с кольцевым навершием, и прямым перекрестьем, имеющая центральноазиатское происхождение. (Шокшинский могильник, п.936) (Тип 4) Деревянная рукоять, частично закрывала навершие, и имела дуговидный верхний абрис. Ножны были снабжены поперечными обоймами, на которых располагались боковые выступы для подвешивания, скрепленные с при помощи фигурных литых накладок с изображением противостоящих хищников, возможно семейства кошачьих. Этот меч чрезвычайно близок группе мечей с богатым декором характерных для аварских древностей. Меч этой группы известен и в составе Перещепинского клада. Некоторые исследователи считают некоторые из этих мечей изделиями «византийско-понтийского круга» В то же время, накладки с изображениями хищников близки петлям ножен меча из Сросткинского могильника с фигурами противопоставленных львов с пальметтой между ними. Шокшинский меч выделяется на фоне роскошных аварских мечей простотой, характер изображений на накладках петель указывает на его архаичность по отношению к аварским. Контекст окружающих погребений позволяют датировать находку второй половиной VI – начала VII в.

В конце VI – первой половине VII в. разнообразие мечей увеличивается. Это двулезвийные мечи типа 2Г (3 экз.) с широкими клинками линзовидного сечения и типа 3 Г (2 экз.) – мечи с достаточно узким лезвием шестигранного сечения, в одном случае с прямым перекрестьем. Среди мечей типов 2Г и 3Г встречены экземпляры, изготовленные по технологии дамаска. Больше известно находок длинных однолезвийных мечей, характерных для горизонта древностей «развитой геральдики. Различаются тип 2 – с плавно закругляющимся концом лезвия (6 экз.) и тип 3 – с косо срезанным концом (5 экз.). Еще о 4–х находках длинных однолезвийных мечей известно по отрывочным сведениям. На соседних территориях близкий набор клинков известен в Армиевском могильнике, где преобладают находки мечей типа 3 (5 из 6).

Значительное количество мечей как двулезвийных, так и однолезвийных снабжены бронзовыми и серебряными пластинчатыми обкладками рукоятей и ножен, D–образными и Р-образными накладками на петли для портупейных ремней. Известен так же боевой нож с Р-образной накладкой на ножнах.

Комплексы погребений с мечами этого времени отличаются репрезентативностью, что сближает их с захоронениями V в.

Количество находок мечей в разные хронологическим периодам четко отражает из-

менения политической ситуации в окружающем мире и степень вовлеченности в нее рязано-окских финнов. Если в конце I – II в. обстановка была достаточно стабильна и эти временем датируется лишь одна находка меча в Кошибеевского могильнике, то в период этнополитических деформаций связанных с образованием черняховской общности, появляется уже 5 мечей, связанных с синтезом степной и западной традиции. Контакты рязано-окских финнов с носителями черняховской культуры не вызывают сомнений, более того, именно во второй половине III – IV в. складывается характерный облик воинской культуры местного населения. В эпоху Переселения рязано-окские финны втягиваются в общие для Центральной и Восточной Европы процессы, что отражается и в составе оружия, и его количестве – более 50 находок. Большая часть клинков находит соответствия в хрестоматийных переселенческих комплексах от Поволжья до Подунавья, перечислить здесь которые не представляется возможным. Через Среднее Поочье эти образцы оружия попадают и к представителям других поволжско-финских группировок. Некоторые категории получают дальнейшее развитие – известно более десяти клинков VI в., восходящим к формам V в.

Следующая яркая страница в истории оружия рязанских финнов относится к концу VI – первой половине VII в., когда арсенал воинов снова пополняется «византийским» и степным оружием. Этот последний яркий эпизод в истории рязанских финнов заканчивается трагически, в результате военного вторжения степняков, о чем свидетельствует знаменитое погребение кочевника в Арцыбашево. Дальнейшее изучение этой темы позволит конкретизировать большинство положений этой работы.

РАЗРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

© 2014 г. А.Л. Белицкая

Национальный музей Республики Коми, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
(belitskaia522@yandex.ru)

Ключевые слова: Великое переселение народов, курганный могильник, погребальный обряд, разрушенное погребение.

Резюме. Дается характеристика разрушений, произведенных на курганных могильниках Европейского Северо-Востока: Юванаягском, Борганъёльском, Веслянском I и Шойнаягском. Несмотря на некоторые отличия в погребальном обряде разных могильников, грабители алгоритм действий древних грабителей един. В процессе разрушения прослеживается определенная логика, позволяющая предполагать ритуальных характер разрушений.

В настоящее время на Европейском Северо-Востоке (далее ЕСВ) исследовано шесть курганных некрополей, связываемых исследователями с эпохой Великого переселения народов: Вомынъягский, Юванаягский, Борганъёльский, Веслянский I, Шойнаягский, Сэбысьский могильники, датируемые V–VII вв. Первые пять выявлены в бассейне р. Вычегда, Сэбысьский – в бассейне р. Печора. Могильники документируют проникновение на территорию ЕСВ иноэтничных групп на-

селения со своеобразной культурной традицией.

При раскопках курганных могильников исследователями были прослежены следы целенаправленных нарушений, произведенных в древности и более позднее время. Целью настоящей статьи является характеристика разрушений, произведённых на Юванаягском, Борганъёльском, Веслянском I, Шойнаягском могильниках[1]. Характеристика могильных ям нарушенных погребений дана в сводной таблице (рис. 1).

Юванаягский могильник расположен на берегу старичного озера Ивкаты на левом берегу р. Нившера, левого притока р. Вишера, в 2,5 км к ЮВ от д. Ивановка Корткеросского района. Открыт в 1986 г., исследовался в 1986-1988 гг. Л.И. Ашихминой. Изучено девять курганов и 23 погребения, из них четыре – грунтовые. Прослежены нарушения 14 погребений (60,9%).

Погребения вытянуты двумя рядами по линии З-В параллельно течению реки. Умерших хоронили головой к реке. Грабительские вкопы прослеживаются в области головы (6 случаев), справа от умершего (3 случая), в области ног (2 случая), слева от покойного (1 случай).

В восьми погребениях (57,1%) инвентарь находился в грабительских вкопах. Это предметы вооружения (кольчуга), детали ременной гарнитуры, обувные пряжки, хозяйственный инвентарь (ножи), керамика.

Борганъёльский могильник расположен на невысокой песчаной гриве боровой террасы берега р. Нившера, левого притока р. Вишера 2,5 км к СВ от д. Алексеевка Корткеросского района. Открыт в 1984 г., исследовался в 1984-1986 гг. Л.И. Ашихминой. На могильнике исследовано 25 курганов и 48 погребений, из них пять – грунтовые. Следы разрушений прослежены у 28 погребений (58,3%).

Курганный ряд вытянут по линии ЮЗ-СВ параллельно реке, умерших хоронили головой к реке. Грабительские вкопы прослежены в области головы, справа от умершего (по 8 случаев), слева (7 случаев), в области ног (4 случая) и в центре погребения (2 случая).

В 10 случаях (35,7%) в результате нарушения погребальный инвентарь оказывался в грабительском вкопе. Это украшения (бусы, бисер), предметы ременной гарнитуры, керамика, культовые вещи (серебряная чаша, деревянный сосуд), хозяйственный инвентарь (ножи), предметы вооружения (меч, кинжал).

Веслянский I могильник расположен на левом берегу р. Вымь, в 1 км к С от д. Весляна Княжпогостского района. Был открыт в 1961 г., исследовался в 1962, 1974, 1975 гг. Э.А. Савельевой. Вскрыто 27 погребений, прослежено 2 кургана, один из которых образовался при слиянии двух насыпей Зафиксированы нарушения десяти погребений (37%).

Курганный ряд ориентирован С-Ю, параллельно берегу реки. Покойные хоронились головой к воде. Грабительские вкопы совершались в область ног (4 случая), головы и справа от умершего (по 2 случая), слева (1 случай).

В четырех погребениях инвентарь содержался в заполнении, в остальных – как на дне погребения, так и в грабительских вкопах. Это керамика, детали поясной гарнитуры, украшения (бусы, пронизки, браслет), хозяйственный инвентарь (нож), предметы вооружения (кинжал), культовые вещи (наглазник, дрот).

Шойнаягский могильник расположен на песчаной гриве останца боровой террасы правого берега р. Сысола, левого притока р. Вычегда, на левом берегу старичного озера в 1,5 км к В от д. Каргорт Ыбского сельсовета Сысольского района. Был открыт в 1985 г., исследовался в 1985, 1986, 1990 гг. И.О. Васкулом. В ходе раскопок было выявлено 16 курганов, 22 погребения, два из них – грунтовые.

Шойнаягский могильник разрушался дважды: в древности и современности. Ямы, оставшиеся от древних грабителей, оплыли и хорошо задерновались, их контуры не прослеживаются визуально. Часть ям хорошо видна на поверхности и, вероятнее всего, они принадлежат «искателям чудских кладов» (Васкул, Овчинников, 1999. С. 44). В нескольких случаях грабительские вкопы приходились на ямы, из которых брался грунт для сооружения курганных насыпей. Видимо, грабители принимали их за провалы от грунтовых могил. 20 (90,9%) погребений могильника нарушены,

1 Материалы Вомынъягского и Сэбысьского могильников не опубликованы полностью.

Характеристика нарушенных могильных ям курганных могильников ЕСВ.

Могильник / Признак	Юванаягский	Борганъёльский	Веслянский I	Шойнаягский
Число разрушенных погребений (% от общего)	14 погр. (60,9%)	28 погр. (58,3%)	10 погр (37%)	20 (90,9%)
Форма погребения: Прямоугольная Овальная Аморфная	 10 погр. (71,4%) 2 погр.(14,3%) 2 погр.(14,3%)	 23 погр. (82,1%) 3 погр. (10,7%) 2 погр. (7,1%)	 6 погр. (60%) 3 погр. (30%) 1 погр. (10%)	 8 погр (40%) 7 погр (35%) 5 погр (25%)
Стенки ям: Наклонные Отвесные Не определено	 2 погр.(14,3%) 10 погр. (71,4%) 2 погр. (14,3%)	 5 погр. (16,7%) 21 погр. (76,6%) 2 погр (6,7%)	 6 погр. (60%) 3 погр. (30%) 1 погр. (10%)	 11 погр (55%) 1 погр (5%) 8 погр (40%)
Ориентировка погребений: С-Ю З-В СЗ-ЮВ (СВ-ЮЗ) Не определена	 9 погр.(64,3%) - 4 погр (28,6%) 1 погр. (7,1%)	 - 24 погр.(85,7%) 2 погр. (6,7%) 1 погр (3,6%)	 - 9 погр. (90%) 1 погр. (10%) -	 - 7 погр (35%) 12 погр (60%) 1 погр (5%)

из них только одно (5%) – при сооружении более поздней могилы.

Курганы образуют два ряда, перпендикулярно старице реки. Покойных хоронили параллельно реке, ориентируя ногами вниз по течению.

Грабительские вкопы совершались справа от погребенного (9 случаев), в центр погребения (6 случаев), в область головы (2 случая), ног и слева от покойного (по 1 случаю).

Четыре погребения (20%) безынвентарные, в семи случаях (35%) инвентарь находился в насыпи или заполнении, в шести (30%) – на дне погребения. В трех захоронениях предметы найдены как на дне, так и в засыпи (15%). В грабительских вкопах найдены: детали поясной гарнитуры, предметы вооружения (кольчуга, кинжал), керамика, культовые предметы (бронзовая чашечка), украшения (бусы, пронизки).

Приведённые данные (Таб. 1) указывают на имеющиеся отличия в элементах погребального обряда разных могильников. Некоторыми особенностями обладает Шойнаягский могильник: здесь умершие похоронены параллельно течению, почти поровну погребений овальной и прямоугольной формы, стенки почти всех ям – наклонные. Эти отличия могут быть связаны с иной культурной традицией населения оставившего Шойнаяг-

ский могильник и указывать на наличие нескольких групп переселенцев.

На всех четырех могильниках прослеживаются общие тенденции в процессе разрушения. Древние грабители в первую очередь стремились к нарушению той части погребения, где находилась голова умершего. Даже если вкоп совершался слева или справа, преимущественно он вел к верхней части туловища. Эти разрушения фиксируются как по нарушению контуров ям, так и по отсутствию покрытия из бересты, которой накрывались покойные. Костные останки на могильниках сохранились плохо, тем не менее, фиксируется, что череп мог быть сдвинут, а мог оставаться на месте. В одном захоронении Веслянского I могильника он отсутствовал (Савельева, 1974. С. 10). Нередко к могиле вело несколько траншей, полностью разрушавших погребение.

Из-за плохой сохранности костного материала невозможно определить половозрастной состав индивидуумов в ограбленных погребениях. Можно говорить, что разграблению подвергались, как малые, длиной 80-139 см (4,5%), средние – 140-199 см (31,8%), так и длинные – 200-289 см (63,6%) погребения, хотя количественно преобладают последние. Можно предположить, что пол и возраст погребенного не играли большой роли при выборе могилы для разрушения.

На Шойнаягском и Юванаягском могильниках инвентарь чаще находится на дне погребения, а на Веслянском I и Борганъёльском – в заполнении или грабительских траншеях. На всех могильниках разрушены погребения, где были захоронены воины в кольчугах, которые Л.И. Ашихмина считает захоронениями военной знати (Ашихмина, 1987. С. 13). Необходимо также отметить, что на всех могильниках подверглись большему разрушению более ранние части памятников, где курганные насыпи выше. Возможно, в процессе трансформации погребального обряда, изживается традиция разрушения погребений.

Нередко в нарушенных погребениях сохраняется большая часть вещей, в том числе, предметы их драгоценных металлов. Это может указывать на то, что зафиксированные разрушения имели ритуальный характер, так как в некоторых погребениях вкопы не фиксируются, хотя нарушения прослеживаются стратиграфически (Ашихмина, 1987. С. 5). Для получения окончательного ответа на этот вопрос необходимы дальнейшие исследования следов древних разрушений курганных могильников ЕСВ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ашихмина Л.И. Отчёт об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 г. // Научный архив КНЦ УрО РАН, 1987. Ф.5, Оп. 2, Д. 387.

Васкул И.О., Овчинников Ф.В. Шойнаягский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования): Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16. Сыктывкар, 1999. С. 44–56.

Савельева Э.А., Малышев Н.П. Отчёт об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1974 г. // Научный архив Музея археологии и этнографии СыктГУ, 1974. Ф. 2., Д. 2. 45 с.

ПОГРЕБЕНИЕ АЛАНА-ТАНАИТА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

© 2014 г. В.Д. Березуцкий[1], А.П. Медведев[2]

[1]Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж (berezytski1@rambler.ru
[2]Воронежский государственный университет, Воронеж (APM1950@yandex.ru)

Ключевые слова: Великое переселение народов, Средний Дон, аланы, курган, катакомба, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь.

Резюме. В публикации представлены материалы раскопок кургана в донском левобережье у с. Лосево Павловского района Воронежской области. В кургане обнаружено погребение в катакомбной конструкции. Материалы раскопок имеют аналогии на Северном Кавказе и Нижнем Дону и может быть датировано концом IV – началом V в. н.э. По-видимому, оно принадлежит алану-танаиту, мигрировавшему в обозначенное время на Средний Дон из-за опустошительного гуннского нашествия.

В 2010 г. экспедицией Воронежского государственного педагогического университета исследован курган № 3 в могильнике у с. Лосево Павловского района Воронежской области (донское левобережье).

В кургане обнаружены разбросанные по площади насыпи раздробленные кости животных и фрагменты битой посуды, а у края могильного выкида – фрагменты железных удил, изготовленные из прямоугольного в сечении прута (рис. 1, *7-11*), железное изделие неясного назначения в виде изогнутой пластины длиной 3,6 см (рис. 1, *12*), железный плоский листовидный наконечник стрелы (?) длиной 3,7 см (рис. 1, *13*), железный стержень из овального в сечении прута с заостренными концами (рис. 1, *14*), железный гвоздик с остатками дерева (рис. 1, *15*), бронзовое изделие в виде гвоздика с округлой шляпкой, ажурная бляха из белого сплава. Внутри ее круглой рамки находится звездообразная фигура с 13 лучами-треугольниками, а в центре – круглое отверстие (рис. 1, *16*). С внутренней стороны к бляхе припаяна вогнутая дужка. Аналогии этой находке нам неизвестны.

Погребальное сооружение представляло собой катакомбу Т-образной формы (рис. 1, *А*). Входная шахта 1,1-1,2 х 2 м, ориентированная длинными сторонами по линии ЮЮВ-ССЗ, имела неоднородное заполнение: на глубину 0,6-0,65 м от уровня материка - жирный чернозем; ниже него шел мешаный чернозем с глинистыми включениями толщиной 0,5 м; с глубины 1,1-1,15 м и до пола шахта была забита плотной материковой глиной. На дне – четыре ступеньки. С севера к шахте примыкала камера овальной формы 1,6 х 2,5 м. Ее пол залегал на 2,1 м ниже уровня материка. Перед входом в камеру в забутовке обнаружен рог оленя (рис. 1А, *1*). В.В. Килейников провел трасологический анализ находки и обнаружил, что на окончании одного из ответвлений имеются продольные следы, свидетельствующие о том, что рог был искусственно заострен (рис. 1, *17*) и мог использоваться в качестве инструмента для рытья катакомбы.

На полу камеры лежал скелет мужчины 30-ти лет вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, руки вдоль туловища, ноги прямые. У скелета отсутствовал череп, но сохранилась нижняя челюсть, найденная на 0,3 м выше уровня пола. Правая рука потревожена: кость предплечья оказалась развернутой под прямым углом к туловищу, а у кистей отсутствовали некоторые фаланги.

Вдоль северной стенки камеры в один ряд были поставлены пять сосудов (рис. 1А, *2-6*): сосуд 1 – кубышка с зооморфной ручкой, изготовленная на гончарном круге из глины серо-коричневого цвета (рис. 2, *1*). По тулову

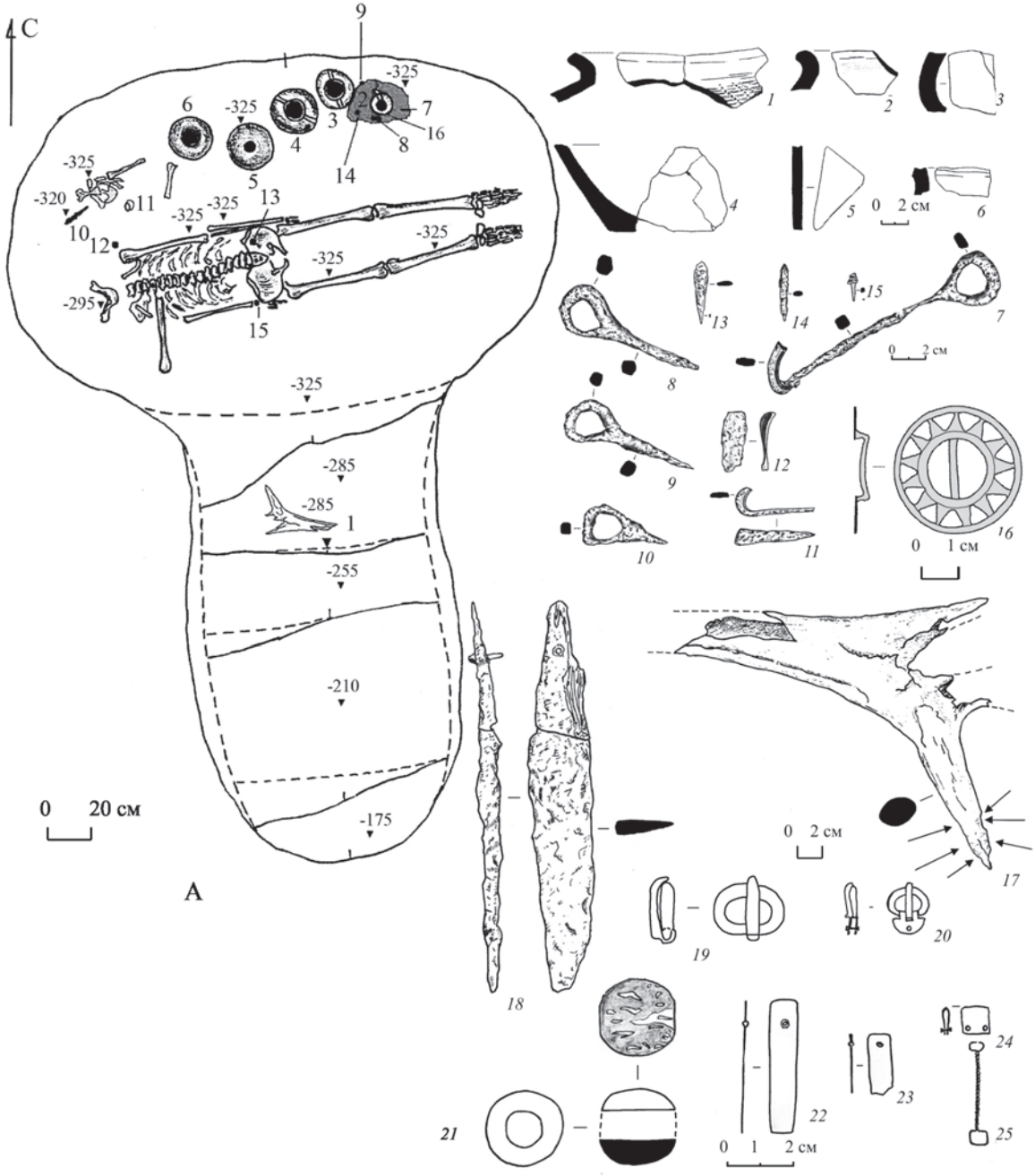

Рис. 1. А - план катакомбы кургана 3 у с. Лосево. *1–16* - материалы из насыпи кургана: *1–6* – керамика, *7– 15* – железо, *16* – белый сплав; *17 – 25* – материалы из катакомбы: *17* – рог, *18* – железо, *19, 20* – бронза, *21* – непрозрачное стекло, *22, 23* – серебро, *24, 25* – золото.

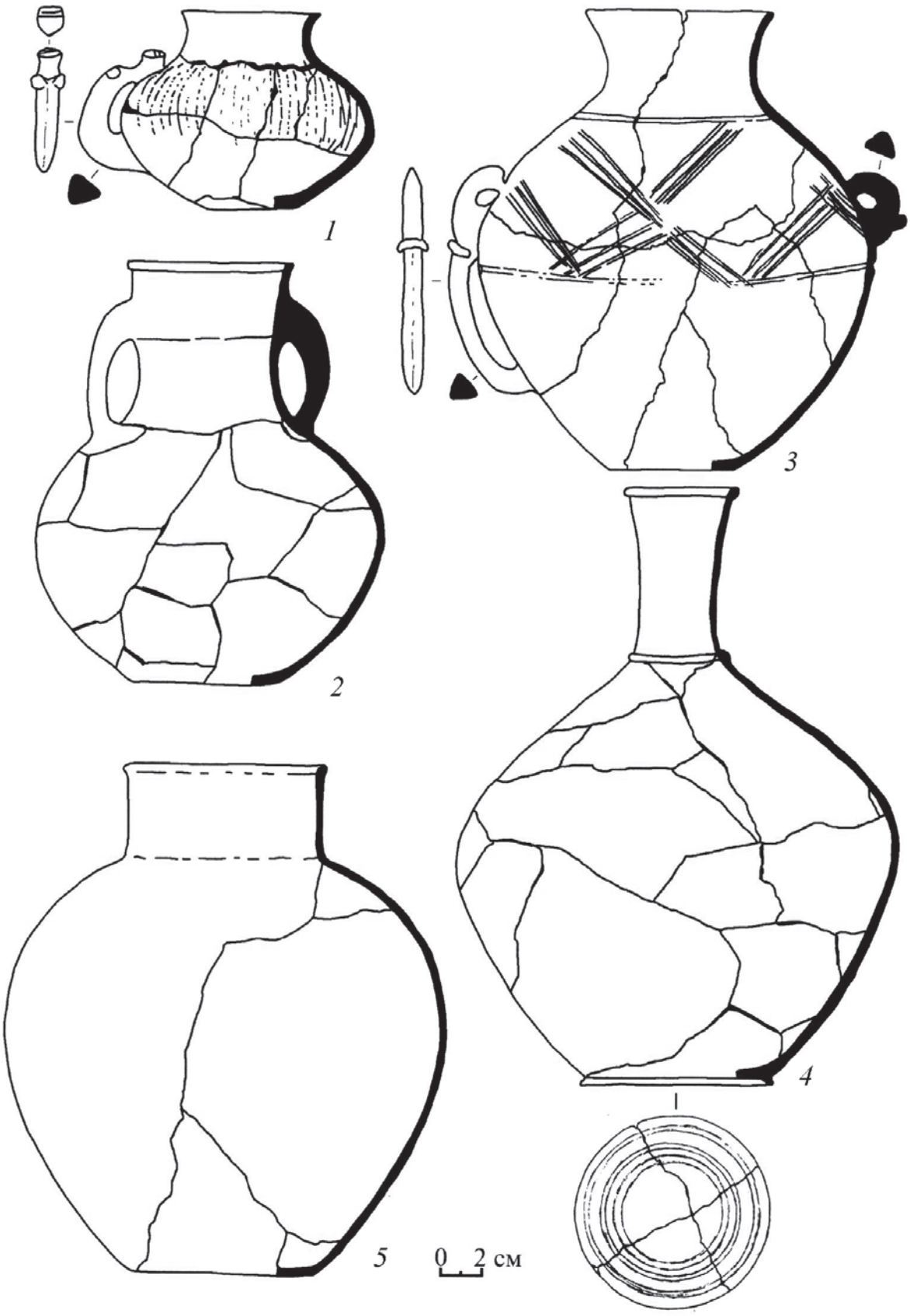

Рис. 2. Керамика из погребения в кургане 3 у с. Лосево.

нанесены лощением вертикальные полосы. Сосуд стоял на шелковой ткани малинового цвета (рис. 1А, *7*); сосуд 2 – гончарный двуручный кувшин из глины серо-коричневого цвета (рис. 2, *2*); сосуд 3 – гончарный кувшин-двуручник из серой глины (рис. 2, *3*) с зооморфными, ручками, возможно, представлявшими собой стилизованное изображение коня с седлом и со следами лощения. В верхней части тулова нанесены два пояса из тройных прочерченных перекрещивающихся линий, расположенных между горизонтальными бороздками; сосуд 4 – узкогорлый гончарный кувшин без ручки с биконическим туловом из серой глины (рис. 2, *4*). В месте перехода горла в тулово имеется валик, а на днище кувшина – концентрические окружности от подставки, поверхность покрыта черным лощением; сосуд 5 – лепной горшок из оранжевой глины с прямым цилиндрическим горлом, вытянутым яйцевидным туловом и плоским дном (рис. 2, *5*). На горле местами заметны вертикальные расчесы.

Слева от головы погребенного лежали кости мелкого животного (рис. 1А, *11*), а рядом с ними - железный нож с широким лезвием и черешком для крепления деревянной рукояти (рис. 1А, *10*; 1, *18*).

У левого предплечья находилась железная подвеска (рис. 1А, *12*), представлявшая собой небольшой полый шарик из железа диаметром 5–7 мм, подвешенный на двух перевитых проволочках (разрушилась от коррозии).

На шелковой ткани лежали две серебряные накладки наконечников ремней (рис. 1А, *8, 9*), изготовленные из тонких серебряных пластин, концы которых отломаны в древности (рис. 1, *22, 23*). На каждой из них имелось по одному отверстию с остатками заклепок.

На левой части таза погребенного находилась бронзовая поясная пряжка 1 (рис. 1А, *13*). Рамка овальной формы 1,4 х 2 см слегка утолщается в месте наложения подвижного язычка (рис. 1, *19*). Язычок массивный, его конец заходит за край рамки, а основание срезано в виде уступа.

На шелковой ткани лежала бронзовая пряжка 2 (рис. 1А, *14*). Ее рамка овальной формы 0,9 х 1,2 см слегка утолщается в месте наложения язычка (рис. 1, *20*). Пряжка имеет накладку полукруглой формы из тонкой свернутой вдвое медной пластинки на одной заклепке.

У правой тазовой кости найдена крупная бочонковидная бусина из непрозрачного черного стекла 2,1 х 2,2 с диаметром отверстия 1 см (рис. 1А, *15*). Бусина имеет накладной полихромный декор в виде беспорядочно расположенных пятен белого, зеленого и желтого цветов (рис. 1, *21*). В отверстии сохранился коричневый тлен от ремешка.

На шелковой ткани располагалось золотое изделие (рис. 1А, *16*), состоявшее из двух частей: небольшой накладки, свернутой из тонкой золотой пластинки 8 х 9 мм с двумя гвоздиками для скрепления с кожей или тканью (рис. 1, *24*) и двух перевитых проволочек длиной 3,2 см с двумя прямоугольными обоймицами на концах (рис. 1, *25*).

Шелковая ткань малинового цвета лежала на полу катакомбы под сосудом 1. При расчистке от соприкосновения с воздухом ее фрагменты быстро разрушались, но размеры определены довольно точно: 0,2 х 0,3 м. Возможно, ткань была сложена в несколько слоев.

По типу погребального сооружения, обряду и сопровождающему инвентарю публикуемый комплекс принадлежит кругу катакомбных раннеаланских погребений Северного Кавказа и Нижнего Дона рубежа древности и средневековья. На это указывает, прежде всего, погребальное сооружение в виде Т-образной катакомбы под курганной насыпью (Абрамова, 1997. С. 97, 104, 112; Габуев, Малашев, 2009. С. 73, 146). Среди сосудов есть типы, аналогии которым имеются в северокавказской керамике III–IV вв. с зооморфным оформлением ручек. Традиция украшать верхние части ручек кувшинов вертикальными отростками известна на Северном Кавказе в III-IV вв. (Абрамова, 1997. С. 108–112. Рис. 67, 2, 3, 9; 69, 3, 7, 14). Кувшины-двуручники также являются характерным элементом керамического комплекса населения Центрального Кавказа с III в. (Абрамова, 1997. Рис. 6, 16; Габуев, Малашев, 2009. Рис. 22, 7; 43, 7). В настоящее время представительная серия подкурганных катакомбных погребений, аналогичных северокавказским, открыта на Нижнем Дону (Безуглов, 2008. С. 286). По месту и времени нижнедонские катакомб-

ные погребения связывают с аланами-танаитами Аммиана Марцеллина (Безуглов, 1990. С. 85–86). С нижнедонскими памятниками погребение у с. Лосево сближает тип погребального сооружения в виде Т-образной подкурганной катакомбы, меридионально ориентированная входная шахта со ступеньками, овальная камера к северу от шахты, положение погребенного перпендикулярно шахте, его западная ориентировка, наличие остатков мясной заупокойной пищи в виде костей мелкого рогатого скота вместе с железным ножом, преобладание в керамическом комплексе гончарной посуды, среди которой присутствуют характерные типы сосудов с зооморфными ручками.

Бронзовые пряжки обладают диагностическими признаками поясной гарнитуры группы IV (Малашев, 2000. С. 196, 203. Рис. 1, П, 11). Они получают распространение со второй половины IV в. н. э., но встречаются и в начале гуннского времени (Габуев, Малашев, 2009. С. 125). Бусина многоцветного стекла относится к так называемым крапчатым. Ранее этот тип бус датировался широко (Алексеева, 1975. С. 57–58). Сейчас диапазон их бытования сужен до гуннского времени (Мастыкова, 2009. С. 112–114. Рис. 115, *15-18*). Золотые накладки из тонкой перегнутой пластинки с гвоздиками для крепления известны у сарматов с I в. н. э. (Медведев, 2008. С. 118. Табл. 12, в), на Северном Кавказе они доживают до гуннского времени (Казанский, 1995. С 238–256.)[1]. Таким образом, по сочетанию этих находок, а также выразительному набору керамики и обряду погребение у с. Лосево, скорее всего, могло быть совершено в конце IV – начале V в. н. э.

Аммиан Марцеллин сообщает о том, что «гунны, пойдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоеди-нили их к себе» (Amm. Marc., XXXI. 3.1)[2]. Сейчас достаточно хорошо изучено западное направление миграции алан в эпоху Великого переселения народов, маркируемое некоторыми археологическими находками (Mączyńska, 2005. С. 247–255). Вполне вероятно, что публикуемое погребение могло принадлежать алану-танаиту, уцелевшему после гуннского погрома и откочевавшему на север, в глубинные районы Среднего Подонья, не затронутые гуннским вторжением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. // М.: ИА РАН, 1997. 165 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. // САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 94 с.

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. // М.: Менеджер, 2003. 608 с.

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археоло-гические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990. С. 85–87.

Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Таус. С.284–301.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. // М.: Таус, 2009. 468 с.

Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей 4 в. в понтийских степях // МАИЭТ. Вып. 4, 1995. С. 238–256.

Малашев В.Ю. Периодизация ременной гарнитуры позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV–середине VI в. н.э. // М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса // М.: Таус, 2008. 252 с.

Mączyńska M. La question de l´ origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l´époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Aix-en-Provence, 2005. P. 247–255.

1 Авторы выражают признательность доктору исторических наук А.В. Мастыковой за ценные консультации по украшениям из публикуемого погребения.

2 Перевод А. Алеманя (2003. С. 75).

ПОЯСА С РОМБИЧЕСКИМИ НАКЛАДКАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ ТАРАСОВСКОГО I МОГИЛЬНИКА I–V ВВ. Н.Э.)

© 2014 г. В.А. Бернц

Институт истории и культуры народов Приуралья УдГУ, Ижевск
(arch@udm.ru)

Ключевые слова: Тарасовский могильник, мазунинское время, поясные наборы, ромбические накладки.

Резюме. В статье дается характеристика погребений Тарасовского могильника, в которых найдены накладки ромбической формы, анализируется их функциональное назначение и принадлежность к различным наборам украшений одежды раннесредневекового населения Прикамья.

Поясные накладки мазунинского времени достаточно разнообразны (Останина, 1997. С. 257. Рис. 11–14–38). Среди них встречаются накладки ромбической формы, выполненные как из железа, так и из бронзы, известные в материалах Бобья-Учинского, Покровского, Тураевского I, Усть-Сарапульского, Чепанихинского могильников.

Тарасовский могильник I–V вв. н.э. – крупнейший памятник раннего средневековья на территории Прикамья (1880 захоронений, 2096 погребенных) (Голдина, 2003; 2004). Погребения подразделяются на две группы – раннюю (чегандинскую) и позднюю (мазунинскую). В захоронениях каждой из этих групп были обнаружены накладки ромбической формы, отличающиеся техникой изготовления и способом крепления.

В ранней группе ромбические накладки найдены в 10 могилах (№689, 1116В, 1168, 1325, 1502, 1519, 1520, 1588А, 1612, 1637). К основе они прикреплялись с помощью петельки на внутренней стороне накладки. В 2 погребениях кости не сохранились (№1168, 1519; функциональное назначение накладок не ясно), в 2 – пол и возраст не определены (№689, 1612), остальные принадлежат девочкам (№1588А, 1637) и женщинам (№1116В, 1325, 1502, 1520). В 5 из 10 случаях накладки украшали пояса, либо надетые (№1325, 1520, 1612, 1637), либо уложенные слева вдоль тела (№1588А). В 1 случае накладки украшали головной убор (№1116В), в 2 – одежду (№689, 1502).

Ромбические накладки не всегда являются преобладающим типом в поясных украшениях (№1116В, 1520, 1588А, 1637), часто в наборы входили накладки и других форм (№689, 1168, 1325, 1502, 1519, 1588А, 1612). Количество накладок-ромбиков в захоронениях различно – 1–2 (пояс, одежда, нагрудное украшение) или 3 (головной убор) экземпляра; максимальное количество (10, 17 и 24) использовалось как украшение ремня. Застегивались пояса застежками с неподвижным крючком (№1612, 1637), бронзовой бляхой-застежкой (№1325; Красноперов, 2006. Т. II. Табл. 92–2), возможно, железным крючком (№1588А) или завязывались (№1520).

Накладки ромбической формы известны и в других памятниках чегандинской культуры. В погребении №12 могильника Чеганда II (III в. до н.э. – II в. н.э.; по В.Ф. Генингу) 7 накладок входили в ожерелье (Генинг, 1970. Рис. 28). В.Ф.Генинг отмечает, что «бляшки-накладки ромбической формы с ушком сзади немногочисленны и употреблялись на стадии А и в начале Б» (III – начало I в. до н.э.) (1970. Рис. 20). В могильнике Ныргында II (III в. до н.э. – II в. н.э.) в могиле №69 найден поясной набор с ромбическими накладками и застежкой с неподвижным крючком (Красноперов, 2006. Т. II. Табл. 98-3); пояс с ромбическими накладками, имеющими по 2 парных завит-

ка на концах, и железной пряжкой обнаружен в захоронении №204 этого же некрополя (Там же. Табл. 86–3). В могильнике Ныргында I (II–III вв. н.э.) (№320; датируется 2 пол. II в. н.э.) две крупные ромбические накладки с петелькой для крепления расчищены в составе поясного набора (Голдина, Красноперов, 2012. Табл. 193–9,13).

В погребениях поздней группы ромбические накладки, как железные, так и бронзовые, выявлены в 18 могилах (№193, 217А, 335, 336А, 424, 765А, 1028, 1675, 1685, 1714, 1760, 1762, 1779, 1792, 1802). Железные накладки обнаружены в погребениях ребенка (№103) и двух женщин (№751, 998). К коже они прикреплялись с помощью 4 (№998) или 5 (№103, 751) бронзовых гвоздиков со шляпками-полугорошинами. В двух случаях накладки украшали пояса, вытянутые вдоль тел умерших, справа (№998) или слева (№103), в третьем – накладка расчищена в области груди (место ее в костюме не ясно).

Т.И.Останина (1997. С. 59) указывает, что накладки ромбической формы мазунинского времени имеют размеры 0,3-0,6х1,3-1,9 см, крепятся к основе с помощью бронзового штыря, расплющенного на концах; она относит эти накладки к 5 основной группе и датирует их V в. н.э. (Там же. Рис. 51-10).

Бронзовые накладки в Тарасовском могильнике обнаружены в 7 женских захоронениях (№193, 1028, 1675, 1714, 1760, 1762, 1792), в могиле мальчика (№1779) и 4 мужских (№217А, 424, 765А, 1685). В остальных случаях (№335, 336А, 1802) пол и возраст умерших не определены. К коже накладки прикреплялись с помощью бронзовых штифтов. Среди этих 15 могил в одном случае 4 бронзовые накладки обнаружены в жертвенном комплексе (№217А), в остальных – это украшение либо пояса (№193, 335, 336А, 424, 1028, 1675, 1714, 1760, 1762, 1792, 1779, 1802), либо портупейного (№765А) или уздечного (№1685) ремней. Большая часть поясов была уложена справа (7 могил; №193, 424, 1675, 1760, 1762, 1779, 1802) или слева (4, в том числе портупея с мечом; №335, 336А, 765А, 1028) вдоль тел погребенных, в двух случаях (№1714, 1792) пояса были надеты на умершего; уздечный набор лежал слева в ногах (№1685).

Погребение 217А отличается от остальных могил поздней группы с ромбическими накладками – судя по вещевому комплексу, оно наиболее раннее среди них. Накладки из этой могилы близки более ранним экземплярам (техника изготовления и более крупные размеры), хотя для крепления использовался уже бронзовый штифт, а не петелька. Эти накладки входили в состав жертвенного комплекса, что для могил Тарасовского некрополя нетипично.

Накладка из погребения 765А (портупейный ремень) также несколько отличается от остальных – к ремню она прикреплялась с помощью тонкой бронзовой пластинки, вставленной в отверстие и разогнутой с внутренней стороны в разные стороны.

Количество накладок в остальных погребениях (за исключением разрушенной могилы №1760, в которой сохранилось 2 экз.) различно – от нескольких экземпляров (1, 2, 7-8) до нескольких десятков (13, 16, 18, 22, 48, 52, 58); максимальное количество – 94-95.

Пояса с ромбическими накладками либо завязывались (№1792), либо застегивались с помощью бронзовых пряжек двумя способами: 1) конец ремня (с наконечником или без него) продевался в пряжку, протягивался до нужной длины и застегивался, при этом свободный (если позволяла длина) конец ремня свисал вниз вдоль ноги (№424, 335, 336А, 1028, 1675, 1714, 1762, 1779); 2) к полностью занятой накладками основе пояса изнутри пришивался дополнительный кожаный ремень, конец которого (с наконечником или без него) пропускался в кольцо пряжки (№193, 1802); в этом случае свободный конец основного пояса свисал вниз вдоль ноги (Красноперов, 2006. Т. II. Табл. 106–1; 109–3).

Ромбические накладки известны в могилах некрополей Башкирии, например, в Старо-Кабановском (7 погребений); авторами публикации они отнесены к типу 1 (размеры 1,3–1,7х0,4–0,5 см), крепились к ремню с помощью бронзового штыря через отверстие в центре (Васюткин, Останина, 1986. С. 73). Также они известны в поздних погребениях Бирского могильника, но там они имеют большие размеры (3,0х1,4 см) и выполнены в другой технике (Мажитов, 1968. Табл. 6-22; Амброз, 1980. Рис. 7–20).

Н.А.Лещинская, анализируя вятские древности I – начала II тыс. н.э., относит ромбические накладки к 4 хронологической группе и датирует их V в. н.э. (Лещинская, 1995. С. 92. Рис. 10-24).

В.Б.Ковалевская выделяет ромбические накладки в отдел 7 (340 экз.); она указывает, что бронзовые и одна серебряная, чеканенные или вырезанные из пластинки, плоские в сечении, прикреплявшиеся с помощью шпеньков, очень мало варьирующие размеры со средней шириной накладки 1,3 см при длине 2,2 см, происходят из погребений V–VI (232 экз.) и VI–VII (108 экз.) вв. н.э. Башкирии, и являются основным и почти единственным типом накладок на кожаных поясах населения, оставившего Бирский могильник (Ковалевская, 2000. С. 149. Рис. XII–26–27).

В целом, по материалам 18 погребений Тарасовского могильника, в которых найдены накладки ромбической формы, можно отметить, что если в ранних погребениях бронзовые накладки (железные в ранней группе не найдены) использовались как для украшения одежды, головных уборов, входили в состав нагрудных украшений, а также поясов, то в поздних материалах они, как правило, украшали пояса или ремни. Можно предположить, что за счет упрощения технологии изготовления и уменьшения размеров накладок их количество на одном поясе значительно увеличивается – до 48–58 и 94–95 экземпляров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С.3–56.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. Ижевск: Удмуртия, 1986. С.64–125.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып.10. Свердловск-Ижевск: [б.и.], 1970. 224 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т.II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т.I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 317 с.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. // Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып.2. Стеклянные бусы и поясные накладки. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс… канд. ист. наук. Т.II // Архив ИИКНП. Ф.4/1. Д.86а.

Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильник бассейна р.Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Удмуртский университет, 1995. С.88–128.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М: Наука, 1968. 163 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

ПАМЯТНИКИ БИЧЕВНИЦКОГО КУЛЬТУРНОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА[1*]

© 2014 г. И.О. Васкул

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар (Vaskul@mil.illhkomisc.ru)

Ключевые слова: Европейский Северо-Восток, культурный тип, ранний железный век, погребальные комплексы, керамика, хронология.

Резюме. В работе, на основе материалов новейших археологических раскопок, дается характеристика памятников бичевницкого культурного типа, на основе радиоуглеродных датировок, наблюдения над встречаемостью вещей в комплексах обосновывается их хронологическая позиция.

К бичевницкому культурному типу в археологии Европейского Северо-Востока эпохи железа относят памятники, в составе инвентаря которых содержится глиняная посуда, основными типообразующими признаками которой являются: чашевидная форма сосудов с утолщенной трапециевидной шейкой, примесь дресвы в тесте, оттиски зубчатого штампа по венчику, украшение верхней части тулова сочетанием наклонных вдавлений, каннелюр, глубоких ямок, печатных зубчатых отпечатков в виде зигзага и наклонных оттисков. Вариантами являются сосуды с равноутолщенной прямой или отогнутой шейкой, закрытые чаши, декорированные только ямками и каннелюрами или ямками гребенкой и каннелюрами, а также включающие отпечатки шнура и фигурные оттиски (Мурыгин, 1992).

Впервые подобная керамика была найдена В.С. Адриановым во время раскопок Усть-Полуйского городища-святилища. В.И. Мошинская, анализируя керамический комплекс этого памятника, выделила ее в первую, наиболее раннюю, группу сосудов (Мошинская, 1953. С. 107–111).На территории Европейского Северо-Востока первые находки бичевницкой керамики связаны с исследованиями в 1940–1950 гг. геолога Г.А. Чернова, археологов Г.М. Бурова, В.И. Канивца, В.Е. Лузгина в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Эти открытия позволили В.И. Канивцу выделить местный печоро-вычегодский культурный тип, сформировавшийся, по его мнению, под воздействием усть-полуйской культуры (Канивец, 1964. С. 64). За 50 лет прошедшие с момента выхода книги этого исследователя сложилась проблематика, включающая вопросы хронологии, генезиса и этнокультурной принадлежности бичевницких древностей. Наблюдается несколько исследовательских подходов в вопросах датировки, генезиса и этнокультурной интерпретации памятников бичевницкого культурного типа (Канивец, 1964. С. 64; Буров, 1989, С. 7–8, 29; Чеснокова, 1993. С. 131–137; Мурыгин, 1985. С. 81–97; 1992; 2013. С. 84–98). В то же время разработка бичевницкой проблематики базировалась в основном на материалах из разведочных сборов и небольших раскопок поселений и жертвенных мест. Исследования 1990-х – 2000-х гг. позволили расширить круг источников, характеризующих бичевницкий культурный тип. Это связано с открытием погребений с глиняной посудой бичевницкого типа в бассейне р. Печора. На Вычегде и Печоре были обнаружены новые поселения с бичевницкой керамикой, получены первые радиоуглеродные даты. Все это дает возможность охарактеризовать бичевницкие древности с учетом новых источников.

1 Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 12-П-6-1002.

Всего в настоящее время на территории Европейского Северо-Востока известно более 40 пунктов с керамикой бичевницкого типа. Они выявлены в Большеземельской тундре, бассейне р. Печоры, на водораздельных озерах центрального Тимана, верхней и средней Вычегде. За пределами региона памятники с керамикой бичевницкого типа известны в Нижнем Приобье, на Ямале, в Верхнем Прикамье.

Наиболее представительной категорией памятников являются поселения. Они расположены по берегам озер и рек на I – III надпойменных террасах. При этом если на средней и верхней Вычегде поселения расположены, как правило, на высоте 6–8 м над уровнем водоема, то на Печоре пункты с бичевницкой керамикой отмечены также на террасах высотой 17–20м. В ходе раскопок на поселениях расчищены наземные кострища и очажные ямы. Основными находками являются фрагменты глиняной сосудов. Значительно реже встречены кремневые скребки на отщепах, железные и бронзовые изделия, бусы.

В ходе раскопок Шиховского могильника на Печоре (Васкул, 2002. С. 17–20), могильника у оз. Пожемты на Усе (правый приток р. Печора) и могильника Сэбысь на Ижме (левый приток р. Печора) исследованы комплексы, содержащие в своем составе бичевницкую керамику (Багин, 2007. С. 107–112). Все кладбища расположены на боровых террасах. Могильники Шиховской и на оз. Пожемты – грунтовые, на Сэбысьском зафиксированы грунтовые захоронения и погребения под курганными насыпями. Различия между памятниками прослеживаются в обряде погребения. Захоронения Шиховского могильника и могильника на оз. Пожемты совершены в ямах прямоугольной, овальной и округлой в плане формы. В могильных ямах расчищены остатки погребальных внутримогильных сооружений, зафиксированы следы воздействия огня. Рядом с могилами и над ними прослежены пятна прокалов и кострища. Обряд захоронения – кремация, частичная кремация, захоронения отдельных частей тела. Вещевой инвентарь находился в засыпи и на дне могильных ям. Погребения с бичевницкой керамикой датируются первой половиной – серединой I тыс. н.э. Курганные насыпи Сэбысь имели прямоугольную и округлую в плане формы, под ними содержалось от одного до четырех захоронений. Могильные ямы прямоугольной, реже овальной и шестиугольной формы. Зафиксированы заплечики, на которых прослежены остатки обугленных плашек, на дне могил расчищены остатки бересты. Обряд погребения – ингумация. Вещевой инвентарь располагался на древней дневной поверхности, на заплечиках, над прослойками костного тлена и в них. Могильник датируется концом V–VI вв. н.э. Наряду с бичевницкой на могильниках исследованы погребальные комплексы с посудой других культурных типов.

Бичевницкая керамика найдена также во время раскопок культовых памятников – в Канинской пещере на верхней Печоре (Канивец, 1964) и на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте в Большеземельской тундре (Мурыгин, 1992).

Длительное время керамика являлась единственным источником при решении вопроса о генезисе памятников бичевницкого культурного типа. Как совершенно справедливо отмечает А.М. Мурыгин, в формировании глиняной посуды бичевницкого типа прослеживаются два компонента: местный (пиджская археологическая культура гляденовской общности) и пришлый (по его мнению, привнесенный из Большеземельской тундрыили через нее) (Мурыгин, 2013. С. 84–95). В результате исследований могильников в бассейне средней и нижней Печоры получена возможность, пусть и на ограниченном материале, выдвинуть предположение о преемственности в развитии погребальной обрядности населения на этой территории во второй I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э., проследить некоторые параллели в погребальном обряде кулайской культуры (Васкул, 2002. С. 19–21). Присутствие бичевницкой керамики в материалах Сэбысьского могильника конца V–VIвв. н.э. отражает контакты печорского (бичевницкого) и вычегодского населения и свидетельствует о сложности этнокультурных процессов в регионе в это время.

Сложным является вопрос о хронологии бичевницких древностей. Радиоуглеродные датировки, полученные для погребения

29 Шиховского могильника (Васкул, 2002. С. 19) и погребения могильника на оз. Пожемты (Селезнева, Васкул, 1994. С. 54) позволяют уверенно говорить о III в. н.э. (а возможно и несколько более раннем времени) как о нижнем хронологическом рубеже существования памятников бичевницкого культурного типа. Не противоречат подобной датировке и материалы из других погребальных комплексов, раскопок поселений, где найдены бронзовые и железные изделия, фаянсовые и стеклянные золоченые бусы, характерные для первой половины I тыс. н.э. По всей видимости, верхним хронологическим рубежом существования древностей с керамикой типа поселения Бичевник I является VI – начало VII в. н.э. Об этом свидетельствуют материалы могильника Сэбысь на Ижме и радиоуглеродная дата погребения п. 45 Шиховского могильника: 1340+/–16 лет от наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров Г.М. Железный век Крайнего Европейского Северо-Востока (от начала до VIII столетия н.э.). Симферополь, 1989. 48 с. (депонирована № 38239).

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) // Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 451. Сыктывкар, 2002. 52 с.

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.

Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // Древняя история Нижнего Приобья. МИА; № 35. М.: изд-во АН СССР, 1953. С. 107–120.

Мурыгин А.М. Поселения бичевницкого типа на Печоре и Вычегде и их место в истории североуральского населения // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985. С. 81–97.

Мурыгин А.М. ПечорскоеПриполярье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.

Мурыгин А.М. Некоторые вопросы взаимодействия населения на крайнем северо-востоке Европы в середине I тыс. н.э. и их роль в формировании культур эпохи раннего средневековья // Культурные связи населения европейского Северо-Востока в древности и средневековье. Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН. С. 84–98.

Селезнева О.М., *Васкул И.О*. Новые данные об этнокультурных связяхнаселения Европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии. Сб. науч.тр. Вып. 1/ Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2004. С. 52–57.

Чеснокова Н.Н. Этнокультурные процессы раннего средневековья в бассейне р. Печоры // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. Ч. II. Археологическое изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 131–137.

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ АРЕАЛА ПАМЯТНИКОВ ТИПА ПОЧЕПА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. А.М. Воронцов

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
(amvorontsov@gmail.com)

Ключевые слова: памятники типа Почепа, мощинская культура, римское время.

Резюме. Памятники типа Почепа (от Почеп) относятся к группе позднезарубинецких древностей и занимают территорию Подесенья (от Десна). Особый интерес памятники типа Почепа вызывают в связи с изучением проблемы возникновения мощинской (от Мощино) культуры, в формировании которой приняли участие носители позднезарубинецких традиций, вероятнее всего население памятников типа Почепа. Наиболее ранние памятники мощинской культуры датируются серединой III в., а памятники типа Почепа, надежно датируются только в рамках I в. Для решения вопроса происхождения мощинской культуры необходимо найти группу памятников, заполняющую эту хронологическую лакуну. И.К. Фроловым в 60-80-е годы XX в. на реках Навля (бассейн Десны), Вытебеть и Цон (бассейн Оки), а также в долине самой Оки, были открыты группы неукрепленных поселений типа Почепа (Рис. 1), изучение которых вероятнее всего даст необходимый материал для разрешения проблемы происхождения мощинской культуры.

Памятники типа Почепа относятся к группе позднезарубинецких древностей и занимают территорию Подесенья (Обломский, 2003. С. 10–20. Рис. 3, 4, 11). Выделение этой группы памятников основано на работах Ф.М. Заверняева, А.К. Амброза, И.К. Фролова (Амброз, 1964; Заверняев, 1960; 1969; Фролов, 1979). К сожалению, материалы исследований поселений опубликованы не полностью, коллекции частично утрачены, частично депаспортизированы. Таким образом, в настоящий момент состояние изучения этой группы памятников далеко от современного научного уровня.

В настоящее время можно говорить о том, что памятники типа Почепа достоверно существуют в I в. н.э., а верхняя их хронологическая граница неопределенна (Обломский, 2003. С. 12).

Особый интерес памятники типа Почепа вызывают в связи с изучением проблемы возникновения мощинской культуры. Принятая сейчас концепция связывает ее формирование с взаимодействием местной верхнеокской культуры с «пришлыми элементами из Подесенья», с памятников типа Почепа (Седов, 1982. С. 43; Массалитина, 1994. С. 7).

Современные данные позволили опровергнуть тезис об участии в формировании мощинских древностей носителей верхнеокской культуры раннежелезного века (Столяров, 2010). Кроме того, на территории основного ареала мощинской культуре хронологически предшествуют памятники типа Ново-Клеймёново, также генетически не связанные с ней (Воронцов, 2013. С. 15–22; Массалитина, 2010. С. 12).

Тезис же об участии в ее формировании носителей позднезарубинецких традиций, вероятнее всего населения памятников типа Почепа, споров не вызывает. Подробного сравнения материалов исследований памятников мощинской культуры и типа Почепа до сих пор не проводилось, за исключением работы И.К. Фролова, доказывающей преемственность традиций домостроительства в Подесенье и на верхней Оке (Фролов, 1979). Такое сравнение, в первую очередь осложняется тем, что наиболее ранние памятники мощинской культуры датируются серединой III в., а памятники типа Почепа, как уже упоминалось, надежно датируются только в рамках I в. Таким образом, для решения вопроса происхождения мощинской культуры необходи-

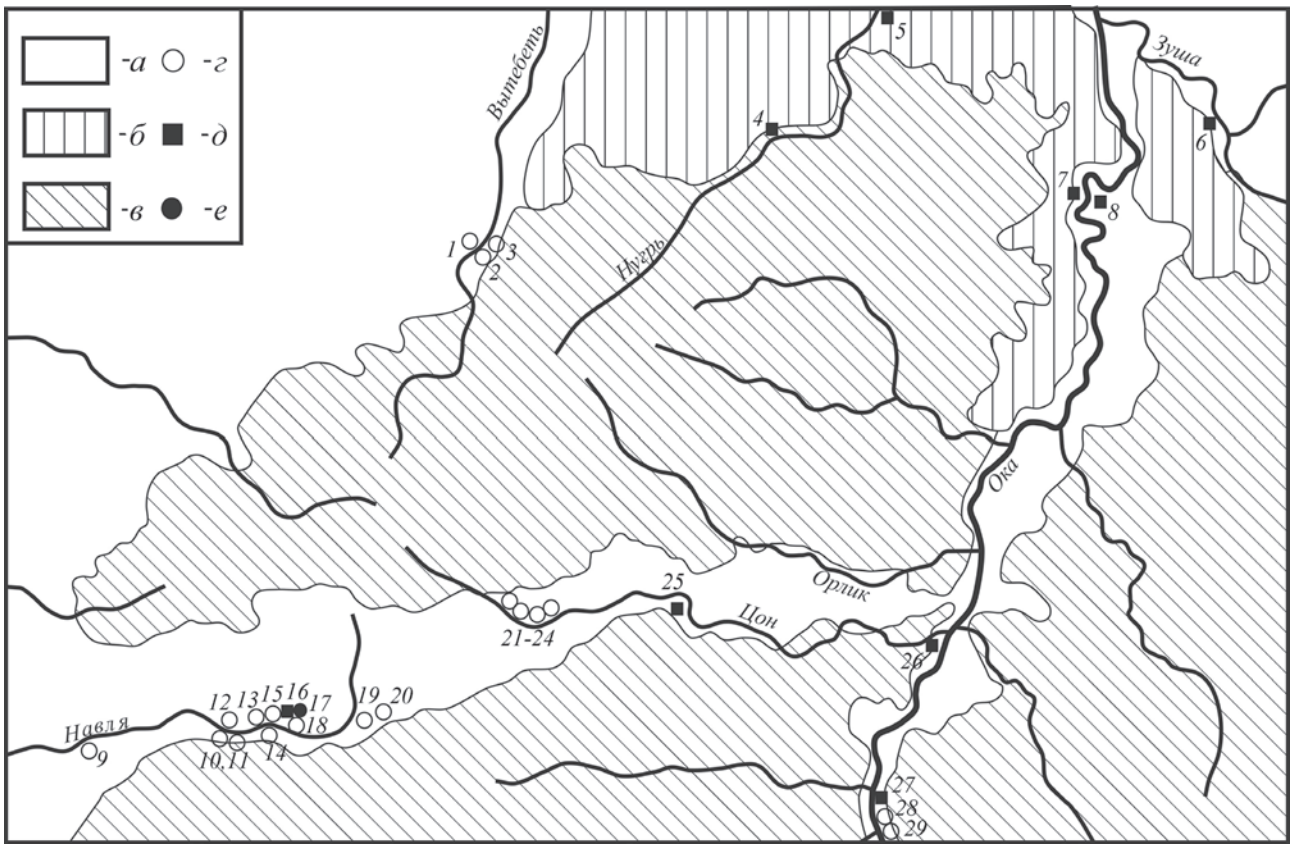

Рис. 1. Памятники типа Почепа и мощинской культуры на территории Орловской области и ландшафтная ситуация – по: Давыдчук, Фролов, 1976 с изменениями и дополнениями. *а* – ландшафты низких аккумулятивных равнин, расчлененных балками, сложенных водноледниковыми песками, супесями и суглинками с подзолистыми и дерново-подзолистыми почвами, под сосновыми и дубово-сосново-еловыми лесами; *б* – ландшафты высоких равнин, расчлененных оврагами и балками, сложенных водноледниковыми суглинками, со светло-серыми и серыми лесными почвами, под елово-дубово-липовыми лесами; *в* – ландшафты высоких равнин, расчлененных оврагами и балками, сложенных лёссовидными карбонатными суглинками, с черноземами и темно-серыми лесными почвами, под дубово-липовыми лесами; *г* – селища типа Почепа; *д* – городища мощинской культуры; *е* – селища мощинской культуры. *1* – Булатово 1, *2* – Булатово 2, *3* – Булатово 3, *4* – Рожково, *5* – Кишкино, *6* – Мценск, *7* – Сторожевое, *8* – Торкуновка, *9* – Партизанское, *10* – Сомово 4, *11* – Сомово 5, *12* – Сомово 3, *13* – Железное городище 1, *14* – Железное городище 2, *15* – Железное городище 5, *16* – Железное городище, городище, *17* – Железное городище 3, *18* – Железное городище 4, *19* – Глыбочки 1, *20* – Глыбочки 2, *21* – Мешково 3, *22* – Мешково 2, *23* – Мешково 1, *24* – Мешково 4, *25* – Комаровское, *26* – Знаменка, *27*– Лужки, *28* – Гуторово 1, *29* – Гуторово 2.

мо найти группу памятников, заполняющую эту хронологическую лакуну, причем ее существование возможно только за пределами ее основного ареала, занятого во II – нач. III в. памятниками типа Ново-Клеймёново.

Единственным регионом, в котором пересекаются ареалы памятников типа Почепа и мощинской культуры, и, в то же время, не занятым памятниками типа Ново-Клеймёново, является территория современной Орловской области (рис. 1). И.К. Фроловым в 60-80-е годы XX в. на реках Навля (бассейн Десны), Вытебеть и Цон (бассейн Оки), а также в долине самой Оки, были открыты группы неукрепленных поселений типа Почепа. Одно из поселений – селище Железное городище 2 на р. Навле, было им частично раскопано в 1968 и 1970 гг. (Фролов, 1979).

В статье В.С. Давыдчука и И.К. Фролова был затронут очень важный для понимания процесса проникновения позднезарубинецкого населения на территорию верхней Оки вопрос – о ландшафтной приуроченности различных по культурной принадлежности памятников (Давыдчук, Фролов, 1976). После корректировки приведенной в их статье карты получается следующая картина (см. *рисунок, 1*). Памятники типа Почепа расположены только в границах ландшафтов, типичных для Брянско-Жиздринского полесья (см. *рисунок*, *а*), и продвигаются в бассейн верхней Оки, в другие ландшафтные зоны, по долинам рек, имеющих «привычные» для них географические условия.

Мощинские памятники, расположенные в Орловской области, относятся к самой южной части ареала культуры. В основном они располагаются в своих типичных ландшафтах высоких равнин, расчлененных оврагами и балками, сложенных водноледниковыми суглинками, со светло-серыми и серыми лесными почвами (см. *рисунок*, *б*). Только небольшая группа поселений продвигается на юго-запад по долинам р. Ока, Цон и Навля, где и занимают территорию восточной части ареала памятников типа Почепа. Данных о хронологии памятников этой группы в настоящий момент ограничиваются материалами раскопок городища Лужки (см. *рисунок*, *27*), с которого происходят двучленная прогнутая подвязная фибула и браслет с расширяющимися концами, позволяющие датировать слой в рамках IV–V вв. (Никольская, 1970. С. 89).

По всей видимости, памятники именно этого региона могут претендовать на роль переходных между рассматриваемыми культурными группами. Их изучение должно дать ответ на вопрос о путях проникновения позднезарубинецкого населения на верхнюю Оку, а также, ликвидировать хронологический разрыв между памятниками типа Почепа и ранними памятниками мощинской культуры. Наиболее перспективным объектом исследования представляется группа памятников у бывшей д. Железное городище (см. *рисунок*, *13–18*), включающая в себя три селища типа Почепа (один из которых согласно данным шурфовки имеет более ранний горизонт типа Полужье) и городище и селище мощинской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // СА. 1964. №1. С. 56–71.

Воронцов А.М. Новые находки предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей с памятников Окско-Донского водораздела // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10-16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 86–93.

Воронцов А.М., Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2013. 173 с.

Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. // КСИА. Вып. 146. М.: Наука, 1976. С. 11–17.

Заверняев Ф.М. Селища бассейна р.Судости // СА. 1960. №3. С. 180–194.

Заверняев Ф.М. Почепское селище // МИА. №160. Л.: Наука, 1969. С. 88–118.

Массалитина Г.А. Мощинская культура // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архив ИА, Р–II, № 2567. М.,1994. 253 с.

Массалитина Г.А. Керамика нижнего слоя городища Серенск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 9–29.

Никольская Т.Н. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970. С. 83–90.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.) // Раннеславянский мир. Вып. 5. М.: Наука, 2003. 255 с.

Седов В.В. Восточные славяне и их соседи в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.

Столяров Е.В. К вопросу о преемственности культур бассейна Верхней Оки эпохи раннего железа и римского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 30–48.

Фролов И.К. О домостроительстве первой половины I тысячелетия н.э. на территории Подесенья и Поочья // СА. 1979. №1. С. 63–72.

ЗАМЕТКИ О ДАТИРОВКАХ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМИ МЕТОДАМИ

© 2014 г. И.О. Гавритухин

Институт археологии РАН, Москва
(gavritukhin@rambler.ru)

Ключевые слова: славяне V–VIII вв., дендрохронология, радиоуглеродный, термолюминисцентный, археомагнитный методы.

Резюме. В работе рассматривается ряд результатов применения к исследованию славянских культур V–VIII вв. дендрохронологии, радиоуглеродного, термолюминсцентного, археомагнитного методов. Акцентируется внимание на особенностях получаемых датировок, соотношении результатов применения разных методов, в т.ч. «традиционных», интерпретации результатов.

Активное применение естественнонаучных методов в изучении раннеславянских культур было начато коллегами из ГДР и продолжается в рамках объединенной Германии. Существенными достижениями в этом направлении мы обязаны также работам в Польше, Словении, Хорватии. Активизировались такие исследования в Чехии, Словакии, Австрии. В России, Белоруссии, Румынии, на Балканах они единичны, а в ряде обширных регионов не проводились вовсе. Это касается и Украины, за исключением представительной серии археомагнитных дат, о чем будет сказано ниже. Появились региональные обзоры достижений и проблем в этой области (Dulinicz, 2001; 2007; Pleterski, 2010), в 2008 г. во Вроцлаве в 2013 г. была проведена специальная конференция.

Наиболее надежны дендродаты. Показательны случаи, когда они получены для большого числа образцов из одной конструкции. Постройка дома 1 на селище Краков – Нова Гута 5В, Выцёнже (рис. 1Б; Krąpiec, 1996) с учетом утраты верхних колец деревьев датирована после 620 г., или второй четвертью VII в. Наряду с деревьями, срубленными сравнительно незадолго до строительства, довольно много образцов относится к последним десятилетиям V – началу VI в. Из возможных объяснений наиболее приемлемой представляется точка зрения о вторичном использовании дерева из более ранних построек. Еще более показательны результаты дендрохронологического анализа досок из колодца на селище Скшипник 8 (рис. 1, *А*; The Early … 2013. P. 112, 128, 130). Есть и другие случаи, когда

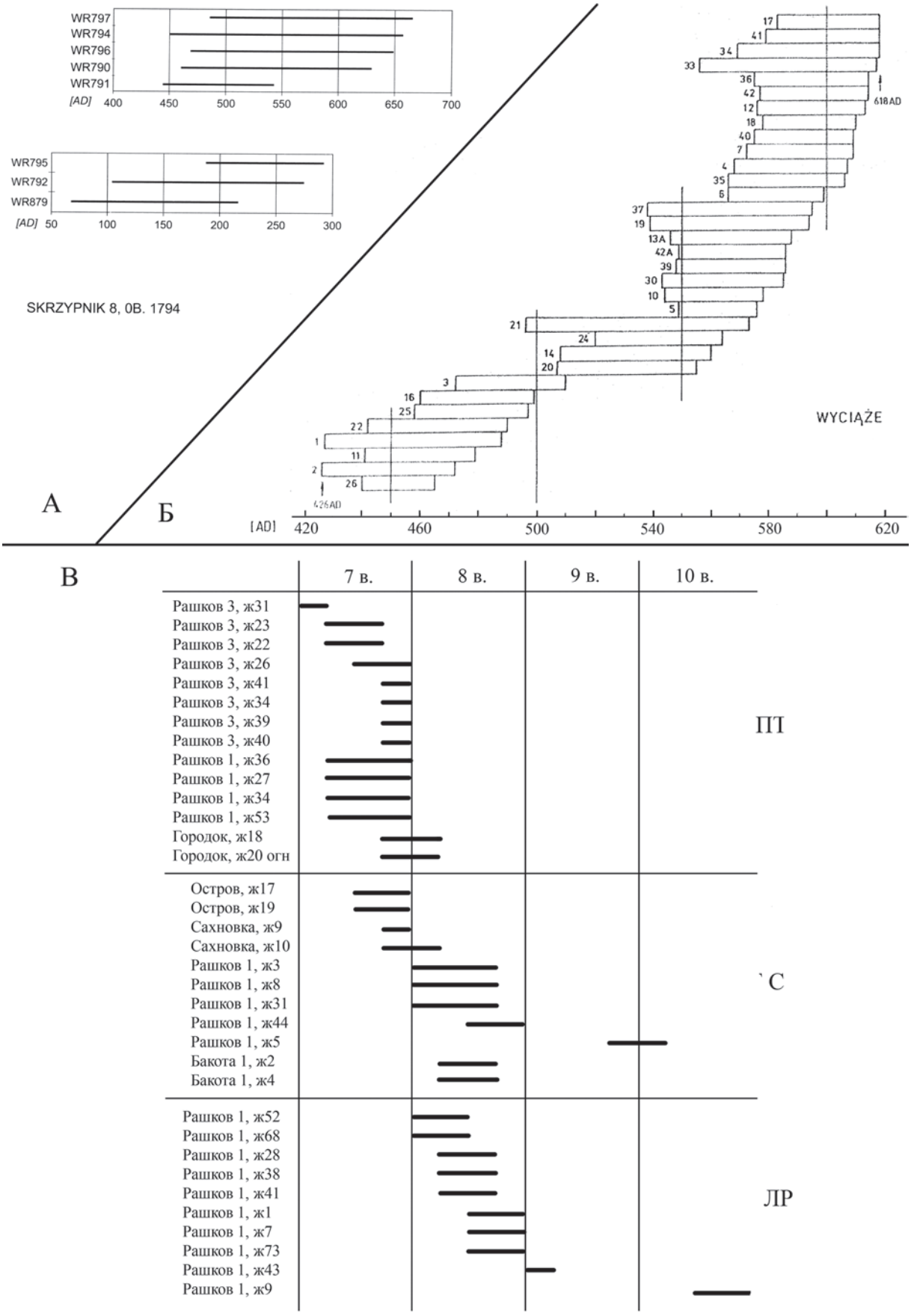

Рис. 1. *А* – результаты дендрохронологического анализа колодца на селище Скшипник 8; *Б* – результаты дендрохронологического анализа дома 1 на селище Краков – Нова Гута 5В, Выцёнже; *В* – результаты археомагнитных анализов на раннеславянских памятниках Среднего Поднестровья и Среднего Поднепровья.

использовано дерево, существенно старше, чем конструкция или слой, где оно найдено (напр., Суков, Альт-Любек; см. Dulinicz, 2001. S. 30, 32, 288–289, 293–294). Но известны и случаи использования в конструкции деревьев приблизительно одного возраста и срубленных за 1–2 года (напр., The Early … 2013. P. 136, Tab. 1, phase I). Дендрохронологический анализ одного образца, строго говоря, дает лишь terminus post quem (как, напр., монета), но надежность дат существенно повышается по мере увеличения числа анализов, соотнесения их с контекстом памятника и т.д.

Для некоторых раннеславянских памятников Германии (в т.ч. для одной конструкции) получены как дендро, так и радиоуглеродные даты. Иногда результаты близки, но в ряде случаев радиоуглеродный анализ дает существенно более ранние даты. Дискуссия по этому поводу продолжается (см. материалы и обзоры в: Dulinicz, 2001. S. 35–37; The Early … 2013. P. 17–18).

Для объекта 291 на селище Храдиско-13 близ Хелма получены радиоуглеродная дата 420–570 гг. (с вероятностью 95,4%; 430–540 гг. – 68,2 %) и термолюминсцентные даты для двух сосудов – 441–587 гг. и 631–763 гг. (The Early … 2013. P. 31–34, 40). Если оставить за скобками вероятность погрешностей анализов, можно предположить, что поздний сосуд попал в котлован после того, как дом был разрушен, тем более, что среди керамических форм из этого объекта есть как типологически довольно поздние (по одному из них и получена поздняя дата), так и архаичные. Отсутствие в публикации стратиграфических разрезов и описаний, указаний, откуда взяты пробы и где были найден каждый фрагмент сосудов, делает невозможным корректную интерпретацию.

Особый круг вопросов связан с исторической интерпретацией результатов. Так, отсутствие надежных дендродат ранее VIII в. для славянских памятников на северо-востоке Германии приводит ряд исследователей к выводу о довольно позднем (около конца VII в.) заселении славянами этих земель. Однако большинство дендродат получено для городищ, а на селищах – колодцев. Даже в наиболее ранних комплексах, датированных таким образом, найдена типологически поздняя пражская (суковская) керамика, нередко в сопровождении сосудов, сделанных на круге и/или орнаментированных. При этом на территории Германии, в тех же зонах, где проводились дендрохронологические исследования, известны памятники и с явно более архаичным набором посуды. Кроме того, и на других территориях пока не известно ни одного достоверно славянского колодца с дендродатами ранее 4-й четверти VII в., а заселение славянами этих земель в существенно более раннее время не вызывает сомнения. То есть выборка дендродат такова, что дает хороший источник для датировки появление поселений, снабженных колодцами, активного строительства городищ и т.д.

Для изучения других процессов, например, славянского расселения, возможности применения дендрохронологии пока не велики, но и здесь можно указать на ряд возможностей. На приведенном примере с постройкой на селище Выцёнже, если принять объяснение ранних дендродат вторичным использованием дерева, можно говорить о строительной активности на Верхней Висле в конце V – начале VI в. В отношении этого региона нет данных о столь позднем сохранении пшеворского населения, но известны весьма архаичные пражские памятники. Для пшеворского селища Свильча, так же на Верхней Висле, неоднократно упоминалась (к сожалению, без развернутой публикации) дендродата 433(+10). Если ее принять (дата фибул и др. находок вполне ей соответствуют; Mączyńska, 2004), появляется возможность датировать смену культур в регионе в промежутке 2-й половины V – начала VI в.

Неоднократно обращалось внимание, что применение естественнонаучных методов особенно эффективно в комплексе с другими, в т.ч. «традиционными» методами анализа. На селище Мурска Собота – Нова табла (Словения) серия радиоуглеродных дат хорошо соотносится с керамическими находками (рис. 2; приведены комплексы только с лепной керамикой; по материалам в: Pleterski, 2010). Выделяются группа комплексов с датами «конец 560-х – 640-650-е гг.», где господствует сильно профилированная керамика, в т.ч. с внешним срезом венчика (к ним, вероятно, примыкает бедный комплекс с датой 613-

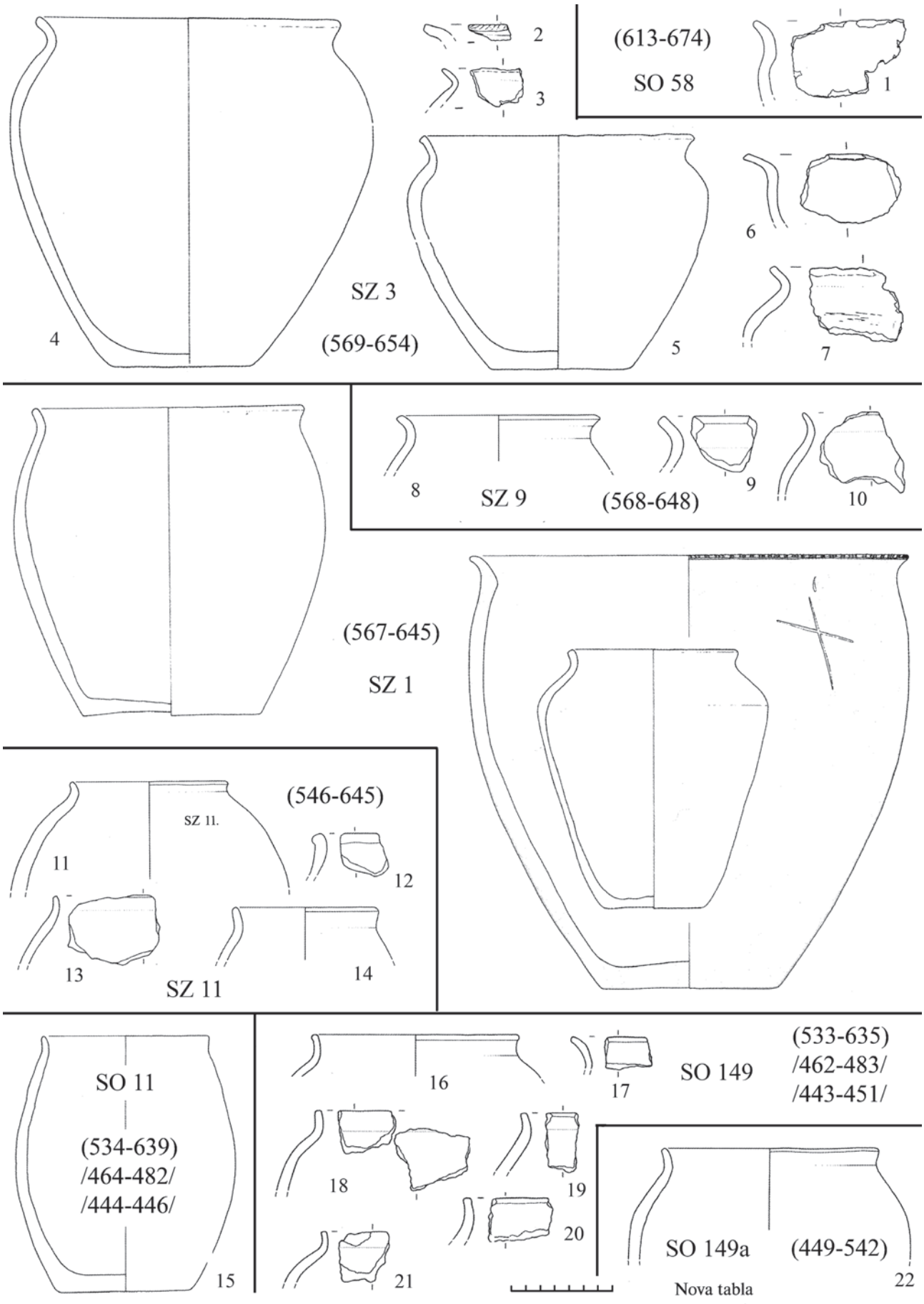

Рис. 2. Селище Мурска Собота – Нова табла. Керамика и результаты радиоуглеродного анализа по комплексам.

674 гг.), и группа с датами «530-540-е – 630-640-е гг.» (в косых скобках приведены даты с существенно меньшей вероятностью) в которой господствуют горшки с короткими прямыми или слабо отогнутыми венчиками. Такой же сосуд найден в объекте с датой 449-542 гг. Интерпретация этих данных уже вызвала дискуссию. Тем не менее, сейчас можно увереннее говорить о появлении славян у восточных отрогов Альп не позднее конца VI – начала VII в. Исторически и методически важно наблюдение, что тенденция эволюции керамического комплекса приальпийских славян была такой же, как в других зонах пражской культуры.

Интересны результаты археомагнитных датировок комплексов финала пражской культуры и культуры Луки райковецкой, полученные в основном для Среднего Поднестровья. Надежность выводов повышает то, что все анализы сделаны в одной лаборатории под единым руководством. Как видно из таблицы (рис. 1В; составлен по: Баран В.Д., 1988; Баран Я.В., 2004; Михайлина, 2007), комплексы с неорнаментированной позднепражской керамикой (ПК) меняются явно более поздними комплексами культуры Луки райковецкой (ЛР). Комплексы с только лепной керамикой, в т.ч. орнаментированной по венчику пальцевыми вдавлениями (С), частично синхронны тем и другим. Приводимые абсолютные даты пока следует рассматривать как условные, поскольку эталонами для них служили датировки, предоставляемые археологами (Русаков, Загний, 1978). Необходимо и широкое обсуждение разными специалистами этого метода и интересующего нас опыта его применения. Однако уже имеющийся результат позволяет ставить вопрос о том, что как минимум для Поднестровья существующие хронологические схемы (последовательные ступени: ПК – V – VII вв., С – VIII в. или его 1-я половина и середина, ЛР – с IX или 2-й половины VIII в.) слишком прямолинейны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев: Наукова думка, 1988. 160 с.

Баран Я.В. Слов'янська община. Київ; Чернівці: Зелена Буковина, 2004. 192 с.

Михайлина Л. Слов'яни VIII-X ст. між Дніпром І Карпатами. Київ: ИА НАНУ, 2007. 300 с.

Русаков О.М., Загний Г.Ф. Датировка археологических памятников археомагнитным методом // Использование методов естественных наук в археологии. Киев: Наукова думка, 1978. С. 61–68.

Dulinicz M. Kształowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej. Studium archeologiczne. Warszawa: IAE PAN, 2001. 323 s.

Dulinicz M. Wczesnosłowiańskie objekty archeologiczne na południe od Karpat, Sudetów i Rudaw datowane metodami bezwzględnymi // Archeologia Polski. LII. 2007. S. 81–130.

Krąpiec M. Dendrochronologiczne datowanie zwęglonych prób drewna z wczesnośredniowiecznej półziemianki z Krakowa - Nowej Huty - Wyciąża (stanowisko 5B) // Materiały Archeologiczne Nowej Huty. 19: Kraków, 1996. S. 129–135.

Mączyńska M. Zmierzch kultury przeworskiej // Wandalowie. Strażnicy Bursztynowego szlaku. Katalog wystawy // Koncepcija i proekt A. Kokowski. Lublin; Warszawa: UMCS, 2004. S. 191–198.

Pleterski A. Zgodnjesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. Ljubljana: ZRC SAZU, 2010. 261 s.

The Early Slavic Settlement in Central Europe in the light of new evidence / Eds. M. Dulinicz, S. Woździoch. Wrocław: IAE PAS, 2013. 260 s.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАЛАСА-СЫРТСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ.)[1]

© 2014 г. Л.Б. Гмыря

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала (1gmyrya@mail.ru)

Ключевые слова: Паласа-сыртский курганный могильник, этнокультурные особенности кочевых сообществ Западного Прикаспия, отражение социальной структуры общества в погребальных традициях.

Резюме. В статье исследуются особенности этнокультурного развития и социальной организации политических образований кочевников Западного Прикаспия в эпоху Великого переселения народов. Обозначенные вопросы рассмотрены на материалах 4-х обособленных групп захоронений Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. Автором выделены некоторые специфические показатели археологической культуры, характерные для этнообразующих групп населения.

Определение этнокультурной принадлежности памятников степного населения Евразии времени Великого переселения народов по археологическим данным остается до настоящего времени проблематичным. Все усилия обозначить по данным археологии этноопределяющие черты, к примеру гуннов, пока не дали существенных результатов. Выявленные в полосе Великой Степи могильники IV–V вв. н.э. считаются относящимися к заключительному этапу сарматской культуры, включая и раннеаланский компонент.

Наличие объективных препятствий в выделении этномаркеров в материальной культуре кочевого населения времени гуннского движения (полиэтничность групп населения – участников масштабной миграции, однообразие форм погребальных сооружений в ареале Великой степи, слабая дифференциация по этническим признакам основных составляющих погребальных комплексов кочевников и др.) побуждает к поиску проявлений специфических признаков материальной и духовной культуры, отражающих внутренние представления этноса о самом себе. Такие показатели являются объективными в сравнении с исследовательскими заключениями.

Как показывают этнографические материалы, обособленные группы населения выделяли себя среди окружающего населения различными обозреваемыми материальными символами, главным образом покроем костюма и его убором. Реконструкция костюма степного населения, в основном женского костюма – один из путей решения проблемы определения этнокультурных особенностей населения, обитавшего в микрорегионе. Важное значение имеет и фиксация инновационных признаков в традиционной культуре кочевого населения, в частности, в погребальном обряде, свидетельствующих о первоначальной его полиэтничности или внедрении новых групп населения. Этническое своеобразие проявляется также в способах демонстрации социальной стратификации кочевых сообществ в погребальной обрядности – в особенностях планиграфии погребений на территории могильного поля, наличии обосо-

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов №№ 09-01-18014е, 10-01-18057е, 11-01-18080е, 12-01-18022е, 13-01-18017е.

бленных групп погребений, способах маркирования социальных участков на могильнике, наличии в составе погребальных комплексов специфических типов инвентаря, в однотипности или многообразии форм погребальных сооружений и способов погребения.

Проблема этнокультурного определения археологических объектов кочевого населения времени Великого переселения народов актуальна и для Западноприкаспийского региона (совр. Прикаспийский Дагестан). На его территории выявлено свыше 20 курганных могильников гуннского времени. Основополагающим среди них для изучения проблем этнокультурного развития и социальной структуры политических образований кочевников является Паласа-сыртский курганный могильник, занимающий два крупных массива одноименной возвышенности, протянувшейся в меридиональном направлении к югу от Дербентского прохода. Узкая полоса степного пространства шириной в 5 км была интенсивно освоена племенами-мигрантами в относительно короткий исторический период. Первые грандиозные военные акции кочевников гуннов из района Дербентского прохода в Закавказье и Переднюю Азию отнесены в письменных источниках к 395 г. (Евсевий Иероним. Письма №№ 60, 77). Датировка материалов могильника определяется в пределах последней четверти IV – середины V в. н.э. Кочевники покинули этот регион после возведения Ираном в середине V в. грандиозных сырцовых фортификационных сооружений, перегородивших Дербентский проход. За неполные 75 лет образовался крупный курганный могильник протяженностью в 10 км с плотным расположением погребений, насчитывающий в настоящее время около 2-х тыс. насыпей (Гмыря, 1993).

За 130 лет исследования могильника раскопано 167 курганов, из них в период 1981-1986, 2006-2013 гг. – 141 курган. Исследователи располагают значительной базой данных по погребальному обряду населения, его материальной и духовной культуре. Раскопками в 80-х гг. было установлено многокомпонентное содержание погребального обряда населения. Захоронения производились в катакомбах с параллельным и перпендикулярным расположением погребальных камер, в подбойных могилах, в неглубоких узких ямах и ямах с заплечиками с нишей для головы погребенного. Инвентарь включал личные вещи погребенных, что обусловило его типологическую неоднородность даже в пределах одного класса предметов (керамика, предметы вооружения, орудия труда, предметы убора костюма и др.). Наиболее характерными чертами погребального обряда являются захоронения в Т-образных катакомбах, предпочтительное использование наряду с другими формами сосудов стандартных кувшинов с красным ангобом, однотипных железных мечей и ножей. Однообразная, вытянутая поза погребенных с положением рук вдоль туловища и южная ориентировка (юго-восток и юго-запад) свидетельствовали о стабильности погребальных традиций в сообществе кочевников этого региона (Гмыря, 1993. С. 153–198, 229–267).

Паласа-сыртский курганный могильник признается как монокультурным памятником, в формировании которого участвовали аланы (Гугуев, Магомедов, Малашев и др., 2010; Малашев, Гугуев и др. 2011), так и поликультурным, отражающим многокомпонентность миграционных потоков эпохи Великого переселения народов в районе Западного Прикаспия, подтверждаемую данными письменных источников (Гмыря, 1993).

Современные раскопки на южном участке Паласа-сыртского курганного могильника обособленных курганных групп № 1–4 (проекты РГНФ 2009-2013 гг.) выявили новые данные о характере погребальных традиций населения, проявлениях в них социальных показателей, об этнокультурном облике памятника. Исследованные группы находились на южной оконечности могильника, на участке протяженностью в 1 км. Они являлись частью крупного массива могильника, включавшего несколько курганных групп. Участки могильника, занимаемые курганными группами, разделялись древними глубокими балками и лощинами, прорезавшими массив возвышенности в широтном направлении. Маркерами курганных групп служили крупные одиночные курганы эпохи бронзы, расположенные цепочкой вдоль восточного края возвышенности. Курганная группа № 2 находилась в 390 м к югу от курганной группы № 1, в 100 м. к югу от курганной группы № 2 была расположена

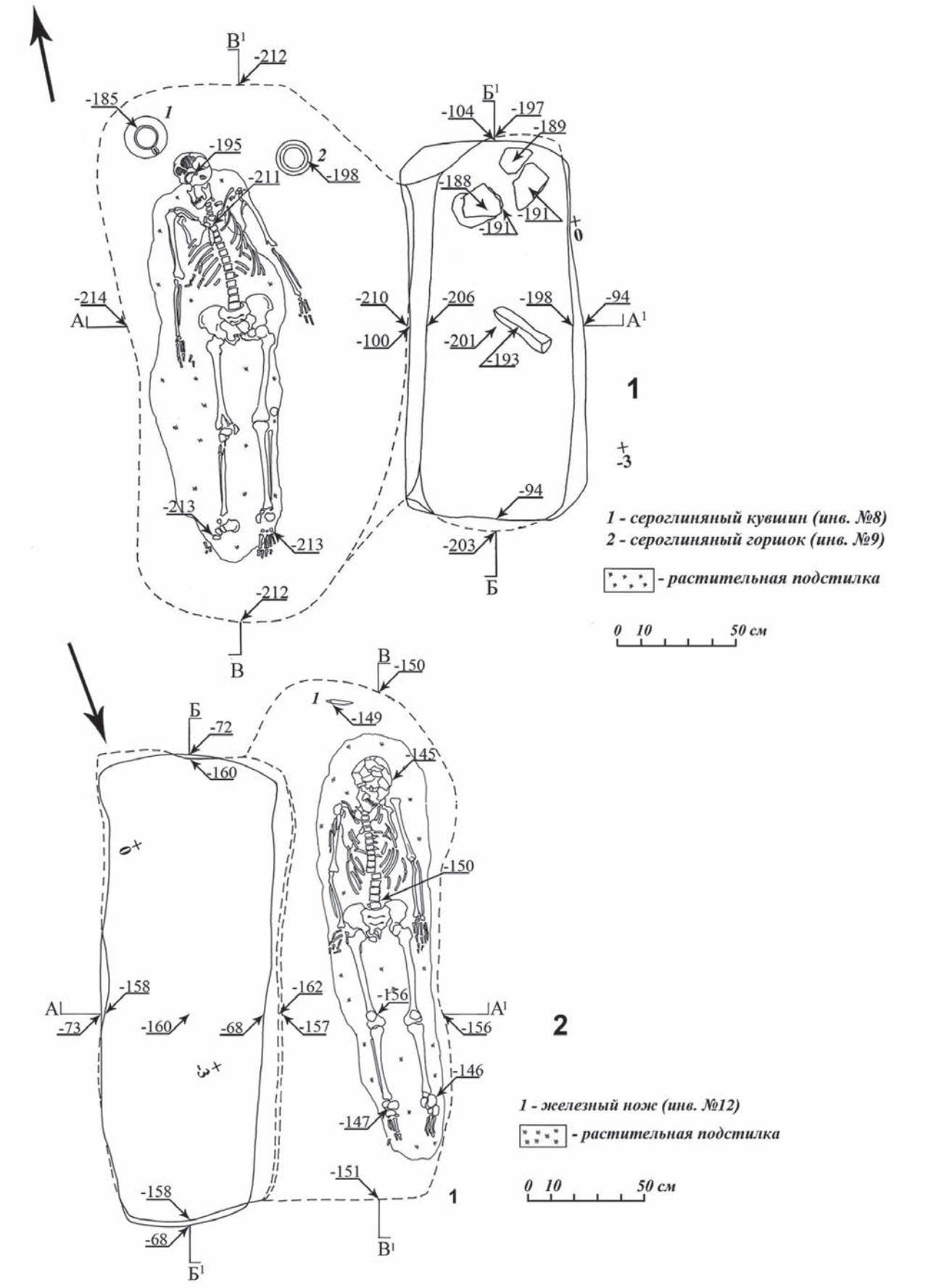

Рис. 1. Курганный могильник Паласа-сырт. Курганная группа №4.
1 – к. 263/п.1; *2* – к. 270 *1, 2* – подбойные могилы.

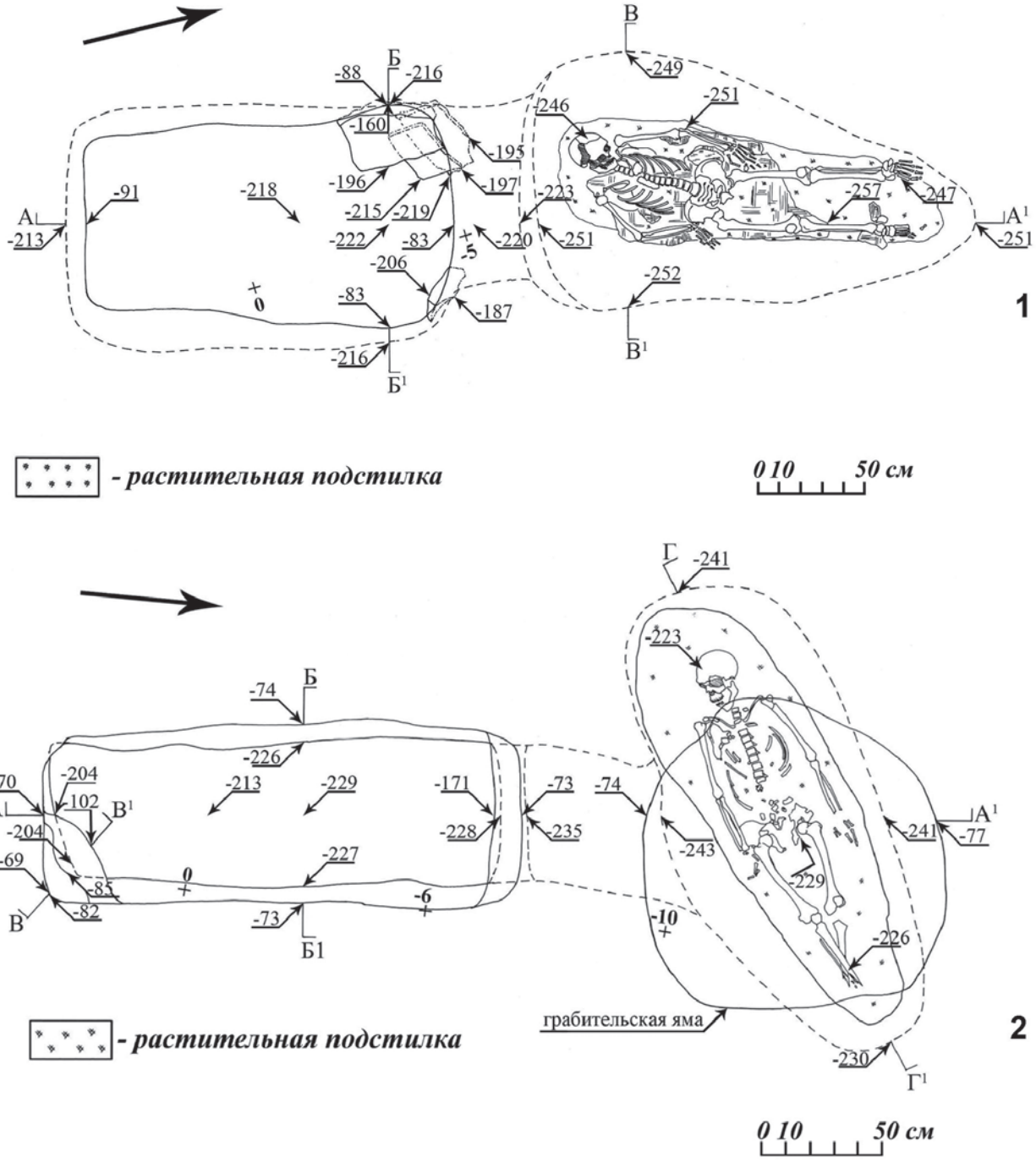

Рис. 2. Курганный могильник Паласа-сырт. Курганная группа №4.
1 – к. 268; *2* – к. 272 *1* – одноосевая катакомба; *2* – Т-образная катакомба.

курганная группа № 3, в непосредственной близости от нее находилась курганная группа № 4, обе последние группы разделял крупный курган эпохи бронзы. Курганная группа № 1 состояла из 9 курганов (10 захоронений); №2 – из 5 курганов; № 3 – из 7 курганов (8 захоронений); № 4 – из 10 курганов (11 захоронений).

Сравнительный анализ материалов раскопок курганных групп № 1–4 показывает: 1) характерные черты погребального обряда могильника (захоронение в Т-образных катакомбах; ориентировка входных ям по направлению СЗ-ЮВ; камер – СВ-ЮЗ; ориентировка погребённых головой в южном направлении) наиболее полно проявились только в курганной группе № 1 (Гмыря, 2009; 2011 а); 2) в группе № 2, хотя основные принципы погребальной обрядности были соблюдены, но проявился новый фактор – гомогенный характер захоронений (на обособленном участке были погребены в основном женщины разного возраста (Гмыря, 2011 б); 3) в группе № 3 основные принципы погребального обряда были соблюдены только в 2-х погребениях, находившихся под одним курганом (парное погребение мужчины и женщины и индивидуальное ребенка), но захоронения на участке произведены в погребальных сооружениях 4-х типов – наряду с Т-образными катакомбами и в новых типах – подбоях, яме, одноосевой катакомбе; наряду с традиционной южной ориентировкой погребенных появилась северная (2 п.) (Гмыря, 2012); 4) в группе № 4 инновационные явления в погребальной обрядности усилились: только в 2-х погребениях проявились традиционные черты обряда, в 9-и – погребальные сооружения были новых форм (подбои, одноосевые катакомбы); 50% погребенных были ориентированы нетрадиционно – головой на север; появились новые варианты в расположении погребальных камер (к югу от входных ям) и погребенных в камере (головой ко входу в камеру) (Гмыря, 2013).

Наличие инновационных черт в погребальной обрядности в курганных группах № 3 и 4 свидетельствует о внедрении в сообщество с устоявшимися традициями в погребальной обрядности новых групп населения с поликультурными традициями в погребальной обрядности (одноосевые катакомбы, подбои, ориентировка погребенных к северу и югу).

Выявилось также ощутимое влияние социальных факторов на формирование обособленных групп погребений, на их планиграфию в пределах участка, на размеры надмогильных сооружений, на состав и престижную значимость инвентаря женских захоронений, на гендерный фактор в формировании групп погребений.

В исследованных группах существовало два принципа планиграфии захоронений – радиальный с основным погребением в центре (группы № 1–2) и линейный с расположением погребений параллельными рядами (группы № 3–4). Основное захоронение выделялось наиболее крупными размерами насыпи. Группы представлены как смешанным составом погребенных (мужчины, женщины, дети) (группа №1), так и преимущественно однополым – женские погребения (группа № 2) и мужские (группы № 3 и 4).

Убор костюма погребенных женщин различался типологически и был обусловлен как прижизненным статусом в социальной иерархии, так и возрастными особенностями. В курганной группе № 2 было выявлено два типа убора – традиционный (к. 244, п.2) и включивший деталь убора костюма восточногерманских племен (к. 248). Налобная лента с прикрепленными к ней металлическими привесками узколенточной формы с фигурным расширением в виде трезубца выступала в уборе костюма первого типа этноопределяющей деталью. Характерная деталь убора костюма восточногерманских племен – пара двупластинчатых фибул с прикрепленной к ним ниской бус – в декоре костюма женщины из кургана 248 Паласа-сыртского курганного могильника была усилена еще одним аналогичным набором (2 пары фибул с нисками бус), а количество использованных бус составило 307 экз., дополненное 133 экз. бисера. В курганной группе № 3 убор костюма 2-х погребенных (кк. 258, п1; 255) также включал деталь убора костюма восточногерманских племен – пару фибул с ниской бус.

Анализ материалов обособленных курганных групп Паласа-сыртского курганного могильника показывает, что при решении проблем этнокультурного и социального развития

кочевых сообществ эпохи Великого переселения народов необходимо учитывать как сложность этих процессов, так и их многокомпонентность, обусловленную традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала: Изд. ДНЦ РАН, 1993. 367с.

Гмыря Л.Б., Хангишиев Г.Д., Саидов В.А., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Кузеева З.З. Исследование группы курганов Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2009 г. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2009. № 4. С. 90–107.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы южного участка Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2010 г. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2011 а. № 1. С. 101–120.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 2 на южном участке Паласасыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2011 б. № 3. С. 130–159.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 3 на южном участке Паласасыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2012. № 3. С. 143–189.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 4 на южном участке Паласасыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2013. № 4. С. 130–185.

Гугуев Ю.К., Магомедов Р.Г., Малашев В.Ю., Фризен С.Ю., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Исследование курганов южной группы Паласа-сыртского могильника в 2008 году // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А.С. Скрипкин и Л.Б. Яблонский. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2010. С. 283–299.

Малашев В.Ю., Гугуев Ю.К., Гаджиев М.С., Фризен С.Ю., Абиев А.К. Работы на Паласа-сыртском могильнике в 2009 г. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2011. № 4. С. 141–153.

БУСЫ КАК ЭЛЕМЕНТ КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ КАМЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

© 2014 г. Е.В. Голдина

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(goldina66@yandex.ru)

Ключевые слова: Среднее Прикамье, бусы, бисер, женский костюм, темлячные подвески, фиксаторы ножен.

Резюме. В статье приведены результаты анализа размещения бус и бисера в женских и мужских погребениях уникального памятника Среднего Прикамья – Тарасовского могильника I–V вв. Бусы и бисер входили в состав украшений костюма женщины: головного убора, ожерелья, височных подвесок, нагрудника и др. Все зафиксированные способы использования бус и бисера имеют свое продолжение в традициях украшения женского костюма финно-угорских народов Приуралья. В мужских погребениях крупные бусы были уложены в области головы, выполняя, по-видимому, функцию амулетов. Кроме того, крупные бусы использовали в составе портупейных ремней, на которые привешивали ножи или мечи. Здесь они могли быть не только украшением оружия в виде темлячных подвесок, но и выполнять функцию фиксатора ножен.

Бусы – археологический материал, в изобилии встречающийся в могильниках Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э., в том числе и Тарасовском. Памятник расположен в 1 км к юго-востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской Республики, на правом берегу р. Камы. На протяжении 18 лет (1980–1997 гг.) он изучался Камско-Вят-

ской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета под руководством Р.Д. Голдиной и является одним из крупнейших раскопанных финно-угорских могильников в России (1880 погребений). По мнению Р.Д. Голдиной, он существовал на протяжении первой половины I тыс. н.э. и представляет собой один из самых ярких памятников чегандинского варианта пьяноборской общности (Голдина, 2004. С. 3, 301, 306, 307). Около трети погребений Тарасовского могильника содержали бусы и бисер (18512 экземпляров; 611 погребений, 32,5% могил). Разделение находок на бусы и бисер осуществлено по диаметру изделия: бисер, как правило, имеет диаметр 5 и менее мм, бусы – более 5 мм. В данном исследовании отражены результаты анализа размещения бус и бисера в женских и мужских погребениях и намечены выводы об использовании бус и бисера в костюме населения Средней Камы первой половины I тыс. н.э.

Бусы обнаружены в 253 женских могилах (37,43% от всех находок бус). Находки бус достаточно часты и в погребениях мужчин (76 погребений, 14,5%). Бисер же, в подавляющем большинстве случаев, встречался в женских погребениях (96 погребений, 46,1%), а в мужских редок (11 погребений, 5,3%). Пол половины захороненных с бусами (267 костяков, 51%) и бисером (101 костяк, 48,6%) определить не удалось.

Бусы и бисер представляют собой самые массовые категории находок в женских захоронениях Тарасовского могильника. Число их в одной могиле колеблется от 1 до 2087. Бусы чаще встречались в погребении женщин 17–45 лет, а бисер – в захоронениях девушек и женщин 13–29 лет (Сабиров, 2011. Табл. 59, 68. Диаграмма 46, 47, 55, 56). Скорее всего, это связано с тем, что незамужние девушки носили шапочку, расшитую бисером и бронзовыми украшениями. Возможно, шапочка напоминала хорошо известный у финно-угров девичий головной убор такью (Климов, 1988. Рис.132–136; Лебедева, Христолюбова, 1993. С. 130), реконструированный и по археологическим материалам (Генинг, 1963. Рис. 31; Шутова, 1992. С. 12. Рис. 22, 23). Бусы и бисер входили в состав и иных головных уборов. Чаще всего они имели вид ленты, реже – высокого головного убора наподобие айшона. Однако, следует отметить, что массовыми являются находки единичных экземпляров (1–2) бус и бисера у головы (около трети всех находок у головы).

Кроме того, эти украшения носили в виде нашейных ожерелий в одну или несколько нитей, чередуя их с бронзовыми пронизками. По мнению ряда исследователей ожерелья из чередующихся спиральновитых пронизок и стеклянных бус можно считать особенностью мазунинского населения (Останина, 1997. С. 38; Красноперов, 2006. С. 106; Голдина, Бернц, 2010. С. 68). И все-таки находки ожерелий на шее погребенных редки. Чаще всего ожерелья входили в состав подарочных наборов, где и сохранились целиком, включая органическую основу (например, погр. 1696). Бусы и бисер использовали для расшивки нагрудников, однако подобные находки единичны.

Женщины украшали бусами и бисером ремешки, на которых подвешивали к поясу ножи, крючки и другие бытовые предметы. В данном случае можно предположить использование бус в качестве темлячных подвесок. Кроме того, бусы могли служить украшениями – привесками к кожаным поясам. Возможно, ими расшивали обувь и их нанизывали на ремешки, закрепляющие обувь на щиколотке. Местные ювелиры широко использовали как бусы, так и бисер для дополнительного украшения височных подвесок, реже гривен. Число таких бусин на одной височной подвеске достигало 11. Иногда единичные экземпляры бус и бисера встречались в самых разных местах погребальных ям. Вероятно, это подарки живущих во время погребальных церемоний. Все зафиксированные способы использования бус и бисера имеют свое продолжение в традициях украшения женского костюма финно-угорских народов Приуралья, прежде всего удмуртов.

Бусы являлись относительно частой находкой и в мужских захоронениях Тарасовского могильника. Бусы преимущественно найдены в погребениях мужчин 17–45 лет, а бисер – в могилах мужчин 17–29 лет (Сабиров, 2011. Табл. 59, 68. Диаграмма 46, 47, 55, 56). Бусы в мужских захоронениях встречались в шесть раз чаще, чем бисер. Крупные, в большинстве случаев стеклянные бусы были

одеты на шею или уложены в области головы умерших, по-видимому, выполняя функцию амулетов. Многочисленные находки одиночных крупных стеклянных бус рядом с ножами позволяют предположить, что бусина выполняла функцию темлячной подвески ножа, прикрепленного к поясному ремню. Как было отмечено выше, подобная практика прослеживается и в женских захоронениях. Кроме того, крупные бусы использовали в составе портупейных ремней, на которые привешивали мечи. Здесь они могли быть не только украшением оружия в виде темлячных подвесок, но и выполнять функцию фиксатора ножен (Безуглов, 1998; Безуглов, 2000. С. 172, 177, 178) или ограничителя движения меча по портупейному ремню (Габуев, 2005. С. 7–8), поскольку меч как предмет более тяжелый и объемный требовал дополнительных приспособлений для его крепления. Такая традиция прослеживается на широкой территории от Китая до Западной Европы в течение многих веков и связана с так называемым вертикальным способом крепления меча воина-всадника. Скорее всего, подобные мечи с халцедоновыми дисками и крупными бусинами принадлежали хорошо вооруженным мужчинам-воинам, появившимся в Прикамье в уже сложившейся экипировке в IV–V вв. н.э. из юго-западных районов Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. Ростов-на-Дону, 1998.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. Вып. I. С. 169–193.

Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: Каталог выставки. М.: ГМИНВ, 2005. 74 с.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Ижевск, 1963. 144 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Том I. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Том 10. Ижевск: Удмуртия, 2004. 317 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Том 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э.–V в. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ф. 4/1, д.86, 86а. Ижевск, 2006.

Климов К.М. Удмуртское народное искусство. Ижевск: Удмуртия, 1988. 200 с.

Лебедева С. Х., Христолюбова Л. С. Традиционная одежда и украшения // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. С. 125–141.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ф. 4/1, д.173. Ижевск, 2011. 345 с.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 264 с.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В АРХЕОЛОГИИ ПРИУРАЛЬЯ[1]

© 2014 г. Р.Д. Голдина

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(goldina66@yandex.ru)

Ключевые слова: Приуралье, миграции, Великое переселение народов, проблемы изучения.

Резюме. В работе анализируется состояние изученности Великого переселения народов в Приуралье (II–IX вв. н.э.), обозначены основные достижения и главные проблемы, требующие скорейшего решения.

Великим переселением народов (ВПН) в истории Евразии назван период со II по VII вв. н.э., который характеризуется перемещением различных народов на значительные расстояния, вызванным изменениями климатических и физико-географических условий обитания, а также уровнем общественно-экономического развития варварских обществ. Ухудшение климата создало неблагоприятные условия для хозяйственной деятельности населения в некоторых регионах лесных и лесостепных областей и это способствовало нарастанию тенденций к перемещению населения.

Перемены климата совпали у многих варварских обществ Европы с разложением первобытнообщинных отношений и расцветом военной демократии. Социальное расслоение общества также толкало определенные слои к захвату не только новых земель, но и новых богатств, рабов, престижных ценностей.

В эпоху ВПН при размахе ближних и дальних передвижений и сопутствующих им грабежах, война стала серьезным фактором, способствующим обогащению определенных групп, расслоению общества, приведшим в последующем к образованию классов. Военные походы стимулировали развитие многих отраслей производства и, прежде всего, металлообработки и оружейного дела. Военные предприятия способствовали выделению предводителей – вождей. Появление мигрантов стимулировало разрушение кровнородственных связей, утверждение территориальных и формирование более сильных, централизованных общественных структур.

ВПН в Прикамье рассматривалось ранее как единовременный процесс, который оказал существенное влияние на ситуацию в крае, но довольно быстро его последствия были снивелированы поступательным развитием местного общества. Сейчас это явление представляется нам как сложное, разновременное, многоступенчатое, разноплановое по истокам, характеру и результативности.

Самым ранним вторжением на территорию Урало-Поволжья следует считать приток населения, оставившего памятники андреевско-писеральского типа I–II вв. н.э. В сложении культуры этих объектов различные исследователи видели несколько компонентов: городецкий, сарматский, пьяноборский, угорский, гото-славянский.

Первым исследователем, всерьез заинтересовавшимся контактами Приуралья и славяно-германского мира, была Г.И. Матвеева, которая обратила внимание на сходство именьковских древностей Поволжья с материалами пшеворской и зарубинецкой культур (1986; 2000). Ею не только доказана генетическая близость именьково и прасла-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР №2174) в сфере научной деятельности в 2014-2016 гг.

вянских культур, но обозначены несколько волн славянского проникновения в Поволжье. Г.И. Матвеева и В.В. Седов (Седов, 1994. С. 309–315) отмечали три волны проникновения славян в Поволжье из области расселения черняховской культуры (Северное Причерноморье). Первая волна – II–III вв. н.э. (памятники славкинского типа) связана с первой вельбаркской (готской) миграцией. Вторая волна – III–IV вв. – привела к появлению в Поволжье памятников лбищенского типа, имеющих следы смешения черняховско-пшеворских древностей. Третья волна мигрантов-черняховцев, наиболее мощная, послужила основой для образования в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье в конце IV в. именьковской культуры, просуществовавшей до рубежа VII–VIII вв.

В Прикамье и бассейне р. Вятки также происходило внедрение в финно-угорскую среду мигрантов юго-западного происхождения. Сейчас можно говорить о нескольких волнах гото-славян: первая – середина III в. н.э. (вещи эмалевого стиля), вторая – третья четверть IV в. (держава Германариха и азелинско-суворовские группы) и третья волна – четвертая четверть IV в. – гуннское время (именьковцы).

Остается открытым вопрос об этнической принадлежности военизированной группы, оставившей Тураевские курганы. Если дата конец IV – первая половина V в. н.э. остается в силе (Генинг, 1976. С. 97–108), то, очевидно, Тураевские курганы появились в Прикамье одновременно с памятниками именьковской культуры и оставлены населением, родственным азелинско-суворовскому и происходящим с ним из одного региона. Находка в одном из погребений горшка именьковского типа заставляет связывать проблему происхождения Тураевских курганов и именьковских памятников в единое целое.

Предполагается, что первые болгары появились в Среднем Поволжье после 558 г. в результате притока в Северное Причерноморье авар. Затем последовало еще одно вторжение в последней четверти VII в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 170–171), вероятно, одновременное с переселением другой группы болгар за Дунай (680-681 гг.) под предводительством Аспаруха. Следующая миграционная волна болгар в Поволжье осуществилась в середине или второй половине VIII в. (Матвеева, 1997. С. 98). В Среднем Поволжье болгары отвоевали новую родину у именьковцев. Последние были частью уничтожены, некоторые ассимилированы, другие вынуждены уйти в Поднепровье на свои исторические места.

Для населения неволинской культуры Сылвенского поречья появление болгар в Поволжье имело трагические последствия. В условиях формирования государства, при острой нехватке людских и производственных ресурсов болгары, вероятно, неоднократно совершали набеги в сылвенско-иренское поречье и в результате в середине IX в. цветущая неволинская культура прекратила свое существование. В Волжской Болгарии появились погребения с характерным неволино-поломско-ломоватовским инвентарем и керамикой (группы IV и V по Хлебниковой, 1984. С. 37–42, 221–223). В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому. Среди болгарских серий выявлены два антропологических массива: донско-приазовский ранних болгар и прикамско-приуральский (Ефимова, 1991. С. 41–45).

Среди проблем изучения ВПН можно выделить следующие. 1. Требуют обсуждения хронологические рамки ВПН для Приуралья. Если ранняя дата – рубеж I–II вв. не вызывает сомнений, то поздняя – VII в. может быть скорректирована. Активное освоение Среднего Поволжья болгарами продолжалось и в последующем. В это время мадьяры и славяне под давлением болгар покинули Приуралье. На рубеже IX–X вв. возникло государство Волжская Болгария. В определенной степени Волжская Болгария способствовала укреплению стабильности в регионе. Таким образом, хронологические рамки ВПН логичнее было бы ограничить рубежами I–II и IX–X вв. н.э.

2. Пришло время отказаться от мифического термина «угры» по отношению к приуральским древностям. Мою уверенность в этом укрепил Н.И. Егоров, который считает, что применение термина «угры» по отношению к культурам I тыс. н.э. Приуралья недостаточно корректно (2013. С. 54, 55). Применительно к I тыс. н.э. следует говорить о конкретных народах – хантах, манси, венграх (мадьярах). Н.И. Егоров утверждает, что в I тыс. н.э. этнонима угры не было, а значит не было и

угорского этноса. Этот термин был введен венгерским лингвистом Й. Буденцом как классификационный, технический для обозначения группы близких по языку народов – хантов, манси, венгров и единого угорского праязыка-основы до его распада (Егоров, 2013. С. 50).

О том, что в I тыс. н.э. народы имели вполне определенные названия и самоназвания свидетельствуют письменные источники. В списке покоренных Германарихом 13-ти народов, перечисленных Иорданом, значатся меренс – меря, морденс – мордва, имнискары – черемисы и др. Очевидно, что вместо термина угры, который широко используется археологами для обозначения этнических групп Приуралья следует применять – мадьяры, манси и ханты. Таким образом, говоря об угорском компоненте с шнуровой керамикой в культуре волжских болгар, надо иметь в виду конкретный этнос манси, а не какой-то иной, замаскированный под угров.

Мне импонирует и мысль Н.И. Егорова о том, что археологи в своих этногенетических построениях необычайно вольно обращаются с терминами: угро-самодийцы, «тюрко-угры», «угорско-болгарские племена» и др. «В реальной жизни никаких гибридных «угро-самодийцев», «тюрко-угров» не бывает, бывают угры, самодийцы, тюрки» (Егоров, 2013. С. 55).

3. Назрела необходимость комплексного подхода к изучению истории народов Приуралья в эпоху ВПН. Наука – не сказка. Она должна основываться на реальных фактах. Необходима тщательная ревизия концепций, выдвинутых в археологии ВПН ранее, дабы выявить наиболее аргументированные и обоснованные. Профессионально выполнить такую задачу можно только используя результаты всех причастных к археологии наук: языкознания, истории, этнологии, антропологии и других.

4. Специалисты смежных дисциплин совершенно правильно критикуют археологов за излишнюю категоричность в этногенетических оценках. Действительно, археологи часто абсолютизируют свои построения: близкие типы керамики – один этнос. Доходит до абсурда – шнуровая керамика – угры, гребенчатая – пермяки. Если эти виды орнамента встречаются на одном поселении – население смешанное. А если на одном сосуде сочетаются оба типа орнамента, как это оценить? Необходимо шире ставить теоретические работы, направленные на изучение методических и методологических проблем археологии, в том числе и этногенетического характера.

5. Дальнейшее развитие исследований по проблемам ВПН тормозит недостаточная активность в публикациях материалов. Многие основополагающие коллекции продолжают оставаться не известными широкому кругу читателей. Да и то, что опубликовано, часто издано настолько некачественно, что использовать эти материалы для анализа невозможно.

В целом же, эпоха Великого переселения народов для Прикамья является ключевой, ее последствия для дальнейшей истории этого края еще полностью даже не обозначены и только совместные усилия ученых многих дисциплин могут принести желаемые результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998. 286 с.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из истории Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55–108.

Егоров Н.И. Проблемы этнокультурной идентификации средневековых древностей Урало-Поволжья: финно-угры или огуры? // II Международный Мадьярский симпозиум / Отв. ред.: С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 47–70.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991. 95 с.

Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Куйбышев, 1986.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.

Матвеева Г.И. Памятники именьковской культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. 343 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. 280 с.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ И АРЕАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМА СОВМЕЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ)

© 2014 г. Ю.Ю. Гордова

Институт языкознания РАН, Москва
(onyma-ryazan@yandex.ru)

Ключевые слова: топонимика, лингвистические карты, совмещение топонимических и археологических данных, топонимическая стратиграфия.

Резюме. В статье освещаются проблемы, связанные с использованием метода совмещения топонимических и археологических ареалов при реконструкции этноязыковой ситуации древнейших периодов.

Совмещение топонимических ареалов с ареалами археологических культур открывает большие возможности для реконструкции этноязыковой ситуации древнейших периодов. В топонимике применение этого приёма, при учёте, с одной стороны, этимологии названий, а с другой – этнической атрибуции сопоставляемого археологического ареала, позволяет восстановить топонимическую стратиграфию региона, то есть представить хронологию появления топонимов архаичных типов, которые сегодня воспринимаются как синхронные. Вопрос временной соотнесённости названий дописьменных периодов для топонимики особенно важен, так как её методы не позволяют самостоятельно, без связи с другими науками, определять возраст топонима.

Попытки совмещения топонимических и археологических данных предпринимались уже в 70-х гг. XX в. В частности, в 1972 г. были опубликованы некоторые результаты исследования В.В. Седова «Гидронимические пласты и археологические культуры Центра», в котором реализована идея представить гидронимические типы Центральной России в хронологическом порядке и в связи с важнейшими археологическими культурами (Седов, 1972. С. 3–4). Согласно полученным данным:

– водные названия на *-ежма, -езьма, -ешма, -есьма* соотносятся с волго-окской мезолитической и неолитическими культурами (культурами ямочно-гребенчатой керамики), принадлежавшими доиндоевропейскому и дофинно-угорскому населению;

– гидронимы на *-ньга, -киша / -кса, -ма, -га, -важ* и др. – с волосовской культурой и последующими культурами текстильной керамики раннего железного века, связываемыми с древним финно-угорским населением;

– гидронимия древнеевропейского типа (ранняя балтийская) – с племенами шнуровой керамики II тысячелетия до н.э., на основе которых позднее формируются балты (днепродвинская, верхнеокская, юхновская культуры раннего железного века);

– в I тысячелетии н.э. складываются западнофинский, мерянский, муромский и мордовский гидронимические пласты (Седов, 1972. С 3–4).

Тема взаимосвязи археологических культур и гидронимических типов получила развитие в 1980-х гг. в трудах топонимиста Г.П. Смолицкой. Ею были получены данные о совместимости отдельных топонимических ареалов (названий на *-ур, -ома, -ема, -ша* и др.) с ареалами мощинской, волосовской, дьяковской и городецкой археологических культур, а также с ареалами вятичей и кривичей (Смолицкая, 1981. С. 5–6).

Интересные и в некоторой степени неожиданные результаты принесло совместное исследование лингвиста Р.А. Агеевой и ар-

хеолога А.М. Микляева, в котором был рассмотрен тип восточнославянских топонимов на *-ль, -ля* в связи с археологическими ареалами длинных курганов и сопок (I тысячелетия н.э.), связываемых со славянами, в северо-западных областях России (Псковской, Ленинградской, Новгородской и др.). В результате сопоставления получены выводы о несовместимости территории распространения названий данного типа с рассматриваемыми археологическими культурами. Это заставило исследователей усомниться в славянской принадлежности населения, оставившего длинные курганы (Агеева, Микляев, 1979. С. 30–54).

Несколько карт, демонстрирующих гидронимические пласты и археологические культуры Центральной России, представлены в фундаментальном археологическом труде «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (отв. ред. Седов) (Финно-угры и балты, 1987).

С сожалением приходится констатировать, что в период 1990 – 2010 гг. работа в направлении межнаучной интеграции остановилась, хотя информационный потенциал метода совмещения ареалов ещё не до конца реализован, а сам метод требует дальнейшего совершенствования практических приёмов и теоретического осмысления.

Следует признать, что научная интерпретация информации, полученной в результате совмещения ареалов разных историко-культурных явлений, вызывает определённые трудности. Если рассматривать проблему наложения археологических и топонимических ареалов, то здесь главная сложность связана с многочисленностью и разновременностью ареалов в археологии и отсутствием хронологической и «языковой» соотнесённости у большинства топонимических ареалов (многие топонимические типы до сих пор не получили надёжного объяснения).

При наложении друг на друга ареалы разных эпох и разных культур часто не совпадают, не дают чёткой и однозначной картины. Это затрудняет как культурно-хронологическую атрибуцию имеющегося лингвистического материала, так и этноязыковую атрибуцию археологических культур.

В ряде случаев отмечается явное несоответствие между языковой и археологической картинами. Характерным примером может служить ситуация в Среднем Поочье, где районы концентрации балтийской топонимии не находят археологического подтверждения факта проживания здесь в прошлом племён, близких балтам по каким-либо чертам материальной культуры.

В силу указанных обстоятельств использование описываемого метода не всегда даёт желаемые результаты в виде точных научных выводов. Иногда интерпретация материала допускает слишком много вариантов, иногда межнаучная корреляция действительно невозможна, в том числе и по причине недостаточного уровня имеющихся знаний. Тем не менее, учёные разных научных областей не могут и не должны отказываться от идеи сравнения и сопоставления результатов своих исследований, особенно если целью этих исследований является получение более или менее объективной картины прошлого.

Важным представляется и то обстоятельство, что результаты исследований 1970-1980-х гг. уже давно нуждаются в обновлении, так как за это время получены новые данные и в археологии, и в топонимике: открыто много новых памятников, скорректированы границы археологических культур, изучены и картографированы многие структурные типы субстратной (дославянской) топонимии, озвучены принципиально иные этимологии для ряда названий.

Попытка совмещения топонимических и археологических ареалов в свете новых научных данных была предпринята нами по отношению к территории Среднего (рязанского) Поочья. Анализу подверглись ареалы 29 типов субстратных топонимов, известных в указанном регионе (*-ур, -ор, -ар (-мар), -ер, -ус, -ос, -ас, -яс, -ис, -ес, -ля, -га, -лей, -ляй, -ша, -шь / -жь, -ма, -ра, -дь, -да, -ва, -ца (-цы), -ье, -ня (-на)* и др.), и ареалы региональных археологических культур (волосовской, фатьяновской, шагарской, поздняковской, городецкой, культуры рязано-окских могильников, а также памятников мери, муромы, мещеры, мордвы). Эта работа подняла целый пласт новых проблем. В числе главных из них следующие:

- отсутствие или труднодоступность систематизированной (собранной воедино и обобщённой) информации, как по региональной

археологии, так и по региональной топонимике;

- отсутствие археологических и топонимических карт, либо их явно неполный, фрагментарный характер, наличие на них множества «белых пятен»;

- крайне низкий технический уровень карт: основная их часть создана как и прежде, 20-30 лет назад, ручным способом, что кажется особенно удивительным при современном уровне компьютерных и МАР-технологий.

Другая группа проблем связана с научной интерпретацией имеющегося материала, а именно с устоявшимися представлениями о субстратной топонимии Среднего Поочья как о топонимии финно-угорского происхождения. В региональных топонимических исследованиях с финно-угорским источником априори связываются все типы, известные в этом районе. Упрочению этих представлений, безусловно, способствует и существующая археологическая модель региона, представляющая его как автохтонную территорию финно-угорских культур (сложившихся на базе широко распространённой в Рязанской области городецкой культуры раннего железного века). Попадая под влияние старых традиций, каждый исследователь топонимии пытается поместить в имеющиеся рамки все вновь изучаемые топонимические явления.

На опасность такого подхода уже в 1997 году указывал В.Н. Топоров, он писал: «Из этой установки вытекают два следствия – известный «пан-финнизм», не только преувеличивающий реальную (разумеется, очень значительную) роль финноязычного элемента, но и скрывающий или затушёвывающий роль других этноязыковых элементов, и на этом фоне особенно разительная недооценка балтийского элемента в этноязыковом и культурно-историческом прошлом Восточной Европы» (Топоров, 1997. С. 327–328).

Несмотря на озвученные проблемы, работа по совмещению топонимических и археологических ареалов Среднего Поочья принесла много новых и важных результатов: она позволила установить принадлежность отдельных ономастических типов региональным материальным культурам и хронологическим пластам, проверить в свете новых данных гипотезы 70-х – 80-х гг. XX., часть из них отвергнуть, а часть скорректировать, в итоге, описать топонимическую стратиграфию региона. Результаты исследования представлены в нашей монографии «Топонимический атлас Рязанской области».

Совмещение данных топонимики и археологии показало также, что в ряде случаев лингвистическим данным принадлежит определяющая роль в вопросе этнокультурной атрибуции населения отдельных районов. Прежде всего тех районов, которые слабо изучены в археологическом отношении (или не изучены вовсе). Топонимические данные как единственное свидетельство языковой принадлежности проживавшего здесь в прошлом населения важны и в случаях, когда интерпретация имеющегося археологического материала спорная или неполная. В итоге, межнаучная интеграция всегда оказывается полезной для обеих наук, так как даёт новые материалы для реконструкции языковой и этнической истории или для рождения новых гипотез.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеева Р.А., Микляев А.М. Топонимы с -ля, -ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии / Ред. Р.А. Агеева, Е.М. Поспелов. М.: МФГО СССР, 1979. С. 30–54.

Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. XVI. 2004. С. 83–114.

Седов В.В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Топонимия Центра (Тезисы докладов) / Отв. ред. Е.М. Поспелов. М.: Географическое общество СССР (Московский филиал), 1972. С. 3–4.

Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в её отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции): Автореферат диссерт. … д. ф. н. М., 1981. 34 с.

Топоров В.Н. К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования 1988 – 1996. М.: ИНДРИК, 1997. С. 325–331.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 510 с.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ НИЖНЕЙ ОКИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДВЯЗЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

© 2014 г. Н.Н. Грибов

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород (nnhora@yandex.ru)

***Ключевые слова*:** раннее средневековье, устье Оки, могильники безводнинско-ахмыловского типа.

Резюме. Представлена сводка предварительных результатов первых раскопок недавно обнаруженного в Нижнем Поочье Подвязьевского могильника IV – первой половины VIII в. Сделан вывод о проникновении традиции грунтовых погребений в район Окского устья еще в догунскую эпоху.

В конце XX в. исследователями финских древностей на обширном пространстве, географически тяготеющим к устью р. Оки, выделен узкий круг погребальных памятников V – начала VIII в., отчетливо обособленных от азелинских и мордовских могильников по составу женских украшений и характерным чертам погребальной обрядности (Краснов, 1980. С. 112–119; Зеленеев, 1988. С. 85, 86; Гришаков, 1990. С. 134; Гришаков, Зеленеев, 1990. С. 57; Зеленеев, 1992. С. 21, 22; Никитина, 1999. С. 41; Никитина, 2002. С. 161–164, 184–185). В научной литературе их иногда называют памятниками безводнинского или безводнинско-ахмыловского типа (Гришаков, 1990. С. 134; Гришаков, Зеленеев, 1990. С. 21). К ним причисляют Безводнинский, Младший Ахмыловский, Желтухинский, Кочкинский, Холуйский могильники, а также погребения на ветлужском Чортовом городище. Охваченный ими район простирается от рек Теза и Лух в Волжско-Окском междуречье на западе до устья р. Ветлуги – на востоке. Определяющие их особенности проявляются, прежде всего, в наличии конских погребений, широком распространении среди женских головных украшений специфических венчиков и накосников, браслетообразных разомкнутоконечных височных колец. Характерны для них и погребения с головными жгутами, а на позднем этапе – с щитковоконечными височными кольцами. Находки азелинских вещей редки, а обычные для мордовских могильников височные подвески с грузиком, - отсутствуют. Некоторые элементы местного женского костюма впоследствии закрепились в обиходе нескольких поволжско-финских народов и приобрели отчетливую этнокультурную окраску. С населением, оставившим эти памятники, исследователи связывают формирование генетической основы марийской и муромской культур (Гришаков, 1990. С. 134; Никитина, 2002. С. 221). Его появление в районах тяготеющих к окскому устью связывают с волной переселения представителей культуры рязано-окских могильников и датируют V в. (Зеленеев, 1988. С. 85; Восточная Европа…, 2007. С. 274–275).

В 2010 г. был открыт еще один раннесредневековый погребальный памятник, который по наличию отмеченных выше черт, можно уверенно причислить к «безводнинско-ахмыловскому» кругу. Это Подвязьевский могильник. Он обнаружен в черте Богородского района Нижегородской области на мысу правого коренного берега р. Оки в 42 км от ее устья. Его размеры 1,35 га. По состоянию на 2013 г. на нём изучено 35 погребений на площади 170 кв.м. Первые раскопы попали на участок с высокой плотностью захоронений, в результате чего оказалось возможным на сравнительно небольшой площадке изучить существенно различные комплексы – как по

обрядовой специфике различных социальных групп, так и по хронологии.

Они представлены 27 одиночными человеческими погребениями и 8 конскими. Среди последних встречено 3 парных. В расположении могил отмечены три структурообразующих элемента – ряды, группы, ярусы. Зафиксированы неоднократные случаи взаимопересечения могильных ям. Человеческие погребения зафиксированы в виде 24 ингумаций и 3 трупосожжений. Среди них, по характеру сопровождающего инвентаря: мужских – 7, женских – 12 (два вторичных) и неопределенных – 8 (одно вторичное). Могильные ямы имеют подпрямоугольную форму, их углы скруглены. Длина могил, как правило, заметно превосходит размеры костяков. У мужских погребений (до 3,7 м) этот показатель больше, чем у женских (до 2,6 м). Ориентация погребённых: головой на восток – 1, на восток-юго-восток – 5, на юго-восток – 16, неопределенная – 2. Погребения совершены на разных уровнях. Пять зафиксированы без каких-либо следов связанных с ними могильных ям. Три погребения выявлены под горизонтом распашки на уровне непотревоженного материка, на глубине порядка 30 см от современной дневной поверхности. Глубина могильных ям не превышает 115 см. В верхней части заполнений пяти из них отмечены компактные линзы угленасыщенного грунта, скорее всего, оставшиеся от кострищ. Могильная яма одного погребения перекрыта прослойкой с остатками тризны в виде углей и развалов двух керамических сосудов. В ряде случаев под остатками костяков зафиксированы отпечатки плах деревянных настилов, следы обертывания в луб или рогожу. В нескольких мужских погребениях встречены женские украшения, которые можно интерпретировать в качестве «женских даров» погребенному.

Для захоронений коней характерны: фиксация головы животного на некоторой высоте относительно туши; ориентация головой на запад вне зависимости от ориентации могильной ямы; положение передней части туши на боку (преимущественно – левом), задней – на животе с подогнутыми ногами; отсутствие хвостовых позвонков. Обнаружение крупных фрагментов обожженных плашек в заполнениях двух конских погребений, позволяет предполагать наличие у могил деревянных перекрытий. Следов каких-либо настилов или подстилок под тушами не зафиксировано. Отсутствие сопутствующего инвентаря вынуждает при хронологическом определении конских погребений полагаться на радиоуглеродный метод, либо на датировку перерезающих их человеческих захоронений. Пересечение наиболее вероятных датировочных интервалов двух образцов угля из одного конского погребения (№3) указывает на вторую четверть V в. (1σ cal 350-450 AD (Ki-17995); 1σ cal 428-537 AD (Ki-17996)). Время совершения еще одного конского захоронения (№5) помогает выяснить датировка женского погребения №21 (в пределах конца IV - V вв.), перерезавшего его еще до завершения просадки грунта.

Территория могильника долгие годы распахивалась, однако на локальном участке (27 кв.м) под паханным горизонтом удалось зафиксировать непотревоженные культурные напластования, мощностью 8 – 10 см. Они представлены пачкой прослоек сложенных, либо выбросами из могильных ям, либо гумусированным суглинком слабо развитых почв с включениями углей и керамики. Наблюдения над характером их залегания (проведённые к.г.н. А.А. Юртаева) привели к выводу о существовании сильно эродированной почвы на площадке могильника еще до начала его функционирования. Освоение территории памятника началось после того, как верхние горизонты древней почвы (A1, A2 и, частично, Bt) были на значительную глубину смыты в результате плоскостной эрозии. Последнее свидетельствует о том, что примыкающий к могильнику приводораздельный склон некоторое время перед началом совершения погребений оставался по какой-то причине слабо задернованным, либо полностью лишенным дернового покрытия (в результате распашки, лесного пожара или преднамеренного выжигания растительности). Интересно отметить, что, судя по сохранившимся культурным отложениям, эрозионные процессы с момента начала функционирования могильника все последующие столетия были существенно замедлены и не столь эффективны, как тот процесс, следы которого были зафиксированы

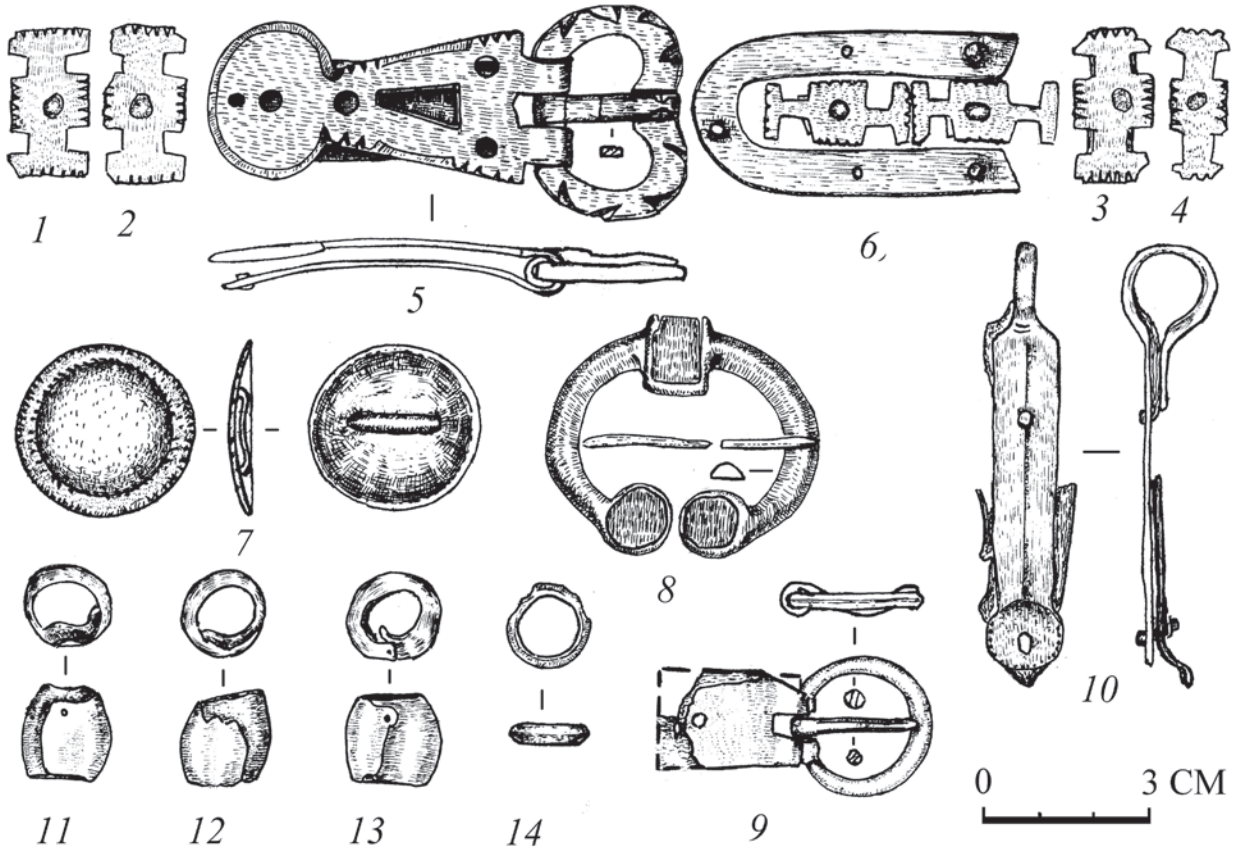

Рис. 1. Подвязьевский могильник. Бронзовый инвентарь из погребения № 24. *1 – 4* – поясные накладки; *5* – пряжка; *6* – наконечник ремня; *7* – бляшка; *8* – фибула с выемчатой эмалью; *9* – пряжка от затылочного ремня; *0* – зажим; *11 – 14* – обоймы от уздечных ремней.

под его культурным слоем. Глубины большей части раскопанных могильных ям, отсчитываемые от уровня материка, соответствуют (либо очень близки) глубине их заложения от уровня древней дневной поверхности.

Характерным отличием Подвязьевского могильника от других памятников безводнинско-ахмыловского круга являются его более широкие хронологические рамки. Помимо комплексов конца IV – первой половины VI в., VII – первой половины VIII в. верхняя граница датировки нескольких раскопанных погребений не выходит за пределы IV столетия. Наиболее вероятное время совершения самого раннего из них (погребения №24) определяется промежутком конца III – серединой IV в. Его инвентарь представлен бронзовой подковообразной фибулой с прямоугольным центральным и двумя округлыми концевыми щитками фазы В по Е.Л. Гороховскому (балто-днепро-окская серия VI, тип 1: Гороховский, 1982. Рис. 6) (рис. 1, *8*); поясным набором с бронзовыми накладками «мазунинского типа» в виде пластинчатых столбиков с квадратной серединой и Т-образными завершениями (см. *рисунок*, *1-4*), бронзовой В-образной пряжкой с гранёной фасетированной рамкой, удлинённым щитком с округлым расширением на конце и уплощенным слегка прогнутым коротким язычком (см. *рисунок*, *5*), бронзовым U – образным наконечником ремня (см. *рисунок*, *6*), бронзовой округло-выпуклой умбовидной бляшкой с «верёвочным» кантом по нижнему краю (см. *рисунок*, *7*), уздечным набором с бронзовыми зажимами с подгранёными прямоугольными щитками (см. *рисунок*, *10*), бронзовыми бочонковидными и кольцеобразными обоймами от уздечных ремней (см. *рисунок, 11 – 14*) и некоторыми другими находками, аналоги которых встречаются среди комплексов второй половины III – IV вв. рязано-окских и прикамских

могильников, в позднесарматских погребениях. Наиболее поздние из встреченных захоронений датируются промежутком конца VII – первой половины VIII в. – по отдельным разновидностям круглодротовых сюльгам с длинными «усами» и щитковоконечным височным кольцам «муромского» типа.

В настоящее время Подвязьевский могильник можно рассматривать в качестве ключевого памятника для изучения истории освоения земель на окском устье в начале раннего средневековья. Его материалы свидетельствуют, что традиция совершения грунтовых погребений получила распространение на берегах Нижней Оки ещё в позднеримский период, не позднее 50-100 лет после появления рязано-окских могильников в прибрежных районах Среднего Поочья (Ахмедов, Белоцерковская, 1998. С. 41). Дальнейшее изучение памятника, можно надеяться, придаст новый импульс исследованию истории сложения культурных комплексов средневековых марийцев и мурома.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахметов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников / Археологический сборник // Труды ГИМ. Вып. 96. М.: ГИМ, 1998. С. 32–42.

Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. 430 с.

Гороховский Е.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпровя з виімчастою эмаллю // Археологія. 1982. № 38. С. 16–35.

Гришаков В.В. Конские погребения VIII – первой половины X в. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. Межвузовский сборник. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 127–46.

Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. Мурома VII–XI вв. Учебное пособие. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. 77 с.

Зеленеев Ю.А. Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории. Этногенез и этническая история марийцев // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1988. С. 79–86.

Зеленеев Ю.А. Новые элементы в материальной культуре Марийского Поволжья IV – VII вв. н.э. Средневековые древности Волго-Камья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 19–24.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Труды марийской археологической экспедиции. Том V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

СЕНДИМИРКИНСКИЙ МОГИЛЬНИК – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н.Э. В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ СУРСКО-СВИЯЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2014 г. В.В. Гришаков[1], С.Д. Давыдов[2], Е.П. Михайлов[3], Н.С. Мясников[3], О.В. Седышев[1].

[1]Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, Саранск (vvg815@yandex.ru)
[2]Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск (ser.d88@yandex.ru)
[3]Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары
[3]Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары (myasnikovn@rambler.ru)
[1]Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, Саранск (sov323@yandex.ru)

***Ключевые слова*:** Ранний железный век, Сурско-Свияжское междуречье, грунтовый могильник, древнемордовская культура.

Резюме. В тезисах представлены предварительные результаты исследований Сендимиркинского грунтового могильника в северной части Сурско-Свияжского междуречья за 2012-2013 гг. Описывается месторасположения памятника, краткая история его исследования, особенности погребального обряда и вещевого материала. Сендимиркинский могильник датируется авторами второй половиной II – первой половиной III в. н.э. и связывается с формированием локального нижнесурского варианта древнемордовской культуры.

Сендимиркинский могильникрасположен в северной части Сурско-Сввияжского междуречья в зоне широколиственных лесов в центре Чувашской Республики (Вурнарский район) (рис. 1*, А*) в 1,1 км на ЮЮЗ от д. Сендимиркино и в 1,5 км на СВ от д. Буртасы. Памятник находится на надпойменной террасе р. Средний Цивиль, на длинном и узком мысу (см. *рисунок*, *Б*), образованном истоками р. Буртассница (п.п.р. Ср. Цивиль, п.п.р. Бол. Цивиль, п.п.р. Волга).

Памятник открыт в 2011 г. краеведом И.Г. Павловым. В 2012 г. экспедицией ЧГИГН на могильнике было заложено два шурфа площадью 56 кв. м, изучено 5 погребений. В 2013 г. совместной экспедицией ЧГИГН, МГПИ им. М.Е. Евсевьева, НИИГН было изучено 263 кв. м, исследовано 18 погребений (см. *рисунок*, *Б–В*).

Погребения имеют рядовую планировку. Ряды вытянуты по линии ЗСЗ – ВЮВ, что соответствует ориентировке мыса, на котором располагается памятник. Погребения совершены по обряду ингумации, головой на ЮЮВ (аз. 140-176°). Формы могильных ям чаще прямоугольные с закругленными углами, реже овальные, как правило, сильно вытянутых очертаний(см. *рисунок, В*). Размеры ям 120-370 см в длину, 50-95 см в ширину, 50-250 см в глубину. Погребение 4 (120х50х 90 см), судя по размерам, детское, большинство остальных (15) по инвентарю определены как женские. Погребение 3 –безинвентарное. На данном этапе исследований необычным на могильнике представляется отсутствие выраженных мужских захоронений. Интересно также, что наиболее глубокие, длинные и «богатые» захоронения образуют центральный ряд в середине могильного

мыса (см. *рисунок*, *В*). Из дополнительных конструкций следует отметить столбовое пятно у северо-восточной стенки погребения 1, а также ступеньку-уступ в погребении 5.

В единичных случаях, при неудовлетворительной сохранности костяков (иногда все же удавалось зафиксировать тлен длинных конечностей, фрагменты черепа, позвонков, зубы), можно говорить о том, что умершие были уложены в вытянутом положении на спине с руками вдоль туловища. На дне в двух случаях были расчищены остатки луба, на который, очевидно, укладывались погребенные. В заполнении и на дне могильной ямы в нескольких случаях были прослежены мелкие угли и фрагменты керамики (последние, скорее всего, связаны с поселенческими материалами).

В большинстве случаев вещи располагались в порядке ношения при жизни. В качестве исключений можно отметить воткнутое в короткую стенку выше изголовья погребенного железное шило (п. 5), жертвенный комплекс и перстень в изголовье рядом с сосудом (п. 18), железные удила и зуб лошади ниже ног погребенной (п. 19). Глиняные сосуды были зафиксированы в 20 погребениях. Расположены они чаще всего в изголовье погребенных, реже ниже области предполагаемых ног погребенного. Вещевые комплексы представлены украшениями из цветных металлов и стекла, фрагментами ткани и кожи, орудиями труда, предметами бытового назначения и вооружением из железа, камня и глины.

Сендимиркинский могильник наиболее вероятно датируется второй половиной II – первой половиной III в. н. э. Его вещевые материалы и погребальный обряд наиболее близки ранним мордовским могильникам в Верхнем Посурье и Примокшанье (Пензенский, Селиксенский, Ражкинский, Алферьевский, Шемышейский, Усть-Узинский). Аналогичны венчики с лопастевидными подвесками (см. *рисунок*, *Г –1, 14, 15*), накосники с парными округлыми бляхами из золотистой бронзы (см. *рисунок, Г–28–29*), использование круглых бронзовых блях с 1-3 валиками вокруг центрального отверстия и иглой (меньшая - на затылке, большая - в области груди) (см. *рисунок*, *Г–22–24*), спиралевидные перстни (см. *рисунок*, *Г –26*), браслеты с заходящими друг за друга орнаментированными лопастевидными концами (см. *рисунок*, *Г–35*), обувные пряжки с составными ременными наконечниками (см. *рисунок*, *Г – 31–32*) и др. Несомненно, древнемордовские параллели имеет лепная глиняная посуда с примесью шамота рассматриваемого памятника (см. *рисунок*, *Г–36–38*).Большая часть слабопрофилированных сосудов баночной формы находит аналогии в материалах Андреевского кургана (см. *рисунок*, *Г – 37, 38*), в то же время, как и на Нижней Суре, появляются высокие профилированные горшки (см. *рисунок*, *Г–36*) и мисковидная посуда (см. *рисунок*, *Г–39*).Это позволяет отнести территорию Нижнего Посурья рассматриваемого времени к Присурскому очагу керамических традиций (Гришаков, 1993. С. 101–103).

Наиболее ярко культурное своеобразие данного памятника проявляется в такой важной категории украшений, как височные подвески. В семи погребениях были обнаружены бронзовые подвески со спиралью из круглого стержня в 3,5-4,5 оборота на одном конце и листовидной лопастью на другом (см. *рисунок*, *Г –16–17*). Форма лопасти в виде листа схожа с пьяноборскими листовидными подвесками, но по количеству оборотов и размеру она ближе к каплевидной подвеске в три оборота из погребения 40 Андреевского кургана, являющейся, по мнению ряда исследователей, прототипом древнемордовского украшения. В погребении 20 Сендимиркинского могильника были расчищены также бронзовые подвески из круглого в сечении стержня с биконическим грузиком на одном конце и спиралью в 3-3,5 оборота на другом (см. *рисунок*, *Г–18*).Близкие подвески известны по верхнесурским древнемордовским могильникам, но там стержень был длиннее и прямее, а также обмотан тонкой округлой либо плосковыпуклой проволокой.

По-видимому, Сендимиркинский могильник связан с формированием в I тыс. н. э. на Нижней Суре и, возможно, Прицивильелокальной группы древнемордовской культуры, к которой относятся Таутовский, Иваньковский, Волчихинский, Сергачские («Кожина Слобода» и «Святой Ключ») могильники (Гришаков, 2008. С. 103–104). Характерной чертой на начальных этапах формирования дан-

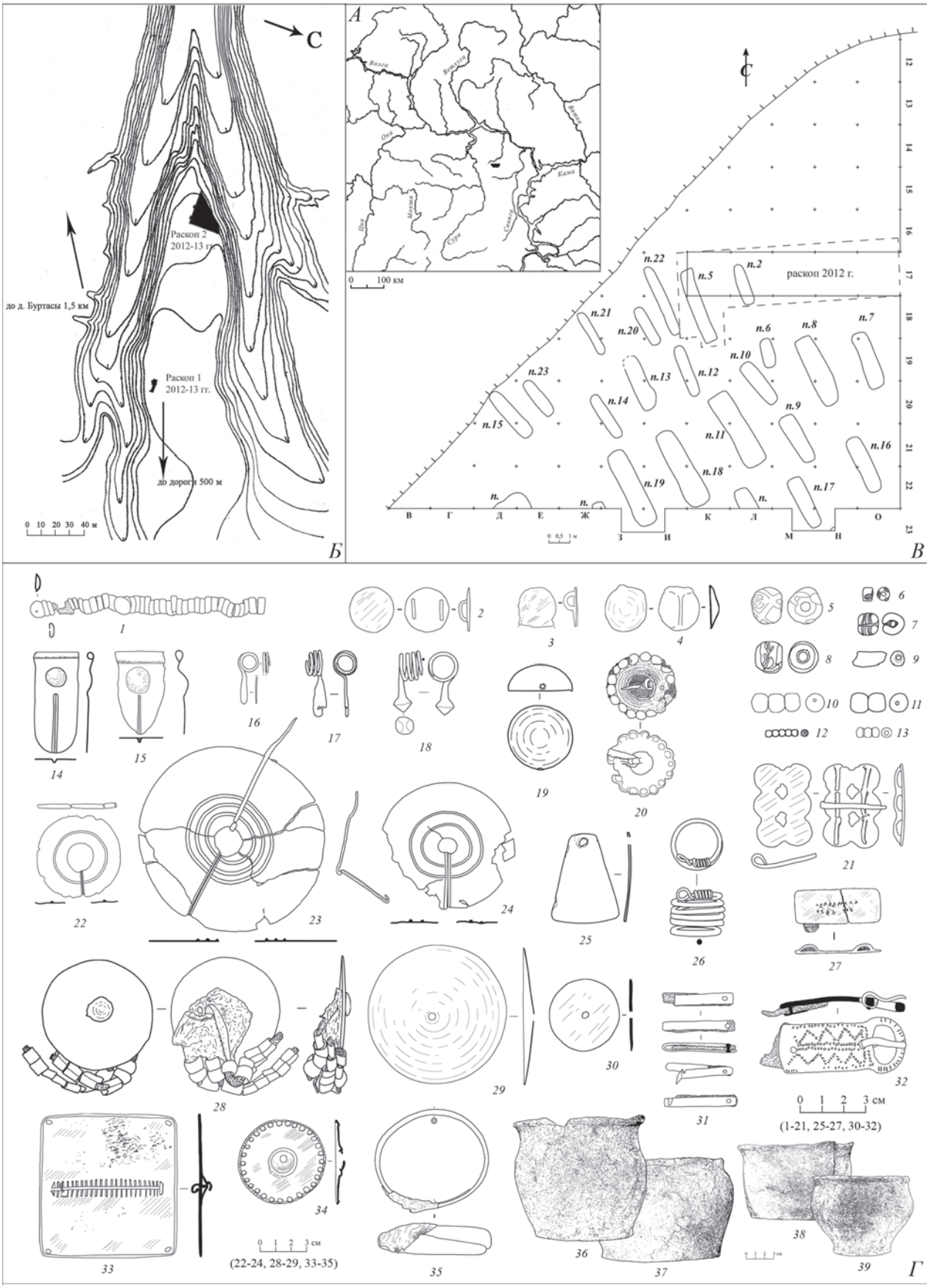

Рис. 1. Месторасположение, планы и вещевые материалы Сендимиркинского могильника. *А* – месторасположение на карте Среднего Поволжья; *Б* – сводный план раскопов 2012-2013 гг.; *В* – план раскопа 2 с указанием погребений; *Г* – материалы из погребальных комплексов: *5–13* – стекло, *36–38* – глина, остальное – бронза.

ного локального варианта следует признать как собственные варианты ряда украшений, так и сильное влияние прикамских традиций, что прослеживается в таких украшениях как височные подвески, бляхи-нагрудники (см. *рисунок*, *Г–33, 34*) и некоторые мелкие бляшки женского костюма (см. *рисунок, Г–2–4, 20, 21, 27*). Возможно, что эта особенность связана с культурным наследием андреевско-пиперальского населения, либо территориальной близостью могильника к прикамским культурам. Памятник представляет значительный интерес для науки, т.к. позволяет выявить в регионе переходные древности постандреевского времени, датируемые II в. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. 204 с.

Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи: Сборник материалов II Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения археолога, заслуженного работника культуры М.Р. Полесских (25 - 27 сентября 2008 г.). Вып. 2. Т. 2. Пенза: «Копи-Ризо», 2008. С. 99–105.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО АРМИЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК VI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ)

© 2014 г. С.Д. Давыдов[1], В.В.Гришаков[2]

[1]Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск (ser.d88@yandex.ru)

[2] Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, Саранск (vvg815@yandex.ru)

Ключевые слова: древнемордовский могильник, социоинформативность, погребальный обряд, вещевой комплекс, социальная стратификация, мужские погребения, профессионально-ранговая принадлежность, половозрастная дифференциация.

Резюме. Статья посвящена проблеме реконструкции социальной структуры населения, оставившего Армиевский (древнемордовский) могильник VI в. в Верхнем Посурье. В ней проводится анализ материалов некрополя с целью выявления социальной структуризации. Предпринята попытка определения взаимосвязи между социальным статусом индивида и ее выражения в ритуальной обрядности.

Вопросы реконструкции социального устройства древнемордовской общины на сегодняшний день остаются наименее проработанными. Настоящее исследование является попыткой воссоздания объективной картины социального устройства населения, оставившего Армиевский могильник VI в.

Первый Армиевский могильник был открыт в 1926 году археологической экспедицией под руководством профессора П. С. Рыкова. За 1926–27 годы вскрыто 128 погребений. В 1960–61 и 1969 годах исследование некрополя продолжил М. Р. Полесских, обнаружив и изучив за этот период еще 111 погребений.

Могильник располагается в 4,5 км к западу от села Армиево Шемышейского района Пензенской области по обеим сторонам оврага Рузаньлатка.

Погребения Армиевского могильника грунтовые, без признаков ярко выраженных надмогильных сооружений. Вместе с тем, тот факт, что погребения располагались в большинстве своем рядами, не перекрывая друг друга, говорит о наличии в древности каких-то опознавательных знаков. Вероятно, это были деревянные столбики, обозначавшие границы могильной ямы по углам, ямки от которых были обнаружены в погребении 177 (Полесских, 1979. С. 5).

Всего исследователями за время раскопок было обнаружено 239 погребений. Из них 60 мужских, 75 женских (одно парное 32ж), 24 детских (девочки) (одно парное 32д), 14 детских (мальчики), 66 неопределенных. Исследователями было установлено, что памятник функционировал в VI в. н. э. (Гришаков, 2004. С. 17–19).

Для получения наиболее полных и точных сведений о социальном устройстве древнемордовской общины нами была проведена классификация и анализ всех погребений Армиевского могильника. Каждая гендерная и возрастная группы захоронений исследовались нами в соответствии с методикой выявления социоинформативных маркеров, наличие или отсутствие которых, позволяет отнести захоронение в отдельную группу, характеристики которых будут даны ниже.

В силу того, что, как показало исследование, мужские захоронения оказались наиболее социоинформативными в настоящей работе будет представлен анализ материалов именно этой гендерной группы захоронений. Вместе с тем, для получения максимально объективной картины социального устройства населения, оставившего Армиевский могильник, в исследование были включены данные, полученные в ходе обработки материалов женских, детских и неопределенных погребений Армиевского некрополя, а так же материалы исследований более ранних древнемордовских могильников пензенской группы: Усть-Узинского-2 могильника III–IV вв., Селикса-Трофимовского могильника IV–V вв.

В ходе настоящего исследования было выявлено, что мужские погребения Армиевского могильника не однородны по составу, качеству и количеству погребального инвентаря, а так же, в ряде случаев, отличны и ритуальной составляющей.

Мужские погребения общинников распались на три группы: I – «бедные», II – «рядовые» и III – «воины». Последние две группы включили в свой состав еще две подгруппы, где оказались погребения, различия в вещевом комплексе которых, позволили выявить некоторые особые характеристики, отличные от других погребений той же группы.

В первую группу (I) – «бедные» – попали мужские захоронения, погребальный инвентарь которых, является скудным и представлен, в основном лишь предметами обихода.

Во второй группе (II) – «рядовые» – оказались погребения, в которых были выявлены маркеры, являющиеся в соответствии с принятой методикой критериями классификации.

В группе II «а» представлены погребения, имеющие в своем составе по одному конкретному маркеру – это либо конское снаряжение, а именно удила; либо остатки древкового оружия – наконечников стрел и наконечники копий.

В группе II «б» – захоронения, в которых маркеры характерные для могил второй группы встречаются в совокупности. Наконечники стрел и копий в купе с конским снаряжением.

Третью группу (III) – «войны» составляют погребения, в которых были обнаружены мечи. По тому же принципу, что и захоронения второй группы, погребения «воинов» распались на две подгруппы.

Группа III «б» содержит погребения, в которых мечи встречались в купе с удилами. Соответственно – в погребениях группы III «а» встречаются мечи, а конское снаряжение отсутствует.

Основой для данной классификации послужили различия, в первую очередь выявленные в вещевом комплексе мужских захоронений, наличие которых не вызывает сомнения. Так в первой группе оказались захоронения беднейших общинников, в вещевом комплексе которых был встречен минимальный набор сопутствующего инвентаря. Во вторую группу были включены погребения мужчин, кото-

рые при жизни, вероятно, занимались пастушеством (группа II «а»), и охотой (группа II «б»), а во время войны выступали в качестве пешего или конного ополченца. В третьей группе оказались войны. В составе их вещевого комплекса были обнаружены мечи (группа III «а»), и конское снаряжение с совокупности с клинковым оружием (группа III «б»).

Не был обделен вниманием и вопрос ритуальной обрядности. Без учета которой, картина социального устройства населения, оставившего Армиевский могильник была бы не полной. В силу того что объем настоящей статьи не позволяет включить в нее подробное описание вещевого комплекса и элементов ритуального обряда каждой из трех групп, данная информация представлена в табл.1.

Некоторые особенности погребального ритуала, вызывающие, на наш взгляд, интерес будут описаны ниже.

Способом трупосожжения на стороне захоронены усопшие войны из погребений 133 и 153. Однако, ритуал трупосожжения использовался не только при захоронении воинов. Так на Армиевском могильнике способом трупосожжения на стороне погребены взрослые общинники, а именно одна женщина (погребение 218) и 5 погребений (28, 140, 154, 211, 222), в которых пол усопших установить не удалось, но все они, очевидно, были беднейшими членами общины. Таким образом, проследить взаимосвязь между ритуалом кремации и статусом усопшего однозначно не удается.

Подтверждением теории, о том, что в основе структуризации древнемордовской общины в VI в. лежала профессионально-возрастная, а не имущественная дифференциация является факт обнаружения в захоронениях мальчиков-подростков зубов коня (погребение 59), костей овцы (погребение 86), костей и зубов коровы (погребения 116 и 119 соответственно). В некоторых захоронениях группы I, так же встречены фрагменты костей и зубов животных, а именно кости коровы (погребение 8), зубы овцы (погребение 84) и конские зубы (погребения 73, 109). Данные находки, можно интерпретировать как отражение прижизненных профессиональных занятий общинника в элементах погребального обряда. То есть, иными словами эти мужчины, очевидно, занимались пастушеством. В погребении 72, которое является захоронением воина, обнаружена конская челюсть, которую, однако, нельзя интерпретировать по аналогии с другими фрагментами костяков животных, потому что она, очевидно, имела другое значение. Как отмечает исследователь А. С. Пронин, находки конских челюстей в купе с конским снаряжением и предметами вооружения, является символичным конским захоронением в погребении знатного общинника или воина (Пронин, 2014. С. 205).

Впервые, на Армиевском могильнике в местном ритуале появляются кенотафы (погребения 150, 178, 182, 206). Важно отметить, что данный ритуал был применим к погребениям с мечами, то есть к захоронениям воинов. С большой долей вероятности можно предположить, что данный способ захоронения распространяется одновременно с формированием в среде общинников прослойки профессиональных воинов, которые чаще стали погибать вне пределов племенной территории. Соответственно захоронения без тел усопших являются характерными именно для погребений воинов, что и подтверждается данными настоящего исследования.

На основе полученных данных, привлекая материалы исследований более ранних верхнесурских древнемордовских могильников, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, наличие имущественной дифференциации у населения, оставившего Армиевский могильник, является следствием профессионально-возрастной структуризации общества. То есть, захоронения бедных и рядовых общинников содержали в своем составе минимальный или средний наборы погребального инвентаря соответственно. Тогда как, захоронения воинов в количественном и качественном отношении превосходили захоронения первых двух групп. Вместе с тем, на более ранних Усть-Узинском 2 и Селикса-Трофимовском могильниках захоронения воинов содержали средний набор погребального инвентаря. Данный факт может свидетельствовать о наличии профессионально-возрастной структуризации, которая еще не получала отражения в имущественном отношении в тот период. Процесс выделения слоя профессиональных воинов к III–IV вв., погребения

Табл. 1. Выборка погребального инвентаря и элементов ритуала мужских захоронений Армиевского могильника.

	№ группы		Группа I																									
	№ погребения		5	7	8	34	53	62	65	73	84	90	96	104	107	109	114	120	121	123	124	188	212	216	232	24	35	71
Погребальный обряд	Размеры см	длина	200	170	220	200	180	185	190	180	190	210	200	200	200	205	230	180	200	210	170	230	230	220	230	250	250	165
		ширина	60	70	74	70	60	55	60	60	60	70	60	70	50	75	80	60	70	60	65	56	75	70	58	75	55	70
		глубина	90	115	120	130	90	40	95	100	90	105	80	110	100	160	140	150	150	100	150	128	135	120	120	130	140	135
	Ориентировка		Ю	Ю	СВ	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	?	Ю	Ю	Ю	Ю	Ю	?	ЮЗ	ЮЗ	ЮЗ	Ю	Ю	Ю
	Тип захоронения		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	4	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
	Сосуд		X	X	X	X		X	X		X			X	X	X	X	X	X	X	X		X	X	X	X	X	X
	Внутримогильные сооружения и/или другие элементы ритуала				X*					X*	X*					X*												
	Дар																											
	Огненный ритуал			X		X	X		X		X		X	X		X		X	X	X								X
Погребальный инвентарь	Предметы бытового назначения	Нож	X	X	X		X		X		X	X		X	X		X			X	X	X		X	X	X		
		Топор				X								X			X											
		Разное*													X*	X*						X*		X*				
	Элементы одежды	Поясная гарнитура	X	X	X				X	X	X	X	X	X	X	X				X		X	X	X	X	X	X	
		Обувная гарнитура																										
		Другое*			X*		X*	X*				X*					X*		X*		X*						X*	X*
	Украшения	Перстни/ кольца																										
		Браслеты						X	X																			
	Конское снаряжение	Удила																								X	X	X
	Оружие	Стрелы																										
		Копья																										
		Мечи																										

| Группа II "А" | | |

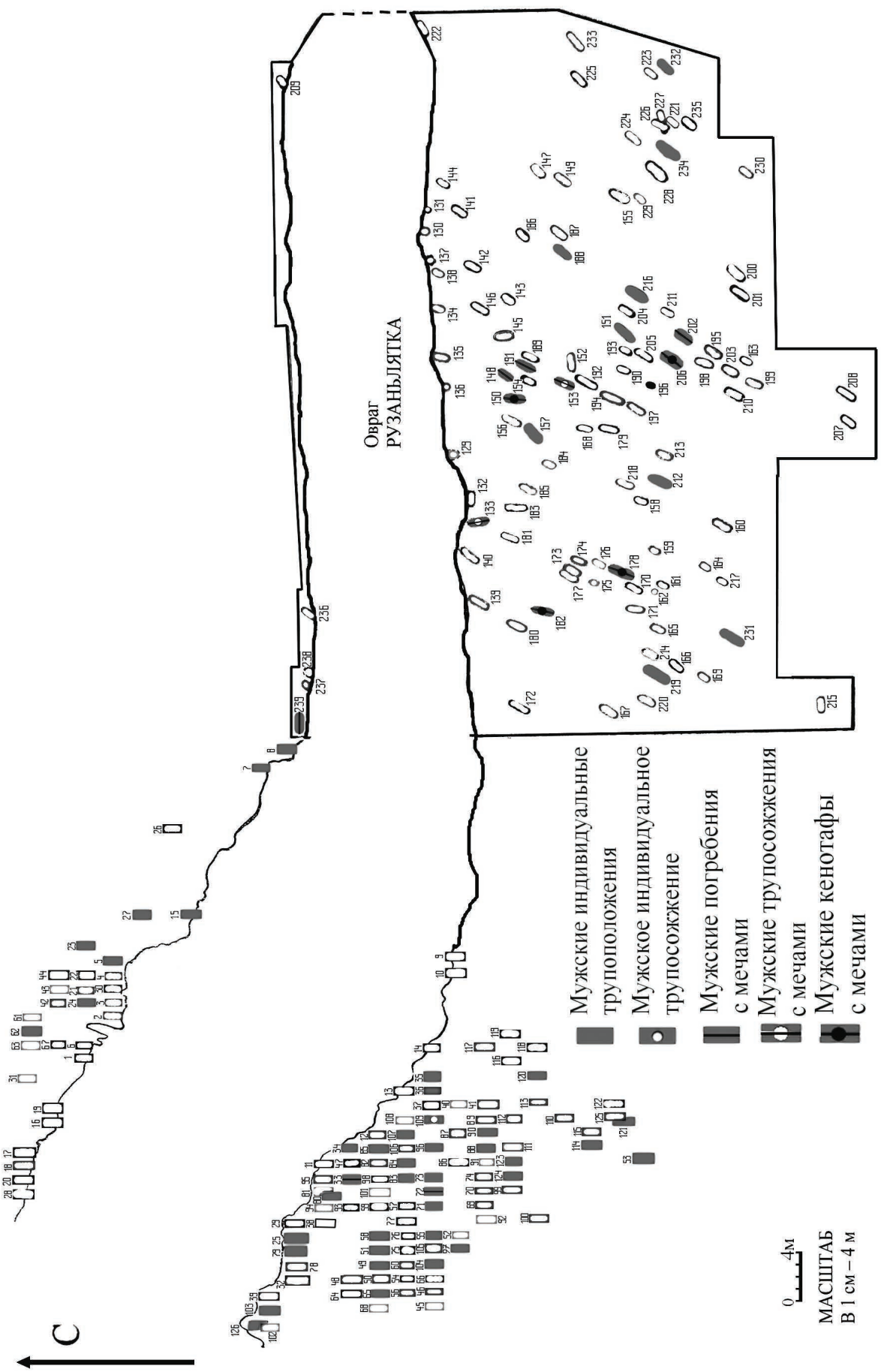

Табл. 2. Планиграфия Армиевского могильника.

которых выделяются на Усть-Узинском-2 и Селикса-Трофимовском могильниках, еще не стало причиной имущественного расслоения, как это происходит в период использования Армиевского могильника в VI в. Положение воина находит своё отражение в качестве и количестве сопутствующего погребального инвентаря и в погребальном обряде (кенотафы – исключительно воинские захоронения).

Во-вторых, сопоставление данных, полученных в ходе исследования Усть-Узинского-2, Селикса-Трофимовского и Армиевского некрополей дает основание предположить, что принцип трудовых затрат к моменту функционирования Армиевского могильника теряет свою значимость. Тогда как, на более ранних древнемордовских (Усть-Узинском (в большей мере) и Селикса-Трофимовском (в меньшей мере)) могильниках он проявляется значительно (Гришаков, 2014. С. 15).

В-третьих, данные, полученные в ходе анализа планиграфии Армиевского могильника свидетельствуют о том, что в период использования некрополя, несмотря на присутствие социальной дифференциации в среде общинников, в расположении могильных ям это никак не отражается (табл. 2). Это, вероятно, может быть связано с тем, что преобладающей формой социального сознания остаются родоплеменные отношения, в которых зарождающаяся социально-имущественная структуризация не находит отражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гришаков В.В. Ранняя стадия армиевского периода пензенских могильников (К проблеме соотношения тезиковских и армиевских комплексов) // Межрегиональная научно-практическая конференция «Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации», 30 марта – 1 апреля 2004 г. Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2004. С. 16–20.

Гришаков В.В. Социальная стратификация населения, оставившего Усть-Узинский 2 (Древнемордовский) могильник III – IV вв. // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. №2. / Ред. Гришаков В.В., Давыдов С. Д. Саранск, 2014. С. 7–17

Полесских М.Р. Армиевский могильник. Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры // НИИЯЛИЭ. Труды. Вып. 63. Мордов. кн. изд-во, 1979. С. 5–56.

Пронин А.С. Средневековые мордовские символичные погребения с конем // «Странник». Саранск, 2014. №2. С. 204–206.

МАЗУНИНСКИЙ КОМПОНЕНТ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОМСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ МАЗУНИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

© 2014 г. А.Г. Иванов

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск (sandyr_iv@mail.ru)

Ключевые слова: мазунинская культура, поломская культура, Прикамье, река Чепца, Варнинский могильник, жертвенный комплекс.

Резюме. В статье рассмотрены вопросы участия постмазунинского населения в формировании и ранней истории поломской культуры.

Заметное место на археологической карте Прикамья второй четверти I тысячелетия н.э. занимают памятники мазунинской культуры, выделенной В.Ф. Генингом ещё в 1950-е гг. (Генинг, 1959; 1967). К настоящему времени раскопками исследованы десятки могильников и поселений культуры, очерчен её ареал, определены и охарактеризованы основные черты погребального обряда, керамика и вещевой комплекс мазунинского населения, разработана хронология памятников, выявлены локальные варианты культуры (работы В.Ф. Генинга, Н.А. Мажитова, Р.Д. Голдиной, Т.И. Останиной, В.А. Иванова и многих др.). Среди исследованных памятников мазунинской культуры имеются полностью раскопанные могильники, в том числе и такие крупные, как Тарасовский, где изучено 1880 погребений (Голдина, 2003; 2004), Тураевский-1, Покровский и др. Обобщение основной части полученных материалов осуществлено в монографии Т.И. Останиной (1997). В отношении памятников мазунинского типа существуют несколько точек зрения, среди которых основными являются следующие: 1. Это памятники, объединяемые в самостоятельную мазунинскую археологическую культуру III–V вв., с подразделением их на удмуртский и башкирский варианты (В.Ф. Генинг, Т.И. Останина и др.); 2. Это памятники раннего этапа бахмутинской культуры (Н.А. Мажитов и др.); 3. Это памятники заключительной (мазунинской) стадии чегандинской (пьяноборской) культуры (Р.Д. Голдина и др.).

Одной из проблем, связанных с мазунинской культурой и не нашедших ещё обоснованного разрешения, является вопрос о дальнейшей исторической судьбе мазунинского населения, учитывая его достаточно высокую численность и концентрированность в пределах Среднего Прикамья. С этим же связан и вопрос о роли мазунинского населения в этнокультурном формировании современных народов региона.

Кажется, что в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения, что часть мазунинского населения осталась на своей территории и в качестве субстрата («поздне- или постмазунинский компонент») участвовала в дальнейшей этнической истории на территориях нижнего поречья Белой (бахмутинская культура VI–VII вв.) и южной части Камско-Вятского междуречья (верхнеутчанская культура VI–IX вв. по Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной) (Голдина, 1999. С. 225–226, 278–309). Очень вероятно также участие отдельных групп мазунинского населения в расселении на Средней (тулвинско-осинская группа памятников) и Верхней Каме (ареал позднегляденовской культуры).

Менее исследована к настоящему времени проблема участия какой-то части постмазунинского населения в формировании и

дальнейшем развитии поломской культуры в верхнем течении р. Чепцы, крупного левого притока р. Вятки. В первых работах по мазунинской культуре В.Ф. Генинг отрицал подобную возможность; на этой точке зрения он оставался и позднее (Генинг, 1980. С. 147). Впервые гипотезу о возможном участии мазунинского населения в формировании поломской культуры высказал В.А. Семёнов (Отчёт о разведочных работах в 1956 г.). Позднее он связал это с приходом на Чепцу в середине VI в. какой-то группы населения, близкой мазунинскому и азелинскому (Семёнов, 1980. С. 65–66; 1982. С. 49–51). В одной из последних работ он больше отдавал предпочтение последнему компоненту (Семёнов, 1989). В качестве аргумента высказанному мнению В.А. Семёнов приводил некоторые параллели в погребальном обряде и в типах вещей между Варнинским (комплексы конца V–VII вв.) и мазунинскими могильниками, однако какое-либо развёрнутое обоснование гипотезы всё же у него отсутствует. Точку зрения, высказанную В.А. Семёновым поддержала Т.И. Останина, однако также без развёрнутой аргументации (Останина, 1997. С. 180; 1999. С. 82).

При вычленении этнокультурных компонентов в формировании поломской культуры ранее мной уже был очерчен круг признаков, названный «мазунинско-бахмутинским» (вернее его называть всё же «мазунинским» или «постмазунинским»): трупоположение в узких, длинных неглубоких ямах; распространение западной ориентировки погребённых; отсутствие в захоронениях сосудов и костей животных; помещение в могилы так называемых жертвенных комплексов – наборов женских украшений и мелких орудий труда, помещённых в берестяные туески; отдельные вещи мазунинского облика (объёмные пронизки-медведи, височные подвески мазунинского типа, некоторые типы накладок, ножны, подвески из раковин, железная Ж-образная фибула) (Иванов, 1998. С. 39, 41–42).

Проводившиеся в последние годы раскопки Варнинского могильника конца IV – 1-й половины X в. (Дебёсский район Удмуртии; верхнее течение р. Чепцы) дали новые интересные материалы, касающиеся в первую очередь захоронений VI–VIII вв. Особенно показательны результаты раскопок 1996 – 1998 гг., которые на более массовом материале позволили фиксировать на этом памятнике «постмазунинский» компонент, чётко проявившийся в захоронениях VI–VII вв. Кроме упомянутых жертвенных комплексов в берестяных сосудах, которые продолжали массово встречаться в могилах этого времени, нередко выявлялось помещение украшений и частей убора не в том виде, как использовались при жизни: гривны положены на живот, пояса вытянуты вдоль погребённого, – т.е. так, как типично для мазунинских погребений. Вновь представлены украшения мазунинского облика, иногда в изменяющемся (вырождающемся) виде: полые пронизки-медведи с трубочкой, типы накладок, пронизок, височных подвесок и т.д. В качестве мазунинского наследия можно интерпретировать широкое распространение женских накосников из железных колечек кольчужного плетения в захоронениях VII–VIII вв.

Таким образом, в настоящее время можно аргументировано констатировать факт участия постмазунинского населения в формировании и ранней истории поломской культуры. В настоящее время «мазунинский компонент» более отчётливо проявляется в материалах VI–VII вв. Проникновение позднемазунинского населения на Чепцу в этот период происходило, в первую очередь, через бассейн р. Сивы, правого притока р. Камы, где известны мазунинские памятники IV–V вв. (Нивский могильник, Сосновское городище и др. поселения). Возможно проникновение постмазунинского населения на север, в Чепецкий бассейн, также через бассейн р. Иж, хорошо освоенный мазунинским населением (Покровский, Чужьяловский, Ижевский могильники; Постольское, Чутожмонское, Чужьяловское, Карлудские городища и др.), с дальнейшим выходом на участки водораздела и на левые притоки р. Чепцы (Правокушьинские находки подвесок, Каравайское и, возможно, Сепычское городища).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7. Свердловск; Ижевск, 1967. С. 7–84.

Генинг В.Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс.н.э. (По материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 136–151.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 319 с.; Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 722 с.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Останина Т.И. Городище мазунинской культуры около с. Сосновка Удмуртской Республики // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 66–98.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.

Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 43–62.

Семенов В.А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 20–33.

КУДАШЕВСКИЙ I МОГИЛЬНИК – ИСТОЧНИК ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ПЕРМСКОМ ПРИКАМЬЕ

© 2014 г. О.А. Казанцева

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(kazantsevaolga@yandex.ru)

Ключевые слова: эпоха великого переселения народов, Среднее Прикамье, могильник, погребальный обряд, вещевой инвентарь.

Резюме. В статье рассматриваются предварительные итоги изучения погребального обряда Кудашевского I могильника III–V вв., расположенного в Бардымском районе Пермского края. Приводятся результаты сравнения с одновременными могильниками эпохи Великого переселения народов: Верхне Ирьякским и Мокинским, расположенных в Пермском Прикамье.

Территория южной части Пермского Прикамья представляет собой своеобразную контактную зону взаимодействия древнего населения в середине I тыс. н.э. В погребальном обряде и материалах археологических памятников фиксируются традиции и новации, связанные с событиями Великого переселения народов.

Особое место среди этих объектов занимает Кудашевский I могильник в Бардымском районе Пермского края. Некрополь размещается на юго-западной окраине д.Кудаш на невысоком выступе правого берега р.Большая Амзя, левого притока р.Тулвы, левого притока р.Камы. На противоположном – левом берегу р.Большая Амзя располагаются четыре городища эпохи раннего железного века, одно из

которых укреплено линией обороны в виде 8 валов, что позволяет предполагать, что городище являлось важным, стратегическим пунктом в древности. Таким образом, могильник является одним из объектов археологического комплекса памятников.

Могильник был открыт в 1989 году О.А. Казанцевой и в настоящее время изучается стационарно (Казанцева, 1989. С. 60–62). В 1990–1991, 1993–1994, 1999 гг. был исследован курган и грунтовая часть памятника (Казанцева, 1994. С. 132; Казанцева, 1995. С. 210–211). В 2003–2013 гг. были продолжены раскопки грунтовой территории могильника (Бернц, Салангин, 2004. С. 303; Казанцева, Широбокова, 2005. С. 348–349; Казанцева, 2006. С. 459; Казанцева, Широбокова, 2007. С. 376–377; Казанцева, 2009. С. 459; Казанцева, Ютина, 2013. С. 226). Вскрытая площадь составляет более 2 тыс. кв.м (335 погребений в грунтовой части), в том числе в курганной части – 262 кв.м., 8 могил (Казанцева, 2013. С. 68–70). Общая характеристика памятника представлялась в научных изданиях и конференциях (Казанцева, 2004. С. 132–139; Казанцева, 2011. С. 252–259).

На памятнике, состоящем из двух частей – курганной и грунтовой, фиксируется два способа захоронения: грунтовые могилы под земляными курганами и без насыпей. Изучен самый высокий – курган №1. Под насыпью зафиксированы остатки кольцевого рва, 6 ритуальных ям, 4 погребения (Казанцева, 2011. С. 252–253). В грунтовой части памятника преобладает направление могильных ям по линии СВ-ЮЗ, выделено 26 типов погребальных конструкций, которые отражают разные представления людей об устройстве погребального места (Казанцева, Вязников, 2012. С. 20–31). На памятнике четко прослеживается тенденция – чем богаче погребение, тем оно длиннее, шире и глубже и наоборот, чем беднее могила по инвентарю, тем она меньше в своих размерах. Среди древнего населения Кудашевского I некрополя существовали разные традиции положения умерших в могиле, женщины имели четкую тенденцию головой к реке, а мужчины, наоборот, головой от реки. По ряду общих признаков обряда и вещевого инвентаря, на территории памятника отмечена локализация компактных групп погребений, несмотря на расположение могил рядами. Население использовало древесину для погребальных конструкций: гробы, колоды, носилки, единичны массивные плахи – в самых богатых по инвентарю могилах (Казанцева, Вязников, 2012. С. 20–31). В 13 (4,2%) могилах зафиксированы остатки обугленных деревянных конструкций, что свидетельствует о важной роли огня при захоронении (Казанцева, 2013. С. 69). Охра отмечена как элемент погребального обряда в 19 (6%) могилах. Жертвенные комплексы содержатся в 30% могил. Предметы почти всегда сопровождают умерших, но в 29 (9,3%) погребениях инвентаря нет. Грунтовые ямы, охра в могилах, жертвенные комплексы – черты традиционного погребального обряда финно-пермского населения. Биобрядность погребального обряда Кудаша, типы погребальных конструкций могил в грунтовой части памятника связаны с традициями разных этнических групп населения. На площади памятника, среди рядов могил существовала отдельная площадка для отправления специальных обрядов и культовых действий.

Территориально и хронологически Кудашевскому I могильнику близки могильник Верхний Ирьяк (III−IV вв. н.э.), расположенный в Осинском районе Пермского края и Мокинский (IV−V вв. н.э.) – в Пермском районе Пермского края. Памятники исследуются пермскими археологами (*Мельничук, Оборин, Соболева. 1989. С.* 78−81; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011. С. 65−80). Ученые единодушны во мнении, что пришлый компонент прослеживается в традиции погребальной обрядности – курганном способе захоронения, не характерной для финно-угорских племен. Исследователями отмечена определенная трансформация ананьинско-гляденовских традиций погребального обряда: замена «дома мертвых» на культовые сооружения (рвы) для кремации умерших.

Для сравнения погребального обряда Кудашевского I некрополя с обрядом могильников III–V вв. н.э. Пермского Прикамья учитывались: способ захоронения, направление могильной ямы по сторонам света, расположение умершего, особенности погребальных конструкций, наличие жертвенных комплек-

сов, сопровождающего инвентаря, охры, речных галек, костей животных.

Анализ погребального обряда этих памятников позволил выделить нам следующие общие черты: наличие курганной и грунтовой части на могильниках (Кудашевский I и Мокинский); единичны парные и детские захоронения, наличие ритуальных остатков костей животных – лошади, преобладающий способ захоронения – ингумация, кремация некоторых костяков; фиксация кенотафов; наличие жертвенных комплексов, лепной керамики в захоронениях, безинвентарность некоторых могил. Существуют определенные вариации указанных черт на конкретных памятниках. Например, сложные обряды кремации, культовых действий населения отмечены на Мокинском могильнике (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011. С. 71–72).

В свою очередь, погребальный обряд Кудашевского I могильника тоже отличается от Верх Ирьякского и Мокинского могильника некоторыми признаками: нет традиции обезвреживания умерших, нет культовых сооружений – «дома мертвых», нет меловой подсыпки и известковых подушек, являющимися типичными для обрядов ананьинско-гляденовского населения. С другой стороны, зафиксированы случаи порчи металлических предметов (наконечники копий, ножи), наличие речных галек в засыпи могил, которые имеют аналогии в иной среде, сарматской.

Географическое расположение Кудашевского I могильника в контактной зоне, древний ландшафт, миграции населения в Прикамье в середине I тыс. н.э. способствовали формированию особенностей некрополя. Начало процесса смешения населения на территории юга Пермского Прикамья фиксируется по материалам более раннего, чем Кудаш – Красноярского могильника (I–V вв. н.э.), что связано с появлением в его поздней части могил, ориентированных в западном направлении, содержащих оружие, керамику (Казанцева, 2012. С. 57). Кудашевский I могильник отражает дальнейший этап взаимодействия части местного (смешанного) населения, активно контактировавшего, с пришлыми группами на территорию Прикамья в IV в. н.э.

Таким образом, Кудашевский I могильник, являясь одним из южных памятников эпохи Великого переселения народов в Пермском Прикамье, важен как интереснейший источник для изучения этнической истории населения и этнокультурной ситуации I тыс. н.э. в Приуралье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернц В.А., Салангин Д.А. Исследования Кудашевского могильника // Археологические открытия 2003 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 303.

Казанцева О.А. Исследования в Бардымском районе Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1989. С. 60–62.

Казанцева О.А. Исследования Кудашевского могильника // Археологические открытия 1993 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1994. С. 132.

Казанцева О.А. Исследования Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермской области и в Алнашском районе Удмуртии // Археологические открытия 1994 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1995. С. 210–211.

Казанцева О.А. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Сб. ст.: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 2004. С. 132–139.

Казанцева О.А. Широбокова Н.Ф. Исследование Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермской области // Археологические открытия 2004 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 348–349.

Казанцева О.А., Широбокова Н.Ф. Изучение Кудашевского могильника // Археологические открытия 2005 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 376–377.

Казанцева О.А. Исследования Кудашевского могильника // Археологические открытия 2006 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 459.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Исследования Кудашевского могильника // Археологические открытия 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 358–360.

Казанцева О. Кудашевский могильник – новый источник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Congressus XI Internationa-

lis Fenno-Ugristarum. Редкол.: S. Csucs, N. Falk, V. Pu:spo:k [и др.]. Piliscsaba, 2011. P.VIII. С. 252–259.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Исследование Кудашевского могильника и разведочные работы в Бардымском районе Пермского края / Отв. ред. Н.В. Лопатин // Археологические открытия 2008 года. М.: ИА РАН, 2011. С. 355, 356.

Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Отв. ред. О.В. Арматынская. Ижевск, 2012. 180 с.

Казанцева О.А., Вязников А.М. Погребальные сооружения населения среднего Прикамья (по материалам Кудашевского могильника III–V вв. н.э.) // Вестник УдГУ. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. / Отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск, 2012. С. 20–31.

Казанцева О.А. Археологические исследования могильников середины I тыс. н.э. в Тулвинском поречье // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всерос. археологической конф. с международ. участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар, 2013. С. 68–70.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Исследование Кудашевского могильника и разведка в Пермском крае // Археологические открытия 2009 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2013. С. 226.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Вып. 1(15). / Отв. ред. Г.А. Янковская. 2011. С. 65–80.

О БАЛТСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

© 2014 г. А.Е. Кожевин, В.В. Приходько

Ульяновский государственный университет, Ульяновск (obereg@inbox.ru, v_prikhodko@mail.ru),

Ключевые слова: юхновская культура, именьковская культура, Среднее Поволжье, I тысячелетие н.э., позднезарубинецкое население, балты.

Резюме. В работе рассматриваются балтские элементы в материальной культуре Среднего Поволжья первой половины I тысячелетия н.э. Обнаружена связь элементов, характерных для Среднего Поволжья, с находками, типичными для племен юхновской культуры. Указываются некоторые традиции домостроительства именьковской культуры, истоки которых формировались в Верхнем Подесенье и Поочье. Приведены новые лингвистические данные с территории Среднего Поволжья, обосновывающие пребывание здесь в прошлом балтоязычного населения.

Этническая принадлежность носителей именьковской археологической культуры вызывает до настоящего времени оживленные дискуссии у исследователей. Впервые гипотезу о ее балтском происхождении высказал А.Х. Халиков (Халиков, 1988. С.119–126). Ее существенным недостатком на наш взгляд, является акцентирование внимания исключительно на лингвистической атрибуции носителей именьковской культуры без привлечения археологических материалов. В то же время в археологических материалах Среднего Поволжья первой половины I тыс. н.э. фиксируются элементы, характерные для юхновской археологической культуры, большинством исследователей отождествляемой с балтами (Седов, 1994. С. 216; Обломский, 1986. С. 39). Наиболее поздние юхновские материалы, которые были отнесены А.К. Амброзом к «1-2 этапам почепской культуры» (верхний слой

Полужского городища, несколько комплексов из Синьково), и близкий к ним комплекс из сооружения 1 Синьково-Дмитриево, судя по обломкам лощеных мисок, имеющих аналогии в Среднем Поднепровье, датируются временем около середины I в. н.э. (Амброз, 1964. С. 59–62; Обломский, Терпиловский, 1991. С.58–59; Обломский, 2003. С. 14). В формировании позднезарубинецких древностей Днепровского Левобережья участвовали племена и другого происхождения (Обломский, 2003. С. 15). Как убедительно показал А. К. Амброз, некоторые типы почепских глиняных изделий (например, сфероконические предметы), детали орнаментации посуды, а также специфические по планировке наземные длинные дома связаны по происхождению с традициями юхновской культуры (Амброз, 1964, 1978). Данное явление получило название «юхновской канвы» почепских памятников (Обломский, Терпиловский, 1991. С.59). Расселение позднезарубинецких племен достигло р. Волги (Матвеева, 2003. С. 67), большинство раскопанных А. А. Хрековым поселений и могильников типа Шапкино-Инясево являются типичными позднезарубинецкими (Обломский, 2007. С. 79). Среди материалов поселения Царев Курган выделяются миски, восходящие к прототипам, наиболее типичным для памятников I–II вв. н.э. Верхнего Подесенья типа Почепа, но встречающихся и на других территориях (Сташенков, 2005. С. 22).

В результате исследований многослойного городища Ашна-Пандо (Сурский район Ульяновской области) Г.М. Буров выделил группу находок раннего железного века (керамика с нарезками, защипами и ямками на торце и боковой поверхности, псалий, наконечник стрелы из кости, глиняные грузики и пряслица различных форм и т.д.). По мнению Г. М. Бурова, данное население было родственно племенам юхновской культуры лесного Поднепровья (Буров, 1977. С. 24). В материалах городища Ош-Пандо П.Д. Степанов отметил находки “рогатых кирпичей” (всего их было найдено 11 экз.) (Степанов, 1967. С. 69). Наиболее близкие аналогии исследователь привел в находках нижнего слоя Полужского городища, относящегося к юхновской культуре (Степанов, 1967. С. 70). П.Д. Степанов выделяет также группу пряслиц, которую он включил в тот же культурный комплекс, что и «рогатые кирпичи». Аналогии им он также приводит в материалах юхновской культуры (Степанов, 1967. С. 73). Аналогичные пряслица встречены и на городище Ашна-Пандо (Степанов, 1967. С. 72).

На территории Старомайнского городища исследованы именьковские «длинные дома» (Матвеева, 1993, С. 169). Н.А. Лифанов приводит чёткую аналогию постройкам данного типа в конструкции и интерьере жилищ городища Мощины, существовавших на этом поселении, очевидно в IV–V вв. (Лифанов, 2000. С 129). Именьковские постройки типа III (по Н.А. Лифанову) – «полуземлянки» находят аналогии в среднем течении р. Десны, на поселениях деснинской локальной группы киевской культуры (Лифанов, 2000, С. 130; Терпиловский, 1984, С. 13–14; Славяне и их соседи, 1993. С.108-109) Объединение построек типа I («длинные дома») и типа III в рамках первой традиции домостроительства не случайно. И мощинская, и киевская культуры некогда сформировались при участии одного из локальных вариантов позднезарубинецких памятников – почепской культуры, существовавшей в регионе Верхнего Подесенья во второй половине I – конце II вв. н. э. (Славяне и их соседи, 1993. С. 47). «Длинные дома» своим происхождением связаны с домостроительством местных племен юхновской культуры раннего железного века (Амброз, 1978. С. 37). Близкую аналогию «длинным домам» Старомайнского городища отметим и среди почепских построек (Синьково, дом 23) (Обломский, 2003. С. 160). Появление «полуземлянок» вызвано проникновением на Десну зарубинецкого населения со Среднего Днепра в середине I в. н.э. (Лифанов, 2000. С. 130; Пронин, 1979. С. 49–50). Прекращение существования почепской культуры совпадает с появлением в Подесенье киевских памятников. Этот процесс сопровождался уходом почепского населения на Верхнюю Оку и формированием там мощинской культуры (Седов, 1970. С. 43–44; 1982. С. 43). Деснинское и окское домостроительство первой половины I тысячелетия н.э. имеют единую традицию (Фролов, 1979. С. 72), общность которой сохранялась и в рамках именьковской культуры (Лифанов, 2000. С. 130).

Лингвистические данные подтверждают и дополняют результаты археологических исследований, свидетельствуя о том, что территория распространения балтских племен некогда была намного обширнее, чем в наши дни, и могла охватывать в том числе Среднее Поволжье. К таким свидетельствам относятся в первую очередь данные гидронимики. Так, только в Верхнем Поднепровье зафиксировано не меньше 700 названий рек, имеющих балтийскую этимологию. Многочисленны балтийские гидронимы в бассейне Оки, где зафиксирована мощинская археологическая культура.

В более восточных областях Р.А.Агеева выделяет «если не балтийский, то прабалтийский или индоевропейский горизонт» в названиях притока Волги *Камы*, притока Камы *Вятки* и еще некоторых названий в Кировской и Нижегородской обл. (Агеева, 1980. С. 144). Что касается Среднего Поволжья, то, по утверждению В.В. Напольских, «наличие в пермских, мордовском, марийском и поволжских тюркских языках заимствований из языка балто-славянского типа может иметь объяснение в связи с миграцией центральноевропейских групп [балтов] в Среднее Поволжье в сер. I тыс. н.э. (прежде всего – носители именьковской археологической культуры) (Напольских, 2007. С. 102)».

На территории Ульяновской области авторами ранее был выделен ряд гидронимов – *Кубра*, *Ломовка*, *Майна*, *Тушна*, *Утка*, – которые с высокой вероятностью можно отнести к балтизмам (Приходько, 2011. С. 42). Дальнейшие исследования обнаруживают ряд новых гидронимов, имеющих удовлетворительные балтийские этимологии. Примечательно, что сгущение таких гидронимов наблюдается в среднем течении Суры – в основном на территории Дубенского района Республики Мордовия. Ниже рассматриваемые названия приводятся в алфавитном порядке.

*Букава***,** п.п. Сухой Карсунки. Гидроформант *–ава* весьма распространен на территории бывшей Восточной Пруссии и в Латвии (Топоров, 2009. С. 216). На территории Литвы встречаются реки *Būkà, Būkas, Būkelis, Būk–abalė*. Ванагас (Vanagas, 1981. С. 73) сравнивает их с названием птицы *būkas ‘выпь’,* а также с лат. *bauga* ‘топкое место у реки’, булг. *буга* ‘мокрое, топкое место’, рус. *буга* ‘затопляемые паводком прибрежные деревья и кустарники’.

*Лаша***,** л.п. Суры**.** Этимология, предложенная Цыганкиным, а именно: «топооснова *ла-*, возможно, от э. *лашмо* «овраг с пологим берегом» + географический суффикс *-ша,* ср. Кша, Мокша, Пикша» (Цыганкин, 2005. С. 180), является сомнительной в силу произвольно взятой топоосновы, а также надуманного «географического суффикса» – здесь, скорее, следует выделять исход *-кша*. В Литве встречаются названия с подобной основой: *Lãš-upis*, *Laš-upėlis*, *Lãš-iupis*, *Lašišà*, озеро *Lašų*. Ванагас связывает их с названием рыбы *lašiša* ‘лосось’, хотя отмечает, что не следует исключать связь с лит. *lãšas* ‘капля’, *lašėti* ‘капать’.

Сура, п.п. Волги. Название встречается неоднократно в средней полосе и на севере России, на Украине, в странах Балтии. В Литве во множестве представлены реки, названия которых содержат данный аппелятив: *Sūris*, *Sūrùsis*, *Sũrava*, *Sūrelė*, *Sūrinė*, *Sūrinis* (2 ед.), *Sūr-upis*, *Sũr-upis*, *Sūr-upė*, *Sūr-upelis*, *Surpelys* (<**Sur-upelys*). Все приведенные названия Ванагас выводит из аппелятива *sūrùs* ‘с солью, содержащий много соли’ (Vanagas, 1981. С. 320). Топонимические параллели сосредоточены преимущественно в бассейне Оки – на территории, где принято размещать летописное балтоязычное племя Голядь: *Сура* в бассейне Клязьмы, а также *Сурава*, *Суралей* (2), *Сурамля*, *Суренка*, *Суринка*, *Сурка*, *Сурменка*, *Сурож*, *Сурочка*, *Шура*, *Шуранда*, *Шурка*, *Шуровка*. В Солонянском районе Днепропетровской области (Украина), встречаются следующие реки: *Сура*, *Мокрая Сура*, *Сухая Сура*, *Камышеватая Сура*. Тот факт, что в р. *Мокрая Сура* впадает речка *Солёненькая*, подтверждает связь названия *Сура* с апеллятивом *соль*.

Штырма, л.п. Суры. Удовлетворительной этимологии в мордовских языках не имеет (Цыганкин, 2005. С. 410). В то же время в литовском языке встречается апеллятив *stìrna* ‘косуля, травоядное животное семейства оленьих’. Исход *–на* мог измениться на *–ма* под влиянием местных традиций, так как топонимы на *–ма* достаточно популярны в регионе.

Кроме гидронимов, о возможном пребывании балтов в Среднем Поволжье свидетельствует ряд лексических заимствований из балтийских (либо славяно-балтийских) языков, зафиксированных в финно-угорских языках Волго-Камья различными исследователями (см. Напольских, 2006. С. 13–19).

В последние годы большинством исследователей признается, что именьковская культура была полиэтничным образованием. Вышеприведенные факты позволяют нам сделать вывод, что в числе прочих составляющих (славянской, позднесарматской, финно-угорской) она содержала и балтскую этническую компоненту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеева Р.А. Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1980. С.140–150.

Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э.// СА. 1964. № 1. С. 59–62.

Амброз А. К. Длинные дома Полужского городища IV-III вв. до н.э. // Древняя Русь и славяне. Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 30–40.

Буров Г. М. Археологическая карта Ульяновской области // Архив УОКМ. 1977. № 858. 491 с.

Лифанов Н.А. Раннесредневековые жилые постройки лесостепного Поволжья как источник культурногенетических реконструкций // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М.: Труды ГИМ. Вып.122, 2000. С. 128–134.

Матвеева Г. И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. С. 156–183.

Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: Именьковская культура. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. 158 с.

Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. №2. С.13–19.

Напольских В.В. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке // Арт. 2007. №4. С. 88–127.

Обломский А. М. Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснинским вариантом киевской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 39–62.

Обломский А. М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время // Раннеславянский мир, 2003. Вып.5. 256 с.

Обломский А. М. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летия со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова. М., 2007. С.78–81.

Обломский А.М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н.э. М., 1991. 175 с.

Приходько В.В. К вопросу об этноязыковой атрибуции именьковской археологической культуры // Симбирский научный вестник, 2011. №2(4). С. 42–47.

Пронин Г. Н. Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа// СА. 1979. № 1. С. 47–62

Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 43–44.

Седов В. В. Восточные славяне в VI- XIII вв. М., 1982. 326 с.

Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. 344 с.

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. 328 с.

Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. // Раннеславянский мир. М., 2005. Вып.7. 150 с.

Степанов П. Д. Ош Пандо. Саранск: «Мордовское книжное издательство», 1967. 211 с.

Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984. 124 с.

Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья // О.Н.Трубачев. Труды по этимологии. Т. 4. М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. 696 с.

Халиков А. Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань, 1988. С. 119–126.

Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 429 с.

Фролов И. К. О домостроительстве первой половины I тысячелетия н. э. на территории Подесенья и Поочья // СА. 1979. № 1. С. 63–72

Vanagas A. Lietuvių Hidronimų Etimologinis Žodynas. Vilnius: Mokslas, 1981. 408 p.

КЛАДЫ ГОРОДИЩА МОХНАЧ

© 2014 г. В.В. Колода

Харьковский национальный педагогический университет, Харьков
(koloda_v@rambler.ru)

***Ключевые слова**: салтовская археологическая культура, городище, клад, украшения, предметы культа, обереги.*

Резюме. В статье анализируется содержимое кладов семейного накопления, выявленных в культурных слоях салтово-маяцкой культуры конца I тыс. н.э. на городище Мохнач в Харьковской области. Делается вывод, что такие клады были не только средством накопления статусных и материально ценных предметов, но и обеспечивал владельцу благосклонность потусторонних сил.

Городище Мохнач, расположенное на мысу правого, коренного берега Северского Донца в пределах одноименного села в Змиевском районе Харьковской области, давно привлекает внимание исследователей России и Украины (Колода, 2007. С. 9–10). Последние 15 лет раскопки на нём ведутся Средневековой экспедицией Харьковского национального педуниверситета практически ежегодно. Накоплен значительный материал, отражающий различные этапы существования памятника (от раннего железного века – до нового и новейшего времени), который постепенно вводится в научный оборот. Данная работа посвящена анализу кладов – небольшой по численности категории комплексов, выявленных в процессе исследования культурных отложений салтовской археологической культуры, которые на данном памятнике датируются второй половиной VIII – началом X в.

На данный момент при различных обстоятельствах в пределах основного (наибольшего по площади) северного двора выявлено три клада. Они, по сути, являлись семейными тайниками, так как были обнаружены в пределах различных усадеб жилой зоны. Первый из них (находка 2005 г.) располагался в небольшой по площади и неглубокой ямке в пределах усадьбы кузнеца (Колода, 2002), в 5 м от жилища-мастерской (Колода, Свистун, 2006. С. 58). Второй (находка 2010 г.) – в ямке тайничке в пределах жилища с округлоплановым котлованом (Колода, 2011). Третий (2013 г.) – в одной из зерновых ям амбара, находящегося практически вплотную к жилищу в пределах плотно застроенной усадьбы (Колода, 2013. С. 14–17). По степени наполненности и комплектности они различны.

Комплекс 2005 г. Наименьший по составу и номенклатуре. Он включал небольшое, но богато орнаментированное серебряное зеркало-подвеску (рис. 1, *1*), набор бус и спиралевидных пронизей (рис. 1, *10, табл. 1*).

Комплекс 2010 г. Наиболее богатый. Все предметы можно разделить на несколько групп. *Предметы вооружения*: набор из трех железных ножей в трех серебряных обоймах (рис. 2, *1–6*), наконечник стрелы и скоба от колчана (рис. 2, *8, 14*). *Средства управления конем*: металлическая обмотка от нагайки и чумбурный блок (рис. 2, *11, 15*). *Предметы быта и личного потребления*: обломок железного ключа, копоушка, два сланцевых пряслица одно из которых имеет 4 граффити-тамги (рис. 2, *7, 10, 19, 20*). *Элементы костюма*: 2 костяные пуговицы, ажурная косметическая ложка на цепочке (рис. 2, *12, 13, 16*). *Разнообразные украшения*: пара костяных подвесок на металлическом креплении, две пары сложных пустотелых сережек, подвеска-кулон из черного стекла, часть пустотелой бронзовой подвески, концевые бляшки ремня, перстень с сердоликовой вставкой (рис. 2, *17–18, 21–25, 34–36, 38* – соответственно). К этой категории относятся 3 спиралевидные пронизи (рис. 2, *9*). и набор бус (табл. 1). *Разнообраз-*

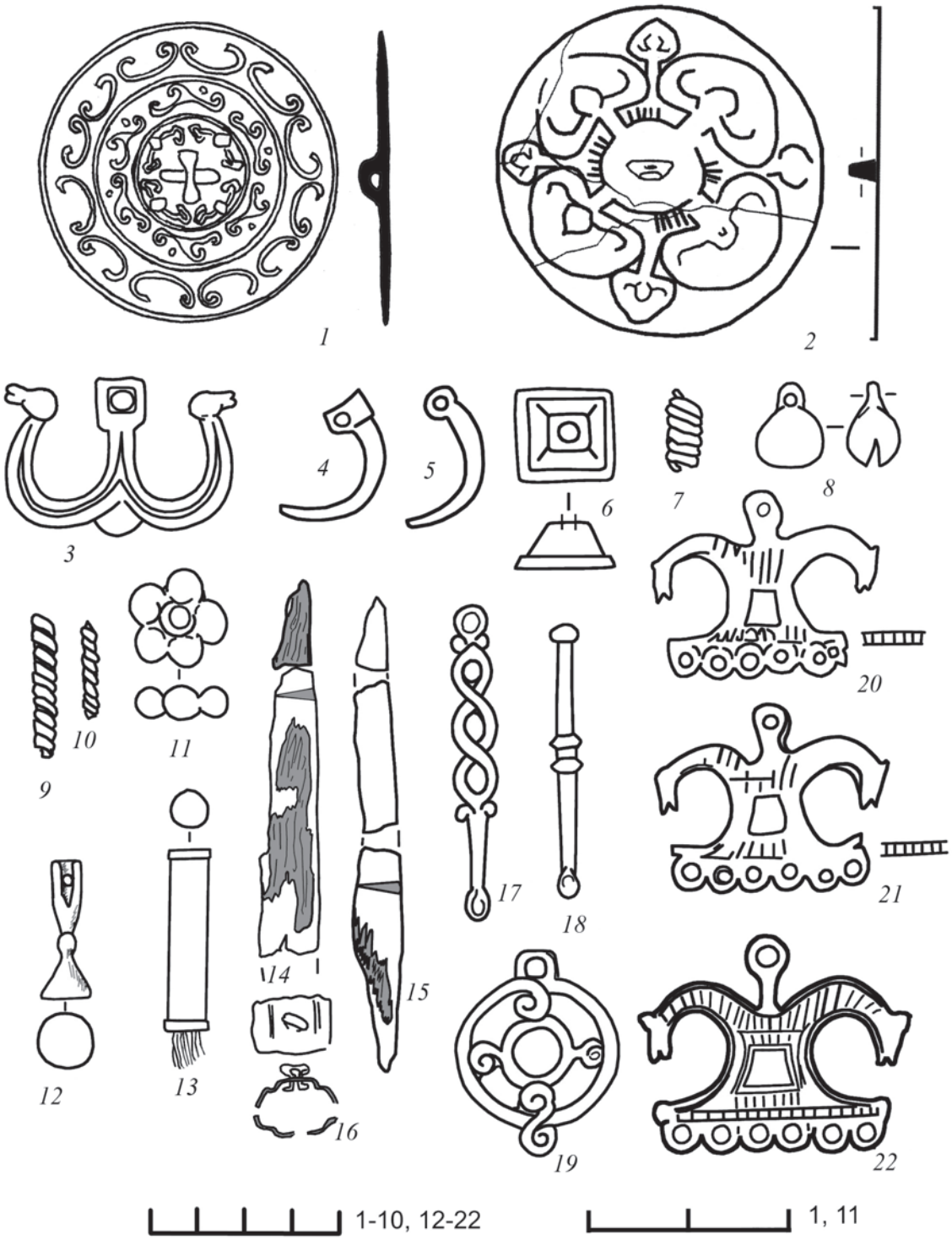

Рис. 1. Содержимое кладов 2005 и 2013 годов. Клад 2005 г.: *1* – зеркало, *10* – спиральная пронизь; клад 2010г.: *2* – зеркало, *3–5* – зооморфные подвески, *6* – ворворка, *7, 9* – спиральная пронизь, *11* – литая пронизь, *12* – подвеска-«печать», *13* – трубчатая пронизь с конским волосом, *14, 15* – ножи с остатками деревянных ножен, *16* – оковка от ножен, *17, 18* – копоушки, *19* – солярный амулет, *20–22* – антропо-зооморфные амулеты. *1, 6, 17* – серебро; *2–5, 7–13, 16, 18–22* – бронза, *14, 15* – железо.

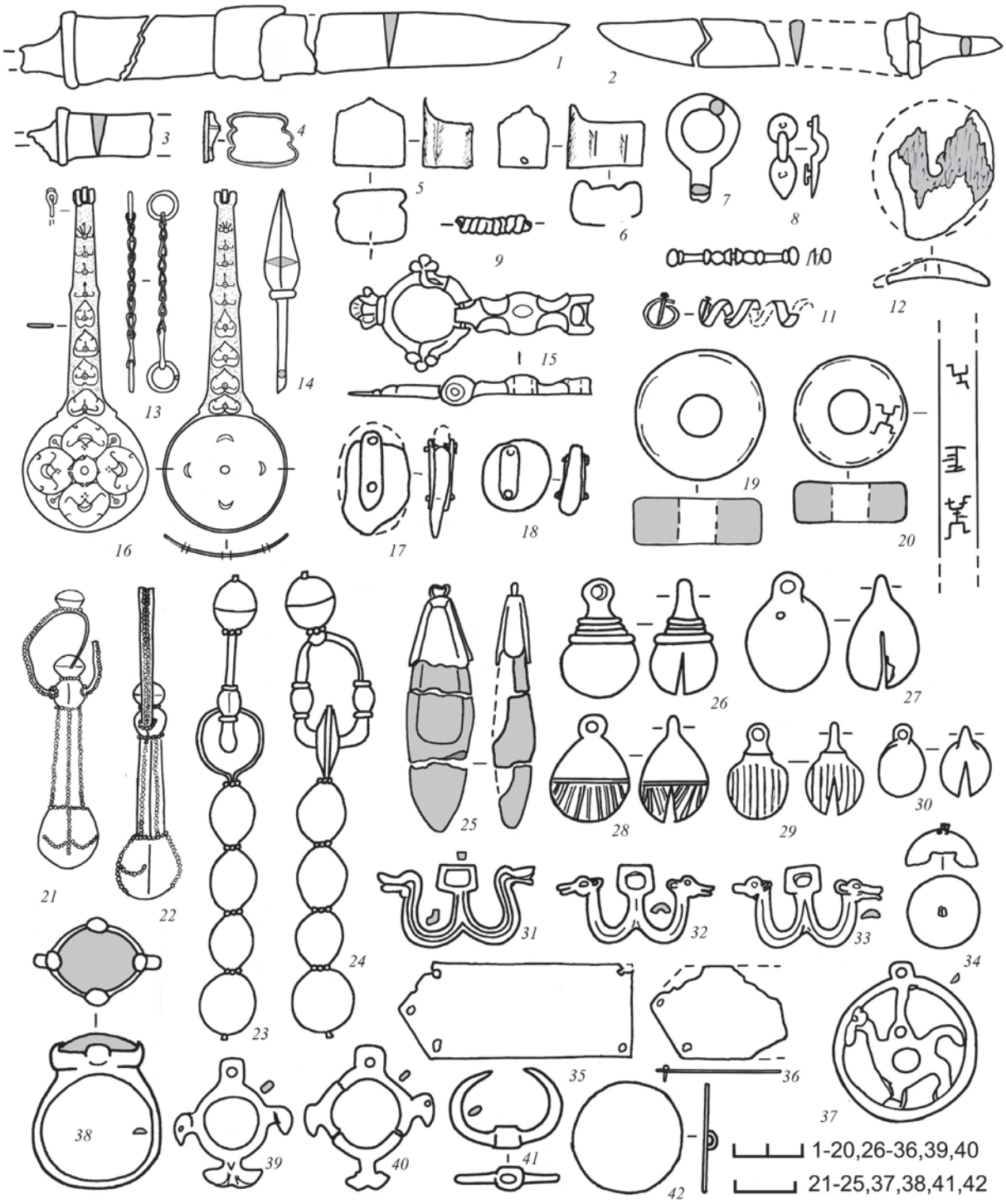

Рис. 2. Содержимое клада 2010 г.: *1–3* – ножи, *4–6* – оковки от ножей, *7* – фрагмент ключа, *8* – скоба от колчана, *9* – тубчатая пронизь, *10* – копоушка, *11* – обмотка от нагайки, *12* – пуговица, *13* – цепочка, *14* – наконечник стрелы, *15* – чумбурный блок, *16* – ложечка, *17, 18* – подвески, *19, 20* – пряслица, *21–24* – серьги, *25* – подвеска-кулон, *26–30* – бубенцы, *31–33, 41* – зооморфные подвески-амулеты, 34 – пустотелая подвеска, 35, 36 – концевые бляшки ремня, *37, 39, 40* – солярный амулет, *38* – перстень, *42* – зеркало. *1–3, 7, 14* – железо, *4–6, 10, 11, 13, 16, 23, 24, 35, 36* – серебро; *8, 9, 15, 26–34, 37, 39–42* – бронза, *12* – кость, *19, 20* – сланец, *17, 18* – кость и бронза, *21, 22* – золото, *25* – стекло и серебро, *38* – серебро и сердолик.

ные культовые предметы. Они представлены тремя солярными амулетами: 2 с изображением птиц и 1 – коня (рис. 2, *37, 39, 40*); 4 зооморфных подвески: 3 – с парными изображениями и одна двурогая (рис. 2, *31–33, 41*), 5 различных бубенцов (рис. 2, *26–30*).[1] Значительное число предметов было изготовлено с использованием драгметаллов (рис. 2, *4–6, 11, 13, 16, 22–25, 35, 36, 38*) или являются уникальными (рис. 2, *11, 16, 20, 25, 41*).

Комплекс 2013 г. был также весьма представителен и по категориям предметов близок к кладу 2010 г. *Предметы вооружения* представлены набором их пары ножей в деревянных ножнах с парой бронзовых обойм (рис. 1, *14–16*). *Средства управления конем*: 2 серебряные ворворки, и пара пронизей, в одной их которых остатки конского волоса (рис. 1, *6, 7, 13*). *Предметы быта и личного потребления*: орнаментированное зеркало из оловянистой бронзы и 2 копоушки – серебряная и бронзовая (рис. 1, *2, 17, 18* – соответственно). *Украшения*: подвеска-»печать», 13 спиралевидных и 4 литые пронизи (рис. 1, *9, 11, 12*), а также набор бус (табл. 1). *Культовые предметы* представлены: солярным амулетом тремя зооморфными (1 парное изображение и 2 – в виде когтя), тремя «коньковыми» (атропо-зооморфными) подвесками (рис. 1, *3–5, 19–22*), а также набором из 13 бубенчиков (рис. 1, *8*).

Сравнивая указанные комплексы по номенклатуре можно предположить, что первый из них (2005) находился в стадии начального накопления и формирования. Наиболее полным представляется клад 2010 г. Он, исходя из анализа тамг на одном из пряслиц, собирался в течение длительного времени, пребывая в собственности четырех лиц, трое из которых принадлежат одному роду (Колода, 2011. С. 96). Обращает на себя внимание близость кладов как по категориям, так и по количеству некоторых предметов. В них присутствует по зеркалу, близки наборы украшений (сходное количество каменных и глазчатых бус). Более близки между собой клады 2010 и 2013 гг.: сходство в наличии ножевых наборов, близость наборов культовых предметов, присутствие пустотелой бусины или подвески (табл. 1).

Таким образом, не смотря на незначительное число комплексов наблюдается некое однообразие, своеобразная «стандартизация». Это указывает на то, какие предметы представляли собою наибольшую ценность в данном обществе и использовались как средства накопления. Заметим, что и в небольшом социуме возможна выработка определенных стандартов ценных или престижных вещевых наборов, которые всегда востребованы и могут легко обращаться, превращаясь в сред-

Таблица-1 Сходные черты кладов городища Мохнач

категории вещей			**2005**	**2010**	**2013**
ножи в обойме				3	2
средства управления конем				+	+
предметы быта и личного потребления				+	+
зеркала-подвески			1	1	1
предметы культа	солярные			3	1
	зооморфные			4	3
	бубенчики			5	13
бусы и пронизи	каменные (хрусталь, сердолик, аметист, коралл)		4	5	5
	стеклянные и пастовые	монохромные	32	43	103[2]
		полихромные глазчатые	6	5	5
	металлические	спиралевидные	4	3	13
		полые сферические		1	1

1 В эту группу следует добавить и небольшое зеркало из заполнения жилища (рис. 2, *42*).

2 96 из них – рубленный желтый пастовый бисер

ство платежа. На возможность это указывают и материалы хронологически и территориально близкого Новотроицкого городища (Кулешов, 2012. С. 66–67).

Кроме того, содержимое таких кладов (при достаточной полноте) охватывают, по сути, важнейшие сферы жизни семьи. Рассмотрим это на примере кладов 2010, 2013 гг. Присутствие ножей, равно как и наконечника стрелы, вполне объяснимо в точки зрения использования этих предметов как оберегов (Макаров, 1981. С. 262–263). Предметы, которые относятся к средствам управления конем, подчеркивали статус воина-всадника в обществе. Предметы личного пользования, наряду с элементами костюма и украшениями были свидетельством имущественного состояния семьи и рода. Представленные амулеты, имеющие наибольшее распространение именно в среде лесостепного населения Подонья (Флёрова, 2001. С. 89–92), в целом, охватывали все наиболее важные сферы взаимоотношения с небом (солярные символы), окружающей природой и хозяйственным укладом (зооморфные и антропо-зооморфные). К этой же группе относятся и обереги (стилизованные изображения когтей или шумящие подвески). Исходя из этого, мы вправе предположить, что семейный клад был не только средством накопления статусных (престижных) или ценных (фактически конвертируемых в иные блага) предметов, но и обеспечивал владельцу благосклонность божественных сил окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колода В.В. Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков: Каравелла, 2002. С. 69–78.

Колода В.В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. 2007. № 2. С. 9–15.

Колода В.В. Житло зі схованкою речей на городищі Мохнач // Археологія. 2011. № 2. С. 91–98.

Колода В.В., Свистун Г.Е. Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2005 году // Архив ИА НАНУ. 2005. № 2005/6. Ф.е. №28191.

Кулешов В.С. Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) 3–5 декабря 2012 г. СПб.: СОЛО, 2012. С. 65–71.

Макаров Н.А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4. С. 261–264.

Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим–М.: Гешарим–Мосты культуры, 2001. 158 с.

ДРЕВНОСТИ I–V ВВ. ВЯТСКОГО КРАЯ КАК ИСТОЧНИК ПО МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ[1*]

© 2014 г. Н.А. Лещинская

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(arch@uni.udm.ru)

Ключевые слова: Вятский край, первая половина I тыс. н.э., погребальные древности, межкультурное взаимодействие.

Резюме. В работе анализируются элементы защитного снаряжения из погребений вятских могильников эпохи великого переселения народов в контексте исследования межкультурных взаимодействий.

В первой половине I тыс. н.э. в бассейне р. Вятки оформляется западный локальный вариант пьяноборской культурно-исторической общности. Вместе с тем это и часть единого этнокультурного пространства, включающего памятники азелинского типа Нижней Камы и левобережья марийского течения р.Волги. Активно вводимый в последнее время археологический материал этого культурного и хронологического горизонта содержит разноплановый информационный потенциал, в том числе и по вопросам межкультурного взаимодействия. В статье сделан акцент на шлемы из азелинских памятников, которые нередко упоминаются в научной литературе. Предложенные С.Р. Волковым более детальные реконструкции некоторых вятских экземпляров (Лещинская, 2014) интересны с точки зрения характера комплекса защитного снаряжения культуры в целом, его хронологической атрибуции, аналогий.

По конструктивным особенностям в вятской серии шлемов выделяется так называемый «ажурный» (Бажан, Гей, 1992), или «решетчатый» (Голдина, Волков, 2000), или каркасно-ламинарный, собранный из Y-образных деталей (Лурье, 2013) тип шлемов (Суворовский могильник: п. 27). Ближайший аналогичный шлем в Прикамье найден в п. 80 Нивского могильника на Средней Каме (Останина, 1978). Единственная прямая параллель прикамским «ажурным» шлемам – находка из кургана 6 у станицы Тбилисской в Прикубанье вт. пол. II – пер. пол. III в. н.э., связанная происхождением с кругом «сарматско-парфянских» шлемов (Бажан, Гей, 1992). Нивский образец ажурного шлема сопровождается погребальным комплексом вт. пол. III – нач. IV в. Погребальный комплекс п. 27 Суворовского могильника хронологически не информативен и относится в целом к III–IV вв. н.э.

Конструктивно близки к «ажурным» шлемам, но занимают особую по стилистике группу, изделия из пп. 36, 94А, 123 вятского Тюм-Тюмского могильника (Ошибкина, 2010) и из п. 265 нижнекамского Рождественского V могильника (Старостин, 2009), которые Е.В. Лурье относит к типу сфероконических каркасно-ламинарных шлемов с плоским навершием (Лурье, 2013). Наиболее близки такие шлемы с находкой из к. 13 могильника у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии, имеющей в научной литературе достаточно большой спектр аналитических обзоров. Учитывая конструкцию шлема и особенности декора, происхождение изделия связывали и с восточным импульсом (Китай, Парфия, Саса-

1 Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР №2174) в сфере научной деятельности в 2014-2016 гг.

нидский Иран), и с провинциально-римской культурой (Лурье, 2013). Большинство предлагаемых датировок для кишпекского шлема укладывается в хронологический отрезок вт. пол./кон. III в. – нач./пер. пол. IV в. Близкие по типу азелинские образцы не выходят за рамки IV в.

Два шлема из вятских могильников (Худяковский могильник: п. 88; Первомайский могильник: п. 9) относятся к сегментным шлемам, однако каждый из них характеризуется специфическими особенностями. Худяковский образец имеет сфероконическую форму, горизонтальный набор пластин, скрепление при помощи заклепок, вероятно были железные нащечники; нижний край лицевой части оформлен в виде полуличины. Прямых аналогий не найдено, но ярусное строение, форма купола худяковского шлема находят частичные параллели с серией шлемов первых веков н.э. из могильника у хутора Городского (Адыгея) с возможно восточным их происхождением (Лурье, 2013). Другую параллель можно провести с шлемами, склепанными из горизонтальных частей, найденными на Кубани (Чернышевский могильник, могильник у станицы Тифлисской), среди предметов Истяцкого клада в Западной Сибири (Негин, 2007). Худяковский шлем с ними сближает вытянутая форма тульи, отсутствие вертикальных ребер, Т-образный наносник. А.Е. Негин считает, что возможно такой тип каркасных шлемов зародился в среднеазиатской среде, затем распространился у парфян и сармат (2007).

Для первомайского шлема С.Р. Волков предполагал наличие сварочного соединения крупных вертикальных пластин-секторов шлема. Однако характер наложения фрагментов шлема больше указывает на применение технологии клепки крупных пластин. В этом плане наиболее близкие аналогии – это медный шлем из п. 235 Рождественского V могильника (Матвеев, 2013) и железный шлем из п. 6 среднекамского Тарасовского могильника (Голдина, Волков, 2000). Параллели прослеживаются и по наличию нижнего обода-основы конструкции, и по сфероконической форме купола, стремящейся к полусфере. Зафиксированные небольшие отверстия на ободе первомайского шлема указывают на вероятностное наличие дополнительных защитных приспособлений. Более низкий купол шлемов, наличие нащечников стилистически сближает эту группу шлемов с серией тарасовских (пп. 1685, 1784), тураевских (п. 7/1а) (Голдина, Волков, 2000), возможно, суворовских (пп. 20, 30 – цельнокованые по Генингу, 1963) изделий. Всё вместе, а также встречающиеся бармицы (иногда кольчужного плетения), применение в декоре бронзовой, серебряной, золотой фольги и другие особенности больше указывают на признаки западного защитного снаряжения. Первомайский шлем сопровождается погребальным инвентарем кон. IV – нач. V в. Представляется, что шлемы из пп. 20, 30 Суворовского, п. 235 Рождественского V могильников не выходили за верхнюю границу IV в.

В целом, учитывая особенности камско-вятских шлемов и их хронологическую атрибуцию, можно выделить несколько периодов появления этих элементов защитного снаряжения на вятских могильниках эпохи великого переселения народов (рис. 1). Во вт. пол. III – сер. IV в. появляются «ажурные», сегментные с горизонтальным набором шлемы. На IV в. приходятся каркасно-ламинарные с плоским навершием, возможно т.н. «цельнокованые» и медный сегментный шлемы. К кон. IV – нач. V в. относятся железные сегментные клепаные шлемы из крупных пластин. Если обратиться к уже упомянутым аналогиям камско-вятским шлемам, то для изделий III–IV вв. это преимущественно сарматские погребения Прикубанья, Предкавказья. Прямые аналогии шлемам кон. IV – нач. V в. найти сложно, но в них более ощущается римско-германская «вуаль».

Во вт. пол. III – IV в. одновременно с появлением уже упомянутых шлемов на памятниках азелинского типа появляются длинные двулезвийные мечи без перекрестья, сопровождаемые в комплексах халцедоновыми крупными бусинами, халцедоновые диски. В воинских захоронениях (Тюм-Тюмский могильник: п. 94) встречаются литые котлы позднесарматского типа. На нижнекамских могильниках находят бронзовые кованые или литые котелки (Рождественский V могильник: п. 266; Нармонский могильник: п. 6) (Старостин, 2002; 2009). Наиболее вероятный ареал исходной территории этого комплекса нахо-

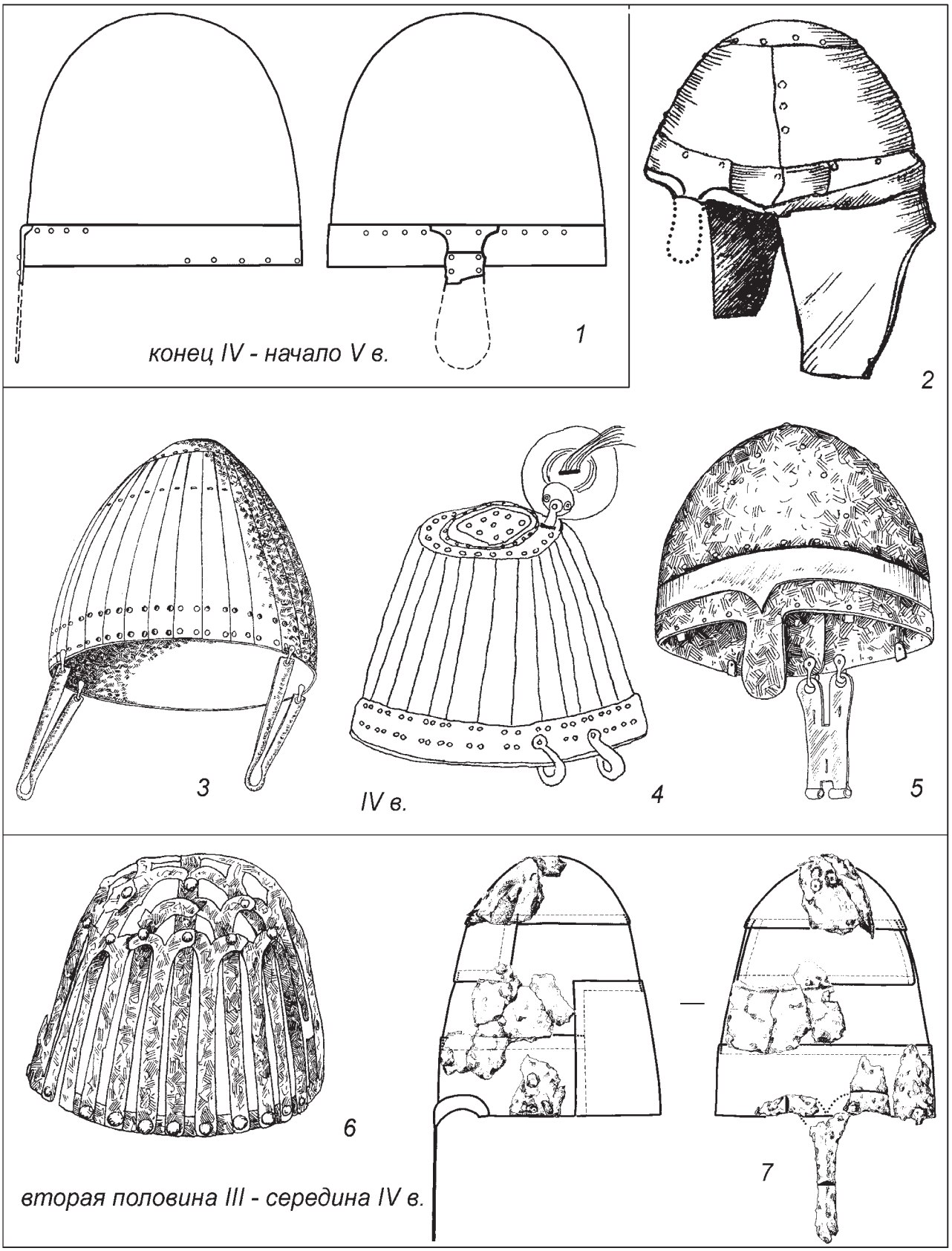

Рис. 1. Шлемы из могильников бассейна р. Вятки и Нижней Камы. *1* – Первомайский м-к: п.9 (рис. С.Р. Волкова, по: Лещинская, 2014); *2* – Рождественский V м-к: п.235 (рис. Д.Г. Бугрова, по: Матвеев, 2013); *3* – Рождественский V м-к: п.265 (по: Старостин, 2009); *4* – Тюм-Тюмский м-к: п.36 (по: Ошибкина, 2010); *5* – Суворовский м-к: п.30 (по: Генинг, 1963); *6* – Суворовский м-к: п.27 (по: Генинг, 1963); *7* – Худяковский м-к: п.88 (рис. С.Р. Волкова, по: Лещинская, 2014)

док, включая шлемы, – сармато-аланский мир Южного Приуралья, Волго-Донского степного междуречья, Прикубанья, Предкавказья. Параллели с памятниками степной полосы Восточной Европы и Венгерской низменности поддерживаются поясной фасетированной гарнитурой.

Вместе с тем, на рубеже III – IV вв. и большей части IV в. на азелинских памятниках появляется комплекс изделий, отсылающий к областям западнобалтской, вельбаркской, черняховской культур, позднезарубинецкому горизонту днепро-донской лесостепи и ранним этапам киевской культуры, рязано-окским древностям: длиннолезвийные топоры, железный наральник, отдельные типы поясной гарнитуры и украшений, изделия с выемчатой эмалью, римские монеты-подвески и др.

Перечисленный, далеко не полный комплекс погребального инвентаря, уже говорит о вероятной разновекторной траектории внешних культурных импульсов в среду камско-вятских азелинских племен. Но характер передачи этих импульсов до конца еще не понятен. Безусловно, есть большая вероятность получения изделий через торговые контакты при заинтересованности в престижных ценностях в условиях развития активных процессов «военной демократии». Но фиксируемые на нижнекамских памятниках не свойственные для азелинских погребальных традиций захоронения человека с конем, наличие курганной насыпи на Усть-Брыскинском могильнике и яркий вещевой комплекс инокультурного происхождения дают основания говорить о включении пришлых групп в азелинскую среду Нижнего Прикамья в III–IV вв. С прямым инкорпорированием этого населения на Вятку Р.Д. Голдина связывает появление Азелинского, Суворовского могильников (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010). Вместе с тем, единичные вятские захоронения с дорогостоящим вооружением и снаряжением могут быть и результатом внутренних социальных процессов, а также «реакцией» на появление иноэтничных групп в пограничных районах. Некоторая степень «милитаризованности» вятских погребений кон. IV – нач. V в. могла быть связана с перегруппировкой азелинского населения с приходом именьковских племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бажан И.А., Гей О.А. К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб, 1992. С. 115–122.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов // Вопросы археологии Урала. Вып.5. Свердловск-Ижевск, 1963. 160 с.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) / Приложение // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск, 2010. С. 156–247.

Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып.2. Уфа, 2000. С. 98–122.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э. / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.27. Ижевск, 2014. 432 с.

Лурье Е.В. Шлем из могильника у с. Кишпек и классификация шлемов с составным куполом римского времени // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013. С. 268–278.

Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II – IV вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 261 с.

Негин А.Е. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса // Antikvitas Aeterna. Issue 2. War, army and military affair in classical world. Saratov, 2007. С. 335–359.

Останина Т.И. Нивский могильник III-V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 92–117.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. М., 2010. 212 с.

Старостин П.Н. Нармоуский могильник. Казань, 2002. 64 с.
Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология Евразийских степей. Вып. 9. Казань, 2009. 144 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В ПРИКАМСКОМ ИСКУССТВЕ

© 2014 г. Л.И. Липина

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(lipinali@gmail.com)

Ключевые слова: Прикамье, I тысячелетие, искусство, бронза, образ водоплавающей птицы, костюмный убор, стиль.

Реюме. Статья посвящена изучению возникновения и развития образа водоплавающей птицы в искусстве Прикамья. Появившись в культурах предков уральских народов в палеолитическое время, в бассейне Камы этот образ получил широкое распространение в бронзовых изделиях I тыс. Анализ этих изображений выявляет два разных стиля, сложившихся на территории местных культур.

Коллекция прикамских изделий с изображением водоплавающей птицы составляет около 170 экземпляров. Преимущественно это произведения бронзолитейного искусства, относящиеся к I тысячелетию.

Расширение географических рамок изучения изделий с этим образом в северном и восточном направлениях выявляет его присутствие в искусстве более ранних периодов – в орнаментации глиняной посуды, мелкой кремневой пластике, деревянной и костяной скульптуре, в составе наскальных росписей (Ковалева и др., 2012; Викторова, Кернер, 2007. С. 53–65.).

У населения Приуралья, Урала и Западной Сибири лесной зоны основные изобразительные сюжеты были схожи из-за близких социо-мировоззренческих установок, поэтому можно предположить, что в раннем прикамском искусстве тоже существовали подобные артефакты.

По мнению В.В. Напольских, культурная традиция изображения водоплавающих птиц, условно называемых «уточками» (могли быть разные виды уток, а иногда гуси или лебеди) связана с предками финно-угров. По мифологическим источникам функция этого образа выражалась в роли посредника между богами и людьми, помощника шамана, связного с предками (олицетворение души умершего) и демиурга (Напольских, 1987. С. 183–185). Миф о творении мира водоплавающей птицей имеет, как минимум, верхнепалеолитическое североазиатское происхождение. Это сюжет о нырянии за землёй птицами, противостоянии гагары и утки, успехе последнего, более слабого, но обладающего сверхъестественной силой персонажа. Такое распределение функций объясняется ролями, которые эти птицы играли в космологических представлениях, складывавшихся более 6 тыс. лет назад у племён Средней и Западной Сибири, прежде всего у предков уральских народов (Напольских, 2011. С. 215–272).

Наиболее древними на евразийской территории были, вероятно, «уточки», выполненные из бивня мамонта с палеолитической стоянки Мальта. Это плоские подвески в форме летящих и объемные фигурки, изображающие сидящих или плывущих птиц (рис. 1, *1–3*). Первые, по предположению В.В. Напольских, были элементами шаманского костюма, вторые – крепились на посохе или шесте. В исторически зафиксированных этнических культурах сохранились отголоски палеолитических традиций. Сравнение некоторых разновременных сибирских материалов с образом утки демонстрирует яркую картину преемственности представлений, выражающуюся в идентичности изображений – форм, типов, размеров (Напольских, 1992. С. 66–72. Рис. *1*). Обнаруживается сходство и с прикамскими изделиями.

В орнаментации сосудов и монументальной живописи писаниц Урала, изображения птиц, датированные энеолитом – бронзовым веком, так же подобны по профильному силуэту, пропорциям, изгибу шеи и другим деталям прикамским (Широков и др., 2005. С. 66–68) (рис. 1, *4, 5*). Среди артефактов бассейна Камы имеется единственная находка, относящаяся к энеолитическому времени – медный нож с поселения Усть-Курья. Рукоять ножа выполнена в виде головы водоплавающей птицы на изящно изогнутой шее (Голдина и др., 2007. Рис. 12) (рис. 1, *6*).

Основной массив изделий с образом водоплавающей птицы в Прикамье - это объёмные профильные, изображения на пронизках, обнаруженные преимущественно в составе женского могильного инвентаря, куда те попали, вероятнее всего, в качестве носимых при жизни украшений. Дата их бытования – в пределах I тыс.

Исключением являются «орнитоморфы» с гляденовских костищ. Некоторые из гляденовских “уточек” отнесены исследователями к концу V в. до н.э. – IV в. н.э. (Коренюк, Мельничук, 2010. С. 183). Но многослойность и сложность такого рода памятников не позволяет уверенно датировать находки. Кроме пронизок зафиксированы объёмные и плоские фигурки, изображающие водоплавающих птиц в профиль и анфас, летящих и плывущих с разной степенью стилизации (Спицын, 1901; Гляденовское костище, 1999). А.Н. Лепихин и А.Ф. Мельничук считают, что эти предметы служили сакральными символами, развешиваемыми на столбах или шестах, возведённых на костище (Гляденовское костище, 1999. С. 46, 47). Такое использование объясняет безразличие изготовителей к внешней красивости изделий. Они воспринимаются лишь как обозначение наличия образа некой “мифологической” птицы. Поскольку предметы с костищ служили другим целям, чем многочисленные, серийные украшения, найденные в погребениях, большинство из них не подвергнуто вторичной обработке и выполнено в единственном экземпляре (рис. 2).

«Уточки» с вятских памятников относятся к наиболее ранним изделиям, используемым в качестве костюмного убранства. Н.А. Лещинская датирует пронизки с Ошкинского могильника II в. н.э. (Лещинская, 2012. С. 126. Рис. 23). Это крупные полые изделия, изображающие птиц, с лопастями-лапками, смыкающимися под брюшком. Тулово птиц в области крыльев и шея орнаментированы штриховыми насечками. Позднее, в III–V вв. (Ошибкина, 2010), лапки-лопасти заменились округлой перемычкой-полукольцом. В это же время на Вятке появились стилизованные колоколообразные пронизки, условно изображающие уточек с гладким туловом, часто орнаментированные только бордюром-валиком (иногда с насечками) по краю основания, несколько напоминающие «коньков» (рис. 2).

В той же манере, что и вятские, выполнены «утко-конеобразные» пронизки с территории Средней и Нижней Камы V в. (рис. 2) (Голдина, 2003. Табл. 67, 317, 688; Голдина, Бернц, 2010. Табл. 124). Эти и вятские аквафорнитоморфы довольно чётко объединяются по стилю – все они декоративно-условны, отличаются лишь штриховым декором.

Если на гляденовских костищах единой стилистики в изделиях с образом водоплавающей птицы не прослеживается, то в культурах, наследующих гляденовской общности, в изображении уток обнаруживается ряд закономерностей, позволяющих говорить о появлении определённых приёмов.

Наиболее разнообразный и самобытный материал с акваорнитоморфными образами обнаружен на территории Верхней Камы (ломоватовская и неволинская культуры). Можно отметить, что отличительной особенностью изделий с территории северо-восточного Прикамья является реалистичная манера воплощения образа утки и наличие, так называемого «жемчужного» декора, представляющего собой ряд мелких выпуклин - полугорошин, расположенных во вдавленном желобке. Подобный декор – не редкость на предметах Таёжного Прииртышья, Нижнего и Среднего Приобья (Западно-Сибирский звериный стиль, 2000). На узловом памятнике Приобья – жертвенном месте (городище) Усть-Полуй изделия, украшенные таким орнаментом датируются I веком до н.э. (Алексашенко и др., 2003). В коллекциях костяной скульптуры этого памятника видны те же иконографические схемы и художественные приёмы, ко-

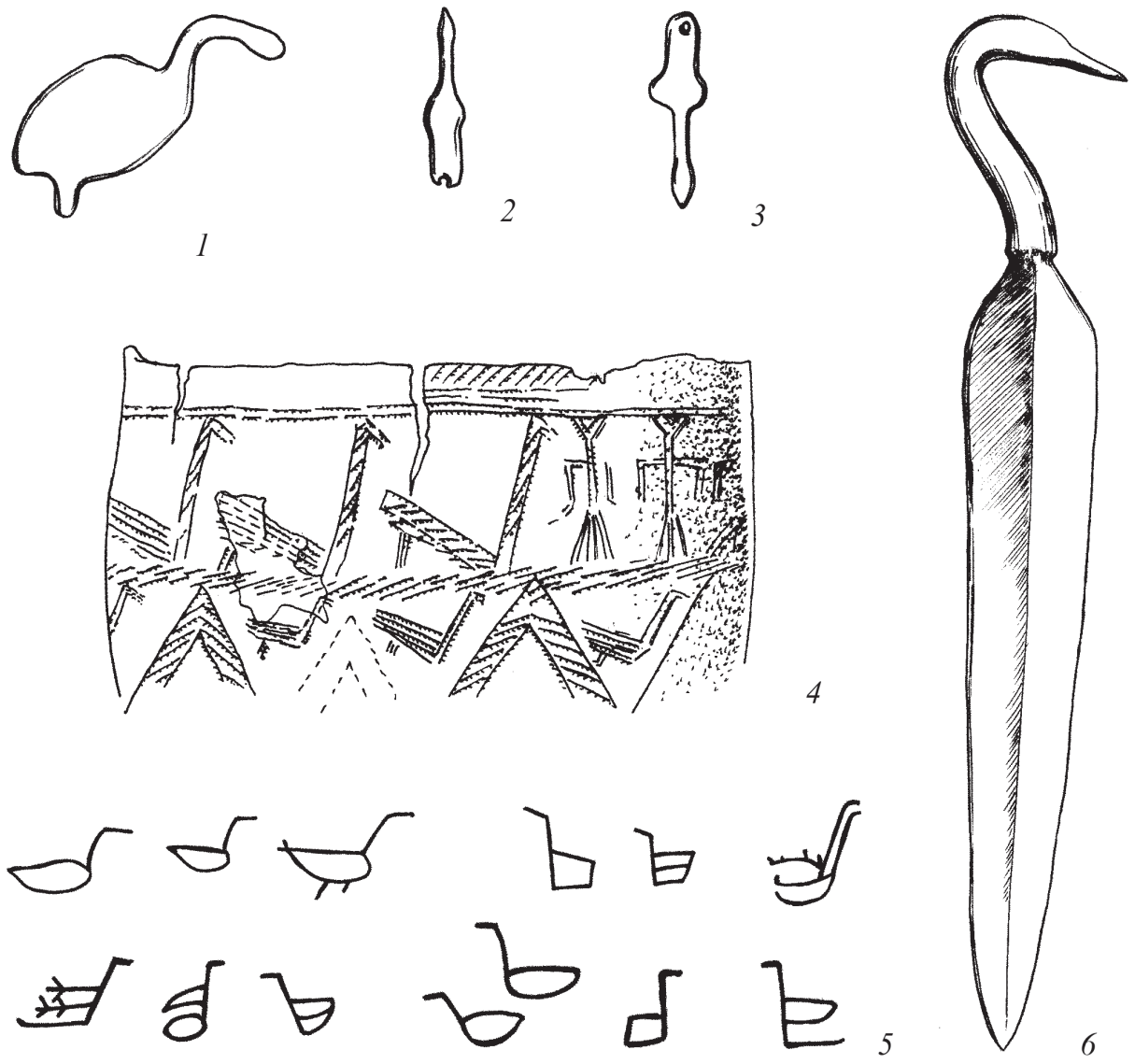

Рис. 1. Изображения водоплавающих птиц в культурах Предуралья, Урала и Сибири палеолита-бронзового века. *1–3* – изделия из бивня мамонта. Стоянка Мальта, палеолит – по: В.В. Напольских, 1992; *4* – керамический сосуд. Поселение Палатки II, энеолит – по: В.Д. Викторова и др., 2003; *5* – уральские писаницы. Сокольнинские утёсы, Змиев камень, Зенковская скала, энеолит-бронзовый век – по: В.Н. Широков и др., 2005; *6* – медный нож. Поселение Усть-Курья, энеолит – по: Р.Д. Голдина и др., 2007.

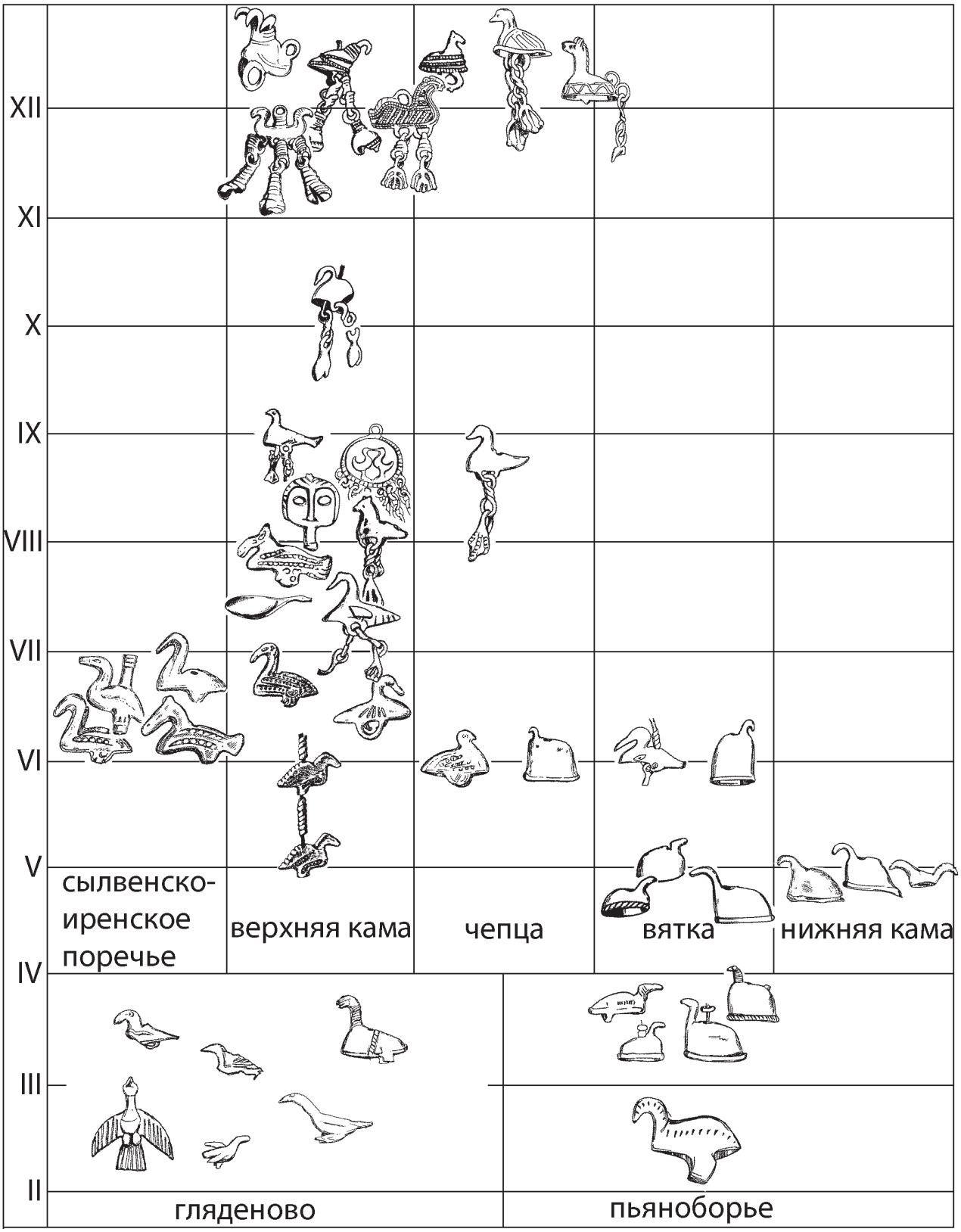

Рис. 2. Хронология изделий с образом «утки» в Прикамье I тыс.

торые впоследствии станут определяющими для бронзовых отливок средневековья, среди них и орнаментальные канты из «жемчужин», и реалистичность в трактовке звериных образов (Фёдорова, 2000. С. 6–8). Для западносибирского искусства характерны: профильное изображение водоплавающей птицы в «плывущей» позе, непропорционально увеличенные по сравнению с реальным прототипом голова, клюв и глаза, желобки, валики или орнаментальный кант, обозначающий сложенные крылья. Эти стилистические характеристики свойственны и для изделий прикамских культур. Но, в отличие от сибирских, где водоплавающие птицы изображены только на подвесках, прикамские уточки – это пронизки на трубчатой основе, технология изготовления которых намного сложнее.

Как очевидно, характерным для прикамских акваорнитоморфов являются: профильность изображения, специфический для водоплавающих птиц изгиб шеи и использование формы пронизки. По стилю различаются: декоративно-условные и обобщённо-реалистические. Для первого (вятского, средне- и нижнекамского) свойственна условная колоколообразная форма туловища, в основном, без лапок, с выпуклой окантовкой по краю. В оформлении боковых поверхностей изделий изредка используются насечки, обозначающие крылья. Для второго (верхнекамского) характерна орнаментальная детализация крыльев, иногда таким же способом моделированы глаза (как правило, это полосы мелких полугорошин или точечных выпуклин). Для этих изделий характерен фигурный силуэт, с подчёркнутой линией спинки, закруглённой грудки и выделенными лапками. Кроме пронизок (в том числе и с фантастическим совмещением образа утки и лося) здесь бытовали плоские фигурные подвески, подвески-медальоны, культовые ложечки (Оборин, Чагин, 1988. С. 80, 178) (рис. 2).

Территория чепецкого бассейна является неким рубежом, в культуре которого одинаково использовались изделия обоих стилей. Кроме металлических украшений на памятниках Чепцы популярны изделия из кости и рога. Обнаруженные на городище Иднакар костяные утко-кони датированы IX–XIII вв. (Иванов, 1998. Рис. 28; Иванова, 2004. С. 22).

Частичная сохранность археологического материала и неравномерность изученности памятников – причина лакун в линии развития искусства. Так, можно отметить отсутствие изделий с образом водоплавающей птицы в культурах на территории Нижней Камы с VI в., на Вятке – с VII в., в Сылвенско-Иренском поречье – с VIII в. (рис. 2).

После X в. бронзовые “уточки” на прикамских памятниках стали более декоративными. Они украшались напаянными элементами из проволоки и зерни или литыми узорами, имитирующими эту технику. К традиционным изображениям добавились богато орнаментированные фантастические образы «утко-коней», «утко-собак» и «утко-петухов» в объёмном (пронизки) и плоском (подвески) исполнении. Они определены Л.А. Голубевой как характерные женские украшения Поволжья, откуда проникли в Прикамье (Голубева, 1979. С. 17– 9, 23).

Позднее, после угасания бронзолитейного дела на Каме, образ утки продолжил своё существование практически во всех народных промыслах: резьбе по дереву, керамической игрушке, узорном ткачестве, вязании, вышивке, лозоплетении и др., причём, иконография позы осталась прежней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха камня) // Вестник УрО РАН. №4 (22). Екатеринбург, 2007. С. 53–65.

Гляденовское костище. Материалы раскопок 1995–1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея: каталог. Вып.4 / Сост. А.Н. Лепихин, А.Ф. Мельничук. Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 1999. 77 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). МИИ КВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во “Удмуртский университет”, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск, 2007. 194 с.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1–59. М.: Наука, 1979. 114 с.

Древние бронзы Оби: Западно-Сибирский звериный стиль: коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея: каталог / авт.-сост. кат.- К.Г. Карачаров. Сургут: Б/и, 2000. 54 с.: ил.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯЛ, 1998. 308 с.

Иванова М.Г. Мифологические мотивы в средневековой материальной культуре удмуртов // Удмуртская мифология. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 20–28.

Ковалева В.Т., Кокшаров С.Ф., Чаиркина Н.М., Шорин А.Ф. Энеолит Урала. [Электронный ресурс] / Уральская историческая энциклопедия, 2012 - Режим доступа: http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-25-2332.html

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Орнитофауна в культовых образах ранних гляденовских костищ // III Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. Екатеринбург, 2010. С.183–184.

Лещинская Н.А. Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. МИИ КВАЭ. Т. 25. Ижевск: Изд-во “Удмуртский университет”, 2012. С. 124–163.

Напольских В. В. Миф о нырянии за землёй (A812) в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для…» К 75-летию Юрия Борисовича Симченко. М., 2011. С. 215–272.

Напольских В.В. Культ утки у финно-угров: евразийско-североамериканские параллели // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Устинов, 1987. С.183–185.

Напольских В.В. Опыт реконструкции семантики мальтинских орнитоморфных изображений // Модель в культурологи Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 66–73.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988. 184 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. МОИ. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Спицын А.А. Гляденовское костище // Записки РАО. Т.XII. Вып. 1, 2, н.с. СПб., 1901. С. 228–269, табл. I–XVII.

Усть-Полуй: I век до н. э.: каталог выставки / Сост. Н. А. Алексашенко, А. Г. Брусницына, Т. А. Попова. Салехард, СПб.: [б. и.], 2003. 76 с. :ил.

Фёдорова Н.В. Древние бронзы Оби: Западно-Сибирский звериный стиль: коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея: каталог. Сургут: Б/и, 2000. С. 6–8.

Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А. Уральские писаницы: река Тагил. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 110 с.

ПОГРЕБЕНИЯ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ ВРАНЬЯ В СЕРБСКОМ ПОДУНАВЬЕ

© 2014 г. А.В. Мастыкова

Институт археологии РАН, Москва
(amastykova@mail.ru)

Ключевые слова: гуннское время, Сербское Подунавье, могильник Вранья.

Резюме. В статье рассмотрены материалы двух погребений некрополя Вранья в Сремском Подунавье (Северная Сербия), относящиеся к эпохе Великого переселения народов[1]. Могильник находился в бассейне р. Сава, на одном ее левобережном притоке – Вранья, недалеко от населенного пункта Хртковцы. Первое погребение было обнаружено в 1979 г., второе – в 1997 г. В первой половине V в., к которой относятся рассматриваемые погребения, этот регион, между р. Сава и Дунай, входил в состав провинции Pannonia II, столица которой находилась в Сирмии. Оба погребения представляют собой ингумации. Погребенные располагались вытянуто на спине, в грунтовых ямах. Погребение № 1, женское, располагалось головой на юг, а погребение № 2, мужское – головой на запад (рис. 2, *1*).

Женское погребение № 1 содержало инвентарь, типичный для варваров гуннского времени[2]. В нем были были обнаружены две фибулы с треугольной головкой и ромбической ножкой (рис. 1, *4, 5*), относящиеся к так называемому типу Братеи, хорошо известному в среднедунайском регионе в эпоху Великого переселения народов (Bierbrauer, 1989. S. 141–149; 2008. S. 126. Abb. 16), а также пряжка с длинным загнутым вниз язычком и подтреугольным щитком, зеркало, браслеты, пинцет, серьги, нож, стеклянный сосуд, серолощеный горшок и т.д. (рис. 1, *1–3, 6–15*). В большом количестве были найдены различные бусы: из стекла, янтаря, халцедона, сердолика, коралла, кости и золотой фольги. По мнению Ф. Бирбрауера малые фибулы, в том числе типа Братеи (рис. 1, *4, 5*) являются отличительным признаком «среднего класса» восточных германцев первой половины и середины V в. (Bierbrauer, 1989. S. 141–155). Данную могилу Я. Тейрал обоснованно отнес к заключительной фазе периода D2 или к начальной фазе периода D2/D3 «варварской» хронологии,[3] т.е к 430–450 гг. (Tejral, 2005. S. 117, 120. Abb. 2, *6–9*; 2007. S. 78).

Убор с парой двупластинчатых фибул, носимых на плечах или груди, сопровождаемых ожерельем и/или поясной пряжкой является восточногерманским по происхождению (Bierbrauer, 1980; Tempelmann-Maczyńska, 1989). Он хорошо известен уже в позднеримское время и в начале эпохи переселения народов в черняховской культуре в периоды C3 – D1, т.е. в IV – начале V в. (Mastykova, 2007; Мастыкова, 2011). Однако, серьги, браслеты, металлические зеркала не являются типичными для черняховского костюма (Tempelmann-Maczyńska, 1989. S. 77–84; Гопкало, 2011). Эти элементы восходят к материальной культуре населения Северного и Северо-Восточного Причерноморья позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов. В восточногерманском костюме с парными фибулами подобные предметы появляются впервые в период D1, т.е. 360/370 – 400/410 гг. к востоку от черняховского ареала, в Танаисе и на Боспоре Киммерийском (Ka-

1 Работа выполнена в рамках совместного российско-сербского проекта № 607Гр/I-076-11. В настоящее время готовится подробная публикация погребений гуннского времени некрополя Вранья.

2 Материалы этого погребения были предварительно опубликованы В. Даутовой-Рушевльян (Dautova-Ruševljan, 1980-1981. S. 146–153).

3 Здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума (Tejral, 1988).

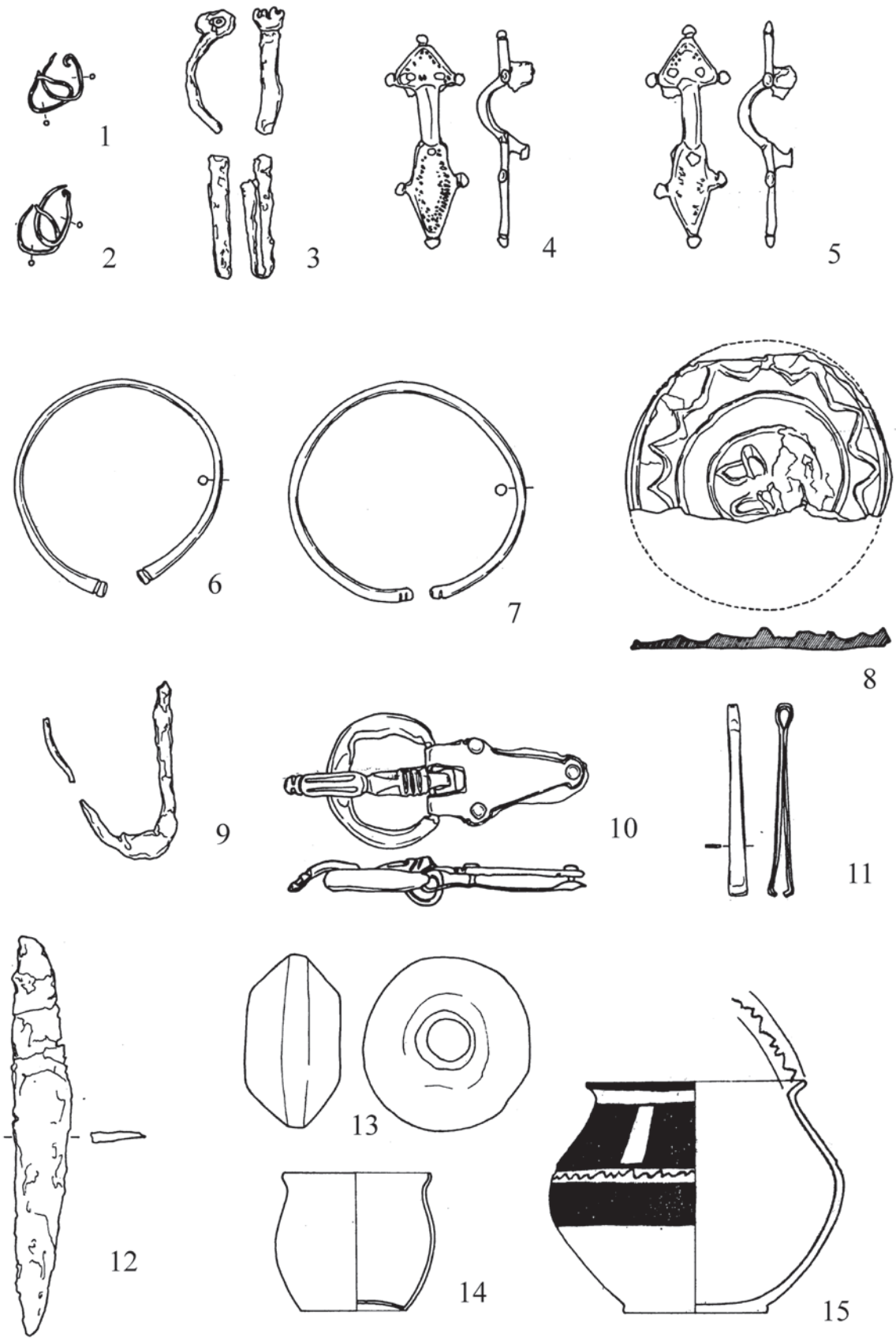

Рис. 1. Предметы из погребения 1 некрополя Вранья, открытого в 1979 г. – по: Dautova-Ruševljan V., 1980–1981. Tabl. *I; III*.

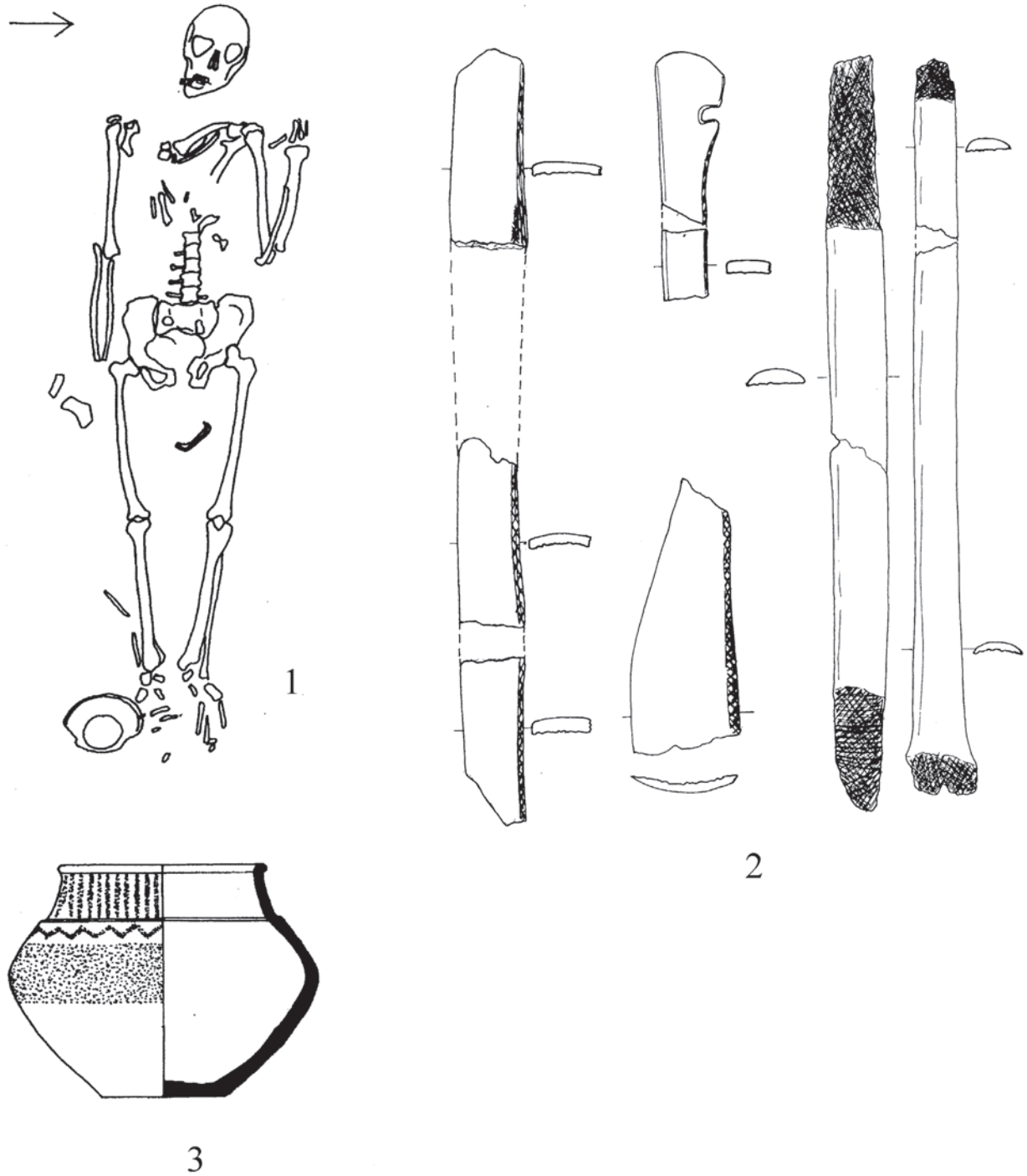

Рис. 2. Погребение 2 некрополя Вранья, открытое в 1997 г. Погребальный инвентарь – по: Даутова-Рушевљян В., 1998. Т. *I; II.*

zanski, Mastykova, 2003. P. 108–112; Kazanski, 2009. P. 177–202. Fig. 61; 64, *1–11*; 90). Это позволяет предположить, что рассматриваемый убор был принесен на Дунай выходцами из Северного Причерноморья. Первые редкие проявления смешанного понтогерманского костюма на Среднем Дунае появляются в период D1 (Тиссадоб, погр. 18 : Istvanovits, 1993. Abb. 8). «Княжеские» женские погребения горизонта Унтерзибенбрунн свидетельствуют о его широком распространении в Центральной Европе в период D2, который соответствует 380/400 – 440/450 гг. (Kazanski, Mastykova, 2003. P. 112).

Погребение № 2 – мужское, содержало серолощеный горшок (рис. 2, *3*), того же типа как и в женском захоронении № 1, что свидетельствует об их синхронности[4] . Помимо этого в мужской могиле зафиксированы остатки лука: это восемь фрагментов вытянутых костяных (роговых) пластин, прямоугольных со скругленными гранями в сечении, являющихся накладками на лук (рис. 2, *2*). Одна из этих пластин, со скругленным окончанием и характерным вырезом для петли тетивы явно принадлежит окончанию лука.

Погребения эпохи Великого переселения народов с костяными накладками на лук хорошо известны как у степных народов, так и у «оседлых» варваров (Ivanišević, Kazanski, 2007. P. 124). В гуннское время на Среднем Дунае группы некрополей, содержащих захоронения с оружием, в том числе с луками и стрелами, являются археологическим отражением небольших военнизированных образований («варварских королевств») гетерогенного происхождения, в той или иной степени контролировавшихся гуннами (Tejral, 2007. S. 82–96. Abb. 27). Помещение лука и стрел в погребение становится у германцев символом достаточно высокого социального статуса погребенного и указывает на влияние гуннской воинской культуры.

Привлекает особое внимание стратегическое расположение этого некрополя, он находился недалеко от единственной переправы через р. Сава на дороге, ведущей из Иллирикума в Паннонию. Закрепившиеся здесь варвары, скорее всего восточногерманского происхождения, которым принадлежал некрополь Вранья, могли осуществлять контроль этой переправы. При этом трудно сказать, находились ли они в подчинении гуннов или же были на службе Империи – военно-политическая ситуация здесь довольно часто менялась. Некрополь Вранья отражает процесс расселения германцев в пограничных областях поздней Римской империи и показывает их интеграцию в систему обороны римской границы.

Материальная культура населения, оставившего некрополь, испытала влияние как римской позднеантичной традиции, так и импульсов, шедших из степного мира и связанных с экспансией и военно-политическим влиянием гуннов. В то же время она сохраняет самобытные черты, характерные для восточногерманских народов.

4 Предварительная публикация: Даутова-Рушевльян, 1998.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гопкало О. В. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 179–207.

Даутова-Рушевљян В. Касноантички гроб на локалитету Врањ у Хртковцима // Рад Музеја Војводине. 1998. 40. С. 97–101.

Мастыкова А.В. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами // Stratum библиотека. Петербургский апокриф. Послание от Марка. Сборник посвящен памяти М.Б. Щукина. СПб.-Кишинев: Издательство «Stratum plus», 2011. С. 341–365.

Bierbrauer V. Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert / Hrsg: H. Wolfram, F. Daim. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. S. 131–142.

Bierbrauer V. Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 1989. Band 72. S. 141–160.

Bierbrauer V. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 2008. 131 s.

Dautova-Ruševljan V. Ein Germanisches Grab auf dem Fundort Vranja bei Hrtkovci in Syrmien // Archaeologia Iugoslavica. 1980-1981. Vol. 20–21. S. 146–153.

Istvanovits E. Das Gräberfeld aus dem 4.-5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1993. 45. S. 91–146.

Ivanišević V., Kazanski M. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum // Starinar, 2007. Vol. LVII. P. 113–135.

Kazanski M. L'époque hunnique au Nord de la mer Noire // Kazanski M., Archéologie des peuples barbares. Bucureşti-Brăila: Editura Academiei Române, Editura Istros a Muzeului Brăilei, 2009. 491 p.

Kazanski M., Mastykova A. Les origines du costume «princier» féminine des Barbares à l'époque des Grandes Migrations // Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age / Dir.: F. Chausson, H. Inglebert. Paris: Picard, 2003. P. 107–120.

Mastykova A. Le costume féminin de la civilisation de Černjahov avec des fibules en tôle métallique // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg: J. Tejral. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 2007. S. 201–217.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 1988. Band. 72. S. 223–304.

Tejral J. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg: W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 103–200.

Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen „gentes" im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg: J. Tejral. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno, 2007. S. 55–119.

Tempelmann-Mączyńska M. Das Frauentrachtzubehör des mittel-und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Jagiellonen-Universität Kraków, 1989. 178 s.

ШЛЕМЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ИЗ НЕКРОПОЛЕЙ ВОЛГО-КАМЬЯ

© 2014 г. Р.В. Матвеев

Институт археологии АН РТ, Казань
(rm111@yandex.ru)

Ключевые слова: *шлемы, Азелинская культура, Мазунинская культура, Iтыс.н.э., Волго-Камье.*

Резюме: В этой статье рассматриваются вопросы, связанные с типологией и хронологией шлемов, происходящих из Волго-Камских некрополей первой половины I тыс.н.э. Выделено три типа шлемов, намечена их хронология и истоки появления данных форм в регионе.

Серии шлемов пер. пол. I тыс. н.э. с памятников Волго-Камья уже привлекали внимание исследователей и рассматривались в работах И.А.Бажана и О.А. Гей (Бажан, Гей, 1992), Р.Д. Голдиной и С.Р. Волкова (Голдина, Волков, 2000), Е.В. Лурье (Лурье, 2012) и др. Данная работа призвана несколько уточнить типологию и хронологию Волго-Камских шлемов этого периода.

В некрополях Волго-Камья, датируемых I пол.пер. тыс. н.э. достоверно известно о 22 шлемах. Они выявлены в десяти погребениях азелинских могильников, и двенадцати погребениях –мазунинских(см. табл. 1). По конструкции купола шлемы подразделяются на три типа (рис. 1).

Тип I. Сегментные шлемы (10 ед.) (рис. 1, *а*). Шлемы первого типа выявлены в Предкамье (погр. 117, 235 Рождественского V могильника), в бассейне р. Вятки (погр. 20, 30 Суворовского, погр. 9 Первомайского; погр. 88 Худяковского м-ков) и в бассейне р. Камы (курган VII, погр. 1а Тураевского) (Генинг, 1976.С. 76), погр. 6, 1685, 1784 Тарасовского (Голдина, Волков, 2000. С. 98–99; Голдина, 2003. С. 6, 622, 670) и в погр. 10 Кудашевского м-ков).

Конструктивно они собраны из нескольких металлических сегментов, соединённых заклёпками (к ободу, сделанному из широкой железной пластины, приклёпывались пластины, формировавшие тулью). Имеют коническую или яйцевидную форму тульи (зачастую она трудно определима). Количество сегментов (2, 4 или 6) и наличие полос, соединяющих сегменты, для большинства шлемов точно не установлено из–за их плохой сохранности, это касается и их размеров. Исключение составляют: медный шлем из погр.235 Рождественского V м-ка, состоявший из 6 частей, шлем из погр. 6 Тарасовского м-ка, основу каркаса которого составляет обод, а купол фиксируют две широкие пластины, пересекающиеся в верхней части купола и шлем из погр. 1784 Тарасовского м-ка, несущие части которого устроены подобным же образом. Упоминаемые в литературе «цельнокованные» шлемы из погр. 20, 30 Суворовского и погр. 88 Худяковского м-в, вероятнее всего, таковыми не являются, а представляют собой образцы сегментных шлемов, «не опознанных» из-за состояния сохранности. Поверх основания тульи большинства шлемов первого типа имеется обжимной обод (погр. 235 Рождественского V, погр. 30 Суворовского, погр. 9 Первомайского м-ков, погр. 6, 1784 Тарасовского м-ка), согнутый из одной длинной железной (или, как в погр. 30 Суворовского м-ка – медной) полосы или (чаще всего) склёпанный из нескольких коротких пластин. Наносники в виде узкой металлической пластины (приклёпанные к обжимному ободу, либо являющиеся его частью) присутствуют на шлемах из погр. 235 Рождественского V м-ка, погр. 30 Суворовского м-а, погр. 88 Худяковского м-ка, погр. 6, 1784 Тарасовского

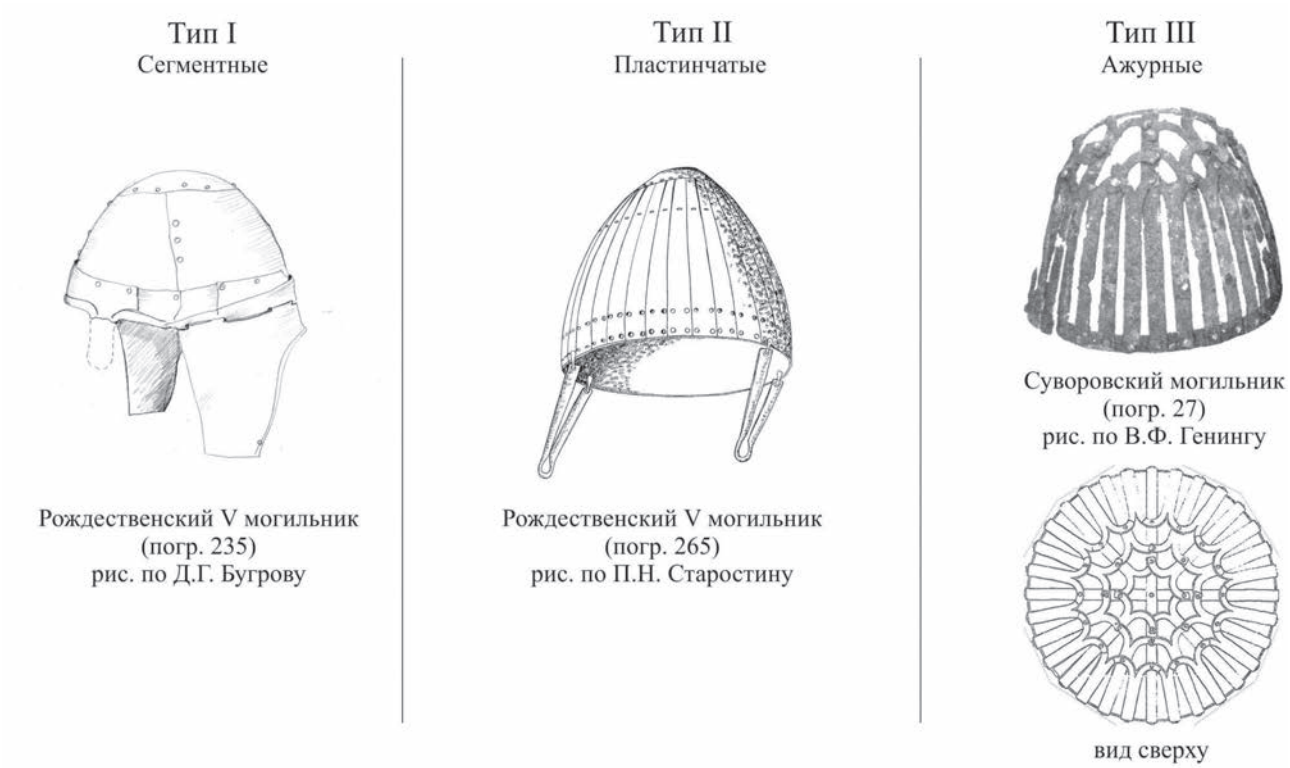

Рис. 1. Типы шлемов первой половины I тыс. н.э. Волго-Камья.

м-ка. У шлемов из погр. 235 Рождественского V м-ка и 6 Тарасовского м-ка (судя по реконструкции) сохранились также нащечники (прикреплённые к ободу шарнирными петлями). Элементы бармицы (или назатыльника) можно видеть в затылочной части шлема из погр. 30 Суворовского м-ка. Это большая Н–образная пластина с петлеобразно загнутыми нижними краями, укреплённая на ободе двумя подвижными крючками; по бокам обода имеются еще по 2 пластины на заклёпках, предположительно, от петель для крепления бармицы.

Генеалогия Волго-Камских сегментных шлемов сложна, но, вероятнее всего, они происходят от смешения западных и юго–восточных форм. Судя по археологическим и иконографическим данным, каркасные шлемы были распространены в пер. пол. I тыс. н.э.; наиболее ранние из них известны в Парфии и Кушане, в Боспорском царстве и у сармат (Негин, 2007. С. 343). Вероятно, первоначально, на рубеже I–II вв. н.э. (в период наибольших связей между сарматами и Центральной Азией и Ближним Востоком (Безуглов, 2000. С. 178), образцы парфянских конических шлемов, подобных тем, что изображены на колонне Траяна (Grancsay, 1963. P. 260) или выявлены при раскопках Дура–Европос (James, 2004. P. 104–105) попали к сарматам, затем, с сарматскими подразделениями – в римскую армию, где на протяжении II–III вв.видоизменялись под воздействием римских и провинциально-римских форм (Негин, 2007. С. 348). Изменения, в данном случае, выразились в укорачивании пропорций –парфянские шлемы имели вытянуто–коническую форму и эта их черта со временем только гипертрофировалась ср. сасанидские шлемы IV в. н.э. (Grancsay, 1963. P. 254), появлении наносника и нащечников.

Окончательно данный тип сформировался в последней четверти III – нач. IV в. н.э. и хронологически предшествует шлемам типа Беркасово (Bishop, Coulston, 1989. P. 210–212). Тогда же шлемы этого типа попали в Волго-Камье; источник и пути их проникновения пока не совсем ясны, хотя работа в этом направлении ведется.

Тип II. Пластинчатые шлемы (3 ед.) (рис.1, *б*). Шлемы второго типа выявлены в Предкамье (погр. 265 Рождественского V могильника (1 ед.) и в бассейне р. Вятки (погр. 36, 94–А Тюм-Тюмского могильника (2 ед.). Данные шлемы набраны из узких, плотно пригнанных друг к другу вертикальных пластин, закреплённых на 2–3 обручах и имеют

Рис. 2. Перечень шлемов первой половины I тыс. н.э., выявленных в Волго-Камье.

Могильник	№ погребения	Тип шлема
Рождественский V	117	I
Рождественский V	235	I
Рождественский V	265	II
Суворовский	20	I
Суворовский	30	I
Суворовский	27	III
Первомайский	9	I
Худяковский	88	I
Тюм-Тюм	36	II
Тюм-Тюм	94А	II
Нивский	80	III
Тарасовский	6	I
Тарасовский	782	III
Тарасовский	1685	I
Тарасовский	1784	I
Тураевский	5(1)	н/а*
Тураевский	7(1а)	I
Кудашевский	5	н/а
Кудашевский	6	н/а
Кудашевский	7	н/а
Кудашевский	10	I
Кудашевский	24	н/а

*н/а - шлем не атрибутировался, либо в процессе атрибуции

яйцевидную форму тульи. Ширина пластин шлема из Рождественского V м-ка составляла 1,3 см (Старостин, 2009. С. 27); близкие размеры (около 2 см, судя по рисунку (Ошибкина, 2010. Табл. 11, 4, 5) имели пластины из погр. 36 Тюм-Тюмскогом-ка. Прочие параметры шлемов установить не удалось из-за их плохой сохранности. На шлеме из погр. 265 Рождественского V могильника сохранились V–образные пластинчатые – нащечники; на шлеме из погр. 94 Тюм-Тюмского м-ка можно видеть попарно расположенные крючки (возможное назначение – крепление аналогичныхнащечников и/или бармицы). Ближайшей аналогией этому типу шлемов следует считать шлем из могильника у с.Кишпек, датируемого пер. пол. IV в. М.М. Казанский указывает, что этот шлем подобен изображенному на арке Галерия, датируемой тем же временем, и предлагает считать этот шлем частью амуниции римской кавалерии (Казанский, 1994. С. 243–244). Для азелинских шлемов этого типа возможны и другие прототипы: наборные пластинчатые шлемы I в. н.э. из погр. 25 Андреевского кургана (известен по краткому описанию П.Д. Степанова), м-ков Исаковка I и Кипчаково.

Тип III (рис.1, *в*)**.** Ажурные шлемы. Шлемы третьего типа выявлены в погр. 27, Суворовского могильника, в погр. 782 Тарасовского м-ка и в погр. 80 Нивского могильника (Останина, 1978. С. 111–112). Первый собран из 32 Y-образных пластин шириной около 1 см, верхние концы которых формируют своеобразную «розетку» в верхней части купола; две полосы пересекают купол крест на крест, образуя его основу и деля на четыре сектора. Нижние концы полосы фиксируются медными заклёпками на ободе в основании шлема. На затылочной части обода имелись 4 отверстия, возможно предназначенных для крепления бармицы. Аналогией III типу шлемов

можно считать шлем из сарматского погребения кургана 6 могильника у ст. Тбилисская (Ждановский, 1984. С. 78–82), датируемого второй пол. II – пер. пол. III в. н.э. Комплекс вещей погр. 27 Суворовского м-ка не может относится ко времени ранее III в. н.э., значит данный тип шлемов попал в Волго-Вятское междуречье в первой половине – середине III в. н.э., что, в общем, справедливо и для Нивского могильника.

Многое не вошло в текст этих кратких тезисов. Здесь не представлена типология и хронология ряда интересных шлемов кон. III–IV вв. из Кудашевского м-ка (они практически не опубликованы), аргументы в пользу датировок даны сжато. Тем не менее, в этом направлении есть существенный задел, он уже намечен здесь и будет в полной мере развит в наших последующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бажан И.А., Гей О.А. К вопросу о датировке «Прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.). СПб.: Ойум, 1992. С. 115–122.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 169–193.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. – Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический сборник. Уфа: , 2000. С. 98–122.

Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 72–99.

Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1994. С. 238–256.

Лурье Е.В. Генезис ламинарных шлемов I - III вв. н.э. // Stratumplus, 2012. № 4. С. 155–167.

Негин А.Е. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса // Antiqvitas Aeterna. Поволжский Антиковедческий Журнал. № 2. С. 335–359.

Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. н. э // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1978. С. 92–117.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. М.: Институт археологии РАН, 2010. 212 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / под ред. Д.Г. Бугрова. Казань: Институт Истории АН РТ, 2009. 144 с.

Bishop M.C., Coulston J.C. Roman military equipment. Oxford: Oxbow books, 1989. 322 p.

Grancsay S.V. A Sasanian Chieftain's Helmet // Metrop. Mus. Art Bull. 1963. T. 21. № 8. P. 253–262.

James S. The arms and armour and other military equipment. London: British Museum Pubns Ltd, 2004. P. 167.

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДРЕВНОСТЕЙ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ И НАЧАЛА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

© 2014 г. Е.Р. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (helena.mikhaylova@gmail.com)

Ключевые слова: Ижорская возвышенность, нижняя Луга, Россонь, Коммунар, Удосолово, предримское время, римское время, раннее средневековье, погребальные памятники.

Резюме. За последние годы на западной окраине Ижорской возвышенности и в районе устья реки Луги обнаружены памятники римского времени и эпохи переселения народов. Настоящее сообщение посвящено предварительным результатам исследования нескольких могильников в этом регионе. История могильника Удосолово насчитывает два этапа. Первый из них, вероятно, следует датировать предримским временем, второй – в пределах II–III вв. н.э. (ступени B2–C1 центральноевропейской хронологической схемы). На обоих этапах погребальная обрядность обладает своими особенностями. Могильник Коммунар и погребение Россонь XI относятся к начальной поре средневековья, еще недостаточно изученной в этом регионе. Материалы перечисленных памятников существенно дополняют культурно-хронологическую колонку местных древностей.

Ижорская возвышенность (Ижорское плато) традиционно рассматривается как особый историко-культурный регион, активное освоение которого начинается только в XI–XII вв. Древности предшествующего времени долгое время оставались неизвестными, хотя находки отдельных ранних предметов на Ижорском плато отмечал еще А.М. Тальгрен (Tallgren, 1938. P. 97). Ситуация начала меняться с работами Е.А. Рябинина, открывшего остатки каменных могильников римского времени (1994). В течение 2000-х годов на территории Ижорской возвышенности был обнаружен уже целый ряд могильников и кладов начала I тыс. н.э. (Сорокин, Шаров, 2008; Юшкова, Кулешов, 2010; Хаврин, Юшкова, Кулешов, 2011; Шаров, Палагута, Хаврин, 2011; Стасюк, 2012). У этих памятников есть ряд общих черт: все они датируются I–II вв. н.э. и сосредоточены на сравнительно небольшом участке на западных скатах Ижорской возвышенности.

Однако в последние годы здесь же были изучены несколько памятников, относящихся как к более раннему, так и более позднему времени. Они и будут рассмотрены в настоящем сообщении.

Самый ранний из рассматриваемых здесь памятников – каменный могильник у деревни Удосолово. Он расположен между деревнями Удосолово и Велькота Кингисеппского района, у истока небольшой речки, на бровке карстовой долины.

Памятник был известен по кладоискательским находкам: в 2008 г. П.Е. Сорокин и О.В.Шаров опубликовали несколько украшений и сведения о предметах из черного металла (Сорокин, Шаров 2008. С. 170–171. Рис. 2); в 2010 г. М.А. Юшкова опубликовала еще две фибулы, поступившие в Музей-усадьбу Н.К. Рериха в Изваре (Юшкова, 2010. С. 322–325). Исследователи сошлись во мнении, что могильник в Удосолово близок эстонским каменным могильникам, однако предложили различные датировки: О.В. Шаров и П.Е. Сорокин – узкую (в пределах II века н. э.), М.А. Юшкова – более широкую: от рубежа эр до 260-х гг. н. э.

М.А. Юшкова в 2009 г. обследовала и сам памятник – низкую плоскую каменную насыпь, ориентированную своей продольной

осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры насыпи составляли 40×50 м, высота – 0,3–0,8 м. Однако в том же 2009 г. могильник был разрушен.

В 2013 году по инициативе и при содействии дирекции Музея-заповедника в Изваре на сохранившейся части могильника автором был заложен разведочный раскоп. К началу раскопок могильник представлял собой аморфное возвышение размером 20–30×35 м и высотой от 0,3 м до 0,7–0,8 м.

Непосредственно под дерном в раскопе залегал аморфный темно-серый суглинок. Помимо предметов нового и новейшего времени, в нем найдены бронзовые спирали, обломки железных ножей, узкий бронзовый браслет плоско-выпуклого сечения, черепки керамики со штрихованной поверхностью.

Начиная с глубины 15–20 см от современной дневной поверхности, серый суглинок насыщен значительным количеством известнякового щебня. Здесь собраны кальцинированные кости, единичные фрагменты лепной керамики и ряд металлических предметов: железная бритва, спиральные бронзовые пронизки, фрагменты узких бронзовых браслетов, бронзовая шарнирная фибула с пластинчатой спинкой, железная овальная пряжка, фрагмент серебряной гривны и др. Часть находок из цветного металла оплавлена. В целом слой можно интерпретировать как связанный с могильником с погребениями по обряду кремации, рассыпанными вперемежку со щебнем по поверхности могильника.

Ближе к основанию слоя суглинка со щебнем обломки плитняка становились все крупнее, образуя сплошную вымостку, на которую оказались уложены погребения по обряду трупоположения. Костяки лежали в ряд, вытянуто на спине, головами на север (рис.1). Все погребения плохой сохранности, кости раздавлены на многочисленные мелкие фрагменты, многие кости отсутствуют.

При расчистке погребений удалось проследить, что захоронения совершались в каменных ящиках (цистах), составленных из обломков камня-плитняка. От ящиков частично сохранились продольные стенки (на высоту 10–15 см), можно отметить также оформление поперечных стенок из кусков плитняка, поставленных на ребро в изножье погребенного. Поперечные стенки цист в изголовье погребенных, если они были, полностью разрушены. Над костями ног некоторых погребений отмечены горизонтально лежавшие некрупные плиты.

Рваные обломки плит, образовывавшие стенки цист, стояли в основном наклонно. По-видимому, каменные ящики сооружали, непосредственно обкладывая тело плитами известняка: получавшиеся конструкции оказывались узкими и низкими, а составлявшие их плиты со временем заваливались вовнутрь, частично закрывая захоронения.

Всего в пределы раскопа вошли шесть погребений. Находки, связанные с ингумациями, малочисленны. В погребении 1 на правом предплечье был надет узкий бронзовый браслет, с погребением 3 связана находка в ногах погребенного втульчатого наконечника дротика с коротким листовидным пером, в погребении 6 в районе левой плюсны был найден предмет из железной пластины, напоминающий нож.

По снятии ингумаций была окончательно расчищена вымостка, на которую уложены погребения. Куски рваного камня-плитняка неправильной формы и разного размера (от крупного щебня до плит длиной 50–60 см и толщиной 8–12 см) лежали горизонтально в 3–4 слоя. Многие крупные плиты оказались раздавлены или растрескались на мелкие фрагменты, сохраняя при этом общий контур.

Характер находок в нижнем слое могильника резко меняется. Предметы из металла, обнаруженные среди плит, единичны. В то же время возрастает число находок лепной керамики. Подавляющее большинство фрагментов керамики собрано в северо-восточной части раскопа. Это мелкие черепки в основном коричневых тонов, рыхлые, со значительной примесью дресвы. Поверхность большинства фрагментов покрыта штриховкой, на некоторых заметны мелкие ямки.

Ниже вымостки из плитняка залегал тонкий предматериковый слой в котором были собраны многочисленные мелкие фрагменты лепной керамики красновато-коричневого и темно-коричневого цвета, преимущественно со штрихованной поверхностью. В северо-восточном углу раскопа сразу под вымосткой

Рис.1. План погребений по обряду ингумации на могильнике Удосолово.

из плитняка обозначился контур большой материковой ямы, заполненной камнями.

Таким образом, в истории памятника можно выделить не менее двух этапов.

Выбранное для могильника место было специально подготовлено: поверхность будущего могильника была выровнена, существовавшая здесь яма заложена камнями, вымостка из местного камня заняла значительный участок. На подготовленной площадке было похоронено не менее шести человек. Обращает на себя внимание плотное расположение и одинаковая ориентация цист.

Индивидуальные захоронения в каменных ящиках хорошо известны в древностях Эстонии и Финляндии начиная с эпохи бронзы и вплоть до начала римского времени, но все известные до сих пор захоронения в каменных ящиках располагаются поодиночке, и каждая отдельная циста, как правило, была окружена круговой вымосткой или каменной насыпью.

Памятники с погребальным обрядом, аналогичным ингумациям в Удосолово, ранее не исследовались, хотя некоторые параллели можно отметить в материалах могильника Валговицы, изученного Е.А. Рябининым.

Второй этап функционирования могильника Удосолово характеризуется россыпями кремированных останков вперемежку с щебнем и грунтом. Каменные ящики предшествующего этапа к этому времени были уже полуразрушены. Находки из слоя с сожжениями находят аналогии в североэстонских тарандах и позволяют предварительно датировать этот комплекс II–III вв. н. э. Однако каменных кладок, подобных оградкам тарандов, в Удосолово не обнаружено.

Еще один могильник, обследованный нашей экспедицией, располагается у поселка Коммунар Кингисеппского района на низком возвышении посреди поля. Могильник был выявлен по сборам металлических предметов (Михайлова, Федоров, 2011).

Слой могильника представляет собой распаханный до материка гумусированный суглинок, содержащий многочисленные пережженные косточки, мелкие обломки лепной керамики и отдельные предметы. Находки датируются V–VII вв. и находят аналогии, в частности, в Финляндии. В целом могильник Коммунар, по-видимому, синхронен верхнему слою расположенного поблизости могильника Малли (Юшкова, 2013) и аналогичен ему по обрядности.

Еще один памятник того же круга обнаружен на прибрежной территории, между рекой Россонь и т.н. Южной Литориновой грядой и получил обозначение Россонь XI. Захоронение располагалось на очень низком всхолмлении посреди песчаной низменности и оказалось разрушено распашкой. Разбор его уцелевшей части показал, что это сожжение, возможно, урновое, располагавшееся непосредственно под дерном. Найденные предметы аналогичны встреченным в Коммунаре и Малли.

Таким образом, на месте еще недавно белого пятна, на западных скатах Ижорской возвышенности и под ними теперь известна довольно представительная группа памятников, которые существуют, сменяя друг друга, на протяжении нескольких сотен лет. Они являются составной частью общей традиции каменных могильников Прибалтики и Фенноскандии, но обладают своей собственной спецификой (ряды каменных ящиков в Удосолово и Валговицах, обилие оружия в Керстово и Малли). Интересно, что вновь выявленные раннесредневековые могильники топографически связаны с могильниками римского времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Михайлова Е.Р., Федоров И.А. Случайные находки у пос. Коммунар Ленинпградской области – преполагаемый могильник I тыс н.э. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В.В. Седова. Мат-лы 56-го заседания / Отв. ред. И.К. Лабутина. М.; Псков: б/и, 2011. С. 69–77.

Рябинин Е.А. К проблеме этногенеза води // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: Памяти Д.В. Бубриха. Сборник научных трудов / Отв. ред. О.М. Фишман. СПб.: Росс. этнографич. музей, 1994. С. 23–29.

Сорокин П.Е., Шаров О.В. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследия Санкт-Петербурга. Выпуск 2: Древности Ижорской земли / Ред. П.Е. Сорокин. СПб.: ИИМК РАН, СЗИ Наследия, 2008. С. 167–200.

Стасюк И.В. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н. э. // Stratum plus. 2012. № 5. С. 63–88.

Хаврин С.В., Юшкова М.А., Кулешов В.С. Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину. По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской / Отв. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 208–224.

Шаров О.В., Палагута И.В., Хаврин С.В. Находки кладов римских монет в районе Копорья // Российский археологический ежегодник, 2011. №1. С. 336–360.

Юшкова М.А. Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / Отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 316–329.

Юшкова М.А. Раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности в

2008–2011 гг. // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 59–61.

Юшкова М.А., Кулешов В.С. Кёрстово 1 – новый памятник эпохи римских влияний на северо-западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2, часть 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гаврютихин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 218–238.

Tallgren A.M. The prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua. N. XII. Helsinki, 1938. P. 79–108.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАЕЖНОЙ ПОЛОСЫ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

© 2014 г. А.М. Мурыгин

Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН, Сыктывкар (alek-murygin@yandex.ru)

Ключевые слова: северо-восток Европы, Вычегда, Печора, раннее средневековье, взаимодействие, миграции.

Резюме. В статье рассмотрены особенности становления и развития локальных археологических культур крайнего северо-востока Европы в I тыс. н. э. Сделан вывод, что радикальные изменения в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы в I тыс. н. э. были в значительной степени определены миграционными процессами. Они нашли отражение в выраженном своеобразии раннесредневековых этнокультурных образований, которые можно определить как синкретические, представлявшие собой единство неоднородных компонентов. Высказано предположение, что разнотипные миграции являлись одним из ключевых факторов, оказавших серьезное влияние на особенности формирования и развития локальных культур раннесредневекового таежного населения в бассейнах рек Вычегды и Печоры. Их можно рассматривать в качестве постоянной величины, не изменяющей своего значения в территориальных рамках европейского северо-востока с эпохи энеолита до средневековья.

В отечественной археологии раннего средневековья остается дискуссионной проблема формирования и этно-культурной принадлежности археологических культур таежной полосы северо-востока европейской части России[1]. С одной стороны доказывается преимущественно поступательное развития местных (финно-пермских) элементов культуры, с другой –преобладание в местных культурах привнесенных инородных (угорских) компонентов. Исследователи сходятся в одном – не подвергают сомнению существование на европейском северо-востоке достаточно стабильно развивающихся на протяжении многих столетий четко оформленных (территориально и этнически) археологических культур. В свою очередь предлагается рассмотреть обозначенную проблему с точки зрения последствий многообразных связей, контактов и взаимодействий, во многом определивших неоднозначный характер археологических источников.

Вторая четверть и середина I тыс. н. э. для древнего населения печорской и вычегодской тайги является переломным этапом их истории. Он отмечен значительными подвижками населения внутрирегионального и межрегионального масштаба. В формировании культур-

1 Историографию см.: Археология Республики Коми, 1997; Мурыгин, 1992.

ных особенностей охотничье-рыболовческого населения бассейна Вычегды, наряду с внешними инфильтрациями из западносибирского культурного ареала и бассейна р. Печора, существенную роль сыграла исторически обусловленная прямая инвазия инородных коллективов с курганным обрядом захоронения из Прикамья. В это же время специфический облик культуры населения Печорского Приуралья, также с доминированием присваивающих форм деятельности, определялся больше продолжительными внешними инфильтрационными процессами и постоянной внутрирегиональной культурной диффузией. Они были определены двумя основными факторами, непосредственным - негативными изменениями среды обитания (северный инфильтрат, этнически и культурно неясный, но определенно связанный с областями, лежащими восточнее Уральского хребта) и опосредованным - далекими отголосками кризисных для многих народов событий эпохи Великого переселения народов (восточный инфильтрат). В отличие от бассейна Вычегды, инновационные изменения в культуре гляденовского населения Припечорья были связаны преимущественно не с «одномоментным броском» извне, а с растянутым на столетия продвижением в таежный пояс европейского северо-востока мигрировавших групп и, очевидно, переносом в этом же направлении соответствующих элементов традиционной культуры, средств и способов деятельности.

Итогом непосредственного взаимодействия местных и пришлых групп и как следствие – трансформации подстилающих культурных традиций, стало сложение к сер. I тыс. н. э. на европейском северо-востоке новых культурных типов. На Вычегде появляются памятники шойнатыйского типа с гребенчато-шнуровой орнаментацией керамики, позднее распространившиеся в таежное Припечорье, в таежной зоне бассейна Печоры – бичевницкого с каннелированной глиняной посудой, широко представленные в Большеземельской тундре, восточном Привычегодье, известные на нижней Оби и в Северном Прикамье. До VI в. н. э. их носители сосуществовали и осуществляли тесные связи между собой в пределах почти одной и той же территории, за исключением тундровой окраины раннебичевницкого ареала.

К VI–VII в. н. э. активная фаза взаимодействий на европейском северо-востоке, сопровождавшихся глубокими изменениями в культуре и носивших характер межэтнических миграционных процессов, завершилась. В таежной полосе региона начинается этап относительной стабилизации культурной обстановки, складываются новые археологические образования. При этом основное направление этнокультурных связей вычегодско-печорского населения, продолжающих накладывать свой отпечаток на местные культуры, продолжает оставаться прежним – Прикамье и Нижнее Приобье. Слабее проявляют себя контакты с коллективами заполярных областей. В это время этнокультурные связи вычегодского и печорского населения в большей степени сводились, видимо, к сосуществованию и тем или иным формам контактов между собой и соседствующими культурами. Судя по документирующим этот период археологическим источникам, вплоть до конца I тыс. н. э. эти контакты не оказывали, как прежде, существенного влияния на сложившийся этнокультурный облик и хозяйственную специфику местных коллективов, а перемещения в границах освоенных территорий соответствовали внутриэтническому типу миграций.

К западу от Тиманского кряжа на смену шойнатыйским появляются поселения ванвиздинского типа, которые занимают часть вычегодского, а затем мезенского бассейна. Фиксируются в Западном Притиманье по памятникам с ямочно-гребенчато-шнуровой керамикой. Они явились конечным продуктом взаимодействия местных и пришлых групп населения в предшествующее время (сер. I тыс. н. э.), который завершился для большинства из них интеграцией в общий хозяйственно-культурный комплекс с финно-пермскими и «угро-самодийскими» компонентами в культуре. Более оседлое и консолидированное, относительно позднебичевницкого печорского, ванвиздинское население, оказавшись на стыке финно-пермского Прикамья с производящей экономикой и «угро-самодийского» Печорского Приуралья с экономикой присваивающего типа, продолжало контактировать с печорскими и прикамскими соседями, которые привносили в местную культуру нехарактерные для керамического производства элементы. Намечается также тенденция к

расселению или переселению ванвиздинских групп на земли, лежащие южнее и юго-западнее от бассейна Вычегды. В последней четв. I тыс. н. э. они стали фактором постоянного или периодического присутствия на севере Прикамья и в междуречье нижней Вычегды, Малой Северной Двины и Юга (Мурыгин, 2001).

Между Тиманским кряжем и Уральским хребтом продолжается развитие культуры типа Бичевник, ареал которой сократился до районов таежного Припечорья. Жизнедеятельность групп раннесредневекового населения в этой части европейского северо-востока осуществлялась в пределах западной периферии обширной области расселения угорских, самодийских либо слабо дифференцированных в этнокультурном отношении «угро-самодийских» коллективов. На этой территории длительное взаимодействие различных по происхождению групп (начиная с эпохи энеолита и далее постоянно на протяжении последующих тысячелетий) привело к тому, что на керамике местного печорского населения втор. пол. I тыс. н. э. намного более явно, чем в вычегодско-мезенском регионе, наблюдается смешение признаков, имеющих различный генезис. Продолжается дальнейшеее развитие близкородственного нижнеобскому местного (бичевницкого) культурного комплекса, при одновременном прямом проникновении коллективов из западносибирского ареала обитания.

Анализ доступных материалов по археологии I тыс. н. э. приводит к выводу, что на особенности формирования и развития локальных культур раннесредневекового населения в бассейнах рек Вычегды и Печоры серьезное влияние оказали взаимодействия и связи коллективов, протекавшие в форме перманентно происходивших разнотипных миграций (Мурыгин, 2013). Их можно рассматривать в качестве постоянной величины, не изменяющей своего значения в территориальных рамках европейского северо-востока на протяжении длительного времени и, возможно, отнести к одному из стержневых элементов системы жизнеобеспечения коллективов в районах северной, крайне-северной тайги и тундровой зоны.

Миграционные процессы привели в I тыс. н. э. к радикальным изменениям в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы. Одним из результатов глубоких перемен, произошедших в культурах местного населения, явилось выраженное своеобразие раннесредневековых этнокультурных образований, которые можно определить как синкретические, представлявшие собой единство неоднородных компонентов. Возможно, следует отказаться от традиционно прямого отождествления локальных культур региона с конкретными этносами. Более продуктивно, может быть, рассматривать их с точки зрения хозяйственно-культурных образований с эклектичным набором культуроопределяющих признаков. Ситуация объективно была определена самим положением территории, которая оказалась зоной постоянных и длительных контактов угорского, самодийского и пермского населения. В числе предпосылок невысокого уровня культурной дифференциации социальных групп следует рассматривать и миграционную подвижность различного вида, а для печорского населения также дисперсный тип расселения и длительные сезонные широтные и меридиональные перекочевки. Этому способствовала специфика географического положения территории обитания, особенности ее естественно-географической среды - выраженная зональность растительного покрова, перекрещивание двух зоогеографических границ, широтной - тундра-тайга и долготной - Европа-Сибирь, значительные климатические изменения и большая зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий, сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 758 с.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.

Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 218 с.

Мурыгин А.М. Миграции как способ взаимодействия населения крайнего северо-востока европейской части России в раннем средневековье // Вестник Томского госуниверситета. История. № 3 (23) / Отв. ред. Е.А. Васильев. Томск, 2013. С. 254–258.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ТИПА БАРАНДЫ В СЕРБИИ (КУЛЬТУРА САРМАТОВ-ЛИМИГАНТОВ)[1]

© 2014 г. А.М. Обломский

Институт археологии Российской академии наук, Москва
(oblomsky_a@rambler.ru)

Ключевые слова: позднеримское время, «варварские» памятники Нижнего Потисья, свободные сарматы, сарматы-лимиганты.

Резюме. В статье рассмотрены проблемы изучения памятников позднеримского времени типа Баранды в Сербии, а также вопросы происхождения культуры сарматов-лимигантов. Основными источниками при этом явились лепная керамика и домостроительство.

В современной сербской археологической литературе «варварские» памятники позднеримского времени Нижнего Потисья принято связывать с т.н. свободными сарматами и сарматами-лимигантами. Основанием для этого заключения являются письменные источники, в частности, для IV в. очень подробные сообщения Аммиана Марцеллина о взаимоотношении сарматов и Рима, а также о локализации сарматов в Среднем Подунавье (Ivanišević, Bugarski, 2008, P. 39–43; Бугарски, Иванишевич, 2012, С. 488).

Бесспорно сарматскими признаются грунтовые и курганные ингумации, наиболее полно исследованные на трех могильниках (Панчево, Суботица и Вршац)(Миятович, 2010, С. 183). Дискуссионным является вопрос об этнокультурной принадлежности населения, обитавшего на селищах. По этому поводу высказаны две точки зрения.

В соответствии с первой из них, в позднеримское время в Нижнем Потисье параллельно обитали две разные в этническом отношении группы населения: собственно, сарматы-кочевники, которым принадлежали ингумации, и сарматы-лимиганты – оседлое население селищ. Т.н. культура лимигантов не связана с предшествующими местными древностями и является новой для Подунавья археологической общностью. В ее развитии наблюдаются два периода: позднеримский, представленный материалами поселений Баранда, Чуруг, Падей-Циглана, и раннесредневековый (селища Колут «Ритская долина», Хоргош, Падей-Вишневач и др.). Аналогии ранней лепной керамике, конструкции и планировке построек исследователи находят на памятниках киевской, черняховской и пшеворской культур. В результате делается вывод, что население селищ в позднеримское время было, в основном, славянским, не исключая наличия местных иллирийских, дакийских и сарматских элементов. Дж. Янкович датировал ранний этап концом III – концом IV в. С. Трифунович считает, что наиболее ранние комплексы Чуруга относятся к концу II – началу III в., а наиболее поздние объекты из Хоргоша, Падей-Вишневача, Колута и др. датируются концом VI – VII вв. (Јанковић, 1997; Трифуновић, 2000; Трифуновић, Пашић, 2003; Трифунович, 2010; Миятович, 2010; Янкович, Радичевич, 2010, С. 148).

Исследователи второго направления считают, что все «варварские» памятники позднеримского периода вне зависимости от их характера принадлежали сарматам. Иногда отмечается, что население Потисья в это время было смешанным, но сарматский элемент в его составе господствовал. В качестве основной аргументации при этом приводятся сообщения письменных источников, в которых очень часты свидетельства о присутствии

1 Доклад подготовлен при поддержке Фонда «Русский мир».

сарматов (Васић, 2000). Принципиальной разницы, по мнению этой группы ученых, между сарматами «свободными» и сарматами-лимигантами «рабами» не наблюдается. Иногда сарматское население рассматривается, как первый эшелон защиты римской границы с севера (Бугарски, Иванишевич, 2012, С. 488–490).

Цель доклада заключается в анализе проблемы происхождения культуры сарматов-лимигантов, основными источниками при этом являются лепная керамика и домостроительство.

Материалы, характеризующие культуру «варварских» поселений низовьев Тисы, происходят преимущественно с селищ Баранда, Чуруг, Падей-Циглана, Алибунар «Мале ливаде», Банатский Карловац «Калвария», Господжинцы (рис. 1, *А*) (Трифуновић, 2000, табл. IV, VI; Bugarski, 2012, P. 20–21, fig. 7).

Керамика поселений типа Баранды делится на груболепную (с толстыми стенками и примесью шамота в керамическом тесте) и гончарную различного происхождения.

Для удобства сопоставления керамики из Нижнего Потисья с материалами Восточной Европы использована типология, разработанная мною для классификации кухонной посуды позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и киевской культуры (Обломский, Терпиловский, 1991, С. 114–115, табл. 1; Обломский, 2002, С. 7, 8, табл. 1). В наборе груболепных горшков на памятниках Нижнего Потисья преобладает округлобокая керамика, причем наиболее часто встречаются сосуды с изогнутым, отогнутым наружу венчиком и выраженной выпуклой дугой в верхней части тулова (таксон I,1,а,а – 43%; рис. 2, *1, 5, 7, 8, 9, 12*). Довольно часты среди округлобоких закрытые горшки с неопределенной формой дуги на участке профиля выше места наибольшего расширения тулова (таксон I,3-а – 10%; рис. 2, *4, 6*). Более редки горшки таксонов I,1,в (сильнопрофилированные округлобокие с прямыми отогнутыми наружу венчиками – 5%; рис. 2, *3*), тюльпановидные (I,3-б – 5%; рис. 2, *2*), баночные (таксон I,4 – 3%). Ребристых сосудов достаточно много, общая их доля составляет 33%. Среди ребристых наиболее часты биконические горшки (II,2,а – 26%; рис. 2, *1, 11, 13, 15*). Прочие формы ребристых горшков (таксонов II,1 с изогнутой дугой в верхней части профиля – 2%; рис. 2, *14*; II,4 с выпуклой дугой между шейкой и плечом – 3%, II,5 без шейки и отогнутого венчика – 2%) редки. Комплекс дополняется мисками-крышками как на полых поддонах, так и с плоским дном (рис. 2, *17–20*), тазикообразными сосудами (рис. 2, *21, 22*), найден один диск.

Наземные постройки раскопаны пока только в Баранде. Размеры первой из них – 5 х 4 м, максимальная длина второй и третьей, соответственно, около 10 м и около 5,5 м. Стены, обмазанные глиной, возведены на каркасе из дерева (Трифуновић, 2000, С. 48, 64). На поселении Чуруг исследованы наземные дома с глубокими подвалами. Прочие постройки были полуземлянками. Их размеры – от 3 х 3 до 4 х 4 м. С. Трифунович выделяет несколько типов сооружений, которые сводятся к следующим конструкциям:

- жилища прямоугольной или квадратной формы с открытыми очагами, центральным опорным столбом кровли и иногда, со следами еще двух столбов по краям котлована.

- прямоугольные или неправильной формы постройки с вынесенной за пределы котлована печью (печью-камином по терминологии Э.А. Сымоновича).

- постройки неправильной формы с неровным полом (Трифунович, 2010, С. 159).

По находкам римских монет и импортной керамике наиболее вероятная дата памятников типа Баранды – середина III – IV в. (Јанковић, 1997, С. 369).

По всем основным признакам (набор форм лепных сосудов, структура керамического комплекса, традиции домостроительства) сербские памятники типа Баранды схожи с несколькими группами позднеримских древностей восточноевропейской лесостепи, распространенных от Верхнего Поднестровья на западе до Верхнего Подонья на востоке (памятники типа Черепин-Теремцы на Днестре, древности среднеднепровского и сейминско-донецкого вариантов киевской культуры периода черняховского влияния, памятники киевской традиции в черняховской культуре в Поднепровье и в бассейне Северского Донца, древности круга Каширки – Седелок в Подонье). Все эти восточноевропейские куль-

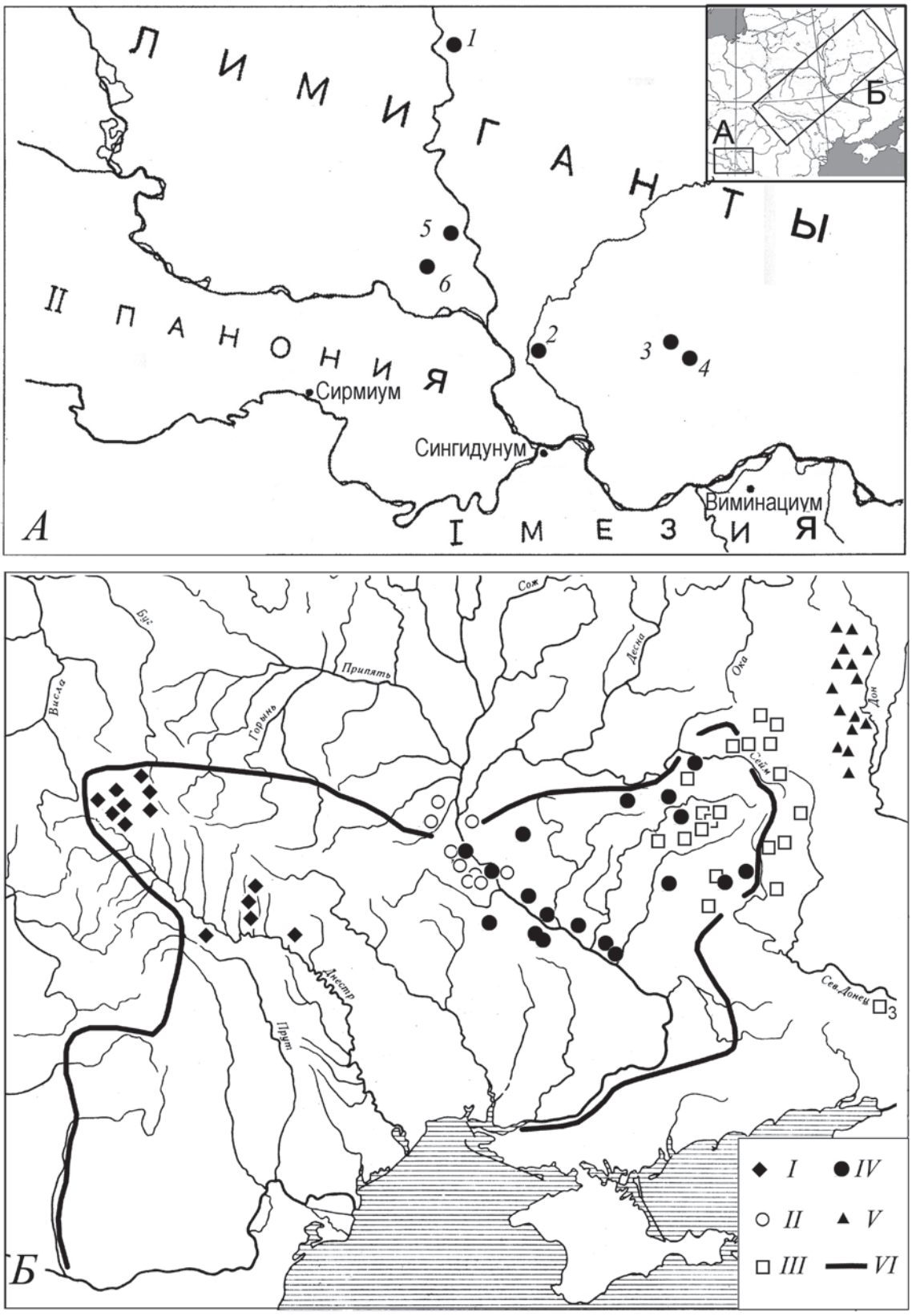

Рис. 1. Памятники позднеримского времени Сербии и юга Восточной Европы. *А.* Среднее Подунавье. *1* – Падей-Циглана; *2* – Баранда; *3* – Алибунар «Мале ливаде»; *4* – Банатский Карловац «Калвария»; *5*– Чуруг; *6* – Господжинцы – по: С. Трифунович и И. Бугарский. *Б.* Юг Восточной Европы. *I* – памятники типа Черепин – Теремцы; *II* – памятники среднеднепровского варианта киевской культуры; *III* – памятники сейминско-донецкого варианта киевской культуры; *IV* – черняховские памятники киевской традиции; *V* – памятники типа Каширки-Седелок; *VI* – граница черняховской культуры – по: Б.В. Магомедов, уточнения А.М. Обломский.

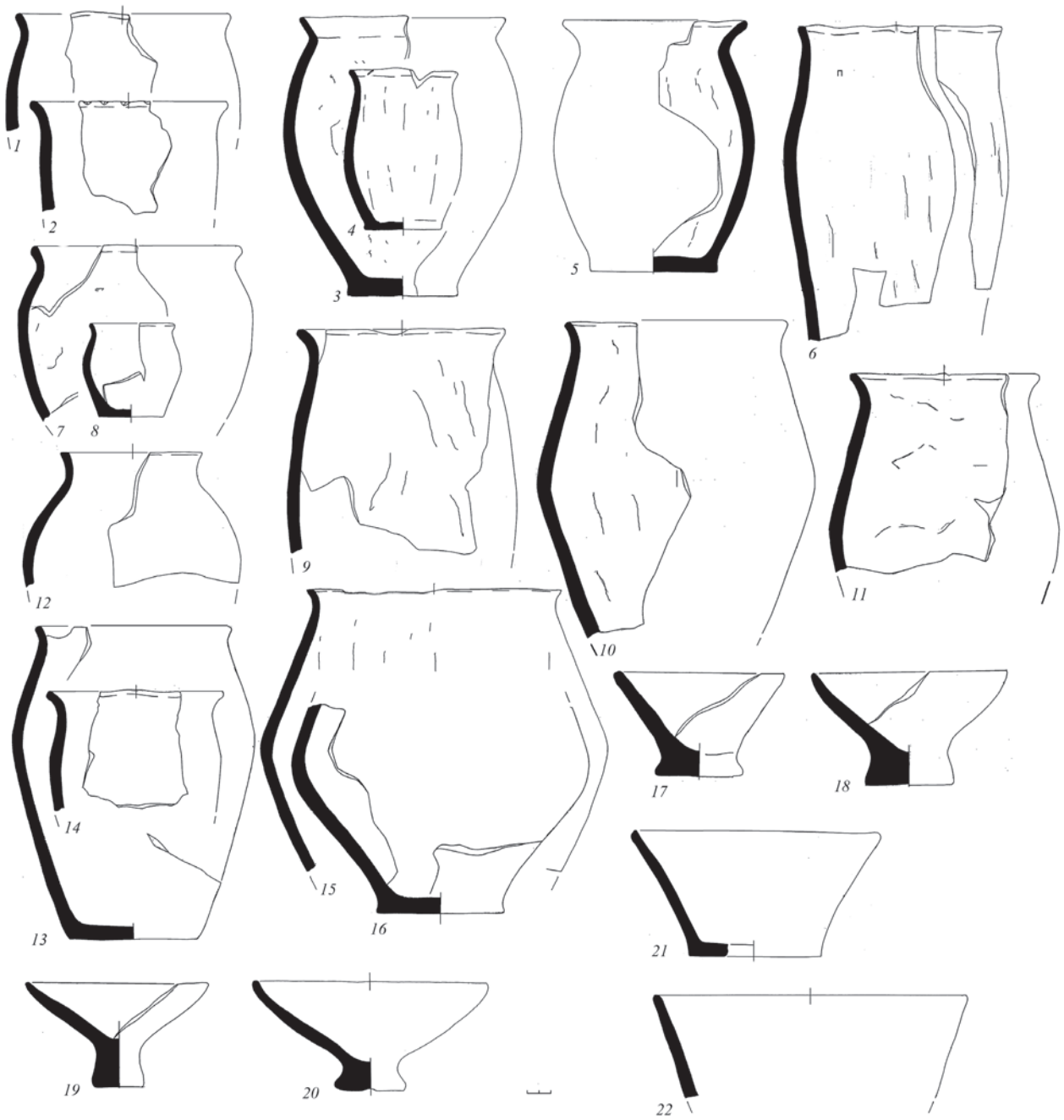

Рис. 2. Груболепная керамика памятников типа Баранды. *1, 2, 10, 11, 22* – Баранда*; 3, 4, 7, 8, 13–16, 20, 21* – Чуруг; *5, 6, 9, 12, 17–19* – Падей-Циглана.

турные группы возникли в результате трех импульсов движения населения: распада зарубинецкой культуры и расселения позднезарубинецких племен и их потомков на юго-запад и на восток, миграции отдельных групп пшеворского населения в I–II вв. на восток вплоть до водораздела Днепра и Дона, расширения территории полиэтничной черняховской культуры в середине – второй половине III в. в восточном направлении, что сопровождалось серией микромиграций. Определенная близость этих культурных групп, очевидно, обеспечивалась и взаимными контактами их населения в середине – второй половине III – начале V в. (Арион и др., 2010). Памятники типа Баранды относятся к тому же культурному кругу.

Если мнение, что памятники типа Баранды в Подунавье не имеют местных корней, справедливо, то получается, что в Сербию где-то в III в. переместилась группа населения из лесостепи Восточной Европы, связанного с восточной ветвью славянского этногенеза (см. Обломский, Терпиловский, 2008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арион О.В., Башкатов Ю.В., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. У истоков славянства (вместо заключения) / Отв. ред. Обломский А.М. Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II вв.н.э.). Раннеславянский мир. 12. Москва: изд-во ИА РАН, 2010. С. 93–110.

Бугарски И., Иванишевич В. Пограничье Римской империи и варваров: система обороны Империи от Куция до Ледераты / Отв. ред.: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула: Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, 2012. С. 482–511.

Васић М. Рецензија текста Станка Трифуновића „Словенска насеља 4-10. века у Банату и Бачкој. Нова археолошка истраживања“. //Гласник Српског археолошког друштва, 2000. №15-16 (1999-2000). Београд. С. 429–438.

ЈанковиЋ Ђ. Словенске особине насеља позноримског доба на југоистоку Панониje / Отв. Ред. Седов В.В. Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. 3. М., 1997. С. 362–375.

Миятович В. Могли ли сарматы стать земледельцами на территории Бачки и Баната? / Отв. ред. Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 2. Тула: Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, 2010. С. 181–191.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). Раннеславянский мир. 5. М.: Наука, 2002. 255 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1991. 174 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. О происхождении восточной ветви ранних славян (I–V вв.н.э.) / Отв. ред. Деревянко А.П., Макаров Н.А. Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 257–262.

Трифуновић С. Насеља Лимиганата и Словена у Банату и Бачкој //

Гласник Српског археолошког друштва. 2000. №15-16 (1999-2000). Београд. С. 158–180.

Трифуновић С., Пашић И, „Стари виногради“ у Чуругу – вишеслојно археолошко налазиште // Гласник Српског археолошког друштва. 2003. №19. Београд. С. 263–290.

Трифунович С. Позднеантичные памятники на территории Бачки и Баната: Сходство и связи с черняховской культурой / Отв. ред. Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2, часть 2. Тула: Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, 2010. С. 181–190.

Янкович Д., Радичевич Д. Два культурно-этнических последствия «готського» нашествия на Фракию и Иллирик в 268-269 гг. / Отв. ред. Воронцов А.М., Гавритухин И.О. Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 2. Тула: Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, 2010. С. 143–157.

Bugarski I. Occupation of the south Pannonian soil during Antiquity and the Migration period: Šajkaška revisited / Ed. Ivanišević V., Kazanski M. The Pontic – Danubian realm in the period of the Great Migration. Paris – Beograd: Arheološki Institut, 2012. P. 11–34.

Ivanišević V., Bugarski I. Western Banat during the Great Migration Perio / Ed. Niezabitowska-Wiśniewska. The Turbulent Epoch II. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Monumenta Studia Gothica V, Lublin: UMCS, 2008. P. 39–61.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – СЕРЕДИНЕ I ТЫС. Н.Э.

© 2014 г. В.В. Овсянников

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа
(atliural@yandex.ru)

Ключевые слова: Кара-абызская культура, ранний железный век, лесостепное Предуралье, этнокультурные процессы, периодизация.

Резюме. В работе приводится новая периодизация культурно-исторических процессов, связанных с образованием, развитием и распадом кара-абызской археологической культуры. Выделено шесть этапов: предкара-абызский (VI–V вв. до н.э.); раннекара-абызский (V–IV вв. до н.э.); кара-абызский А (IV–III вв. до н.э.); кара-абызский В (III–II вв. до н.э.); кара-абызский С (II в. до н.э. – II в. н.э.) и позднекара-абызский (III–IV вв. н.э.). Сделаны выводы о роли кара-абызского населения в культурогенезе пьяноборской, мазунинской и именьляшевской культур.

Лесостепное Предуралье в географическом плане представляет собой некий ограниченный анклав с разнородными физическими условиями. С запада регион ограничен предгорьями Урала, с юго-востока – Бугульминско-Белебеевской возвышенностью. На севере – долиной реки Камы. Фактически предуральская лесостепь «укладывается» в границы долины р. Белой в ее среднем течении, вместе с притоками. При этом разнообразие физико-географических условий: от таежных предгорий до остепненных участков левобережья, позволяло вести разноотраслевое хозяйство. Последнее повышало привлекательность заселения региона группами с различными хозяйственными типами. На рубеже эр здесь складывается оригинальное этнокультурное образование, которое получило в литературе обозначение как «кара-абызская культура».

В последние десятилетия XX и первые десятилетия XXI в. накопился значительный материал, к сожалению, в большинстве случаев не введенный в научный оборот, но уже сейчас позволяющий внести значительные коррективы во взгляды, превалирующие в научной литературе на данное культурное образование. В данной работе предлагается периодизация культурно-исторических процессов, связанных с возникновением, развитием и распадом кара-абызкой культуры.

Первый этап данного процесса можно обозначить как «предкара-абызский». В этот период (около середины I тысячелетия до н.э.) в данном регионе начинают фиксироваться значительные подвижки населения. С севера из зоны Прикамья, видимо вдоль долины р. Белой, начинают проникать группы носителей сложношнуровой керамики и керамики постмаклашеевского типа. Эти группы населения вступают в активные контакты с немногочисленным автохтонным населением – носителями, так называемого типа «курмантау». В частности на правобережье р. Белой исследован ряд памятников, где вышеназванные керамические комплексы содержатся в едином культурном слое (Бирское городище, Акбердино-3 поселение, стоянка им. Касьянова и др.). Предварительно этот период можно определить в рамках VI–V вв. до н.э. Он характеризуется началом проникновения различных групп прикамского и средневолжского населения в долину р. Белой. Для этого периода характерна либо многокомпонентность культурных слоев поселений, либо чересполосное проживание различных этнических групп в небольших микрорайонах.

Второй этап (раннекара-абызский) связан с усилением присутствия в регионе по-

томков постмаклашеевской культуры и установления их этнической доминанты. К этому периоду можно отнести ряд поселений и могильников (Воронки, Бирское II, Новобиктовское, Андреевское и Черниковское селища; Нагаевское II и Акбердинское III городища; Старший Шиповский, Таш-Елга, Уфимский (по ул. Трактовой и Правая Белая) могильники (Овсянников, Пшеничнюк, 2007). Данное население осваивает долину р. Белой до границ современного Гафурийского района Республики Башкортостан, где сосредоточено более десятка поселений различного типа. Данный этап можно определить в рамках V–IV вв. до н.э. Основным его содержанием стала консолидация нового этнического образования в указанном регионе.

Третий этап (кара-абызский А) связан с появлением в регионе раннекочевнического населения, которое по степному правобережью р. Белой (так называемый «демско-бельский степной язык») достигает широты современного г. Стерлитамака. Новое население вступает в активные контакты с кара-абызским населением, что выразилось в частности в «оседании» части номадов в ареале оседлого населения (Савельев, 2008). Этот период датируется IV–III вв. до н.э. и характеризуется активными ассимиляционными процессами в среде населения Прибелья. К концу этого периода наиболее южная группировка кара-абызского населения, подвергшаяся сильному кочевому влиянию, сдвигается к северу и занимает участок правобережья р. Белой между ее притоками Сим и Уфа, где сосредотачивается вокруг Шиповского и Охлебининского II городищ.

С другой стороны в северном ареале кара-абызской культуры, не испытавшем столь сильного степного влияния выделяются несколько группировок. Уфимская – занимает уфимский полуостров у слияния р. Белой и Уфы. Наиболее значительные памятники: Уфимское (Чертово) и Уфимское IV городища; уфимский и ново-уфимский могильники. Кара-абызская группа: городище и могильник Кара-абыз. Биктимировская группа: Биктимировское городище и могильники. Нечетко выделена чандарская группа. Здесь известно небольшое количество случайных находок, разрушенный могильник и городище у х. Чандар в среднем течении р. Уфы.

Таким образом, к концу данного периода формируются территориальные группы оседлого кара-абызского населения в долине р. Белой. В этот период складываются основные этнографические особенности данного населения, выраженные в погребальном обряде и инвентаре, структуре расселения, способами жизнеобеспечения и др.

Четвертый этап (кара-абызский В). В III–II вв. до н.э. в данный регион начинает проникать население, связанное своим происхождением с лесостепным Зауральем. Судя по небольшим курганным группам оставленным им (Акбердинские и Нагаевские курганы), последнее было представлено незначительными группами. Оно не сыграло значительной роли в культурогенезе бельских племен, однако сумело внести некоторые нюансы в элементы погребального обряда в основном шиповской группы кара-абызского населения.

Вероятно, позже эта часть зауральского населения продвинулась к северу, на еще свободные земли (Кипчаковский курганно-грунтовый могильник), где приняла участие в генезисе пьяноборской культуры (Зубов, 2007).

Пятый этап (кара-абызский С) определяется в рамках II в. до н.э. – II в. н.э. и отличается стабильностью этнокультурных процессов. События, связанные с наплывом нового населения в регион, остались позади. Стабилизации этнокультурной обстановки способствовал также уход ранних кочевников из «демско-бельского степного языка». Этот период можно назвать расцветом кара-абызской культуры. Судя по тому, что большинство погребений на кара-абызских могильниках относится именно к этому периоду, можно говорить о демографическом росте. В этот период закладываются новые могильники (Юрмашевский, Юлуковский). Начинается освоение глубинных районов бельского правобережья, фиксируется присутствие кара-абызского населения и на левом «степном» берегу.

Однако бурные события предшествующих периодов не прошли бесследно. По данным антропологии южная группа (Шиповский могильник) в расовом типе значительно отличаются от северных (Биктимировский и Кара-

абыз II могильники) группировок (Юсупов, 2012. С. 283–285; Нечвалода, 2012). Значительно различаются также данные по составу стада обеих групп населения: для южной характерно преобладание мелкого рогатого скота, для северной – крупного (Петренко, 1984. С. 129–130). Отличается также и направление культурных связей группировок кара-абызского населения. Для северной группы характерны активные контакты с пьяноборским населением, не исключено, что северное кара-абызское население приняло участие в культурогенезе пьяноборского образования.

Связи шиповской и охлебининской групп кара-абызского населения в основном направлены на юг. Здесь в южном «подбрюшье» кара-абызского ареала около II в. до н.э. сформировалась группа населения – носителей керамики «убаларского» типа. Происхождение и этническая принадлежность этой группы населения крайне дискуссионна, в основном из-за отсутствия полноценного корпуса источников.

Шестой этап (позднекара-абызский) определяется рамками III–IV вв. н.э. и может квалифицироваться как процесс распада кара-абызского культурного объединения. Обозначенные выше культурно-этнические различия двух групп кара-абызского населения сказались и на их дальнейшей судьбе. На кара-абызских памятниках северной группы, материалы позднее III в. н.э. не зафиксированы. Вполне вероятен уход этой группы в прикамский регион, где они приняли участие в формировании «башкирского» варианта мазунинской культуры.

Судьба южных группировок кара-абызской культуры выглядит иной. Здесь на Шиповском и Охлебининском некрополях фиксируются материалы III–IV вв. н.э. (Овсянников и др., 2007. С. 80–84; Пшеничнюк, 1983). Отмечается сильное влияние южной позднесарматской культуры. Происходят заметные изменения в погребальном обряде, женском и мужском погребальном инвентаре. Отмечается обычай деформации черепов. На южных кара-абызских поселениях в этот период начинает преобладать посуда убаларского типа и частично позднесарматского облика. Поселения начинают принимать ярко выраженный сезонный характер. Именно в ареале южных кара-абызских памятников наблюдается трансформация убаларской посуды в имендяшевскую.

Другими словами южная ветвь кара-абызской культуры не принимала участия в мазунинском культурогенезе, а скорее всего, была поглощена своими южными соседями и в качестве субстрата вошла в имендяшевское, а затем и в турбаслинское культурное объединения, сформировавшиеся в среднем Прибелье в IV–V вв. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. 2007. № 6–7. С. 72–88.

Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-Абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация. Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2012. С. 270–273.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 167 с.

Овсянников В.В., Пшеничнюк А.Х. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа, 2007. 62 с.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 173 с.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Отв. ред. Яблонский Л.Т. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2008. С. 116–135.

Юсупов Р.М. Антропологическая характеристика населения лесостепного Приуралья эпохи раннего средневековья // История башкирского народа. Т. II. Уфа: «Гилем», 2012. С. 279–304.

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ ТУРАЕВО-КУДАШ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2014 г. М.Л. Перескоков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь (Pereskokoff@yandex.ru)

Ключевые слова: археологическая культура, курганно-грунтовый могильник, культурно-хронологический горизонт, маркер горизонта.

Резюме. В статье рассматриваются теоретические проблемы и различные подходы к осмыслению археологических материалов Прикамья. Аргументируется необходимость выделения воинских погребений типа Тураевского могильника в особый культурно-хронологический горизонт.

Масштабные археологические раскопки на памятниках Прикамья в 80-е гг. XX – начала XXI в. дали значительный объем нового материала, обобщение которого может решить многие спорные вопросы, в частности в хронологии и культурной интерпретации памятников региона. Тем не менее, теоретический подход к изучению памятников не только Прикамья, но и многих других территорий России остается неизменным с середины XX столетия, когда разрабатывались фундаментальные основы отечественной археологической науки. К сожалению, многие проблемы, которые проявлялись еще в середине прошлого столетия, в силу разных причин не получили должной разработки. Наиболее ярко это выразилось в исследовании погребений под курганными насыпями, за которыми в археологической литературе закрепилось название «харинские».

Базовым понятием отечественной археологической науки, на котором строится осмысление археологического материала, является «археологическая культура». По определению А.Л. Монгайта (1955. С. 13–14), «археологическая культура – это условный термин, употребляемый археологами для обозначения комплекса археологических памятников, объединенных общим временем, общей территорией и характеризуемых общими чертами». Л.Т. Яблонский цитируя это определение делает важное замечание: «Условный термин не всегда позволяет с достаточным основанием говорить об исторической или этнической реалии» (Яблонский, 2008. С. 305). Таким образом, археологическая культура, являясь определенным таксономическим уровнем анализа и осмысления археологического материала отражает определенную стадию или этап его развития (которое может быть не одинаково в разных его аспектах). Исходя из достаточно жестких критериев данного термина применение его для комплексов различных территорий и разных этапов хозяйственного развития населения не одинаково удачно, и в ряде случаев, историографическая традиция применения данного термина к определенной территории вносит дополнительные проблемы, которых можно было бы избежать, используя более подходящий теоретический подход и методический инструментарий. Показательным примером может служить дискуссия о терминологическом аппарате в исследовании ранних кочевников Евразийских степей (Мошкова, 2007; Малашев, 2007; Яблонский, 2001; 2007; 2008), в которой Л.Т. Яблонский поступательно отстаивает точку зрения о том, что «применительно к археологии кочевников степей Евразии эпохи раннего железного века понятие культурно-хронологических горизонтов с их хронологическими маркерами открывает новые возможности обобщения археологического материала на уровне культурно-исторических областей, зон и провин-

ций, а не «археологических культур», сама историческая объективность существования которых у многих вызывает сомнения» (Яблонский, 2008. С. 312). Не углубляясь в дискуссию, отмечу лишь важные для нас теоретические моменты:

Понятие «культурно-хронологического горизонта» не противоречит понятию «археологическая культура». Эти понятия вполне совместимы, они представляют разные таксономические уровни анализа археологического материала (Яблонский, 2008. С. 311–312).

В определенных условиях некоторые инновации на протяжении двух-трех поколений превращаются в традиции. Одновременно может происходить полное или частичное разрушение традиций существовавших здесь прежде. Механизм выявления признаков этнической культуры в археологии осложнен трудностями датирования памятников. Например, признаки погребального обряда могильников, которые воспринимаются археологически синхронными, в исторической реалии являются диахронными, принадлежащими разным поколениям людей. На протяжении короткого временного отрезка признаки, еще недавно характеризующие этническую культуру, могут стать надэтничными, трансформируясь в конкретных социально-политических условиях (Яблонский, 2008. С. 305).

В археологии Прикамья термин «археологическая культура» также является базовым. В культурах лесной зоны как раз четко прослеживаются все признаки присущие археологической культуре. Для этой территории данный термин наиболее применим, так как отражает именно постепенные поступательные изменения (конкретный временной отрезок) в археологических материалах на определенной территории.

Трудности начинаются тогда, когда в поступательное стабильное культурное развитие резко вклиниваются совершенно чуждые данной территории культурные элементы. Это касается появления на территории Прикамья погребений под курганными насыпями[1]. Первые исследователи пытавшиеся интерпретировать материалы прикамских курганно-грунтовых некрополей однозначно связывали их с притоком в Прикамье инокультурных племен, этнический состав которых исследователями определялся по разному (Генинг, 1959; Генинг, Голдина, 1973; Голдина, 2004; Смирнов, 1952). Иной точки зрения придерживался основной исследователь гляденовской культуры Ю.А. Поляков, считавший, что курганы оставлены местным гляденовским населением на позднем этапе функционирования культуры (Поляков, 2001). Так или иначе, курганно-грунтовые могильники рассматривались целостно, как этнический признак.

Проведённые нами подробные исследования материалов рубежа раннего железного века и раннего средневековья Пермского Прикамья выявили три этапа функционирования курганно-грунтовых могильников, имеющих значительные отличия, как в части погребального обряда, так и в материальной культуре (Перескоков, 2013). *Первый этап* датируется третьей четвертью IV – началом V в. и связан с появлением в Прикамье курганных погребений хорошо вооруженных воинов (Тураевский, Кудашевский, Мокинский, Бродовский могильники), в которых помимо вооружения появляются в большом количестве элементы поясной гарнитуры предгуннского времени, а также обряд обезвреживания погребенных. *Второй этап* датируется V в. В течении второго этапа происходит эволюция погребального обряда, который начинает иметь синкретический характер – обряд сооружения курганной насыпи начинает смешиваться с местным обрядом – строительством «домов мертвых». Появляются гибридные формы конструкций. Происходит так же эволюция обряда обезвреживания погребенных, где увеличивается влияние обрядов связанных с огнем (частичная и полная кремация) (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011. С. 69–71). Происходит массовое распространение ременной гарнитуры. *Третий этап* имеет хронологические рамки рубеж V–VI – начало VII в. Происходит вырождение курганного обряда и постепенное его исчезновение. В конце этапа появляются раннегеральдические типы ременной гарнитуры. При этом, на всех этапах и на всех могильниках присутствуют синхронные грунтовые погре-

1 Все могильники «харинского типа» в Прикамье, где присутствуют курганные группы, имеют и грунтовую часть, т.е. являются смешанными, курганно-грунтовыми.

бения, весь комплекс материальной культуры кроме вооружения и ременной гарнитуры развивается поступательно в рамках сначала гляденовской а затем раннесредневековых культур Прикамья (неволинской, ломоватовской, поломской, ванвиздинской).

Если второй и третий этапы функционирования курганно-грунтовых могильников, относящиеся к раннесредневековому времени представляется корректным рассматривать в рамках синхронно развивающихся культур, то первый этап резко выпадает, так как связан с миграцией на территорию Прикамья небольших тяжеловооруженных воинских отрядов, которые постепенно растворились в местной среде Прикамского населения, оставив после себя погребальный обряд и «моду» на элементы костюма и вооружение (Коренюк, Перескоков, 2011. С. 137). Т.е. признак курганного обряда, который на первом этапе (у его носителей) был этническим[2], следующие несколько поколений (на втором этапе) статусным (традицией), а затем постепенно растворился и слился с местным погребальным обрядом (третий этап). Курганы первого этапа имеют достаточно широкие географические границы (от Нижней Камы до рек Тулвы и Шаквы), что не укладывается ни в одни границы выделенных в Прикамье археологических культур.

Таким образом, воинские курганные погребения в Прикамье (первого этапа) целесообразно рассматривать в рамках *Тураевско-Кудашевского культурно-хронологического горизонта*, который объединяет сходные элементы культуры в широких географических границах. Тураевско-Кудашевский культурно-хронологический горизонт имеет хронологические границы третья четверть IV – начало V в., и отражает специфические процессы финального этапа гляденовской и мазунинской культур Прикамья. Маркерами горизонта является комплекс[3], включающий курганный погребальный обряд[4], поясную гарнитуру в виде пряжек с плотно прилегающим язычком, не доходящим до середины рамки, пряжки и накладки с щитками в форме лунницы, некоторые типы вооружения (Перескоков, 2013. С. 19–20).

2 То, что этот признак в данной конкретной ситуацией имеет этническую окраску, дает нам лишь основание считать, что пришлые группы воинов принадлежали к другому этносу, нежели местное гляденовское население. Нет никаких оснований делать выводы об их этнической принадлежности, так как для этого необходим весь комплекс данных, включая данные об антропологическом типе населения и его языке, который является важнейшим этническим признаком.

3 Комплекс не всегда может иметь весь набор элементов.

4 Этот признак может являться маркером только в комплексе с другими признаками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып.12. Свердловск, 1973. С. 60–125.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 422 с.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.

Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ, 2012. С. 133–141.

Малашев В.Ю. О статье Л.Т. Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья)» // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.

Монгайт А.Л. Археология в СССР. М., 1955.

Мошкова М.Г. По поводу статьи Л.Т. Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья)» // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Казань, 2013. 28 с.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып.1. С. 10–19.

Смирнов А.П. Очерки древней средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М.: Наука, 1952. 276 с.

Яблонский Л.Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. №1. С. 56–64.

Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007.

Яблонский Л.Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в современной скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии: (сб. памяти Владимира Александровича Башилова). М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. МИАР №10. С. 302–315.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «КЛАДОВ» ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

© 2014 г. О.А. Радюш

Институт археологии РАН, Москва
(radjush@mail.ru)

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, левобережье Днепра, княжеские погребения, погребальный обряд, склеп.

Резюме. На территории Курской области сосредоточены три известные находки так называемых кладов конца IV – начала V в. н.э. (Большой Каменец, Паники и Волниковка). Это уникальный случай для Восточной Европы. Архивные и полевые исследования, проводимые в последнем десятилетии, позволили уточнить археологический контекст находок, обстоятельства их обнаружения, выявить синхронные им поселения, относящиеся к позднему и финальному этапам черняховских древностей в Посемье. Все три комплекса, представляющие исключительное явление на фоне поселенческих древностей региона, органично вписываются в серию элитарных воинских и вождеских погребений начала эпохи Переселения народовв Европе.

Особое место среди древностей лесостепи Восточной Европы занимают находки так называемых «кладов»,отличающиеся богатством инвентаря, очевидно, относящегося к материальной культуре представителей варварской знати. Концентрация подобных комплексов в отдалённых восточных районах Днепровского лесостепного левобережья позволяет ставить вопрос о существовании там в эпоху Великого переселения народов особых социальных структур – т.н. «Варварских королевств». Все четыре известные на данный момент находки были сделаны местными жителями и фактически разграблены. Обследование мест находок археологами было проведено в трех случаях.

В отечественной историографии изучение древностей раннего этапа переселения народов в глубине Днепровского Лесостепного Левобережья началось классической работой Л.А. Мацулевича «Погребение варварского князя в Восточной Европе» 1934г., которая долгое время оставалась и единственной попыткой осмыслить этот феномен. Участник экспедиции 1928 г. В Большом Каменце Б.А. Рыбаков считал все находки свидетельством торговых и обменных связей с Северным Причерноморьем (1953). В фун-

даментальных работах, посвященных полихромным изделиям гуннской эпохи, И.П. Засецкая рассматривала только предметы, которые могли быть отнесены к интересующей ее стилистической группе (1975, 1982), а В.В. Кропоткин (1970) и А.В. Банк (1966) рассматривали исключительно вещи несомненно византийского происхождения. Долгое время в отечественной историографии существовал взгляд на богатые княжеские находки V в. н.э. из черноземных областей России и северных районов Украины, как на яркие, но разрозненные и не всегда достоверные комплексы. В 1997г. М.М. Казанский в статье «Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные» впервые очертил ареал рассматриваемых находок и предположил их связь с королевством Винитария, известного по письменным источникам. М.Б. Щукин, споря с М.М. Казанским по вопросам хронологии, рассмотрел находки из Большого Каменца в системе европейских «готских сокровищ» (2005). На момент выхода обобщающего издания «Восточная Европа в середине I тыс.н.э.», подготовленного группой археологии эпохи Великого переселения народов ИА РАН, представлялось, что исчерпывающую характеристику проблемы, включая хронологию, этнокультурные связи и историческую интерпретацию можно дать в 2-х небольших разделах (Гавритухин, Обломский, 2007. С. 33–39).Значительное увеличение источниковой базы произошедшее в последние 10 лет, в том числе связанной с поселенческими памятниками синхронными «кладам», появление нового комплекса из Волниковки, и обследования мест всех находок с уточнением археологического контекста на основе архивных материалов экспедиции В.А.Городцова 1928 г. позволяет с новых точки зрения рассмотреть и во многом переоценить открытые ранее комплексы.

На территории современной Курской области России начиная с 1849 года стали известны три случая обнаружения уникальных комплексов вещей связанных с элитами периода конца позднеримского времени – раннего этапа переселения народов (конец IV-первая половина V в.). Подобное скопление находок, до сих пор остаётся уникальным для лесостепной зоны Юго-восточной Европы. Первая находка сделана в 1849 г. в Обоянском уезде (ныне Медвенский район), в Винном логу д. Паники у истоков р. Полная, левого притока Сейма (Шпилев, 2004. С. 203). Описаны и сохранились лишь позолоченная медная гривна, золотые тисненые нашивки на одежду и стеклянная чаша с гравировкой (Мацулевич, 1934. С.79–85). В 1927 году найден т.н. «1-й Старосуджанский» клад – в д. Большой Каменец, расположенный у истоков р.Суджа – правого притока р.Псёл. Случайно на склоне берега ручья были найдены: два золотых браслета, золотая цепь, золотая гривна. Позднее было установлено, что ранее в 1917–1919 гг. на территории деревни также находили древние вещи, при этом они происходили из погребения в каменном склепе, совершенного на берегу того же ручья. При этом были найдены: два золотых браслета, золотая гривна, серебряный кувшином, бронзовое ведро, золотые тиснёные нашивки, стеклянные блюдо и чаша, золотой перстень, серебряный фалар (Мацулевич, 1934. С. 15–76).

В архивах Л.А.Мацулевича, В.А.Городцова (научный архив РАН (СПб) и архив ИИМК РАН (СПб), научный архив ГИМ (Москва) областном архиве Курской области удалось уточнить обстоятельства их обнаружения, состав находок, важные для понимания контекста находок но неосвещённые в монографии 1934 г. подробности. Находка 1927 года (цепь, гривна и два браслета), с высокой степенью вероятности могла относится к погребению найденному в революционные годы, на это указывают обстоятельства обнаружения и само место «клада». В 2006–2013 гг. проводились полевые обследования, которые позволили установить точное место обнаружения погребения в каменном склепе, и с помощью георадарной разведки обнаружить следы разрушения на берегу, выявить камни сохранившиеся от его конструкции.

В 2010 году стала известна находка у д.Волниковка Фатежского района, у истока р.Усожа, впадающей в р.Свапа, правый приток р.Сейм. Находки из, по всей видимости, разрушенного строительством погребения, были сделаны случайно и включали: два портупейных набора, один – серебряный, второй медный позолоченный с пряжками инкрустированными в стиле клуазонэ, длинный и

короткий мечи в ножнах в золотых с инкрустациями обкладками и гарнитурой, удила и уздечный набор также украшенный вставками сердолика в гнёздах, небольшие фрагменты стеклянного сосуда. Археологические работы на месте находки на данный момент не позволили выявить остатки погребального сооружения, возможно полностью разрушенного при строительстве в конце 1980-х гг. (Радюш, Щеглова, 2013).

Все три находки связаны с погребениями знати, близких хронологически, но различающихся по своему статусу и, возможно, погребальному обряду, который известен лишь в случае с Большим Каменцом. Набор и уровень сопровождающего инвентаря позволяет выделить «погребение» в Б. Каменце как наиболее высокое по рангу.

Картирование находок указывает на их исключительную связь с истоками крупных ручьев, протекающими в глубоких балках при этом выходящих на водоразделы речных систем. Очевидна их привязанность к сухопутным водораздельным дорогам. Волниковка и Паники расположены в непосредственной близости (1–3 км) от Пахнутцева шлях, ответвлявшегося от Муравского, Большой Каменец близок к Бакаеву шляху между Пслом и Сеймом.

Погребение в Большом Каменце находится в центре зоны распространения памятников черняховской культуры между Сеймом и Пслом. По имеющимся данным большинство крупных поселений к концу IV в. прекратили своё существование. В 2013 году во время обследования поселения расположенного в 1 км от места находки Старосуджанского клада было выявлено поселение датирующееся концом III – концом IV в. С остатками каменных оснований клетей, что совершенно нетипично для левобережных памятников черняховской культуры. Проведенная геомагнитное исследование подтвердило наличие крупной постройки на этом месте. В Паниках также обнаружены следы поселения черняховского периода в непосредственной близости от Винноголога. Погребение из Волниковки относится к зоне распространения памятников Льговско-Фатежской группы финала черняховской культуры расположенных к северу от Сейма в труднодоступных верховьях правых притоков реки, вероятно облесненных в древности (Радюш, 2012. С. 188–193). Поселения достаточно надежно датируются значительным количеством хроноиндикаторов и находками монет периода правления императоров Аркадия-Феодосия-Гонория (395-408 гг.). Гибель поселений, могла быть связана с военными действиями в начале V вв. В непосредственной близости от места находки в Волниковке прослежены следы кратковременного поселения с черняховской керамикой.

Прямая связь погребений знати с поселениями черняховской культуры достоверно не подтверждена, однако их связь в случае Паник и Большого Каменца довольно вероятна. В этом случае можно предполагать несколько более раннюю дату для погребения в Большом Каменце. Оно могло относится к концу IV – рубежу IV/V вв., также как и находка в Паниках. Находка из Волниковки датируется первой четвертью V в.

Расположение всех трех «кладов» в непосредственной близости от важнейших водораздельных путей подтверждает важную роль естественных сухопутных коммуникаций пересекающихся в широтно–меридианальном направлении в регионе.

Находки погребений знати и продолжение существования отдельных анклавов черняховского населения в начале V в. на территории Курского Посемья вполне могут подтверждать предположения ряда исследователей о существовании на территории Днепровского Левобережье в IV–V вв. н.э. варварских «королевств» – военно- политических объединений, образовавшихся после гуннского вторжения и разгрома «державы Германариха» (Казанский, 1997. С. 181–185; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени в раннем средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 168–202.

Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М. –Л.: Советский художник, 1966. 392 с.

Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1975. 80 с.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М.: Наука, 1982. С.14–30.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum+ Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев, 1997. С. 181–193.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. –V в. н.э.) // САИ. Вып. Д 1-27. М.: Наука, 1970. 280 с.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе: новые находки в верховьях Суджи. ОГИЗ, 1934, 143 с.

Радюш О.А. Новые данные о культурных трансформациях конца IV–V вв. на границе лесостепи и леса на днепровском левобережье // Сборник материалов «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства». СПб.: Соло, 2012. С. 188–193.

Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский «клад». Курск: КГОМА, 2013. 51 с.

Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы. // СА, XVII. М.: Наука, 1953, С. 23–104.

Шпилев А.Г. К уточнению места нахождения «обоянского клада» 1849 г. // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени в раннем средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004, С. 203.

Щукин М.Б. Готский путь: готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ СОВМЕЩЕНИЯ КУЛАЙСКОЙ И ОБЬ-ИРТЫШСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

© 2014 г. А.В. Расторопов

Самарское археологическое общество, Самара
(rastoropov-av@mail.ru)

Ключевые слова: археологические памятники, Западная Сибирь, кулайская, обь-итрышская археологическая общность.

Резюме. В работе рассмотрены вопросы классификации археологических памятников Западной Сибири, ареалы формирования и существования кулайской и обь-иртышской археологических общностей.

Обе археологические общности определяются своими основными ареалами в рамках лесотаежной зоны Западной Сибири. Кулайская археологическая общность (а.о.) в период раннего железного века, обь-иртышская а.о. в эпоху средневековья. Употребление термина «археологическая общность» представляется более уместным, чем термин «историко-культурная общность», когда речь идет об общности, определяемой по археологическим источникам. К тому же он стоит в одном таксономическом ряду с такими понятиями как «археологический тип памятников и археологическая культура», занимая в нем как бы высший ранг. Сходные природно-географические условия обусловили близкую модель хозяйства населения (сочетание рыболовства и охоты) и его материальную культуру. На фоне сопредельных территорий его посуда выделяется традицией орнаментации фигурными штампами, которая восходит к рубежу II–I тыс. до н.э. и затухает к XIII в. н.э. С этого времени у населения лесной зоны происходит деградация производства глиняной посуды. В

отдельные периоды истории оно проникает за пределы своего основного ареала в таежной зоне.

С III в до н.э. происходят его миграции вверх по Оби, где в контактах с местным населением формируются новые культуры. В VI–VII вв. н.э., из-за экспансий тюрок часть населения Верхнего Приобья, видимо сдвигается к югу под защиту Алтайских гор. Другая часть его продвигается по Оби к северу в Томско-Нарымское Приобье (Расторопов А.В., 2013, С. 41–42). В результате этого, видимо появляются археологические памятники типа могильника Рёлка (Чиндина, 1977). Памятники с фигурно-штамповой посудой преобладают в тайге Нарымского Приобья, а с керамикой пришлого населения южнее, в широколиственных лесах Томского Приобья. Видимо, рёлкинская культура Среднего Приобья и одинцовская культура Верхнего Приобья входят в состав единой этнокультурной общности (Беликова, Плетнёва, 1983, С. 123). В лесостепь Тоболо-Иртышья население с традицией орнаментации посуды фигурными штампами начинает заселяться во второй четверти I тыс. н.э., после распада саргатской археологической общности, где вступает в контакты с остатками ее населения, частично отступившего в прилегающую тайгу. Видимо их результатом является появление новых археологических типов памятников и культур на этой территории в начале второй половины I тыс. н.э.

Первая классификация археологических памятников Западной Сибири с фигурно-штамповой орнаментацией посуды эпохи железа была сделана В.Н. Чернецовым. В рамках второй половины I тыс. до н.э. им была определена усть-полуйская культура. Ее преемницей стала нижнеобская культура II–XIII вв. н.э., с 4 последовательными этапами в развитии (Чернецов, 1957, С. 238). Л.А. Чиндина соотнесла с кулайской культурой памятники с фигурно-штамповой орнаментацией посуды Томско-Нарымского Приобья, определив их появление там, в середине I тыс. до н.э., с дальнейшей миграцией ее населения в другие регионы Обь-Иртышья. (Чиндина Л.А., 1984). В своей работе пообь-иртышской культурно-исторической общности свердловские археологи выделили в ней 6 этапов развития с I по XVI вв. н.э., отметив настолько тесную связь рассматриваемых археологических комплексов, что между ними невозможно провести какую-нибудь четкую грань (Федорова Н.В. и др., 1991. С. 126–145). А.П. Зыков позднее нижнюю ее хронологическую границу определил с I середины тыс. н.э. В основе обь-иртышской к.и.о. он видел традиции кулайской к.и.о. (Зыков А.П., 2012. С. 34).

Ареалы кулайской и обь-иртышской общностей в таежной зоне примерно совпадают. Если кулайская а.о. наследует свои традиции обь-иртышской а.о., то логично включить ее в состав последней, в качестве раннего периода, оставив ему прежнее название кулайский, который может иметь свои локальные территориально-хронологические особенности. Лучше всего исследовано археологически Сургутское Приобье, где прослежен переход к традициям кулайской а.о. в рамках белоярской культуры VIII–VII – начала III в. до н.э. (Чемякин, 2008, С. 74). Видимо ареал формирования кулайской а.о. не ограничивается Среднем Приобьем. Большие лакуны археологически неисследованных территорий затрудняют определение культурно-хронологические рамки возникающей общности, но к III в. до н.э. на западе своего ареала ее граница маркируется Уральскими горами. К этому времени происходит определенная стандартизация и унификация материальной культуры на территории таежной зоны Обь-Иртышского бассейна. Его разветвленная речная система этому способствовала. Она наиболее проявилась в керамических традициях и распространении культового бронзового литья. Этому способствовали, вероятно, социально-экономические трансформации, произошедшие в обществе. В степных районах к середине I тыс. до н.э. произошел переход к кочевому хозяйству. Меридиональные перекочевки скотоводов способствовали установлению торгово-экономических связей с государствами Средней Азии. Они стали посредниками в их торговле с северными территориями. Откуда в виде товара поступала, скорее всего, пушнина. Она же видимо способствовала разработке горно-металлургических очагов по добыче меди, которая и сама являлась товаром, а не только изделия из нее.

Торгово-экономические связи способствовали мобильности и социальной дифференциации таежного общества.

Этнокультурная принадлежность населения обь-иртышской а.о. решается неоднозначно. Признание памятников раннего железного века с фигурно-штамповой орнаментацией посуды в Томско-Нарымском Приобье самодийскими не дает объяснения, как оказались ханты, расселенными по всей территории таежной зоны Западной Сибири ко времени вхождения в состав России. В.И. Молодин проследил преемственность керамических традиций от южно-хантыйских памятников Обь-Иртышья XVII–XVIII вв. н.э. до памятников белоярской культуры в Сургутском Приобье (Молодин, 2013. С. 9). Существование ареала обь-иртышской а.о. на протяжении длительного времени вплоть до русской колонизации Западной Сибири является свидетельством в пользу ее принадлежности хантыйской ветви угров. Принадлежность селькупов к самодийцам по языку не может сама по себе отрицать факт возможного участия в их генезисе угорского населения. Материальная культура селькупов очень близка хантыйской, сходны погребальные обряды, их орнаменты неразличимы (Беликова, Плетнева, 1983. С. 124–126). Л.А. Чиндина считает, что длительные связи самодийского языка с праугорским (общие изоглассы фонетического развития) позволяют думать о существовании около середины I тыс. до н.э. ареала угро-самодийских контактов (Чиндина, 1990. С. 48). Их можно объяснить, если допустить признание самодийцами местное население в Верхнем Приобье. Видимо оно и осуществляло их с угорским населением обь-иртышской а.о. Версия о кулайцах-самодийцах которые оказались на Алтае и Саянах не имеет крепкой опоры в археологических источниках. Антропологические данные из-за их плохой сохранности не могут быть использованы. Видимо их контакты в Верхнем и Среднем Приобье и обусловили выделение рёлкинской археологической культуры, которою считают древнеселькупской. А.П. Зыков выделяет рёлкинский этап конца VI–VII вв. Обь-Иртышской а.о. по материалам исследований на Барсовой горе. Вопрос о соотношении памятников рёлкинской культуры и сходных с ними комплексов Барсовой горы он оставляет открытым. Для его решения необходимы рёлкинские памятники за пределами Барсовой горы и в Нарымском Приобье, в ареале собственно рёлкинской культуры (Зыков, 2012. С. 70). Возможно часть самодийцев натолкнувшись на сопротивление угров и не найдя возможность закрепиться на их территории ушли на более свободные пространства, разделившись таким образом на северных и южных самодийцев в конце I тыс. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беликова О.М., Плетнева Л.М. Томское Приобье в VI–VIII веках. Томск, 1983.

Зыков А.П. Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.

Молодин В.И. К вопросу об истоках формирования южно-хантыйского населения Западной Сибири (южнотаежная зона Обь-Иртышского междуречья // Археология севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1-4 октября 2013 г.). Екатеринбург – Сургут, 2013.

Расторопов А.В. Ареал посуды с фигурно-штамповой орнаментацией как источник по этнокультурной истории Западной Сибири // Археология севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1-4 октября 2013 г.). Екатеринбург – Сургут, 2013.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Выпуск № 20. Свердловск, 1991.

Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск, 2008.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. № 58. М., 1957.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка. Томск, 1977.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья. Кулайская культура. Томск, 1984.

Чиндина Л.А. Этапы этнокультурных процессов в Западной Сибири // Congress usseptimus internationalis fenno-ugristarum. Debrecen. 27. VIII– 2.IX.1990. Sessiones sectionum dissertations. Historica, arheologica, anthropologica. Debrecen, 1990.

ЯМНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ: КОМПЛЕКСНЫЙ БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

© 2014 г. И.К. Решетова

Институт археологии РАН, Москва
(reshetovairina@yandex.ru)

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, антропология, биоархеологический подход.

Резюме. В статье исследованы новые факты о специфике компонентов сложного полиэтничного населения, создавшего традиции салтово-маяцкой культуры, выявлены следы различий их хозяйственного уклада и социальной структуры. Приведенные данные дополнили имеющуюся информацию об этой археологической культуре.

История изучения памятников салтово-маяцкой культуры насчитывает более 100 лет. Постепенно развиваясь в рамках хазарской, аланской проблематики, исследования обособились в самостоятельное направление средневековой историографии. Были определены границы распространения салтово-маяцкой культуры (Артамонов, 1936; Ляпушкин, 1958; Мерперт, 1951) хронологические рамки ее существования, найдены ближайшие аналогии материальным комплексам (Спицын, 1909. С. 71–79; Готье, 1927. С. 65–84), позволяющие судить об ее истоках, разработана типология керамики, систематизируются данные по особенностям погребального обряда (Артамонов, 1936. С. 313–314).

На протяжении середины – второй половины XX века сложилась традиция, согласно которой в рамках салтово-маяцкой культуры выделялось два этнических компонента. Первый – «аланский» – ассоциировался с такими широко известными памятниками, как Маяцкий, Дмитриевский, Верхнесалтовский комплексы, второй – «болгарский» – с многочисленными лесостепными и степными ямными грунтовыми могильниками (Артамонов, 1937; Мерперт 1951; 1957; Ляпушкин, 1958; Плетнева, 1967). Имеющиеся новые данные, прежде всего археологических источников, не укладываются в сложившуюся традиционную систему представлений о салтово-маяцкой культуре. Например, обнаружение ямных захоронений на катакомбных могильниках (Дмитриевский, Верхний Салтов) (Плетнева, 1989; Аксенов, устное сообщение) и, наоборот (Желтое) (Красильников, 2012), присутствие ям различных конструкций в пределах одного могильника (Лысогоровка) (Красильников, Красильникова, 2005). Соотнесение погребального обряда с тем или иным этносом невозможно без привлечения данных биоархеологического источника. Существующие этнические интерпретации, связывающие катакомбный погребальный обряд с аланским этносом, а грунтовые погребения в ямах – с болгарами на современном уровне исследований выглядят неубедительно.

За годы изучения была накоплена обширная база антропологических материалов. Исследование памятников салтово-маяцкой культуры в этом аспекте начинается с открытия Верхнесалтовского могильника на Северском Донце в 1900 году. Первые измерения черепов и публикации материалов были выполнены Г.И. Чучукало (Чучукало, 1926), а впоследствии и Г.Ф. Дебецем (Дебец, 1948). С обнаружением Зливкинского, Маяцкого, а затем и Дмитриевского комплексов исследование останков проводят К.Н. Наджимов (Наджимов, 1953), В.П. Алексеев (Алексеев, 1962), Т.С. Кондукторова, С.П. Сегеда (Кондукторова, Сегеда, 1990), Д.Г. Рохлин, С.Г. Ефимова (Ефимова, 1991; 1999), Т.А. Трофимова, В.В. Гинзбург, А.П. Бужилова (Бужилова, 1995; 1998; 2005; 2010).

Изучение скелетных материалов проводилось методами классической антропологии, включающими стандартные методики краниометрии, остеометрии, статистической обработки. Результаты позволили судить о присутствии нескольких морфологических типов в материалах некрополей. В краниологическом аспекте было выделено два основных типа – долихокранный (ассоциируемый с аланским компонентом салтово-маяцкой культуры, представленным в катакомбных погребальных памятниках) и брахикранный (соотносимый с «болгарским» компонентом и ямным типом погребений). Эти представления долгое время не подвергались сомнению.

В предлагаемом исследовании была проанализирована серия суммарным количеством 281 индивид из погребений в ямах. Материалы происходили из шести грунтовых ямных некрополей (Ржевка, Мандрово, Желтое, Маяки, Новолимаревка, Лысогоровка) и одного селища (Маяцкое), территориально расположенных в зоне лесостепи и пограничья со степной зоной. Был сформирован компелекс методик, позволяющих наиболее полно и многосторонне рассмотреть образ жизни, степень консолидации населения Хазарского каганата, выявить характерные особенности для обществ с различным типом погребальной обрядности внутри, объединенного, среди прочего, типичной материальной культурой. В методическую структуру были включены: классические антропологические методики определения параметров черепа и посткраниального скелета для формирования антропологической базы данных, сравнения морфологических и конституционных особенностей; некоторые демографические показатели, отражающие половозрастную структуру, а также интервалы наибольшей вероятности смерти. Как показатель качества жизни и активности населения учитывались показатели уровня физиологических стрессов и травматизма (боевого и бытового), впервые для материалов салтово-маяцкой культуры проведено исследование изотопного состава коллагена костной ткани для определения предпочитаемого рациона питания (Добровольская, Решетова, 2012. С. 142; 2014. С. 33). Отдельным маркером надэтнической взаимосвязи был выделен феномен трепанации черепа (Решетова, 2012а, 2012б).

При обследовании скелетных серий из погребений в ямах была отмечена неоднородность практически по всем исследуемым параметрам, что не позволяет отнести индивидов из этих захоронений к единой общности, равноценной по степени консолидации «аланскому» компоненту.

Во-первых, сами погребальные ямы очень вариабельны по размерам, форме, конструктивным особенностям (наличие или отсутствие заплечиков, перекрытий, гробовища) и наличию/отсутствию поминальной пищи. Во-вторых, морфологический облик населения очень пестрый, в краниологическом аспекте имеет четкую межгрупповую изменчивость и большую индивидуальную вариабельность в продольных размерах длинных костей. В то же время наблюдается тенденция к сохранению пропорций сегментов посткраниального скелета, которые свидетельствуют о степном или лесном-лесостепном происхождении этих групп.

В общности с традицией хоронить членов своего коллектива в ямах выявлен неодинаковый уровень жизни и уклад. Отмечены памятники с явно низкими жизненными показателями: практически полным отсутствием детских погребений при паритетном соотношении погребенных женщин и мужчин, высокими показателями маркеров стресса и уровня травматизма (могильник Ржевка). В то же время по материалам ямного некрополя Маяки реконструируется структура и условия жизни, сближающие его с консолидированными аланскими поселениями.

В целом же отмечен высокий уровень травматизма, говорящий о частых военных столкновениях, зачастую оборонительного характера (о чем свидетельствует присутствие черепных травм у детей и женщин). Выявленные гендерные различия отмечают более низкое положение в группе женщин, для которых отмечены более высокие показатели маркеров стресса. Показатели изотопного состава свидетельствуют о значительной мобильности населения, а также, возможно, отсутствии постоянной территории общего проживания, общих традиций питания. Результаты изотопного анализа фиксируют высокую индивиду-

альную изменчивость, которая может быть вызвана разнообразием традиций питания и пребыванием в различных ландшафтно-климатических условиях в течение последних 10 лет жизни. В среде с традициями ямных погребений обнаружены многочисленные случаи символической трепанации, являющейся известным надэтническим маркером, объединявшим, по мнению ряда исследователей, воинскую верхушку (Reshetova, 2012/2013. P. 9–14). Важно отметить, что в X в. тот же вариант символических трепанаций получил наиболее широкое распространение у населения равнин Венгрии, где встречается в некрополях с чрезвычайно пестрым антропологическим составом. Символические трепанации присутствуют одновременно с хирургическими, носящими посттравматических характер.

Выявленные особенности не дают оснований характеризовать эти общности как консолидированные, они объединяются только общим отличием от стабильного и единообразного аланского компонента. Можно предположить, что для выделения этой этнотерриториальной группы маркирующим признаком выступает скорее не погребальный обряд, а локализация памятника с привязкой к ландшафтно-климатическим зонам. Преобладание синхронных связей в этой группе может свидетельствовать о начальном (адаптивном) этапе формирования этой общности, развивающегося в направлении сближения с «аланским» компонентом салтово-маяцкой культуры. Но, по-видимому, это процесс так и остался незавершенным.

Проведенное исследование позволило получить новые факты о специфике компонентов сложного полиэтничного населения, создавшего традиции салтово-маяцкой культуры, выявило следы различий их хозяйственного уклада и социальной структуры. Новые данные существенно дополнили имеющуюся информацию об этой археологической культуре и заставили вновь обратиться к терминологии для пересмотра и уточнения некоторых существенных понятий и разделов исследования. В частности, переосмысления требуют компоненты салтово-маяцкой культуры, в особенности комплекс, археологически представленный ямными некрополями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Антропологія Салтівського могильника / В.П. Алексеев // Матеріали з антропології України. Вип. 2. Київ: Видавництво академії наук УРСР, 1962. С. 48–87.

Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л.: Соцэкгиз, 1936. 130 с.

Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М.: Научный Мир, 2005. 301 с.

Бужилова А.П. Донские аланы по данным антропологии // Человек и Древности: памяти А.А. Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010. С. 855–866.

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 167 с.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. С. 87–146.

Готье Ю.В. Кто были обитатели Верхнего Салтова // ИГАИМК. T.V. Л., 1927. 84 с.

Добровольская М.В., Решетова И.К. Возможности применения изотопного анализа в реконструкции особенностей хозяйственного уклада носителей традиций салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник: Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 2: Археология. Воронеж: издательство Воронежского государственного университета. 2012. С.142–151.

Добровольская М.В., Решетова И.К. Питание носителей традиций салтово-маяцкой культуры в Доно-Донецком междуречье по данным изотопного анализа // Российская археология. №2. М.: Наука, 2014. С. 33–41.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

Ефимова С.Г. Восточнославянский ареал на антропологической карты средневековой Европы // Восточные славяне: антропологическая и этническая история. М.: Научный Мир, 1999. С. 186–195.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.

Кондукторова Т.С., Сегеда С.П. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей салтово-маяцкой культуры из села Дмитровское // Вопросы антропологии. Вып.84. М.: издательство МГУ, 1990. С. 94–105.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Могильник у с.Лысогоровка – новый источник по этноистории Подонцовья раннего Средневеко-

вья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т.4. Донецк: Донецкий национальный университет, 2005. С. 187–244.

Красильникова Л.И. Погребальные обряды праболгар по материалам степной и лесостепной зон салтово-маяцкой культуры (СМК) (предварительные замечания) // Дивногорский сборник: труды музея - заповедника «Дивногорье». Вып.3. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 193 –208.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62. М-Л.: АН СССР, 1958. С. 83–150.

Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры. Вып.XXXVI. М-Л.: АН СССР, 1951. С. 14–31.

Наджимов К.Н. О черепах Зливкинского могильника // Краткие сообщения Института этнографии. Т.24. М.: АН СССР, 1953. С. 66–74.

Плетнева С.А. От кочевий к городам // Материалы и исследования по археологии. №142. М.: Наука. 1967. 208 с.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 1989. 285 с.

Решетова И.К. Описание индивидов с трепанированными черепами среди носителей салтово-маяцкой культуры: медицинская практика или культ? // Этнографическое обозрение, 2012. №5, С. 151–157.

Решетова И.К. Случаи символической трепанации в среде болгарского средневекового населения // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. Чебоксары: Таус, 2012. С. 249–258.

Спицын А.А. Историко-археологические разыскания // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. Ч. XIX. М.: 1909. Январь. С. 135–169.

Чучукало // Труды Украинского Психо-Неврологического Института. Вып. 11. Материалы по антропологии Украины. Сборник второй. Харьков: «Харківдрук», 1926. С. 207–215.

Reshetova I. The trephination cases from Early Bulgarian population (Saltovo-Mayaki cultural) // The European Archaeologist. №38. Winter 2012/13, P. 9–14.

КЛАДЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПОДНЕПРОВЬЯ[1]

© 2014 г. В.Е. Родинкова

Институт археологии РАН, Москва
(vlasta2004@mail.ru)

Ключевые слова: археология, раннее Средневековье, Поднепровье, клады типа Мартыновского, «древности антов» I группы.

Резюме. В статье предпринято новое обращение к материалам днепровских раннесредневековых кладов с целью выявления характера и значения комплексов типа Мартыновского. Традиционно считается, что эти клады связаны с поселениями оседлого населения и представляют собой материальные ценности, спрятанные в момент опасности. Рассмотрены данные о18 кладах. Выявлены особенности их состава и залегания, которые не вписываются в традиционную концепцию. Выдвинуто предположение, что сокровища типа Мартыновского, по крайней мере, некоторые комплексы или части комплексов, могли иметь символический характер. Ритуальным целям могли служить как украшения, находившиеся ранее в употреблении, так и недоделанные или бракованные изделия, обычное использование которых невозможно.

Один из наиболее ярких феноменов раннесредневекового этапа истории Поднепровья, – клады так называемых древностей антов, выделенных в самостоятельный культурно-хронологический массив материала А.А. Спицыным (1928). Они известны более 150 лет, и за это время много раз становились объектами активного обсуждения; тем не менее, появление очередного комплекса каждый раз ставит перед исследователями новые вопросы. Мы коснемся лишь одного из аспектов проблематики, связанной с «древностями антов», а именно характера и значения днепровских раннесредневековых кладов I группы, или типа Мартыновского[2].

Комплексы типа Мартыновского предложено делить на клады-«ларчики» и клады мастеров (Щеглова, 1999. С. 291). Первые содержат комплекты личных украшений и отдельные реликвии. Признаками вторых принято считать в том числе сломанные вещи, интерпретируемые как сырье для переплавки, и серии однотипных изделий, количество которых превышает необходимое для использования в одном комплекте; в них видят продукцию ремесленника, спрятавшего клад.

Большинство специалистов придерживаются мнения, впервые сформулированного Г.Ф. Корзухиной (1955. С. 68, 73, 78), согласно которому интересующие нас клады принадлежат оседлому населению, маркируют места древних поселений и были спрятаны в момент. Тезис о «войне VII века» в Среднем Поднепровье стал практически общим местом, несмотря на то, что других подтверждений, кроме самого факта сокрытия кладов, он не имеет. Изделия «мартыновских» типов, действительно, являются наиболее поздними хронологическими индикаторами колочинской и пеньковской культур (Родинкова, 1996). Однако следы пожаров на поселениях и другие признаки, указывающие, что гибель этнокультурного образования, с которым связаны «древности антов» I группы, произошла в результате военной катастрофы, в рассматриваемом регионе не выявлены. Более того, колочинские и пеньковские формы в ранневолынцевском керамическом комплексе (Щеглова, 1986) свидетельствуют, что кризис был не так уж всеобъемлющ, и отдельные группы носителей колочинских и пеньковских традиций пережили события, приведшие к вы-

1 Статья написана в рамках исследований по проекту РГНФ № 12-01-00266.

2 Состав, ареал, хронология указанных комплексов неоднократно рассматривались в литературе; сейчас мы на этом останавливаться не будем.

падению Мартыновского и прочих подобных кладов.

В последнее время А.М. Обломский для обоснования концепции «военной угрозы» привлекает материалы городища Никодимово в Верхнем Поднепровье и селища Кривец-4 на р. Воронеж, где отмечены слои пожаров и найдены изделия круга «древностей антов» I группы. Указанные памятники, однако, расположены вне ареала комплексов типа Мартыновского, и проблема их датировки остается открытой. Некоторые из сделанных на них находок позволяют предположить, что эти поселения могли сгореть после того, как попали в землю клады I группы в Среднем Поднепровье (Обломский, Родинкова, в печати, прим. 2).

Обсуждая феномен кладов, следует отметить, что в них концентрируется большая часть известных в рассматриваемом регионе изделий из цветного металла. Наиболее представительные комплексы позволяют говорить об уникальном, богатом и сложном костюме местных племен. Оставшиеся находки, среди которых доля связанных с конкретными памятниками невелика, составляют гораздо более бедный набор (исключение – ингумация в Мохначе), хотя основные категории украшений, встреченные в кладах и вне их, одни и те же. Иными словами, представления о структуре и количественном составе убора раннесредневекового населения Поднепровья, создающиеся по материалам кладов и поселенческих и погребальных комплексов, различны. Это сближает владельцев «древностей антов» с населением, использовавшим изделия круга восточноевропейских выемчатых эмалей: по кладам «эмалевый» костюм реконструируется многочастным, ярким и выразительным, а с синхронными памятниками связаны единичные разрозненные находки таких вещей. Принципиально отлична черняховская культура, в хронологическом отношении находящаяся между рассматриваемыми массивами древностей. На ее поселениях и могильниках изделия из металла многочисленны и разнообразны, но вещевые клады, подобные комплексам «древностей антов» или предметов круга выемчатых эмалей, не зафиксированы. Между тем гибель черняховской культуры в результате военного столкновения с гуннами сомнений не вызывает.

В последнее время стало известно большое количество новых украшений «мартыновских» типов, но пропорция между вещами, встреченными в кладах, и вне их, не изменилась. О.А. Щеглова полагает, что это позволяет отказаться от мнения о раннеславянских культурах как «безметаллических» (Щеглова, Гавритухин, 2013. С. 149). На наш взгляд, следует говорить не о «насыщенности памятников находками из металла», а о кладах как специфическом феномене, характеризующем определенные особенности днепровского общества на некоторых этапах его развития. Значение таких комплексов и соотношение составляющих их предметов с «живой» культурой могут быть различны.

Горизонты исследования значительно расширяет взгляд на металлы, особенно драгоценные, как обладающие тесной связью с нематериальными аспектами человеческого бытия (Черных, 2005. С. 54). В качестве примера «супер-иррационального металлопользования» Е.Н. Черных приводит южноамериканскую цивилизацию доколумбовой эпохи. В течение трех тысяч лет практически вся масса добытого и обработанного в Андийском регионе металла использовалась не в «технологически-жизненной» сфере, а для создания социальной символики и обслуживания «религиозно-идеологических миражей» (Черных, 2005. С. 53, 54).

Недавно была высказана и мысль о возможном символическом характере кладов «древностей антов», по крайней мере, некоторых из них (Курта, 2008; Родинкова и др., 2012). Представляется целесообразным еще раз обратиться к комплексам типа Мартыновского и попытаться определить соотношение рационального и иррационального аспектов этого явления.

Были изучены состав и особенности залегания 18 кладов[3] : из Нижней Сыроватки, Малого Ржавца, Хацков, Колосково, Мартыновки, Козиевки/Новой Одессы, Углов, Смородино, Суджи, Мены, Первого Цепляево, Вильховчика, Трубчевска, Гапоново,Куриловки, Суджи-Замостья, Шевченково, Черкасской Коно-

3 Данные из сети Интернет и материалы частных коллекций к работе не привлекались.

пельки[4] . Приведенные ниже наблюдения и выводы основаны на данных о современном составе комплексов, часть которых, очевидно, сохранилась не полностью.

Из 18 кладов только Вильховчикский не содержит принадлежностей женского убора. Детали мужских геральдических ременных гарнитур не столь обязательны: их нет в Нижней Сыроватке, Малом Ржавце, Смородино, Мене, Черкасской Конопельке. В Первом Цепляево представлен один поясной наконечник, в Шевченково – наконечник и накладка, в Колосково – пряжка, накладка и фрагментированный наконечник ремня.

Состояние источников таково, что наши представления о наборах личных украшений раннесредневекового населения Поднепровья, их возможных вариантах и т.п. весьма условны. Кажется, больше оснований выделять комплекты личного убора (признак кладов-«ларчиков») в МаломРжавце, Судже, Вильховчике, Гапоново, Куриловке, Шевченково, хотя этот вывод сугубо гипотетичен. На ремесленный характер комплексов могут указывать слитки металла (Колосково, Гапоново, Куриловка), не прошедшие финальные стадии изготовления вещи-«полуфабрикаты» (Куриловка, Черкасская Конопелька), шаблоны для производства глиняных литейных форм (Козиевка/Новая Одесса). Наличие же сломанных изделий может объясняться не только плохой сохранностью металла, обусловленной естественными причинами, или принадлежностью клада мастеру-ювелиру, спрятавшему сырье для переплавки. Часто поврежденными оказываются вотивные предметы, которые, прежде чем принести в жертву, необходимо было символически «умертвить» (Свирин, 2011.С. 60). Интересно, что в кладах типа Мартыновскогонарушена целостность почти всех гривен (учтено 4 целых экземпляра, 11 сломанных или с отломанными концами и 32 фрагмента) и большей части браслетов (58 целых, 8 сломанных, 60 фрагментов), т.е. вещей, отражающих статус владельца. На гривне из Шевченковского клада зафиксированы следы преднамеренной деформации: чтобы согнуть толстый дрот, по нему нанесли несколько рубящих ударов[5] . Височные же кольца, крупные и не менее хрупкие, чем массивные гривны, чаще представлены в кладах в неповрежденном виде.

В ряде комплексов присутствуют вещи, не вписывающиеся в логику концепции о материальных ценностях, спрятанных в момент опасности, – пряслица (Шевченково, Смородино[6]), железные удила и другие детали конской упряжи (Гапоново, Шевченково, Мартыновка), ножи, прочиеинструменты и орудия труда (Колосково, Шевченково, Суджа-Замостье (?)). По-видимому, ценность их – не материального свойства. Такие вещи могут быть связаны с обрядовыми действиями, сопровождавшими сокрытие клада, служить оберегами (Горюнова, 1992. С. 127) и т.п. Не исключено также, что это жертвы, дары, имеющие символическое значение. С рациональной точки зрения странно и наличие среди предметов, которые предполагалось вернуть в обращение, драгоценной ткани (Куриловка, Хацки (?)), ведь в земле она должна была быстро прийти в негодность. Наконец, отметим присутствие в комплексах из Суджи-Замостья и Колосково, которые содержат много сломанных металлических украшений и по традиции должны считаться ремесленными, массовое количество каменных и стеклянныхбус и бисера – более 730 и 168 экземпляров соответственно.

Клады из Углов, Вильховчика, Трубчевска, Черкасской Конопельки находились в лепных горшках; в последнем случае на сосуде зафиксированы отверстия, обычно интерпретируемые как следы ремонта. Суджанский, Гапоновский, Куриловский комплексы происходятс поселений, содержащих колочинский слой, Вильховчикский – спеньковского посе-

4 Два последних комплекса не опубликованы, хранятся, соответственно, в Путивльском и Суджанском краеведческих музеях, сотрудников которых я благодарю за возможность работать с материалом. Информация об остальных кладах содержится в трудах Г.Ф. Корзухиной, А.Г. Дьяченко, О.М. Приходнюка, А.М. Обломского, В.Е. Родинковой и других исследователей, полные ссылки на которые из-за ограниченного объема статьи я вынуждена опустить.

5 Трасологическое исследование проведено И.А. Сапрыкиной, которую я благодарю за разрешение опубликовать данную информацию.

6 Существует мнение, что комплекс из Смородино – не клад, а инвентарь одного-двух погребений по обряду кремации (Корзухина, 1996. С. 402), тогда наличие в нем пряслица вполне объяснимо.

ления, что подтверждает гипотезу Г.Ф. Корзухиной о принадлежности кладов оседлому населению. Для комплексов из Суджи-Замостья и Черкасской Конопельки, напротив, установлено отсутствие связи с синхронными памятниками. Оба они встречены в затапливаемой пойме, в топографических ситуациях, напоминающих условия нахождения «болотных кладов», широко распространенных в Северной Европе. Дополнительно эту ассоциацию подкрепляют особенности залегания клада из Суджи-Замостья: составляющие его вещи, имеющие, кстати, разную хронологию, были обнаружены не единым скоплением, а собраны на площади около 6 кв. м на глубине от 35 до 70 см. В аналогичной ситуации найден Менский клад – в торфянике на глубине 2-4 м.

Подводя итоги, подчеркнем, что днепровские раннесредневековые клады I группы – сложное и неоднозначное явление. Часть их, кажется, соответствует представлениям о спрятанных владельцами личных ценностях, правда, свидетельства того, что это было сделано в момент опасности, не выявлены. В ряде случаев комплексы сочетают признаки кладов-«ларчиков» и кладов мастеров (Щеглова, 1999. С. 291).

Вместе с тем имеются, на наш взгляд, основания говорить и об иррациональной стороне данного явления. Сокровища типа Мартыновского, все или некоторые, полностью или частично, могли иметь сакральный характер, хотя их конкретное назначение (приношения богам, закладные жертвы, сопровождение обрядов перехода, подтверждения статуса и т.д.) неясно. Для подобных комплексов показательно наличие украшений и деталей костюма, в том числе комплектов личного убора (Свирин, 2011; Русанова, Тимощук, 1993. С. 79).В ритуальных целях могли использоваться украшения, находившиеся ранее в употреблении, чему не противоречат следы изношенности и ремонта на многих вещах мартыновского круга. Не исключено, однако, что символическими функциями наделялись и недоделанные или бракованные предметы, обычное использование которых проблематично (Свирин, 2006. С. 190); таковы, возможно, «полуфабрикаты» фибулы из Черкасской Конопельки и деталей поясного набора из Куриловки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горюнова В.М. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. Вып. I. СПб., 1992. С. 126–140.

Корзухина Г.Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // СА. 1955. XXII. С. 61–83.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435.

Курта Ф. Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). С. 133–154.

Обломский А.М., Родинкова В.Е. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н.э. Хронология событий // КСИА. В печати.

Родинкова В.Е. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. и др. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. Вып. 3. М., 1996. С. 124–130.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычёва С.А. Раннесредневековые клады Поднепровья: традиционный взгляд и новые данные // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции. Харьков: ООО «НТМТ», 2012. С. 72.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993. 218 с.

Свирин К.М. Украшения и детали костюма из средневековых языческих святилищ лесной зоны Восточной Европы // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 43–63.

Спицын А.А. Древности антов // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 492–495.

Черных Е.Н. Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // РА. 2005. № 4. С. 49–60.

Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 15–22.

Щеглова О.А. Женский убор из кладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratumplus. 1999. № 5. С. 287–312.

Щеглова О.А., Гавритухин И.О. Раннеславянские культуры Среднего Поднепровья и локальные шкалы соседних регионов: в поисках хронологического репера // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского коллоквиума. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2013. С. 147–157.

О СПЕЦИФИКЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В VI–VIII ВВ. Н.Э. В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ ВОЛГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕТЮШСКОГО II ГОРОДИЩА)

© 2014 г. К.А. Руденко

Государственный университет культуры и искусств, Казань
(murziha@mail.ru)

Ключевые слова: Тетюши, городище, археология, Татарстан, именьковская культура, городецкая культура, кушнаренковская культура, Волга, угры.

Резюме. В статье исследуется вопрос об этнокультурном взаимодействии населения в правобережье Волги в эпоху раннего средневековья по материалам раскопок II Тетюшского городища в Тетюшском районе Татарстана именьковской культуры. Установлено, что городище в VI–VII вв. было достаточно крупным ремесленным центром связанным с металлургией железа и обработкой цветных металлов. Выявлено несколько комплексов артефактов характеризующих различные культурные компоненты в материальной культуре этого поселения. Наиболее выразителен кушнаренковский компонент, датированный второй половиной VII в. впервые зафиксированный на археологическом памятнике на правом береге Волги. Встречены артефакты, имеющие аналогии в древностях дьяковской культуры. На городище зафиксированы оригинальные изделия, встреченные пока только на этом памятнике. О широких культурных связях свидетельствует и клад железных топоров найденный при раскопках.

Тетюшское II городище расположено в черте города Тетюши в Татарстане, на мысу коренного правого берега Волги. Памятник известный еще с XIXв., был обследован в 1920-х гг. Н.Ф. Калининым, в 1960-х гг. А.Х.Халиковым, но стационарные исследования на нем стали проводиться только в начале XXI в. Раскопки этого памятника в 2007-2012 гг. (Руденко, 2010, 2011) показали, что основные отложения на нем относятся к именьковской культуре, хотя кроме этого зафиксированы частично сохранившиеся участки культурного слоя эпохи поздней бронзы - начала раннего железа и средневекового периода.

Особенностью этого памятника является четко выраженная стратиграфия. На западной стороне мыса, который занимает городище отложения культурного слоя имеют мощность от 30 до 100 см., а на склоне - до 250 см. Выделяются пять стратиграфических слоев, различающихся плотностью структурой и цветом. Каждый из них имеет своеобразие в составе отложившихся в них артефактов (Руденко, 2012. С. 160–162). Самые значительные слои сформировались в VI–VII в., большей частью в VII в.

Анализ полученных материалов показал, что достаточно длительное время на территории городища функционировало металлургическое производство, связанное как с получением железа из руды, так и с плавкой цветных металлов. Об этом свидетельствует значительное количество отходов производ-

ства (шлаки, сплески бронзы и т.п.), производственные площадки, включая остатки горнов и детали от них (сопла, куски обмазки), плавильные ямы, а также специализированный инструментарий (тигли, ошлакированные сосуды для плавки руды, специальные плиты и терочники для дробления руды, обломки литейных форм, глиняные пробки для опок и т.п.). Датируются эти артефакты VI–VII вв. и связаны с именьковской культурой. Причем в ассортименте кузнечной продукции производившейся на городище не было сложных высокотехнологичных изделий. Об этом можно судить по находке в раскопах I и VII клада из стандартных по форме железных топоров с не заточенными лезвиями, вероятно привезенных сюда из другого места.

Археологический комплекс из раскопок II Тетюшского городища имеет ряд особенностей отражающих своеобразие этнокультурной ситуации во второй половине I тыс. н.э. в Предволжье. Выделяются находки кушнаренковской, бахмутинской керамики и подражаний ей в слоях именьковского времени. Преобладают фрагменты кушнаренковской керамики (около 50 экз.). Они были зафиксированы на раскопах I, V, VII, VIII и IX (Руденко, 2010. С.94. Илл. 122; Руденко, 2011. С.121; Руденко, 2013. С. 58–74). По стратиграфии они могут быть датированы серединой – второй половиной VII в. К этому же периоду относятся и единичные находки бахмутинской керамики. Подражания кушнаренковской посуде – сосуды аналогичной формы и орнаментации, но с примесью мелкого шамота, встречаются в одних и тех же слоях вместе с оригинальной кушнаренковской. Отметим, что такие находки на других памятниках именьковской культуры правобережья Волги не известны. Единичные фрагменты кушнаренковской посуды выявлены южнее - на двух поселениях на Самарской Луке (Сташенков, 2009. С. 228–229).

Кушнаренковский комплекс II Тетюшского городища дополняют: костяной мундштук на костяную псалию, фрагменты костяных подпружных пряжек, а также, возможно, железная накладка, железные удила, последние, правда, имеют более широкое географическое распространение и хронологические рамки бытования. Заметим, что костяной мундштук - яркий элемент, встречающийся в кушнаренковской культуре. Аналогичные мундштуки встречены в Ново-Биккинском и Манякском могильниках VII– VIII вв. в Башкирском Предуралье, а также в погребении 175 Татькалачукского могильника в Татарстане, датированном Е.П.Казаковым VIII в. (Мажитов, 1981. С. 17. Рис. 8 - 23, 24; Казаков, 1981. С. 121, 125. Рис. 5–31). Костяные подпружные пряжки также встречены на памятниках кушнаренковской культуры (Мажитов, 1981. С. 17. Рис. 4–31; 8–22). Сопоставление имеющихся материалов показывает, что распространение элементов кушнаренковского вещевого комплекса вне основной территории этой культуры происходило со второй половины VII в. и было характерным явлением для достаточно большой территории Нижнего Прикамья (в пределах современного Татарстана и Удмуртии), хотя и точечными импульсами. В VII в. происходило это в рамках развития материальной культуры именьковского населения (Руденко, 2013. С. 66, 68).

Другой выразительной категорией находок на городище являются глиняные миниатюрные фигурки человека и животных. Они относятся к IV слою датированному VI–VII вв. (Руденко К.А., 2010. С. 86–93). Часть изделий из раскопа IX была найдена в IVр слое, датированном VI в. Интересно, что глиняные фигурки в большинстве случаев, на этом памятнике связаны с производственными объектами или же постройками, где зафиксированы следы производственной деятельности. Интересно, что в заполнении хозяйственной ямы найдена только одна фигурка, остальные обнаружены вне сооружений. Все фигурки имеют повреждения разной степени. Причем они ломались преднамеренно, как, видимо, и аналогичные поделки найденные на других именьковских памятниках. Стратиграфический анализ и датированные аналогии позволяют датировать эти артефакты из Тетюшского IIгородища VI – началом VII в. Распространение таких изделий достаточно локально на именьковских поселениях Западного Закамья. Насколько они сопоставимы с похожими поделками на других памятниках (например, Ош Пандо в Мордовии (Степанов, 1967)) вне этой территории, - вопрос дальнейших исследований. Можно лишь констатировать, что эти арте-

факты с Тетюшского городища имеют непосредственную связь с металлургией. Причем на именьковских поселениях Ульяновского Поволжья, где зафиксированы следы металлургического производства, таких изделий не встречено.

Другие поделки из глины, например, бусины, подвески, шарики, миниатюрные сосуды и т.п. имеют более широкое распространение и встречаются на многих именьковских поселениях, почти на всей территории именьковской культуры. Интересно, что миниатюрные сосуды и глиняные бусины близкие тетюшским по форме встречены на именьковском погребально-культовом памятнике у с. Подгоры в Самарской области (Мышкин, 2013. Рис. 10–8; 12–13; 18–6; 23–3). Однако на II Тетюшском городище они имеют свои особенности. Например, здесь встречаются миниатюрные округлодонные сосуды, глиняные подвески (в том числе и с примесью мелкого шамота, органики и толченой раковины (?) в тесте) копирующие янтарные украшения и т.п.

Часть глиняных украшений (конические и колоколовидные подвески, пронизки, бусы, как и некоторые миниатюрные сосуды) имеют аналогии в древностях дьяковской культуры; любопытно, что и глиняная антропоморфная фигуркас Тетюшского II городища (как и на других именьковских памятниках, где они встречены) весьма напоминает дьяковские, только существенно меньше в размерах (Кренке, 2011. Рис.147, 149,154,155). Встречаются на тетюшском городище оригинальные миниатюрные украшения из глины, например, пронизка (?) копирующая аналогичное прикамское бронзовое изделие.

В керамическом материале II Тетюшского городища, кроме устойчивых форм изделий, характерных для многих памятников именьковской культуры, достаточно большой процент составляют сосуды малых размеров - плоскодонные горшочки с шамотным тестом, высотой 12-16 см, украшенные защипами или вдавлениями по венчику. Они близки сосудам новинковской культуры, хотя это может быть и совпадением, поскольку других материалов указывающих на сходство данных археологических комплексов на этом памятнике нет. Часть полихромных стеклянных бусин из построек и культурного слоя Тетюшского II городища имеют близкие аналогии в Автозаводском могильнике ранних болгар (VIII в.), расположенного на территории современного Ульяновска.

Сравнительный анализ материалов II Тетюшского городища и памятников именьковской культуры Предволжья (в пределах Татарстана и Ульяновской области), дело будущего, но в настоящий момент можно констатировать, что формирование материальной культуры населения проживавшего здесь в VI–VIII вв. происходило под воздействием различных и разновременных этнокультурных импульсов. Субстратной основой здесь можно считать горизонт находок с преобладанием украшений из глины, дополненный в последующем, появлением культовых поделок – миниатюрных глиняных фигурок животных, связанных (на II Тетюшском городище) с металлургическим производством. Включение представителей населения кушнаренковской культуры во второй половине VII в. было небольшим, хотя и оставило свой след в археологическом комплексе этого памятника. Эта этническая группа затем растворилась в основном массиве именьковского населения городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казаков Е.П. Кушнаренковские памятники нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 115 – 135.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Мышкин В.Н. Могильник эпохи раннего средневековья у с. Подгоры на Самарской луке // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара, 2013. С. 73–118.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань: Изд-во «Заман», 2010. 152 с.

Руденко К.А. Древние Тетюши. Археологическое исследование. Казань: Изд-во «Заман», 2011. 144 с.

Руденко К.А. Тетюшское II городище: датировка и особенности материальной культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. Т. 30. № 2. С. 160–162.

Руденко К.А. О характере взаимоотношений кочевых угров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 58–74.

Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции. Казань, 2009. С. 228–229.

Степанов П.Д. Ош Пандо / Под ред. А.П. Смирнова. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1967. 211 с.

СТЕКЛООБРАБАТЫВАЮЩИЙ КОМПЛЕКС В КОМАРОВЕ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕР, СЫРЬЕВАЯ БАЗА[1*]

© 2014 г. О.С. Румянцева

Институт археологии РАН, Москва
(o.roumiantseva@mail.ru)

Ключевые слова: Средний Днестр, Комаров, стеклообработка, сырьевая база.

Резюме. В статье рассмотрены материалы, полученные в ходе изучения стеклообрабатывающего комплекса в Комарове. Работа дополнена новыми данными, которые позволяют уточнить выводы о характере и сырьевой базе данной мастерской.

Материалы уникальной стекольной мастерской позднеримского времени – единственной известной за границами Империи, изучавшейся на поселении Комаров черняховской культуры экспедицией М.Ю. Смишко в 1950-60-е годы, полностью не введены в научный оборот. В связи с этим многие связанные с ней вопросы остаются дискуссионными. Исследовавшая данный производственный комплекс Ю.Л. Щапова пришла к выводу о том, что здесь работали мастера, «принадлежавшие к провинциально-римской школе стекловарения», занимавшиеся стекловарением и производством посуды в технике выдувания, а также стеклянных бус и пряслиц, используя импортное сырье – природную соду и обесцвечиватель – окись марганца (Щапова, 1978; 1983. С. 144–152). Повторное обращение к материалам поселения Комаров[2] с учетом современных данных о позднеантичном стеклоделательном производстве позволяет уточнить выводы о характере и сырьевой базе данной мастерской.

На поселении были обнаружены остатки круглой печи (рис. 1, *1*), сложенной из «обломков черепицы и плинфы», внешним диаметром 1-1,1 и внутренним около 0,6м (Смишко, 1965. С. 3–4). Печи аналогичной конструкции типичны для мастерских провинциально-римской Европы, специализировавшихся на производстве стеклянных изделий из привозного полуфабрикатного стекла, но не занимавшихся самостоятельно стекловарением (Amrein2001; Foy, Nenna, 2001. P. 62). Стекло-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №12-06-90404-Укр_а.

2 Изучена коллекция из раскопок М.Ю. Смишко, хранящаяся в Институте украиноведения Национальной академии наук Украины им. И. Крипьякевича (ИУ НАНУ).

варенные печи, известные в римское и византийское время в Северной Африке и в сиропалестинском регионе, отличаются от них по размерам, форме и конструкции (обзор работ по теме см.: Румянцева, 2011).

Важнейшим признаком стеклоделательного производства являются обнаруженные в Комарове куски необработанного стекла (рис. 1, *2*), имеющие неправильную формуи острые края. В коллекции зафиксированы обломки неокрашенного прозрачного стекла (бесцветного или имеющего светло-зеленый, зелено-голубой или оливковый оттенок), а также немногочисленные куски цветного – темно-синегои темно-зеленого прозрачного – общим весом более 1 кг. Полуфабрикаты стекла в подобной форме поступали во вторичные, стеклообрабатывающие мастерские из стекловаренных центров, часто являясь предметом торговли на дальние расстояния (Румянцева, 2011). Мелкие куски необработанного стекла, аналогичные найденным в Комарове, встречаются и среди отходов производства вторичных мастерских. Полуфабрикаты черного глухого стекла представлены на поселении фрагментами плоских дисков. Они могли использоваться для изготовления бус или игральных жетонов, также встреченных на памятнике (Румянцева, Войнаровский, в печати).

Среди отходов производства выделяются, в первую очередь, т.н. колпачки (рис. 1, *4*), получавшиеся при отделении выдувных сосудов от стеклодувной трубки. Данная категория находок является наиболее надежным диагностическим признаком производства посуды в стеклодувной технике. К отходам относятся также обрезки нитей бесцветного и синего прозрачного стекла, предназначенных для выполнения накладного декора (рис. 1, *3*), капли и, возможно, пробы стекла. Фрагменты деформированных сосудов, которые можно было бы отнести к производственному браку, в коллекции единичны.

Уникальны фрагменты 4 керамических форм с ребрами с внутренней стороны (рис. *2*), служивших для изготовления рифленых выдувных сосудов (т.н. рифленые формы или рифленки). Они использовались на этапе предварительной обработки горячих заготовок для образования оптического декора. Далее при помощи свободного выдувания получались морфологически разные сосуды с ребристой поверхностью. Известны подобные формы из металла, как ближневосточные средневековые (Folsach, Whitehouse, 1993; Henderson, 2001), так и современные, используемые при изготовлении художественного стекла в технике ручного выдувания. Несмотря на то, что в мастерской использовались подобные формы, в коллекции из Комарова встречено лишь два фрагмента рифленых сосудов.

Для определения химического состава было отобрано 142 образца стекла. Выборка включает как фрагменты готовых изделий различных категорий, так и образцы кусков необработанного стекла, обнаруженных на памятнике. Рентгено-флуоресцентный анализ был выполнен в Научно-технологическом комплексе «Институт монокристаллов» НАН Украины (Харьков) к.х.н. К.Н. Беликовым.

Все изученное стекло, за исключением одного образца, изготовлено на основе природной соды. Химический состав кусков необработанного стекла, имеющих прямое отношение к местному производству, говорит о том, что в качестве сырья для стекловарения был использован песок, происходящий из разных источников, а также разный тип обесцвечивателя – сурьма и марганец. Это позволяет заключить, что мастерская работала на привозном полуфабрикатном стекле, происходящем из стекловаренных центров, расположенных в разных регионах. Особенности химического состава свидетельствуют о широком использовании в производстве стеклобоя: практически бесцветное (или с легким «натуральным» оттенком) стекло содержит нехарактерные примеси кобальта, меди, цинка, никеля и олова, которые присутствуют обычно в окрашенном стекле.

Итоги проведенного исследования подтверждают вывод Ю.Л. Щаповой о том, что работавшие в Комарове провинциально-римские ремесленники занимались изготовлением посуды в технике выдувания, а в качестве сопутствующего здесь существовало, очевидно, производство мелких изделий (Щапова, 1983. С. 144–152). Основной категорией производившихся здесь сосудов являлись, вероятно, кубки и чаши; наряду с ними здесь могли изготовляться пряслица и бусы, а так-

Рис. 1. Поселение Комаров. Свидетельства стеклообрабатывающего производства. *1* – печь (фото М.Ю. Смишко, фонды ИУ НАНУ); *2* – куски необработанного стекла; *3* – фрагменты стеклянных нитей; *4* – колпачки.

же игральные жетоны (Румянцева, Войнаровский, в печати). Однако стекловарением в Комарове не занимались: данная мастерская являлась стеклообрабатывающей, для производства готовых изделий в ней использовались привозные полуфабрикаты стекла и стеклобой. Именно полуфабрикаты, а не первичное сырье импортировались в мастерскую на Среднем Днестре. Это типичный для позднеримского времени производственный комплекс, имеющий широкий круг аналогий в Восточном Средиземноморье и римской Европе (Amrein, 2001). Обрабатывавшееся в Комарове стекло происходит из разных стекловаренных центров. Скорее всего, оно поступало на Днестр не напрямую, а опосредованно через регион, откуда происходили работавшие здесь ремесленники.

В связи с обращением к материалам мастерской в Комарове вновь встает вопрос о возможности производства здесь толстостенных кубков со шлифованным декором, характеризующих ряд археологических культур европейского Барбарикума, в т.ч. черняховскую. В каждой из четырех серий, выделенных на основе химического состава, присутствуют одновременно и куски необработанного стекла, и тонкостенные выдувные сосуды, и толстостенные прессованные кубки со шлифованным декором. То есть, для производства сосудов обеих категорий использовались одни и те же полуфабрикаты. Лишь часть из них могут быть соотнесены с сериями, имевшими широкое хождение в Европе и Восточном Средиземноморье в первой половине – середине I тыс. н.э. (ссылки на литературу

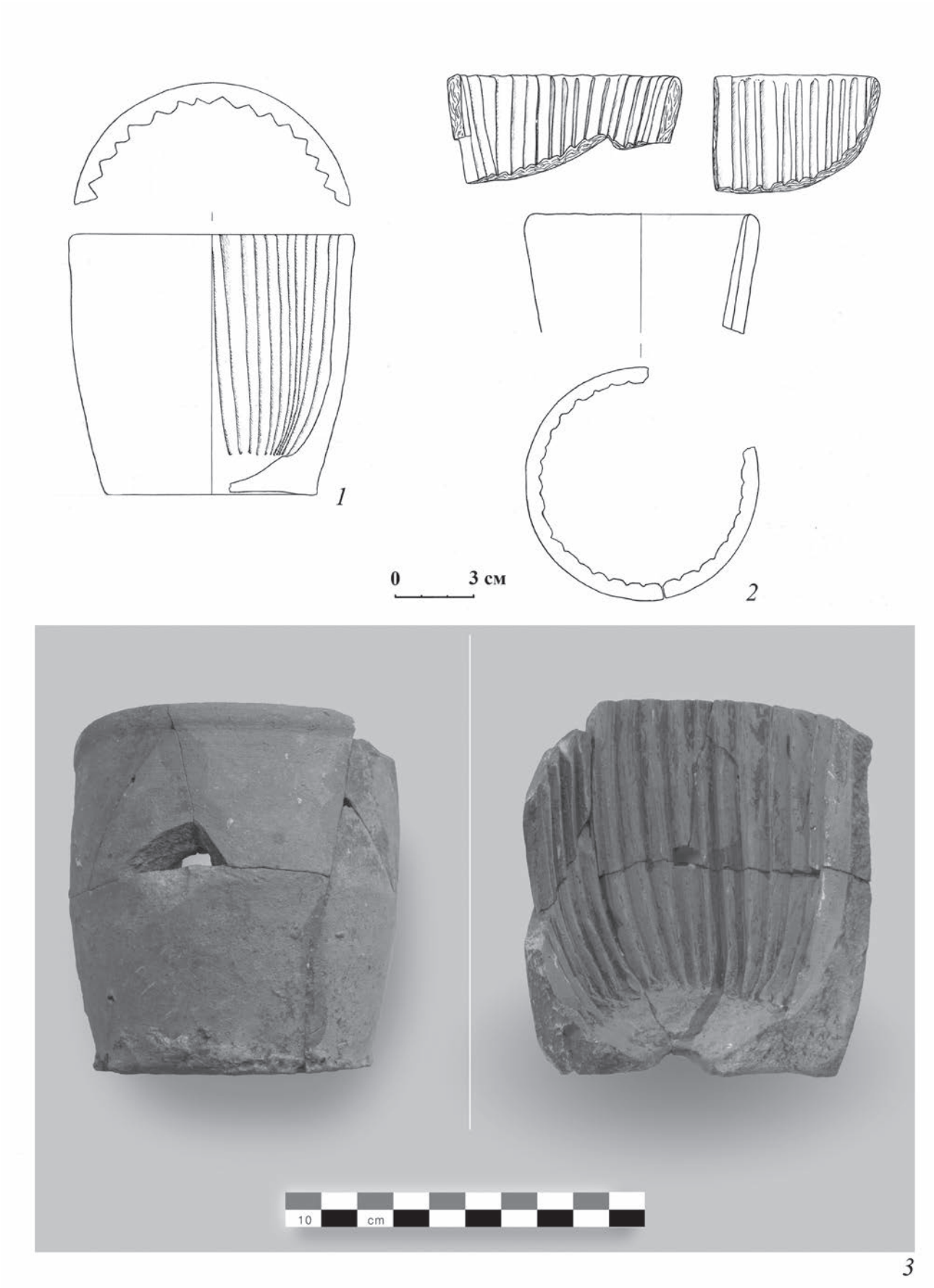

Рис. 2. Поселение Комаров. Фрагменты рифленых керамических форм из фондов ИУ НАНУ. *1, 3* – форма 1, *2* – форма 2.

см.: Румянцева, 2011). Наиболее вероятным представляется либо провинциально-римское происхождение кубков, либо их изготовление на территории Барбарикума в центрах, подобных комаровскому: данный памятник интерпретируется исследователями как позднеантичная ремесленная фактория (Петраускас и др., 2013). Оно могло существовать в зонах наиболее активных контактов населения римских провинций и Барбарикума, где провинциально-римские мастера имели наиболее четкие представления о вкусах и культурных традициях варварских племен, населявших территорию у границ Империи.

Археологические свидетельства производства толстостенных шлифованных кубков в Комарове не зафиксированы, однако это может быть обусловлено как его отсутствием здесь, так и тем, что его признаки могли быть менее выражены, чем признаки производства стеклодувного. Для оценки возможности производства шлифованных кубков в Комарове большое значение имеет дата стекольной мастерской. Ю.Л. Щапова определила время ее существования третьей четвертью III в. (Щапова, 1983. С. 151), т.е. до периода распространения сосудов данной категории.Однако полностью исключить вероятность существования здесь производства и более позднее времяна сегодня не представляется возможным (Румянцева, 2014. С. 412–413).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Петраускас О.В., Козак Д.Н., Милян Т.Р., *Осаульчук О.М.* Комарів - виробнича факторія варварської європи пізньоримського часу: до питання розробки програми вивчення унікальної археологічної пам’ятки // http://komariv.in.ua/files/lviv2013-prospekt.pdf.2013.

Румянцева О.С. Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы // РА. 2011. № 3. С. 99–110.

Румянцева О.С. Стеклянные сосуды со шлифованным декором и хронология поселения Комаров // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский (Раннеславянский мир. Вып. 15). М.: Издательство ИА РАН, 2014. С. 401–427.

Румянцева О.С., Войнаровский В.Н. Стеклянные жетоны из Комарова: предмет римского импорта или «импорт идеи»? // КСИА. В печати.

Смішко М.Ю. Звіт про дослідженняпоселення 3-4 ст. ізслідамискляноговиробництвабіля с. Комарове Чернівецької обл. в 1965 р. // Архив ИА НАНУ. Киев. №196568.

Щапова Ю.Л .Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III–IV вв.) // СА. 3. 1978.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Издательство Московского университета, 1983. 200 с.

Amrein H. L’ atelier de verriers d’Avenches: l’artisanat du verre au milieu du Ier siècle apres J.-C. // Cahiers d’archéologie romande. 87. Lausanne, 2001.

*Folsach vonH., Whitehouse D.*Three Islamic Molds.Journal of Glass Studies. 35. 1993. P. 149–153.

Foy D, Nenna M.-D. Tout feu, tout sable. Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence: Édisud, 2001. 256 p.

Henderson J. The science and archaeology of materials. An investigation of inorganic materials. London, New-York: Routledge. Taylor &Francis Group, 2001.

КЛАССИФИКАЦИЯ БУС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

© 2014 г. Р.Р. Русланова

Башкирский государственный университет, Уфа
(ridushka@mail.ru)

Ключевые слова: бусы, стеклоделие, классификация, средневековье, Южное Приуралье.

Резюме. В работе осуществлен комплексный морфо-технологический анализ коллекции бус раннесредневековых могильников Уфимско-Бельского междуречья. В ходе систематизации материала была создана классификация изделий, выделены их типы и подтипы.

История изучения основных тенденций и методов классификаций материала была подробно изложена в ряде работ О.Ю. Жиронкиной (Жиронкина, 2007; 2008). Ею отмечены основные методы исследования изделий из древних бус: описание материала и морфологии, технологических характеристик, комплексные исследования с применением химического анализа древнего стекла.

Наиболее ранним методом является исследование и создание классификаций средневековых бус на основе морфологии. Посредством морфологической классификации бус решаются вопросы хронологии и направления контактов. Исследования, основанные на изучении технологии изготовления стеклянных бус, берут свое начало с работ З.А. Львовой (Львова, 1979; 1980). Принимая во внимание наличие «стеклодельных школ», выдвинутое Ю.Л. Щаповой, наряду с учетом морфологических и технологических параметров, исследователи обращаются к исследованию химического состава стекла. Она предполагает, что в древности существовал ряд школ стеклоделия, которые отличались друг от друга сырьем, технологическими приемами обработки стекла и морфологией изделий (Щапова, 1983. С. 104–105).

Многочисленные работы по изучению стеклянных изделий и, в частности, бус эпохи средневековья, затрагивали проблемы создания системы нормированного описания, поисков классификационных схем на основе применения различных методологических приемов. Рассмотрение отдельных коллекций бус подчинялось решению комплекса вопросов: определение времени бытования бус, происхождения, путей и способов поступления, уровня развития ремесла.

Комплексному морфо-технологическому анализу была подвергнута коллекция бус 12 раннесредневековых могильников Уфимско-Бельского междуречья. В ходе систематизации материала была создана классификация, которая включает 36769 изделий. Выделено 259 типов и подтипов.

При систематизации бус в соответствии с материалом были выделены отделы: стекло, египетский фаянс, металл, органический материал (янтарь), камни-самоцветы (сердолик, халцедон, хрусталь), ископаемые раковины (створки раковины моллюсков Turbo marmoratus, раковины каури) и коралл. Отделы отмечаются римскими цифрами и отделены от остальных обозначений точкой. Лишь на уровне «Отдел» нумерация сквозная, на остальных уровнях буквенное или цифровое обозначение начинается сначала.

Разряды выделены по технологии изготовления. Разряды обозначены арабскими цифрами. Нумерация разделов в каждом отделе начинается с единицы. Группы стеклянных бус выделены по цветности и обозначены заглавными (прописными) буквами русского алфавита: монохромные (всегда А), полихромные (всегда Б), бусы с металлической фольгой (золото-, серебростеклянные бусы), двухслойные бусы, бусы из многоцветной

палочки (В, Г). В отделах бус из камней-самоцветов, янтаря, ископаемых раковин и коралла группы выделены по разновидностям материала: сердолик, халцедон, хрусталь; янтарь; коралл, створки раковин Turbo marmoratus, каури. Вид выделен по форме изделия, обусловленного в первую очередь поперечным сечением, а также общими очертаниями. В отделах из природных материалов, раковин и коралла вид наряду с бусами также обозначает иные категории: подвески и разделители. Вид начинается в каждой группе и обозначается арабскими цифрами. Варианты выделены по цвету изделия и обозначаются строчной буквой кириллицы. В каждом виде вариант начинается с буквы а. Подвариантом обозначено изменение прозрачности стекла того цвета, который был выделен на предыдущем уровне исследования. Отмечается арабской цифрой. Таким образом, тип – это минимальная единица рассмотрения, включающая в себя устойчивый ряд признаков, обязательных для каждого изделия: материал, технику изготовления, форму, цвет и прозрачность.

Стеклянные бусы. Исходя из предложенных З.А. Львовой схем обработки стекла, при изготовлении бус, найденных в исследуемых нами памятниках, использовалось 5 технологических схем: деление тянутой трубочки; деление тянутой палочки; навивка; сгиб полосы/палочки, сварка.

Разряд бус, сделанных посредством членения тянутой трубочки самый многочисленный – 33637 экз. (96% всех стеклянных бус). Наиболее массово представлены монохромные бусы – 32828 экз. Из них большинство составляет бисер и бусы малых размеров – 32625 экз. Выделено 40 типов монохромных бус. Группа полихромных бус представлена 14 экз., объединенными в 6 типов. В данный раздел также вошли бусы с накладным декором, основу которых составляет отрезок тянутой трубочки. К группе бус из тянутой трубочки отнесены бусы с металлической прокладкой (782 экз., 18 типов). Данный разряд представлен бусами, имеющими в качестве прокладки золотую и серебряную фольгу (644 и 138 экз. соответственно). В массиве бус, сделанных разрезанием трубочки, выделен один тип двухслойных бус – 13 экз. Бусы данного вида немногочисленны, встречены только в Бирском могильнике. В разряде бус, изготовленных делением тянутой трубочки, выделено 65 типов.

Бус, изготовленных делением и проколом тянутой палочки, – 1014 экз. (3% всех стеклянных бус). Они подразделены на монохромные (965 экз., 95% от всех бус, выполненных путем деления палочки), полихромные (41 экз., 5%), бусы, выполненные из многослойной палочки (миллефиори) (7 экз.) и 1 экз. двухслойной бусины. Данная группа разделена на 94 типа.

К разряду стеклянных бус, изготовленных навивкой, отнесено 286 экз. бус (1% от всех стеклянных бус). Все бусы, изготовленные в этой технике монохромные: преимущественно из зеленого и синего стекла. В группе выделено 16 типов.

Сгибом полосы/палочки изготовлено 89 экз. бус (менее 1% от всех стеклянных изделий), которые также были разделены на две группы: А – монохромные (68 экз.) и Б – полихромные (21 экз.). В данном разряде выделен 31 тип. Методом сварки изготовлено 15 экз. бус. В массиве бус, изготовленных этим путем, выделено 8 типов.

Египетский фаянс. Лишь 2 изделия из рассматриваемой коллекции относятся к изделиям из египетского фаянса – недорогого вещества, предшественника истинного стекла. Название «египетский фаянс» условно. У предметов этой группы нет глинистого черепка, определяющего категорию фаянса, изделие формовалось из толченой смеси природной соды (химического соединения, встречающееся на дне озер) и кварца (Алексеева, 1975. С. 23).

В отделе бус из египетского фаянса выделен один разряд – изготовление формованной (прессованной) основы с последующим обжигом. Шаровидная округлая бусина из египетского фаянса, возможно, была изготовлена формованием вокруг тростинки-проволоки. Скарабей же был сформован в пресс-форме.

Металлические бусы изготовлены литьем. К данному отделу нами отнесены 2 изделия, происходящие из Бирского могильника. Выделена группа монохромных изделий, включающая 2 типа.

Природные материалы (янтарь). Бусы из янтаря исследуемых могильников Уфимско-

Бельского междуречья прошли все стадии изготовления: шлифование, полировку, гравировку. Канал мог выжигаться накаленным металлическим штифтом либо высверливаться костяным сверлом. Трещины, зафиксированные во многих бусинах, могут говорить о термической обработке изделий. Данный отдел включает 119 экз. изделий. В отделе 7 типов.

Камни-самоцветы. При изготовлении бус из камней-самоцветов применялись следующие технологические операции: получение заготовки путем скалывания; сверление отверстия; придание окончательной формы шлифовкой; полировка; нанесение декора. Декор на халцедоновых геммах вырезался железными дисковидными резцами, трубчатыми сверлами, пуансонами. Отдел насчитывает 43 изделия из сердолика, халцедона и хрусталя. Отдел разделен на 2 разряда, объединяющих 13 типов.

Ископаемые раковины и коралл. Мягкость и незначительная плотность коралла позволяют без труда его обработать: производилось сверление канала (возможно, что в кораллах уже имелись естественные каналы), придание блеска и окончательной формы шлифовкой. Бусы и подвески из раковины моллюска Turbo marmoratus вытачивались инструментами, вероятно использовавшимися для изготовления изделий из мягких материалов (дерево, кости). По всей видимости, поверхность некоторых раковинных бус подвергалась лощению. Отверстия высверливались. У раковин каури прорезалось небольшое отверстие, в некоторых случаях срезалась вся задняя выступающая спинка. В отделе выделен 1 разряд, объединяющий 17 типов, 1542 экз. изделий.

Разработанная классификация включает 36769 изделий, которые распределяются на отдельные категории: бусы, пронизи, подвески, разделители. Выделено 259 типов и подтипов, некоторые из которых выделены по единичным образцам. Это было вызвано тем, что незначительные изменения в размере, цвете или прозрачности могут свидетельствовать о технологических трансформациях, смене мест их производства, и, следовательно, о временных рамках бытования.

Кроме этого новые материалы могут пополнить эти типы и подтипы. Так, в отделе бус из природных органических материалов в последующем возможно добавление группы гагатовых бус. В исследуемых некрополях бус из гагата нет, однако один экземпляр бусины был найден при раскопках городища Уфа II. Открытая структура систематики позволяет вводить новые типы бусинных украшений из различных материалов, не меняя структуру классификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1–12. М., 1975. 121 с.

Жиронкина О.Ю. Категория археологических находок – бусы (история изучения: основные тенденции и методы. Часть 1 // LAUREA: К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков: Константа, 2007. С. 177–190.

Жиронкина О.Ю. Категория археологических находок — бусы (история изучения: основные тенденции и методы. Часть 2 // Древности 2006–2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: ООО «НТМТ», 2008. С. 137–153.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. Вып.20. Л., 1979. С. 90–103.

Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 21. Л., 1980. С. 75–85.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Издательство Московского университета, 1983. 200 с.

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИБУЛ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА I–V ВВ.

© 2014 г. Т.М. Сабирова, Т.Р. Сабиров

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(lemelon@inbox.ru)

Ключевые слова: планиграфия, планиграфический анализ, фибулы, Тарасовский могильник, пьяноборская общность, Прикамье.

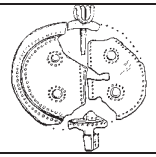
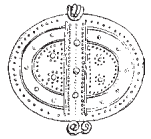
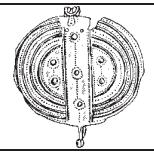
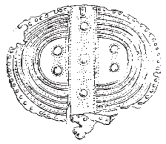
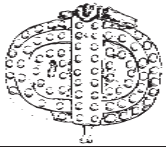
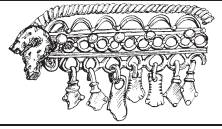
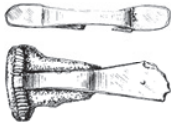
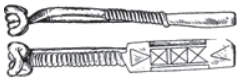
Резюме. На примере планиграфического анализа фибул Тарасовского могильника раскрыты познавательный потенциал и исследовательские возможности пространственного анализа различных категорий вещей из погребальных комплексов.

Закрытый археологический комплекс, каковым является каждый целиком изученный могильник, несёт в себе большой познавательный потенциал. Одно из актуальных, но до настоящего момента слабо используемых направлений – проведение многоплановых планиграфических исследований. В отечественной археологии термин планиграфия был введён в научный оборот в 1970-е гг. Н. Б. Леоновой, объектом планиграфических исследований выступает культурный слой памятника, а предметом – взаимосвязи культурных проявлений в его пространстве (Разгильдеева, 2002). Если картографирование находок позволяет нам выделить локальные группы памятников, возможное движение населения и его культурно-торговые контакты, то планиграфическое распределение разных категорий инвентаря в рамках одного погребального памятника выявляет относительную хронологию изделий, их эволюцию, как в рамках отдельного типа, так и в комплексе с другим сопроводительным инвентарём.

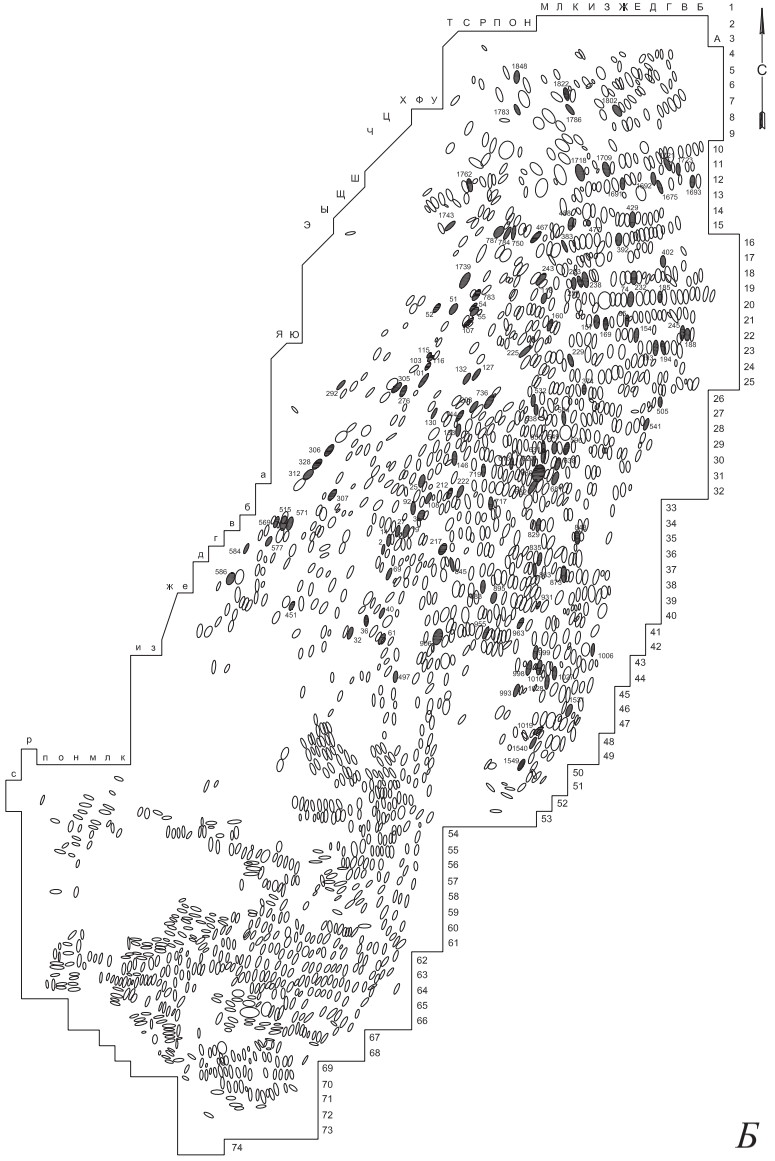
В данной работе объектом исследования выступает Тарасовский могильник – крупнейший погребальный памятник пьяноборской культурно-исторической общности, изученный в 1980-1997 гг. отрядами Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством д.и.н., проф. Р. Д. Голдиной (Голдина, 2003, 2004). Предмет изучения – фибулы (застежки одежды, современный аналог которых – булавки и броши). Комплексное изучение фибул Тарасовского могильника предполагает анализ археологического контекста их обнаружения – выявление одновременных (встреченных в одном погребении/могильной яме), заведомо разновременных (ввиду взаимоперекрытий могильных ям) экземпляров. Планиграфическое распределение застежек на площадке памятника, выполненное по разным признакам (морфология, технология, хронология, типология изделий), предоставляет исследователям новый пласт информации для уточнения старых данных и получения новых.

Технологии осуществления планиграфического анализа могут быть совершенно разными. Для удобства работы и отображения результатов была выбрана программная платформа AutoCAD, которая является многозадачной системой автоматизированного проектирования. Она позволяет использовать векторную основу плана могильника для проведения пространственного анализа по различным признакам и варьировать отображение результатов исследования в различных комбинациях измерений.

Единственная рабочая на данный момент классификация фибул, составленная Т.И. Останиной, включает в себя три основных типа застёжек: «бабочковидные» (тип 1: содержит 5 вариантов, выделенных по степени насыщенности орнаментом и размерам застежек), «сайгатские» (тип 2) и «бантикообразные» (тип 3: содержит два варианта, вы-

Тип 1, вариант 1:		Погр. 55, 130, 305, 307, 451, 616, 717, 719 (8 экз.). Конец III – начало IV вв.
Тип 1, вариант 2:		Погр. 27, 32, 51, 54, 118, 127, 130, 133, 160, 203, 212, 225, 276, 292, 328а, 383, 467, 549, 577, 631, 638, 680а, 680б, 681, 682б, 784, 829, 835, 845, 863, 955 (31 экз.). IV в.
Тип 1, вариант 3:		Погр. 107, 999 (2 экз.). Конец IV – начало V вв.
Тип 1, вариант 4:		Погр. 848а, 1691 (2 экз.). V в.
Тип 1, вариант 5:		Погр. 85, 157, 185, 188, 223, 232, 245, 374, 504, 505, 963, 998, 1006, 1010, 1027, 1028, 1540, 1762 (18 экз.). IV – V вв.
Тип 2:		Погр. 74, 103, 116, 169а, 194, 257, 402, 429, 1019а, 1675, 1693, 1709, 1718, 1721, 1822 (15 экз.). V вв., единично – с IV в.
Тип 3:		Вариант «а»: погр. 392, 931, 1723, 1783, 1802, 1848а (6 экз.). Вариант «б»: погр. 1549, 1848б (2 экз.). V в.
Прочие:		Погр. 2, 3, 14, 19, 25б, 36, 40, 52, 61, 69а, 92, 101а, 132, 154, 306а, 307, 312, 497, 569, 584, 627, 736б, 993, 999, 1848в (25 экз.).

А

Б

Рис. 1. *А* – классификация фибул Тарасовского могильника – по: Т.И. Останина; *Б* – погребения с фибулами Тарасовского могильника.

тип 1, вариант 1
1
тип 1, вариант 2
2
тип 1,
вариант 3,
вариант 4
3
тип 1, вариант 5
4
тип 2
5
тип 3,
вариант а,
вариант б
6
прочие
7
V в.
к.IV-
V в.
IV-V в.
к. III-IV в.
IV в.
IV-V в.
хронологические
области
8
векторы
заполнения
площадки
памятника
9

деленных по типу крепления иглы). Остальные фибулы, среди которых импортные экземпляры и просто единичные находки, выделены ею в разряд «прочие» (Останина, 1997. С. 42–47). Исследования, проведенные Т. И. Останиной в области хронологии и типологии фибул, позволили использовать их для построения территориально-хронологических схем развития всей общности в целом и Тарасовского могильника в частности.

В материалах могильника обнаружено 147 экземпляров фибул, из которых в классификации учтены 103 экземпляра удовлетворяющей сохранности (рис. 1, *1*). Первичное выявление области распространения фибул (рис. 1, *2*) позволяет датировать время их бытования в погребениях Тарасовского могильника III–V вв. согласно хронологическому делению, осуществлённому в рамках изучения погребального обряда памятника (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2014).

Планиграфический анализ разных типов и вариантов фибул позволил выделить хронологические области согласно концентрации распределения застежек (рис. 2). Самой ранней группой (конец III–IV вв.), согласно датировке Т. И. Останиной, является тип 1 – вариант 1 (рис. 2, *1*); вариант 2 датируется IV в. (рис. 2, *2*). К V в. н. э. относятся фибулы типа 1, варианта 4 (рис. 2, *3*); типа 2 (рис. 2, *5*); типа 3 (рис. 2, *6*). Фибулы, относящиеся к типу 1, варианту 5, датируются IV–V вв. (рис. 2, *4*); а вариант 3 относится к концу IV – началу V в. (рис. 2, *3*). Взаимоналожение хронологических областей на схему раскопа Тарасовского могильника позволило определить динамику заполнения площадки памятника (рис. 2, *8*) и схематично отобразить ее в виде векторов (рис. 2, *9*).

Все остальные, не вошедшие в классификацию Т. И. Останиной, фибулы, отнесенные ею к разряду «прочие», в основном сконцентрированы в центральной части могильника, в хронологической группе конца III – IV в. (рис. 2, *7*). Вместе с тем, нельзя говорить об однократном или ограниченном по времени поступлении импорта застёжек, так как отдельные экземпляры фибул неместного производства встречаются и в погребениях второй половины IV – V в.

Таким образом, проведение планиграфического анализа только одной категории находок – фибул – выявило высокий потенциал применения данного метода исследования. Визуальное распределение вариантов застёжек на площадке могильника позволило увидеть смену одних типов другими, появление новых разновидностей в оформлении и устройстве фибул. Одновременно с этим, исследование отдельных категорий вещей проливает свет на общие аспекты функционирования могильника – порядок его заполнения, наличие разнородных групп погребений, хронологических зон или областей на площадке памятника.

Планиграфический анализ погребального инвентаря требует большой предварительной работы, так как нужно определить – планиграфия каких категории вещей более наглядно и достоверно ответит на поставленные перед исследователями вопросы? Вместе с тем, очень важен выбор площадки для исследования: наиболее пригодны целиком изученные могильники с достаточно большим количеством погребений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II, иллюстрации. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2003. 721 с.

Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I, каталог погребений. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2004. 319 с.

Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2014. В печати.

Разгильдеева И. И. Планиграфия палеолитических жилищ Студеновского археологического комплекса: Западное Забайкалье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Забайкальский гос. пед. университет. Чита, 2002. 28 с.

Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ, НО НЕ ОГРАБЛЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ХАРБАС-1 В ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

© 2014 г. Т.Р. Садыков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(tim.sadykov@gmail.com)

Ключевые слова: подземные склепы, Северный Кавказ, раннее средневековье.

Резюме. Перемешанность костяков и материала подземных склепов раннесредневекового могильника Харбас-1 в Приэльбрусье не является результатом ограбления. Понимание погребального ритуала памятников этого типа не может пока считаться состоявшимся.

Летом 2010 года Эльбрусский отряд Группы охранной археологии ИИМК РАН проводил работы на памятнике Харбас-1, расположенном в Зольском районе Кабардино-Балкарской республики. Памятник расположен на высоком мысу при впадении в реку Харбас безымянного ручья, на абсолютной высоте около 1880 м. Расстояние до реки – сто метров на юг и не менее ста пятидесяти вниз, прямой дороги к воде нет. Река Харбас - левый приток реки Малки, берущей начало от Эльбруса. Расстояние от памятника до впадения Харбаса в Малку –около 2 км, до Эльбруса – около 30 км по прямой.

Зафиксированный первоначально, как скальный могильник (Керефов, Звягин, 2008), памятник по результатам экспедиции 2010 года может быть переопределен, как сложносоставной. Исследованы 2 склепа, около половины площади скального могильника, открыта жилая (по всей видимости) постройка. Предварительно опубликованы материалы поселенческого комплекса (Садыков, 2011), в этом году будут изданы материалы склепов. Основная цель данного сообщения - поделиться полевыми наблюдениями о возможных интерпретациях погребального обряда, процессе археологизации и следах последующих внешних воздействий на материале одного раннесредневекового подземного склепа, нетронутого, как минимум, руками современных грабителей.

Склеп 1 (рис. 1) представляет собой каменную конструкцию подпрямоугольной формы, углы скруглены. Ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Глубина склепа – 1,2 м, размеры по дну – 2,9 х 1,5 м. Склеп расширяется книзу, верхние размеры – 2,5 х 1,0 м. Кладка стенок регулярная, насухо. Нижний ряд сложен из крупных подработанных камней. Сверху склеп перекрыт тремя массивными плитами. Щели между плитами заложены мелкими камнями и замазаны глиной. Дно склепа – материковый скальник (сланец). Он довольно мягок, и дно склепа - выровненный, по всей видимости, участок.

Можно отметить, что в западном углу склепа (ориентированном вниз по склону) кладка несколько отходит от строгой регулярности. Возможно, когда-то здесь был вход в склеп, подобный описанному В.Ф.Миллером (Миллер, 1888. С. 88).

Заполнение склепа одинаково по всему объему и представляет из себя темно-коричневую глину с включениями серой и светло-коричневой глины, мелких камней и угля. Оно четко отличается от окружающего грунта. Только самый верх заполнения (не более пары сантиметров в толщину) - почва, просыпавшаяся в щели. Между заполнением склепа и перекрывающими плитами оставалось около 10 см пустого пространства. Весь материал и все погребения расположены на дне. Исключение составляют несколько фрагментов керамики, найденные в самой верхней части

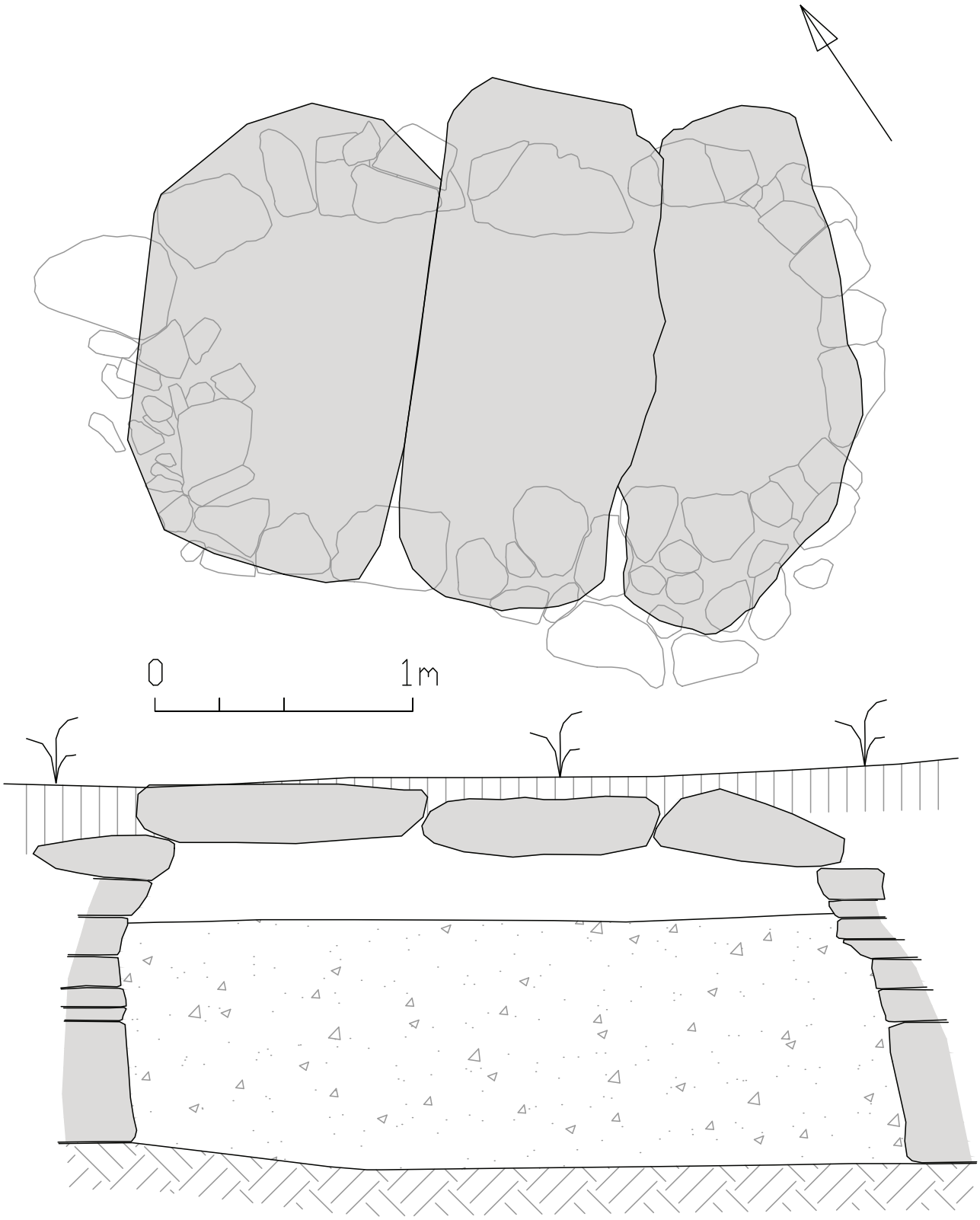

Рис.1. Харбас-1. Склеп 1. Конструкция.

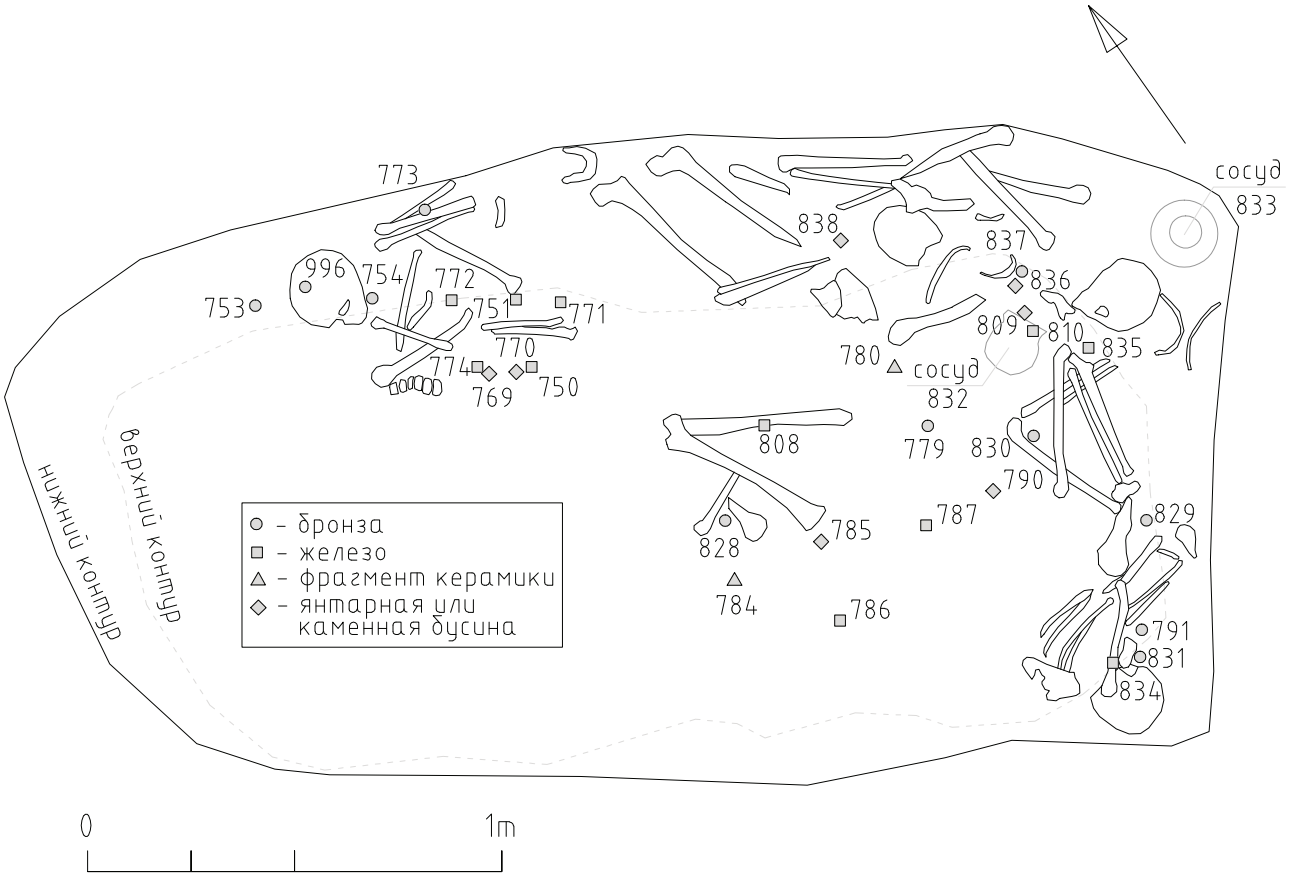

Рис.2. Харбас-1. Склеп 1. План погребений и находок.

заполнения и, возможно, попавшие в склеп случайно, через щели.

Склеп содержал следы, как минимум, четырех захоронений (рис. 2). Сохранность костей плохая, но, тем не менее, можно достаточно определенно сказать, что ни один из погребенных не лежал в анатомическом порядке.

Похожая ситуация фиксируется и в склепе 2, который сохранился не полностью. Он ориентирован также по линии северо-запад – юго-восток и, по всей видимости, имел сходную со склепом 1 конструкцию. Единственная сохранившаяся стена (юго-восточная) имеет тот же способ кладки - основана на больших камнях с плоской лицевой (в данном случае внутренней) стороной. Ее нынешняя высота - около метра, изначальной глубины склепа мы, конечно, уже не узнаем. Склеп разрушен, но, по всей видимости, не ограблен. Заполнение склепа в нижней его части (особенно в юго-восточном углу) сохранилось, и оно идентично заполнению из склепа 1. Кости не в анатомическом порядке, западная часть их, возможно, перемещена. В склепе было расположено как минимум 2 человека.

Исходя из всего вышеизложенного можно отметить несколько моментов, касающихся процесса погребения в склепе 1, предположительно экстраполируя их и на второй.

- склеп был засыпан одномоментно специально предназначенным для этого грунтом
- к этому моменту погребенные не лежали в анатомическом порядке
- к этому моменту вход в склеп, если он все-таки был, закрывается кладкой снаружи.

Расположение находок дополняет наблюдение о перемешанности костяков, – вещи не находятся на ожидаемых местах, – браслеты не на руках, бусины не составляют каких-то последовательностей. Единственное исключение – парные серьги, располагавшиеся по обе стороны черепа. Очевидным показателем близости погребений во времени (или сильной перемешанности материала) являются две фибулы, найденные в противоположных углах склепа, но являющиеся практически идентичными. Западный угол склепа практи-

чески пуст, именно здесь, как было отмечено выше, кладка стенки нерегулярная.

Дополнительно можно отметить порчу некоторых предметов. Бронзовые зеркала разломаны, фрагменты больших железных ножниц встречены в разных частях склепа.

Расположение материала в склепе 2 подобно обнаруженному в склепе 1, - два сосуда в восточном углу, один из сосудов лежит. Какой-то закономерности в расположении бус, браслетов, зеркал мы не видим.

Отдельной работы по классификации подземных склепов Северного Кавказа нам неизвестно. Судя по общим работам, традиция эта долговременная, охватывает все средневековье (Кузнецов, 1962. С. 76–80) и, по всей видимости, неоднородная. В публикациях, описывающих подземные склепы, близкие по времени к рассматривающимся (VII в. н.э.) перемешанность костяков рассматривается обычно как ограбление (Акритас, 1957. С. 409) или погребение «в полусидячей позе» (Владимиров, 1901. С. 138).

Возможно, в какой-то момент получится выделить локальный вариант раннесредневековой культуры Северного Кавказа с коллективными перемешанными погребениями в подземных склепах и объяснить обряд как «обезвреживание покойника», «захоронение тел, растерзанных дикими зверьми» (или птицами, или собаками), или появятся новые предположения о бытовавших пред-, пост- или просто ингумационных практиках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акритас П.Г. Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье // УЗ КБНИИ. Т. 11. Нальчик. 1957. С. 407–415.

Владимиров И.А. Извлечение из отчета И.А. Владимирова о раскопках, произведенных им в 1898 году в Нальчикском округе Терской области // ОАК за 1898 год. СПб., 1901. С. 124–140.

Керефов Б.М., Звягин В.Н. Новый раннесредневековый скальный (?) могильник в высокогорной долине р. Харабаз в Кабардино-Балкарии // Материал по изучению историко-культурного наследия. Вып. 8. Крупновские чтения 1971-2006. М., 2008. С. 922.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. 164 с.

Миллер В.Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. Вып. 1. М., 1888. С. 70–91.

Садыков Т.Р. Поселенческий комплекс в составе памятника Харбас-1 // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Вып. 2. СПб., 2011. С. 331–340.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1969. 151 с.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОГИЛЬНИКОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЦНИНСКО-МОКШАНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2014 г. А.В. Ставицкий

Пензенский государственный университет, Пенза
(andrey@stavitskiy.com)

Ключевые слова: могильники Цнинско-Мокшанского междуречья, Кошибеевский, Польно-Ялтуновский, Ражкинский, Тезиковский могильники, андреевско-писеральское население, кошибеевские племена, городецкая культура, погребальный инвентарь.

Резюме. В статье рассказывается о происхождении могильников Цнинско-Мокшанского междуречья, которые датированы римским временем. Сообщается о том, что известно четыре из них – Кошибеевский, Польно-Ялтуновский, Ражкинский и Тезиковский. Самый ранний их них – Кошибеевский могильник. Его начал изучать А.А. Спицын. Он сравнил древности этого могильника с материалами Пьяноборского могильника. После П.П. Ефименко утверждал, что племена, оставившие могильники первых веков нашей эры в Западном Поволжье, местного происхождения. В.И. Вихляев считает, что достаточного количества фактов для подтверждения данной гипотезы нет. Автохтонная концепция происхождения кошибеевского населения на городецкой основе была разработана А.П. Смирновым. Тезис о «пьяноборском компоненте» в памятниках кошибеевского типа оспорил В.Ф. Генинг. В последнее время В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым выдвинута гипотеза о том, что появление памятников андреевско-писеральского типа связано с продвижением во второй половине I в. н. э. ограниченного военного контингента зауральских угров. С основными положениями данной гипотезы согласен и В.В. Ставицкий. Он также считает, что данная миграция имела достаточно массовый характер. В настоящее время факт участия андреевско-писеральского населения в сложении памятников кошибеевского типа признается практически всеми исследователями. О.С. Румянцева отрицает наличие достоверных аналогов кошибеевской керамике в посуде городецкой культуры. Две различные точки зрения существуют на проблему происхождения Ражкинского могильника. В.И. Вихляев считает, что погребения могильника оставлены кошибеевскими племенами. В.В. Гришаков считает же, что западные черты в погребальном инвентаре объясняются территориальной близостью Ражкинского могильника к поречью Оки.

В римское время на территории Цнинско-Мокшанского междуречья известны четыре могильника. Кошибеевский и Польно-Ялтуновский расположены на р. Цне, Ражкинский и Тезиковский – на Верхней Мокше. Самым ранним из них является Кошибеевский могильник. Необходимо отметить, что на протяжении раннего железного века в бассейнах Цны и Мокши проживало население городецкой культуры, которое не оставило после себя погребальных памятников, что, видимо, объясняется надземным обрядом захоронения умерших. Данный факт являлся одним из аргументов в пользу того, что кошибеевское население имело неместное происхождение. Первым исследователем данного памятника А.А. Спицыным, вопрос о происхождение не ставился, но, тем не менее, им был отмечен ряд аналогий кошибеевскому погребальному инвентарю в материалах Пьяноборского могильника (Спицын, 1901. С. 23).Спицынская точка зрения позже была развита П.П. Ефименко, который полагал, что данный памятник оставлен пришлым прикамским населением, часть которого впоследствии слилась с местными рязанско-окскими племенами (Ефименко, 1926). Во второй половине 1930-х годов П.П. Ефименко, следуя в русле господствовавших тогда в советской археологии теорий стадиальности и автохтонности, вынужден был отказаться от своего первоначального предположения. Теперь в полном соответствии с теорий стадиального развития Н.Я. Марра, он утверждал, что племена, оста-

вившие могильники первых веков нашей эры в Западном Поволжье, местного происхождения. Причины появления могильников он теперь объяснял в духе той же теории, переходом местного населения от присваивающего рыболовно-охотничьего хозяйства к пастушеству и отчасти земледелию (Ефименко, 1939. С. 39–58). По мнению В.И. Вихляева, достаточного количества фактов для подтверждения данной гипотезы им приведено не было (Вихляев, 2000. С. 7), а А.П. Смирнов прямо отмечает, что П.П. Ефименко, судя по его более поздней публикации «…по прежнему остался на своих старых позициях миграционизма» (Смирнов, 1952. С. 53).

Автохтонная концепция происхождения кошибеевского населения на городецкой основе была разработана А.П. Смирновым в начале 1950-х годов (Смирнов, 1952. С. 49). При этом А.П. Смирнов исходил из представления, о непрерывном автохтонном развитии культуры местных племен, начиная с эпохи неолита, к которой он относит истоки происхождения обряда трупоположения в грунтовых могильниках, беспрерывно доживающего, по его мнению, до I тыс. н.э. В подтверждение этого им приводятся сведения о разрозненных находках отдельных погребений в бассейне р. Оки, не имеющихни определенной культурной принадлежности, ни обоснованной датировки (Ставицкий, 2009). Наличие вещей пьяноборского облика в кошибеевских погребениях А.П. Смирнов объяснял непрерывной инфильтрацией прикамских племен на запад, начиная с раннего железного века (Смирнов, 1961. С. 135).

Тезис о «пьяноборском компоненте» в памятниках кошибеевского типа был оспорен В.Ф. Генингом, который отметил, что подобные типы украшений практически не имеют местных более ранних прототипов в Прикамье и их появление в Западном Поволжье связано с населением, оставившим Андреевский и Писеральские курганы. По его мнению, «пьяноборский тип» украшений в Кошибеево свидетельствует не о пришлом, а, наоборот, местном компоненте в раннесредневековых культурах данного региона (Генинг, 1970. С. 192–195). Однако прототипы подобных украшений отсутствуют и на территории Западного Поволжья, поэтому никак нельзя согласиться с их местным происхождением.

В последнее время В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым выдвинута гипотеза о том, что появление памятников андреевско-писеральского типа связано с продвижением во второй половине I в. н. э. ограниченного военного контингента зауральских угров, которые в ходе своего движения восприняли некоторые элементы материальной культуры пьяноборского и кара-абызского населения (Гришаков, Зубов, 2009. С. 93–94). С основными положениями данной гипотезы согласен и В.В. Ставицкий, который, однако, считает, что данная миграция имела достаточно массовый характер, за счет того, что пьяноборско-кара-абызское население приняло в ней самое активное участие (Ставицкий, 2013). Причем, судя по всему, исходной точкой данной миграции было не Зауралье, а бассейн р. Белой, где угорское (саргатское) население появляется и вступает во взаимодействие с местными пьяноборскими племенами уже в во II–I вв. до н. э. (Зубов, 2004. С. 270).

В настоящее время факт участия андреевско-писеральского населения в сложении памятников кошибеевского типа признается практически всеми исследователями, однако до сих пор остается дискуссионной роль других компонентов. При анализе генезиса керамического комплексов Кошибеевского и Польно-Ялтуновского могильников В.В. Гришаковым было зафиксировано две основные традиции: 1) городецкая, представленная сфероконическими горшками высоких пропорций и усечено-коническими банками, 2) позднезарубинецкая, характеризующаяся тюльпановидными горшками (Гришаков, 1993. С. 103–105). Причем присутствие андреевско-писеральских традиций в данном комплексе им отмечено не было даже в виде реминисценций.

Иная точка зрения высказана О.С. Румянцевой, которая отрицает наличие достоверных аналогов кошибеевской керамике в посуде городецкой культуры. По ее мнению, ближайшие и наиболее многочисленные параллели кошибеевские тюльпановидные горшки находят в посуде позднескифского времени Верхнего Дона, в то время как для позднезарубинецких традиций такие формы

сосудов менее характерны (Румянцева, 2007. С. 251–253). Следует отметить, что аналогичная посуда также присутствует на недавно выделенном типе памятников Окско-Донского водораздела – Ново-Клейменово, которые датируются II – первой половины III в. (Воронцов, 2007. С. 67).Особенно близки подобные сосуды керамике Польно-Ялтуновского могильника. Причем в слое ново-клейменовских памятников зафиксирован ряд артефактов, характерных для Кошибеевского могильника: височные кольца с лопастями, крупные сюльгамы с выступающими усами, умбоновидные бляшки, шиповидные наконечники стрел и др. (Воронцов, 2010. Рис.4–5), что, может, расцениваться в качестве подтверждения точки зрения об участии западного, негородецкого населения в сложении культуры нижнецнинских могильников. Следует отметить, что наличие западного компонента фиксируется и в материалах андреевско-писеральских памятников (Ставицкий, 2013), что свидетельствует о раннем характере контактов выходцев из Заволжья с населением Окско-Донского водораздела.

Две различные точки зрения существуют на проблему происхождения Ражкинского могильника. По мнению В.И. Вихляева, ранние погребения этого могильника не содержащие височных подвесок с грузиком, ориентированные головой на север или восток оставлены кошибеевскими племенами, которые впоследствии вступают в контакт с представителями верхнесурского мордовского населения, в результате чего постепенно утрачивают свои традиции (Вихляев, 1977. С. 59–61).Иначе ражкинские материалы интерпретирует В.В. Гришаков. По его мнению, наличие ряда западных черт в погребальном инвентаре объясняется территориальной близостью Ражкинского могильника к поречью Оки, что способствовало проникновению сюда ряда западных импульсов, оказавших определенное воздействие на процесс формирования местных традиций, которые по основным параметрам все таки принадлежат к присурскому древнемордовскому очагу (Гришаков, 2005. С. 59–60). По-видимому, точка зрения В.В. Гришакова ближе к истине, поскольку на могильнике планиграфически не выделяется участок с более ранними погребениями, в которых бы преобладали кошибеевские признаки. Вместе с тем наличие в ряде погребений ярко выраженных артефактов западного происхождения (римской шпоры, браслета круга выемчатых эмалей, лопастных височных колец, чернолощеной керамики и т.д.) свидетельствует о том, что указанные импульсы, видимо, были связаны с перемещением на Мокшу представителей кошибеевского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999. С. 56–58.

Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 1977. 97 с.

Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: «Красный Октябрь», 2000. 132 с.

Воронцов А.М. Находки предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей на памятниках Окско-Донского водораздела // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Спб.: Нестор-История, 2010. С. 86–92.

Воронцов А.М. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. №3. 2007. С. 57–68.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.). Ижевск, 1970. 255 с.

Гришаков В.В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: ППФ «PAGE», 1993. 196 с.

Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2005. 95 с.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань, 2009. 173 с.

Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. I. С. 59–84.

Ефименко П. П. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологиче-

ским источникам // Советская археология. 1937. № 2. С. 39–58.

Зубов С.Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Повольжья: Сборник научных трудов. 2004. № 2. С. 267–280.

Румянцева О.С. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., ИА РАН, 2007. С. 214–233.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА. № 28. 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. Москва, 1961. 170 с.

Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. Вып. 1. СПб., 1901. 150 с.

Ставицкий В.В. Основные концепции этногенеза древней мордвы (историографический обзор) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Самара, 2009. С. 261–266.

Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. №3. С. 126–140.

ПЛАНИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЖСКИХ ФИННОВ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

© 2014 г. В.В. Ставицкий

Пензенский государственный университет, Пенза
(stawiczky.v@yandex.ru)

Ключевые слова: хронология, волжские финны, могильники, раннее средневековье, планиграфия.

Резюме. Использование статистических методов определения хронологии могильников волжских финнов имеет ряд существенных недостатков, главным из которых является игнорирование значительной части погребальных комплексов, не обладающих статистически представительными наборами признаков. Устранение данного недостатка возможно при учете планиграфии данных памятников. Анализ планиграфии позволил уточнить хронологию Кошибеевского и Абрамовского могильников.

В настоящее время хронология волжских финнов разрабатывается исследователями двумя основными методами. Это культурно-стратиграфический (корреляционный) метод, успешно апробированный П.П. Ефименко (1926) на материалах рязанско-окских могильников, сторонниками которого являются В.Н. Шитов, В.В. Гришаков, И.Р. Ахмедов и И.В. Белоцерковская. Второй метод вычисления сопряженности (взаимовстречаемости) типов в погребальных комплексах, разработанный Г.А. Федоровым-Давыдовым, которым пользуются В.И. Вихляев, Ю.А. Краснов, О.В. Зеленцова. Оба метода имеют как свои сильные, так и слабые стороны, о которых неоднократно говорилось в литературе (Бажан, Еременко, 1992; Лесман, 2011). Наиболее существенным недостатком обоих методов является выпадение из анализа значительной части комплексов, в которых используемые для статистической обработки типы вещей либо отсутствуют, либо не образуют пар. Поэтому при построении хронологии обычно учитывается не более третьей части погребальных комплексов, что нередко делает статистически не представительной их выборку. Особенно актуально это при разработке хронологии отдельно взятого памятника и описании погребального обряда. Из-за ограниченности статистически представительных комплексов обряд обычно характеризуется не по этапам, а по могильнику в целом.

Устранить имеющиеся недостатки можно с помощью планиграфического анализа,

который, к сожалению, редко используется сторонниками выше названных методов (Краснов, 1980. С. 133; Ахмедов, 2012. С. 10), хотя хорошо зарекомендовал себя при изучении погребальных памятников камских финнов (Генинг, 1970; Агеев, 1992). Возможность эффективного использования планиграфических данных обусловлена структурой погребальных памятников финского населения Волго-Камья, для которых характерна рядовая планировка захоронений, совершаемых на могильнике последовательно. Каждый ряд погребений, видимо, принадлежит большой патриархальной семье, с наличием которой у раннесредневековых финнов соглашаются большинство исследователей. Только к VI–VII вв. на ряде могильников начинают прослеживаться участки, возможно, принадлежавшие малым семьям (Ахмедов, 2012; Ставицкий, Шитов, 2013).

По существу каждый из погребальных рядов представляет собой уникальную хронологическую шкалу, возможности которой в настоящее время используются недостаточно. Особенно актуально данное положение для разработки узкой хронологии существования памятника. Поскольку при использовании статистических методов датировки обычно приходится оперировать полным временным интервалом бытования артефактов. Анализ планиграфии позволяет выявить погребения, где вещь появилась на могильнике впервые, что соответствует начальной дате ее бытования в археологической периодизации. Соответственно погребения того ряда, где данные вещи выходят из употребления будут датироваться финальным этапом существования данного типа предметов.

Работоспособность данного метода нашла подтверждение при анализе планиграфии погребений Абрамовского могильника (Ставицкий, Мясникова, Тишкина, 2012; Ставицкий, Шитов, 2013), широкая дата которого на основе взаимовстречаемости типов вещей в комплексах ранее была определена В.И. Вихляевым концом IV – серединой VIII в. (Вихляев и др., 2008. С. 153). При разработке хронологии В.И. Вихляевым, в силу их статистической непредставительности, не были использованы материалы погребений северо-западной части раскопа, которые датируются первой половиной IV в., что привело к существенному омолаживанию нижней даты Абрамовского могильника. Вывод о верхней датировке могильника серединой VIII в. был сделан им на основании отнесения всего двух погребений 213 и 243, которые по серповидным гривнам с привесками арочной формы были датированы VII – первой половиной VIII в., что соответствует полному интервалу бытования подобных гривен. Однако, судя по материалам Серповского могильника, их появление относится ко времени не позднее начала VII в. (Ставицкий, Шитов, 2013), а на Абрамовском могильнике обе гривны найдены в погребениях наиболее поздней части данного памятника, что свидетельствует об их датировке начальным временем существования гривен данного типа. При этом отсутствие на Абрамовском могильнике материалов относящихся ко времени позднее середины VII в., подтверждается тем, что здесь не зафиксирован целый ряд артефактов, характерных для следующей хронологической стадии: застежки с крылатой иглой, пряжки с щитками геральдической формы, пластинчатые браслеты с расширенными концами треугольной формы, шляпкоконечные браслеты, которые получают широкое распространение в захоронениях среднецнинских могильников второй половины половина VII в.

Без должного учета планиграфии И.Р. Ахмедовым и И.В. Белоцерковской (1999) было проведено выделение ранних погребений (группа А) Кошибеевского могильника, которые были датированы концом I – первой половиной II вв. По мнению И.Р. Ахмедова наиболее ранние погребения 13, 22, 39, 61–64, 98 составляют ядро на участке с наиболее плотным расположением захоронений (Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 10–11). Однако, судя по планиграфии, значительная часть погребений группы А рассредоточена по площади всего могильника, располагаясь по соседству с более поздними погребениями чересполосно в одних и тех же рядах, что свидетельствует не о ранней датировке погребений группы А, а о запаздывании ряда ранних вещей, попавших в эти могилы.

На наш взгляд ранняя часть могильника расположена в северной части раскопа А.А. Спицына (рис.1), где локализована часть

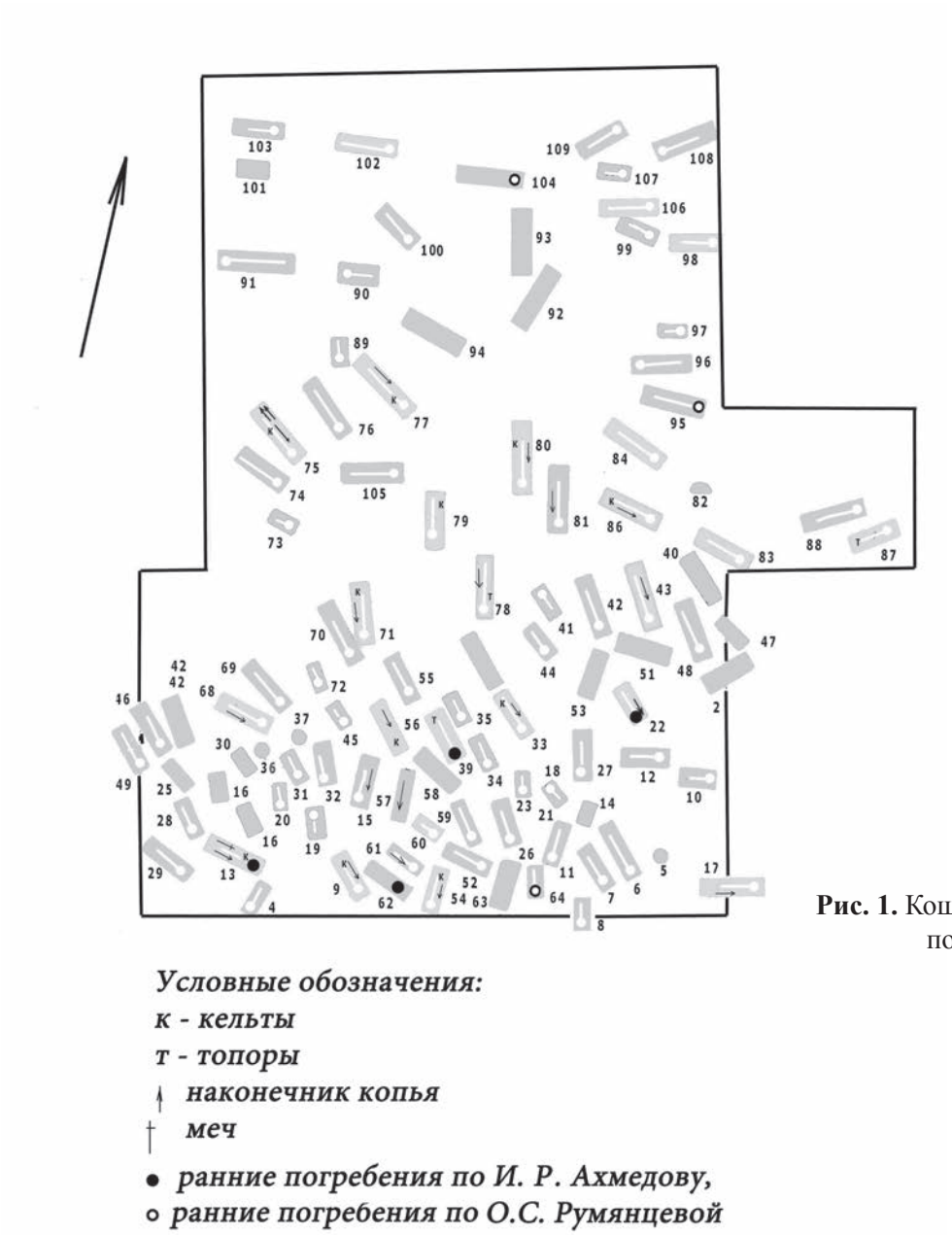

Рис. 1. Кошибеевский могильник – по: Спицын А.А.

погребений, отнесенных И.Р. Ахмедовым, И.В. Белоцерковской, а также и О.С. Румянцевой к группам А и В1. Данные погребения, как правило, ориентированы по линии В–З, иногда с небольшим отклонением к югу. Из них только погребение 108, расположенное на периферии участка содержит вещи более позднего времени. К раннему периоду относится и ряд погребений, расположенный у восточной стенки раскопа, могилы которого (п. 95–98), имеют ту же ориентировку, а две крайние южные могилы (п. 84, 86) имеют отклонение к югу, что ещё в большей степени становится характерным для погребений следующего хронологического участка, с которым они, видимо связаны.

Кроме общей ориентировки могил (головой на восток или запад), во всех погребениях этого участка отсутствуют находки топоров-кельтов, которые в Поволжье появляются в мордовских могильниках не ранее первой половины III в. (Павлихин, 2008). Отсутствуют здесь и находки сюльгам с завернутыми в трубочку концами, которые в пьяноборских древностях появляются в погребениях III в. (Лещинская, 2012), что в совокупностью с

наличием ряда ранних вещей позволяет датировать данные погребения второй половиной II в. Названная дата достаточно детально обоснована И.Р. Ахмедовым (2007) для группы В1, ряд погребений которой компактно расположен на южной периферии выделенного нами участка (п. 80, 86, 83, 87), что определяет указанным интервалом время совершения на Кошибеевском могильника первых захоронений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Ахмедов И.Р. Проблема финального периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып.13. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 2010. С. 7–34.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 1999. С. 56 – 58.

Ахмедов И.Р. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула, 2012. С. 9–54.

Бажан И.А., Еременко В.Е. Некоторые аспекты изучения хронологии железного века по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. 1988. СПб., 1992. С.14–21.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А, Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск, 2008. 352 с.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Ижевск, 1970. Вып. 10. 260 с.

Гришаков, В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып.2. / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.

Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 59–84.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Лесман Ю.М. Сериационная хронология (иллюзии и реальность) // Записки Института истории материальной культуры. 2011. № 6. С. 186–198.

Лещинская Н.А. Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки. Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Ижевск, 2012. С. 124–163.

Павлихин А.В. Топоры-кельты Сурско-Окского междуречья III–X н.э. // Пензенский археологический сборник. Вып.2. / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. 2008. С. 188–219.

Ставицкий В.В., Мясникова О.В., Сомкина А.Н. О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестник НИИГН. 2012. Т. 23. № 3. С. 106–123.

Ставицкий В.В., Шитов В.Н. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. / Отв.ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза, 2013. С. 255–278.

АЛАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

© 2014 г. А.А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, Владикавказ
(soigsi@mail.ru)

Ключевые слова: аланы, археологические памятники, Центральный Кавказ, Осетия, полиэтничный и поликультурный регион.

Резюме. Археологические исследования в корреляции с данными письменных источников и данными смежных научных дисциплин позволили, в определенном приближении, реконструировать историю аланов Центрального Предкавказья в условиях полиэтничного и поликультурного региона конца раннего железного века и начала раннего средневековья, а также их разнообразных связей с соседними регионами. Вторая составляющая исследований, в основном, касалась «северного направления». В силу объективных обстоятельств, в гораздо меньшей степени было уделено «южному направлению». Вместе с тем, ряд археологических материалов указывал на наличие не только различных связей аланов, например, с древней Иберией (территория современной Грузии), но и на непосредственное присутствие там аланского этнического компонента. Аланские памятники начала раннего средневековья были исследованы и на территории современной Южной Осетии. Часть случайных находок указывает на наличие аланских памятников на более широком пространстве данной территории, позволяя надеяться на интенсификацию здесь процесса археологических исследований в современных условиях.

В настоящее время достаточно надежно устанавливается формирование, примерно, с середины II в. н. э. на равнинных и предгорных территориях Центрального Предкавказья раннеаланского, возможно, протогосударственного объединения, с которым связывают многочисленные подкурганные центральные и грунтовые погребения в Т-образных катакомбах и целую сеть городищ со сложной фортификацией и развитой хозяйственной структурой (Arzhantseva, Deopik, Malashev, 2004; Габуев, Малашев, 2009). Данное объединение включалось в различные по уровню, характеру и интенсивности взаимодействия с местным населением. Археологические данные также свидетельствуют о том, что население центральнопредкавказской Алании поддерживало интенсивные экономические связи с Закавказьем, Боспором, с территориями Дона, Урала и Аральского моря.

Те же данные по другим регионам указывают не только на заметное влияние там, например, центральнопредкавказских центров керамического производства, но и фиксируют около середины III в. мощную экспансию центральнопредкавказских аланов на север. Она выразилось, в частности, в появлении их памятников на территории современных Ставрополья, Нижнего Дона, Калмыкии, а также вплоть до более западных районов, левобережья р. Днепр. Полагают, что на Нижнем Дону аланы из Центрального Предкавказья достаточно активно смешивались с местным позднесарматским населением, что определило непрерывную генетическую линию развития здесь сарматского археологического комплекса. Выражением указанных процессов на Нижнем Дону могут служить, как погребения непосредственно сравнимые с центральнопредкавказскими, так и погребения, сочетающие центральнопредкавказские и местные признаки. Подобное положение отмечается и для памятников междуречья Волга-Дон, Ставрополья и Калмыкии.

В этот период устанавливаются связи с Боспором и носителями черняховской культуры. В Нижнем Поволжье наблюдается приход сарматов из Восточного Предкавказья. Намечаются признаки переселения с Кавказа и в Южное Приуралье. В Заволжье концен-

трируются остатки отступивших на восток сарматских племен. Предполагается, что новые хозяева нижнедонского региона отрезали восточные районы Сарматии от контактов с боспорскими и центральноевропейскими центрами. Возможно, с таким положением может быть связано наблюдаемое исчезновение сарматских и сарматоидных погребений после середины III в. в лесостепном Подонье.

Исследователи полагают, что, видимо, во второй половине IV в. происходил приток аланского населения на территорию Кисловодской котловины, что привело к трансформации местной культуры и сложению культуры раннесредневековых аланов западных районов Центрального Предкавказья. В конце IV в. могла происходить и миграция части центральнопредкавказских аланов на территорию современного Дагестана, с чем интересно сопоставить сообщение «Дербент-наме» о том, что в области Маскат (Маскут, Мускут) жили люди, приведенные из Алана.

Исследователи неоднократно предпринимали попытки корреляции данных археологических и письменных источниках с учетом привлечения данных смежных научных дисциплин. В их ходе были получены известные результаты, позволившие, в определенном приближении, проследить историю аланов центральнопредкавказского региона и в период раннего средневековья в связи с известными историческим событиями и природно-климатическими изменениями. Но все данными наблюдения, в основном, касаются «северного направления» аланской истории.

В гораздо меньшей степени в научных исследованиях, в силу объективных обстоятельств, уделено вопросу «южного направления». Некоторые исследователи рассматривают находки в могильниках у сс. Братское и Алхан-Кала (Северный Кавказ) золотых полихромных украшений, близких закавказским (гробницы питиахшей Иберии), как указание на участие хозяев этих погребений в походе 135 г. (Берлизов, Каминский, 1993. С. 95, 106, 108). С данными событиями связывают и другие находки из Иберии (Treister, Yatsenko, 1997/1998. P. 58–59). Другие исследователи полагают выработку ювелирного стиля «клуазоне» за счет тесных контактов аланов, принесших данный полихромный стиль, и Картли. Указывается на наличие картлийских ювелирных изделий, выполненных в степных традициях, в могильнике Армазисхеви, а также вещей и родовых тамг непосредственно аланского происхождения (Яценко, 1993. С. 101–102).

Здесь, например, в гробнице № 1 был, судя по надписи на портретной гемме, не позднее середины II в. погребен питиахш Аспагур (Трейстер, 2010. С. 528–529). Его имя, как и некоторые другие имена армазских надписей, рассматриваются отдельными исследователями с позиций фиксации проникновения аланов в высшие слои иберийской знати. Другие ученые склоняются к иным предположениям (Алемань, 2003. С. 412, 423, 440–443, 477–478).

Интересно и наблюдение о том, что могильник II в. в Клдеети (у г. Зестафони) может поставить вопрос о присутствии здесь аланского этнического элемента (Меликишвили, 1959. С. 355–356; Кузнецов, 1992. С. 175–176). Среди исследователей сложились и различные подходы к интерпретации иных археологических памятников с территории современной Грузии в свете вопроса их аланской атрибуции (Балахванцев, Николаишвили, 2010. С. 74–76; 2010а. С. 130–135; Чихладзе, 1990. С. 1–12; 2002. С. 176–178; Ковалевская, 1992. С. 31; Кузнецов, 2013. С. 9; Мирианашвили, 1983. С. 104, 111).

Аланские памятники начала раннего средневековья давно известны и на территории Южной Осетии (Гаглойти, 1984; 2003; 2011; Дзаттиаты, 2006). Часть случайных находок указывает на наличие аланских памятников на более широком пространстве данной территории. Сложившееся после августа 2008 г. положение позволяет надеяться на интенсификацию процесса археологических исследований в условиях, освобожденных от любого идеологического или политического давления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.

Балахванцев А., Николаишвили В. «Бакур-алан» из Древней Иберии // Международная научная

конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси: Меридиани, 2010. С. 74–76.

Балахванцев А., Николаишвили В. «Алан Бакур» из Древней Иберии // Российская археология. М. № 4. 2010а. С. 130–135.

Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. № 7. СПб.: Фарн, 1993. С. 94–112.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН. Таус, 2009. 405 с.

Гаглоев Р.Х. Стырфазский могильник. Цхинвал: Ирыстон, 1984. 99 с.

Гаглойти Р.Х. Античный мир и Южная Осетия (I–IV вв. н. э.). Владикавказ: Олимп, 2003. 120 с.

Гаглойти Р.Х. Монастерский могильник I–IV вв. н. э. Цхинвал: Дом печати, 2011. 248 с.

Дзаттиаты Р.Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильник. Владикваказ: Ир, 2006. 175 с.

Ковалевская В.Б. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н. э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал: Ир, 1992. С. 22–50.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.

Кузнецов В.А. Предисловие // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ: Ир, 2013. С. 4–9.

Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1959. 503 с.

Мирианашвили Н.Г. Материальная культура Шида Картли (археологические памятники Агаиани). Труды Настакисской археологической экспедиции. Т. II. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 120 с. (на груз. яз.).

Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // Древности Боспора. № 14. М. 2010. С. 484–560.

Чихладзе В.В. Жинвальские катакомбы. Тбилиси: АН Грузинской ССР. Центр археологических исследований, 1990. 12 с. (на груз. яз.).

Чихладзе В.В. Катакомбные погребения Жинвали // Международная научная конференция «Археология (IV) и этнология (III) Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2002. С. 176–178.

Яценко С.А. Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н. э. – III в. н. э. Происхождение стиля «клуазоне» // Петербургский археологический вестник. № 4. СПб.: Фарн, 1993. С. 97–106.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V. Zilgi An Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archeologiques en Cremee et au Caucase durant l'Antiquite tardive et le haut Moyen-Age (Colloquia Pontica. Vol. 5). Leiden-Boston-Köln, 2004.

Treister M., Yatsenko S. About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st-2nd Centuries AD // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 5. Kamakura. 1997/1998. P. 51–106.

ПАМЯТНИКИ ПОГРАНИЧЬЯ КУЛЬТУР «ЗАПАДНОБАЛТСКОГО КРУГА» В ЭПОХУ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ: ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ПРЕГОЛЯ

© 2014 г. О.А. Хомякова

Институт археологии РАН, Москва
(olga.homiakova@gmail.com)

Ключевые слова: римское время, эпоха Великого переселения народов, юго-восточная Прибалтика, «западнобалтский» культурный круг, культура Долькайм-Ковров, культурное пограничье.

Резюме: Огромный интерес с точки зрения исследования культуры Долькайм-Ковров первых веков н.э. и ее связей с соседними территориями представляют памятники центральной части Калининградской области. Рассматриваются как аспекты изучения «базовых» памятников, так и проблемы поиска ранее неизвестных, исследование микрорегиональной ситуации, аспектов поселенческой археологии, с привлечением данных архивов, музейных фондов и современных методов.

Исследование памятников культуры Долькайм-Ковров (самбийско-натангийской) (рис. 1), расположенных в пограничных зонах общности, и выявление признаков ее локальных вариантов можно назвать одной из приоритетных задач археологии Юго-Восточной Прибалтики. Сопоставление памятников коренных и пограничных территорий – один из основных подходов в изучении центрально-европейских древностей с 70-80-х гг. XX в. Вместе с тем, применительно к археологической общности Калининградского полуострова первых веков н.э. эти вопросы до конца не решены.

В основе изучения этих древностей находятся данные базовых памятников, «культурного ядра», расположенного на Калининградском (Самбийском) полуострове (напр. Nowakowski, 1996; Кулаков, Скворцов, 2006; Кулаков, 2007). Исследования локальных скоплений начаты в последние годы, но они коснулись лишь областей, расположенных к югу от устья реки Преголя (Скворцов, 2012). Центральная часть Калининградской области представляет не меньший интерес, но подобные работы на современном уровне здесь не проводились.

Вместе с тем, с одной стороны – это территория, связанная с условным пограничьем, переходящим в ареал культуры могильников с каменными венцами Западной Литвы, вдоль самого крупного рукава Преголи – Деймы, впадающего в Кушский залив. С другой – вдоль долины р. Преголи, и ее левых притоков Лавы и Анграппы, – она связана с юго-восточной частью Балтийской гряды: озерным плато Мазурского поозерья, покрытого сетью памятников богачевской культуры. Археологические объекты долины р. Преголя ее рукавов и крупнейших притоков могли быть связующим звеном с соседними областями. В их инвентаре известны «престижные» предметы, связанные с торговлей янтарем (в т.ч. римские импорты), ряд металлических элементов убора, характерных для западно-литовской и богачевских общностей (напр. Engel, La Baume, 1937. Abb. 29).

Сведения о исследованных здесь в довоенное время памятниках обрывочны. Информация о них сохранилась в виде архивных и музейных данных. Примечательно, что местонахождение большинства этих памятников до сих пор не было установлено современными разведками. Подобные работы коснулись лишь нескольких объектов на территории Черняховского р-на (Калашников, 2010). Между тем, они были направлены только на повторное выявление, а не их изучение. С другой стороны, не систематизирован массив информации об археологических исследованиях советского и постсоветского времени (Тимофеев, 1972; Кулаков, 1974; 1985;

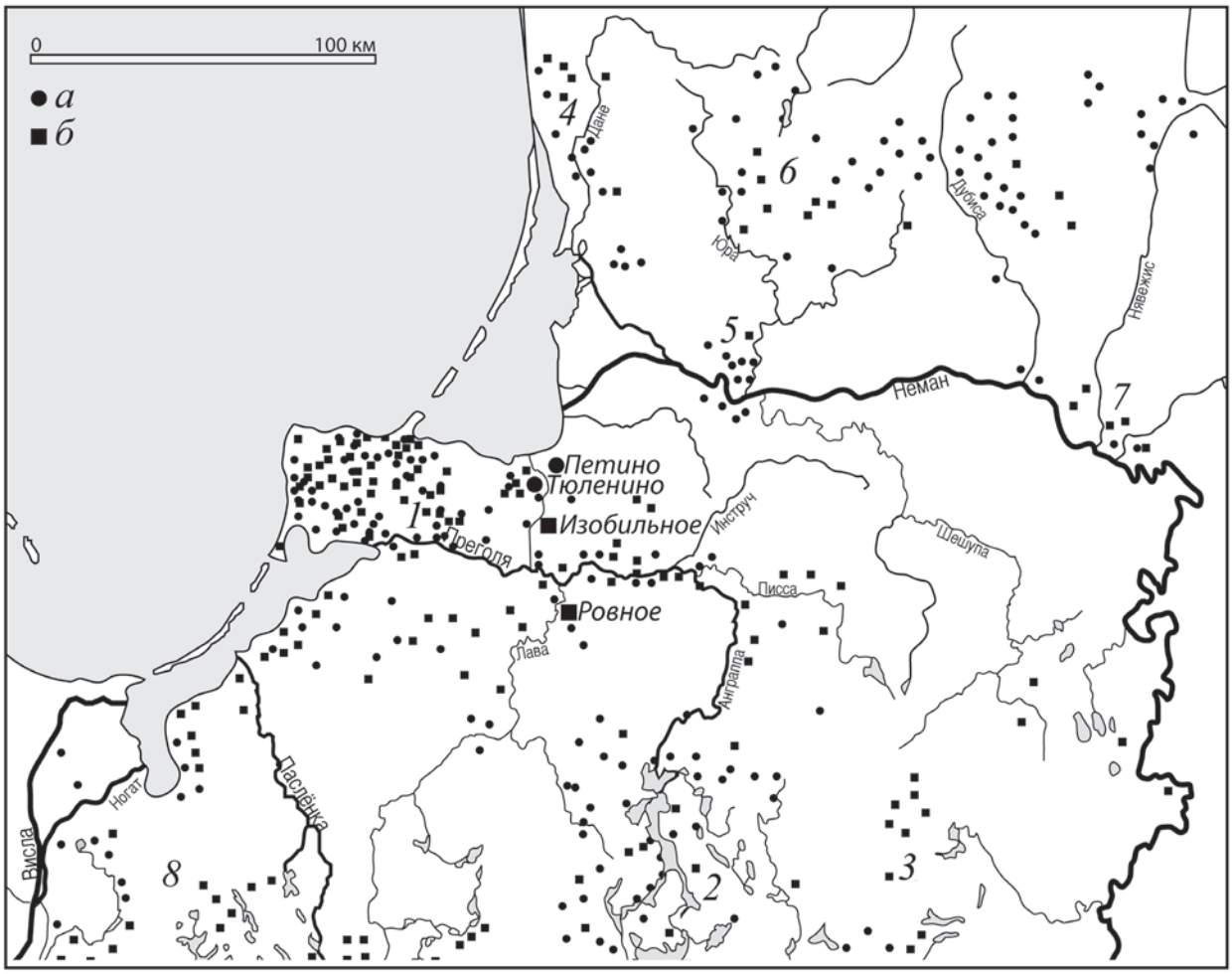

Рис. 1. Культуры западнобалтского круга и их соседи в первой половине I тыс. н.э. *а* – могильники, появившиеся в раннеримский период; *б* – могильники, появившиеся в позднеримский период. Культуры: *1* – Долькайм-Ковово (самбийско-натангийская); *2* – богачевская; *3* – судавская; *4* – западнолитовская (могильники с каменными венцами); *5* – нижненеманская; *6* – ареал жемайтийских курганов; *7* – грунтовые могильники центральной Литвы; *8* – вельбаркская. На карте обозначены упоминаемые в тексте пункты

Калашников, 2004), носивших, в основном рекогнисцировочный характер, но существенно расширяющих знания об освоении этих районов в доисторический период.

Таким образом, в изучении пограничья исторических областей Самбии и Надровии (совр. Гвардейский и Полесские р-ны) важны как известные данные, так и последующее обследование наиболее важных пунктов эпохи римских влияний и начальных этапов Великого переселения народов с применением современных методик и средств фиксации и поиск новых объектов. Отдельным направлением является анализ региональной и микрорегиональной археологической ситуации.

Поле погребений у пос. Ровное (бывш. *Imten, Kr. Wehlau*), расположенное у слияния двух рек: Боровой (бывш. *Bieber-Gr.*) и Румынки (бывш. *Römauer Fleß*). Раскопки памятника производились в 1880-х годах (Jaskanis, 1977. P. 278–279), поэтому данные о них фрагментарны (Bezzenberger, 1904. S. 72; Hollack, 1908. S. 60–61). Между тем, архивные материалы, сохранившие информацию о многочисленном инвентаре погребальных комплексов II–III вв. н.э., говорят о наличии черт, характерных для памятников соседних культур «западнобалтского круга». Результаты обследования памятника в 2014 году дают основания говорить о наличии на могильнике нескольких разновременных зон, и локализовать расположенное неподалеку от него поселение. С точки зрения микрорегиональной ситуации, поле погребений находится

у разделения р. Преголя на два крупнейших рукава. Здесь зафиксировано огромное количество археологических объектов от эпохи бронзы до раннего Средневековья, включая известнейшее поле погребений Суворово (бывш. *Zohpen, Kr. Wehlau*) (Heym, 1938), расположенное всего в 2,5 км на северо-запад от могильника у Ровного.

Курганный могильник Изобильное (бывш. *Klein Fließ, Kr. Labiau*) локализован в Полесском р-не на правом берегу р. Каравинка (нем. *Fließ-Gr.*), притока р. Дейма. Памятник известен с конца XIX вв.: в 1897 году лесником здесь были обнаружены фрагменты сосуда *Terra Sigillata,* и в 1899 г. проведены раскопки, в результате которых был исследован курган с погребением, совершенным по обряду трупосожжения, сопровождаемым конским трупоположением (Heydeck, 1900. S. 57–60). Известно об исследованиях 1925–1926 гг., результаты которых не опубликованы. Среди находок – многочисленные предметы вооружения и конской упряжи, детали убора второй половины II – первой половины III в.н.э. Памятник играет огромную роль в контексте данных о погребальном обряде культуры Долькайм-Ковово, является одним из ключевых пунктов при построении палео-социологических реконструкций (Кулаков, 2005. С. 59; Скворцов, Ибсен. 2010. С. 255–257). Перспективной является не только ситематизация данных о курганном могильнике и его повторное обследование, но и внимание к малоизученной здесь поселенческой ситуации первых веков н.э. – так, в ходе разведок 2014 года в близлежащей округе были выявлены следы поселенческой активности, которые могут быть синхронны могильнику.

Поле погребений у пос. Петино (бывш. *Perdollen, Kr. Labiau)* располагается на правом берегу р. Каменка (бывш. *Mauer*), в 9 км на север от указанного пункта в Изобильном. Раскопки данного могильника производились около 1930 гг. К. Энгелем, их результаты не опубликованы. Памятник изредка упоминается в литературе (Jaskanis, 1977. P. 310–311). Судьба находок неизвестна, однако полевая документация сохранилась в архиве культурного наследия Пруссии музея Праистории г. Берлина. Памятник характеризуют черты погребального обряда, свойственные могильнику у Изобильного, что несомненно требует к себе внимания. Это подтверждают анализ сохранившейся информации и проведенные на месте полевые исследования.

Могильник Тюленино (бывш. *Viehof, Kr. Labiau*) расположен юго-западнее н.п. Тюленино Полесского р-на. Раскопки памятника осуществлялись в 1890-х годах (Jaskanis, 1977. P. 334–335), упоминается о более, чем 200 раскопанных комплексов II–VI вв. н.э. Погребальный инвентарь, сохранившийся в фондах музея Праистории г. Берлина, свидетельствует, что на могильнике присутствовала и обширная зона раннесредневековых захоронений. Тем не менее, памятник интересен и с точки зрения изучения древностей римского периода. В частности, с него происходит одно из наиболее знаменитых трупосожжений II в.н.э. с ажурным поясным набором (Хомякова, 2012. С. 483).

Представленные пункты являются ключевыми для эпохи римских влияний в центральном районе Калининградской области и могут быть базовами для ее изучения. Вместе с тем, ими не исчерпываются археологические данные об этом районе. Исследование памятников первых веков н.э. в долине р. Преголя имеет долгосрочную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Калашников Е.А. Отчет об археологических разведках на территории Черняховского райна Калининградской области, в нижнем течении реки Инструч и реки Анграппа в 2004 году // Архив ИА РАН. 2004. Р–1. № 29112.

Калашников Е.А. Вновь выявленные погребальные памятники в Надровии и Самбии (Калининградская область) // Germania–Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / Ред. О.А. Щеглова, М.М. Казанский, В. Новаковский. Вып. 2. Калининград; Курск: Petro Ofsetas, 2010. С. 293–306.

Кулаков В.И. Отчет по обследованию археологических памятников Калининградской области в 1974 г. // Архив ИА РАН. 1974. Р–1. № 5273.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1985 году // Архив ИА РАН. 1985. Р–1. № 10913.

Кулаков В.И. «Княжеские» захоронения в Балтии фаз B1–C1 // КСИА. 2005. 218. С. 48–64.

Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Результаты исследования грунтового могильника Lauth–Б. Исаково в 2003 г.: Раскоп XIII (Nord) // Древности Беларуси в системе межкультурных связей. Материалы по археологии Беларуси / Ред. А.М. Медведев. Вып. 11. Минск: Институт НАН Беларуси, 2006. С. 58–73.

Кулаков В.И. Долькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Институт НАН Беларуси. 2007. 335 с.

Скворцов К.Н., Ибсен Т. Подкурганное захоронение всадника конца II в. из могильника Березовка/Гросс Оттенхаген // Germania–Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / Ред. О.А. Щеглова, М.М. Казанский, В. Новаковский. Вып. 2. Калининград; Курск: Petro Ofsetas, 2010. С. 253–275.

Скворцов К.Н. Новые находки памятников римского времени на побережье Вислинского залива // Sratum Plus. 2012. № 4. С. 107–127.

Тимофеев В.И. Отчет о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1972 г. // Архив ИА РАН. 1972. Р–1. № 4849.

Хомякова О.А. Женский убор самбийско-натангийской культуры периода Римского влияния I–IV вв. н.э. (Анализ компонентов и хронология): Дисс. … канд. ист. наук. М. 2012.

Bezzenberger A. Analysen vorgeschichtlicher bronzen Ostpreussens. Königsberg: Gräfe & Unzer. 1904. 108 Seiten.

Engel K., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preußenlande. Königsberg i. Pr.: Gräfe und Unzer Verlag, 1937. 291 Seiten.

Heydeck J. Eine Kultur- und Gräberstelle in Försterei Kl. Fliess, Kreis Labiau // Prussia. Bd. 21. 1900. S. 57–60.

Heym H. Das Gräberfeld Zohpen. Ein Beitrag zur Volks- und Kulturgeschichte des nördlichen ostpreußischen Binnenlandes von 400 n. Ztrw. Bis zur Ordenszeit. Diss. 1938 // Biblioteka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. № 9177.

Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Flemming, 1908. 234 Seiten.

Jaskanis J. Cmentarzyska Kultury zachodniobaltyjskej z okresu rzymskiego // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. № IV. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1977. P. 239–249.

Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt // Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Ed. C. von Carnap-Bornheim. № 10. Marburg; Warszawa: Druk, 1996. 169 pp.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАБОРОВ ЖЕЛЕЗНЫХ И КОСТЯНЫХ СТРЕЛ ИЗ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУР ДРЕВНИХ НОМАДОВ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОЙ ЭПОХИ ДОЛИНЫ Р. ЭДИГАН В ГОРНОМ АЛТАЕ[1]

© 2014 г. Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
(khudjakov@mail.ru)

Ключевые слова: железные наконечники стрел, костяные стрелы, хунно-сяньбийская эпоха, Эдиган, Горный Алтай.

Резюме. В составе комплексов вооружения древних номадов долины р. Эдиган в Горном Алтае на протяжении хунно-сяньбийской эпохи ведущее место занимало оружие дистанционного боя – сложносоставной лук и стрелы с железными и костяными наконечниками. В большей части раскопанных мужских захоронений на могильнике Усть-Эдиган, отнесенном к булан-кобинской культуре и на памятнике айрыдашского типа Улуг-Чолтух были обнаружены костяные накладки на лук и стрелы, от которых сохранились разнотипные железные и костяные наконечники, часть которых была снабжена костяными шариками-свистунками. Наборы наконечников стрел, зафиксированные в большей части исследованных захоронений, различаются между собой по материалу, из которого они изготовлены, способу насада, сечению и абрису пера, наличию или отсутствию свистунки. Сравнительный анализ наборов стрел из этих двух памятников открывает возможность проследить развитие группового и типологического разнообразия на протяжении первой половины I тыс. н. э. в изучаемом районе Горного Алтая.

На могильнике Усть-Эдиган железные и костяные наконечники стрел были обнаружены в нескольких мужских погребениях. В каждом из этих захоронений набор костяных стрел не был идентичным. В нескольких могилах находилось по одному, два или три костяных наконечника. В составе сопроводительного инвентаря других захоронений были только железные, или железные и костяные наконечники. Среди железных стрел, обнаруженных на этом памятнике, преобладают черешковые наконечники с трехлопастным сечением пера, которые делятся на три типа: удлиненно-треугольные, удлиненно-треугольные шипастые и вытянуто-пятиугольные. В единичном случае в одной из могил был найден бронебойный наконечник с ромбическим в сечении удлиненно-треугольным пером (рис. 1, *1–4*). Костяные наконечники из могильника Усть-Эдиган различаются между собой по способу насада, сечению и форме пера. В их числе имеются втульчатые стрелы с трехгранным в сечении, удлиненно-треугольным шипастым пером и короткой втулкой; ромбические в сечении удлинено-треугольные и вытянуто-пятиугольные наконечники с раздвоенным насадом и скрытой втулкой; черешковые наконечники с ромбическим в сечении пером удлиненно-ромбической формы, удлиненно-треугольных и вытянуто-пятиугольных очертаний с шипами (см. *рисунок*, *5–10*).

Как правило, стрелы помещались группой по 2–4 наконечника в ногах погребенного, рядом с концевыми накладками лука. Можно полагать, что рядом с телом умершего клали лук и колчан с символическим набором стрел. Иногда, наряду с колчаном, поверх тела умершего могли положить дополнительно еще одну стрелу. В колчанных наборах представлены либо только костяные втульчатые или черешковые стрелы, или только железные черешковые стрелы. В редких случаях в составе колчанного набора находились как железные, так и костяные стрелы. Набор железных наконечников стрел из могильника Усть-Эдиган не отличается большим типологическим

1 Работа выполнена по плану НИР X.100.2.2.

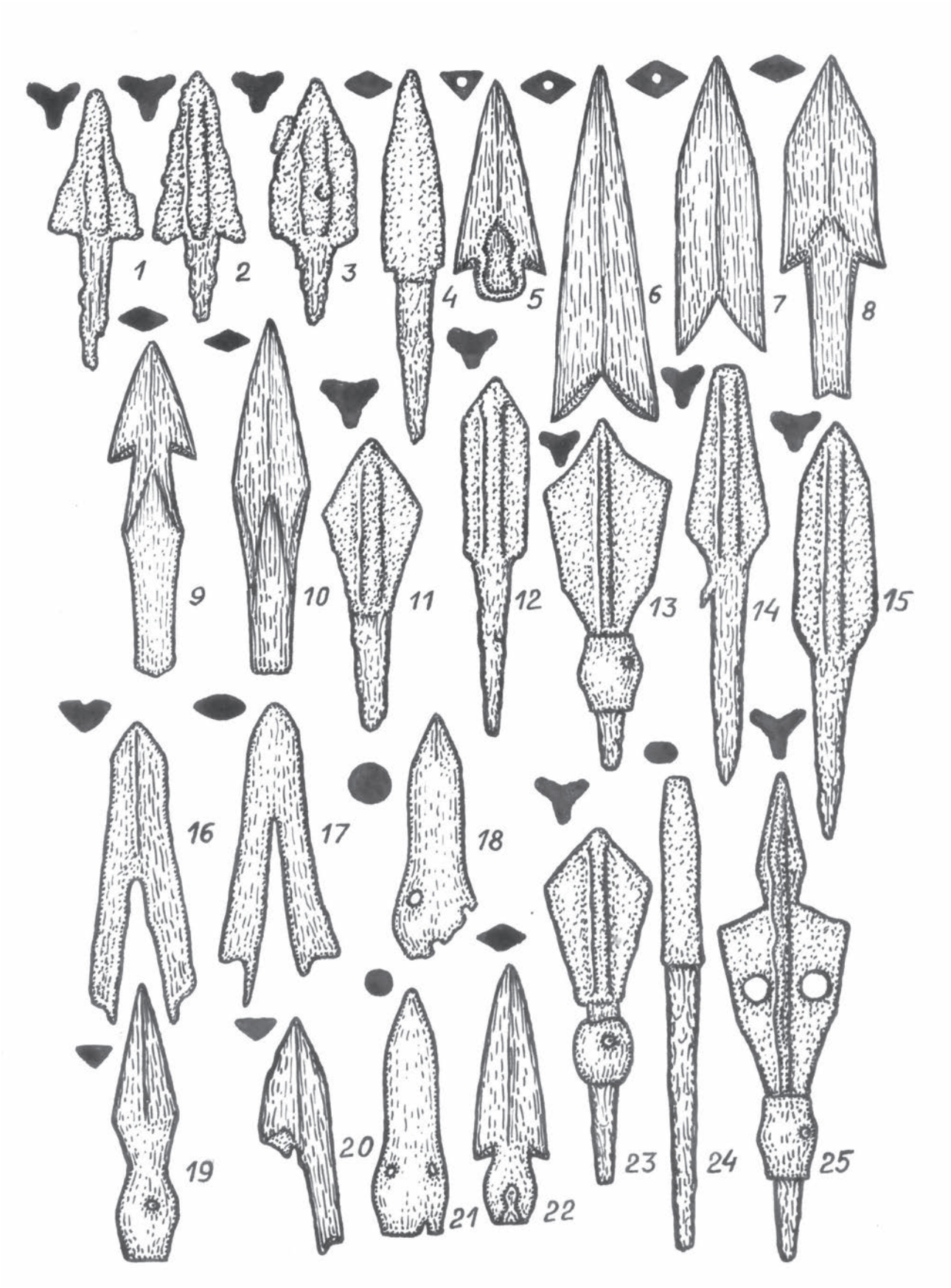

Рис. 1. Железные и костяные наконечники стрел из могильников хунно-сяньбийской эпохи в долине р. Эдиган. *1–10* – наконечники стрел из могильника Усть-Эдиган; *11–25* – наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух.

разнообразием. В его составе преобладают черешковые трехлопастные наконечники с пером удлиненно-треугольных очертаний и шипастыми плечиками. Схожие по форме пера стрелы, но изготовленные из бронзы, были характерны для набора средств ведения дистанционного боя в период существования пазырыкской культуры скифскую эпоху в Горном Алтае. Аналогичные бронзовые трехлопастные стрелы известны в памятниках пазырыкской культуры в Среднекатунском археологическом микрорайоне, на территории которого расположен и могильник Усть-Эдиган. С учетом этих находок можно предположить, что спектр форм булан-кобинских трехлопастных стрел восходит к предшествующему пазырыкскому комплексу. Важным новшеством можно считать появление бронебойных железных стрел, что может свидетельствовать в пользу появления средств индивидуальной металлической защиты у воинов булан-кобинской культуры. В отличие от железных стрел, более разнообразным в составе сопроводительного инвентаря могильника Усть-Эдиган представляется набор костяных наконечников стрел. Среди усть-эдиганских костяных наконечников имеются редкие формы стрел с укороченной втулкой, а также стрелы с раздвоенным насадом и скрытой втулкой (см. *рисунок*, *5–7*). Среди костяных наконечников имеются и широко распространенные черешковые стрелы с ромбическим в сечении пером разных форм (см. *рисунок*, *8–10*). По сечению и конфигурации пера и форме насада усть-эдиганские стрелы заметно отличаются от пазырыкских, среди которых преобладали втульчатые и черешковые наконечники с удлиненно-треугольным шипастым пером. Вероятно, изменения в оформлении костяных стрел, и появление стрел раздвоенным насадом могли сформироваться у булан-кобинских кочевников долины р. Эдиган под влиянием контактов с центрально-азиатскими номадами в течение хуннского времени.

Значительным своеобразием отличается спектр форм железных и костяных стрел, обнаруженный в ходе раскопок памятника айрыдашского типа Улуг-Чолтух, который расположен в долине р. Эдиган. Находки разнотипных железных и костяных стрел наконечников были обнаружены во многих мужских погребениях этого могильника. Среди железных наконечников преобладают трехлопастные стрелы с асимметрично-ромбическим, удлиненно-ромбическим, удлиненно-шестиугольным и ярусным пером (см. *рисунок*, *11–15, 23, 25*). Некоторые трехлопастные наконечники были снабжены костяными шариками-свистунками. В числе железных стрел имеются наконечники с линзовидным в сечении, узким вытянутым пером и тупым острием (см. *рисунок*, *24*). Значительным своеобразием в айрыдашском предметном комплексе отличался набор костяных стрел. Среди костяные стрел имеются наконечники с раздвоенным насадом, трехгранным и линзовидным в сечении пером (см. *рисунок, 16, 17*). Вероятно, такие стрелы восходят к наконечникам центрально-азиатских номадов хуннского времени. Достаточно необычными для Горного Алтая являются костяные стрелы с округлым, трехгранным или ромбическим в сечении пером и встроенным шариком свистункой с отверстиями и скрытой втулкой (см. *рисунок*, *18, 19, 21, 22*). Подобные наконечники в других синхронных культурах Саяно-Алтая не встречаются. Близкие по форме костяные стрелы были обнаружены в памятниках бурхотуйской культуры в Восточном Забайкалье. В эпоху раннего Средневековья такие наконечники использовались населением Прибайкалья.

В большей части мужских захоронений находилось несколько железных и костяных наконечников стрел. Они обнаружены вдоль костей рук и ног погребенных, иногда в области плеч, локтевых суставов, между берцовых костей. Стрелы клали рядом с луком или отдельно от него. Вероятно, в тех случаях, когда найдено несколько стрел, положенных вместе, они находились внутри колчана. Однако колчан могли положить вдоль плеча, у пояса или в ногах у погребенного. В некоторые могилы клали одну или несколько железных стрел, иногда в сочетании с костяными. Сравнительно редко умершему могли положить только одну стрелу с костяным наконечником.

По типологическому составу железные стрелы, найденные в могильнике Улуг-Чолтух, заметно отличаются от наконечников из памятника Усть-Эдиган. В составе улуг-чолтухского набора трехлопастных стрел

выделяются наконечники с асимметрично-ромбической, удлиненно-ромбической, удлиненно-шестиугольной, вытянуто-пятиугольной и ярусной формой пера. Подобный спектр железных трехлопастных стрелы находят аналогии в комплексах средств ведения дистанционного боя некоторых других культур первой половины и середины I тыс. н. э. в Южной Сибири. В составе улуг-чолтухского комплекса железных наконечников представлены также бронебойные и универсальные стрелы с линзовидным и ромбическим в сечении пером. Схожий набор стрел были на вооружении у ранних тюрок Горного Алтая. Состав костяных стрел, найденных в мужских захоронениях могильника Улуг-Чолтух, отличается своеобразием. Среди них преобладают стрелы с раздвоенным насадом и трехгранным, или линзовидным шипастым пером удлиненно-треугольных и вытянуто-пятиугольных очертаний. В составе набора имеются редкие формы стрел со встроенной свистункой и скрытой втулкой. Такие наконечники имеют округлое, трехгранное или ромбическое острие. К числу редких находок относится необычный черешковый наконечник с ромбическим с желобком на всех четырех гранях и шипастым пером. Костяные стрелы с раздвоенным насадом, вероятно, восходят к хуннской культурной традиции. Однако в составе улуг-чолтухского комплекса они могли появиться в процессе контактов с другими центрально-азиатскими племенами, поскольку эти наконечники значительно отличаются от хуннских. Довольно своеобразны по конструктивным особенностям улуг-чолтухские стрелы со встроенной свистункой и скрытой втулкой. Обнаруженные им аналогии в культурах Байкальского региона относятся к середине и второй половине I тыс. н. э., поэтому, вероятно, они не могли быть восприняты кочевниками, обитавшими в центральной части Горного Алтая у номадов Восточного Забайкалья.

Наборы железных и костяных наконечников стрел из могильников Усть-Эдиган и Улуг-Чолтух позволили проследить особенности колчанных наборов у кочевников булан-кобинской культуры и в предметном комплексе памятников айрыдашского типа в этом районе Горного Алтая наметить возможные культурные связи с другими кочевническими культурами Саяно-Алтая и Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э.

ПЕРЕХОД К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ТАЙГЕ (ДРЕВНОСТИ КАРЫМСКОГО ТИПА)

© 2014 г. Ю.П. Чемякин

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург
(*yury-che@yandex.ru*)

***Ключевые слова*:** раннее средневековье, карымский этап, север Западной Сибири.

Резюме. В статье изложена краткая история выделения и пересмотра содержания карымского этапа в развитии таежных обществ Западной Сибири. Его хронология — раннее средневековье (IV – начало VI в. н.э. или рубеж III–IV – начало VI в. н.э.). Территория распространения карымских памятников — западные и центральные области таежного Приобья. Представлена характеристика карымских памятников средней и северной тайги Западной Сибири, в том числе городищ, селищ, комплексов по производству и обработке железа. Отмечено различие карымских поселений Нижнего и Сургутского Приобья, их фортификаций и жилищ. Дана характеристика карымских некрополей средней и южной тайги Западной Сибири. Установлено своеобразие раннесредневековых курганных могильников, оставленных общинами со смешанным составом населения, в том числе потомками северных карымских и южных саргатских групп. Представлены четыре типа карымской керамики, из которых три продолжают линию развития местной кулайской посуды. Четвертый, вероятно, связан с проникновением в таежное Приобье групп охотников-рыболовов из Восточной Сибири. Указано различие керамики и вещевого комплекса северных и южных карымских территорий. Специфика карымских материалов южно-таежной зоны была обусловлена влиянием на переселенцев с севера культуры местного лесостепного населения. Отмечено, что 10-летние исследования автора в бассейне р. Большой Юган позволяют полноценнее характеризовать хозяйство и культуру карымского населения, его связи с окружающим миром. Не только генезис карымских древностей, но и формирование на их основе зеленогорских памятников VI–VII вв., их участие в сложении бакальской, кушнаренковской и ряда других археологических культур получили новое подтверждение. В то же время значительная близость позднекулайских и карымских материалов (городищ, построек, керамики, вещевого комплекса) позволяет видеть последние как переходный этап от раннего к позднему железному веку.

Почти 60 лет назад В.Н. Чернецовым была предложена периодизация древностей Севера Западной Сибири, в которой обосновывалось выделение карымского этапа как одного из первых (IV–V вв.) в средневековой истории региона (Чернецов, 1957). Оно строилось на материалах двух могильников в Тюменской области (на юге карымского ареала), разведочной траншеи на городище Ус-Толт и случайных сборах на севере Западной Сибири. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. эту периодизацию пересмотрели свердловские археологи, базируясь на новых раскопках на Барсовой Горе, в Сайгатино и в Нижнем Приобье (исследованы 10 памятников, на которых раскопано ок. 13 построек и 8 погребений). При этом датировка и генезис карымских древностей в новой схеме почти не претерпели изменений (Федорова и др., 1991; Морозов, 1994; Чемякин, Карачаров, 1999). Впервые были охарактеризованы карымские городища и жилища, северный могильник; отмечено, что вещи из случайных сборов, карымские по В.Н. Чернецову, в действительности более поздние, а на городищах металлические изделия малочисленны и невыразительны. Яркие образцы последних описаны по Холмогорской коллекции, но позже она была отнесена к концу кулайской эпохи. В последующие годы произошли открытия курганных погребальных комплексов на юге карымского ареала – в Омской и Тюменской областях. В Среднем Прииртышье были раскопаны 2 жилища с карымской керамикой. Новые раскопки дали

представление о вещевом комплексе, в первую очередь украшениях и деталях костюма, бытовавших на южной окраине карымского мира. 10-летние раскопки автора комплекса памятников в бассейне р. Большой Юган (левый приток Оби) существенно расширили наши знания о карымском этапе в средневековой истории населения западносибирской тайги (из 67 раскопанных карымских построек 42 находятся на Б. Югане).

Сегодня памятники с карымской керамикой выявлены в Нижнем и Сургутском Приобье, бассейне Конды, Среднем и Нижнем Прииртышье и Нижнем Притоболье (всего более 110). До проведения их комплексного сравнительного анализа еще далеко, учитывая, что бóльшая часть памятников не раскопана. Но уже сейчас можно предполагать локальное своеобразие карымских древностей Нижнего Приобья, Конды, Сургутского Приобья, Среднего Прииртышья и Нижнего Притоболья — в регионах, где существовали разные варианты или культуры кулайской КИО (нижнеобской, кондинский, сургутский, среднеиртышский).

Районы средней и северной тайги являлись основной карымской территорией. Здесь открыты городища, селища, грунтовые могильники и металлургические комплексы. По южным границам карымского ареала, в южно-таежном Притоболье и Прииртышье, выявлены селища и курганные могильники, оставленные мигрировавшими с севера общинами с ярсалинско-карымской, карымской и, возможно, туманской керамикой. Здесь они взаимодействовали с остатками и потомками северных саргатских племен. Со временем на южной границе лесной зоны формируются смешанные (гетерогенные) общины пришельцев и аборигенов с доминированием представителей тех или иных этносов, представленные поселением Ипкуль XV, Козловским могильником, карымскими некрополями Красноярка IV и Усть-Тара VII, ранними памятниками с потчевашской керамикой и др. На юго-западе таежного Приобья, в бассейнах Сосьвы, Лозьвы, Пелыма и Тавды, открыты сходные по керамике (практически идентичные карымским) туманские поселения. Посуда карымского и близкого ей облика известна в Нарымском Приобье, Северном Приуралье, Среднем Притоболье и низовьях Исети.

Около двух десятков карымских городищ выявлены в Сургутском Приобье, единичные укрепления обнаружены в Нижнем Приобье, Нижнем Прииртышье и бассейне Конды, одно — в Среднем Прииртышье. Они одноплощадочные, расположены на краях или в глубине коренных террас, реже — на мысах и мысовидных выступах. Остатки оборонительных систем маломощные, фортификации замкнутые, подпрямоугольные, реже — близкие кольцевым, незамкнутые овальные и дуговидные, с 1–3 входами. На двух городищах отмечены следы бастионов – признак кулайского наследия. Оригинально городище Усть-Тара - 43 в Среднем Прииртышье, но до широких раскопок однозначно связывать его с карымскими древностями рано.

Размеры городищ в Сургутском Приобье варьируют от 700 до 3300–3500 м^2, селищ – от 875 до 10000 м^2, на них выявлены от 3 до 13–22 построек. В Нижнем Приобье и бассейне Конды известные памятники меньше по площади (до 900 м^2), число построек на них от 1 до 4. Жилища на городищах расположены плотно, в один (редко) или два ряда, либо кольцом. В рядах выходы из домов обращены на «улицу». На Соровском XXXV городище одно жилище находилось в центре площадки, остальные – по кольцу вдоль вала. На селищах объекты размещались у края и в глубине берега, часто без видимого порядка, иногда — рядом с укреплениями. На селищах Сартымурий 16 и 17 жилища были сооружены вдоль берега, их выходы обращены в сторону леса; хозяйственные и производственные постройки образовывали вторую линию.

Карымские жилища Барсовой Горы представляли собой подпрямоугольные, слегка углубленные в грунт однокамерные наземные сооружения площадью 23-44 м^2, глубиной 20-30 см, с очагом в центре и выступавшим наружу крытым выходом-тамбуром, примыкавшим к торцевой стене. Жилища на Большом Югане близки к квадратным, слабо углубленные (5–40 см), площадью от 30 до 40 м^2, как исключение – до 50 м^2, с одним (реже двумя) открытым очагом-кострищем. Выходы, видимо, представляли собой проемы в стенах, закрывавшиеся приставными или откидными

Рис. 1. Вещевой комплекс северных карымских памятников. *1, 23, 27–31, 33, 38* – селище Сартым-урий 16; *2–4, 11, 12, 16, 19–21, 25*– селище Сартым-урий 17; *5–10, 18, 22, 24, 26, 32, 35, 36, 39–41* – городище Сартым-урий 18; *13, 14* – могильник Чагорово IV – по: М.Ю. Баранов; *15* – оз. Чагыр (Чагорово?) – по: В.Н. Чернецов; *17, 34* – гор. Барсов городок II/10 – по: Г.А. Степанова; *37* – поселение Ендырское VII – по: С.Ф. Кокшаров и др. *(1–4, 11, 12, 16–21, 27–30* – железо*; 5–10* – кость*; 13–15, 22–25, 31–34, 37* – медь, бронза*; 26, 35, 36, 41* – глина*; 38–40* – камень*).*

дверями. Существовали хозяйственные постройки без очагов (от 2,4×1,6 -1,8 до 4,5×1,6 м), углубленные на 5–40 см, и летние площадки с кострищами под навесами. Выявлены хозяйственные ямы, служившие хранилищем для рыбы (местом ее консервации) или местом для кухонных отбросов.

В Сургутском Приобье раскопаны две оригинальные постройки, представлявшие двухкамерные сооружения площадью 45 и 27 м^2, глубиной 35–80 см. Подпрямоугольные на верхних горизонтах, в нижней части они разделялись на две вытянутые прямоугольные камеры с песчаной перемычкой между ними.

Жилища Нижнего Приобья сходны с объектами Барсовой Горы, но меньше их – с чуть углубленными (до 20–25 см) котлованами площадью от 9 до 42 м^2 (в среднем – ок. 19,2 м^2). Дома обогревались одним очагом (редко – двумя), есть объекты без очагов.

Особую категорию производственных сооружений, появившихся в карымское время, представляли собой постройки для обработки железа, или кузни. Они исследованы в бассейне Большого Югана, имели разные размеры (одна находилась в жилище), но во всех обнаружены следы небольших печей (горнов), в двух случаях – с ошлакованным соплом. В бассейне Конды на ряде памятников найдены железоделательные металлургические печи (Зиняков, 1997; Жирных, Каменский, 2006).

В Среднем Приобье ок. 10 карымских погребений представляют собой локальную часть обширного могильника IV–XI вв. Сайгатинский VI. Они одиночные, грунтовые. Умершие были помещены в узкие мелкие подпрямоугольные ямы, вытянуто на спине, головой в основном на ЮЗ — к обской протоке. Одно погребение, вероятно, совершено в лодке. Инвентарь погребений скуден: глиняные сосуды или их фрагменты, железные ножи, точильные камни.

В южно-таежных некрополях господствовал курганный способ погребения умерших. Могилы под насыпями более глубокие, чем северные, часто широкие овальные. К отличительным чертам обряда можно отнести ориентировку покойных преимущественно на С и СЗ, разнообразный состав инвентаря, включавший импортные вещи, наличие кринковидных и чашевидных форм сосудов. Отметим прижизненную искусственную деформацию черепов (Матвеева, 2012; Скандаков, Данченко, 1999; Грачев и др., 2010).

Вероятно, на южной окраине западносибирской тайги мы имеем дело уже не с собственно карымскими памятниками, а с некоей видоизмененной и гетерогенной культурой (либо южным вариантом древностей карымского этапа обь-иртышской КИО), оставленной северными мигрантами, частично смешавшимися с южно-таежным населением – потомками северных саргатских и других местных коллективов. Скорее всего, именно от лесостепных и степных тоболо-иртышских общин рыболовы-охотники тайги восприняли чуждые для них черты погребальной обрядности, «моду» на вытянутые черепа и новые направления производящей хозяйственной деятельности.

Карымская керамика описана неоднократно, ее типология основана на анализе декора. Сегодня выделяют 4 типа: с гребенчатой, фигурно-штампованной, обедненной (ямочно-насечковой и ямочно-жемчужной) и желобчато-валиковой орнаментацией. Три первых генетически восходят к кулайской керамике (поздней сургутской, саровской и нижнеобской ярсалинской). Это указывает на формирование раннесредневекового карымского этноса на местной кулайской основе. Четвертая связана, скорее всего, с переселившимися на запад осколками обществ юга Восточной Сибири, смешавшимися с аборигенами таежного Приобья. Отдельный сюжет — находки в курганных могильниках южной периферии карымского ареала высоких кринковидных сосудов с зауженной горловиной и фигурно-штампованным декором. Эта керамика нетипична для северной карымской, аналогии ей известны среди кушнаренковской посуды. Такие сосуды вызывают и определенные саргатские ассоциации, а те, в свою очередь, среднеазиатские. Появление этих форм с карымским орнаментом в Среднем Прииртышье представляется следствием смешения лесостепных (саргатских) и таежных (карымских) гончарных традиций в условиях массовых миграций, происходивших в раннем железном веке и начале средневековья.

Раскопки на Большом Югане дали многочисленные и разнообразные предметы и металлургические остатки, бесспорно, относящиеся к карымскому комплексу. Это железные однолезвийные черешковые ножи, наконечники стрел (втульчатый с ромбическим пером и плоские, типа срезней), шилья, иглы, крючки, плоские кольчужные кольца, обломок топора-кельта, пряжка от ремня, железные шлаки и крицы, изделия из бронзы (прямоугольные бляхи-накладки с изображением голов медведей в ритуальной позе и ажурная с геометрическим орнаментом, бляха с профильным изображением медведя, навершие с орнитоморфным венцом, пронизка с изображением орла, клюющего голову млекопитающего, и др.), костяные наконечники стрел, каменные наковаленки и шлифовальники, абразивы, обломки глиняных рюмковидных тиглей и льячек, и т.д. (рис. 1) (Чемякин, Борзунов, 2013). Они позволяют впервые полноценно охарактеризовать хозяйство и культуру карымского населения, его связи с окружающим миром. Не только генезис карымских древностей, но и формирование на их основе зеленогорских памятников VI–VII вв., их участие в сложении бакальской, кушнаренковской и ряда других АК получили новое подтверждение. В то же время значительная близость позднекулайских и карымских материалов (городищ, построек, керамики, вещевого комплекса) позволяет видеть последние как переходный этап от раннего к позднему железному веку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грачёв М.А., Грачёва О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южнотаёжном Прииртышье // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург: ИД «ИздатНаукаСервис», 2010. С. 239–240.

Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.

Жирных Е.А., Каменский С.Ю. Средневековые железоделательные печи на территории Северо-Западной Сибири // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. С. 139–140.

Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень: ТюмГУ, 2012. 178 с.

Морозов В.М. Раннее средневековье. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск: ТГУ, 1994. С. 362–366.

Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Ежегодник. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти // Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». Нефтеюганск–Екатеринбург: «Магеллан», 2013. С. 60–93.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург: «Тезис», 1999. С. 9–66.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. М.: АН СССР, 1957. № 58. С. 136–245.

ДВА НОВЫХ МОГИЛЬНИКА МАЗУНИНСКОГО ТИПА В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ

© 2014 г. Е.М. Черных

Удмуртский государственный университет, Ижевск
(emch59@mail.ru)

Ключевые слова: Прикамье, эпоха великого переселения народов, могильники, погребальный обряд, этнокультурные контакты.

Резюме. Статья вводит в научный оборот новейшие материалы по периоду III–V вв. н.э. Открытие и исследование двух могильников (около 330 погребений) в правобережье Камы – Боярского и Дубровского – позволяет отнести оба памятника к мазунинскому типу. Вместе с тем, ряд особенностей в погребальном обряде и инвентаре указывают на необычность конкретной ситуации, связанной с формированием этих памятников, а их систематизация и анализ позволяют наметить параллели в ином этнокультурном мире восточноевропейского Барбарикума.

В последнее десятилетие на территории Удмуртии начаты исследования двух новых некрополей мазунинского типа, представляющих несомненный интерес для науки. Споры об этническом составе населения Западного Приуралья III-V вв. н.э. и участии в нем пришлых групп продолжаются с переменной частотой уже более 50 лет. Признание «мазунинского» вклада в развитие нескольких археологических культур последующего времени в Прикамье позволяет рассматривать его как значительное региональное явление.

Мазунинский могильник, давший название археологической культуре, был открыт еще в конце XIX в., но оказался на острие научных дискуссий лишь после исследований Удмуртской археологической экспедиции в 1954-1956 гг. Своеобразие погребальной обрядности могильников и синхронных им поселений позволило В.Ф.Генингу выделить их в особую культуру – мазунинскую (Генинг, 1958; 1959; 1967). Его идеи впоследствии были развиты Т.И.Останиной (Останина, 1997), хотя и не были приняты всеми специалистами, занимающимися древностями Прикамья I тыс. н.э. К концу XX в. число известных могильников с погребениями мазунинского типа составляло уже около 30, а территория, которую они занимали, определялась устьем р.Тулва на севере, Уфимским «полуостровом» – на юге, правобережьем р.Тойма и верховьями р.Кильмезь – на западе, верховьями Б.Таныпа – на востоке (Останина, 1997. С. 20, 85). Тесная связь мазунинского погребального обряда, поселений и жилищ, керамики с предшествующими чегандинско-пьяноборскими, а, главное, известные сегодня могильники с непрерывным использованием на протяжении первых трех-пяти столетий н.э. (Тарасовский, Ныргындинский I, Красноярский), дали основания Р.Д. Голдиной обосновать тезис о мазунинских древностях как позднем этапе пьяноборской КИО (Голдина, 1999. С. 225–226).

Большинство исследователей в настоящее время солидарны в том, что в вихрях турбулентности III–V вв.н.э. население Среднего Прикамья сохраняло древнепермское этническое «лицо», но не отрицают включения в него иноэтничных групп различного происхождения. Расхождения обнаруживаются при оценке происхождения пришлых групп, направления и времени инфильтрации их в отдельные камские районы. Самой яркой манифестацией реалий новой эпохи в истории региона признается полиритуальность могильников завершающей поры раннего железного века – присутствие на одних и тех же погребальных площадках грунтовых и подкурганных захоронений, ингумаций и кремированных останков, следов посмертного

разрушения костяков и т.п. Как показывают археологические материалы, миграционный фактор, очевидно, играл определенную роль в самом начале становления мазунинского комплекса – в конце II – III в. (Голдина, 2006. С. 286; Зубов, 2011), способствуя тем самым консолидации местных общин, но еще более проявился на его позднем этапе, в конце IV–V вв. Появление в Прикамье военизированных отрядов тураевско-кудашевского круга, а также турбаслинских групп, вызвало активную перегруппировку в местной среде, отток «мазунинцев» с нижней Белой и Камы вверх по этой речной магистрали, а также во внутренние районы Камско-Вятского междуречья. Именно к этому периоду относятся оба новых могильника – Боярский «Арай» и Дубровский «Красная горка», открытые в первое десятилетие XXI в.

Открытию могильников мы обязаны стихии «черного копательства». Так, после первого выезда на Боярский могильник в 2002 г. нам пришлось увидеть масштабные раскопки прежде неизвестного науке памятника с помощью тяжелой техники, груды человеческих костей и раскиданный инвентарь, малопривлекательные для таких «любителей истории».

Вместе с тем новый объект оказался весьма необычным. По наблюдениям Т.И.Останиной, все известные могильники мазунинской культуры располагались на возвышенных участках береговых террас, вблизи реки (Останина, 1997. С. 21), тогда как Боярский «Арай» занимал край коренного плато, удаленного от Камы почти на 5,0 км. Площадь могильника ограничена двумя оврагами, вычленявшими узкий мыс длиной около 50,0 м и шириной не более 15,0 м. На долю ученых достались лишь остатки того, что прежде составляло небольшое кладбище локальной группы мазунинцев. Нами исследованы 183 погребения (199 костяков), в общих чертах укладывающихся в среднестатистическую модель мазунинского погребального обряда. Могилы, «зажатые» в пространстве мыса, располагались тесно, четкими рядами, вытянутыми по линии ЮЮВ – ССЗ, практически без взаимонарушений. Т.е. либо они как-то были отмечены на поверхности, либо время функционирования некрополя не распространялось за пределы жизни двух-трех поколений. С мазунинскими могильниками Боярский сближает обряд ингумации в простых прямоугольных ямах глубиной от 0,2 до 1,3 м. Захоронения одиночные, но есть и коллективные (всего 11). Преобладала ориентировка умерших головой в юго-западный сектор: (более 60%). Остатки различных по типу погребальных сооружений – ящики, иногда с ручками для переноса (25 случаев), настилы из досок (18 случаев), колода (1 случай), обертывание в бересту или ткань – зафиксированы более чем в 40% захоронений. Атропологические определения выполнены для 81 костяка. Почти половину из них составляли мужчины. 57 погребений (более 30% от общего количества) принадлежали детям, из них останки 7 были выявлены в одной могиле с взрослыми. Это один из самых высоких показателей среди мазунинских могильников. Обращает на себя внимание и большая доля погребений, в которых зафиксированы отклонения от нормы погребального обряда – вторичные и частичные погребения, скорченные, со следами тяжелых травм, в том числе полученных в сражении. Велико число погребений без какого-либо инвентаря (более 70). «Женский» инвентарь в целом невзрачен и традиционен. В то же время, очень невыразительны и мужские могилы с оружием. Собственно весь комплекс вооружения исчерпывается двумя парами железных наконечников дротиков и стрел; костяные наконечники стрел можно, очевидно, во внимание не принимать (вместе взятые они встречены в 27 погребениях).

В Дубровском могильнике, казалось бы надежно укрытом за густыми лесами междуречья Камы и Ижа, ситуация выглядит уже иначе. Некрополь был устроен на крутом всхолмлении берега небольшой речки Шехостанки, притока р. Кырыкмас. Исследование памятника продолжается (уже исследовано 144 могилы), на нем выявляется та же планиграфическая ситуация, что и на других могильниках мазунинского типа: расположение могил четкими рядами (предварительно установлено 19-20 рядов), уходящими от реки вглубь террасы, ориентация могильных ям вдоль русла реки, а умерших – головами на юг, вниз по течению. Ямы прямоугольные, с отвесными стенками, довольно крупных размеров, порой значительно превышающие рост человека. Отмечены специфические

черты погребального ритуала, нехарактерные для местных некрополей: обмазка стенок глиной, следы обжига, подсыпка дна мелом, забутовка камнями, иногда довольно крупными, выступы-ниши и «заплечики» в боковых стенках. В одной из могил костяк лежал по диагонали, в погр.137 – уложен на живот, со связанными в щиколотках ногами. Имеются единичные случаи разрушения костяков, как правило, мужских. По предварительным данным половозрастного анализа, выполненного И.Г.Широбоковым, количество мужчин и женщин примерно одинаково, на долю детей и подростков приходится менее пятой части могил.

Инвентарь в погребениях яркий, с репрезентативными культурными и хронологическими чертами. Выделяются специфические «мужские» и «женские» комплекты. Среди мужских особенной выразительностью отличаются захоронения воинов с мечами (5 взрослых и один ребенок). Примечательно, что в могиле мальчика меч был уложен справа, в то время как у взрослых – слева. Антропологические наблюдения косвенным образом свидетельствуют о профессионализме взрослых воинов, возраст которых колебался в пределах 20-55 лет. Помимо мечей, воинский комплект составляли боевые ножи, копья, стрелы, «коса-горбуша», удила. Все мечи однотипные: двулезвийные, без навершия и перекрестия, длиной 0,8-1,0 м. Лишь в погр.128 меч имел длинную рукоять с «грибовидным» навершием, обтянутым медными и железными обкладками и проволокой. Непременным атрибутом воина был также пояс, украшенный многочисленными фигурными металлическими накладками, укладывавшийся в развернутом виде вдоль тела умершего, пряжкой, как правило, к голове.

В женских погребениях, прежде всего, у молодых женщин и девочек, возрастной статус подчеркивался разнотипными головными уборами (13 случаев), украшенными металлическими обоймами, бляшками, пронизками и бисером, дополненными височными подвесками, цепочками, или более сложными накосниками. В обоих некрополях присутствуют такие характерные для мазунинского погребального ритуала артефакты как жертвенные (или подарочные) наборы. Но доля последних в Дубровском почти на 7% выше. Если в Боярском могильнике наборы помещались, в основном, в ногах умерших, то в Дубровском – слева от головы, главным образом, в погребениях женщин 20-35 лет. Раскопки Дубровского могильника дали новую яркую находку круга восточноевропейских выемчатых эмалей – арочную ажурную подвеску, по всей видимости, выпавшую из обихода со значительным опозданием, о чем свидетельствуют как выкрошенная эмаль, так и припаянная железная игла на обороте.

Впервые для мазунинских могильников получена серия абсолютных дат – всего 16 для обоих некрополей (аналитики Г.И.Зайцева и М.А.Кулькова). В целом, результаты датирования соответствуют археологическому контексту и укладываются в календарный возраст конец II – первая половина V н.э., но наибольшая «густота» дат приходится на интервал от 220 до 440 вв. В целом, включение материалов могильников в общее историко-археологическое пространство Прикамья открывает новые перспективы для осмысления конкретных событий эпохи великого переселения народов на дальней периферии Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удм. Кн. изд-во, 1958. 192 с.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФ АН СССР. Казань, 1959. Вып.2. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып 7. Свердловск, 1967. С. 7–84.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. О моделях взаимоотношения различных этносов эпохи великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д.Голдина. Ижевск, 2006. С. 281–304.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.): миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 202 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

ОКРУГЛЫЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЯ КУРОВО-7 И ИХ МЕСТО В КУЛЬТУРНОЙ МОЗАИКЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ НА РУБЕЖЕ НОВОЙ ЭРЫ[1]

© 2014 г. А.А. Чубур

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (fennecfox66@gmail.com)

Ключевые слова: Курово, бассейн Десны, римское время, жилище, позднезарубинецкая культура, юхновская культура, милоградская культура.

Резюме. В статье рассматриваются две округлые полуземлянки рубежа нашей эры с поселения Курово-7 (р. Судость, бассейн Десны). Приводятся аналогии в почепской, киевской и милоградской археологических культурах. Предлагается рабочая гипотеза об округлых постройках на почепских памятниках, как о милоградском культурном влиянии.

В 2006 г. экспедицией Брянского университета проведены охранные раскопки трех многослойных поселений на р.Судость (правый приток Десны) у с.Курово Погарского района Брянской области. Поселение Курово-7 расположено на останце высокой поймы левого берега, исследовано на площади 1400 кв.м. практически целиком. Выявлены культурно-хронологические горизонты позднего неолита, бронзового века и раннего железного века (рубеж н.э.). Основная часть материала и объектов относится именно к последнему этапу. На площадке, вытянутой с севера на юг, исследовано 76 объектов: жилые и хозяйственные постройки, зерновые, хозяйственные, и столбовые ямы, очаги. Постройка 5 носила хозяйственный характер (овин), остальные пять были жилыми полуземлянками. Они стоят в ряд вдоль реки. Но если постройки 1, 2 и 6 прямоугольные с центральным столбом (типично позднезарубинецкие), то постройки 3 и 4 имели подокруглые (многоугольные) очертания (Рис.1). О них и пойдет речь.

Постройка 3 располагалась в центральной части поселения. Котлован углублен в материк на 0,3-0,4 м. Поперечник по внешнему краю составлял 2,7-2,8 м, по дну – 2,65 х 2,4 м. Юго-западный и юго-восточный края котлована имели вертикальные, местами спрямленные стенки, остальные – наклонные. Дно горизонтальное, в центре – две столбовых ямы для центральной опоры диаметром 0,18 и 0,23 м, глубиной от пола 0,2 м. С северо-запада к котловану прилегало едва заметное понижение, вероятно фиксирующее вход. Заполнение котлована – темно-серая гумусированная супесь. В более темной юго-западной части концентрировались угольки и кусочки печины, а также основная часть находок. Три юхновских овальных глиняных блока и много их мелких осколков позволяют предполагать их использование в качестве кирпичей-вальков, имитировавших камни в несохранившемся очаге. В придонном заполнении встречены 2 биконических ткацких грузика, фрагменты черешкового ножа с горбатой спинкой, железного шила и керамических тигля, грузила и осколка «рогатого кирпича». Керамика из постройки хорошо обожженная тонкостенная слабо профилированная с мелкой дресвой и крупнозернистым песком в тесте. Судя по венчикам, это фрагменты 4 банковидных горшков с отогнутыми венчиками с насечками по краю. Один украшен не только насечками по венчику, но и прочерченным зигзагом по плечикам. Посуда находит аналогии на поселениях типа Почеп. Постройка 3, вероятно, была жилой, хотя ряд производственных операций мог в ней осуществляться.

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 14-11-32001а(р)

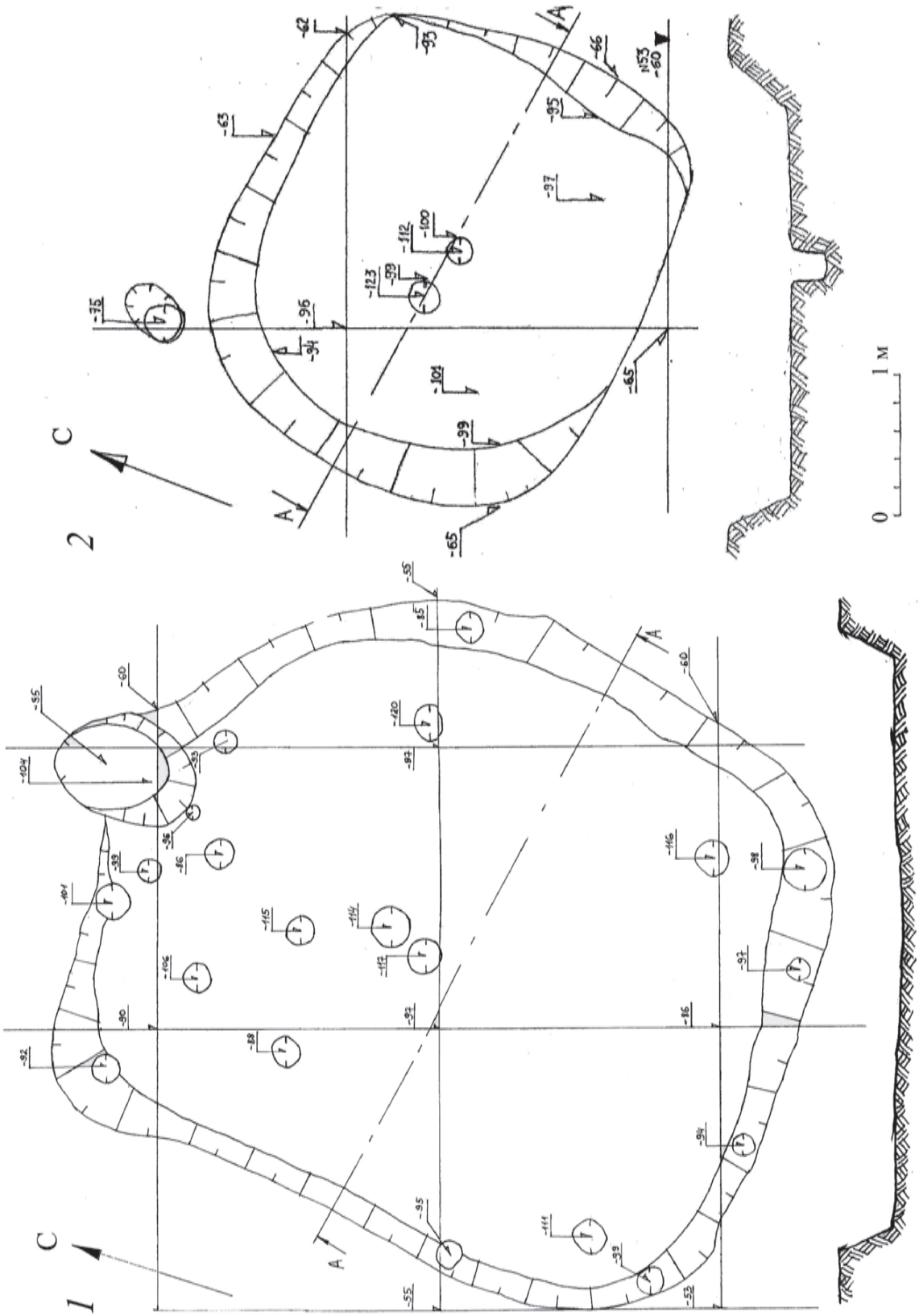

Рис.1. Поселение Курово-7, округлые полуземлянки. *1* - постройка 4 (план, профиль), 2 – постройка 3 (план, профиль).

Остатки постройки 4 представляют собой углублённую в материк на 0,5 м полуземлянку с центральным столбом и стенами каркасно-столбовой конструкции. Заполнение – однородная гумусированная черная супесь. Котлован овальный 5 х 4,4 м с длинной осью с севера на юг, западная стенка спрямлена. Стенки наклонные, дно относительно горизонтальное. С севера котлован соединялся с входящей в конструкцию постройки округлой чашеобразной ямой 1,0 х 0,75 м с наклонными стенками и золистым заполнением – остатками отопительного сооружения. В полу и стенах котлована читается 20 столбовых ям диаметром 0,12-0,25 м и глубиной до 0,2 м. Восемь располагаются по периметру постройки, будучи впущены прямо в наклонные стенки котлована – они связаны с конструкцией стен и входа, располагавшегося, видимо, с южной стороны, противолежащей очагу. Три ямки группируются в линию по южному краю выносного очага: вероятно в них стояли столбы, удерживавшие приочажную конструкцию. О ее наличии свидетельствует и насыщенность печиной этой части заполнении. Шесть ям размещены на дне котлована по периметру постройки в 0,35-0,75 м от нижнего края стенки, еще 3 занимают центральное положение. Интересно скопление 186 фрагментов и 8 целых керамических грузил, которые «подвешены» в заполнении (10-15 см над полом). Оно могло образоваться на месте ткацкого станка. Среди находок обломок костяной иглы, железный пробойник и фрагмент биконического ткацкого грузика.

Керамика в заполнении тонкостенная, с песком и дресвой в тесте. Венчики, как правило, отогнуты, но встречаются и почти вертикальные. Большинство украшено ногтевыми и пальцевыми защипами и насечками, реже – вертикально нанесенными наколами. На плечиках и стенках сосудов нередок тычковый орнамент, нанесенный по-юхновски – косо поставленной палочкой, либо помилоградски – круглой палочкой, перпендикулярно поверхности. Он группируется в опоясывающие горизонтальные ряды и треугольные фестоны. При преобладании типичных профилированных позднезарубинецкиъ форм с S-образным венчиком и яйцевидным туловом, имеются фрагменты слабопрофилированных горшков, характерных для юхновской культуры. Наконец, имеются фрагменты и реконструированная полная форма (класс II по С.Е. Рассадину (2005)) типичных милоградских горшков. Отличие – в орнаментации по венчику, не характерной для милоградцев и редкой у юхновцев, что свидетельствует не о смешанности, а о синкретизме керамического комплекса. Имеется фрагмент миниатюрного горшочка.

Вернемся к месту округлых построек в этнической мозаике. Появление округлых юрторбразных жилищ у киевской культуры, родственной позднезарубинецкой, Г.Л Земцов связывает с культурным заимствованием у древних тюрков – гуннов, одновременно указывая ошибочно, что в средней полосе европейской России до V в.н.э. округлые постройки якобы отсутствуют (Земцов, 2012. С. 96–97). Однако в случае с Курово мы имеем дело с юртообразными жилищами, возникшими до возникновения каких-либо контактов с тюрками – речь идет о рубеже и первых веках нашей эры.

Аналогию постройкам 3 и 4 можно увидеть в круглой полуземлянке 2 из раскопа II Почепского селища, исследованного Ф.М. Заверняевым. Она имела диаметр около 5 м и центральный столб, а также ступенеподобный выступ с западной стороны, принятый исследователем за вход (Заверняев, 1969. Рис.8. С. 104). Еще одна аналогия – круглое жилище 2 из раскопа II на поселении Борки 3 примерно в трех километрах к северу от Курово-7, исследованное Е.А. Шинаковым. Диаметр полуземлянки 5,5 м, глубина по центру 0,8 м, стенки котлована, как и в нашем случае, покаты (на двух участках спрямлены), в заполнении преобладает почепский и юхновский материал (Шинаков, 2006. С. 59–61). Третья аналогия раскопана Р.А. Нигматуллиным и Г.А. Массалитиной на поселении Святое-4 на р.Навля (Массалитина, 1995. С. 59). Выступов четыре (крестообразно), диаметр 4,2 м. Наконец, есть две похожие сходно датируемые округлые полуземлянки на селище Мощина на верхней Оке (Массалитина, 1995). Интерпретация этих сооружений дискуссионная: святилища, хозяйственные постройки, дома. В случае с Курово-7 жилое назначение неоспоримо.

Есть, однако, еще целая серия сходных полуземлянок, почему-то до сих пор не привлеченная исследователями в качестве сравнительного материала. Речь об одном из распространенных типов жилищ милоградской культуры – округлых полуземлянках. Их форма и размер близки к куровским, имелся центральный столб и столбовые ямы по периметру. Но самое интересное, что для них крайне характерно наличие углубленного выступа у одной из стен (Мельниковская, 1967. С. 37). Эта деталь четко фиксируется в постройке 4 поселения Курово-7, а также в Почепе и в Святом 4. Не случайно в этом свете и присутствие в постройке 4 Курово-7 милоградской керамики. Таким образом, мы получаем основание предполагать, что округлые и полигональные жилые сооружения на позднезарубинецких поселениях типа Почеп скорее всего результат культурного влияния милоградского населения в этногенетической миксации на юге лесной зоны в начале нашей эры.

От округлых жилищ почепской культуры, в результате повторных контактов с ее носителями других групп позднезарубинецкого населения, а не от гуннов, может тянуться линия генетической преемственности и к редким, но не менее выразительным округлым домам киевской культуры. На киевских поселениях только на Днепровском Левобережье зафиксировано 5 заглубленных в землю круглых сооружений, в т.ч. с очагами (Букреевка-2, постройки 1 и 7, Тазово, постройка 1, Каменево-2, постройки 3 и 4). Возможно, что не все они справедливо причислены к хозяйственным (Обломский, Терпиловский, 1991. С.100–104. Рис. 30), особенно учитывая открытие на Верхнем Дону еще двух округлых жилых полуземлянок (постройки 4 в Ксизово-19 и 7 в Мухино-2) (Земцов, 2012. С. 90–97).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заверняев Ф.М. Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. МИА. № 160. М.: Наука, 1969. С. 88–118.

Земцов Г.Л. Липецкий край в III–V веках. Тула: Гриф и К, 2012. 206 с.

Массалитина Г.А. Об одном типе построек в верхнем Подесенье и Поочье // Деснинские древности. Вып.1. Брянск: БГОКМ, 1995. С. 58–60.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967. 196 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1991. 176 с.

Рассадин С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2005. 106 с.

Шинаков Е.А. Многослойное поселение Борки III под Погаром // Русский сборник. Вып.2– 3. Брянск: РИО БГУ, 2006, С. 55–68.

РИТУАЛЬНЫЕ РАЗРУШЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ДАГОМСКОГО И АРХОНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

© 2014 г. Э.Ю. Шестопалова

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия–Алания, Владикавказ (albegova_zarina@rambler.ru)

***Ключевые слова**:* изъятие и ритуальное перемещение костей, средневековые аланские могильники Дагом, Архон.

Резюме. Существование ритуала, связанного с посмертными манипуляциями с телом умершего, в настоящее время уже не подвергается сомнению. Истоки этого обычая уходят в глубокую древность и археологически зафиксированы у самых разных народов. Существует довольно много разносторонних исследований на эту тему, однако общего мнения по всем вопросам нет. В статье представлены материалы двух катакомбных могильников, оставленных аланским населением в VI–IX вв. Оба памятника находятся в Алагирском районе РСО-Алания, в соседних Урсдонском и Архонском ущельях, на высоте 1200-1300 м над уровнем моря.

Остеологический материал лучше сохранился в Дагоме и детали ритуала прослежены более точно. Исследовано 14 катакомб, в восьми (кат. 2, 4–6, 9, 10, 12, 16) были отмечены конкретные следы ритуальных разрушений. Умышленному разрушению или перемещению подвергались практически все части скелета (или тела) мужчин, женщин и детей независимо от возраста и социальной принадлежности: череп, позвоночник, тазовый пояс, ноги (чаще колени и стопы). В некоторых случаях это касалось всех погребенных в камере (кат.16), иногда следы этого ритуала выявлены только у одного из погребенных (кат.4). Нет полной уверенности, что ритуалу подвергались не все, возможно, просто не сохранилось его видимых следов.

У мужчин изымалась коленная чашечка правой или левой ноги и помещалась сбоку на некотором удалении от места своего анатомического расположения. Отчетливо прослеживается и неестественно сильное разъединение челюстей у мужчин (кат. 2, 4, 16) независимо от положения головы. С женскими погребениями такие детали не выявлены.

В нескольких случаях ритуальному разрушению подверглись черепа. Самое заметное и хорошо зафиксированное перемещение черепа отмечено в кат. 4, где голова мужчины была умышленно свернута набок влево с отделением от позвоночного столба с неестественно сильным разъединением челюстей. Особо следует отметить, что один из шейных позвонков (верхний) был удален с места своего анатомического расположения на 35-40 см и помещен справа от плеча правой руки погребенного воина. Такая же деталь отмечена в кат. 16, где у женского погр. 1 два шейных позвонка были отделены от позвоночного столба и положены позади черепа у стены, на неестественном удалении находился и один из позвонков поясничного отдела. Совершенно очевидно, что они оказались там не случайно.

В кат. 9 и кат. 16 отчетливо прослеживается разрушение костей тазового пояса у женщин: кости были смещены со своих мест и развернуты почти в противоположную от естественного положения сторону. Разрушений тазового пояса у мужчин не зафиксировано.

Хорошо сохранившихся детских погребений недостаточно для аргументированных выводов, но, по всей видимости, разрушению подвергались, прежде всего, черепа детей. В кат. 2 и кат. 10 от них не сохранилось ни костей, ни четких следов тлена, но в кат. 10, позади женского погр. 2, у стены зафиксировано локальное пятно, состоящее из крошева и мелких фрагментов черепа. Можно предпо-

ложить, что это и был череп (или голова) ребенка, перемещенный туда умышленно.

Помимо четко выраженных и видимых деталей ритуальных разрушений, почти в каждой катакомбе можно обнаружить еще и косвенные указания на этот же обряд. Например, катакомбы, в которых погребения разрушены полностью, ни одна кость не находилась на месте своего анатомического расположения и даже приблизительное положение погребенных не определяется. В кат. 11 с парным захоронением все кости были беспорядочно разбросаны так, как будто стремились не оставить на месте ни одной из них, а один череп не просто был отброшен в сторону, но и перевернут. Вероятно, помимо грабительских разрушений, здесь имели место и ритуальные. То же можно предположить и о разрушенных катакомбах 7, 8, 18, где все кости были сильно перемешаны без признаков ограбления.

Плохая сохранность остеологического материала не позволила выявить устойчивые факты умышленного разлома костей или полного отсутствия каких-то костей погребенных. Но в кат. 3 у мужского погр. 4 полностью отсутствовала голень и стопа правой ноги, как будто этой части тела не было вовсе, а бедро левой ноги сломано и смещено в двух местах, возможно, это прижизненные травмы или результат каких-то изощренных ритуальных действий.

В Архоне обнаружено только одно погребение в кат. 1, где кости сохранились хорошо и находились в анатомическом порядке, соответствующем позе погребенного мужчины, однако видимых следов обряда не прослежено. В остальных катакомбах кости не сохранились или сохранились фрагментарно, что не позволяет достоверно представить все детали погребения.

Из 25 катакомб в Архоне, только в десяти можно уверенно отметить очевидные детали этой обрядности, имеющей свои отличительные, возможно, локальные черты. Ниже рассмотрены некоторые из них.

В кат. 11 у мужского погребения 1 было отмечено неестественное положение черепа, который лежал лицевой частью вниз на левом плече погребенного, вероятно, на какой-то стадии разложения, в ритуальных целях череп был отделен от позвоночного столба и положен таким образом. У этого же погребения отмечено неестественное положение бедренных костей, они пересекались под прямым углом в верхней трети своей длины, такое положение им могли придать только в случае разложения связок бедренных суставов, а это происходит через некоторое время после смерти. Голени тоже имели неестественное положение, они были отделены от бедренных костей и смещены. На удалении 20 см от голеней, у стены зафиксировано локальное пятно тлена, предположительно, оставшееся от стоп. Погребение этого мужчины подверглось значительному разрушению (череп, позвоночный столб, ноги), несомненно, произведенному умышленно через какое-то время после захоронения, возможно, не один раз.

В кат. 22 кости двух погребенных истлели полностью, но пятна тлена дают представление об их положении. Обращают на себя внимание три локальных пятна тлена, которые занимали как бы независимое положение от погребений и совершенно очевидно, что не были случайными. В пятне тлена у СЗ стены обнаружены отдельные зубы и мелкие фрагменты костей взрослого и ребенка, а также фрагменты ткани и фрагмент железного браслета. Остальная часть этого браслета была найдена в другом пятне тлена у СВ стены, вместе с бусами, пряжкой и отдельными зубами взрослого человека. В пятне тлена у С стены обнаружено несколько бусин, вероятно, это пятно от смещенных со своего места стоп погр. 2. Обычай помещать бусы у стоп или голеней мужского погребения зафиксирован также и в Дагоме.

В частично разрушенной кат. 28, на полу камеры у Ю и ЮВ стен были расчищены две компактные группы отдельных костей: фрагменты черепа, ребер, голеней, берцовых, предплечий, челюсти с тремя зубами, крестца, пяточные кости, позвонки, зуб ребенка. С ними было найдено несколько типичных для этого времени бус из стекла, никаких следов тлена от погребений или вещей на полу камеры не обнаружено. Неясно, чьи это кости, откуда они изъяты и с какой целью помещены в эту камеру.

В кат. 30 было два погребения, не пересекающихся друг с другом. Одно из них (погр. 1), у противоположной от лаза стены было,

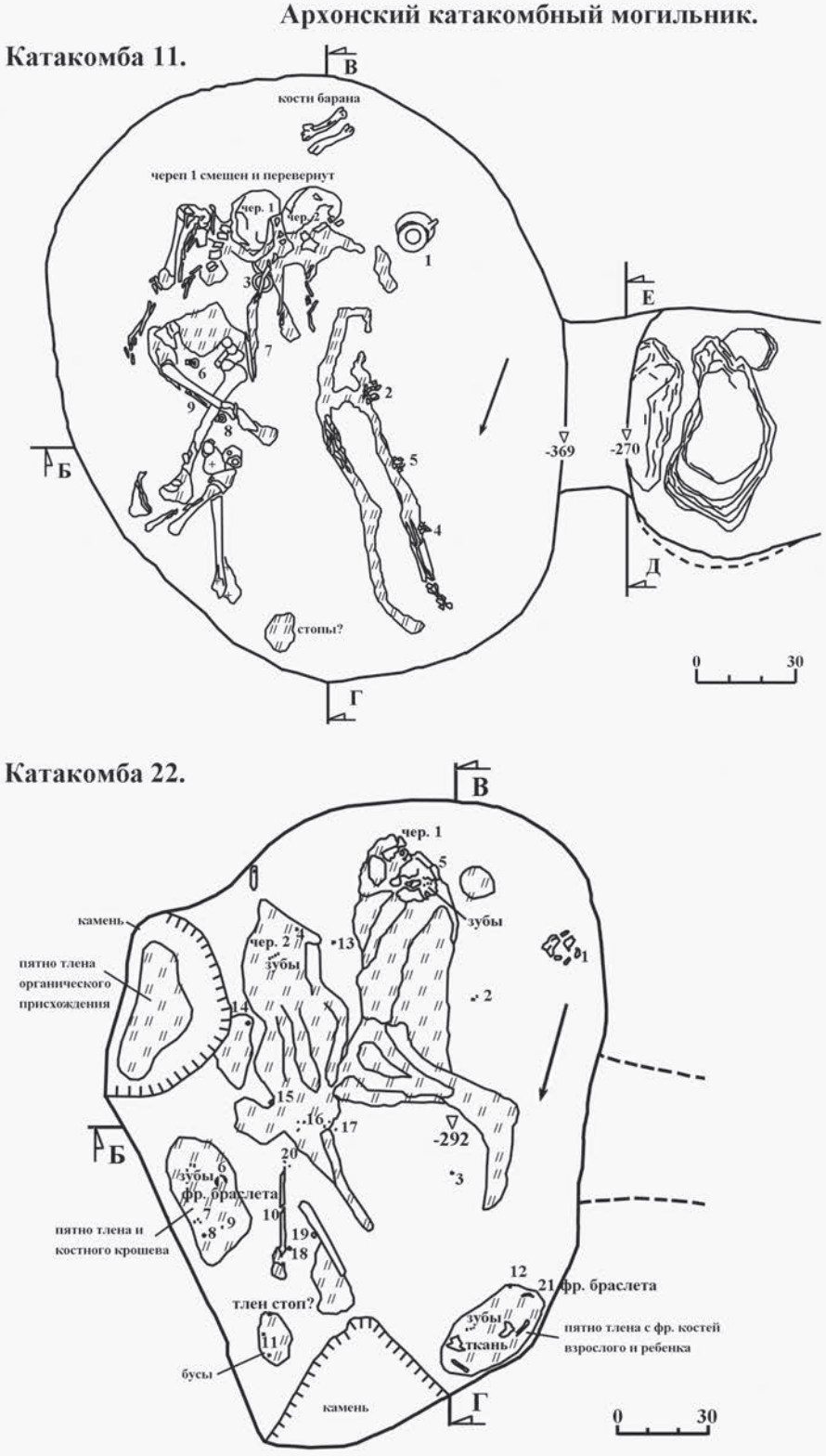

Рис. 1. Архон, катакомбы 11 и 22.

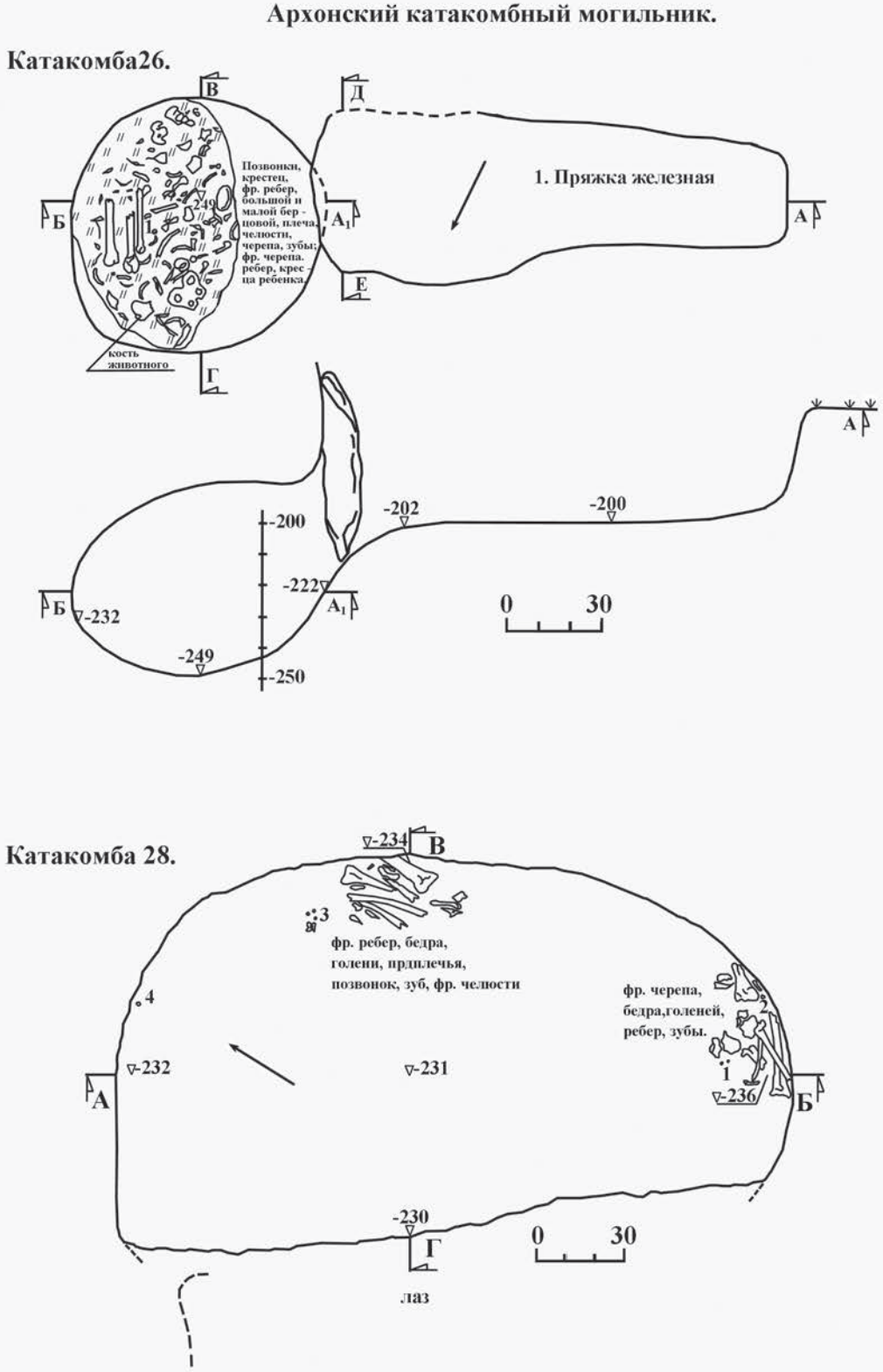

Рис. 2. Архон, катакомбы 26 и 28.

сильно разрушено, все кости смещены со своих мест и перемешаны так, что фрагмент черепной коробки оказался в середине, приблизительно, на уровне таза, при этом все кости остались в пределах того места, которое погребенный занимал изначально. Здесь, по всей видимости, наблюдается проявление ритуала, связанного именно с полным разрушением погребения.

Особо следует отметить кат. 26. Она сооружена по общепринятым канонам–входная яма, лаз, камера, но ее параметры и конструктивные особенности не позволяют отнести ее к обычным погребальным сооружениям этого типа, несомненно, она сооружалась для других целей. Маленькая камера в разрезе имела яйцевидную форму с сильно вогнутым полом, высота не более 50 см, длина и ширина камеры не превышали 80 см. Размеры камеры не предполагали погребение в ней взрослого человека, тем более нескольких, однако на полу камеры было найдено множество разрозненных костей как минимум 3-4 человек: крестцы взрослого и ребенка, позвонки, отдельные зубы, фрагменты челюсти, ребер, малой и большой берцовых, предплечий, черепа взрослого и ребенка. Все эти кости находились в полном беспорядке, как будто было просто заброшены в камеру в измельченном виде. В этом случае можно представить два объяснения: кат. 26 была сооружена специально для выполнения какого-то ритуала, связанного с изъятием костей у погребенных и перемещением их в специальную катакомбу; либо в эту ритуальную катакомбу собирались кости от более ранних захоронений, которые встречались при сооружении аланских катакомб. Вероятно, компактное расположение отдельных костей в кат. 23 и кат. 28 имеет с кат. 26 что-то общее и является своеобразным проявлением погребального обряда у населения, оставившего Архонский могильник. Аналогичных деталей не было обнаружено пока в Дагоме.

Материалы Архонского и Дагомского могильников дают бесспорные факты существования в погребальной обрядности алан ритуала полного или частичного разрушения и (или) перемещения погребений на нескольких этапах разложения. Выделяются детали (перемещение коленной чашечки, позвонков, разрушение или перемещение черепа, таза, стоп, полное разрушение и смешение всех костей, захоронение отдельных костей), которые встречены не только в Архоне и Дагоме, но и на других аланских (и не только) могильниках. В основе этого обряда лежат сложные, малопонятные для нас представления древних людей о жизни и смерти, смысл которых на данном этапе наших знаний пока не поддается полной расшифровке.

О КОМПОНЕНТАХ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НА РАННЕМ ЭТАПЕ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2014 г. Ю.В. Ширин

Музей-заповедник «Кузнецкая крепость», Новокузнецк
(shirin_a@mail.ru)

Ключевые слова: верхнеобская культура, раннее средневековье, культурогенез.

Резюме. В предлагаемых современных гипотезах формирования раннесредневековой верхнеобской культуры (общности) не достаточно внимания уделяется обоснованию роли компонентов не автохтонного происхождения. В то же время, многие особенности предметных комплексов и смена погребального обряда на раннем этапе существования культуры еще М.П. Грязнову позволили говорить о её пришлом характере. Вместе с тем, мы не можем безоговорочно принять гипотезы и о возможном участии в культурогенезе на одинцовском этапе булан-кобинского и кенкольского компонентов. Предлагается обратить внимание на традиционные культурные взаимосвязи Верхнего Приобья и более западных лесостепных районов юга Западной Сибири.

Представления о раннесредневековой верхнеобской культуре, с момента ее выделения в 1950-х гг. М.П. Грязновым (Грязнов, 1956. С. 99–144), существенно изменились. Накопленные материалы позволили уточнить периодизацию, а также выделить несколько вариантов, локализованных в Барнаульско-Бийском, Новосибирском и Томском Приобье, а также в Кузнецкой котловине (Беликова, Плетнева, 1984; Казаков, 1996а; 1996б; Троицкая, Новиков, 1997). Но нерешенных проблем все еще много. Среди них можно назвать недостаточную проработку хронологии раннесредневековых комплексов Верхнего Приобья. Особенно это касается начального периода существования верхнеобской культуры (или общности) (вт. пол. IV – перв. пол. VI вв.). Также нами уже обозначался и ряд спорных моментов по высказанным для данной эпохи гипотезам культурогенеза (Ширин, 2012. С. 242–244). Среди них – преувеличенный автохтонизм (Троицкая, Новиков, 1997. С. 79), а также тот факт, подмеченный А.С. Васютинным, что «…идея М.П. Грязнова о пришлом характере «одинцовского населения» в историографическом аспекте не разрабатывалась и, по существу, игнорировалась» (Васютин, 1997. С. 11). В лучшем случае рассматривалась гипотеза о влиянии со стороны булан-кобинской и кенкольской культур (Могильников, 1996. С. 9; Казаков, 1996а. С. 14–15; Тишкин, Горбунов, 2005. С. 161), да и то не на весь ареал верхнеобской культуры.

В таком дозированном внимании можно видеть проявление скрытого отношения к югу Западной Сибири как к периферийной территории по отношению к тем, которые, по мнению большинства исследователей, отражают содержание основных исторических процессов в регионе. Для Саяно-Алтайской историко-культурной области такими ключевыми территориями традиционно считаются Горный Алтай, Тыва и Минусинская котловина. Не оспаривая в основном эту оценку, заметим, что периферийные по отношению к условным центрам территории обладают рядом полезных свойств (Ширин, 2006. С. 201–202). Так, с точки зрения археологии, следует обратить особое внимание на аккумулирование в погребальных и культовых комплексах тех или иных престижных предметов, дающих многочисленные примеры сосуществования смежных по времени, но типологически разнородных комплексов. Судя по всему, последнее связано с заметной степенью запаздывания их смены, обычной для маргинальных территорий. Наличие таких сочетаний в периферийных социально-территориальных

группах не обязательно свидетельствует о компонентном участии того или иного донора в формировании этих групп, но, не исключая этого, вполне определенно обозначает основные векторы влияния.

По мнению барнаульских коллег, со второй половины V в. в Горном Алтае наблюдается приход нового населения, тюрков (Тишкин, Серегин, 2011. С. 28). Среди прочих культурных компонентов заметно меняется предметный комплекс. Завершается существование инвентарных комплексов, характерных для позднего этапа булан-кобинской культуры — цепных подвесов, колчанных крюков с поперечной планкой, ярусных наконечников стрел, коленчатых ножей и прочих, восходящих к хунно-сянбийской традиции. Начиная с позднего VI в. они больше не встречаются. В таком случае, если мы будем рассматривать Горный Алтай, как возможный источник инноваций для памятников одинцовского этапа, не находит объяснение тот факт, что все перечисленные типы инвентаря получают наибольшее распространение в ареале верхнеобской общности не на её раннем этапе (от будто бы вытесняемого с территории Горного Алтая булан-кобинского населения), а в VI–VII вв., при том, что единичные изделия встречались и ранее – с III в.

Эти наблюдения позволяют высказать гипотезу, что не Алтай являлся источником основного влияния на первом этапе существования верхнеобской общности (в позднем IV – раннем VI в.), а сохранился тот источник инноваций, который воздействовал на юг Западной Сибири и ранее и был сформирован под влиянием центральноазиатских племенных группировок (Могильников, 1996), ориентация на которые утратила к V в. актуальность для Горного Алтая.

При прояснении источников культурного влияния на раннем этапе верхнеобской общности требуют внимательного анализа комплексные западные (вплоть до восточно-европейских) аналогии инвентарю, как в верхнеобских, таки и в алтайских, и даже в тувинских памятниках перв. пол. I тыс. Есть основания полагать, что «западный» вектор культурного влияния для юга Западной Сибири сохранялся и в середине I тыс. Это согласуется не только с тем фактом, что на территории Горного Алтая встречаются культурно самобытные впускные погребения с инвентарными наборами верхнеобского типа (Гаврилова, 1965. С. 52–53), но и с рядом особенностей распространения на юге Западной Сибири комплексов с поясными деталями, в том числе и геральдического типа (Могильников, Коников, 1983; Генинг, Зданович, 1987; Васютин, 1997).

Весьма сходный по своему составу со среднеиртышскими кремационный комплекс, сочетающий поясные детали в зверином стиле с геральдическими накладками (Могильников, Коников, 1983; Генинг, Зданович, 1986), был исследован на юге Кузнецкой котловины — Черемза-1 (Рис. 1). Предварительно он датирован перв. пол. VII в. Возможно, что силу «западного» культурного импульса демонстрируют не только подобные памятники, но и то, что предметы верхнеобских типов, не только железные, но и специфические бронзовые (не редко имитирующие приуральские образцы), известны и на Среднем Енисее, включая его правобережье (Канскую лесостепь). К сожалению, они пока представлены только случайными находками.

В этой связи и так называемый след «среднеазиатских хунну» (кенкольцев) в культурогенезе одинцовского этапа также не стоит преувеличивать (Казаков, 1996б. С. 174–177). Не менее вероятно, что «кенкольские» признаки в этих материалах, связаны не с прямой миграцией из Средней Азии, а с активностью близкого среднеазиатским кочевникам среднеиртышского лесостепного населения. По крайней мере, именно там мы находим сходные культурные сочетания в предшествующее и синхронное одинцовскому время. Не исключено, что трансляция этих культурных традиций на восток и наложила тот отпечаток культурного единства на Притобольские, Среднеобские и Верхнеобские раннесредневековые материалы, который чаще всего пока объясняется общим позднекулайским субстратом. Роль последнего, как мы уже отмечали ранее, в культурогенезе территорий, периферийных по отношению к Среднему и Томскому Приобью, чаще всего преувеличивается.

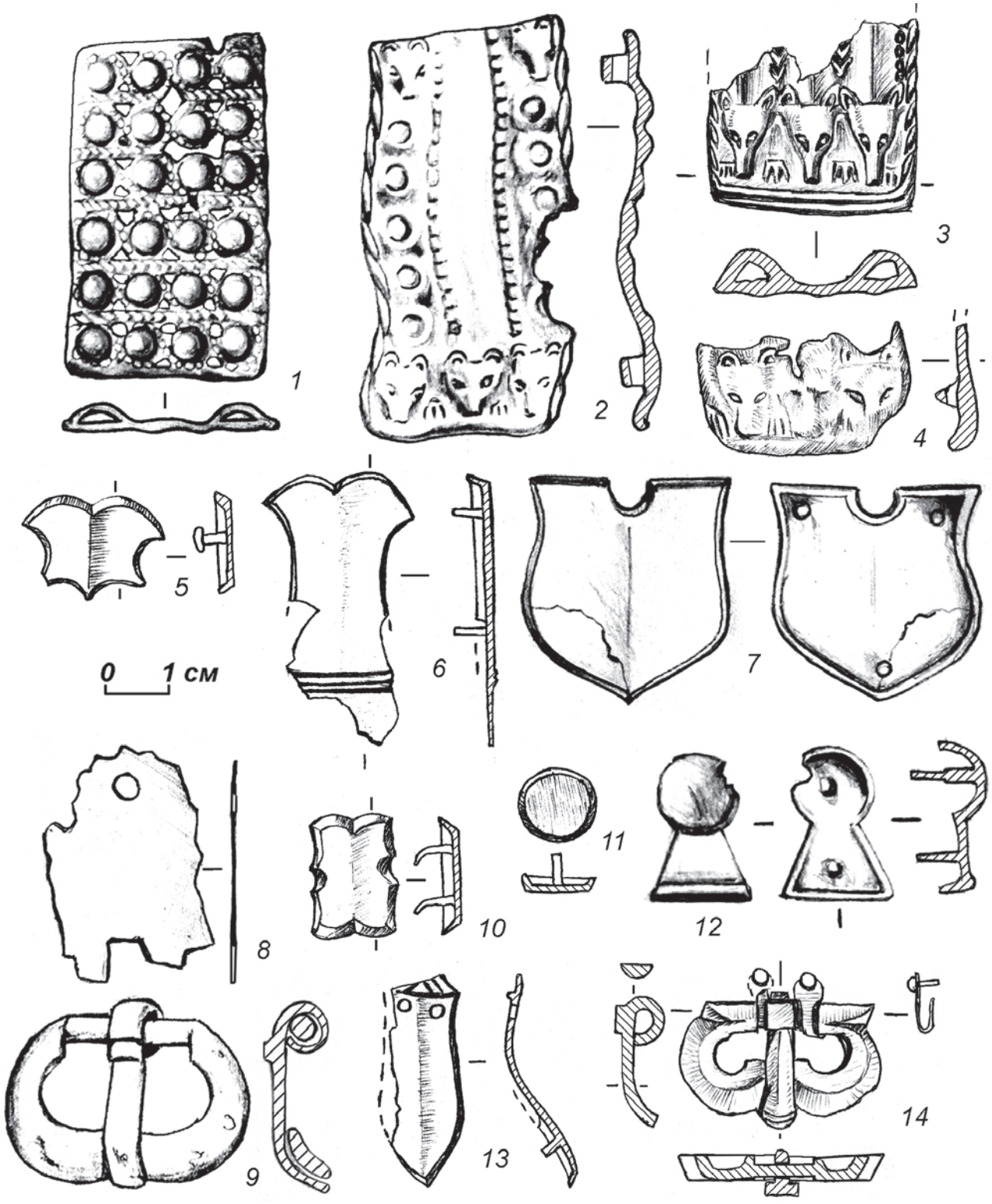

Рис. 1. Детали поясных наборов из кремационного комплекса памятника Черемза-1. Все бронза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.

Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V-IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 5–35.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Генинг В.Ф., Зданович С.Я. Лихачевский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С. 119–133.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996а. 19 с.

Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры (по материалам погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996б. С. 166–177.

Могильников В.А. Миграции кочевников Центральной Азии и формирование этнического состава населения лесостепи Западной Сибири // XIII Уральское археологическое совещание (23-25 апреля 1996 г.): Тез. докл. Уфа: Восточный университет, 1996. Ч. II. С. 8–9.

Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. №2. С. 162–182.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Ширин Ю.В. Археологические комплексы маргинальных районов как индикатор исторических процессов в эпоху железа на юге Сибири // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 200–202.

Ширин Ю.В. Проблема выделения древностей середины I тыс. н.э. в Кузнецкой котловине и Горной Шории // Восьмые исторические чтения памяти М.П. Грязнова (к 110-летию со дня рождения). Омск: «Амфора», 2012. С. 242–248.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ I ТЫС. Н.Э. НА РЕКАХ ПРИПЯТЬ (БЕЛАРУСЬ) И СУДЖА (РОССИЯ)

© 2014 г. Й. Шнеевайсс

Университет им. Георга Августа, Гёттинген
(jschnee@gwdg.de)

Ключевые слова: Великое переселение народов, ранее средневековье, лесная зона, лесостепь, геофизическая разведка, методология, поселенческая археология, развитие ландшафта.

Резюме. В рамках международного мультидисциплинарного научно-исследовательского проекта, который посвящается развитиям древних обществ и ланфшафта и их взаимосвязи во второй-третьей четвертей I тыс. н.э. в лесной зоне и в лесостепи восточной Европы, производились первые полевые работы в разных «реперных» районах. Представлены общий методический способ изучения также как и первые результаты работ в двух ключевых регионах, сфокусировавшись на геофизических разведках.

Несмотря на то, что культурные изменения второй-третьей четвертей I тыс. н.э. имели большое значение для всей Европы, многие вопросы, касающиеся этих изменений, до сих пор остаются открытыми. Слияние разных культур в итоге миграций племен, известных как Великое переселение народов, заложило основы средневековой и современной европейской цивилизации. Широкое «варварское» пространство долгое время не привлекало внимания авторов, по преимуществу христианских, чьи труды составляют доступный нам сегодня корпус письменных источников. Лесная зона Восточной Европы, с которой связаны прародина и основной ареал германских племен и, позже, славянское расселение на половину территории Европы, уже давно привлекает внимание ученых, но выполненных на современном уровне обобщающих исследований до сих пор не хватает (Шнеевайс, 2011). Вопросы, касающиеся характера, масштабов, начала и возможных причин миграций, остаются пока без окончательных ответов. В этой ситуации особенно актуальны комплексные исследования, направленные на изучение общих проблем указанного периода, которые проводятся в нескольких «реперных» регионах в рамках международного мультидисциплинарного проекта.

Главная цель проекта – изучение поселенческой истории и социально-экономических изменений во второй-третьей четвертях I тыс. н.э. в лесостепи и южной части лесной зоны Восточной Европы в связи с изменениями природной среды и динамикой климата. Для этого нужно систематично и целенаправленно улучшать состояние исследований, в частности, в двух сферах: первая – анализ развития ландшафта в зависимости от воздействия человека, вторая – расширение представлений о поселенческих системах и структурах расселения. Целенаправленные междисциплинарные исследования в Беларуси, России и на Украине позволяют получить данные, на базе которых можно проследить развитие древних обществ, не ограничиваясь рамками современного административного и государственного деления. Особую важность при этом имеет привлечение палеоботанических данных.

Доклад посвящен первым результатам работ в двух ключевых регионах: на р. Припять в Белорусском Полесье, где изучаются, в первую очередь, памятники пражской культуры, и в Центральной России, в нижнем течении р. Суджа в Курской области, где отмечена необычная концентрация кладов V–VII вв. Исследования проводятся сотрудниками Ка-

федры древней и ранней истории Гёттингенского Университета совместно с Институтом истории Национальной академии наук Беларуси на Припяти и Институтом археологии Российской академии наук на Судже. Тесно связаны с этими работами также исследования в Харьковской области Украины, но их мы рассматривать не будем, сфокусировавшись на проводимых нами геофизических изысканиях.

Наиболее крупные археологические культуры второй четверти I тыс. н.э. – черняховская и киевская, носители которых заселяли в то время обширное пространство Восточной Европы, в том числе и изучаемые нами регионы. Их сменили раннеславянские колочинская, пеньковская и пражская культуры. С распространением последней связывается формирование многочисленных славянских групп, в частности, первое появление славян в Средней Европе. Поселенческая история, принципы использования пространства, экономические стратегии, так же как и характер культурного трансфера, являются ключевыми вопросами, на решение которых направлен проект. Каждый из этих вопросов рассматривается с учетом данных о природной среде и истории ландшафта. Используется широкий методический спектр исследований, включая полевые работы (разведки, раскопки), хронологические и сравнительно-типологические изыскания, различные лабораторные анализы. Датировки, полученные при помощи естественнонаучных методов, особенно важны для интеррегионального синтеза данных. Дополнительной целью изучения истории растительности является получение стандартных колонок для голоцена в разных растительных зонах Восточной Европы и, на этой базе, обобщение информации и сравнение истории растительности и климата.

Во всех «реперных» районах в последние годы уже производились полевые работы, такие, как геофизические разведки, отбор палинологических проб, археологические исследования. Широкое распространение в археологии получает геомагнитная съемка, в ходе которой фиксируются аномалии естественного магнитного поля Земли. Интерпретация этих аномалий позволяет сделать выводы о намагниченности, форме и размерах образующих их структур. Часто геомагнитная съемка предшествует раскопкам (Neubauer, 2001; Posselt и др., 2007), поскольку позволяет изучать большие площади за сравнительно короткое время.

В Полесье, где находятся самые ранние памятники пражской культуры, были проведены геомагнитные исследования на памятниках Снядин 2 и 3 в районе Петрикова. Общая обследованная площадь составила более 8 га (Шнеевайс и др., 2014). На Снядине-2 археологическими раскопками подтверждено существование поселения пражской культуры, датируемого по керамике V в. Судя по находкам, здесь обрабатывали железо (Вяргей, 2004). Из-за высокой намагниченности печи и железные шлаки хорошо распознались на магнитограмме. В заложенных для проверки шурфах были обнаружены печь и железная руда. В настоящий момент датировка объектов затруднена, так как найденный материал не получил точной атрибуции. На Снядине-3 также проводились археологические раскопки (Вяргей, 2009; Вяргей, 2011), во время которых в том числе были частично вскрыты два жилища. Это дало возможность проверить магнитограмму без дополнительной шурфовки. На магнитограмме заметны и другие аналогичные по форме и значениям индукции поля аномалии. Речь идет о прямоугольных структурах размерами от 2х3 до 4х4 м, часто с более сильной аномалией в северном углу. Вероятно, они могут быть интерпретированы как остатки домов с печами. На изучаемом пространстве распознаются как минимум восемь жилищ (Шнеевайс и др., 2014. С. 261–262. Рис. 5).

Исследования на Судже призваны определить значение данной территории, где на небольшой площади зафиксировано скопление из четырех кладов, в середине-третьей четверти I тыс. н.э. Наряду с изучением характера самих кладов и археологической ситуации в регионе (Родинкова, 2010; Родинкова, 2012; Родинкова и др., 2012) необходим также анализ и реконструкция окружающей среды и синхронной кладам поселенческой структуры. Для этого проводятся археологические и геоархеологические исследования. Недалеко от изучаемого региона, в долине р. Сейм, проходит современная граница растительных

зон леса и лесостепи. Неизвестно, где конкретно она проходила полторы тысячи лет назад, но очевидно, что ее близость не могла не сказаться на развитии древних обществ. Многочисленные водоёмы и низменности в окрестностях памятников на Судже обладают хорошим потенциалом для палинологического и палеоландшафтного анализа, для которого образцы уже взяты. На самих памятниках проводились, как и в Беларуси, геомагнитные исследования на такой же площади 8 га. Выявленные аномалии по характеру нечеткие, их интерпретация затруднена. По результатам магнитометрии планируется проведение проверочных раскопок. Геофизические исследования в нижнем течении Суджи предполагается продолжить.

Комплексные исследования на памятниках I тыс. н.э. и в их окрестностях, на наш взгляд, весьма перспективны. Применение современных методов разных научных направлений позволяет удовлетворить потребности археологического изучения материала. Например, естественнонаучное датирование необходимо для сопоставления хронологических последовательностей развития культур и растительности или изучения систем питания на базе археозоологических и археоботанических данных. Магнитометрические изыскания позволяют получить более полную характеристику изучаемых памятников до начала раскопок, в ходе которых могут быть получены образцы для дальнейших анализов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вяргей В.С. Металургічны комплекс нараннеславянскім паселішчы Снядзін-2 // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Матер. междунар. науч. конф. / Ред. А.О. Макушников. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. С. 34–39.

Вяргей В.С. Жытло і культа¬вы аб'ект гарызонту пражскай культуры на паселішчы Снядзін-3 на р. Прыпяць у петрыкаўскім раёне // Древняя история Восточной Европы: сборник научных статей, посвященных 80-летию Э.М. Загорульского / Ред. А.А. Егорейченко. Минск: Белорусский государственный университет, 2009. С. 21–32.

Вяргей В.С. Гарызонт эпохі жалеза на паселішчы Снядзін 3 на рацэ Прыпяць //Acta Archaeologica Albaruthenica, vol. VII, Мінск: I.II Логвінаў, 2011. С 34–50.

Родинкова В.Е. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. 2010. № 4. М.: «Наука». С. 78–87.

Родинкова В.Е. Клады «древностей антов» и археологическая ситуация между Сеймом и Пслом в конце эпохи Великого переселения народов // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Матер. междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. И.И. Ляпушкина (1902-1968). СПб.: СОЛО, 2012. С. 193–197.

Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А. Раннесредневековые клады Поднепровья: традиционный взгляд и новые данные // Проблемы истории и археологии Украины. Матер. VIII Междунар. науч. конф. Харьков: ООО «НТМТ», 2012. С. 72.

Шнеевайс Й. Культурное и ландшафтное развитие в I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы между Волгой и Эльбой: постановка проблемы и проект мультидисциплинарных исследований // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда, Великий Новгород – Старая Русса 2011 г. Т. I. СПб., М., Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 405–406.

Шнеевайсс Й., Касюк Е., Бартроу А.М., Шумиловских Л. Применение магниторазведки при изучении раннесредневековых памятников Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі, вып. 25, Мінск: Беларуская навука, 2014, С. 259–265.

Neubauer W. Magnetische Prospektion in der Archäologie. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission, том 44, Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. 272 c.

Posselt M., Zickgraf B. / Отв. Ред. Dobiat C. Geophysik und Ausgrabung. Einsatz und Auswertung zerstörungsfreier Prospektion in der Archäologie. Internationale Archäologie – Naturwissenschaft und Technologie, том 6, Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2007. 278 c.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СЕКЦИЯ 5

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМИР – Государственный музей истории религий
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
СА – Советская археология. М.
СЭ – Советская этнография. М.
CVA – Corpus vasorum antiquorum

СЕКЦИЯ 6

АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВУАК – Всеукраїнська археологічна комісія
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЗРАО – Записки Российского археологического общества. М.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛИ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МАЭ – Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ОАК – Отчет императорской Археологической комиссии. СПб.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission
MAAE – Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne
PAS – Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Rahden/Westf
UPA – Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы IV (XX) Всероссийского археологического съезда ... 3
Оргкомитет IV (XX) Всероссийского археологического съезда ... 3

Секционные доклады ... 5

Секция 5 Археология античного мира ... 5

Батасова А.В. Иерархия античных поселений Таманского полуострова в VI – начале V в. до н.э. ... 5
Бондаренко Д.В, Смирнов А.И. Новый ритуально-погребальный комплекс архаического времени в Нижнем Побужье ... 8
Бутягин А.М. Центральный квартал городища Мирмекий в позднеархаическое – классическое время ... 12
Вахтина М.Ю., Столяренко П.Г. Новые данные о Порфмийском некрополе (по материалам раскопок 2004–2012 годов) ... 15
Вдовченков Е.В., Ильяшенко С.М. К вопросу о хронологии ограблений некрополя Танаиса ... 20
Власова Е.В. Куль-Оба ... 23
Ворошилова О.М. Преднамеренно поврежденные зеркала из некрополя Фанагории ... 26
Добровольская Е.В. Роль диких и домашних животных в жизни античного населения Северного Причерноморья ... 29
Егорова Т.В., Попова Е.А. Основные итоги исследования городища «Чайка» и некрополя у пос.Заозерное в Северо-Западном Крыму в 2008-2013 гг. ... 33
Завойкина Н.В. Граффити из раскопок «Верхнего города» Фанагории (общая характеристика) ... 37
Завойкин А.А., Гарбузов Г.П. Сельская территория таманского полуострова в III–II вв. до н.э. ... 40
Кашаев С.В. О разрушении памятников археологии Краснодарского края на примере поселения и некрополя Артющенко-2 ... 44
Колосов В.П. Этапы формирования зольника II античного Мирмекия ... 48
Кузьмина Ю.Н. Комплекс находок из монументального здания позднеархаического-раннеклассического времени в центральной части Фанагории ... 53
Омельченко А.В. Новые исследования Пайкенда – древнего города на юге Бухарского оазиса ... 56

Секция 6. Культурные общности скифской и сарматской эпох в степях Евразии и на сопредельных территориях ... 59

Алтынбеков К. Реконструкция погребения жрицы из курганного комплекса Таксай 1 ... 59
Аникеева О.В., Крупская В.В. Алабастры из «царских» курганов могильника Филлиповка ... 64
Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Вторичные погребения и кенотафы скифского времени горной долины нижней Катуни ... 69
Бруяко И.В. Пиксиды раннего железного века на памятниках юга Восточной Европы ... 74
Гаврилюк Н.А., Тимченко Н.П. Феномен ограбления скифских погребений в «макроэкономике» Северного Причерноморья ... 78

Гасс А., Фассбиндер Й., Белинский А.Б., Парцингер Г. Исследования больших курганов эпохи раннего железного века Северного Кавказа и их периферии с применением магнитометрии ... 83

Герман П.В. К вопросу о ранних комплексах тагарской культуры в Мариинской лесостепи ... 88

Гольева А.А., Коваль В.Ю., Сыроватко А.С. Городища и валы дьяковской культуры как объекты палеоэкологических исследований: результаты, проблемы, перспективы ... 91

Гопкало О.В. Так называемые ритуальные разрушения черняховских ингумаций: к вопросу о происхождении обряда ... 94

Дашковский П.К. Предварительные результаты исследования курганов скифо-сакского периода могильника Чинета II (Алтай) ... 98

Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю. Бесланский могильник – опорный памятник аланской культуры Северного Кавказа II–V вв. н.э. ... 101

Канторович А.Р. Сюжет свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле: базовые тенденции и проблема происхождения ... 104

Кашуба М.Т. Символические погребения и ритуальное депонирование человеческих скелетов в раннегальштаттской культуре Сахарна Среднеднестровского региона ... 107

Килуновская М.Е. Закономерности «разграблений» курганов скифского времени в Туве ... 110

Кириченко Д.А. Сарматы Воеводины по данным антропологии ... 113

Кузнецова Т.М. О социальной стратификации курганов скифской знати ... 117

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Об одном виде керамических сосудов из меотских памятников Кубани ... 121

Марченко Ю.В. Погребения скифов с серьгами и зеркалами в Нартанском могильнике ... 126

Махортых С.В. К проблеме хронологии раннескифских древностей Днепровской правобережной лесостепи ... 131

Мышкин В.Н. Курганы скифского времени с погребениями на древнем горизонте в степях Южного Урала ... 137

Очир-Горяева М.А. Постпогребальные обряды кочевников степей Евразии в скифскую эпоху ... 141

Патрушев В.С. Культурные связи волжских финнов с индоевропейским миром (по произведениям искусства VIII-VI вв. до н.э.) ... 144

Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля со стеклянными вставками на востоке Евразии ... 147

Пикалов Д.В. Близнечный культ и обычай отрубания руки у сармат ... 150

Прокопенко Ю.А. Экономические связи населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. ... 155

Раев Б.А. Гекатомбы Новолабинского могильника ... 157

Разуваев Ю.Д. О захоронениях и останках людей на поселениях Лесостепной Скифии ... 160

Рябкова Т.В. Изделия с перегородчатой инкрустацией в предскифских и раннескифских памятниках ... 164

Скаков А.Ю. Восточная Абхазия в эпоху раннего железа (по материалам новых исследований Джантухского могильника) ... 170

Столяров Е.В. К вопросу о северо-восточной границе юхновской культуры ... 174

Трегубов В.Е., Яблонский Л.Т. Горит из Филлиповки ... 179

Шаров О.В. Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму ... 184

Шишлина Н.И., Панкова С.В., Севастьянов В.С., Кузнецова О.В., Демиденко Ю.В. Могильник Оглахты в Южной Сибири: данные изотопного исследования ... 187

Шульга П.И. Особенности датирования и синхронизации скифских памятников VIII-III вв. до н. э. в восточной части степного пояса Евразии ... 190

Яблонский Л.Т. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) ... 195

Секция 8. Ранний железный век в лесной зоне Евразии и на Дальнем Востоке ... 200

Гусев А.В. Обработка кости и рога у населения севера Западной Сибири в раннем железном веке (по материалам древнего святилища Усть-Полуй) ... 200

Жогова Н.А. Первые результаты поисков стоянок раннего железного века на севере Тувы ... 203

Кобелева Л.С. Культурная адаптация населения раннего железного века Барабинской лесостепи на основе исследования ихтиологических и орнитологических материалов ... 206

Мандрыка П.В. Проблемы раннего железного века Северного Приангарья ... 208

Марсадолов Л.С. Даты Большого Салбыкского кургана и этапа в Хакасии ... 212

О.И. Новикова, Е.В. Рыбина, А.В. Новиков Керамика городища (древнего святилища) Усть-Полуй: количественный и планиграфический анализ ... 219

Орехов А.А. Палеометалл Северо-Востока Азии ... 221

Пашенцев П.А. Археологические источники рубежа I-II тыс. н.э. в южной части острова Уруп: итоги предварительного изучения ... 224

Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Попов Н.А. Зарождение и развитие бастионно-башенных фортификаций железного века Тоболо-Ишимья (по материалам городища Ласточкино гнездо-1) ... 227

Саттаров Р.Р. Импортные изделия в пьяноборской культуре: историографический обзор ... 230

Семенов В.А. Саки и усуни на севере Центральной Азии ... 233

Степанова Е.В. Китайские седла III в до н.э.- III в. н.э ... 236

Таиров А.Д. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья ... 242

Тишкин А.А. Новые сведения об «оленных» камнях Монгольского Алтая (по результатам проведенных обследований в Монголии и Китае) ... 245

Фролов Я.В. Комплекс памятников раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона: проблемы межкультурного взаимодействия ... 250

Шульга Д.П. Погребения в подбоях на териитории провинции Ганьсу Китайской Народной Республики (эпоха раннего железа) ... 254

Секция 7. Этнокультурные процессы в Евразии в I тыс. н.э. ... 259

Акимов Д.В. Социальная и этническая структура населения Верхнего Подонья в Гуннское время (последняя треть IV-V вв ... 259

Аксенов В.С. Полевые заметки к вопросу о постпогребальной обрядности у аланского населения салтово-маякой культуры Подонцовья ... 263

Албегова З.Х. (Царикаева), Березина Н.Я. Намеренное разрушение погребений на раннесредневековом могильнике Мамисондон ... 268

Алкин С.В. Биритуализм в погребальном обряде троицких мохэ ... 273

Ахмедов И.Р. Клинковое оружие Рязанских финнов во II–VII вв. ... 276

Белицкая А.Л. Разрушенные погребения курганных могильников европейского Северо-Востока ... 280

Березуцкий В.Д., Медведев А.П. Погребение алана-танаита на Среднем Дону ... 284

Бернц В.А. Пояса с ромбическими накладками (по материалам погребений Тарасовского могильника I-V вв. н.э.) ... 289

Васкул И.О. Памятники бичевницкого культурного типа на территории Европейского Северо-Востока 292

Воронцов А.М. Восточная часть ареала памятников типа Почепа и проблема формирования мощинской культуры 295

Гавритухин И.О. Заметки о датировках раннеславянских памятников естественнонаучными методами 298

Гмыря Л.Б. Этнокультурные особенности и социальная структура политических образований кочевников Западного Прикаспия в гуннское время (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) 303

Голдина Е.В. Бусы как элемент костюма населения Средней Камы первой половины I тыс. н.э. (по материалам Тарасовского могильника) 308

Голдина Р.Д. Основные проблемы изучения Великого переселения народов в археологии Приуралья 311

Гордова Ю.Ю. Топонимические ареалы и ареалы археологических культур: проблема совмещения (на материале Среднего Поочья) 314

Грибов Н.Н. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) 317

Гришаков В.В., Давыдов С.Д., Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Седышев О.В. Сендимиркинский могильник – новый памятник первой четверти I тыс. н.э. в северной части Сурско-Свияжского междуречья 321

Иванов А.Г. Мазунинский компонент в формировании поломской культуры: к вопросу об исторических судьбах мазунинского населения 331

Казанцева О.А. Кудашевский I могильник – источник эпохи великого переселения народов в Пермском Прикамье 333

Кожевин А.Е., Приходько В.В. О балтских элементах в культуре Среднего Поволжья в первой половине I тысячелетия н.э. 336

Колода В.В. Клады городища Мохнач 340

Лещинская Н.А. Древности I–V вв. Вятского края как источник по межкультурному взаимодействию в условиях великого переселения народов 345

Липина Л.И. Эволюция образа водоплавающей птицы в прикамском искусстве 349

Мастыкова А.В. Погребения гуннского времени на могильнике Вранья в Сербском Подунавье 355

Матвеев Р.В. Шлемы первой половины I тысячелетия из некрополей Волго-Камья 360

Михайлова Е.Р. О культурно-хронологической характеристике древностей римского времени и начала средневековья на юго-восточном побережье Финского залива: Новые материалы 364

Мурыгин А.М. Особенности становления и развития локальных культур раннесредневекового населения таежной полосы крайнего северо-востока Европы 368

Обломский А.М. Памятники позднеримского времени типа Баранды в Сербии (культура сарматов-лимигантов) 371

Овсянников В.В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. 376

Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект 379

Радюш О.А. Новые исследования так называемых «кладов» эпохи переселения народов 382

Расторопов А.В. Вопрос о возможности совмещения кулайской и обь-иртышской археологических общностей 385

Решетова И.К. Ямные погребения салтово-маяцкой культуры: комплексный биоархеологический подход 388

Родинкова В.Е. Клады в раннесредневековой истории и культуре Поднепровья 392

Руденко К.А. О специфике этнокультурной ситуации в VI–VIII вв. н.э. в правобережье среднего течения Волги (по материалам Тетюшского II городища) ... 396

Румянцева О.С. Стеклообрабатывающий комплекс в Комарове на Среднем Днестре: основные признаки, характер, сырьевая база ... 399

Русланова Р.Р. Классификация бус раннесредневековых могильников Южного Приуралья ... 404

Сабирова Т.М. , Сабиров Т.Р. Планиграфический анализ фибул Тарасовского могильника I–V вв. ... 407

Садыков Т.Р. Потревоженные, но не ограбленные погребения раннесредневекового могильника Харбас 1 в Приэльбрусье ... 411

Ставицкий А.В. Проблема происхождения могильников римского времени цнинско-мокшанского междуречья ... 415

Ставицкий В.В. Планиграфия и хронология погребальных памятников волжских финнов I тысячелетия н.э. ... 418

Туаллагов А.А. Аланы Центрального Кавказа ... 422

Хомякова О.А. Памятники пограничья культур «западнобалтского круга» в эпоху римских влияний: исследования в долине реки Преголя ... 425

Худяков Ю.С. Сравнительный анализ наборов железных и костяных стрел из памятников культур древних номадов хунно-сяньбийской эпохи долины р. Эдиган в Горном Алтае ... 429

Чемякин Ю.П. Переход к средневековью в западносибирской тайге (древности карымского типа) ... 433

Черных Е.М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье ... 438

Чубур А.А. Округлые жилища с поселения Курово 7 и их место в культурной мозаике Верхнего Поднепровья на рубеже новой эры ... 441

Шестопалова Э.Ю. Ритуальные разрушения погребений по материалам Дагомского и Архонского могильников ... 445

Ширин Ю.В. О компонентах культурогенеза на раннем этапе верхнеобской культуры ... 450

Шнеевайсс Й. Предварительные результаты и перспективы комплексного изучения памятников I тыс. н.э. на реках Припять (Беларусь) и Суджа (Россия) ... 454

Список сокращений ... 457